UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01459431 1

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ II

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ II

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

С. С. ТАТИЩЕВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный,
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?
ПУШКИНЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

СЪ 53 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1911

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ДИРЕКТОРУ И БИБЛІОТЕКАРЯМЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ

ВЪ ИЗЪЯВЛЕНІЕ ГЛУБОКОЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

АВТОРА

ЗА ПРОСВѢЩЕННОЕ СОДѢЙСТВІЕ

ПРИ СОСТАВЛЕНІИ НАСТОЯЩАГО ТРУДА

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

КНИГА ВТОРАЯ.

Первые годы царствованія.

1855 — 1861.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Государственныя преобразованія.

1856 — 1866.

ПОРТРЕТЫ И ИЛЛЮСТРАЦІИ, ПОМѢЩЕННЫЕ ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ.

СТРАН.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прошло 84 года съ рожденія императора Александра II, 47 лѣтъ съ его воцаренія, 21 годъ со дня его страдальческой кончины, а доселѣ еще не написана исторія достопамятнаго царствованія, обнимающаго болѣе четверти вѣка русской исторіи.

Быть можетъ, и не настало еще время для исторической оцѣнки лицъ, дѣяній и явленій этой столь знаменательной въ русскомъ государственномъ и общественномъ развитіи эпохи, и современное поколѣніе стоитъ къ ней все же слишкомъ близко, чтобы судить о ней съ тою безпристрастною объективностью, безъ которой нѣтъ правдивой исторіи. Но и не такова цѣль, которою я задавался, приступая къ составленію настоящаго труда.

Задача моя сводилась къ тому, чтобы собрать во-едино многочисленныя свидѣтельства объ отдѣльныхъ моментахъ и эпизодахъ жизни и дѣятельности государя Александра Николаевича и, дополнивъ ихъ собственными изысканіями, составить точный и по возможности полный, прагматическій сводъ событій его царствованія и личнаго въ нихъ участія или воздѣйствія на нихъ императора, въ области политики какъ внутренней, такъ и внѣшней. Это — если могу выразиться — первая просѣка въ дремучемъ лѣсу прискорбной неосвѣдомленности русскаго общества относительно *фактическаго* содержанія царствованія, преобразовательное, просвѣтительное, объединительное и освободительное значеніе котораго затрогиваетъ всѣ стороны нашей государственной и общественной жизни и такъ глубоко отразилось на историческихъ судьбахъ Россіи.

Зародышемъ предлагаемой книги было составленное мною шесть лѣтъ тому назадъ жизнеописаніе императора Александра II, помѣщенное въ I томѣ «Русскаго Біографическаго Словаря», издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Въ

настоящемъ изданіи я значительно расширилъ рамки моего первоначальнаго изслѣдованія, дополнилъ его новыми свидѣтельствами и подкрѣпилъ ссылками на источники, устанавливающими его историческую достовѣрность.

Въ основаніе моего труда положено самостоятельное изученіе рукописнаго матеріала, хранящагося въ нашихъ правительственныхъ архивахъ: въ Государственномъ и Главномъ С.-Петербургскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ архивахъ Государственнаго Совѣта, бывшаго III Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи и въ Военно-Ученомъ архивѣ Главнаго Штаба. Кромѣ того, я имѣлъ свободный доступъ въ нѣкоторые изъ архивовъ иностранныхъ государствъ и въ частныя древлехранилища въ Россіи и заграницею. Относящіеся къ занимавшей меня эпохѣ печатные матеріалы разобраны и исчерпаны мною въ Императорской Публичной Библіотекѣ, при участливомъ и просвѣщенномъ содѣйствіи чиновъ этого ученаго учрежденія, которымъ я, по всей справедливости, посвятилъ настоящую книгу.

Изъ другихъ лицъ, помогавшихъ мнѣ указаніями, совѣтами и сообщеніями цѣнныхъ, бо̀льшею частью неизданныхъ, матеріаловъ, не могу не упомянуть съ глубокою признательностью о Н. К. Шильдерѣ, столь безвременно похищенномъ смертью у русской исторической науки. Прошу также принять выраженіе моей живѣйшей благодарности Г. Ѳ. Штендмана и Н. П. Барсукова.

Наконецъ, попыткою моею воскресить предъ современниками незабвенный мнѣ, величавый и обаятельный образъ Царя-Освободителя, которому я «вѣрою» и «правдою» служилъ семнадцать лѣтъ, я благоговѣйно плачу долгъ вѣрноподданнической и патріотической признательности его священной памяти, которая никогда не умретъ въ благодарныхъ сердцахъ русскаго народа.

С. Татищевъ.

Лондонъ.
28-го іюля (10-го августа) 1902 года.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

КНИГА ПЕРВАЯ

ДО ВОЦАРЕНІЯ

1818—1855

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣтство.

1818—1826.

Рожденіе. — Привѣтственные стихи Жуковскаго. — Крещеніе. — Переѣздъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ. — Назначеніе воспитателя Мердера. — Провозглашеніе наслѣдникомъ. — День 14-го декабря. — Лѣто 1826 г. въ Царскомъ Селѣ. — Отзывъ маршала Мармона. — На коронаціи въ Москвѣ. — Возвращеніе въ Царское Село.

Колыбелью Императора Александра II была Москва — колыбель русскаго царства.

Въ среду на Пасхѣ, 17-го апрѣля 1818 года, въ исходѣ 11-го часа утра, въ архіерейскомъ домѣ, что при Чудовомъ монастырѣ, нынѣ Николаевскій дворецъ,—великая княгиня Александра Θеодоровна разрѣшилась отъ бремени сыномъ-первенцомъ, нареченнымъ Александромъ. «Въ 11 часовъ»,—пишетъ она въ собственноручныхъ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—«я услыхала первый крикъ моего перваго ребенка. Ники цѣловалъ меня, заливаясь слезами, и вмѣстѣ мы возблагодарили Бога, не зная, даровалъ ли Онъ намъ сына или дочь, когда матушка (императрица Марія Θеодоровна), подойдя къ намъ, сказала: «это сынъ». Счастье наше удвоилось, а впрочемъ, я помню, что почувствовала нѣчто серьёзное и меланхолическое при мысли, что это маленькое существо призвано стать императоромъ»[1].

201 пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ первопрестольной столицѣ о рожденіи великаго князя. На другой день было отслужено торжественное благодарственное молебствіе въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи двора, высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ[2].

Во исполненіе обѣта, великій князь Николай Павловичъ соорудилъ придѣлъ во имя св. Александра Невскаго въ церкви Новаго Іерусалима. «Это»,—писалъ онъ архіепископу московскому Августину,—«смиренное

[1] Рукописныя записки императрицы Александры Θеодоровны.

[2] «Камеръ-фурьерскій журналъ», 17-го и 18-го апрѣля 1818 г.

приношеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу Всемогущему свое драгоцѣннѣйшее благо: участь жены и сына... Пускай предъ алтаремъ, воздвигнутымъ благодарностью отца, приносятся молитвы и о матери, и о сынѣ, да продлитъ Всемогущій ихъ жизнь, для собственнаго ихъ счастья, на службу государю, на честь и пользу отечеству» [1].

Въ посланіи къ августѣйшей матери Жуковскій вдохновенными стихами привѣтствовалъ рожденіе царственнаго отрока, въ которомъ тогда уже видѣли наслѣдника престола, надежду Россіи:

Прекрасное Россіи упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ.
Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ, ко входу въ бури свѣта,
Пускай тебѣ вослѣдъ онъ перейдетъ.
Съ душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ — свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила Царей великихъ внуку! [2]

Жизнь Александра II была исполненіемъ вѣщаго пророчества поэта, призваннаго стать его наставникомъ.

Въ день рожденія племянника, императоръ Александръ Павловичъ находился въ Варшавѣ, для открытія перваго сейма возстановленнаго имъ Царства Польскаго. Извѣстіе о радостномъ событіи получилъ онъ на пути въ Одессу и Крымъ, 27-го апрѣля, въ мѣстечкѣ Бѣльцахъ, Бессарабской области, и тотчасъ же назначилъ новорожденнаго великаго князя шефомъ л.-гв. Гусарскаго полка [3].

[1] Богдановичъ, «Исторія Александра I», т. V, стр. 380.

[2] «Посланіе великой княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ». «Сочиненія Жуковскаго», изд. 8-е, т. II, стр. 46.

[3] Богдановичъ, «Исторія Александра I» т. V, стр. 380, и формулярный списокъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРОЙ

Таинство св. крещенія совершено надъ Александромъ Николаевичемъ въ Москвѣ, въ церкви Чудова монастыря, 5-го мая, въ присутствіи императрицъ Елисаветы Алексѣевны и Маріи Ѳеодоровны, духовникомъ ихъ величествъ протопресвитеромъ Криницкимъ. Воспріемниками были: императоръ Александръ Павловичъ императрица Марія Ѳеодоровна и дѣдъ новорожденнаго со стороны матери—Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій. Младенца внесла во храмъ статсъ-дама графиня Ливенъ; по сторонамъ ея шли, поддерживая подушку, главнокомандующій Москвы генералъ-отъ-кавалеріи Тормасовъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Юсуповъ. По окончаніи обряда, во время пѣнія Тебѣ Бога хвалимъ, произведенъ салютъ въ 201 выстрѣлъ изъ пушекъ, поставленныхъ въ Кремлѣ, у Алексѣевскаго монастыря, при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей московскихъ. Божественную литургію совершалъ архіепископъ Августинъ. Къ причастію подносила новорожденнаго августѣйшая воспріемница, послѣ чего, возложивъ на него поднесенные оберъ-камергеромъ Нарышкинымъ знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, ея величество, слѣдуя примѣру матери Петра Великаго, положила младенца въ раку, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи св. Алексія, митрополита московскаго. Въ тотъ же день въ покояхъ вдовствующей императрицы былъ обѣденный столъ для высшаго духовенства, статсъ-дамъ и особъ первыхъ трехъ классовъ, а вечеромъ по всей Москвѣ зажглась блестящая иллюминація [1].

При первомъ извѣстіи о рожденіи первороднаго внука, король прусскій пожаловалъ ему орденъ Чернаго Орла, знаки коего были доставлены въ Москву ко дню крещенія [2], а вскорѣ и самъ король рѣшился отправиться въ Россію, чтобы порадоваться на семейное счастіе любимой дочери. 1-го іюня прибылъ въ Москву изъ путешествія по южной Россіи императоръ Александръ I, а вслѣдъ за нимъ, 3-го того же мѣсяца, пріѣхалъ и Фридрихъ-Вильгельмъ III, въ сопровожденіи двухъ сыновей: наслѣднаго принца и принца Карла. Къ концу іюня дворъ возвратился въ Петербургъ.

Царственный ребенокъ зимою жилъ съ родителями въ Аничковомъ дворцѣ, лѣто же обыкновенно проводилъ съ ними къ Павловскѣ, у императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая съ любовью наблюдала за его первоначальнымъ воспитаніемъ и руководила выборомъ надзирательницъ и наставницъ. Главною воспитательницею назначена была Ю. Ѳ. Баранова, дочь близкаго друга вдовствующей императрицы, начальницы воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ Ю. Ѳ. Адлербергъ, сынъ которой состоялъ въ должности адъютанта при великомъ

[1] «Камеръ-фурьерскій журналъ», 5-го мая 1818 г.

[2] Формулярный списокъ.

князѣ Николаѣ Павловичѣ. На попеченіе бабушки оставляла молодая чета своего сына во время двухъ поѣздокъ за границу, предпринятыхъ для поправленія здоровья великой княгини Александры Ѳеодоровны, съ сентября 1820 по августъ 1821 года и осенью 1824 года.

Лѣтомъ 1824 года, когда Александру Николаевичу минуло шесть лѣтъ, началось его военное воспитаніе подъ руководствомъ достойнаго и опытнаго наставника, всею душою преданнаго своему дѣлу. Выборъ великаго князя Николая остановился на лично извѣстномъ его высочеству ротномъ командирѣ состоявшей въ его завѣдываніи вновь образованной школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ капитанѣ Мердерѣ, храбромъ боевомъ офицерѣ, израненномъ въ походахъ 1805 и 1807 годовъ и бывшемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ дежурнымъ офицеромъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. 8-го іюля, на парадѣ въ Красномъ Селѣ, высоко цѣнившій педагогическія способности Мердера, Николай Павловичъ испросилъ разрѣшеніе государя на назначеніе его воспитателемъ къ сыну, а на другой день Мердеръ уже сопровождалъ царственнаго питомца на манёврахъ гвардейскаго корпуса. Встрѣтясь съ нимъ, императоръ Александръ I не могъ удержать восклицанія: «Здравствуй, братъ Мердеръ! Ты съ своимъ молодцомъ тоже здѣсь! Онъ, я думаю, охотникъ до всего военнаго». Дѣйствительно, уже въ пору ранняго дѣтства военныя игры были любимою забавою Александра Николаевича [1].

Съ первыхъ дней Мердеръ вполнѣ оправдалъ ожиданія и довѣріе великаго князя Николая, который писалъ ему изъ Берлина въ сентябрѣ 1824 года: «Добрыя вѣсти о сынѣ моемъ меня душевно радуютъ, и я молю Бога, дабы укрѣпилъ его во всемъ добромъ. Продолжайте съ тѣмъ же усердіемъ, съ которымъ вы начали новую свою должность, утвердите и оправдайте мое о васъ мнѣніе. Мнѣ весьма пріятно слышать, сколь матушка довольна успѣхами Александра Николаевича и вашимъ съ нимъ обхожденіемъ» [2]. 17-го апрѣля 1825 года, въ седьмую годовщину своего рожденія, великій князь произведенъ въ чинъ корнета, съ зачисленіемъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ [3].

По воцареніи императора Николая I, манифестомъ 12-го декабря 1825 года, Александръ Николаевичъ провозглашенъ наслѣдникомъ всероссійскаго престола. Объявили о томъ семилѣтнему ребенку утромъ 13-го декабря, съ запрещеніемъ, впрочемъ, впредь до предполагавшагося на слѣдующій день обнародованія манифеста разсказывать кому-либо; дитя много плакало. 14-го декабря, когда мятежные полки столпились уже на Сенатской площади, флигель-адъютантъ Кавелинъ полу-

[1] «Воспоминанія о Карлѣ Карловичѣ Мердерѣ», стр. 15.

[2] Великій князь Николай Павловичъ Мердеру, 14-го сентября 1824 г.

[3] Формулярный списокъ.

чилъ отъ государя приказаніе перевезти наслѣдника изъ Аничкова въ Зимній дворецъ. Онъ засталъ его за раскрашиваніемъ литографической картинки, изображавшей переходъ Александра Македонскаго чрезъ Граникъ, посадилъ въ извозчичью карету и, въ сопровожденіи Мердера, подвезъ къ крыльцу Зимняго дворца, со стороны набережной. На «маленькаго Сашу» (le petit Sacha)—такъ звали Александра Николаевича въ императорской семьѣ—въ первый разъ въ жизни надѣли Андреевскую ленту и отвели его въ голубую гостиную, гдѣ находились обѣ императрицы. По возвращеніи государя съ площади во дворецъ онъ пожелалъ вывести наслѣдника къ построенному на дворѣ гвардейскому Саперному баталіону. Камердинеръ вдовствующей императрицы Гриммъ снесъ его на рукахъ по внутренней лѣстницѣ, а императоръ, обратясь къ саперамъ, просилъ ихъ полюбить его сына, какъ самъ онъ любитъ ихъ: потомъ передалъ его на руки находившимся въ строю георгіевскимъ кавалерамъ, приказавъ первому человѣку отъ каждой роты подойти его поцѣловать. Саперы съ кликами радости и восторга прильнули къ рукамъ и ногамъ наслѣдника [1]. Обстоятельство это занесено въ формулярный списокъ его высочества въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «1825 года, декабря 14-го, во время возникшаго въ С.-Петербургѣ бунта, когда государь императоръ, начальствуя лично л.-гв. Преображенскимъ и Коннымъ полками, разсѣялъ собравшихся на Петровской площади злоумышленниковъ и затѣмъ съ прочими войсками лейбъ-гвардіи, пребывшими вѣрными долгу и присягѣ, занялъ окрестности Зимняго дворца,—находился при особѣ его величества на большомъ дворцовомъ дворѣ, который былъ тогда занятъ л.-гв. Сапернымъ баталіономъ». Въ тотъ же день императоръ повелѣлъ сохранить наслѣднику навсегда на мундирѣ л.-гв. Гусарскаго полка вензелевое изображеніе имени императора Александра I, пять дней спустя, 19-го декабря, назначилъ его шефомъ л.-гв. Павловскаго полка, а 30-го того же мѣсяца—канцлеромъ Александровскаго университета въ Финляндіи [2].

Первую половину лѣта 1826 года Александръ Николаевичъ провелъ съ двумя своими сестрами, великими княжнами Маріей и Ольгой, въ Царскомъ Селѣ. Весь придворный штатъ его состоялъ лишь изъ воспитателя капитана Мердера и надзирателя—уроженца французской Швейцаріи Жилля. Отсутствіе всякой пышности и этикета въ обстановкѣ наслѣдника крайне удивило чрезвычайнаго французскаго посла, маршала Мармона, по сравненію съ многочисленнымъ дворомъ и чопорною торжественностью, съ колыбели окружавшими малютку герцога Бор-

[1] Баронъ Корфъ. Восшествіе на престолъ императора Николая I, стр. 105, 106 и 199.

[2] Формулярный списокъ.

доскаго. Но едва ли не больше поразилъ его отвѣтъ императора Николая на просьбу его представиться наслѣднику. «Вы, значитъ, хотите вскружить ему голову»,—сказалъ государь.—«Какой прекрасный поводъ къ тому, чтобы возгордиться этому мальчугану, если бы сталъ выражать ему почтеніе генералъ, командовавшій арміями! Я тронутъ вашимъ желаніемъ его видѣть, и вы будете имѣть возможность удовлетворить его, когда поѣдете въ Царское Село. Тамъ вы встрѣтитесь съ моими дѣтьми. Вы посмотрите на нихъ и поговорите съ ними; но церемоніальное представленіе было бы непристойностью. Я хочу воспитать въ моемъ сынѣ человѣка, прежде чѣмъ сдѣлать изъ него государя». Герцогъ Рагузскій не замедлилъ отправиться въ Царское Село и въ паркѣ увидѣлъ сына и двухъ старшихъ дочерей императора. Про наслѣдника онъ говоритъ въ своихъ запискахъ: «Его рѣшительность меня прельстила. Онъ управлялъ небольшою лодкой на рѣчкѣ, протекающей по парку, и когда одинъ изъ сопровождавшихъ меня офицеровъ попросилъ перевезти его чрезъ рѣчку на этой лодкѣ, послѣдняя, при быстромъ входѣ въ нее офицера, пошатнулась настолько, что въ нее втекла вода. Другой ребенокъ этого возраста непремѣнно бы вскрикнулъ. Онъ же не выказалъ ни малѣйшаго смущенія и схватилъ сначала багоръ, чтобы оттолкнуть лодку отъ берега, потомъ весла, чтобы грести. При этомъ онъ проявилъ замѣчательную увѣренность въ себѣ и хладнокровіе»[1].

10-го іюля Александръ Николаевичъ, предшествуя августѣйшимъ родителямъ, отправился изъ Царскаго Села въ Москву, гдѣ имѣло совершиться коронованіе императора Николая. Сопровождали его, кромѣ капитана Мердера, гувернеръ Жилль и учитель рисованія живописецъ Зауервейдъ. Великій князь и его спутники останавливались въ городахъ по пути для обѣда и ночлега и пользовались тѣмъ для ознакомленія съ ихъ достопримѣчательностями. Въ Новгородѣ осматривали они Софійскій соборъ съ его древностями, домъ Марѳы Посадницы, строившійся чрезъ Волховъ мостъ; въ Вышнемъ-Волочкѣ — шлюзы каналовъ; въ Торжкѣ наслѣдникъ накупилъ для подарковъ роднымъ своимъ и знакомымъ мѣстныхъ произведеній: парчевыхъ и шитыхъ серебромъ или золотомъ поясковъ, сапоговъ и башмаковъ. Въ Твери полюбовались они Волгою и на седьмой день приблизились къ Москвѣ. Всюду народъ восторженными кликами привѣтствовалъ наслѣдника, густыми массами толпясь у его экипажа. Не доѣзжая двухъ верстъ до Петровскаго дворца, навстрѣчу ему выѣхала императрица Марія Ѳеодоровна. Радость его при свиданіи съ нѣжно любимой бабушкой, по словамъ очевидца, «превосходила всякое описаніе». Въ Петровскомъ

[1] Mémoires du Duc de Raguse, VIII, стр. 30 и 60.

дворцѣ великій князь и его свита должны были ожидать прибытія въ Москву государя и царствующей императрицы [1].

26-го іюля состоялся торжественный въѣздъ ихъ величествъ въ Москву. Наслѣдникъ сидѣлъ въ каретѣ съ августѣйшей матерью, императрицею Александрою Ѳеодоровною, которая, проведя въ Кремлевскомъ дворцѣ всего три дня, переѣхала съ дѣтьми на дачу графини А. А. Орловой-Чесменской—Нескучное, гдѣ оставалась три недѣли передъ коронаціею, отложенною вслѣдствіе ея нездоровья. Библіотека Орловскаго дома—нынѣ Александрійскій дворецъ—служила учебной комнатой Александру Николаевичу. Утро проводилъ онъ въ ней въ занятіяхъ съ учителями; остальная часть дня посвящалась военнымъ упражненіямъ, осмотру достопримѣчательностей Москвы, прогулкамъ по загороднымъ садамъ и окрестностямъ. Наслѣдникъ прежде всего ознакомился съ московскими святынями, посѣтилъ кремлевскіе соборы, монастыри Чудовъ, Донской и Даниловъ, внимательно обозрѣвалъ Оружейную палату, побывалъ и на нѣкоторыхъ заводахъ и фабрикахъ, участвовалъ въ соколиной охотѣ. Верхомъ ѣздилъ онъ на Воробьевы горы, въ Останкино, въ Архангельское и слѣдилъ за манёврами, происходившими вокругъ столицы [2]. На большомъ парадѣ, 30-го іюля, появленіе его въ свитѣ государя на прекрасномъ конѣ, которымъ онъ управлялъ съ большою ловкостью, привлекло на него всеобщее вниманіе многотысячной толпы зрителей. Всѣ взоры обратились на него, всѣ были въ неизъяснимомъ восторгѣ, въ особенности, когда восьмилѣтній ребенокъ на флангѣ лейбъ-гусарскаго полка, проскакавъ мимо императора, бойко къ нему подъѣхалъ и граціознымъ и увѣреннымъ движеніемъ остановилъ коня. Ветеранъ великой наполеоновской арміи маршалъ Мармонъ, уже любовавшійся на наслѣдника, когда онъ въ пѣхотномъ строю командовалъ взводомъ гренадеръ, бывшихъ вдвое выше его ростомъ, не могъ не выразить въ эту минуту государю своего удивленія смѣлости и искусству молодого наѣздника. «Вы, быть можетъ, воображаете»,—отвѣтилъ ему императоръ Николай,—«что я испытываю чувство тревоги или безпокойства при видѣ столь дорогого мнѣ ребенка въ этомъ вихрѣ; но пусть онъ лучше подвергается опасности, которая выработаетъ въ немъ характеръ и съ малолѣтства пріучитъ его стать чѣмъ слѣдуетъ благодаря собственнымъ усиліямъ».—«Вотъ что можно назвать прекраснымъ воспитательнымъ пріемомъ»,—замѣчаетъ герцогъ Рагузскій,—«а когда онъ примѣняется къ воспитанію человѣка, призваннаго стать во главѣ великой имперіи, то должно ожидать наилучшихъ послѣдствій» [3].

1 Дневникъ Мердера, 15-го—20-го іюля 1826 г. въ «Русской Старинѣ» 1885 г. т. XLVI, XLVII и XLVIII.

2 Тотъ же дневникъ, 26-го іюля—21-го августа 1826 г.

3 Mémoires du Duc de Raguse, VIII, стр. 31.

22-го августа происходило въ Большомъ Успенскомъ соборѣ вѣнчаніе на царство императора Николая I и императрицы Александры. Въ торжественномъ шествіи изъ Кремлевскаго дворца въ соборъ наслѣдника велъ за руку дядя его, сынъ и представитель короля прусскаго, принцъ Карлъ. На царскій обѣдъ въ Грановитой палатѣ онъ глядѣлъ изъ тайника, гдѣ накрытъ былъ столъ для всѣхъ членовъ императорской фамиліи [1].

Вечеромъ Кремль и вся Москва освѣтились безчисленными огнями. Наслѣдникъ выѣхалъ въ коляскѣ съ воспитателемъ своимъ, чтобы посмотрѣть иллюминацію. «Едва показался онъ»,—разсказываетъ Мердеръ въ своемъ дневникѣ,—«раздалось радостное «ура!» Народъ толпою бросился къ коляскѣ; власть полиціи исчезла; все уступаетъ толпѣ радостнаго народа; подобно морскому валу воздымающемуся, лѣзутъ другъ на друга, падаютъ, вскакиваютъ, бѣгутъ, хватаютъ за колеса, рессоры, постромки; крики: «ура!» Александръ Николаевичъ, нашъ московскій князь!» «Ура! Ура!» Трогательная картина! Но далѣе ѣхать было трудно, изъ опасенія раздавить кого-нибудь изъ народа. Возвратились назадъ. Съ балкона любовались Иваномъ Великимъ» [2].

Въ блестящихъ балахъ, и маскарадахъ, данныхъ во дворцѣ, въ большомъ театрѣ, въ дворянскомъ собраніи, въ домахъ русскихъ вельможъ и представителей иностранныхъ дворовъ, Александръ Николаевичъ не участвовалъ, но присутствовалъ на фейерверкѣ и народномъ праздникѣ. 30-го августа отпраздновалъ онъ свои именины въ кругу сверстниковъ, дѣтей московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, графовъ Віельгорскаго и Толстого, князя Гагарина, Пашкова и другихъ, приглашенныхъ на дачу графини Орловой, въ числѣ десяти мальчиковъ и десяти дѣвочекъ: пили чай, вечеромъ въ саду играли въ зайцы, въ комнатахъ—въ другія игры. Именинникъ получилъ много подарковъ и, между прочимъ, прекрасную верховую арабскую лошадь отъ бабушки, императрицы Маріи Θеодоровны [3]. Въ этотъ день государь назначилъ его шефомъ Польскаго 1-го конно-егерскаго полка [4].

21-го сентября Александръ Николаевичъ, простясь съ августѣйшими родителями, выѣхалъ изъ Москвы и 27-го того же мѣсяца прибылъ въ Царское Село [5].

1 Дневникъ Мердера, 22-го августа 1826 г.

2 Тамъ же.

3 Тотъ же дневникъ, 30-го августа 1826 г.

4 Формулярный списокъ.

5 Дневникъ Мердера, 20-го сентября 1826 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Планъ воспитанія.

1826—1828.

Назначеніе Жуковскаго наставникомъ. — Поѣздка его въ чужіе края. — Мысли о воспитаніи наслѣдника. — Планъ ученія. — Преподаватели. — Законоучитель Павскій. — Жуковскій предлагаетъ въ главные воспитатели графа Каподистрію. — Назначеніе генерала Ушакова. — Наслѣдникъ — атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

Постоянною заботою императора Николая было дать наслѣднику своего престола воспитаніе, вполнѣ соотвѣтствующее его высокому призванію. Тотчасъ по воцареніи онъ избралъ ему въ наставники В. А. Жуковскаго.

Поэтъ всею душою отдался порученному ему великому дѣлу. Лѣтомъ 1826 года онъ испросилъ себѣ продолжительный отпускъ заграницу съ двойною цѣлью: поправить свое разстроенное здоровье и подготовиться къ трудной и отвѣтственной обязанности руководителя умственнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ наслѣдника. Послѣ лѣченія водами въ Эмсѣ, Жуковскій поселился на зиму въ Дрезденѣ, откуда писалъ племянницѣ своей. А. П. Елагиной: «Работы у меня много, на рукахъ моихъ важное дѣло. Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю права и возможности употреблять ни минуты на что-нибудь другое... По плану ученія великаго князя, мною сдѣланному, все лежитъ на мнѣ. Всѣ его лекціи должны сходиться въ моей, которая есть для всѣхъ пунктъ соединенія; другіе учителя должны быть только дополнителями и репетиторами. Можете изъ этого заключить, сколько мнѣ нужно приготовиться, чтобы лекціи могли идти безъ всякой остановки. Съ этой стороны болѣзнь моя есть для меня благодѣяніе: она дала мнѣ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ свободныхъ, и я провелъ ихъ, посвятивъ свои мысли одной главной, около которой вся моя дѣятельность вертѣлась. И теперь это рѣшено на весь остатокъ жизни. У меня въ душѣ одна мысль, все остальное только въ отношеніи къ этой царственной. Могу ска-

зать, что настоящая положительная моя дѣятельность считается съ той минуты, въ которую я вошелъ въ тотъ кругъ, въ которомъ теперь заключенъ. Прежде моя жизнь была dans le vague. Теперь я знаю, къ чему ведетъ она [1].

Тѣ же чувства выражалъ Жуковскій въ письмахъ къ императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ: «Мое положеніе—истинно счастливое»,—читаемъ въ одномъ изъ нихъ. «Я весь поглощенъ одною мыслію, она всюду слѣдуетъ за мною, но не тревожитъ меня. Эта мысль, основанная на любви, оживляетъ мое существованіе. Всякое утро я просыпаюсь рано и приступаю къ своей работѣ. Повидимому, она кажется сухою: я составляю историческія таблицы; но она имѣетъ для меня всю прелесть моихъ прежнихъ поэтическихъ работъ. Весь мой день ей посвященъ, и я прерываю ее только для пріятной прогулки. Я почти никого не вижу и не желаю видѣть. Я нахожусь здѣсь (въ Дрезденѣ) не въ качествѣ путешественника. Я долженъ здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, всецѣло принадлежать моему труду. Чего я могу болѣе желать! Въ настоящемъ—занятіе, наполняющее душу; въ будущемъ—продолженіе, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, того же занятія, которое будетъ расширяться и разнообразиться по мѣрѣ своего движенія впередъ. И какая цѣль въ концѣ всего пройденнаго пути! Да, у меня не осталось уже ничего личнаго! Всякая добрая мысль при своемъ зарожденіи уже имѣетъ свой особый интересъ. Слава, долгъ, религія, любовь къ отечеству, словомъ все, что присуще духовной природѣ человѣка, уже не останавливаетъ на себѣ моего вниманія исключительно ради меня самого, но столько же ради того, въ душѣ котораго эти высокія мысли должны принести благодѣтельные плоды для человѣчества. Для меня явленія исторіи, люди, составившіе счастіе или несчастіе своего времени, не служатъ болѣе простыми предметами любопытства; но я вижу въ нихъ уроки, которые могутъ быть преподаны, образцы, которые могутъ быть предложены, опасности, которыхъ слѣдуетъ избѣгать, и занятія утратили для меня свой опредѣленный характеръ; они всегда могутъ имѣть свое полезное приложеніе. Я былъ бы совершенно счастливъ, если бы мысль о моей неопытности не тревожила меня такъ часто. Эта неопытность—положительное зло, для котораго непремѣнно слѣдуетъ искать исхода и, быть можетъ, современемъ я самъ укажу на него» [2].

Плодомъ усиленныхъ трудовъ и глубокихъ размышленій Жуковскаго былъ составленный имъ къ осени 1826 года и тогда же отправленный на утвержденіе государя въ Петербургъ «Планъ ученія». Докладъ этотъ представляетъ выработанную до мельчайшихъ подробностей программу

[1] Жуковскій А. П. Елагиной, 7-го февраля 1827 г.

[2] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, 2-го октября 1826 г.

нравственнаго воспитанія и умственнаго развитія ввѣреннаго ему царственнаго питомца.

Цѣлью воспитанія вообще, и ученія въ особенности, Жуковскій провозглашаетъ образованіе для добродѣтели. Воспитаніе достигаетъ этой цѣли развитіемъ прирожденныхъ добрыхъ качествъ, образованіемъ изъ нихъ характера нравственнаго, предохраненіемъ отъ зла, искорененіемъ дурныхъ побужденій и наклонностей; ученіе образуетъ для добродѣтели, знакомя питомца съ тѣмъ, что окружаетъ его, съ тѣмъ, что онъ есть, съ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, какъ существо нравственное, съ тѣмъ, для чего онъ предназначенъ, какъ существо безсмертное. Сообразно этимъ началамъ, ученіе подраздѣляется на три періода: отрочества, отъ восьми до тринадцати лѣтъ,—ученіе приготовительное; юности, отъ тринадцати до восемнадцати,—ученіе подробное; первыхъ лѣтъ молодости, отъ восемнадцати до двадцати лѣтъ,—ученіе примѣнительное.

Первый періодъ Жуковскій сравниваетъ съ приготовленіемъ къ путешествію: надо дать въ руки питомцу компасъ,—подъ которымъ разумѣется первоначальное развитіе ума и сердца посредствомъ усвоенія религіозныхъ правилъ; познакомить съ картою—сообщивъ ему вкратцѣ, но въ послѣдовательной связи, въ ясной и полной системѣ, тѣ знанія, которыя будутъ впослѣдствіи преподаваться въ подробностяхъ. Снабдить его орудіями для пріобрѣтенія свѣдѣній и для открытій въ пути—то есть обучить его языкамъ и развить въ немъ природныя дарованія. Во второмъ періодѣ питомецъ предпринимаетъ самое путешествіе: путеводный компасъ въ рукахъ; карта извѣстна; дороги означены; нѣтъ опасности заблудиться; умъ приготовленъ; любопытство возбуждено. Во избѣжаніе смутности и безпорядка въ понятіяхъ, должно преподавать въ отдѣльности науки, нужныя питомцу, какъ члену просвѣщеннаго общества, и болѣе подробно—тѣ, что̀ нужны ему по его назначенію. Подъ первыми разумѣются науки антропологическія, имѣющія предметомъ человѣка: исторія, географія, то есть этнографія и статистика, политика, философія; подъ вторыми—науки онтологическія, имѣющія предметомъ вещь: математика, естественная исторія, физическая географія, технологія и физика. Наконецъ, третій періодъ—окончаніе путешествія. Свѣдѣнія собраны; остается ихъ обозрѣть, привести въ порядокъ и опредѣлить, какое должно быть сдѣлано изъ нихъ употребленіе? Въ этомъ періодѣ задача наставника—возбудить самодѣятельность въ питомцѣ, который, не занимаясь никакою наукою отдѣльно, самъ составляетъ себѣ коренныя правила жизни, какъ произведеніе того, что дало ему воспитаніе и ученіе. Пособіемъ служитъ ему чтеніе классическихъ книгъ, преимущественно тѣхъ, кои знакомятъ его съ его высокимъ назначеніемъ и страною, которой онъ долженъ посвятить жизнь

свою. Жуковскій слѣдующимъ образомъ формулируетъ самостоятельныя занятія третьяго и послѣдняго періода, какъ конечнаго вывода двухъ предшествующихъ: 1) Обозрѣніе знаній, пріобрѣтенныхъ во второмъ періодѣ; 2) взглядъ на мѣсто, занимаемое въ обществѣ, и на обязанности, съ нимъ соединенныя; 3) отчетъ въ самомъ себѣ, передъ самимъ собою, и утвержденіе въ правилахъ добродѣтели; 4) идеалъ человѣка вообще, и государя въ особенности.

Окинувъ однимъ взоромъ всю совокупность ученія, наставникъ останавливается на первомъ его періодѣ, программу котораго излагаетъ весьма подробно. Главная его забота—избѣжать въ преподаваніи путаницы и безпорядка, строго придерживаясь установленной системы и постепенно переходя отъ легкаго къ трудному. Предметы ученія онъ раздѣляетъ на четыре разряда.

Къ первому разряду относятся: практическая логика для образованія сердца. Параллельно упражняется умъ усвоеніемъ начальныхъ понятій геометріи, счета, русской грамматики; развивается сердце—ознакомленіемъ съ главными фактами священной исторіи и извлеченіемъ изъ нихъ нравственныхъ правилъ, основанныхъ на ученіи Спасителя.

Во второмъ разрядѣ программа расширяется. На вопросъ: гдѣ я и что меня окружаетъ? даютъ отвѣтъ естественныя науки: географія математическая и физическая, общія понятія о минералогіи и геологіи, ботаникѣ и зоологіи. Отсюда естественный переходъ къ человѣку, и самъ собой разумѣется второй вопросъ: что я? Объясняютъ человѣка въ самомъ себѣ: общія понятія о строеніи человѣческаго тѣла, въ смыслѣ физическомъ, общія понятія психологіи, въ смыслѣ нравственномъ. Отношенія человѣка къ окружающей его природѣ опредѣляетъ технологія; отношенія его къ человѣку и къ обществу—естественное право, исторія, географія и статистика. Третій вопросъ: что я быть долженъ? Отвѣтомъ служитъ мораль, какъ выраженіе нравственности частной, обязанностей человѣка предъ самимъ собою, и политика, какъ выраженіе общественной нравственности, обязанностей его предъ обществомъ. Четвертый вопросъ: къ чему я предназначенъ? разъясняютъ метафизика, какъ ученіе о человѣкѣ, существѣ духовномъ и безсмертномъ, и Богопознаніе, обнимающее религію естественную и откровенную.

Особенное вниманіе обращаетъ Жуковскій на методу преподаванія, высказываясь въ пользу формы разговорной, возбуждающей самодѣятельность ученика, съ наблюденіемъ постепенности, сохраненіемъ мѣры, всяческимъ облегченіемъ труда, достигаемымъ занимательностью изложенія. Наставникъ настаиваетъ на способахъ къ утвержденію въ памяти питомца преподанныхъ ему знаній чрезъ методическое раздѣленіе предметовъ, соединеніе чувственнаго съ умственнымъ, посредствомъ рисунковъ, картинъ, таблицъ и частое повтореніе; окруженіе ученика

предметами, безпрестанно напоминающими ему и въ свободное время о томъ, что занимало его въ часы ученія: соединеніе съ главною учебною цѣлью изученія языковъ и самыхъ игръ, какъ-то: волшебный фонарь, фантасмагорія, панорама.

Третій разрядъ составляетъ обученіе иностраннымъ языкамъ: французскому, нѣмецкому, англійскому и польскому, посредствомъ правильнаго произношенія, практическаго пріобрѣтенія навыка говорить и понимать что̀ говорятъ, и легкихъ упражненій въ слогѣ. Къ четвертому разряду относится развитіе природныхъ дарованій, преподаваніе рисованія и музыки, гимнастика, ручная работа и чтеніе. Съ рисованіемъ Жуковскій соединяетъ знакомство съ главными основаніями архитектуры, а также иллюстрацію прочихъ учебныхъ предметовъ; о гимнастикѣ онъ говоритъ, что цѣль гимнастическихъ упражненій есть не одно развитіе и укрѣпленіе силъ тѣлесныхъ, но въ то же время и дарованіе мужества и способовъ владѣть собою во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, и потому эта важная часть воспитанія требуетъ методическаго плана, какъ и всѣ другія. Онъ замѣчаетъ по этому поводу: «Великій князь не долженъ ничего дѣлать безъ правилъ; каждый предметъ его ученія долженъ безпрестанно напоминать ему, что во всемъ главное есть правило». Для упражненія въ ручной работѣ наставникъ предлагаетъ токарное и столярное мастерства и даже игрушечное кораблестроеніе. Важное значеніе придаетъ онъ выбору книгъ для чтенія, замѣчая, что чтеніе должно идти рядомъ съ ученіемъ: «Надобно читать мало, въ порядкѣ, одно полезное; нѣтъ ничего вреднѣе привычки читать все, что ни попадетъ въ руки. Это приводитъ въ безпорядокъ идеи и портитъ вкусъ. Для дѣтей написано множество книгъ. Есть много хорошаго на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ, но почти нѣтъ ничего на русскомъ. Почитаю необходимымъ сдѣлать строгій выборъ изъ сего множества матеріаловъ; многое перевести на русскій, нужное написать по-русски, все привести въ порядокъ, сообразуясь съ планомъ ученія, и такимъ образомъ составить избранную библіотеку дѣтскаго чтенія для перваго періода». По мысли Жуковскаго, библіотека эта должна была состоять изъ трехъ отдѣленій: первое—содержащее весь учебный курсъ, лекціи въ ихъ связи, съ картами, рисунками, таблицами; второе—чтеніе пріятное, т.-е. собраніе такихъ сочиненій, которыя занимали бы умъ, говорили бы воображенію, оживляли бы нравственное чувство и образовали бы вкусъ; и третье—чтеніе наставительное, книги, соотвѣтствующія по содержанію воспитательнымъ цѣлямъ и соображенныя съ планомъ и предметами преподаванія.

Жуковскій тщательно распредѣлилъ по часамъ занятія въ учебные и неучебные дни, разумѣя подъ послѣдними дни воскресные и праздничные, дни рожденія и именинъ государя, двухъ императрицъ и самого наслѣд-

ника, первые четыре дня Пасхи и Святки, отъ Рождества до Новаго года. Сверхъ того, ежегодно полагались лѣтнія вакаціи, съ половины іюня до 1-го августа. По предначертанію наставника, вакаціонное время имѣло быть посвящено практическому изученію военнаго искусства [1].

Василій Андреевичъ вполнѣ понималъ необходимость для будущаго государя Россіи освоиться съ ратнымъ дѣломъ, но его тревожило опасеніе, какъ бы слишкомъ раннее участіе въ парадахъ и смотрахъ не отразилось неблагопріятно на умственномъ и нравственномъ развитіи царственнаго питомца. Мысли свои по этому важному вопросу онъ со смѣлою и прямодушною откровенностью выразилъ императрицѣ по поводу появленія наслѣдника верхомъ на военныхъ торжествахъ въ Москвѣ во время коронаціи. «Эпизодъ этотъ, государыня»,—писалъ онъ ей,—«совершенно излишній въ прекрасной поэмѣ, надъ которою мы трудимся. Ради Бога, чтобы въ будущемъ не было подобныхъ сценъ. Конечно, зрители должны были восхититься появленіемъ прелестнаго младенца, но какое же ощущеніе произвело подобное явленіе на его разумъ? Не понуждаютъ ли его этимъ выйти преждевременно изъ круга дѣтства? Не подвергается ли онъ опасности почитать себя уже человѣкомъ? Все равно, если бы восьмилѣтнюю дѣвочку стали обучать всѣмъ хитростямъ кокетства! Къ тому же, эти воинственныя игрушки не испортятъ ли въ немъ того, что́ должно быть первымъ его назначеніемъ? Долженъ ли онъ быть только воиномъ, дѣйствовать единственно въ сжатомъ горизонтѣ генерала? Когда же будутъ у насъ законодатели? Когда будутъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣщеніе, нравственность? Государыня, простите мои восклицанія, но страсть къ военному ремеслу стѣснитъ его душу; онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, въ отечествѣ—казарму... Не думайте, государыня, что я говорю лишнее, возставая съ такимъ жаромъ противъ незначущаго, повидимому, событія. Нѣтъ, государыня, не лишнее! Никакія правила, проповѣдуемыя учителями въ классахъ, не могутъ уравняться въ силѣ съ впечатлѣніями ежедневной жизни» [2].

Собственный взглядъ на военное образованіе Александра Николаевича Жуковскій изложилъ подробно въ «Планѣ ученія», повергнутомъ имъ на воззрѣніе самого государя. Онъ совѣтовалъ подражать примѣру Петра Великаго, для котораго потѣшный полкъ хотя и представлялъ забаву, но такую, «что̀ создала Полтавскаго героя». Наставникъ предлагалъ образовать подобный потѣшный полкъ или корпусъ изъ благовоспитанныхъ дѣтей, числомъ отъ 100 до 200, снабдивъ его всѣмъ, что̀

[1] «Годы ученія императора Александра II». Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. XXX, стр. 1—20.

[2] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 2-го октября 1826 г.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

[illegible]

входилъ въ составъ арміи, но съ тѣмъ, чтобы онъ оставался въ сборѣ исключительно въ вакаціонное время, то есть не болѣе шести недѣль въ году, отъ половины іюня до конца іюля. Каждая вакація составляла бы полную кампанію, а каждая кампанія имѣла бы предметомъ изученіе какой-либо отдѣльной отрасли военнаго искусства. Такъ, первая кампанія посвящена была бы фронтовой службѣ, вторая полевымъ укрѣпленіямъ, третья—артиллеріи и т. д. Жуковскій предполагалъ включить сюда современемъ и навигацію, обративъ Царскосельскій прудъ во всемірный океанъ, на которомъ двѣ маленькія яхты могутъ въ одинъ день совершить путешествіе вокругъ свѣта». Такимъ образомъ—разсуждалъ онъ—великій князь, играя и переходя всѣ степени военнаго, отъ солдата до генерала, ознакомился бы со всѣми требованіями службы, дойдя постепенно до высшихъ военныхъ наукъ: тактики и стратегіи, заняться которыми возможно съ успѣхомъ не ранѣе, какъ по основательномъ изученіи математики. «Одно только необходимое условіе»,—настаивалъ Жуковскій,—«чтобы сіи военныя наставительныя игры принадлежали исключительно одной эпохѣ года и нисколько не вмѣшивались въ остальное ученье, которое, въ противномъ случаѣ, разстроятъ совершенно, ибо уничтожатъ вниманіе».

Цѣлью этихъ игръ и упражненій наставникъ полагалъ не одно пріобрѣтеніе военныхъ свѣдѣній, но укрѣпленіе силъ физическихъ и нравственное образованіе ученика. «Великому князю»,—развивалъ онъ мысль свою,—«должно быть не простымъ солдатомъ, а мужемъ, достойнымъ престола Россіи. И здѣсь цѣлью было бы не одно знаніе фрунта, механически пріобрѣтаемое, но и дѣятельное пробужденіе высокихъ человѣческихъ качествъ—смѣлости, терпѣнія, расторопности, присутствія духа, осторожности, рѣшительности, хладнокровія, словомъ всего, что составляетъ воина, въ истинномъ, прекрасномъ знаменованіи сего слова. Великій князь былъ бы въ толпѣ людей, имѣлъ бы товарищей, наравнѣ съ другими несъ бы тяжесть долга и службы; все это самымъ благопріятнымъ образомъ могло бы дѣйствовать на его умъ и сердце, развернуло бы въ немъ все чистое, человѣческое и укрѣпило бы его характеръ».

Крайне важнымъ представлялся Жуковскому выборъ начальника задуманнаго имъ потѣшнаго полка. «Онъ долженъ быть»,—писалъ онъ,—«не простымъ знатокомъ фрунта, привыкшимъ видѣть въ солдатѣ одну машину, но просвѣщеннымъ знатокомъ военнаго дѣла, способнымъ понимать, что во власти его душа будущаго повелителя милліоновъ, можетъ быть назначеннаго нѣкогда стать передъ русскою арміею и рѣшить судьбы народовъ. Такой человѣкъ долженъ быть знакомъ не только съ механическими подробностями службы военной—мелкими и развѣ потому принадлежащими государю, что онъ, какъ Петръ Великій, не долженъ быть чуждъ малыхъ подробностей,—но и съ высокимъ назначеніемъ войскъ,

которое онъ долженъ знать не изъ военнаго устава, но изъ всемірной исторіи, изъ дѣлъ Аннибала, Юлія Кесаря, Густава-Адольфа, Фридриха. Скажу болѣе: при выборѣ таковаго наставника надобно смотрѣть не на одни знанія военныя, но и вообще на просвѣщеніе и характеръ нравственный, дабы, наставляя, онъ могъ и воспламенять душу ко всему великому и героическому. Однимъ словомъ, сію часть воспитанія великаго князя почитаю одною изъ самыхъ важныхъ; симъ способомъ онъ можетъ или быть навсегда испорченъ, т. е. обращенъ въ мелочного солдата, или быть образованъ для истиннаго героизма, для чести своего вѣка, для твердаго блага Россіи» [1].

Личный составъ воспитателей былъ уже опредѣленъ императоромъ Николаемъ. Мердеръ оставался надзирателемъ за особою великаго князя; съ именемъ воспитателя, Жуковскій назначался надзирателемъ за его ученіемъ, въ званіи наставника. Въ «Планѣ ученія» Василій Андреевичъ, умалчивая о кругѣ дѣятельности своего военнаго сотоварища, распространялся о собственныхъ обязанностяхъ. Себѣ предоставлялъ онъ надзоръ за ходомъ ученія и выборъ учителей. Въ первомъ періодѣ онъ бралъ на себя преподаваніе всѣхъ элементарныхъ наукъ, за исключеніемъ иностранныхъ языковъ и искусствъ, наблюдая за прочими учителями. Во второмъ періодѣ онъ вызывался присутствовать при главныхъ урокахъ и служить репетиторомъ великому князю, оставляя за собою преподаваніе русскаго языка и упражненіе въ русскомъ слогѣ. Въ третьемъ и послѣднемъ періодѣ онъ долженъ былъ помогать наслѣднику составлять обозрѣніе всего пройденнаго и подводить итоги подъ суммы, собранныя во всѣ годы его ученія. Требуя, чтобы въ первомъ періодѣ учителя сообразовались съ его планомъ, Жуковскій хотѣлъ, чтобы во второмъ періодѣ каждый учитель былъ профессоромъ своего дѣла и дѣйствовалъ свободно, по собственной системѣ; его же обязанность ограничивалась бы составленіемъ цѣлаго изъ ихъ разнообразныхъ уроковъ, согласованіемъ ихъ съ общимъ «Планомъ ученія».

Ничто не ускользаетъ отъ вниманія бдительнаго наставника. Онъ тщательно перечисляетъ всѣ нужныя учебныя пособія: книги, карты, эстампы; распространяется о расположеніи учебной комнаты, особой горницы для игръ и гимнастическихъ упражненій, мастерской для ручныхъ работъ. Настаивая на необходимости придерживаться установленнаго порядка, безусловно подчинить и особу наслѣдника и все его окружающее лицамъ, которымъ ввѣрено его воспитаніе, онъ выражаетъ надежду, что самъ государь, утвердивъ воспитательную программу, «благоволитъ быть первымъ безпрекословнымъ ея исполнителемъ». Жуковскій возстаетъ противъ частыхъ переѣздовъ изъ мѣста въ мѣсто и тре-

[1] «Годы ученія», Сборникъ И. Р. И. О., XXX, стр. 1—20.

буетъ, чтобы наслѣднику назначено было одно постоянное мѣстопребываніе, именно въ Петербургѣ, а лѣтомъ въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ; чтобы прогулки его соединялись съ наставительною цѣлью, будучи посвящаемы осмотру общественныхъ заведеній, зданій, кабинетовъ, мануфактуръ и проч.; чтобы производились экзамены ежемѣсячные и полугодовые, первые въ присутствіи императрицы, вторые самого государя. Подробно излагаетъ онъ свой взглядъ на награды и наказанія: одобреніе императора—величайшая награда, неодобреніе—самое тяжкое наказаніе великому князю, для котораго мысль объ отцѣ должна быть «его тайною совѣстью». Поэтому наставникъ убѣждаетъ государя не хвалить сына за прилежаніе, награждая его ласковымъ съ нимъ обращеніемъ, а удовольствіе свое изъявляя лишь въ немногихъ выдающихся случаяхъ; также точно—не выражать неодобренія за мелкіе проступки, ибо испытать гнѣвъ отца должно быть для наслѣдника случаемъ, «единственнымъ въ жизни». Жуковскій желалъ, чтобы самые подарки, дѣлаемые великому князю, согласовались съ «Планомъ ученія», ибо, «имѣя много безполезнаго, становишься равнодушнымъ къ полезному».

Обширный свой докладъ Василій Андреевичъ заключалъ прямымъ обращеніемъ къ императору Николаю съ просьбою, въ томъ случаѣ, если онъ утвердитъ его, дать наставнику принадлежащее ему имя, дабы онъ имѣлъ «и право и полную свободу дѣйствовать». Со своей стороны, Жуковскій счелъ долгомъ представить на судъ государя собственныя воззрѣнія на свои обязанности и на тотъ духъ, въ которомъ онъ намѣревался ихъ исполнить:

«Не отвѣчая за свои способности, отвѣчаю за любовь мою къ моему дѣлу. Я могу дѣйствовать на нравственность великаго князя однимъ только образованіемъ его мыслей. Его характеръ—въ рукахъ воспитателя. И воспитатель и наставникъ идутъ къ одной цѣли, но каждый имѣетъ свой особенный кругъ дѣйствія и долженъ знать свои границы. Мой кругъ дѣйствія есть руководствовать великаго князя въ пріобрѣтеніи нужныхъ ему познаній, вмѣстѣ съ нимъ изъ нихъ самыя извлечь необходимыя для него правила жизни. Во-первыхъ, скажу: его высочеству нужно быть не ученымъ, а просвѣщеннымъ. Просвѣщеніе должно познакомить его только со всѣмъ тѣмъ, что̀ въ его время необходимо для общаго блага и во благѣ общемъ—для его собственнаго. Просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ есть многообъемлющее знаніе, соединенное съ нравственностью. Человѣкъ знающій, но не нравственный, будетъ вредить, ибо худо употребитъ извѣстные ему способы дѣйствія. Человѣкъ нравственный, но невѣжда, будетъ вредить, ибо и съ добрыми намѣреніями не будетъ знать способовъ дѣйствія. Просвѣщеніе соединитъ знаніе съ правилами. Оно необходимо для частнаго человѣка, ибо каждый на своемъ мѣстѣ долженъ знать, что̀ дѣлать и какъ поступать. Оно не-

обходимо для народа, ибо народъ просвѣщенный болѣе привязанъ къ закону, въ которомъ заключается его нравственность, и къ порядку, въ которомъ заключается его благоденствіе и безопасность. Оно необходимо для народоправителя, ибо одно оно даетъ способы властвовать благотворно».

Главною наукою наслѣдника престола, «сокровищницей царскаго просвѣщенія» называетъ Жуковскій—исторію, наставляющую опытами прошедшаго, ими объясняющую настоящее, предсказывающую будущее, знакомящую государя съ нуждами его страны и его вѣка. Освѣщенная религіею, исторія воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству; она дастъ ему высокое понятіе о его силѣ; изъ нея извлечетъ онъ правила дѣятельности царской:

«Вѣрь, что власть царя происходитъ отъ Бога, но вѣрь сему, какъ вѣрили Маркъ-Аврелій и Генрихъ Великій; сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкой надъ Божествомъ и человѣчествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ; законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе; оно—сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти, но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе—оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно—вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо—строжайшій и безпристрастнѣйшій судья исполнителей его воли. Мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то есть правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей и свобода народовъ; свобода и порядокъ—одно и то же; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ; истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками: слѣпое самолюбіе царя, отдаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаетъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю. Не обманывайся насчетъ людей и всего земного, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго—вѣрь добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога! Она защититъ душу твою отъ презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей» [1].

[1] Годы ученія». Предисловіе. Сборникъ И. Р. И. О., XXX, стр. XV.

Пока Жуковскій приготовлялъ себя въ Дрезденѣ къ исполненію обязанностей наставника наслѣдника престола, выработанный имъ «Планъ ученія» уже примѣнялся къ дѣлу. Тотчасъ по возвращеніи двора изъ Москвы въ Царское Село, осенью 1826 года, начались занятія наслѣдника по предметамъ первоначальнаго образованія. Преподавателями были: французскаго языка—Жилль; нѣмецкаго—секретарь императрицы Александры Ѳеодоровны Шамбо; англійскаго—Альфри; ариѳметики—академикъ Коллинсъ. Тогда же помощникомъ воспитателя Мердера назначенъ товарищъ его по 1-му кадетскому корпусу, артиллеріи капитанъ Юрьевичъ, на котораго возложено, сверхъ того, обученіе великаго князя польскому языку, репетированіе ариѳметики и устройство гимнастическихъ игръ какъ во внутреннихъ покояхъ Зимняго дворца, такъ и въ садахъ дворцовъ загородныхъ. Законоучителемъ, по личному избранію императора Николая, опредѣленъ протоіерей Андреевскаго собора докторъ богословія Г. П. Павскій.

Исполняя повелѣніе государя, Мердеръ поручилъ Павскому написать «Мысли о законоученіи», давъ ему для соображенія общій «Планъ ученія», составленный Жуковскимъ. Черезъ недѣлю Павскій представилъ свою записку о религіозномъ воспитаніи наслѣдника. Выразивъ въ сжатомъ очеркѣ сущность вѣры Христовой и истекающихъ изъ нея правилъ нравственности по ученію православной церкви, онъ признается, что по этимъ понятіямъ у него самого образовалась въ умѣ система религіозной мысли. «Не ученіе внѣшнее и наслышка»,—такъ заключаетъ онъ «Мысли о законоученіи»,—«а внутреннее обдумываніе и повѣрка съ опытомъ и съ наблюденіемъ опытнѣйшихъ въ семъ дѣлѣ мужей научили меня сему образу мыслей. Конечно, сей образъ мыслей не есть всеобщій, но, по моему чувству, единый и истинный. И если я долженъ буду преподавать свои мысли о религіи, то по совѣсти могу передать не иныя, какъ изложенныя выше. Благоразуміе можетъ позволить иногда иное не договорить, иное вовсе умолчать, но сказать противное тому, въ чемъ я увѣренъ, воспрещаетъ совѣсть. Та же совѣсть заставила меня изложить напередъ мои мысли, дабы руководствующіе высокаго воспитанника, избирая меня въ руководители въ религіи, знали, чего ожидать отъ меня. Въ такомъ важномъ дѣлѣ, по моему мнѣнію, поступать надобно открыто и по совѣсти не наемнической. Къ откровенности сей много расположилъ меня прекрасный, точно изъ духа времени происходящій «Планъ ученія», по которому предположено образовать высокаго воспитанника. И тамъ мысли о воспитаніи изложены свободно, благородно и умно. О! если бы по симъ высокимъ, благороднымъ и свѣтлымъ идеямъ образовались мысли и характеръ надежды россійскаго государства!» Прямодушное слово почтеннаго протоіерея утвердило императора Николая въ намѣреніи ввѣрить ему руководство ре-

ховнымъ образованіемъ сына. 30-го ноября отецъ Павскій назначенъ законоучителемъ великаго князя [1].

Жуковскій былъ въ восторгѣ отъ назначенія Павскаго и въ письмѣ къ императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ такъ отзывался о его запискѣ: «Въ ней сіяетъ свѣтъ прекрасной души. Мнѣ кажется, что мы въ правѣ поздравить себя съ нашимъ выборомъ. Этотъ человѣкъ, повидимому, весьма способенъ имѣть прекрасное вліяніе на вашего ребенка. Найди мы только богослова, свѣдущаго по части догматовъ, и Законъ Божій ничего бы не выигралъ. Для вашего ребенка, для его будущей судьбы, требуется религія сердца. Ему необходимо имѣть высокое понятіе о Промыслѣ, чтобы оно могло руководить всею его жизнью, религію просвѣщенную, благодушную, проникнутую уваженіемъ къ человѣчеству, религію, которая могла бы предохранить душу отъ стѣсняющихъ ее предразсудковъ, словомъ, религію, которая возстановила бы въ ихъ истинномъ значеніи тѣ слова, что̀ такъ часто повторялись въ послѣднее время и которыя, будучи правильно поняты, заключаютъ въ себѣ высокую истину: власть царей исходитъ отъ Бога. Да, эти слова—высокая истина, когда подъ ними разумѣютъ отвѣтственность предъ верховнымъ судилищемъ, но они не болѣе, какъ пагубное правило для сердца монарха, если означаютъ: «мнѣ все позволено, потому что я завишу только отъ Бога». Итакъ, это понятіе о верховномъ судилищѣ, объ отвѣтственности передъ Всемогущимъ Судіею, неразлучное съ уваженіемъ къ мнѣнію человѣческому, которое, въ общемъ своемъ значеніи, есть не иное что, какъ то же божественное судилище,—это понятіе должно всецѣло овладѣть душою будущаго государя. Только оно можетъ возвысить его призваніе; только оно можетъ вполнѣ уяснить ему, что пользоваться всемогуществомъ еще не значитъ царствовать; только оно можетъ внушить ему недовѣріе къ собственной волѣ, подчинить его долгу, внушить ему довѣріе къ праву, справедливости, свободѣ, просвѣщенію и научить его царствовать для блага народа, а не ради своего могущества, которое, отторгнутое отъ общаго блага, губитъ оное и само гибнетъ, а опираясь на него, утверждаетъ его и дѣлается непоколебимымъ. Мнѣ кажется, что Павскій обладаетъ всѣмъ, что нужно для внушенія подобнаго взгляда нашему дорогому воспитаннику. Чтеніе его записки исполнило меня уваженіемъ къ нему и подружило его со мною. Его познанія весьма полезны для меня. Мы протянемъ другъ другу руку, чтобы дѣйствовать сообща, всякій по своей части, на чистое сердце вашего сына. Какое счастіе понимать другъ друга и взаимно помогать одинъ другому при исполненіи такой задачи!» [2]. Въ письмѣ къ Павскому, Василій Андреевичъ сравни-

[1] «Годы ученія», Сборникъ И. Р. И. О., XXX, стр. 61—68.

[2] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, 1-го января 1827 г.

вается впечатлѣніе отъ чтенія его записки со встрѣчею съ человѣкомъ по сердцу, съ такимъ человѣкомъ, который не мнитъ себя въ границѣ жизни для того, чтобы жизнь была лучше, а религію его называетъ «другомъ просвѣщенія», такою именно, какая должна жить въ душѣ государя [1].

Не меньшее согласіе существовало между наставникомъ Жуковскимъ и воспитателемъ Мердеромъ, который во время пребыванія перваго въ чужихъ краяхъ въ 1826 и 1827 годахъ дѣятельно переписывался съ нимъ. Василій Андреевичъ высоко цѣнилъ душевныя качества и педагогическія способности своего военнаго сотоварища, его ровный и спокойный нравъ, любовь къ царственному питомцу, умѣнье съ нимъ обращаться, вліять на него, внушать ему довѣріе и привязанность къ себѣ. Но всѣ эти достоинства не возмѣщали въ глазахъ Жуковскаго одного существеннаго пробѣла: недостатка въ высшемъ образованіи. Онъ признавалъ въ Мердерѣ хорошаго военнаго—и не болѣе, и если находилъ его вполнѣ пригоднымъ для должности воспитателя наслѣдника, то только въ дѣтскіе годы, предвидя, что настанетъ пора, когда онъ не окажется на высотѣ своего призванія и не будетъ въ состояніи стать просвѣщеннымъ руководителемъ будущаго государя Россіи. Впрочемъ, къ самому себѣ Жуковскій относился съ тою же строгостію, признавая и себя, наравнѣ съ Мердеромъ, неспособнымъ направлять первые шаги ученика своего на царственномъ пути, по недостаточности собственнаго знанія и знакомства со свѣтомъ, не съ тѣмъ свѣтомъ,—пояснялъ онъ,—который называется обществомъ, гдѣ бушуютъ мелкія страсти, возбуждаемыя мелкими интересами, а со вселенною, составляющею великое общество государей и народовъ, въ которомъ рѣчь идетъ объ интересахъ первостепенной важности, о счастіи и славѣ народовъ, всего человѣчества. Сомнѣнія свои по этому вопросу онъ откровенно высказалъ въ письмѣ къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. «Дѣло не въ насъ съ Мердеромъ, государыня»,—писалъ онъ ей,—«дѣло идетъ о Россіи, о ея будущемъ, о судьбѣ и славѣ вашего сына. Необходимо дать ему въ руководители человѣка, который, по своему нравственному и общественному характеру, подходилъ бы къ идеалу, мною начертанному. Мы съ Мердеромъ пригодны только для мелочей. Вы можете положиться на нашу преданность, но намъ нужна личность, которая могла бы въ общихъ чертахъ наблюдать за нами, направлять наши труды къ ихъ главной цѣли, словомъ, придать имъ тотъ окончательный отпечатокъ, который мы не въ силахъ имъ сообщить, по совершенной къ тому неспособности» [2].

Напомнивъ, что такой выборъ нуженъ не только для наслѣдника, но и для Россіи, которая должна питать къ своему будущему государю

[1] «Годы ученія». Предисловіе. Сборникъ И. Р. И. О., XXX, стр. XVII.

[2] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. [illegible] 1826 г.

довѣріе, основанное на довѣріи къ его воспитанію, въ лицѣ главнаго представителя онаго; что въ старой монархической Франціи на должность воспитателей дофиновъ всегда назначались высшіе государственные сановники и что великая Екатерина также ввѣрила воспитаніе своего сына способнѣйшему изъ своихъ сподвижниковъ—графу Н. П. Панину; что въ этомъ случаѣ недостаточнымъ, однако, оказывается одно лишь громкое имя, какъ это явствуетъ изъ неудовлетворительности бывшихъ воспитателей императоровъ Александра I и Николая I, графовъ Салтыкова и Ламсдорфа,—Жуковскій приходитъ къ заключенію, что лучше никого не назначать, чѣмъ сдѣлать выборъ единственно изъ приличія, такъ сказать, для одного внѣшняго вида. «Это значило бы»,—доказываетъ онъ,—«только испортить то немногое, что мы уже имѣемъ. Неудачно избранная личность могла бы только стѣснить насъ въ нашихъ намѣреніяхъ и въ нашемъ образѣ дѣйствій. Съ какою цѣлью пришлось бы подчиняться человѣку, который внесъ бы въ свое великое призваніе лишь тщеславіе своего титула, соединенное, быть можетъ, съ личными видами честолюбія или собственныхъ интересовъ, или который оказался бы просто невѣждою, обремененнымъ пустымъ титуломъ? Подобная личность погубила бы все. Можно трудиться съ увлеченіемъ и съ надеждою на успѣхъ лишь подъ руководствомъ того, кто уразумѣлъ бы всю прелесть своего долга, кто полюбилъ бы его, во имя его самого, и кто отвергъ бы при этомъ всѣ низкія стремленія эгоизма. Подчинить свою дѣятельность вліянію такого человѣка было бы истиннымъ счастіемъ. Тогда можно было бы трудиться съ бодрымъ духомъ, сознавать съ восторгомъ, что находишься на своемъ мѣстѣ, не заботиться о будущемъ. Оставалось бы лишь испрашивать благословенія Всевышняго, отъ котораго единственно зависитъ успѣхъ».

Въ томъ же письмѣ Василій Андреевичъ указываетъ августѣйшимъ родителямъ на лицо, дѣйствительно отвѣчавшее его идеалу: на графа Каподистрію. «Государыня»,—взываетъ онъ къ императрицѣ,—«соблаговолите окинуть взоромъ все поприще, уже имъ пройденное; онъ былъ безупреченъ, какъ общественный дѣятель; такимъ же остался онъ и въ частной жизни. Онъ былъ другомъ своего государя, который, разлученный съ нимъ силою обстоятельствъ, продолжалъ любить его до могилы. Онъ обладаетъ обширною ученостью, замѣчательно разнообразною. Онъ опытенъ въ людяхъ, изученныхъ имъ во всѣхъ видахъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ хорошо знаетъ свой вѣкъ и всѣ дѣйствительныя потребности своего времени. Ему знакомы всѣ партіи, которыя существуютъ нынѣ и соперничаютъ другъ съ другомъ, хотя онъ и не придерживается ни одной изъ нихъ исключительно. По своимъ правиламъ, онъ одинаково далекъ отъ того ложнаго либерализма, который стремится возстановить народы противъ своихъ правительствъ, какъ и отъ

тираническаго ослѣпленія, возбуждающаго правительства противъ народовъ. Наружность его привлекательна и внушаетъ довѣріе. Онъ въ цвѣтѣ лѣтъ, ему нѣтъ еще пятидесяти годовъ, но его душа еще свѣжѣе его возраста. Съ этою душевною свѣжестью онъ умѣетъ соединять холодный разсудокъ, чрезвычайно логичный, и обладаетъ даромъ выражать свои мысли ясно и правильно, что придаетъ особенную прелесть всему, что онъ говоритъ. Онъ нашего вѣроисповѣданія,—а это предметъ весьма существенный. Въ немъ настолько энтузіазма, насколько нужно, чтобы быть разумнымъ, не будучи холоднымъ, и пламенно стремиться къ своей цѣли, не увлекаясь никакою обманчивою страстью, способною переступить за установленные предѣлы... Теперь онъ удаленъ отъ дѣлъ; но онъ пользуется уваженіемъ Россіи и цѣлой Европы. Поручая вашего сына такому человѣку, вы встрѣтите всеобщее одобреніе. Онъ наблюдалъ бы за воспитаніемъ въ общихъ чертахъ, руководилъ бы всѣмъ и сумѣлъ бы довести это дѣло до его главной цѣли. А мы оставались бы тутъ же, для вседневныхъ занятій и для всего того, что требовало бы простого выполненія. Мердеръ состоялъ бы при особѣ великаго князя, гдѣ онъ незамѣнимъ, а я продолжалъ бы наблюдать за учебною частью. Но, Боже мой! какъ проченъ оказался бы успѣхъ нашихъ трудовъ подъ вліяніемъ и направленіемъ человѣка, которому такъ хорошо извѣстно все то, что нужно для образованія государя! Какъ оживлялась бы наша дѣятельность при свѣтѣ его ума и энергіи его души! Какъ всякій страхъ, столь естественно истекающій изъ сознанія нашего безсилія, исчезъ бы при мысли, что мы имѣемъ мудраго руководителя, съ которымъ легко придти къ соглашенію, который желаетъ добра, стремится единственно къ добру, и съ прямотою высокой души соединяетъ въ себѣ силу познаній и опытности!»

Предположенію Жуковскаго не суждено было осуществиться. Въ то самое время, когда онъ писалъ свое письмо къ императрицѣ, созванное въ Тризенѣ третье народное собраніе избрало графа Каподистрію правителемъ Греціи, только что свергнувшей съ себя турецкія оковы, и великій государственный мужъ не поколебался посвятить остатокъ жизни возрожденію пламенно любимаго отечества. Главнымъ воспитателемъ къ наслѣднику назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ П. П. Ушаковъ.

Проведя въ Дрезденѣ зиму и весну, лѣтомъ 1827 года Жуковскій снова отправился для пользованія водами въ Эмсъ, ѣздилъ въ Лейпцигъ и Парижъ, для закупки книгъ и учебныхъ пособій, побывалъ въ Швейцаріи, для нагляднаго ознакомленія съ педагогическими пріемами Песталоцци, и къ осени, чрезъ Берлинъ, возвратился въ Петербургъ. Во все это время онъ не переставалъ переписываться съ Мердеромъ и Жиллемъ, получая отъ нихъ свѣдѣнія о ходѣ занятій наслѣдника, передавая имъ

свои указанія и совѣты. Императоръ Николай утвердилъ его Планъ ученія съ весьма незначительными измѣненіями. Такъ, изъ предметовъ преподаванія былъ исключенъ лишь латинскій языкъ, хотя Василій Андреевичъ и считалъ его «однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для умственнаго развитія» и римскихъ классиковъ признавалъ «источникомъ истиннаго просвѣщенія», а вмѣсто предположеннаго Жуковскимъ учрежденія потѣшнаго полка государь, высочайшимъ приказомъ отъ 25-го іюня 1827 года, зачислилъ старшаго сына въ списки кадетъ 1-го кадетскаго корпуса; но практическое обученіе Александра Николаевича военной службѣ въ рядахъ этого корпуса въ лагерное время отложено было на два года. Классныя занятія, подъ личнымъ руководствомъ и по программѣ Жуковскаго, начались съ первыхъ дней 1828 года, послѣ успѣшно выдержаннаго наслѣдникомъ испытанія, за которое онъ, 7-го января, произведенъ въ подпоручики [1].

Нѣсколько ранѣе, именно, 20-го октября 1827 года, Александръ Николаевичъ назначенъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ и шефомъ Донского атаманскаго полка [2]. Въ рескриптѣ къ наказному атаману войска Донского императоръ Николай повелѣлъ ему объявить донцамъ, что милость эта оказана имъ въ награду за ихъ постоянную вѣрность престолу и заслуги предъ отечествомъ, въ особенности же за мужество и храбрость, проявленныя въ послѣдней войнѣ съ персіянами [3]. Вѣсть о назначеніи атаманомъ наслѣдника престола съ быстротою молніи облетѣла всѣ казачьи круги, вызывая всюду неописуемый восторгъ, выразившійся въ цѣломъ рядѣ адресовъ и привѣтствій. Въ отвѣтѣ на одно изъ нихъ, принесенное Уральскимъ войскомъ,—въ первомъ рескриптѣ, подписанномъ именемъ Александра Николаевича и обращеннымъ къ наказному атаману этого войска,—высказана мысль, что въ дѣтскомъ возрастѣ великій князь не имѣлъ никакого права на отличіе, пожалованное ему августѣйшимъ родителемъ единственно въ ознаменованіе особаго благоволенія его величества ко всему казачьему сословію, но что онъ постарается оказать себя достойнымъ высокаго званія атамана, когда настанетъ тому время, въ надеждѣ, что храбрые казаки помогутъ ему заслужить одобреніе государя и Россіи [4].

1 Формулярный списокъ.

2 Тотъ же списокъ.

3 Рескриптъ императора Николая генералъ-маіору Кутейникову, 2-го октября 1827 г.

4 Рескриптъ наслѣдника генералъ-маіору Бородину, 28-го января 1828 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отрочество.

1828—1834.

Сотоварищи по ученію: графъ Віельгорскій и Паткуль. — Первая разлука съ родителями. — Жизнь въ Павловскѣ и въ Петергофѣ у императрицы Маріи Ѳеодоровны. — Переписка съ родителями. — Годичные экзамены 1829 г. — Занятія и развлеченія. — Обученіе польскому языку. — Поѣздка въ Варшаву и въ Берлинъ. — Возвращеніе въ Царское Село. — Кадетскій лагерь въ Петергофѣ. — 1830-й годъ и [illegible]. — 1831-й, 1832-й и 1833-й годы. — Болѣзнь Мердера и отъѣздъ его за границу. — Переписка съ нимъ. — Смерть Мердера. — Посмертный отзывъ о немъ Жуковскаго.

Съ возвращеніемъ Жуковскаго въ Россію, осенью 1827 года, начинается новый періодъ въ воспитаніи Александра Николаевича. По волѣ государя, вмѣстѣ съ нимъ должны были проходить полный курсъ наукъ два его сверстника: графъ Іосифъ Віельгорскій и Александръ Паткуль, поселенные въ Зимнемъ дворцѣ. Согласно плану наставника, учебное и неучебное время было тщательно распредѣлено по часамъ. Дѣти вставали въ 6 часовъ утра, совершали утреннюю молитву, завтракали и приготовлялись къ занятіямъ. Классы начинались въ 7 часовъ и кончались въ полдень, съ промежуткомъ отъ 9 до 10 часовъ, для отдыха. Послѣ двухчасовой прогулки, въ два часа садились за обѣдъ, затѣмъ, до пяти часовъ снова происходили занятія въ классахъ, отъ 7 до 8—гимнастика и разныя игры. Въ 8 часовъ подавался ужинъ. Вечеръ посвящался обозрѣнію истекшаго дня и писанію дневника. Въ 10 часовъ ложились спать. Въ воскресные и праздничные дни часы ученія посвящались частью назидательному чтенію, частью ручной работѣ и гимнастическимъ упражненіямъ [1].

Жуковскій самъ преподавалъ русскій языкъ, общую грамматику, начальныя понятія физики и химіи. Главнымъ правиломъ его препо-

[1] Планъ ученія Жуковскаго. Сборникъ И. Р. И. О. XXX, стр. 10 и 11.

даванія было: лучше мало, но хорошо, чѣмъ много, но худо, такъ какъ,—поясняль онъ,—«мы не гоняемся за блестящимъ успѣхомъ, а должны сообщить ученику ясныя понятія въ послѣдовательной связи и пріохотить его къ занятіямъ». Онъ придавалъ большое значеніе ознакомленію наслѣдника съ естественными науками, какъ послѣдовательною ступенью для правильнаго пониманія исторіи. «Ребенокъ»,—читаемъ въ письмѣ его къ Жиллю,—«всегда лучше пойметъ то, что̀ говоритъ его глазамъ, нежели то, что̀ дѣйствуетъ лишь на его разумъ. Разсуждая о произведенномъ опытѣ, представляешь нѣчто реальное, осязаемое, и пріучаешь къ размышленію, заинтересовавъ вниманіе, возбудивъ любопытство. Самая исторія не можетъ быть столь же привлекательна для ребенка, какъ физика и естественная исторія. Душа его недостаточно развита, чтобы заинтересоваться судьбами людей и народовъ, которыхъ онъ видитъ лишь въ воображеніи, тогда какъ явленія физическія и химическія у него передъ глазами, произведенія природы—налицо, и онъ легко можетъ найти случай примѣнить то, чему его учатъ, къ тому, что̀ его окружаетъ» [1]. Составъ учителей остался прежній и только въ преподаваніи нѣмецкаго языка секретаря царствующей императрицы Шамбо замѣнилъ Эртель.

Весною 1828 года Александру Николаевичу предстояла продолжительная разлука съ родителями. Императоръ Николай Павловичъ отъѣзжалъ къ арміи, выступившей въ походъ противъ турокъ, а императрица Александра Ѳеодоровна, чтобы не слишкомъ отдаляться отъ августѣйшаго супруга, пожелала провести лѣто въ Одессѣ, взявъ съ собою и старшую дочь. Прочихъ дѣтей, наслѣдника, двухъ младшихъ великихъ княженъ и шестимѣсячнаго великаго князя Константина Николаевича, царственная чета оставила снова на попеченіи бабушки, вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны. 26-го апрѣля, послѣ молебствія въ Казанскомъ соборѣ, уѣхалъ государь, а государыня, проведя одинъ день въ Царскомъ Селѣ съ дѣтьми своими, послѣдовала за нимъ 27-го. Разлука съ матерью произвела глубокое впечатлѣніе на чувствительную душу ея старшаго сына. Долго провожалъ онъ ее взоромъ и не прежде оставилъ балконъ, какъ потерявъ изъ вида экипажъ императрицы. Первымъ движеніемъ наслѣдника было пойти въ церковь, гдѣ онъ долго и усердно молился. Мысль о родителяхъ не покидала его во весь день. Во время прогулки, увидавъ полевой цвѣтокъ, онъ побѣжалъ сорвать его, сказавъ: «я его пошлю къ мама». Съ тою же цѣлью сорвалъ онъ геліотропъ въ кабинетѣ государыни. Проходя по комнатамъ Царскосельскаго дворца, который онъ долженъ былъ оставить, чтобы поселиться въ Павловскѣ, ребенокъ съ грустью повторялъ: «Вотъ

[1] Жуковскій Жиллю, изъ Дрездена, 1826 г.

тутъ папа и мама обѣдали, здѣсь сидѣлъ папа, а тутъ мама. Гдѣ-то они теперь?» Первая свободная минута была употреблена на писаніе писемъ къ матери и сестрѣ, переданныхъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ съ просьбой отослать ихъ по принадлежности, вмѣстѣ съ сорванными цвѣтами. Игры съ товарищами не занимали великаго князя; онъ не въ силахъ былъ подавить свою печаль и вечеромъ началъ дневникъ свой такими словами: «27-е апрѣля—день для меня памятный; милая моя мама и Мери уѣхали въ Одессу. Я много плакалъ» [1].

Въ Павловскѣ, подъ наблюденіемъ вдовствующей императрицы, занятія наслѣдника и его сверстниковъ шли обычнымъ чередомъ, прерываемыя частыми прогулками по городу и окрестностямъ. Дѣти любили играть на воздухѣ; въ походной формѣ и амуниціи, то защищали, то брали приступомъ воздвигнутую нѣкогда императоромъ Павломъ миніатюрную крѣпость. Однажды имъ пришло въ голову начертить на картѣ Дунай съ окружающими крѣпостями и, подъ руководствомъ Юрьевича, наслѣдникъ съ жаромъ принялся за эту работу [2]. Вообще и онъ, и вся царская семья съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждали вѣстей съ театра войны. Такъ, живѣйшую радость возбудило въ нихъ извѣстіе о сдачѣ Браилова великому князю Михаилу Павловичу. Въ письмѣ къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ Жуковскій въ живыхъ и яркихъ краскахъ изобразилъ тотъ шумный восторгъ, что̀ вызвала среди юныхъ обитателей Павловска вѣсть о паденіи Анапы, дошедшая до нихъ 25-го іюня: «Нынѣшній день весьма кстати, какъ достойный подарокъ Россіи въ день рожденія ея императора, получили мы извѣстіе о взятіи Анапы. Оно было сообщено намъ самымъ пріятнымъ образомъ. Всѣ были собраны въ Греческой залѣ послѣ обѣда. Государыня (Марія Ѳеодоровна) изволила откланяться и выйти изъ залы вмѣстѣ съ великимъ княземъ, который обѣдалъ со всѣми. Чрезъ минуту опять вбѣгаетъ великій князь и кричитъ: «Анапу взяли!» Въ эту же минуту внесли и Константина Николаевича, котораго старшій братъ началъ цѣловать, поздравляя и его съ побѣдою, и который, ничего не понимая, посматривалъ на него своими открытыми глазами, молча, сжавъ по обыкновенію губы и наморщивъ лобъ. Это была прелестная картина. Воображенію въ это время представился отецъ посреди военнаго шума, на Трояновомъ валѣ... Да сохранитъ его Провидѣніе!» [3].

Въ первыхъ числахъ іюля начались установленные въ Планѣ ученія полугодовые экзамены и продолжались четыре дня. Испытанія производили въ присутствіи вдовствующей императрицы: изъ русскаго языка,

---

1 Дневникъ Мердера, 27-го апрѣля 1828 г.

2 Тотъ же дневникъ, 28-го апрѣля—17-го іюня 1828 г.

3 Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 26-го іюня 1828 г.

общей грамматики и физики—Жуковскій; изъ французскаго языка и географіи—Жилль; изъ закона Божія протоіерей Павскій; изъ ариеметики и геометріи—Коллинсъ; изъ языковъ нѣмецкаго, англійскаго и польскаго—Эртель, Альфри и Юрьевичъ. По свидѣтельству воспитателя Мердера, Александръ Николаевичъ удивлялъ экзаменаторовъ живостью и ясностью своихъ отвѣтовъ и утверждалъ ихъ во мнѣніи, что онъ одаренъ необыкновенными способностями, ибо, подстрекаемый желаніемъ отличиться передъ глазами любимой бабушки, онъ не терялъ ни на минуту бодрости и, напротивъ, при отвѣтахъ все болѣе и болѣе оживлялся [1]. Отдавая императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ отчетъ, Жуковскій вполнѣ подтвердилъ отзывъ Мердера. «Я увѣренъ»,—писалъ онъ,—«что вашему величеству было бы пріятно присутствовать на этомъ экзаменѣ. Государыня императрица была имъ довольна. Не могу не отдать справедливости великому князю: онъ во все время былъ чрезвычайно внимателенъ; доказалъ, что можетъ владѣть собою; выражался съ живостью, ясностью; словомъ, хотѣлъ сдѣлать что̀ должно—и сдѣлалъ. Я поблагодарилъ его отъ всего сердца. Но въ то же время я долженъ былъ сказать ему, что четыре дня, въ которые прекрасно была исполнена должность, весьма мало значатъ въ цѣломъ счетѣ его жизни; что онъ не долженъ слишкомъ много ими радоваться, если тѣ дни, которые имъ предшествовали, имъ не отвѣчаютъ. Государыня императрица изъ прекрасныхъ четырехъ дней могла заключить, что всѣ прежніе дни были на нихъ похожіе: но это было бы заблужденіемъ... Несмотря на это, всемилостивѣйшая государыня, я радуюсь нашимъ экзаменомъ. Онъ короче познакомилъ меня съ великимъ княземъ. Я теперь гораздо больше на него надѣюсь; вижу, что онъ имѣетъ умъ здравый; что въ этомъ умѣ все врѣзывается и сохраняется въ ясномъ порядкѣ; вижу, что онъ имѣетъ много живости; вижу, что онъ способенъ къ благородному честолюбію, которое можетъ довести его далеко, если соединится съ нимъ твердая воля; вижу, наконецъ, что онъ способенъ владѣть собою, посему и имѣю право надѣяться, что онъ, какъ скоро пойметъ всю важность слова должность, будетъ умѣть владѣть собою... Въ этомъ отношеніи не могу не сказать, что великій князь заслужилъ за экзамены полное одобреніе ваше и государя императора. До сихъ поръ онъ только зналъ, что всѣ мы, которые окружаемъ его, которымъ государь и вы съ такою довѣренностію поручили его, любимъ его искренно; что его счастіе составляетъ существенную цѣль нашей жизни; онъ это видитъ на опытѣ; но теперь онъ почувствуетъ, что наша любовь для него недовольна, что ему должно стараться, наконецъ, заслужить и наше уваженіе; оно дается только за постоянство въ добрѣ... Кажется, можно теперь за

[1] Дневникъ Мердера, 5-го іюля 1828 г.

него поручиться, кажется, можно предсказать, что мы, въ будущій экзаменъ, похваливъ его за хорошіе отвѣты, будемъ въ состояніи прибавить къ этой похвалѣ и другую, гораздо важнѣе: похвалу за постоянство и дѣятельность. Желаю сердечно, чтобы это пророчество исполнилось совершенно»[1].

Какъ Василій Андреевичъ признавался въ дальнѣйшихъ строкахъ того же письма, оно было писано не для одной императрицы, но и для самого великаго князя, которому наставникъ прочиталъ его и на котораго оно, повидимому, произвело хорошее впечатлѣніе. Этимъ средствомъ Жуковскій хотѣлъ воздѣйствовать на царственнаго питомца, чтобы искоренить въ немъ главный недостатокъ, о которомъ воспитатель Мердеръ отзывается такъ: «Великій князь, отъ природы готовый на все хорошее, одаренный щедрою рукою природы всѣми способностями необыкновенно здраваго ума, борется теперь со склонностью, до сихъ поръ его одолѣвавшею, которая, при встрѣчѣ малѣйшей трудности, малѣйшаго препятствія, приводила его въ нѣкоторый родъ усыпленія и бездѣйствія». Впрочемъ, Мердеръ тотчасъ же оговаривается, что не имѣетъ уже болѣе надобности постоянно понуждать наслѣдника, который и самъ начинаетъ убѣждаться въ истинѣ, «что веселость и тихое удовольствіе сердца имѣютъ источникомъ точное исполненіе обязанностей». Счастливую эту перемѣну приписывалъ онъ благотворному вліянію на Александра Николаевича молодого Віельгорскаго, примѣрнаго юношу, который съ благороднымъ поведеніемъ, всегдашнею бодростью и необыкновенною точностью въ исполненіи долга соединялъ милую дѣтскую веселость, искреннюю и дружескую привязанность къ царственному сотоварищу. Паткуль, какъ по способностямъ, такъ и по прилежанію, далеко отставалъ отъ обоихъ, хотя и былъ одаренъ добрымъ сердцемъ и хорошей памятью[2].

Послѣ экзаменовъ начались каникулы, продолжавшіяся шесть недѣль, въ теченіе которыхъ, согласно «Плану ученія», классныя занятія прекратились и весь день посвящался чтенію, играмъ и прогулкамъ. Читали попремѣнно: Павскій—Евангеліе съ толкованіемъ на него, Жуковскій—свои произведенія, Жилль—сказки изъ «Тысячи и одной ночи». Великій князь слушалъ ихъ не безъ удовольствія, но, кажется, предпочиталъ игры на открытомъ воздухѣ. Продолжительныя прогулки совершались пѣшкомъ, верхомъ, въ экипажахъ, по окрестностямъ Павловска, а потомъ и Петергофа, куда императрица Марія Өеодоровна переѣхала въ іюлѣ съ ввѣренными ея попеченію Государевыми дѣтьми. Въ сопровожденіи Мердера и двухъ товарищей, Александръ Нико-

[1] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ, 8-го іюля 1828 г.

[2] Дневникъ Мердера, 25-го іюня 1828 г.

вичъ наѣзжалъ и въ Царское Село, гдѣ дѣти любили кататься на лодкѣ по озеру, играть на Дѣтскомъ островѣ, пить чай на фермѣ; занимались они и уженьемъ рыбы, стрѣльбой, купаньемъ; великій князь стрѣлялъ хорошо и плавалъ превосходно, поражая воспитателя ловкостью и смѣлостью. Посѣщали кадетскій лагерь, гдѣ послѣ развода играли съ кадетами въ мячъ; ѣздили на крестьянскія пасѣки знакомиться съ пчеловодствомъ; предпринимали и болѣе отдаленныя прогулки въ Дудергофъ, въ Ораніенбаумъ, въ Кронштадтъ [1].

Заботою Жуковскаго въ это время было пріучить своего питомца правильно изъясняться и выразительно читать по-русски. Упражненіемъ въ слогѣ служила ему частая переписка съ родителями. Письма великаго князя никогда не исправлялись ни въ слогѣ, ни въ правописаніи. Изъ нихъ наставникъ заключалъ, что «онъ со временемъ будетъ имѣть слогъ». «Онъ выражается очень непринужденно и просто»,— сообщалъ Василій Андреевичъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ,— пускай прежде научится думать, разбогатѣетъ идеями и чувствами, тогда получитъ и слогъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь». О результатахъ примѣненія своей программы къ воспитанію наслѣдника онъ писалъ государынѣ: «Судя по тому, какъ идетъ наше ученіе, я, кажется, могу сказать, что не ошибся въ своемъ планѣ и въ своей методѣ. Мы подвигаемся впередъ медленнымъ, но твердымъ шагомъ. Мы знаемъ немного, но что̀ знаемъ—наше. Это главное; тѣмъ болѣе выиграемъ времени и тѣмъ быстрѣе пойдемъ впередъ впослѣдствіи». Жуковскій былъ какъ нельзя болѣе доволенъ всѣми учителями и свидѣтельствовалъ о «ихъ безкорыстномъ единодушіи». Между нимъ и воспитателемъ великаго князя существовало полное согласіе, какъ видно изъ слѣдующаго отзыва его: «Я совершенно счастливъ моимъ товариществомъ съ нашимъ почтеннымъ, рѣдкимъ Мердеромъ. Мы идемъ съ нимъ къ святой нашей цѣли рука объ руку; еще не было между нами ни минуты разномыслія. Будетъ ли успѣхъ—это зависитъ отъ Провидѣнія. Но отъ насъ зависитъ дѣйствовать такъ, чтобы не могли упрекнуть себя въ произвольномъ препятствіи успѣху» [2].

Вскорѣ по окончаніи вакацій, а именно 13-го сентября, вдовствующая императрица съ дѣтьми переѣхала въ Зимній дворецъ. Тутъ постигли Александра Николаевича и большая радость, и большое горе. 1-го октября возвратилась изъ Одессы императрица Александра Ѳеодоровна и 14-го того же мѣсяца вернулся изъ арміи государь, а 24-го скончалась императрица Марія Ѳеодоровна. Императоръ Николай самъ подвелъ старшаго сына къ постели умирающей матери и со словами: «Voilà mon garçon,

[1] Дневникъ Мердера, 7-го—25-го іюля 1828 г.

[2] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 8-го іюля 1828 г.

Цесаревна Марія Александровна.

(Съ гравюры Ріаля, 1841 г.)

maman», испросилъ ему ея предсмертное благословеніе. Долго оплакивалъ Александръ Николаевичъ утрату столь же нѣжно любившей его, какъ и имъ любимой бабушки, и заливался слезами при одномъ воспоминаніи о ней [1].

Съ первыхъ дней 1829 года начались приготовленія къ годичному экзамену, опредѣленному въ концѣ января. Наслѣдникъ и его сотоварищи усердно занимались повтореніемъ пройденнаго, зная, что экзаменъ будетъ происходить въ присутствіи императора и императрицы. Испытанія продолжались съ 24-го января по 2-е февраля и были выдержаны великимъ княземъ съ блестящимъ успѣхомъ. «Все въ Александрѣ Николаевичѣ было прекрасно»,—читаемъ въ дневникѣ его воспитателя,—«его отвѣты, скромныя манеры, въ особенности выраженіе его очаровательной физіономіи, воодушевленной благороднымъ желаніемъ сдѣлать удовольствіе родителямъ» [2]. Послѣ послѣдняго экзамена изъ Закона Божія государь, выразивъ полное удовольствіе протоіерею Павскому, обратился къ Жуковскому съ слѣдующими словами: «Мнѣ пріятно сказать вамъ, что не ожидалъ найти въ сынѣ моемъ такихъ успѣховъ. Покойная матушка писала мнѣ объ этомъ, но, зная ея любовь къ нему, я полагалъ, что она была къ нему слишкомъ снисходительна. Все у него идетъ ровно, все, что онъ знаетъ,—знаетъ хорошо, благодаря вашей методѣ и ревности учителей. Примите мою искреннюю благодарность». «Экзаменъ доказалъ вашему величеству»,—отвѣтилъ Василій Андреевичъ,—«что въ состояніи сдѣлать великій князь. Я вижу самъ, что экзаменъ былъ хорошъ, но по рапортамъ, которые ваше величество получать изволили, вы могли видѣть, что изъ числа двадцати шести недѣль у великаго князя было отличныхъ всего двѣ за ученіе и поведеніе, у Віельгорскаго—пять, у Паткуля—одна. Это доказываетъ, что эти господа, какъ въ ученіи, такъ и въ поведеніи, имѣютъ мало настойчивости, единственное качество, которое достойно уваженія и безъ котораго невозможно имъ дозволить пріобрѣсть прилежаніемъ и поведеніемъ права на обѣщанныя имъ суммы для бѣдныхъ. Мы будемъ, однакоже, просить ваше императорское величество сдѣлать имъ какое-нибудь удовольствіе». «Съ удовольствіемъ соглашаюсь»,—сказалъ императоръ,—«но надѣюсь, что въ остальные шесть мѣсяцевъ эти господа покажутъ болѣе постоянства и заслужатъ вышеупомянутое позволеніе».

Слова какъ государя, такъ и наставника, относились къ задуманной Мердеромъ кассѣ благотворенія, долженствовавшей составиться изъ взносовъ, соотвѣтствующихъ успѣхамъ въ наукахъ и поведеніи всѣхъ

[1] Послѣдніе дни жизни императрицы Маріи Ѳеодоровны. «Русская Старина» 1878 г., XXIII, стр. 454.

[2] Дневникъ Мердера. 24-го января—2-го февраля 1829 г.

трехъ совоспитанниковъ, соразмѣрно полученнымъ ими отличнымъ отмѣткамъ. Два раза въ годъ, послѣ каждаго экзамена, предполагалось считать, сколько кѣмъ собрано денегъ на какое-либо благотворительное дѣло. Проектъ этотъ вызванъ слѣдующимъ соображеніемъ воспитателя: право дѣлать добро—величайшая награда. И прежде изъ суммъ наслѣдника удѣлялась извѣстная часть на оказаніе помощи нуждающимся. Но такое добро дѣлалось именемъ его высочества безъ личнаго его участія и даже безъ вѣдома его, и потому Мердеръ полагалъ, что великій князь и его товарищи должны отличнымъ прилежаніемъ и поведеніемъ заслужить «право дѣлать добро». Государь вполнѣ одобрилъ мысль воспитателя и «касса благотворенія» дѣйствовала во все время воспитанія наслѣдника.

По удаленіи ихъ величествъ изъ залы, гдѣ происходилъ экзаменъ, Жуковскій обратился къ тремъ ученикамъ своимъ съ прочувствованнымъ назидательнымъ словомъ:

«Съ прошедшимъ годомъ, можно сказать, окончилось ваше ребячество; наступило для васъ такое время, въ которое вы можете начать готовиться быть людьми, то-есть стараться заслужить уваженіе. Оно не есть одобреніе за одинъ или нѣсколько отдѣльныхъ хорошихъ поступковъ, но одобреніе за постоянно хорошую жизнь и въ то же время увѣренность, что эта хорошая жизнь постоянно таковою останется. Теперь мы начнемъ заниматься исторіею; она будетъ для насъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что уваженіе пріобрѣтается однѣми постоянными добродѣтелями. Вы, великій князь, по тому мѣсту, на которое назначилъ васъ Богъ, будете со временемъ замѣчены въ исторіи. Отъ этого ничто избавить васъ не можетъ. Она скажетъ о васъ свое мнѣніе предъ цѣлымъ свѣтомъ и на всѣ времена,—мнѣніе, которое будетъ жить въ ней и тогда, когда и васъ, и насъ не будетъ. Чтобы заслужить уваженіе въ исторіи, начните съ ребячества заботиться о томъ, чтобы заслужить его въ кругу вашихъ ближнихъ. Теперь вашъ свѣтъ заключенъ для васъ въ учебной вашей горницѣ и въ жилищѣ вашего отца и государя. Здѣсь всѣ васъ любятъ, все живетъ для васъ, вы для насъ прекрасная, чудная надежда. Знаю, что вы вѣрите нашей любви: но, будучи увѣрены въ ней, думайте о томъ, чтобы ея стóить. Знайте: какова будетъ ваша жизнь здѣсь, въ маленькомъ вашемъ свѣтѣ, передъ вашимъ семействомъ, передъ вашими друзьями, такова она будетъ и послѣ, передъ свѣтомъ и цѣлою Россіею; чтò будемъ думать о васъ мы, то со временемъ будетъ думать о васъ отечество. Мы начали любовью къ вамъ, но по этой же любви къ вамъ обязаны судить васъ строго. Отечество прежде начнетъ судить васъ строго и потомъ уже станетъ любить васъ, если вы это заслужите. Чтобы строгій судъ отечества могъ современемъ обратиться въ любовь, думайте о томъ, чтобы наша любовь обратилась

въ уваженіе, а на это одно средство: владѣйте собою, любите трудъ, будьте дѣятельны, тогда будете имѣть все, ибо за ваше сердце мы всѣ отвѣчаемъ смѣло. То же, что я говорилъ великому князю, могу сказать Віельгорскому и Паткулю, съ тою, однако, великою разницею, что ихъ будущая обязанность маловажна въ сравненіи съ обязанностію великаго князя. Но обязанность быть достойными уваженія одинакова для всѣхъ. До сихъ поръ вы еще не могли понимать совершенно, для чего вы здѣсь и что значитъ быть товарищами великаго князя? Теперь вы уже это понимать способны. Государь, приблизивъ васъ къ своему сыну, благоволилъ тѣмъ изъявить свою надежду, что вы будете ему полезны, будете сами достойны уваженія чувствами, мыслями, поступками. Быть товарищами великаго князя не значитъ—жить съ нимъ подъ одною кровлею, дѣлить съ нимъ трудъ и забавы,—нѣтъ! Будьте товарищами души его, будьте сами прекрасны душою, такъ, чтобы современемъ государь и отечество, видя, что вы сдѣлались людьми отличными, могли порадоваться, что во младенчествѣ и молодости вы были приближены къ наслѣднику Россіи. Скажу однимъ словомъ—великому князю: владѣй собою, будь дѣятеленъ! Віельгорскому: будь постояненъ и откровененъ! Паткулю: не будь легкомысленъ! А всѣмъ тремъ: будьте покорны вашимъ наставникамъ, которые теперь представляютъ для васъ и законъ вашъ, и ваши обязанности. Сія покорность есть не иное что̀, какъ уваженіе правила. Привыкнувъ теперь повиноваться намъ по довѣренности къ любви нашей, вы и тогда, когда мы васъ покинемъ, останетесь съ привычкою повиноваться закону,—а это главное въ жизни какъ для собственнаго счастія, такъ и для пользы другихъ. Успѣшный экзаменъ, на которомъ всѣ вы отличились, доказываетъ только то, что вы способны исполнять свою должность, когда на это рѣшитесь, а не то, чтобы вы ее постоянно исполняли, ибо годовой расчетъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ экзамену. Чтобы подобнаго не могло случиться съ вами въ теченіе настоящаго года, берегите въ сердцѣ одно: благодарность къ государю, который, пожертвовавъ вашему экзамену двѣнадцатью часами своей царской жизни, сдѣлалъ болѣе, нежели сколько вамъ ожидать было позволено. Вы заслужили одобреніе его величества на экзаменѣ; мы надѣемся, что въ концѣ слѣдующаго года получите право и на его уваженіе своимъ постоянствомъ. А этого мы имѣемъ право отъ васъ ожидать. Какими вы лично были произвольно въ теченіе шести дней экзамена, такими вы можете быть также произвольно и, слѣдственно, должны быть въ теченіе цѣлаго года»[1].

Съ 1829 года учебная программа снова расширилась включеніемъ въ нее трехъ новыхъ предметовъ: естественной исторіи, химіи и все-

[1] Дневникъ Мердера, 2-го февраля 1829 г.

общей исторіи. Первую читалъ наслѣднику академикъ Триніусъ, вторую Кеммереръ, третью, на французскомъ языкѣ, Лиманъ, преподаватель въ пользовавшемся въ то время заслуженною извѣстностью частномъ пансіонѣ пастора Муральта. Особенный интересъ проявилъ Александръ Николаевичъ къ послѣдней наукѣ, воскликнувъ предъ началомъ перваго урока, обращаясь къ Мердеру: «Мы сегодня начнемъ исторію! Если бы вы знали, какъ я горю нетерпѣніемъ!» [1]. Преподаваніе исторіи отечественной Жуковскій оставилъ за собою. Чистописанію училъ Рейнгольдтъ, фехтованію Сивербрикъ, танцованію Огюстъ.

Въ одиннадцатилѣтнемъ мальчикѣ уже ярко обозначались блестящія природныя дарованія и выдающіяся нравственныя качества наслѣдника; сказывались и кое-какіе недостатки, озабочивавшіе его наставника и воспитателя. Они преимущественно проистекали изъ нервной натуры ребенка, который легко смѣялся, еще легче плакалъ, при малѣйшемъ огорченіи или неудачѣ, порою шалилъ во время уроковъ, ссорился съ товарищами, но главнымъ его недостаткомъ было отсутствіе выдержки и энергіи, время отъ времени овладѣвавшая имъ нѣкоторая вялость, апатія, побуждавшая его неразъ говорить воспитателю, «что онъ не желалъ бы родиться великимъ княземъ». Мердеръ замѣчаетъ по этому поводу, что чувство долга развито въ немъ весьма сильно, но что у него недостаетъ настойчивости, чтобы побѣдить лѣность ума [2]. Впрочемъ, какъ Мердеръ, такъ и Жуковскій обожали царственнаго питомца, который внимательно выслушивалъ ихъ увѣщанія и наставленія и платилъ имъ за привязанность нѣжною лаской и любовью. При такихъ условіяхъ наказанія были крайне рѣдки и во всю зиму 1828—1829 годовъ пришлось только разъ лишить великаго князя права входа въ учебную комнату въ воскресный день. Строже относился къ нему государь, однажды за невниманіе въ классѣ запретившій подойти къ себѣ вечеромъ при прощаніи. Наказаніе это сильно подѣйствовало на впечатлительнаго юношу [3].

Здоровье великаго князя было удовлетворительно, и онъ нѣсколько разъ подвергался лишь легкимъ простудамъ. Въ теченіе всего Великаго поста онъ съ удовольствіемъ постился, хотя, по замѣчанію Мердера, вообще «любилъ покушать». Къ таинствамъ исповѣди и причащенія онъ приступалъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, проникнутый важностью исполненія этого христіанскаго долга.

Классныя занятія чередовались съ физическими упражненіями: гимнастикой, фехтованіемъ, верховой ѣздой въ манежѣ, прогулками

[1] Дневникъ Мердера, 4-го февраля 1829 г.

[2] Тотъ же дневникъ, 3-го и 11-го января 1829 г.

[3] Тотъ же дневникъ, 20-го марта 1829 г.

пѣшкомъ или въ саняхъ, катаньемъ съ ледяныхъ горъ въ саду Аничкова дворца. По вечерамъ происходили игры, раздѣлять которыя приглашались, по воскресеньямъ и праздникамъ, кромѣ двухъ совоспитанниковъ, сверстники великаго князя, молодые Адлерберги, Фредериксы, Барановы, Нессельроде, Шуваловы, Карамзины, сыновья Мердера. Играли въ бары, въ жмурки, въ «хромоногаго чорта», придумывали шарады, изрѣдка устраивали представленія живыхъ картинъ, въ которыхъ участвовали и великія княжны съ ихъ подругами. Но любимою забавою наслѣдника и его товарищей была военная игра, которою развлекались они едва ли не каждый вечеръ и которой придавало особенную прелесть участіе въ ней императора Николая. Обыкновенно императрица бросала жребій: у кого изъ юношей быть «начальникомъ штаба» государю, который въ этомъ качествѣ руководилъ игрой и приводилъ все молодое общество въ неописуемый восторгъ [1].

Наслѣдникъ начиналъ уже принимать участіе въ придворныхъ торжествахъ: въ новый годъ онъ былъ на высочайшемъ выходѣ, шествуя въ парѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ; въ Свѣтлое Воскресеніе—присутствовалъ при церемоніи baise-main. По желанію государя, наслѣднику представлялись знатные иностранцы: французскій посолъ герцогъ Мортемаръ, перъ Франціи графъ Сенъ-При, а знаменитый Гумбольдтъ былъ приглашенъ къ его столу. Изъ русскихъ, наслѣдникъ принималъ баснописца Крылова и пришедшаго пѣшкомъ изъ Сибири старца-крестьянина. Военное образованіе ограничивалось обученіемъ ружейнымъ пріемамъ въ залахъ Зимняго дворца, но въ Крещенскій парадъ императоръ приказалъ Александру Николаевичу стать въ ряды Павловскаго полка на мѣсто подпоручика; въ день своего рожденія онъ участвовалъ въ происходившемъ въ манежѣ разводѣ отъ того же полка и на Майскомъ парадѣ командовалъ 4-ю ротою 3-го баталіона Преображенскаго полка. «Желалъ бы очень убѣдиться»,—записалъ по этому случаю Мердеръ въ своемъ дневникѣ,—«что частыя появленія его высочества на парадахъ, видя, что изъ парада дѣлаютъ государственное дѣло, не будутъ имѣть для него дурныхъ послѣдствій. Легко можетъ ему придти мысль, что это дѣйствительно дѣло государственное, и онъ можетъ тому повѣрить» [2].

Весною наслѣднику предстояло новое и еще неизвѣданное развлеченіе: онъ долженъ былъ сопровождать августѣйшихъ родителей сначала въ Варшаву, гдѣ императоръ Николай рѣшилъ короноваться царемъ польскимъ, а потомъ въ Берлинъ, куда царственная чета отправлялась на свиданіе съ прусскимъ королемъ. Въ этомъ путешествіи слѣдовали

---

[1] Тотъ же дневникъ, 24-го марта 1829 г.

[2] Тотъ же дневникъ, 20-го апрѣля 1829 г.

за нимъ оба его сотоварища, а также Жуковскій, Мердеръ, Юрьевичъ и Жилль.

Александръ Николаевичъ настолько уже преуспѣлъ въ польскомъ языкѣ, что могъ свободно на немъ изъясняться. Жуковскій помышлялъ о томъ, чтобы познакомить его съ литературой и исторіей Польши и хотѣлъ воспользоваться пребываніемъ въ Варшавѣ, чтобы подыскать достойнаго преподавателя изъ поляковъ. Дѣлу этому онъ придавалъ большую важность, находя, что будущаго царя польскаго необходимо познакомить съ Польшей и заставить полюбить ее. «Надобно»,—писалъ онъ,—«чтобы онъ узналъ ее такою, какова она есть, безъ предубѣжденій, безъ односторонности; надобно, чтобъ онъ зналъ, что̀ она теперь, чего ей недостаетъ, что̀ ей имѣть должно; чтобы онъ, познакомившись съ ея прошедшимъ и настоящимъ, могъ полюбить ея будущее, какъ слѣдуетъ царю, которому надлежитъ на небѣ, простертомъ надъ двумя подвластными ему народами, поставить свѣтлую радугу союза» [1]. Буря польскаго мятежа 1830—1831 годовъ разсѣяла политическія мечтанія русскаго поэта.

24-го апрѣля императрица выѣхала со старшимъ сыномъ изъ Петербурга. Опередившій ихъ на сутки государь съѣхался съ ними въ Динабургѣ. Прощаясь съ сестрами и братомъ, Александръ Николаевичъ казался очень взволнованъ и растроганъ, но въ пути развеселился, былъ разговорчивъ и спалъ немного. Новыя впечатлѣнія возбудили его любопытство. Услыхавъ въ полѣ пѣніе жаворонковъ, онъ прыгалъ отъ радости; проѣзжая чрезъ деревни съ развалившимися строеніями и запущенными домами, замѣчалъ, что владѣтели ихъ должны быть лѣнивы и небрежливы; удивлялся бѣдности и невѣжеству крестьянъ; особенное состраданіе его возбуждало жалкимъ своимъ видомъ и нищетой еврейское населеніе Западнаго края. Путь лежалъ на Псковъ, Островъ, Динабургъ, Вилькомиръ, Маріамполь, Ковно, Пултускъ и Ломжу. Въ Динабургѣ, по приказанію государя, наслѣдникъ тщательно осматривалъ крѣпость со всѣми ея принадлежностями. Съ польскими помѣщиками, у которыхъ останавливались августѣйшіе путешественники для ночлега, онъ непринужденно и любезно разговаривалъ по-польски, «немного»,—замѣчаетъ Мердеръ,—«но что скажетъ, всегда обдуманно и правильно». По-польски же здоровался онъ съ солдатами польскихъ войскъ и привѣтствовалъ поляковъ, командировъ отдѣльныхъ частей [2].

Торжественный въѣздъ ихъ величествъ въ Варшаву состоялся 5-го мая; великій князь ѣхалъ верхомъ впереди своего польскаго конно-егерскаго полка. Первые дни, проведенные въ этомъ городѣ, были посвящены посѣщеніямъ цесаревича Константина Павловича и его супруги, княгини

[1] Жуковскій къ неизвѣстному, 5-го апрѣля 1829 г.

[2] Дневникъ Мердера, 21 апрѣля—1-го мая 1829 г.

Ловичъ, столь красотой и граціей восхитившей царственнаго племянника; представленіемъ должностныхъ лицъ, военныхъ и гражданскихъ, осмотру достопримѣчательностей, причемъ уроки ограничивались чтеніемъ изъ польской литературы. На парадѣ польскихъ войскъ, доведенныхъ цесаревичемъ до высокой степени совершенства, наслѣдникъ былъ въ польскомъ мундирѣ и провелъ свой полкъ церемоніальнымъ маршемъ предъ ихъ величествами [1]. Въ день коронаціи, 12-го мая, онъ велъ подъ-руку княгиню Ловичъ и присутствовалъ на ступеняхъ трона при возложеніи на себя императоромъ Николаемъ вѣнца польскихъ королей. Въ этотъ день государь пожаловалъ его кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла и зачислилъ въ польскій гвардейскій гренадерскій полкъ [2].

Послѣ коронаціи, царская семья провела въ Варшавѣ еще десять дней, наполненныхъ разными торжествами, преимущественно военными, а 21-го мая императрица съ наслѣдникомъ направилась въ Пруссію, сначала въ зáмокъ Антонинъ, принадлежавшій князю Радзивиллу, женатому на принцессѣ Луизѣ Прусской, у которыхъ они прогостили два дня, а затѣмъ—въ Берлинъ. Въ Гринбергѣ къ нимъ присоединился императоръ Николай, а во Франкфуртѣ на Одерѣ привѣтствовали ихъ принцы: наслѣдный, Фридрихъ-Вильгельмъ, Карлъ и Альбертъ. Король выѣхалъ на встрѣчу дочери и зятю съ прочими членами своего семейства въ мѣстечко Фридрихсвальде, за милю отъ Берлина. Въѣздъ въ столицу произошелъ 25-го мая при ликованіяхъ берлинской толпы, радостными кликами встрѣтившей царственныхъ русскихъ гостей [3]. Восторгу толпы не было предѣла, когда на балконѣ королевскаго зáмка показались императоръ и король, а между ними стройный и красивый мальчикъ въ казацкомъ мундирѣ, и когда старецъ-дѣдъ, приподнявъ на руки милаго внука, горячо поцѣловалъ его на глазахъ у всѣхъ [4].

Первое пребываніе въ Берлинѣ, хотя и кратковременное,—оно продолжалось восемь дней, съ 25-го мая по 2-е іюня,—оставило въ душѣ Александра Николаевича глубокій, неизгладимый слѣдъ. До тѣхъ поръ онъ не выходилъ изъ тѣснаго круга семьи и ближайшихъ къ нему лицъ. Тамъ онъ вдругъ очутился въ многочисленномъ и блестящемъ обществѣ родственныхъ принцевъ и принцессъ, съѣхавшихся ко двору Фридриха-Вильгельма III ко дню вступленія въ бракъ второго сына его, Вильгельма, съ принцессою Августою Саксенъ-Веймарскою, дочерью великой княгини Маріи Павловны. Русскіе императоръ и императрица занимали первое мѣсто въ ряду этихъ царственныхъ гостей, которые всѣ съ особенною нѣжностью и лаской обращались съ одиннадцатилѣтнимъ на-

[1] Тотъ же дневникъ, 1-го—12-го мая 1829 г.

[2] Формулярный списокъ.

[3] Дневникъ Мердера, 13-го—25-го мая 1829 г.

[4] Grimm, Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland. I. стр. 314.

слѣдникомъ русскаго престола. Въ свою очередь мальчикъ удивлялъ ихъ своею развязностью; онъ много и любезно разговаривалъ со всѣми, по замѣчанію Мердера, обращаясь съ ними, какъ съ людьми давно ему знакомыми. Миловидность его, ловкость, манеры, полныя граціи и достоинства, приводили въ восторгъ берлинскій дворъ; но и на наслѣдника производило сильное впечатлѣніе все, что̀ показывали ему въ Берлинѣ, Шарлотенбургѣ и Потсдамѣ,—историческія воспоминанія, въ особенности же строго-военная обстановка, посреди которой вращался и жилъ старый король и всѣ члены его семьи. Великій князь посѣтилъ за̀мокъ Сансуси и сады его; съ благоговѣйнымъ вниманіемъ осмотрѣлъ онъ это жилище Великаго Фридриха, а въ церкви, гдѣ покоится прахъ его, написалъ свое имя на одной изъ мраморныхъ досокъ, повѣшенныхъ по стѣнамъ. Императрица повела его помолиться надъ гробницею своей матери, королевы Луизы, предъ мраморнымъ ея изваяніемъ, лучшимъ произведеніемъ рѣзца знаменитаго Рауха. Въ Александровской колоніи онъ вмѣстѣ съ августѣйшими родителями и дѣдомъ присутствовалъ при освященіи вновь выстроенной православной церкви; побывалъ и на Павлиномъ островѣ, любимомъ лѣтнемъ мѣстопребываніи Фридриха-Вильгельма III, и при посѣщеніи тамошняго звѣринца, состоявшаго изъ рѣдкихъ животныхъ и птицъ, очень обрадовался двумъ медвѣдямъ, увидавъ которыхъ, воскликнулъ, обращаясь къ Мердеру: «вотъ наши земляки!» [1].

Но, разумѣется, бо̀льшая часть времени посвящалась военнымъ упражненіямъ и празднествамъ. Первый прусскій полкъ, представившійся наслѣднику въ образцовомъ порядкѣ, былъ кирасирскій полкъ имени императора Николая, видѣнный имъ по пути, въ Силезіи. На второй день по пріѣздѣ въ Берлинъ тамъ происходилъ парадъ, на которомъ онъ гарцовалъ въ казачьей формѣ. Парадъ,—замѣчаетъ Мердеръ въ дневникѣ,—былъ «не хуже петербургскихъ». За нимъ слѣдовалъ другой, въ Потсдамѣ. Наканунѣ бракосочетанія принца Вильгельма съ принцессою Августою, 29-го мая, король назначилъ Александра Николаевича шефомъ 3-го прусскаго уланскаго полка [2]. Это доставило ему невыразимое удовольствіе. Облекшись въ полный парадный мундиръ своего полка, великій князь отправился сначала показаться родителямъ, потомъ къ дѣду, чтобы благодарить его, а отъ него явился къ дядѣ, принцу Вильгельму, какъ къ своему корпусному командиру. Съ этого дня и до самаго отъѣзда изъ Берлина онъ уже не снималъ прусской формы [3].

На свадебномъ вечерѣ наслѣдникъ принималъ участіе въ традиціонномъ шествіи съ факелами (Fackeltanz), исполняемомъ при бракосоче-

[1] Дневникъ Мердера, 25-го мая—27-го іюня 1829 г.

[2] Формулярный списокъ.

[3] Дневникъ Мердера, 29-го мая 1829 г.

таніяхъ принцевъ и принцессъ бранденбургскаго дома. Въ нѣкоторое замѣшательство привело его требованіе прусскаго придворнаго этикета, чтобы онъ, какъ почетный гость, участвовалъ въ игрѣ въ карты. Играли въ мушку, и Александру Николаевичу пришлось сидѣть въ партіи принца Карла Мекленбургскаго. Незнакомый съ игрой и даже не различая картъ, онъ признался воспитателю, что намѣренъ выйти изъ затрудненія, постоянно пасуя [1]. Зато ни малѣйшаго смущенія или застѣнчивости не выказалъ онъ въ обращеніи съ офицерами и солдатами своего прусскаго полка. 31-го мая, въ ожиданіи новаго шефа, полкъ былъ выстроенъ въ Тиргартенѣ. Прибывъ верхомъ къ мѣсту его расположенія, король представилъ великаго князя, который, принявъ надъ полкомъ начальство и отсалютовавъ королю, провелъ полкъ церемоніальнымъ маршемъ предъ его величествомъ. Послѣ ученія, при которомъ уланы производили различныя построенія съ примѣрною точностью и быстротою, шефъ повелъ ихъ чрезъ Бранденбургскія ворота къ зáмку, гдѣ штандарты были отнесены въ покои наслѣдника. На другой день трубачи полка явились поздравить шефа, и всѣ офицеры были вмѣстѣ съ нимъ приглашены къ обѣденному столу короля [2].

Императрица Александра Ѳеодоровна осталась одна въ Берлинѣ. Государь выѣхалъ оттуда 1-го іюня, а великій князь послѣдовалъ за нимъ 2-го. Отстоявъ обѣдню въ русской посольской церкви, Александръ Николаевичъ со слезами на глазахъ простился съ матерью и дѣдомъ, а также со всѣми родными, причемъ старикъ-король былъ крайне растроганъ. Проѣзжая по улицамъ Берлина, наслѣдникъ кланялся на всѣ стороны привѣтствовавшей его густой толпѣ. Близъ Фридрихсвальде увидѣлъ онъ свой уланскій полкъ выстроеннымъ вдоль дороги. Лицо его просіяло. Онъ проѣхалъ въ коляскѣ по фронту, простился съ офицерами и солдатами и просилъ командира благодарить короля за милостивое къ нему вниманіе, доставившее ему случай еще разъ увидѣть свой славный и дорогой его сердцу полкъ. Прусскіе уланы громкими криками «ура!» проводили своего царственнаго шефа [3]. Снова проведя день въ семействѣ князя Радзивилла въ замкѣ Антонинѣ, въ Силезіи, наслѣдникъ и спутники его 6-го іюня прибыли въ Варшаву. Тамъ оставались они пять дней, участвуя въ смотрахъ и парадахъ, происходившихъ въ высочайшемъ присутствіи, и, чрезъ Ковно, Митаву, Ригу и Ревель, 22-го іюня возвратились въ Царское Село. На берегу Нѣмана, на той самой горѣ, съ которой Наполеонъ въ 1812 году смотрѣлъ на переправу чрезъ Нѣманъ своей великой арміи, Александръ Николаевичъ сорвалъ

[1] Тотъ же дневникъ. 30-го мая и 1-го іюня 1829 г.

[2] Тотъ же дневникъ, 31-го мая 1829 г.

[3] Тотъ же дневникъ. 2-го іюня 1829 г.

себѣ вѣтку на память объ этомъ событіи, замѣтивъ: «Вотъ какъ все проходитъ! Ни Наполеона, ни страшной его арміи не существуетъ! Осталась гора и къ ней присоединилось преданіе»[1].

Какъ ни разнообразны были впечатлѣнія двухмѣсячнаго путешествія, великій князь радъ былъ, однако, возвращенію домой. При приближеніи къ Царскому Селу имъ овладѣло сильное волненіе. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть любимое свое лѣтнее жилище. Уже въѣзжая въ Красное Село, при видѣ бѣлѣющаго лагеря, онъ не могъ спокойно сидѣть въ экипажѣ, безпрестанно обнималъ и цѣловалъ Мердера, а при въѣздѣ въ царскосельскій паркъ воскликнулъ: «Наконецъ я дома! Боже мой! Здѣсь все, каждый кустикъ, каждая дорожка напоминаетъ мнѣ о какомъ-нибудь удовольствіи. Какое счастіе видѣть мѣста и людей, сердцу милыхъ, бывшихъ свидѣтелей нашихъ радостей!» Посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ: «Въ эту минуту сестрицы должны быть на балконѣ». И дѣйствительно, первою показалась великая княжна Александра Николаевна. Наслѣдникъ замахалъ ей фуражкой, его узнали, и не успѣлъ онъ выйти изъ экипажа, какъ уже очутился въ объятіяхъ выбѣжавшихъ ему навстрѣчу брата и сестеръ. «Вечеръ проведенъ»,—свидѣтельствуетъ Мердеръ,—«въ сердечныхъ изліяніяхъ любви и разсказахъ»[2].

25-го іюня, въ день рожденія отсутствующаго отца, великія княжны устроили въ честь возвращенія брата на Дѣтскомъ островѣ праздникъ, на который приглашено было цѣлое общество ихъ сверстниковъ и сверстницъ. Наслѣдникъ былъ крайне растроганъ вниманіемъ милыхъ сестеръ и со слезами умиленія разсматривалъ украшенные гирляндами изъ цвѣтовъ чайный столъ, домъ, деревья и пристань, которую Ольга Николаевна назвала: «Мысомъ добраго Саши», «Или доброй Надежды»,—прибавилъ одинъ изъ маленькихъ гостей. Дѣти долго веселились, играя и прыгая на сѣткѣ[3].

. Между тѣмъ наступилъ срокъ обыкновеннаго полугодичнаго экзамена. Великій князь и сотоварищи выдержали его съ успѣхомъ. По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія государя и императрицы дворъ переселился въ Петергофъ, гдѣ ожидало Александра Николаевича новое занятіе—участіе въ лагерномъ сборѣ военно-учебныхъ заведеній.

21-го іюля наслѣдникъ встрѣтилъ въ Стрѣльнѣ выступившихъ изъ Петербурга въ Петергофскій лагерь кадетъ и пошелъ съ ними въ полной амуниціи въ рядахъ 2-го кадетскаго корпуса. У дачи Мятлевой надѣли ранцы и остановились, не доходя до шлагбаума. Тамъ подъѣхалъ къ кадетамъ государь и самъ повелъ ихъ въ лагерь мимо котеджа, съ балкона

[1] Дневникъ Мердера, 2-го — 22-го іюня 1829 г.

[2] Тотъ же дневникъ, 23-го іюня 1829 г.

[3] Тотъ же дневникъ, 25-го іюня 1829 г.

котораго глядѣла на нихъ императрица съ великими княжнами. Кадеты проходили по отдѣленіямъ. Александръ Николаевичъ находился въ знаменныхъ рядахъ 2-го корпуса, Віельгорскій и Паткуль — за унтеръ-офицеровъ въ стрѣлковыхъ взводахъ. Едва дошли они до палатокъ, какъ набѣжала туча, поднялся вихрь, ударилъ громъ и дождь полилъ рѣкою. Всѣ промокли до костей, не исключая великаго князя, стоявшаго у знамени на часахъ. Маршъ и непогоду онъ, по выраженію своего воспитателя, перенесъ «съ похвальнымъ терпѣніемъ»[1].

Съ этого дня началось практическое обученіе наслѣдника военному дѣлу. Занимая на парадахъ мѣсто офицера по чину подпоручика, онъ въ кадетскомъ рядахъ былъ только рядовымъ и послѣдовательно унтеръ-офицеромъ и фельдфебелемъ. 25-го іюля, получивъ извѣстіе о побѣдахъ, одержанныхъ Паскевичемъ въ Азіатской Турціи, государь прибылъ въ кадетскій лагерь, вызвалъ дивизіонъ артиллерійскаго училища для салютаціонной стрѣльбы и поставилъ сына третьимъ нумеромъ съ пальникомъ къ орудію. Великій князь оставался въ строю во все время пальбы. Три дня спустя происходилъ первый «штурмъ» петергофскихъ каскадовъ. Послѣ обѣда государь самъ повелъ кадетъ къ Самсону и оттуда, по его сигналу: «разъ-два-три», всѣ они съ крикомъ «ура!» кинулись вверхъ по уступамъ бьющихъ фонтановъ къ находившемуся на верху террасы гроту, гдѣ императрица раздавала призы. Великій князь барахтался въ водѣ, какъ и всѣ прочіе, и былъ изъ первыхъ у цѣли. Въ шесть часовъ пополудни въ лагерѣ военно-учебныхъ заведеній забили тревогу и начался манёвръ, продолжавшійся два часа. Наслѣдникъ и товарищи его участвовали въ немъ въ строю 2-го кадетскаго корпуса. Такіе манёвры нѣсколько разъ повторялись и въ слѣдующіе дни. Великій князь все свое время проводилъ съ кадетами, которые по воскресеньямъ и праздникамъ приглашались въ Александрію и привлекались къ играмъ царскихъ дѣтей[2]. 3-го августа окончился лагерный сборъ, а на другой день дворъ переѣхалъ изъ Петергофа въ Елагинъ дворецъ, гдѣ оставался до осени[3].

1829-й годъ заключился обычными экзаменами, прошедшими столь же успѣшно, какъ и экзамены предшедшаго года. Въ наставленіи, прочтенномъ Жуковскимъ тремъ своимъ ученикамъ, звучитъ, однако, жалоба на ослабленіе прилежанія Александра Николаевича, упреки за непостоянство въ трудѣ. Снова убѣждаетъ онъ его относиться съ довѣріемъ и вниманіемъ къ наставникамъ и воспитателямъ, вступить съ ними въ дружеское товарищество, чтобы облегчить имъ достиженіе цѣли—будущему счастію царственнаго питомца, основанному на просвѣщеніи, ко-

[1] Тотъ же дневникъ, 21-го іюня 1829 г.

[2] «Годы ученія». Предисловіе. Сборникъ И. Р. И. О., XXX, стр. XIX.

[3] Дневникъ Мердера, 21-го іюля — 3-го августа 1829 г.

торое ведетъ къ добродѣтели и къ заслуженной славѣ: «На томъ мѣстѣ, которое вы современемъ займете, вы должны будете представлять изъ себя образецъ всего, что можетъ быть великаго въ человѣкѣ, будете предписывать законы другимъ, будете требовать отъ другихъ уваженія къ закону. Пользуйтесь счастливымъ временемъ, въ которое можете слышать наставленія отъ тѣхъ, кои васъ любятъ и могутъ свободно говорить вамъ о вашихъ обязанностяхъ; но, вѣря намъ, пріучайтесь дѣйствовать сами, безъ понужденія, произвольно, просто изъ любви къ должности, иначе не сдѣлаетесь образцомъ для другихъ, не будете способны предписывать законъ и не научите никого исполнять закона, ибо сами не будете исполнять его... Всѣ наши познанія вмѣстѣ утверждаютъ въ насъ одну только главную мысль, что человѣческая жизнь есть училище, въ которомъ учитель Богъ, и что мы здѣсь только для того, чтобы каждому на своемъ мѣстѣ быть достойнымъ своего учителя» [1].

Въ продолженіе 1830 года не произошло существенныхъ перемѣнъ въ занятіяхъ и въ образѣ жизни наслѣдника, если не считать назначенія новыхъ преподавателей: Арсеньева—для географіи и статистики Россіи и Плетнева—для русской словесности, а также замѣны Альфри Варрантомъ въ преподаваніи англійскаго языка. Зима по прежнему проведена въ Зимнемъ дворцѣ, весна въ Царскомъ, лѣто въ Петергофѣ. 1-го іюля, въ именины императрицы, Александръ Николаевичъ произведенъ въ поручики и причисленъ къ кавалергардскому ея величества полку [2].

За три недѣли до этого дня императоръ Николай писалъ къ Мердеру изъ Варшавы, гдѣ находился вмѣстѣ съ государыней: «Спасибо, любезный Карлъ Карловичъ, за добрыя вѣсти, которыя меня сердечно радуютъ. Дай Богъ успѣха твоему старанію и благословенія нашему дѣлу! Къ пріѣзду нашему вели изготовить Сашѣ всю кавалергардскую форму; но постарайся, чтобъ хорошо его одѣли: женѣ сдѣлаемъ сюрпризъ, и 1-го числа онъ пропарадируетъ съ разводомъ. Кадеты выступятъ въ лагерь 28-го числа. Саша и товарищи его будутъ въ фронтѣ, какъ прошлаго года. Послѣ праздниковъ поѣдутъ въ Красное Село. Саша на это время будетъ со мной жить; если погода хороша, то я васъ помѣщу въ лагерѣ подлѣ себя; я хочу, чтобы всѣ трое несли въ это время службу наравнѣ съ кадетами, обѣдая особо, но, впрочемъ, соблюдая все, что съ другихъ требоваться будетъ. Ты будешь командовать баталіономъ, Юрьевичъ станетъ въ дивизіонъ, въ который они помѣщены будутъ, чтобы за ними ближе смотрѣть. Пробывъ тамъ десять дней и отвѣдавъ пріятнаго и тяжелаго, мы поѣдемъ въ Ревель къ женѣ, а потомъ воротимся домой. Все это останется между нами и не говори о томъ никому, но приготовь что

[1] Отчетъ о воспитаніи наслѣдника за 1829 г.

[2] Формулярный списокъ.

тебѣ нужно для нихъ. Скоро, съ помощью Божіею, воротимся; признаться съ нетерпѣніемъ жду минуту обнять милыхъ ребятъ. Я усталъ крѣпко. Поклонись Жуковскому и всѣмъ нашимъ. Тебя искренно любящій «Николай»[1].

Между тѣмъ наслѣдникъ обнаруживалъ все бо́льшее прилежаніе и интересъ къ преподаваемымъ предметамъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ похвальные отзывы его воспитателя. Въ подтвержденіе, Мердеръ приводитъ въ дневникѣ своемъ слѣдующій случай: «Я предложилъ Александру Николаевичу придумать себѣ девизъ для флага, который онъ желалъ имѣть на Дѣтскомъ островѣ. Онъ сѣлъ къ своему столу, сказавъ мнѣ: «хорошо, я вамъ мой девизъ сейчасъ нарисую». Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени принесъ ко мнѣ рисунокъ на коемъ представилъ водою промытую скалу, муравья и якорь, написавъ вокругъ: постоянство, дѣятельность и надежда. Я крайне былъ обрадованъ сею прекрасною мыслью и совѣтовалъ только рисунокъ отдѣлать получше»[2].

Какъ турецкая война 1828—1829 годовъ, завершившаяся блестящимъ Адріанопольскимъ миромъ, такъ и война, вызванная возстаніемъ Польши, не отразились на ходѣ занятій наслѣдника. И 1831 годъ провелъ онъ совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ съ предшествовавшими; только свирѣпствовавшая въ Петербургѣ холера прервала на три мѣсяца, съ іюня по сентябрь, обычные уроки, такъ какъ въ продолженіе этого времени не дозволялось жителямъ столицы ѣздить въ Царское Село, гдѣ имѣла пребываніе императорская семья[3]. Изъ выдающихся происшествій слѣдуетъ отмѣтить: 18-го мая производство великаго князя въ штабсъ-ротмистры «за успѣхи въ наукахъ на экзаменѣ» и назначеніе его 23-го августа шефомъ лейбъ-кирасирскаго, бывшаго ея величества, полка[4].

Послѣ кончины цесаревича Константина Павловича государь, манифестомъ отъ 30-го августа, пожаловалъ старшему сыну титулъ цесаревича. Къ числу обычныхъ развлеченій прибавилась лѣтомъ охота на зайцевъ и утокъ, зимою—изданіе, по мысли Жуковскаго, дѣтскаго журнала «Муравейникъ», въ которомъ сотрудничали великій князь и его сестры. Осенью состоялась поѣздка въ Москву для обозрѣнія устроенной тамъ промышленной выставки. И въ этотъ разъ москвичи съ криками восторга привѣтствовали москвича-цесаревича. Александръ Николаевичъ съ большимъ вниманіемъ знакомился съ московскими святынями и древностями, осмотрѣлъ кадетскіе корпуса и другія воспитательныя заведенія, появлялся въ театрѣ и на балахъ во дворцѣ, въ дворянскомъ собраніи, у генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына, и у другихъ вельможъ.

[1] Императоръ Николай Мердеру, 10-го іюня 1840 г.

[2] Дневникъ Мердера, 13-го іюня 1840 г.

[3] Тотъ же дневникъ, 11-го сентября 1831 г.

[4] Формулярный списокъ.

Онъ очаровалъ московское общество стройностью и красотою въ щегольскомъ красномъ кавалергардскомъ мундирѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, но въ особенности привѣтливостію, вниманіемъ и обходительностью. «Онъ прелестно хорошъ»,—восклицаетъ въ дневникѣ своемъ сопровождавшій его Мердеръ:—«зато и вскружилъ всѣмъ головы» [1].

Воспитатель не могъ налюбоваться своимъ обожаемымъ питомцемъ, и безмѣрной любви его къ нему должно приписать безпокойство, время отъ времени выражаемое имъ по поводу его недостатковъ, главнымъ образомъ его апатіи въ борьбѣ съ трудностями. По возвращеніи изъ Москвы, онъ, однако, отлично атествовлъ его государю, который выразилъ полное свое удовольствіе сыну, прибавивъ: «Ты не можешь сдѣлать меня довольнымъ иначе, какъ всегда учась съ тѣмъ же прилежаніемъ» [2]. Но императоръ Николай желалъ знать и недостатки наслѣдника и особенно строго взыскивалъ съ него за ослушаніе воспитателю. Однажды, узнавъ о рѣзкомъ отвѣтѣ его на замѣчаніе Мердера, государь сказалъ ему: «Уходи! Ты недостоинъ подойти ко мнѣ послѣ такого поведенія; ты забылъ, что повиновеніе есть долгъ священный, и что я все могу простить кромѣ неповиновенія». По требованію его величества, Мердеръ долженъ былъ перечислить главные недостатки цесаревича: надменность, неподатливость при исполненіи приказаній и страсть спорить, доказывающая желаніе быть всегда правымъ. «Все это»,—замѣчалъ онъ,—«имѣетъ началомъ гордость». Государь рѣшилъ, что Александръ Николаевичъ лишится права носить мундиръ по воскресеньямъ, если когда-либо покажетъ малѣйшее непослушаніе. Строгую эту мѣру взысканія не пришлось, впрочемъ, примѣнить ни единаго раза [3].

Весело отпраздновали святки при дворѣ. Наканунѣ Рождества въ Зимнемъ дворцѣ устроена была ёлка, причемъ Александру Николаевичу подарено августѣйшими родителями множество вещей: бюстъ Петра Великаго, ружье, сабля, ящикъ съ пистолетами, вицъ-мундиръ кавалергардскаго полка, фарфоровыя тарелки и чашки съ изображеніемъ русскихъ войскъ всѣхъ родовъ оружія. Но изъ всѣхъ подарковъ наибольшее удовольствіе доставили ему книги, подаренныя государемъ. То были: «Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des nations diverses de l'Empire de Russie: Recueil de petites marines» par Bugeaud и многотомное сочиненіе Шёля: «Cours d'histoire des Etats européens modernes». Къ прочимъ предметамъ онъ оставался совершенно равнодушнымъ.

Каждый вечеръ танцовали у императрицы. Сверхъ того было дано нѣсколько спектаклей въ Эрмитажѣ, балъ въ Концертномъ залѣ и боль-

[1] Дневникъ Мердера, 28-го октября—12-го ноября 1831 г.

[2] Тотъ же дневникъ, 27-го ноября 1831 г.

[3] Тотъ же дневникъ, 15-го декабря 1831 г.

ной маскарадъ въ Зимнемъ дворцѣ для дворянства и купечества, на которомъ, по точнымъ свѣдѣніямъ, было 2.200 гостей. Рядъ зимнихъ празднествъ завершился въ день Богоявленія собраніемъ у великихъ княженъ, на которое приглашены были, сверхъ обыкновенныхъ посѣтителей придворныхъ увеселеній, по два кадета отъ каждаго кадетскаго корпуса. Все маленькое общество играло въ «бобы». «Королемъ» и «королевой» праздника довелось быть цесаревичу и старшей сестрѣ его, Маріи Николаевнѣ. Они сѣли на тронъ, возлѣ котораго помѣстился почетный караулъ, а при немъ барабанщикомъ—къ невыразимой радости дѣтей—самъ государь: «король» и «королева» раздавали награды и назначали должностныхъ лицъ, послѣ чего великая княжна повелѣла начать балъ. Обязанности оркестра взяла на себя императрица. Гости разошлись, протанцовавъ французскую кадриль [1].

Увеселенія всякаго рода возобновились на масляницѣ и къ нимъ привлекались въ большомъ числѣ воспитанники военно-учебныхъ заведеній. Они происходили то въ Зимнемъ дворцѣ, то у великаго князя Михаила Павловича, то на Елагиномъ острову, куда дворъ отправлялся на саняхъ, на тройкахъ, для катанья съ ледяныхъ горъ. Цесаревичъ съ удовольствіемъ предавался этому развлеченію, въ которомъ онъ, какъ и во всѣхъ прочихъ физическихъ упражненіяхъ, отличался большою ловкостью. Хотя онъ былъ нѣсколько зябокъ, но выдерживалъ значительный холодъ и даже зимой постоянно гулялъ безъ перчатокъ [2].

Все это было причиною отсрочки годичнаго экзамена до Великаго поста. Экзаменъ прошелъ, по обыкновенію, вполнѣ успѣшно, хотя Мердеръ и жалуется на возраставшее равнодушіе Александра Николаевича къ классныимъ занятіямъ. Зато онъ не могъ нахвалиться правильностью его сужденій, изъ числа которыхъ приводитъ въ дневникѣ своемъ слѣдующее, живо характеризующее зрѣлость царственнаго юноши. На вопросъ законоучителя: слѣдуетъ ли прощать обиды? цесаревичъ отвѣчалъ: «Должно, несомнѣнно, прощать обиды, дѣлаемыя намъ лично, но обиды, нанесенныя законамъ народнымъ, должны быть судимы законами; существующій законъ не долженъ дѣлать исключеній ни для кого» [3].

Отговѣвъ на Страстной недѣлѣ и пріобщившись св. Таинъ, Александръ Николаевичъ отпраздновалъ Пасху, и наканунѣ дня своего рожденія едва не подвергся большой опасности. Катаясь верхомъ по Царицыну лугу на любимомъ своемъ конѣ «Малекъ-Адель», осѣдланномъ казачьимъ сѣдломъ и на одной уздечкѣ, онъ пустилъ лошадь сначала въ галопъ, потомъ въ карьеръ и, не будучи въ состояніи остановить ее, хотѣлъ сдѣлать вольтъ передъ веревкой, окаймляющей плацъ, но лошадь перепрыгнула

[1] Тотъ же дневникъ, 21-го декабря 1831 г. — 6-го января 1832 г.

[2] Тотъ же дневникъ, 14-го — 22-го февраля 1832 г.

[3] Тотъ же дневникъ, 24-го января 1832 г.

черезъ веревку, и великій князь, не ожидавшій этого, упалъ безъ чувствъ на мостовую. Къ счастію, не оказалось никакихъ поврежденіи, кромѣ помятія мускула праваго плеча. Цесаревича, приведя въ чувство, отвезли въ Зимній дворецъ и уложили въ постель, но черезъ нѣсколько дней онъ уже выздоровѣлъ совершенно [1].

Весною 1832 года дворъ не жилъ въ Царскомъ Селѣ и 1-го іюня, прямо изъ Петербурга, переѣхалъ въ Петергофъ. Жуковскій не сопровождалъ туда возлюбленнаго своего питомца. Разстроенное состояніе его здоровья вынудило Василія Андреевича уѣхать на воды заграницу. Отъѣздъ наставника крайне опечалилъ цесаревича, который во все время его путешествія усердно съ нимъ переписывался. Лѣто прошло въ обычныхъ упражненіяхъ въ кадетскомъ лагерѣ. 1-го іюля государь произвелъ наслѣдника въ чинъ ротмистра [2], послѣ чего онъ уже сталъ и на ученьяхъ исполнять обязанности офицера, командуя взводомъ. Къ этому времени относится замѣчательный разговоръ Мердера съ императоромъ Николаемъ, тщательно занесенный имъ въ дневникъ.

«Я замѣтилъ»,—сказалъ ему однажды государь,—«что Александръ показываетъ вообще мало усердія къ военнымъ наукамъ. Я хочу, чтобы онъ зналъ, что я буду непреклоненъ, если замѣчу въ немъ нерадивость по этимъ предметамъ; онъ долженъ быть военный въ душѣ, безъ чего онъ будетъ потерянъ въ нашемъ вѣкѣ. Мнѣ казалось, что я замѣтилъ, что онъ любитъ однѣ только мелочныя подробности военнаго дѣла». Мердеръ возразилъ, что всѣ его усилія направлены къ тому, чтобы воспитать въ цесаревичѣ «рыцаря безъ страха и упрека»; что онъ всячески старается дать ему понять, что, дабы сдѣлаться великимъ полководцемъ, недостаточны парады и смотры; но что, если Александръ Николаевичъ находитъ въ нихъ удовольствіе, то нельзя обвинять его въ томъ, потому-де, что у насъ вообще обращаютъ болѣе вниманія на мелочи военной службы, чѣмъ на предметы истинно важные. Въ заключеніе, воспитатель просилъ государя провѣрить его слова, переговоривъ съ самимъ наслѣдникомъ объ этомъ предметѣ. «Я вамъ вѣрю и имѣю полную довѣренность ко всему вами сказанному», отвѣчалъ императоръ, «но хотѣлось бы мнѣ скорѣе видѣть его занимающимся этимъ дѣломъ, какъ я имъ занимался въ его лѣта» [3]. Нѣсколько дней спустя государь сообщилъ воспитателю составленный имъ самимъ для наслѣдника планъ военныхъ наукъ, на основаніи котораго, съ 1833 года, начали читать лекціи: по фортификаціи—директоръ инженернаго училища Христіани, а по артиллеріи—инспекторъ классовъ артиллерійскаго училища Вессель [4].

[1] Дневникъ Мердера, 16-го апрѣля 1832 г.

[2] Формулярный списокъ.

[3] Дневникъ Мердера, 21-го августа 1832 г.

[4] Тотъ же днёвникъ, 2-го октября 1832 г.

Карлъ Карловичъ Мердеръ.

(Съ литографіи Мюнстера)

Заступничество за царственнаго питомца предъ государемъ было какъ бы лебединою пѣснью нѣжно любившаго его воспитателя. Съ осени 1832 года обнаружились у Мердера первые признаки болѣзни сердца, вскорѣ сведшей его въ могилу. Болѣзненная раздражительность не могла не отразиться на его отношеніяхъ къ наслѣднику; случалось, что онъ обращался съ нимъ строже, становился требовательнѣе, приходя въ волненіе отъ малѣйшей его провинности или проступка. Тѣмъ въ бо́льшее умиленіе приводили его трогательныя доказательства любви и преданности, которыя давалъ цесаревичъ «безцѣнному»,—какъ самъ онъ называлъ его,—Карлу Карловичу. Съ того дня, какъ Мердеръ замѣтилъ ему, что его нерадѣніе, возбуждая тревогу и безпокойство въ воспитателѣ, вредно дѣйствуетъ на его разстроенное здоровье, въ Александрѣ Николаевичѣ произошла разительная перемѣна. То, чего не удавалось достигнуть увѣщаніями и даже строгостью, совершилось само собою, силою признательности и привязанности наслѣдника къ любимому своему наставнику и другу. Мердеръ восхищался этой перемѣной: великій князь нетолько безукоризненно велъ себя, но выказывалъ примѣрное и постоянное прилежаніе въ занятіяхъ; его уроки были прекрасно приготовлены, и всѣ учители совершенно имъ довольны. Въ то же время онъ во всѣ свободныя минуты не отходилъ отъ страждущаго воспитателя, то успокаивалъ, то утѣшалъ его, то плакалъ самъ, и только силой—такъ повѣствуетъ Мердеръ,—могли оторвать его отъ постели больного.

Радостью своею Мердеръ поспѣшилъ подѣлиться съ Жуковскимъ, который, проведя лѣто на водахъ, уединился на зиму въ мѣстечко Верне, близъ Веве, на Женевскомъ озерѣ. Оттуда писалъ онъ цесаревичу:

«Благодарю васъ, мой милый великій князь, за ваше письмо и за подробности, кои вы сообщаете мнѣ о ходѣ вашихъ занятій. Еще болѣе благодарю васъ за то, что мнѣ пишетъ объ васъ Карлъ Карловичъ. Онъ извѣщаетъ, что нашъ общій ненавистный врагъ, съ которымъ такъ трудно было бороться, врагъ, называемый лѣнью, почти побѣжденъ, что нашъ естественный бодрый союзникъ, называемый чувствомъ должности, болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ силы, и что есть большая надежда, что мы, съ помощью этого союзника, наконецъ, завоюемъ тотъ чудотворный талисманъ, который поможетъ на предстоящей намъ дорогѣ безопасно притти къ цѣли своей посреди всѣхъ чудовищъ, которыя будутъ насъ пугать и стараться сбить съ ногъ, талисманъ называемый: нравственное достоинство. Безъ аллегорій: у меня сердце повернулось отъ радости и слезы благодарности къ Богу наполнили мои глаза, когда я прочиталъ безцѣнныя строки Карла Карловича о васъ и происшедшей въ васъ перемѣнѣ, мой безцѣнный, вѣрный другъ. Я увѣренъ, что, разъ пробудившись, вы не заснете. Мы живемъ въ такое время, въ которое нужна бодрость, нужно твердое, ясное знаніе своихъ обязанностей и правилъ, [illegible]

исполнять оныя, правилъ, извлекаемыхъ изъ вѣрнаго знанія того, что̀ справедливо, и соединенныхъ съ живымъ стремленіемъ къ общему благу, внушеннымъ тою любовью, которую проповѣдуетъ намъ религія... Знайте только одно: что въ наше бурное время необходимѣе, нежели когда нибудь, чтобы государи своею жизнью, своимъ нравственнымъ достоинствомъ, своею справедливостью, своею чистою любовью общаго блага были образцами на землѣ и стояли выше остального міра. Нравственная сила необходима; она въ душѣ государей, хранитъ народы въ мирное время, спасаетъ ихъ во времена опасныя и во всякое время влечетъ ихъ къ тому, что̀ назначилъ имъ Богъ, то есть къ вѣрному благу, неразлучному съ человѣческимъ достоинствомъ. Толпа можетъ имѣть силу матеріальную, но сила нравственная въ душѣ государей: ибо они могутъ быть дѣйствительными представителями справедливости и блага» [1].

Въ августѣ царская семья переѣхала изъ Петергофа въ Елагинъ дворецъ и уже 20-го сентября возвратилась въ Петербургъ. Зимою придворныя и военныя торжества, пріемы и парады, свѣтскія развлеченія: спектакли, маскарады, балы, все болѣе и болѣе отнимали времени у пятнадцатилѣтняго цесаревича, но не въ ущербъ его класснымъ занятіямъ, которыя не сократились ни на одинъ часъ. Въ отсутствіе Жуковскаго русскую исторію преподавалъ ему Арсеньевъ, вернувшійся изъ поѣздки по Россіи, которую предпринялъ, по высочайшему повелѣнію, для собранія матеріаловъ отечественной статистики, составляемой имъ для наслѣдника. Въ качествѣ преподавателя химіи, Кеммерера смѣнилъ академикъ Гессъ. Александръ Николаевичъ продолжалъ прилежно заниматься, но съ увлеченіемъ отдавался и удовольствіямъ, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимала охота. Радостное настроеніе его нарушалось лишь сознаніемъ опасности, что̀ грозила жизни его любимаго воспитателя. Къ веснѣ болѣзнь Мердера настолько усилилась, что врачи потребовали немедленнаго отправленія его въ чужіе края, и 14-го марта 1833 года онъ, въ сопровожденіи семьи своей, выѣхалъ изъ Петербурга сухимъ путемъ, чрезъ Таурогенъ и Кёнигсбергъ, въ Берлинъ. Въ самый день отъѣзда государь, въ воздаяніе беззавѣтнаго и самоотверженнаго исполненія имъ въ продолженіе девяти лѣтъ обязанности нравственнаго руководителя старшаго сына, пожаловалъ Мердеру званіе генералъ-адъютанта.

Александръ Николаевичъ глубоко чувствовалъ всю тяжесть разставанья съ неразлучнымъ дотолѣ спутникомъ его дѣтства. «Это первое, могу сказать, несчастіе»,—писалъ онъ ему,—«которое я испыталъ въ жизни моей» [2]. И въ другомъ письмѣ: «Это первое испытаніе, которое на меня наложилъ Всемогущій Отецъ» [3]. Простившись съ Мердеромъ, про-

[1] Жуковскій цесаревичу, 5-го ноября 1832 г.

[2] Цесаревичъ Мердеру, 16-го декабря 1832 г. и 10-го февраля 1833 г.

[3] Цесаревичъ Мердеру, 15-го марта 1833 г.

водивъ его взорами, императрица и сынъ ея пошли въ его комнату и тамъ долго и усердно молились о ниспосланіи ему выздоровленія, о скоромъ возвращеніи его. Въ продолженіе цѣлаго года цесаревичъ писалъ своему воспитателю акуратно каждую субботу, называя его безцѣннымъ, милымъ другомъ, увѣряя въ безпредѣльной любви и преданности, отдавая отчетъ во всѣхъ своихъ занятіяхъ, поступкахъ, помыслахъ, замѣчая, что письменный съ нимъ разговоръ настоящее наслажденіе. Письма его дышатъ неподдѣльнымъ, искреннимъ чувствомъ, столь же лестнымъ для воспитателя, какъ и приносящимъ честь его царственному питомцу.

Замѣстителемъ Мердера назначенъ былъ генералъ-маіоръ Кавелинъ, а на Юрьевича возложена обязанность составлять отчеты, представляемые ихъ величествамъ о ходѣ воспитанія наслѣдника, и завѣдываніе его канцеляріей. Карлъ Карловичъ не переставалъ издали поучать и наставлять цесаревича въ частыхъ къ нему письмахъ, побуждая его вырабатывать въ себѣ твердость воли, искренно относиться къ родителямъ и ко всѣмъ ближнимъ [1]. То же дѣлалъ и Жуковскій. Поздравляя наслѣдника изъ Верне съ наступающимъ новымъ годомъ, онъ убѣждалъ его не уставать въ пріобрѣтеніи новыхъ познаній и предостерегалъ отъ излишней самонадѣянности. По поводу предстоявшей разлуки съ Мердеромъ, котораго называлъ «добрымъ, благодѣтельнымъ другомъ, геніемъ-хранителемъ» великаго князя, онъ писалъ ему: «Надѣясь на милость Божію, смѣю вѣрить, что этотъ тяжелый опытъ не будетъ продолжителенъ, но вы при первомъ несчастіи жизни научитесь достойнымъ образомъ переносить его. Вся наша жизнь есть не иное что, какъ безпрерывное стараніе сохранить наше достоинство въ опытахъ, посылаемыхъ намъ Провидѣніемъ. Эта наука вамъ нужнѣе, нежели кому нибудь, и вотъ случай доказать, что вы недаромъ имѣли такого друга въ вашемъ младенчествѣ, каковъ несравненный Карлъ Карловичъ. Вотъ случай воспользоваться всѣмъ тѣмъ добромъ, которымъ его любовь къ вамъ обогатила вашу душу. Если что нибудь можетъ ускорить зрѣлость вашего характера, то именно это несчастіе слишкомъ рано и, надѣюсь, не надолго, посланное вамъ Богомъ. До сихъ поръ, имѣвъ подлѣ себя столь надежнаго руководца, имѣвъ въ немъ, такъ сказать, олицетворенную должность передъ глазами своими, вы могли быть болѣе безпечны; во всякую минуту было подлѣ васъ сердце, въ которомъ все ваше откликалось, и доброе и худое; былъ голосъ, который тотчасъ или одобрялъ васъ или укорялъ и въ обоихъ случаяхъ приносилъ вамъ пользу. Теперь это перемѣнилось; вы болѣе преданы самому себѣ—что̀ въ ваши лѣта опасная утрата—и вы теперь вдвое должны за самого себя бодрствовать. Въ этомъ-то и состоитъ теперь ваша обязанность: этою бдительностью за самимъ собою сохраните вы

[1] «Годы ученія», Предисловіе. Сборникъ И. Р. И. О., XXX, стр. XXI.

и свое достоинство въ несчастіи, и въ то же время вы докажете ею и всю благодарность за оказанное вамъ добро. Живите такъ, какъ будто не было съ вами никакой перемѣны, то есть не забывайте ни минуты того, кто теперь не всегда съ вами вмѣстѣ; глядите широкими глазами вашего вѣрнаго друга; это будетъ вамъ опытною наукою добродѣтели и въ то же время облагородитъ еще болѣе ваше сердце благодарною любовью, коей выраженіе состоитъ не въ ласкахъ и не въ другихъ словахъ, а въ согласіи души съ душою тѣхъ, кого мы любимъ, и въ дѣлахъ, достойныхъ одобренія ихъ, когда они подлѣ насъ, или возбуждающее сладкое воспоминаніе о нихъ, когда они не съ нами... Примите этотъ совѣтъ отъ другого вашего истиннаго друга и послѣдуйте ему. То, что мнѣ пишутъ о васъ и Карлъ Карловичъ, и всѣ другіе, увѣряетъ меня, что вы теперь способны послѣдовать такому совѣту» [1]. Увѣренность наставника подтверждается еще болѣе вѣскимъ свидѣтельствомъ о сынѣ самого императора Николая въ письмѣ къ Мердеру: «Вообще я имъ доволенъ, сердце доброе и готовое на все хорошее и благородное» [2].

Лѣто 1833 года, какъ и предыдущія, проведено въ Петергофѣ, почти исключительно въ военныхъ упражненіяхъ въ кадетскомъ лагерѣ и на красносельскихъ маневрахъ. Наслѣдникъ ѣздилъ на одиночное происходившее подъ руководствомъ флигель-адъютанта Грессера, ученье, въ Литовскій полкъ. Въ Красномъ Селѣ, на маневрахъ гвардейскаго корпуса, онъ исправлялъ обязанности ординарца императора, и въ день столѣтняго юбилея Кирасирскаго своего имени полка командовалъ имъ на церковномъ парадѣ; присутствовалъ и на высочайшихъ смотрахъ Балтійскаго флота въ Кронштадтѣ, но въ строю 1-го кадетскаго корпуса продолжалъ быть за унтеръ-офицера. 16-го сентября, по отъѣздѣ государя за границу для свиданія съ королемъ прусскимъ и императоромъ австрійскимъ, императрица съ дѣтьми переѣхала въ Царское Село, гдѣ оставалась до конца октября. Туда прибылъ, наконецъ, изъ за границы Жуковскій, и тотчасъ же было приступлено къ экзаменамъ, отложеннымъ до возвращенія наставника, и которые, какъ всегда, прошли хорошо. По крайней мѣрѣ наслѣдникъ писалъ Мердеру, что «Василій Андреевичъ остался имъ доволенъ» [3].

По переѣздѣ въ Петербургъ онъ же сообщалъ ему, что у нихъ все устроено по прежнему: «и прогулка, и фехтованіе, и верховая ѣзда, и гимнастика, и время удивительно какъ живо летитъ»; признавался, что ему очень трудно взять верхъ надъ собою, но, въ то же время, выражалъ надежду, что послѣ нѣсколькихъ усилій это сдѣлается для него легче,

[1] Жуковскій цесаревичу, 20-го января 1834 г.

[2] Императоръ Николай Мердеру, 20-го декабря 1833 г.

[3] Письма цесаревича къ Мердеру съ іюня по октябрь 1834 г.

что тогда онъ всегда будетъ хорошо и съ любовью исполнять свою обязанность, которая, присовокуплялъ онъ, «конечно, теперь мала, но будетъ со временемъ великая» [1].

Мысли эти были внушены цесаревичу приближеніемъ его совершеннолѣтія, опредѣленнаго основными законами имперіи для наслѣдника престола въ день достиженія имъ шестнадцати лѣтъ. За нѣсколько времени до этого событія онъ писалъ отсутствующему воспитателю: «Вы вѣроятно теперь уже знаете, что мнѣ черезъ недѣлю предстоитъ. Я увѣренъ, что вы будете обо мнѣ думать, равно какъ и я о васъ, мой милый и безцѣнный другъ, и потому вы можете себѣ представить, какъ мнѣ должно быть грустно, что васъ, моего второго отца, въ этотъ важный въ жизни моей день здѣсь не будетъ. Но всю эту скорбь я забуду, лишь бы вы возвратились ко мнѣ совсѣмъ здоровымъ, чтобы окончить вами начатое дѣло. Въ послѣднемъ письмѣ я вамъ писалъ, что Сперанскій приготовлялъ меня къ присягѣ и въ прошедшую субботу прочелъ мнѣ ее. Она удивительно хорошо написана, и всякій человѣкъ съ чувствомъ не можетъ ее хладнокровно прочесть» [2].

Когда наслѣдникъ писалъ эти строки, Мердера уже не было въ живыхъ. Онъ тихо угасъ въ Римѣ, 24-го марта 1834 года, съ именемъ Александра на похолодѣвшихъ устахъ. Вѣсть о его кончинѣ дошла до Петербурга незадолго до дня, назначеннаго для торжественнаго принесенія присяги цесаревичемъ, по случаю исполнившагося его совершеннолѣтія, и, по приказанію государя, не была сообщена его высочеству. Императоръ Николай взялъ на себя повѣдать сыну о скорбной утратѣ уже по переѣздѣ въ Царское Село, 3-го мая. Юрьевичъ такъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное ею на царственнаго юношу: «Я сидѣлъ въ то время за работой въ той самой комнатѣ, которую занималъ нѣкогда Карлъ Карловичъ, какъ внезапно вбѣгаетъ ко мнѣ великій князь; въ сильномъ разстройствѣ, въ слезахъ, бросается онъ на колѣни передъ диваномъ. Въ первый моментъ я какъ бы не вдругъ понялъ причину его внезапнаго отчаянія, но мнѣ не нужно было долго догадываться о причинѣ,— рыданія великаго князя объяснили мнѣ оную,—и вмѣсто утѣшенія я смѣшалъ слезы мои съ его слезами. Давъ время облегчить слезами столь сильный порывъ сердечной скорби, я поднялъ великаго князя. Обнимая меня, онъ сказалъ: «Не понимаю, какъ вы могли скрывать отъ меня свои чувства, и какъ я не могъ догадаться объ ожидавшей меня горести? Боже мой! Я все надѣялся, что скоро увижу безцѣннаго Карла Карловича!» Слезы и рыданія прерывали нѣсколько разъ слова его. Объяснивъ волю государя императора, чтобы удалить отъ него всякое подозрѣніе

[1] Цесаревичъ Мердеру, 4-го и 18-го ноября 1833 г.

[2] Цесаревичъ Мердеру, 14-го апрѣля 1834 г.

о семъ горестномъ для всѣхъ насъ событіи и собственно мнѣ данное его величествомъ приказаніе скрывать скорбь свою, я не могъ не сказать, что эта скорбь была тѣмъ тяжелѣе для моего сердца и мучительнѣе, что не могла быть никѣмъ раздѣлена. Послѣ нѣкотораго размышленія великій князь присовокупилъ: «Какъ хорошо, однакоже, сдѣлали, что не сказали мнѣ... передъ присягой моей»... «Сегодня (три дня спустя) его величество изволилъ разспрашивать меня о великомъ князѣ, и когда я сообщилъ описанныя мною выраженія чувствъ скорби его, которая до сихъ поръ ясно обнаруживается и на лицѣ его, и въ дѣйствіяхъ, равно и то, что онъ часто и долго стоитъ, погрузясь въ размышленія, передъ портретомъ незабвеннаго Карла Карловича, его величество изволилъ сказать мнѣ: «Я весьма этимъ доволенъ; таковыя чувства его мнѣ весьма пріятны: надобно, чтобы онъ чувствовалъ свою потерю» [1].

Заключимъ приведеніемъ посмертнаго отзыва Жуковскаго о достойномъ своемъ сотрудникѣ:

«Изъ сорока шести лѣтъ жизни своей посвятилъ онъ тридцать на службу государю и послѣднія десять провелъ безотлучно при особѣ его высочества наслѣдника, коего воспитаніе было ему ввѣрено. Отмѣнно здравый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенныя съ холодною твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души,— таковы были отличительныя черты его характера. Съ сими свойствами, дарованными природой, соединялъ онъ ясныя правила, извлеченныя имъ изъ опыта жизни, правила, отъ коихъ ничего никогда не могло отклонить его въ поступкахъ. Спокойно и смиренно дѣйствовалъ онъ въ кругу своихъ обязанностей, руководимый одной совѣстью, вѣрный долгу, безъ честолюбія, безъ видовъ корысти, строгій съ самимъ собою и удивительно добродушный съ другими. Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ при великомъ князѣ, конечно, оставили глубокіе слѣды на душѣ его воспитанника; но въ данномъ имъ воспитаніи не было ничего искусственнаго: вся тайна состояла въ благодѣтельномъ, тихомъ, но безпрестанномъ дѣйствіи прекрасной души его, дѣйствіи, которое можно сравнить съ благорастворенiемъ воздуха, необходимымъ для жизни и полнаго развитія растеній. Его питомецъ былъ любимъ нѣжно, жилъ подъ святымъ вліяніемъ прямодушія, честности, благородства; онъ окруженъ былъ порядкомъ; самая строгость принимала съ нимъ выраженіе нѣжности; онъ слышалъ одинъ голосъ правды, видѣлъ одно безкорыстіе,— могла ли душа его, отъ природы благородная, не сохраниться свѣжею и непорочною, могла ли не полюбить добра, могла ли въ то же время не пріобрѣсти и уваженія къ человѣчеству, столь необходимаго во всякой жизни, особливо въ жизни близъ трона и на тронѣ? Будемъ же радо-

[1] Юрьевичъ г-жѣ Гокефортъ, тещѣ Мердера, 6-го мая 1834 г.

ваться, что душа наслѣдника на разсвѣтѣ своемъ встрѣтилась и породнилась съ прекрасною душою Мердера. Провидѣніе разлучило ихъ въ минуту, важную для обоихъ. Все земное кончилось для одного, въ то время, когда другой вступалъ въ храмъ для первой присяги на жизнь земную. Одинъ при переходѣ въ лучшій міръ простился съ здѣшнимъ, произнося свое любимое здѣшнее имя: Александръ, Александръ...» [1].

[1] Жуковскій къ [illegible] И. Р. И. О. XXX, стр. VII.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Юность.

1834—1838.

Совершеннолѣтіе наслѣдника. Присяга. Программа дальнѣйшихъ занятій. Открытіе памятника Александру I. Поѣздки въ Москву и въ Берлинъ. Назначеніе членомъ св. Синода. Новый законоучитель Бажановъ. Бесѣды о законахъ Сперанскаго. Придворный штатъ цесаревича. Путешествіе по Россіи: Новгородъ, Тверь, Угличъ, Рыбинскъ, Ярославль, Кострома, Вятка, Пермь, Екатеринбургъ, Томскъ, Тобольскъ, Оренбургъ, Казань, Симбирскъ, Саратовъ, Пенза, Тамбовъ, Воронежъ, Тула, Калуга, поля сраженій 1812 года, Москва, Владиміръ, Нижній-Новгородъ, Рязань, Орелъ, Курскъ, Харьковъ.— Кавалерійскіе маневры въ Вознесенскѣ.— Николаевъ, Одесса, Севастополь, Южный берегъ Крыма, Анапа, Керчь, Симферополь, Екатеринославль, Кременчугъ, Кіевъ, Полтава, Таганрогъ, Новочеркаскъ.— Кругъ войска Донского.— Возвращеніе въ Царское Село.— Пожаръ Зимняго дворца.

17-го апрѣля 1834 года Александру Николаевичу исполнилось шестнадцать лѣтъ. День этотъ приходился во вторникъ на Страстной недѣлѣ, а потому торжество провозглашенія совершеннолѣтія и принесенія присяги было отложено до Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Государь поручилъ Сперанскому подготовить сына къ этому важному акту, разъяснивъ ему смыслъ и значеніе присяги, которую, на основаніи учрежденія объ императорской фамиліи, члены царскаго дома, достигнувъ совершеннолѣтія, приносятъ въ вѣрности государю и отечеству, а также въ соблюденіи права наслѣдства и установленнаго фамильнаго распорядка. «Изъ сего видно»,—говорилъ Сперанскій,—«что присяга сія дѣлится на двѣ части: одна входитъ въ общую присягу подданства, другая часть совершенно новая. Она есть новая потому, что до 1797 года не было твердаго закона о наслѣдіи престола. Но, съ установленіемъ сего закона, основатель его нашелъ нужнымъ укрѣпить его присягой. Причины сего очевидны. Мы видѣли, какъ долго и какъ бѣдственно законъ о наслѣдіи у насъ колебался. Что можетъ укрѣпить его на будущее время? Каждый членъ императорскаго дома можетъ, въ свою чреду, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, достигнуть наслѣдства, стать

самодержцемъ. Что же можетъ обязать волю самодержавную? Одна совѣсть, одинъ судъ Божій — присяга». Сущность присяги Сперанскій опредѣлилъ такъ: «Присяга есть актъ совѣсти и религіи, коими клянущійся призываетъ Бога во свидѣтели искренности его обѣщанія и подвергаетъ себя Его гнѣву и мести въ случаѣ нарушенія» [1].

Александръ Николаевичъ до такой степени былъ проникнутъ сознаніемъ важности предстоявшаго ему обѣта, что въ недовѣріи къ своимъ силамъ у него вырвалось восклицаніе: «рано бы!» На эту тему предложилъ ему бесѣду, въ самый день его рожденія, законоучитель Павскій. Напомнивъ, что въ день принесенія присяги онъ долженъ будетъ, представъ предъ государя и предъ государство, обѣщать служить имъ всѣми силами ума и тѣла и радѣть пользамъ ихъ съ пожертвованіемъ самого себя, духовный наставникъ указалъ ему на святое и великое призваніе быть владыкою не только надъ собою, но и надъ милліонами людей, различныхъ по языку, состоянію, чувствамъ, обычаямъ, правамъ, мнѣніямъ, прихотямъ и суевѣріямъ. «Представьте себѣ»,—поучалъ онъ,—«сколько надобно ума, чтобъ соразмѣрить ихъ требованія и указать имъ вѣрный и прямой путь къ цѣли!» Руководителями цесаревича будутъ: мудрый примѣръ отца и государя, оправданные опытомъ совѣты наставниковъ, наконецъ—слово Божіе. «Прежде нежели возложите на себя обѣтъ служить государю и отечеству всѣмъ силами души и тѣла»,—заключилъ онъ рѣчь свою,—«возобновите обѣтъ, которымъ вы, при крещеніи, сочетались Христу, облекшись въ Него, обязались послѣдовать Ему. Одинъ только вѣрный послѣдователь Христа и здравый членъ царства Божія можетъ быть полезнымъ членомъ царства человѣческаго» [2].

На Страстной недѣлѣ цесаревичъ отговѣлъ и причастился св. Таинъ, а въ первый день Пасхи, 22-го апрѣля, слушалъ заутреню въ большой церкви Зимняго дворца, гдѣ въ тотъ же день передъ вечернею произошло торжественное принесеніе имъ присяги въ качествѣ наслѣдника престола.

Императорскія регаліи принесены были въ церковь изъ брилліантовой комнаты высшими сановниками: держава—оберъ-камергеромъ графомъ Головкинымъ, скипетръ—адмираломъ графомъ Мордвиновымъ, корона—княземъ Кочубеемъ, возведеннымъ въ этотъ день въ достоинство государственнаго канцлера,—и разставлены вокругъ налоя, на которомъ лежали Евангеліе и св. Крестъ. По прибытіи государя и всей царской семьи началось молебствіе, совершенное митрополитомъ с.-петербургскимъ Серафимомъ въ сослуженіи членовъ Святѣйшаго Синода

1 Бесѣды о законахъ графа Сперанскаго. Сборникъ И. Р. И. О., XXX, стр. [illegible] и 376.

2 Бесѣда о. Павскаго въ день совершеннолѣтія наслѣдника, тотъ же Сборникъ, XXX, стр. 96—101.

и придворнаго духовенства, съ возглашеніемъ умилительной молитвы, нарочно сочиненной на этотъ случай [1]. По окончаніи молебна, императоръ Николай, взявъ за руку сына, подвелъ его къ налою, передъ которымъ Александръ Николаевичъ вслухъ прочиталъ установленную для наслѣдника престола присягу:

«Именемъ Бога Всемогущаго, предъ святымъ Его Евангеліемъ, обѣщаюсь и клянусь: его императорскому величеству, всемилостивѣйшему государю, родителю моему, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего, до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому его императорскаго величества самодержавію, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности, предостерегать и оборонять, споспѣшествуя всему, что къ его императорскаго величества службѣ и пользѣ государственной относиться можетъ; въ званіи же наслѣдника престола всероссійскаго и соединенныхъ съ нимъ престоловъ царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго обязуюсь и клянусь соблюдать всѣ постановленія о наслѣдіи престола и порядкѣ фамильнаго учрежденія, въ основныхъ законахъ имперіи изображенныя, во всей ихъ силѣ и неприкосновенности, какъ передъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ отвѣтъ въ томъ дать могу. Господи, Боже отцовъ и Царю царствующихъ! Настави, вразуми и управи мя въ великомъ служеніи, мнѣ предназначенномъ: да будетъ со мною пресѣдящая престолу Твоему премудрость; пошли ю съ небесъ святыхъ своихъ, да разумѣю, что̀ есть угодна предъ очима твоима и что̀ есть право по заповѣдемъ твоимъ. Буди сердце мое въ руку твоею! Аминь».

«Когда открыто было Евангеліе», — повѣствуетъ очевидецъ, митрополитъ московскій Филаретъ,—«и государь императоръ подвелъ къ оному государя наслѣдника для присяги, государь наслѣдникъ произнесъ оную твердымъ голосомъ, съ выраженіемъ, изображающимъ вниманіе къ произносимымъ обѣтамъ. Но когда онъ дошелъ до окончательныхъ выраженій сего акта, заключающихъ въ себѣ молитву, глубокое чувство и слезы остановили его. Собирая духъ и возобновляя усиліе, онъ довершилъ чтеніе измѣненнымъ, трогательно зыблющимся голосомъ. Сердце родительское подверглось чувствамъ сыновнимъ. Государь императоръ обнялъ государя наслѣдника, цѣловалъ его въ уста, въ очи, въ чело, и величественныя слезы августѣйшаго родителя соединились съ обильными слезами августѣйшаго сына. Засимъ, государыня императрица приняла возлюбленнаго первенца своего въ матернія объятія и взаимныя лобзанія и слезы вновь соединили отца, мать и сына. Когда занятіе симъ восхитительнымъ зрѣлищемъ и мои собственныя слезы, наконецъ, оста-

[1] «Русскій Инвалидъ», 26-го и 27-го апрѣля 1834 г., №№ 101 и 102.

вили мнѣ возможность обратить вниманіе на присутствующихъ, и увидѣть, что все было въ слезахъ [1].

По подписаніи наслѣдникомъ акта присяги, переданнаго его величествомъ вице-канцлеру для храненія въ Государственномъ архивѣ, началась вечерня, а по окончаніи ея собраніе перешло въ Георгіевскую залу. По пути царскаго шествія во всѣхъ залахъ Зимняго дворца, отъ Концертной до Портретной галлереи, расположены были отряды полковъ лейбъ-гвардіи; въ Портретной галлереѣ—рота дворцовыхъ гренадеръ, а въ Тронной залѣ—знамена всѣхъ гвардейскихъ полковъ и отрядъ военно-учебныхъ заведеній, подъ командой главноначальствующаго, великаго князя Михаила Павловича. Государь, императрица, наслѣдникъ и слѣдовавшіе за ними особы императорской фамиліи вошли въ Георгіевскую залу, посреди которой стоялъ налой съ Евангеліемъ и Крестомъ,—при звукахъ незадолго до того сочиненнаго Львовымъ народнаго гимна: «Боже, царя храни!» Императрица заняла мѣсто на возвышеніи у трона, императоръ сталъ у подножія его. Войска взяли на молитву и сняли кивера. Тогда государь снова подвелъ къ налою цесаревича, который былъ приведенъ къ военной присягѣ оберъ-священникомъ гвардіи протоіереемъ Музовскимъ, подъ знаменемъ атаманскаго своего имени полка. Громко и внятно прочелъ онъ слѣдующее клятвенное обѣщаніе:

Я, нижепоименованный, обѣщаюсь предъ всемогущимъ Богомъ служить его императорскому величеству, всемилостивѣйшему государю, родителю моему, по всѣмъ военнымъ постановленіямъ вѣрно, послушно и исправно; обѣщаюсь чинить врагамъ его императорскаго величества и врагамъ его государства храброе и твердое сопротивленіе, тѣломъ и кровью, въ полѣ и крѣпостяхъ, на водѣ и на сушѣ, въ сраженіяхъ и битвахъ, въ осадахъ и приступахъ и во всѣхъ военныхъ случаяхъ, безъ изъятія; обѣщаюсь о всемъ, что̀ услышу или увижу противное его императорскому величеству, его войскамъ, его подданнымъ и пользамъ государственнымъ—извѣщать, и оныя во всѣхъ обстоятельствахъ, по лучшей моей совѣсти и разумѣнію, охранять и оберегать, такъ вѣрно, какъ мнѣ пріятны честь моя и животъ мой; обѣщаюсь во всемъ томъ поступать, какъ честному, послушному, храброму и отважному воину надлежитъ: въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ Всемогущій!

Войска отдали честь; знамена склонились предъ трономъ; государь поклонился собранію и подъ-руку съ императрицей, сопровождаемый членами своей семьи, удалился во внутренніе покои.

О совершившемся событіи возвѣстилъ Россіи высочайшій манифестъ, которымъ вѣрноподданные приглашались соединить свои молитвы съ

[1] Митрополитъ Филаретъ князю Д. В. Голицыну, 25-го апрѣля 1834 г.

царемъ ко Всевышнему: «да благословитъ совершеннолѣтіе наслѣдника престола преуспѣяніемъ въ мудрости и добродѣтели; да руководствуетъ его всеблагое Провидѣніе въ путяхъ жизни, ему принадлежащихъ; да будетъ сердце его въ рукѣ Божіей, всегда хранимо и уготовано для великаго служенія, ему предназначеннаго» [1]. Особою грамотою объявилъ государь Донскому казачьему войску о принесеніи присяги августѣйшимъ атаманомъ, заключивъ ее слѣдующими словами: «Мы твердо увѣрены, что войско Донское, издревле знаменитое силою вѣры праотцевъ, непоколебимое вѣрностью и преданностью своимъ государямъ, единодушнымъ стремленіемъ ко благу общему, во дни мира и въ трудахъ брани—передастъ сынамъ свои чувства сіи во всей ихъ святости и чистотѣ и тѣмъ упрочитъ и на родинѣ своей несомнѣнное исполненіе надеждъ и желаній, коими, въ достопамятный день сей, одушевлены вся Россія и наше родительское сердце» [2].

Радость свою императоръ Николай выразилъ во множествѣ милостей, щедро расточенныхъ государственнымъ сановникамъ, военнымъ и придворнымъ чинамъ. Наградою цесаревичу было производство въ флигель-адъютанты [3]. Не забыты и лица, причастныя къ воспитанію наслѣдника: Жуковскому, которому еще въ 1831 году пожалована аренда въ 1,500 рублей на двѣнадцать лѣтъ, повелѣно производить ее по смерть, въ размѣрѣ 3,000 рублей, а Юрьевичу назначено производить ежегодно по 1,000 рублей въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ [4].

Александръ Николаевичъ самъ пожелалъ ознаменовать добрымъ дѣломъ памятный для него день, въ который онъ, по собственному выраженію, «имѣлъ счастіе исполнить первый долгъ свой, принеся передъ престоломъ Божіимъ присягу въ вѣрности государю родителю и въ лицѣ его—любезному отечеству». Съ этою цѣлью онъ препроводилъ петербургскому и московскому генералъ-губернаторамъ по 50,000 рублей, прося ихъ распредѣлить эту сумму между наиболѣе нуждающимися жителями обѣихъ столицъ. Въ рескриптѣ графу Эссену, онъ, въ числѣ своихъ побужденій, выставилъ намѣреніе выразить признательность Петербургу, какъ тому мѣсту, «гдѣ провелъ онъ свои ребяческіе годы, гдѣ научился любить Россію и гдѣ, наконецъ, произнесъ свою святую присягу» [5]. Еще теплѣе отозвался онъ о первопрестольной столицѣ въ рескриптѣ къ князю Голицыну. «Москва»,—писалъ онъ,—«есть любезная моя родина. Богъ далъ мнѣ жизнь въ Кремлѣ. Да позволитъ онъ, чтобъ сіе предзнаменованіе совершилось: чтобы я, въ остающіеся мнѣ годы

[1] Высочайшій манифестъ, 22-го апрѣля 1834 г.

[2] Высочайшая грамота наказному атаману войска Донского, 22-го апрѣля 1834 г.

[3] Формулярный списокъ.

[4] Высочайшіе указы министру финансовъ, 22-го апрѣля 1834 г.

[5] Цесаревичъ графу Эссену, 22-го апрѣля 1834 г.

первой молодости, могъ съ успѣхомъ приготовиться къ ожидающимъ меня обязанностямъ; чтобы современемъ, исполняя оныя, могъ заслужить одобреніе моего государя-родителя, какъ сынъ-вѣрноподданный, и уваженіе Россіи, какъ русскій, всѣмъ сердцемъ привязанный къ благу любезнаго отечества» [1].

Въ слѣдующій день по принесеніи присяги въ Зимнемъ дворцѣ отпраздновали именины императрицы Александры Ѳеодоровны; на третій тамъ же происходилъ парадный обѣдъ для высшаго духовенства и особъ первыхъ трехъ классовъ. Рядъ блестящихъ торжествъ, продолжавшихся во всю Святую недѣлю, завершился баломъ, даннымъ 29 апрѣля петербургскимъ дворянствомъ въ палатахъ оберъ-егермейстера Д. Л. Нарышкина, который удостоили присутствіемъ государь и государыня, наслѣдникъ и прочіе члены царской семьи.

Хотя по достиженіи совершеннолѣтія, императоръ и повелѣлъ цесаревичу присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, а на основаніи ст. 27 Учрежденія императорской фамиліи попечителемъ къ нему назначилъ бывшаго посла при лондонскомъ дворѣ генералъ-адъютанта князя Х. А. Ливена, но въ то же время вмѣсто умершаго Мердера должность воспитателя поручена генералъ-адъютанту Кавелину, помощникомъ его остался Юрьевичъ, а Жуковскій сохранилъ званіе наставника. Изъ двухъ совоспитанниковъ Александра Николаевича произведенъ въ чинъ прапорщика и зачисленъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ графъ Віельгорскій, съ назначеніемъ состоять при его высочествѣ [2].

Предначертанный въ «Планѣ ученія» курсъ наукъ далеко еще не былъ выполненъ. Ко дню совершеннолѣтія наслѣдникъ прошелъ: изъ Закона Божія—священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, церковную исторію и введеніе въ катихизисъ; изъ всеобщей исторіи—древнюю и исторію среднихъ вѣковъ; изъ русской исторіи—до воцаренія дома Романовыхъ; изъ математики—ариѳметику, алгебру и начальную геометрію; изъ естественной исторіи—общее обозрѣніе природы въ ея происхожденіи и элементахъ; изъ физики—о тѣлахъ вообще и о твердыхъ тѣлахъ въ особенности, статику и динамику; изъ военныхъ наукъ—начала фортификаціи и артиллеріи. Кромѣ практическихъ занятій языками русскимъ, французскимъ, на которомъ преподавалась также и географія, нѣмецкимъ, англійскимъ и польскимъ, пройдена грамматика этихъ языковъ и начато ознакомленіе съ литературами русской и нѣмецкой. По программѣ окончательнаго курса, предположеннаго еще на три года, опредѣлено было пройти: въ Законѣ Божіемъ пространный катихи-

[1] Цесаревичъ князю Д. В. Голицыну, того же числа, мѣсяца и года.

[2] Указъ Сенату, 24-го апрѣля, и Высочайшій приказъ по военному вѣдомству, 22-го апрѣля 1834 г.

зисъ: по математикѣ сферическую тригонометрію, начертательную и аналитическую геометрію, высшую математику, политическую ариѳметику; по физикѣ о каплеобразныхъ и газообразныхъ тѣлахъ, о звукѣ, свѣтѣ, теплотѣ, электричествѣ и магнетизмѣ, съ обозрѣніемъ космографіи; по исторіи исторію трехъ послѣднихъ вѣковъ, съ тѣмъ, чтобы изученіе новѣйшей исторіи со временъ французской революціи соединить съ курсомъ дипломатіи; по русской исторіи—отъ воцаренія дома Романовыхъ до кончины Александра I, а также географію и статистику Россіи; по языкамъ русскому и иностраннымъ—исторію русской и иностранныхъ литературъ; по военнымъ наукамъ—окончаніе курса фортификаціи и артиллеріи, военную исторію, тактику и стратегію; наконецъ, право, политическую экономію и высшую политику. Сохранялись установленные полугодовые и годовые экзамены, но переносились съ іюня на ноябрь, а съ января на апрѣль каждаго года. Заключительный экзаменъ имѣлъ произойти по окончаніи полнаго курса, весною 1837 года [1].

Лѣто 1834 года прошло въ обычныхъ военныхъ занятіяхъ и упражненіяхъ, въ лагеряхъ Петергофскомъ и Красносельскомъ, и завершилось величественнымъ торжествомъ, состоявшимся въ самый день тезоименитства наслѣдника: открытіемъ, на площади передъ Зимнимъ дворцомъ, памятника императору Александру Благословенному. Къ этому празднеству прибыла въ Петербургъ депутація отъ прусской арміи, предводимая вторымъ сыномъ короля, принцемъ Вильгельмомъ. Александръ Николаевичъ почти каждое лѣто видѣлъ при нашемъ дворѣ родственныхъ прусскихъ принцевъ, братьевъ императрицы. Такъ, въ 1833 году пріѣзжалъ въ Петербургъ принцъ Альбертъ, въ 1834—наслѣдный принцъ съ женою. На этотъ разъ онъ имѣлъ не только радость свиданія съ тѣмъ изъ дядей, къ которому питалъ наибо́льшую привязанность, но и любовался цѣлымъ отрядомъ прусскихъ офицеровъ и солдатъ, о которыхъ со времени перваго посѣщенія Берлина сохранилъ наилучшее воспоминаніе. Прусскихъ гостей чествовали въ кругахъ придворномъ и военномъ, а глава депутаціи, принцъ Вильгельмъ, получилъ по этому случаю рѣдкую награду: орденъ св. Владиміра 1-й степени, пожалованный ему при рескриптѣ, въ которомъ императоръ Николай, въ прочувствованныхъ словахъ, помянулъ братство по оружію двухъ армій и совмѣстные подвиги ихъ въ эпоху войнъ за освобожденіе Европы [2].

Во второй половинѣ октября государь, совершавшій путешествіе по Россіи, вызвалъ цесаревича въ Москву, куда онъ прибылъ въ сопровожденіи попечителя князя Ливена, но пробылъ тамъ всего два дня и

[1] Обозрѣніе окончательнаго курса наукъ. «Годы ученія», Сборникъ И. Р. И. О., XXX, стр. 51—61.

[2] Императоръ Николай принцу Вильгельму прусскому, 30-го августа 1834 г.

затѣмъ возвратился въ Царское Село, а оттуда 27-го октября, вмѣстѣ съ августѣйшимъ отцомъ, выѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ находилась императрица. Въ первое посѣщеніе прусской столицы, въ 1829 году, Александръ Николаевичъ сблизился съ родственниками прусскаго королевскаго дома. Въ этотъ пріѣздъ кругъ его знакомыхъ расширился, такъ какъ ко дню прибытія русскаго императора въ Берлинъ съѣхалось большое число нѣмецкихъ государей и принцевъ: великіе герцоги Саксенъ-Веймарскій и Мекленбургъ-Стрелицкій, наслѣдный великій герцогъ и герцогъ Карлъ Мекленбургъ-Шверинскіе съ супругами, герцогъ и герцогиня Ангальтъ-Дессаускіе, герцоги Ангальтъ-Кётенскій, Брауншвейгскій и Нассаускій, принцъ-регентъ саксонскій, принцъ Георгъ Гессенскій, принцъ Оранскій съ сыномъ, принцемъ Александромъ. Время проходило въ балахъ и увеселеніяхъ разнаго рода, но преимущественно въ военныхъ упражненіяхъ—смотрахъ и парадахъ. На парадѣ 10-го ноября наслѣдникъ командовалъ 3-мъ прусскимъ своего имени уланскимъ полкомъ, «причемъ», какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ, «пожалованъ его величествомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III полковникомъ прусскихъ войскъ, а государемъ императоромъ утвержденъ въ семъ чинѣ и въ русской службѣ» [1]. Царская семья возвратилась въ Петербургъ къ именинамъ государя и въ этотъ день Александръ Николаевичъ зачисленъ въ Преображенскій полкъ [2].

Въ теченіе учебнаго сезона 1835 года произошла важная перемѣна въ составѣ преподавателей: законоучитель Павскій замѣщенъ въ этой должности протоіереемъ Бажановымъ. Причиною было неодобреніе, высказанное нѣкоторымъ изъ богословскихъ сочиненій Павскаго московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, мнѣніе котораго было поддержано и первенствующимъ членомъ Святѣйшаго Синода Серафимомъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ [3].

Обстоятельство это было, вѣроятно, не чуждо рѣшенію императора Николая наименовать старшаго сына членомъ Синода. 4-го іюня, прибывъ въ Синодъ въ сопровожденіи цесаревича, государь отслушалъ краткое молебствіе въ освященной за нѣсколько дней до того синодальной церкви, и потомъ направился въ палату засѣданій Синода, гдѣ занялъ мѣсто посреди его членовъ, посадивъ наслѣдника направо отъ себя. Приложившись къ Евангелію и Кресту, поставленнымъ, по синодальному обычаю, во главѣ присутственнаго стола, и пригласивъ іерарховъ занять свои мѣста, Николай Павловичъ обратился къ нимъ съ пространной рѣчью, въ которой, напомнивъ о трудностяхъ, съ коими пришлось ему

1 Формулярный списокъ.

2 Тотъ же списокъ.

3 Мнѣнія и отзывы митрополита московскаго Филарета. II, стр. [illegible] и 550.

бороться при восшествіи на престолъ, и о происшествіяхъ 14-го декабря, совершившихся на площади передъ Синодомъ, упомянулъ о побѣдоносныхъ войнахъ съ Персіей и Турціей и объ успѣшномъ усмиреніи польскаго мятежа, а также о скоромъ прекращеніи безпорядковъ, вызванныхъ холерой, и заявилъ, что преодолѣніе всѣхъ сихъ трудностей онъ относитъ къ особенной помощи Божіей, на которую паче всего и впредь возлагаетъ надежду, бывъ утвержденъ въ этихъ чувствахъ наставленіями благочестивѣйшихъ родителей своихъ. Полагая ближайшимъ къ сердцу своему попеченіемъ,—продолжалъ государь,—охраненіе Православія, онъ увѣренъ, что тѣ же чувства раздѣляетъ и наслѣдникъ, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ предъ Россіей, какъ отецъ и государь. Коснувшись стоявшихъ на очереди важныхъ вопросовъ о возсоединеніи уніатовъ и обращеніи раскольниковъ, требующихъ, какъ выразился онъ, «неослабной бдительности, твердости и постоянства въ принятыхъ правилахъ, безъ всякаго вида преслѣдованія», императоръ Николай возвѣстилъ Синоду, «что, простирая попеченіе свое о дѣлахъ церковныхъ и на будущія времена и желая предупредить симъ самымъ испытанное неудобство отъ нечаяннаго вступленія въ оныя, онъ, подобно тому, какъ ввелъ уже старшаго своего сына и наслѣдника въ Сенатъ, и намѣренъ вскорѣ ввести и въ Государственный Совѣтъ, признаетъ полезнымъ, чтобы, для ознакомленія съ церковными дѣлами, цесаревичъ присутствовалъ всегда въ засѣданіяхъ Синода и, подъ личнымъ руководствомъ его величества, пріобрѣталъ свѣдѣнія, потребныя и по сей части для его высокаго назначенія. Государь окончилъ выраженіемъ надежды на преуспѣяніе наслѣдника въ этомъ дѣлѣ, полагаясь на усердіе Синода въ споспѣшествованіи ему и поручая его молитвамъ возлюбленнаго своего первенца. О посѣщеніи императоромъ Синода и о назначеніи наслѣдника престола синодальнымъ членомъ Святѣйшій Синодъ объявилъ указомъ по духовному вѣдомству православнаго исповѣданія [1].

Новый законоучитель, протопресвитеръ Бажановъ, довершилъ религіозное воспитаніе цесаревича по весьма обширной программѣ. Пройдя съ нимъ пространный катихизисъ и повторивъ церковную исторію, онъ прочелъ ему курсъ догматическаго богословія и рядъ наставленій объ обязанностяхъ христіанина вообще и въ частности—государя.

Около того же времени, а именно 12-го октября 1835 года, начались, продолжавшіяся по апрѣль 1837 года, лекціи Сперанскаго, скромно озаглавленныя имъ «Бесѣдами о законахъ». Изложивъ въ краткомъ введеніи основныя начала права и отношеніе его къ нравственности, Михаилъ Михайловичъ разъяснилъ понятіе объ общежитіи въ четырехъ его видахъ:

[1] Императоръ Николай въ Св. Синодѣ. Н. А. Григоровича. Русскій Архивъ 1869 г. стр. 739—751.

Василій Андреевичъ Жуковскій.

(Съ гравюры Райта.)

семейство, родъ, гражданское общество, государство, а также сущность основныхъ законовъ вообще, и въ Россіи въ особенности. Самодержавную власть, присущую русскимъ государямъ, опредѣлялъ онъ слѣдующимъ образомъ: «Слово неограниченность власти означаетъ то, что никакая другая власть на землѣ, власть правильная и законная, ни внѣ, ни внутри имперіи, не можетъ положить предѣловъ верховной власти россійскаго самодержца. Но предѣлы власти, имъ самимъ поставленные, извнѣ государственными договорами, внутри словомъ императорскимъ, суть и должны быть для него непреложны и священны. Всякое право, а слѣдовательно, и право самодержавное, потолику есть право, поколику оно основано на правдѣ. Тамъ, гдѣ кончится правда и гдѣ начнется неправда, кончится право и начнется самовластіе. Ни въ какомъ случаѣ самодержецъ не подлежитъ суду человѣческому; но во всѣхъ случаяхъ онъ подлежитъ, однако же, суду совѣсти и суду Божію». Въ другомъ мѣстѣ Сперанскій устанавляетъ, что въ силу основныхъ законовъ имперіи государь въ Россіи является единственнымъ источникомъ не одной законодательной, но и исполнительной власти, ибо, какъ гласитъ 80 статья этихъ законовъ: власть управленія во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ государю [1].

Отъ основныхъ законовъ лекторъ переходитъ къ русскимъ государственнымъ учрежденіямъ и предметамъ ихъ вѣдомства, къ законамъ о состояніяхъ, дворянствѣ, духовенствѣ, городскихъ и сельскихъ обывателяхъ, о повинностяхъ и ихъ раскладкѣ, и по этому поводу обозрѣваетъ главныя положенія политической экономіи и финансовой науки; разсматриваетъ законы о податяхъ, пошлинахъ, доходахъ; объ отчетности и контролѣ; о денежномъ обращеніи и кредитѣ.

Третью часть своихъ бесѣдъ Сперанскій посвятилъ уголовному праву, предоставивъ преподаваніе гражданскаго права инспектору классовъ Императорскаго училища правовѣдѣнія барону Врангелю. Многочисленныя приложенія къ общему курсу излагаютъ взгляды составителя Свода на частные вопросы, стоящіе въ тѣсной связи съ законодательствомъ. Замѣчательны его разсужденія о взаимодѣйствіи въ правѣ силъ естественныхъ съ силами нравственными; о понятіяхъ добра и пользы; историческое обозрѣніе высшихъ нашихъ государственныхъ учрежденій: Совѣта, Сената и министерствъ; такое же обозрѣніе измѣненій въ правѣ поземельной собственности и состояніи крестьянъ; исторію ассигнацій и пошлинъ; примѣры упражненій въ практическомъ судопроизводствѣ [2].

[1] Бесѣды о законахъ Сперанскаго. [illegible] Сборн. И. Р. И. О. XXX, стр. 103.

[2] Бесѣды о законахъ Сперанскаго. [illegible] 332—401.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бесѣды Сперанскаго съ цесаревичемъ о законахъ заслуживаютъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что, обнимая всю совокупность государственнаго законодательства и управленія, онѣ вполнѣ совпадаютъ съ личнымъ взглядомъ на этотъ предметъ самого императора Николая I, который, по окончаніи курса правовѣдѣнія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ изъявилъ свою благодарность маститому издателю Свода Законовъ имперіи: «Намъ въ особенности пріятно, какъ государю и отцу, видѣть, съ какимъ пламеннымъ усердіемъ вы посвящаете часть своего времени преподаванію россійскаго права любезнѣйшему сыну нашему, наслѣднику нашего престола. Мы предоставили вамъ пріучать юный умъ его вникать въ истинное свойство и духъ нашего законодательства, соображать постановленія онаго съ потребностями края и тщательно наблюдать ихъ дѣйствіе на благосостояніе и нравственное достоинство народа. Вы совершенно оправдали нашъ выборъ и мы, съ признательностію къ стараніямъ вашимъ, замѣчаемъ сдѣланные уже имъ на семъ важномъ поприщѣ успѣхи. Въ ознаменованіе сего чувства и неизмѣняющагося благоволенія нашего, всемилостивѣйше жалуемъ вамъ алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго» [1].

Лѣтомъ 1835 года Александръ Николаевичъ не сопровождалъ августѣйшихъ родителей ни въ Калишъ, гдѣ происходилъ совмѣстный лагерный сборъ войскъ русскихъ и прусскихъ, ни въ заграничную поѣздку для свиданія въ Теплицѣ съ императоромъ австрійскимъ Фердинандомъ. Въ концѣ мая онъ отдалъ послѣдній долгъ воспитателю своему Мердеру, тѣло котораго привезено было изъ Рима въ Петербургъ и предано землѣ на Смоленскомъ кладбищѣ, послѣ отпѣванія въ лютеранской церкви. Разсказываютъ, что по этому поводу цесаревичъ замѣтилъ: «Я никогда не справлялся о его вѣроисповѣданіи, но я зналъ его добрыя дѣла и мнѣ не нужно было ничего болѣе, чтобы уважать его и любить».

Все лѣтнее время наслѣдникъ посвятилъ практическому довершенію своего военнаго образованія въ Петергофѣ и Красномъ Селѣ, усиленно изучая и военныя науки, для расширенія объема преподаванія которыхъ императоръ Николай, еще въ 1834 году, повелѣлъ прекратить уроки естественной исторіи. По смерти генерала Христіани, чтеніе лекцій по фортификаціи возложено было на генерала Ласковскаго, а военной исторіи—на полковника Веймарна.

Успѣхи Александра Николаевича въ военномъ дѣлѣ были настолько замѣтны, что въ лагерномъ сборѣ 1836 года онъ уже командовалъ отдѣльными частями: въ Петергофѣ баталіономъ 11-го кадетскаго корпуса; въ день Преображенія 1-мъ баталіономъ Преображенскаго полка, а на высочайшемъ смотру отдѣльнаго гвардейскаго корпуса—своимъ лейбъ-гусар-

[1] Императоръ Николай Сперанскому, 17-го апрѣля 1837 г.

скимъ полкомъ. Въ свои именины государь произвелъ цесаревича «за отличіе по службѣ» въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту его величества [1]. Съ этого дня образовали наслѣднику придворный штатъ: одинъ только князь Ливенъ сохраняетъ званіе попечителя; Ушаковъ назначается управляющимъ конюшеннымъ отдѣломъ двора его высочества, генералъ-адъютантъ Кавелинъ и произведенный въ флигель-адъютанты Юрьевичъ—состоящими при его особѣ. Сверхъ того назначено состоять при немъ нѣсколько молодыхъ офицеровъ, а именно: Преображенскаго полка—полковникъ Назимовъ, Семеновскаго полка—полковникъ Экеспарре; будущіе его адъютанты: Кирасирскаго его величества полка поручикъ князь Барятинскій и Преображенскаго полка прапорщикъ Адлербергъ; наконецъ, оба его совоспитанника: Віельгорскій и произведенный тѣмъ временемъ въ офицеры прапорщикъ Павловскаго полка Паткуль [2].

Весною 1837 года, послѣ общаго экзамена, завершившаго кругъ образованія наслѣдника, Александръ Николаевичъ предпринялъ, согласно собственноручно начертанной императоромъ Николаемъ инструкціи, путешествіе по Россіи. Цѣлью его было личное ознакомленіе со страною и ея обитателями, какъ необходимое дополненіе къ познаніямъ пріобрѣтеннымъ научнымъ путемъ. Въ путешествіи этомъ сопровождали цесаревича бывшіе его воспитатель и наставникъ Кавелинъ и Жуковскій, преподаватель исторіи и географіи Россіи Арсеньевъ, состоящіе при немъ молодые офицеры и лейбъ-медикъ Енохинъ. Попечителя князя Ливена болѣзнь задержала въ Петербургѣ.

Путешественники ѣхали быстро, съ короткими остановками въ главныхъ городахъ, что дало поводъ Жуковскому сравнить путешествіе съ чтеніемъ книги, въ которой великій князь прочтетъ пока только одно оглавленіе, дабы получить общее понятіе о ея содержаніи. «Послѣ»,—разсуждалъ Василій Андреевичъ,—«онъ начнетъ читать каждую главу особенно. Эта книга—Россія, но книга одушевленная, которая сама будетъ узнавать своего читателя. И это узнаніе есть главная цѣль настоящаго путешествія. Можно сказать, что государь далъ Россіи общій, единственный въ своемъ родѣ праздникъ. Отъ Балтійскаго моря до Урала и до береговъ Чернаго моря все пробуждено однимъ чувствомъ, для всѣхъ равно понятнымъ и трогательнымъ; всѣ говорятъ: государь посылаетъ намъ своего сына; онъ уважаетъ народъ свой, и въ каждомъ сердцѣ наполнено благодарностью» [3].

Въ первомъ письмѣ съ пути къ императрицѣ Василій Андреевичъ такъ выражалъ свои впечатлѣнія: «Я не жду отъ нашего путешествія

1 Формулярный списокъ.

2 Адресъ-календарь, 1835 г.

3 Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 10-го мая 1837 г.

большой жатвы практическихъ свѣдѣній о состояніи Россіи: для этого мы слишкомъ скоро ѣдемъ, имѣемъ слишкомъ много предметовъ для обозрѣнія и путь нашъ слишкомъ опредѣленъ; не будетъ ни свободы, ни досуга, а отъ этого—часто и желанія заняться какъ слѣдуетъ тѣмъ, что̀ представится нашему любопытству. Мы соберемъ, конечно, много фактовъ отдѣльныхъ, и это будетъ имѣть свою пользу; но главная польза—вся нравственная, та именно, которую теперь только можно пріобрѣсть великому князю: польза глубокаго, неизгладимаго впечатлѣнія. Въ его лѣта, въ первой свѣжей молодости, безъ всякихъ житейскихъ заботъ, во всемъ первомъ счастіи непорочной жизни, не испытавъ еще въ ней ничего иного, кромѣ любви въ нѣдрѣ своего семейства, онъ начинаетъ дѣятельную жизнь свою путешествіемъ по Россіи,—и какимъ путешествіемъ? На каждомъ шагу встрѣчаетъ его искреннее, радушное доброжелательство, тѣмъ болѣе для него трогательное, что никакое своекорыстіе съ нимъ не смѣшано: всѣ смотрятъ на него, какъ на будущее, прекрасно выражающееся въ его наружности; никто не думаетъ о себѣ, всѣ думаютъ объ отечествѣ, и въ то же время всѣ благословляютъ отсутствующаго заботливаго государя. Какъ могутъ такого рода впечатлѣнія не подѣйствовать благотворно на свѣжую молодую душу, которую и сама природа образовала для добра и всего высокаго? Я вижу безпрестанно предъ собою плѣнительную картину. Народъ бѣжитъ за нимъ толпами, и не одна новость влечетъ его и движетъ имъ. Чувство высокое, ему самому неясное, но вѣрное, естественное, оживотворяетъ его: онъ видитъ предъ собой представителя своего счастья. Масса толпы кричитъ, волнуется, мчится, но въ этой толпѣ многіе плачутъ и крестятъ. И чѣмъ далѣе подвигаемся, тѣмъ сильнѣе движеніе: оно идетъ crescendo. Такимъ образомъ, въ продолженіе предстоящихъ четырехъ мѣсяцевъ, которые да благословитъ Богъ успѣхомъ,—великій князь будетъ счастливъ самымъ чистымъ счастьемъ, и это счастье будетъ плодотворно для его будущаго и для будущаго Россіи» [1].

Цесаревичъ и его свита, послѣ напутственнаго молебствія, совершеннаго, согласно обычаю, свято соблюдаемому царскою семьей, въ Казанскомъ соборѣ, предъ чудотворною иконой Богоматери, выѣхали изъ Петербурга 2-го мая и на другой день, въ пятомъ часу утра, прибыли въ Новгородъ. Отдохнувъ нѣсколько часовъ въ Аракчеевскомъ дворцѣ, Александръ Николаевичъ началъ обозрѣніе города съ посѣщенія древняго Софійскаго собора, осмотрѣлъ монастыри, церкви, училища, больницы, казармы и послѣ обѣда, къ которому приглашены были губернаторъ, архіерей и городской голова, отправился на пароходѣ по Волхову въ Свято-Юрьевскій монастырь, гдѣ встрѣтилъ его архимандритъ Фотій.

[1] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. 5-го мая 1837 г.

Наслѣдникъ и спутники его были поражены [illegible] обликомъ [illegible] [illegible], но болѣе всего — [illegible] иными, [illegible] [illegible] среди [illegible] суровыми [illegible]. [illegible] выѣхали изъ Новгорода и, переночевавъ на станціи Зайцево, [illegible] послѣ обѣда въ Валдаѣ, гдѣ Александръ Николаевичъ [illegible] [illegible] озеромъ, заѣхали въ Иверскій монастырь, а къ вечеру достигли Вышняго-Волочка. Въ этомъ городѣ вниманіе цесаревича привлекли шлюзы каналовъ, построенныхъ Петромъ Великимъ; въ Торжкѣ былъ обѣдъ, кавалерійскій смотръ, посѣщеніе древняго монастыря св. Бориса и Глѣба; къ ночи прибыли въ Тверь [1].

Городъ весь сіялъ огнями. Несмотря на поздній часъ, все населеніе высыпало на улицы, чтобы кликами радости и счастья встрѣтить желаннаго, дорогого гостя. «Прекрасное сердце нашего безцѣннаго путешественника [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] какъ русскій народъ съ нераздѣльнымъ истиннымъ восторгомъ вездѣ принимаетъ его. Въ Вышнемъ-Волочкѣ, Торжкѣ и Твери нельзя было никому изъ свиты слѣдовать за великимъ княземъ: народъ цѣлою массою льнетъ къ нему, гласно любуется имъ и въ удовольствіи своемъ гласно благодаритъ батюшку-царя, что далъ полюбоваться на своего наслѣдника ненагляднаго» [2].

Въ Твери цесаревичъ направился прямо въ соборъ и оттуда пѣшкомъ прошелъ во дворецъ, чрезъ густую толпу народа, привѣтствовавшаго его несмолкаемымъ «ура!». 6-го мая происходили: пріемъ должностныхъ лицъ, потомъ смотръ войскамъ, поѣздка въ Отрочь монастырь, прославленный страдальческою кончиною св. митрополита Филиппа, обозрѣніе благотворительныхъ и воспитательныхъ заведеній, а также устроенной къ пріѣзду его высочества промышленной выставки; обѣдъ во дворцѣ для военныхъ и гражданскихъ властей: наконецъ, балъ, данный тверскимъ дворянствомъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня наслѣдникъ продолжалъ свой путь, чрезъ Угличъ и Рыбинскъ, въ Ярославль. «Съ приближеніемъ къ Волгѣ»,—читаемъ въ письмѣ Жуковскаго къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ,—«все принимаетъ видъ одушевленный: деревни становятся чаще, жилища и жители являютъ довольство и обиліе, исчезаютъ болота, предъ глазами разстилаются засѣянныя хлѣбомъ поля; по берегамъ Волги тянутся цѣлыя деревни; безпрестанно мелькаютъ на нихъ богатыя церкви. Обитатели деревень принимаютъ замѣтно характеръ радушія, простосердечія. Они смотрятъ на васъ съ любопытствомъ, но безъ всякаго грубаго

[1] [illegible]
[2] [illegible] 1837 г.

удивленія; въ ихъ стремленіи встрѣтить великаго князя замѣтно и желаніе увидѣть невиданное, и желаніе почтить то, что для нихъ свято. Меня особенно поразило то, что въ этомъ изъявленіи почтенія не было ни малѣйшаго слѣда раболѣпства; напротивъ, выражалось какое-то простосердечное чувство, внушенное предками, сохраненное какъ чистое, святое преданіе въ потомкахъ. Однимъ словомъ, видишь русскій народъ, умный и простодушный, въ его неискаженномъ образѣ»[1]. Пробывъ день въ Угличѣ, гдѣ цесаревичъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ осмотрѣлъ храмъ, построенный на крови, то есть на мѣстѣ убіенія царевича Димитрія, и остановясь на нѣсколько часовъ въ Рыбинскѣ, путешественники, вечеромъ 9-го мая, достигли Ярославля.

Слѣдующій день посвященъ былъ въ Ярославлѣ, такъ же какъ и въ Новгородѣ и Твери, офиціальнымъ пріемамъ и осмотру достопримѣчательностей, выставки произведеній губерніи и проч.; но особенностью ярославскаго пріема было устроенное для великаго князя послѣ обѣда катанье по Волгѣ, о которомъ такъ разсказываетъ очевидецъ: «За катеромъ его высочества слѣдовали катера съ музыкантами и русскими коренными пѣсенниками; сотни маленькихъ лодокъ, наполненныхъ мужчинами и женщинами, шныряли вокругъ катера великаго князя, покрывая Волгу на большое пространство. Десятки тысячъ народа покрывали высокій берегъ Волги со стороны города. Русское «ура!» не переставало и на водѣ, и на берегу, во все время нашего плаванія вдоль по берегу, на разстояніи двухъ или трехъ верстъ взадъ и впередъ. Эти десятки тысячъ народа бѣжали за экипажемъ великаго князя и по выходѣ его изъ катера не переставали провожать до самаго дворца съ тѣмъ же «ура!». Народъ толпился до поздняго вечера передъ дворцомъ, ожидая появленія великаго князя на балконѣ. Въ девять часовъ прелестная иллюминація изъ разноцвѣтныхъ огней на судахъ по Волгѣ и на берегу городскомъ мгновенно перемѣнила картину; а на другомъ берегу—тысячи смоляныхъ костровъ, отражавшихся безчисленными огненными струями величественной рѣки, довершали очарованіе. Великій князь вышелъ на балконъ, и безконечное «ура!» надолго заглушило хоръ музыки, игравшей національный гимнъ. Великій князь не могъ не быть восхищенъ всѣмъ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ русскомъ народѣ: и въ Ярославлѣ, какъ и въ Твери, и въ Угличѣ, и въ Рыбинскѣ, и во всякой деревушкѣ его съ восторгомъ радости встрѣчаетъ русскій народъ. Часто онъ подвергается неизбѣжнымъ задержкамъ (народъ останавливаетъ проѣздъ экипажа); часто съ трудомъ можетъ продраться сквозь толпу жаждущихъ привлечь его взоры. Повсюду безпрерывное «ура!». Оно въ ушахъ нашихъ такъ вкоренилось, что и въ тишинѣ оно не оставляетъ

[1] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. 10—11-го мая 1837 г.

лась [1]. День завершился баломъ въ дворянскомъ собраніи, на которомъ цесаревичъ много танцовалъ. Вообще, во время пути онъ былъ здоровъ и веселъ и, несмотря на быстрое слѣдованіе, какъ будто не зналъ усталости, одолѣвавшей его спутниковъ. По замѣчанію Юрьевича, въ письмахъ къ женѣ постоянно жаловавшагося на чрезвычайное утомленіе, всѣхъ больше уставалъ «нашъ первый старшина» Кавелинъ, уставалъ до такой степени, что часто не помнилъ себя; Жуковскій не могъ собраться съ духомъ, Арсеньевъ — съ мыслями, молодежь — съ тѣломъ. Одинъ великій князь оставался неутомимъ и всѣхъ ободрялъ своимъ примѣромъ. Каждый вечеръ онъ прилежно писалъ свой дневникъ и, сверхъ того, пространныя письма родителямъ и сестрамъ, которыя изъ каждаго губернскаго города отвозилъ въ Петербургъ нарочный фельдъегерь [2]. «Могу всѣмъ сердцемъ радоваться»,—писалъ Жуковскій государынѣ,—«живымъ полетомъ нашего возмужавшаго орла и, слѣдуя за нимъ глазами и душою въ высоту, кричать ему съ земли: смѣлѣе, впередъ по твоему небу! И дай Богъ силы его молодымъ крыльямъ! Дай Богъ любопытства и зоркости глазамъ его! То небо, по которому онъ теперь мчится, прекрасно, широко и свѣтло: это наша родная Россія!» [3].

Изъ Ярославля Александръ Николаевичъ отправился въ Кострому кружнымъ путемъ—чрезъ Ростовъ, Переяславль-Залѣсскій, Юрьевъ-Польскій, Суздаль, Шую и село Иваново. Вниманіе его привлекали не однѣ святыни и древности, но и промышленныя заведенія этого богатаго края. Всѣхъ восхищалъ онъ своею привѣтливостью, обращеніемъ, полнымъ достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ—непринужденной любезности. Въ церквахъ усердно молился онъ, кладя земные поклоны, приводя тѣмъ въ умиленіе набожныхъ русскихъ людей; въ разговорахъ приноравливался къ состоянію и степени образованія собесѣдниковъ; при представленіяхъ очаровывалъ ласковостью пріема, наконецъ, при обозрѣніяхъ выставокъ, фабрикъ, заводовъ относился ко всему съ величайшимъ интересомъ и любознательностью. Пріятно поражала въ немъ деликатность и скромность, выразившіяся, между прочимъ, по слѣдующему поводу. При въѣздѣ въ Кострому приходилось переѣхать Волгу. Костромскіе дворяне заняли было мѣста гребцовъ въ катерѣ, чтобы имѣть честь перевезти царственнаго гостя. Цесаревичъ спросилъ: «А государь какъ переѣзжалъ Волгу?» Ему отвѣчали: съ обыкновенными гребцами. Тогда онъ вошелъ въ другую лодку, гдѣ были простые гребцы, волжскіе крестьяне, любезно поблагодаривъ усердныхъ дворянъ [4].

[1] Юрьевичъ женѣ, 10-го мая 1837 г.

[2] Юрьевичъ женѣ, 15-го мая 1837 г.

[3] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 22-го мая 1837 г.

[4] Юрьевичъ женѣ, 15-го мая 1837 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Въ Костромѣ наслѣдникъ пробылъ одинъ день, 14-е мая, проведенный, такъ же, какъ и въ прочихъ губернскихъ городахъ, въ пріемахъ и осмотрахъ. Выдающимся событіемъ было посѣщеніе Ипатьевскаго монастыря, колыбели величія рода Романовыхъ. Тамъ встрѣтилъ его преосвященный Владиміръ, епископъ костромской, прочувствованной рѣчью. Помолившись въ храмѣ, гдѣ великая инокиня Мароа благословила на царство сына Михаила, Александръ Николаевичъ, по выраженію спутника, ни одного камушка въ монастырѣ не оставилъ безъ вниманія. Восторгъ костромичей превосходилъ всякое описаніе. Въ вечеръ пріѣзда наслѣдника тысячи народа ждали его на берегу Волги, многіе по поясъ стояли въ водѣ, чтобы скорѣе насладиться его лицезрѣніемъ, чтобы приблизиться къ несшей его лодкѣ. На пристани великій князь насилу могъ добраться до экипажа, насилу его экипажъ могъ проѣхать чрезъ непроходимую толпу до Успенскаго собора, а оттуда въ приготовленный для него домъ на Сусаниной площади. «Нельзя описать того, можно сказать, ужаса»,—восклицаетъ Юрьевичъ,—«съ которымъ народъ и здѣсь, какъ вездѣ на пути нашемъ, толпился къ великому князю. Бѣда отдалиться на полъ-шага отъ него: уже болѣе нельзя достигнуть до него, и бѣдные бока наши и ноги будутъ долго помнить русскую любовь, русскую привязанность къ наслѣднику. Никакая полиція, ни чувство святости къ духовенству, встрѣчающему у храмовъ и провожающему великаго князя, ничто не останавливаетъ силы народной толпы. Вчера, при выходѣ изъ собора, толпа унесла, такъ сказать, далеко отъ дверей собора архіерея; онъ долго не могъ попасть назадъ въ церковь. Бѣдныя женщины дорого платятъ за свое желаніе полюбоваться «прелестнымъ наслѣдникомъ», какъ вездѣ называютъ его умильные губки красавицъ и не-красавицъ. Часто жалкій женскій крикъ стона сливается съ непрерывнымъ «ура!» при входѣ и выходѣ изъ церквей, изъ домовъ, изъ экипажа великаго князя. Здѣсь какъ-то особенно, кажется даже болѣе, нежели гдѣ либо, народъ неугомоненъ: большая прекрасная площадь Сусанина, до поздней ночи усыпанная народомъ, не переставала гудѣть непрерывнымъ «ура!», даже и тогда, когда великій князь былъ уже въ постели. Сегодня я всталъ въ седьмомъ часу и передъ окнами та же толпа; кажется, какъ будто народъ не сходилъ съ площади». Обычный балъ замѣнило въ Костромѣ народное гулянье въ городскомъ саду и катанье по Волгѣ [1].

Переѣздъ изъ Костромы въ Вятку по сѣвернымъ лѣсамъ и пустынямъ совершенъ въ четыре дня. Въ Вяткѣ устроена была выставка и данъ балъ отъ купечества. Оттуда цесаревичъ направилъ свой путь на Ижевскіе и Котело-Воткинскіе оружейные заводы, а 25-го мая былъ уже въ Перми, гдѣ остался два дня и гдѣ ссыльные поляки подали на-

[1] Юрьевичъ женѣ, 14-го и 15-го мая 1837 г.

сѣльнику прощенія о возвращеніи на родину, раскольникамъ объ избавленіи ихъ отъ преслѣдованія. 26-го мая, въ четыре часа пополудни, близъ станціи Рѣшоты, въ тридцати верстахъ отъ Екатеринбурга, августѣйшій путешественникъ достигъ высшей точки Уральскаго хребта и изъ Европы перевалилъ въ Азію. Къ шести часамъ онъ прибылъ въ Екатеринбургъ и тотчасъ же поѣхалъ осматривать монетный дворъ, казенный золотопромывательный заводъ, лабораторію, въ которой очищаютъ золото и переплавляютъ въ слитки, и гранильную фабрику. Тамъ поднесли ему разныя издѣлія изъ мрамора, яшмы и малахита, камеи съ изображеніемъ портретовъ императора и императрицы, чернильницу изъ ляписъ-лазури и печать изъ горнаго хрусталя; показывали изумруды небывалой величины, вновь открытое богатство уральскихъ рудниковъ. Проведя слѣдующій день въ Екатеринбургѣ, наслѣдникъ 28-го мая обозрѣвалъ частные горные заводы, расположенные въ окрестностяхъ этого города: пилъ чай въ Старо-Невьянскомъ желѣзномъ заводѣ Яковлевыхъ, поднимался на гору «Благодать», ночевалъ въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ Демидова; на другой день вернулся къ обѣду въ Екатеринбургъ, а вечеромъ ѣздилъ на Берцовскіе казенные золотоносные пріиски. «Вчера, на разстояніи 200 верстъ»,—писалъ Юрьевичъ,—«мы, такъ сказать, все ѣхали по золотымъ розсыпямъ; по обѣ стороны дороги постоянно видишь золотоносные пески; самая дорога—золото» [1].

31-го мая, цесаревичъ вступилъ въ предѣлы Сибири, ночь съ 1-го на 2-е іюня провелъ въ Тюмени, а слѣдующею ночью, переправясь черезъ Иртышъ, достигъ Тобольска. Тамъ, какъ и въ губернскихъ городахъ Европейской Россіи, для него была устроена промышленная выставка и генералъ-губернаторомъ Западной Сибири данъ балъ. Сибирь произвела на великаго князя крайне благопріятное впечатлѣніе. Даже въ лучшихъ центральныхъ губерніяхъ онъ не видѣлъ такого бодраго, богатаго, виднаго, настоящаго русскаго народа, какъ по Сибирскому тракту, отъ Екатеринбурга до Тобольска. Даже женщины показались ему красивѣе и здоровѣе ярославскихъ и костромскихъ. Земля, благодатный черноземъ, воздѣлана отлично. Не оказалось по пути ни тундръ, ни болотъ, обыкновенно связываемыхъ съ представленіемъ о Сибири, но всюду—веселые виды полей, луговъ, рощи и широкія рѣки: Тура, Тоболъ, Иртышъ. Темнымъ пятномъ на радужномъ фонѣ этой картины являлись лишь многочисленные ссыльные, поселенные въ Тобольскѣ и его окрестностяхъ [2]. Сердце цесаревича прониклось состраданіемъ къ несчастнымъ и онъ не поколебался обратиться къ государю съ просьбой о смягченіи ихъ участи [3].

[1] Юрьевичъ женѣ, 22-го, 23-го, 24-го, 26-го и 29-го мая 1837 г.

[2] Юрьевичъ женѣ, 3-го и 4-го іюня 1837 г.

[3] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 24-го іюня 1837 г.

Тобольскъ былъ конечною точкою путешествія Александра Николаевича въ Азіи. 4-го іюня онъ оставилъ этотъ городъ и, переночевавъ въ Тюмени, 6-го числа перевалилъ обратно за Уралъ и чрезъ Челябинскъ 7-го прибылъ на Златоустовскій оружейный заводъ. Въ Ялуторовскѣ и Курганѣ онъ видѣлъ поселенныхъ тамъ декабристовъ и обнадежилъ ихъ ласковымъ словомъ. Его тронуло грустное ихъ выраженіе, забота о дѣтяхъ—крестьянахъ, какъ и они сами. Помимо этого мимолетнаго грустнаго впечатлѣнія, все общество путешественниковъ было бодро и весело. Въ письмѣ къ женѣ Юрьевичъ въ шуточномъ тонѣ такъ отзывается о «дорожной компаніи»: «Мы составляемъ двѣ главныхъ секты: чаистовъ и простоквашистовъ; это двѣ главныя партіи; есть еще партія пирожкистовъ, но она не сильна и впадаетъ въ ту или другую секту. Во главѣ первой стоитъ А. А. Кавелинъ; его сильно держится Назимовъ; они пьютъ чай при всякомъ случаѣ, даже по пяти разъ въ день. Во главѣ второй—я; потомъ нашъ эскулапъ Енохинъ и Адлербергъ. В. А. Жуковскій хотѣлъ было составить особую секту: любителей пирожковъ, но, не имѣя успѣха, пристаетъ къ намъ—любителямъ простокваши. Думаю, что наступающіе жары еще болѣе увеличатъ мою секту. Великій князь и Паткуль доселѣ составляютъ рѣшительный нейтралитетъ, т. е. пьютъ и чай, и не отказываются отъ простокваши. К. И. Арсеньевъ не держится слѣпо ни одной, но болѣе склоненъ къ простоквашистамъ, хотя сначала поддерживалъ пирожкиста. Въ Казани общество наше увеличится и мы увидимъ, чья возьметъ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ князя Ливена; онъ намъ очень нуженъ для лучшаго эффекта—и жаль, очень жаль, что онъ не могъ съ самаго начала быть съ нами: мы бы, авось, всѣ остались съ головою, или по крайней мѣрѣ не терялись тамъ, гдѣ нужно, гдѣ необходимо представлять и важность сана довѣреннаго лица, и хладнокровіе въ распоряженіяхъ, и всего важнѣе — привѣтливость... Во всякомъ дѣлѣ нужна опытность: князь Ливенъ, надѣюсь, болѣе всѣхъ насъ имѣетъ означенныя качества. Несмотря на все сіе, великій князь нашъ держитъ себя прекрасно. Мы всѣ имъ не нахвалимся, не нарадуемся. Онъ при всемъ этомъ всегда и вездѣ чаруетъ всѣхъ своею привѣтливостью, своимъ милымъ обворожительнымъ обращеніемъ»[1].

Разстояніе отъ Златоуста до Оренбурга, 170 верстъ до Верхне-Уральска по горной мѣстности, а 570 верстъ оттуда по долинѣ Урала, безплодною Киргизскою степью, цесаревичъ проѣхалъ въ пять дней. Въ Оренбургѣ генералъ-губернаторъ Перовскій устроилъ ему блестящій пріемъ, соединивъ европейскія удовольствія съ азіатскими потѣхами. Поутру вновь образованные регулярные башкирскіе полки, смѣшанные съ уральскими казачьими, стройными маневрами занимали великаго князя; вечеромъ

[1] Юрьевичъ женѣ, 9-го іюня 1837 г.

Киргизская орда, нарочно прикочевавшая къ Оренбургу для его пріѣзда, забавляла его всѣмъ, чѣмъ только могла: скачкою на лошадяхъ маленькихъ полунагихъ киргизятъ; скачкою ихъ же на верблюдахъ; состязаніемъ киргизовъ въ борьбѣ между собою; заклинаніемъ змѣй; хожденіемъ босыми ногами по голымъ острымъ саблямъ, дикою пляскою, музыкою на дудкахъ и гортанной. Не обошлось и безъ бала, происходившаго посреди киргизскаго кочевья, въ нарочно выстроенной изящной галлереѣ, подъ звуки европейскаго оркестра. Балъ удался какъ нельзя лучше, и великій князь долго танцовалъ съ оренбургскими красавицами [1].

Посѣтивъ Илецкія соляныя копи, наслѣдникъ оставилъ Оренбургъ 15-го іюня и на слѣдующій день прибылъ въ Уральскъ. Стояла сильная жара, термометръ показывалъ до 30 градусовъ по Реомюру. Это побудило Александра Николаевича и всю молодую его свиту выкупаться въ Уралѣ. Ему была показана примѣрная рыбная ловля осетровъ и лѣтняя, и зимняя, которая, будучи главнымъ промысломъ уральцевъ, совершается разомъ всѣмъ населеніемъ, торжественно, по условленному знаку, отъ Гурьева, при впаденіи Урала въ Каспійское море, до Уральска. Изъ пойманнаго осетра тутъ же вынули икру, посолили ее и подали къ закускѣ на особо устроенномъ плоту. Пребываніе въ Уральскѣ цесаревича ознаменовано закладкой церкви во имя св. Александра Невскаго, перваго православнаго храма среди раскольничьяго населенія края [2].

Два дня спустя царственный путешественникъ былъ уже въ Казани, гдѣ оставался трое сутокъ. Тамъ онъ узналъ, что болѣзнь задержала въ Петербургѣ попечителя его, князя Ливена. Онъ съ любопытствомъ осмотрѣлъ древній Кремль съ его соборомъ, посѣтилъ женскій монастырь и съ величайшимъ вниманіемъ обозрѣвалъ во всей подробности Казанскій университетъ и состоящія при немъ ученыя учрежденія. Кромѣ обычнаго бала отъ дворянства, въ честь его купечество устроило народное гулянье на Арскомъ полѣ, а губернаторъ Стрекаловъ—спектакль любителей, исполнявшихъ сцены изъ «Аскольдовой могилы». Великій князь остался очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Казани; казанцы были въ неописуемомъ восторгѣ отъ него [3].

24-го іюня, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Симбирска, цесаревича настигъ прискакавшій изъ Петербурга фельдъегерь и вручилъ ему письмо отъ государя. То былъ отвѣтъ императора Николая на ходатайство наслѣдника о ссыльныхъ поселенцахъ Сибири и, въ числѣ ихъ, о нѣкоторыхъ декабристахъ. Его высочество поспѣшилъ сообщить Кавелину и Жуковскому содержаніе этого письма и тутъ же, среди дороги, подъ от-

[1] Юрьевичъ женѣ, 14-го и 15-го іюня 1837 г.

[2] Юрьевичъ женѣ, 16-го іюня 1837 г.

[3] Юрьевичъ женѣ, 22-го и 23-го іюня 1837 г.

крытымъ небомъ, всѣ трое обнялись во имя царя, «возвѣстившаго имъ милость къ несчастнымъ». Минуту эту поэтъ-наставникъ называетъ «одною изъ счастливѣйшихъ въ жизни». Онъ спѣшилъ подѣлиться съ августѣйшею матерью радостью, возбужденною въ немъ такимъ «произвольнымъ порывомъ милосердія въ миломъ цесаревичѣ»: «Никто не побуждалъ его къ состраданію; онъ самъ съ прелестною сыновней свободою и довѣренностью высказалъ все государю... Боже мой! Какими глазами будетъ смотрѣть Россія на этого милаго сына царскаго! Какое восхищеніе произведетъ на всѣхъ этотъ новый союзъ милосердія между отцомъ, умѣвшимъ въ свое время быть правосудно-строгимъ и грознымъ, и сыномъ, котораго юношескій умоляющій голосъ такъ легко претворилъ строгость въ помилованіе! Сколько ранъ будетъ исцѣлено и сколько слезъ и молитвъ благодарныхъ прольется передъ Богомъ за отца и сына. Вчера, въѣзжая въ Симбирскъ и видя толпу народа, которая съ крикомъ бѣжала за коляскою наслѣдника, я не могъ не заплакать и про себя повторилъ: «бѣги за нимъ Россія, онъ стоитъ любви твоей!»[1].

Быстро промелькнули передъ наслѣдникомъ Симбирскъ, Саратовъ, Пенза, Тамбовъ, Воронежъ. Въ каждомъ изъ этихъ губернскихъ городовъ онъ проводилъ по одному дню, съ обычнымъ распредѣленіемъ времени между пріемами, смотрами, обозрѣніями и увеселеніями. Въ Тулѣ вниманіе его привлекъ оружейный заводъ, который онъ осматривалъ во всѣхъ подробностяхъ. Въ Калугѣ присоединились къ его свитѣ офицеры, назначенные сопровождать его во время обзора полей сраженія Отечественной войны: инженеръ-полковникъ Веймарнъ, какъ преподававшій ему исторію этой войны, и генеральнаго штаба полковникъ Яковлевъ, хорошо изучившій мѣстность, которую снималъ на планъ[2].

Обзоръ начался съ Вязьмы, куда цесаревичъ прибылъ вечеромъ 13-го іюля. Сопровождали его, кромѣ обычной свиты и названныхъ двухъ офицеровъ, смоленскій губернаторъ генералъ Дьяковъ, участникъ войны 1812 года, да нѣсколько провожатыхъ изъ старожиловъ, очевидцевъ безсмертныхъ событій. Три дня проведены въ Смоленскѣ, окрестности котораго, до Краснаго, Александръ Николаевичъ объѣздилъ и осмотрѣлъ съ картами и планами въ рукахъ, не пропуская ни одной мѣстности, ознаменованной борьбой съ Наполеономъ. Въ Калугу возвратился онъ чрезъ Бѣлевъ, мѣсто кончины императрицы Елисаветы Алексѣевны и родину Жуковскаго; тамъ посѣтилъ онъ домъ, гдѣ скончалась супруга Александра I, по которой отслужилъ панихиду, и тотъ, гдѣ родился любимый его наставникъ. Изъ Калуги цесаревичъ ѣздилъ въ Авгурино, имѣніе помѣщика Полторацкаго, славившееся своимъ образцовымъ хо-

[1] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 24-го іюня 1837 г.

[2] Юрьевичъ женѣ, 24-го, 25-го, 30-го іюня, 3-го, 6-го, 10-го и 12-го іюля 1837 г.

[illegible]омъ, со вниманіемъ осматривалъ усовершенствованныя земледѣльческія орудія, присутствовалъ при молотьбѣ и вѣяніи машинами и самъ пробовалъ пахать англійскимъ плугомъ, приспособленнымъ къ русской почвѣ [1].

20-го іюля онъ былъ уже въ Маломъ-Ярославцѣ, долго и внимательно изучалъ мѣстность, на которой происходилъ кровавый бой вокругъ этого города, семь разъ переходившаго изъ рукъ въ руки, а также поле Тарутинскаго сраженія и на другой день прибылъ въ село Бородино. Объѣздъ верхомъ Бородинскаго поля продолжался отъ пяти до девяти часовъ вечера, въ направленіи отъ Семеновскихъ флешей, на лѣвомъ флангѣ, къ центральному люнету, на мѣстѣ котораго построенъ, вдовою убитаго въ бою генерала Тучкова, Спасскій монастырь. Переночевавъ въ Бородинѣ, цесаревичъ продолжалъ и на третій день изученіе мѣстъ достопамятной битвы, присутствовалъ въ монастырѣ на панихидѣ за упокой душъ на полѣ брани убіенныхъ воиновъ и собственной рукой положилъ камень въ сооружаемомъ на полѣ сраженія монументѣ. Въ ночь съ 25-го на 24-го іюля онъ прибылъ въ Москву [2].

Александръ Николаевичъ неоднократно бывалъ уже и прежде въ первопрестольной столицѣ, но цѣлью настоящаго пріѣзда было подробное ознакомленіе съ нею, изученіе ея историческихъ памятниковъ и современныхъ достопримѣчательностей. По волѣ государя, онъ остановился въ Николаевскомъ дворцѣ и ночевалъ въ той самой комнатѣ, гдѣ онъ родился, а неразлучный съ нимъ Юрьевичъ—«Симушка», какъ любилъ звать его питомецъ,—расположился въ ней же на диванѣ, который нѣкогда занимала кормилица великаго князя [3]. Воспоминаніе это привело въ умиленіе Жуковскаго, припомнившаго въ письмѣ къ императрицѣ, что изъ того же самаго окна, изъ котораго девятнадцать лѣтъ назадъ онъ, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, поздравлялъ съ новорожденнымъ толпившійся на площади народъ, любуется онъ теперь на такую же толпу народа, ожидающую появленія наслѣдника, «навѣстившаго свою родину и уже знакомаго съ любовью къ нему всей Россіи» [4].

24-го іюля утромъ состоялся традиціонный выходъ въ Успенскій соборъ, у входа въ который встрѣтилъ цесаревича митрополитъ Филаретъ прочувствованнымъ привѣтственнымъ словомъ. «Онъ говорилъ просто»,—пишетъ Жуковскій въ томъ же письмѣ къ государынѣ,—«безъ всякаго витійства, но, думаю, никогда не говорилъ такъ выразительно, ибо самое происшествіе было слишкомъ краснорѣчиво. Никогда, съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ этотъ русскій храмъ, не видали передъ дверями его подобнаго

[1] Юрьевичъ женѣ, съ 16-го по 21-е іюля 1837 г.

[2] Юрьевичъ женѣ, 22-го іюля 1837 г.

[3] Юрьевичъ женѣ, 24-го іюля 1837 г.

[4] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, [illegible] іюля 1837 г.

событія. Какъ много значатъ на языкѣ митрополита слова: государь наслѣдникъ, благодарность отечества, потомство. Я чувствовалъ трепетъ благоговѣнія, слушая ихъ и смотря на молодого прекраснаго цесаревича, который смиренно ихъ принималъ, окруженный народомъ, вдругъ утихшимъ и плачущимъ. А когда мы вошли въ соборъ, гдѣ на моемъ вѣку совершилось уже три коронованія, гдѣ былъ коронованъ Петръ Великій, гдѣ въ теченіе почти четырехсотъ лѣтъ всѣ русскіе князья, цари и императоры принимали освященіе своей власти и торжествовали всѣ великія событія народныя, когда запѣли это многолѣтіе, столько разъ оглашавшее эти стѣны, когда его повели прикладываться къ образамъ и мощамъ, когда опять сквозь густую толпу онъ пошелъ въ соборъ Благовѣщенскій и Архангельскій и, наконецъ, на Красное Крыльцо, на вершинѣ котораго остановился, чтобъ поклониться московскому народу, котораго гремящее «ура!» слилось съ звукомъ колоколовъ, и когда въ этомъ звукѣ, такъ сказать, раздался тотъ чудный голосъ, который столько предковъ на этомъ мѣстѣ слышали, который будутъ слышать потомки, пока будетъ жива Россія,—то я, въ сильномъ движеніи души, почувствовавъ величіе этой минуты, пожалѣлъ, что ни государь, ни вы не могли ею насладиться. Такія минуты рѣдки въ жизни человѣческой; здѣсь было не просто одно великолѣпное зрѣлище, но, можно сказать, представилось въ одномъ видимомъ образѣ все, что есть великаго, нравственнаго въ судьбѣ людей и царствъ. Потому-то и спѣшу въ немногихъ строкахъ передать вашему величеству эту картину. Москва очаровательна. Въ ней чувствуешь Россію. Она теперь шумитъ радостью. А для меня эта радость ея имѣетъ какой-то особенный звукъ, ибо я самый старый товарищъ въ жизни наслѣдника. Я радовался его появленію на свѣтъ младенцемъ, какъ теперь радуюсь его появленію въ жизнь дѣятельную, посреди одной и той же Москвы. И какъ будто не было между этими событіями никакого промежутка времени, и хотя чувствую, что время мое при немъ миновалось, но смѣю надѣяться, что тогдашнее мое пророчество, сохранившееся въ памяти добрыхъ русскихъ, исполнится, и что государь, долго имъ радуясь, какъ своимъ достойнымъ сыномъ, упрочитъ въ немъ счастіе нашихъ потомковъ»[1].

Великій князь осмотрѣлъ перестроившійся Кремлевскій дворецъ, Грановитую палату, терема, былъ на разводѣ на Кремлевской площади, совершилъ вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ прогулку въ экипажѣ по городу, обѣдалъ у князя Д. В. Голицына, а вечеромъ съѣздилъ въ расположенный подъ селомъ Коломенскимъ кадетскій лагерь. На другой день былъ у обѣдни, на разводѣ, на выставкѣ и въ Большомъ театрѣ, гдѣ давали оперу Верстовскаго «Аскольдова могила»[2].

[1] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ, 24-го іюля 1837 г.

[2] Юрьевичъ женѣ, 24-го іюля 1837 г.

Съ третьяго дня началось систематическое обозрѣніе Московскихъ святынь, историческое значеніе которыхъ разъясняли цесаревичу митрополитъ Филаретъ и приглашенный Жуковскимъ извѣстный путешественникъ по св. мѣстамъ А. Н. Муравьевъ. Александръ Николаевичъ послѣдовательно посѣтилъ монастыри: Чудовъ, Донской, Даниловъ, Симоновъ, Крутицкій, Новоспасскій, теремныя церкви, храмъ Спаса-на-Бору, патріаршую ризницу; 30-го іюля онъ ѣздилъ въ Новый Іерусалимъ, откуда заѣхалъ и въ обитель св. Саввы Звенигородскаго; 1-го августа участвовалъ въ крестномъ ходѣ изъ Кремля на Москву-рѣку для освященія воды, а 2-го совершилъ паломничество въ Троицко-Сергіеву лавру. Наканунѣ отъѣзда онъ посвятилъ цѣлое утро внимательному и подробному осмотру Успенскаго собора. Во всѣхъ этихъ посѣщеніяхъ цесаревичъ проявлялъ необычайную любознательность, подробно разспрашивалъ объ особенностяхъ посѣщенныхъ памятниковъ, въ связи съ историческими событіями, и самъ поражалъ своихъ спутниковъ твердымъ и основательнымъ знаніемъ отечественной исторіи [1].

Вечера посвящались увеселеніямъ и забавамъ. Одинъ балъ слѣдовалъ за другимъ въ городскихъ и загородныхъ домахъ московскихъ вельможъ. Рядъ ихъ заключился 31-го іюля великолѣпнымъ праздникомъ въ палатахъ генералъ-губернатора князя Голицына. По свидѣтельству Юрьевича, московскіе пиры, прогулки, представленія, увеселенія и разнаго рода обозрѣнія и посѣщенія примѣчательностей города, при нестерпимой жарѣ, доходившей въ тѣни до 28 градусовъ Реомюра, до того утомили великаго князя и его спутниковъ уже въ первые три дня пребыванія въ Москвѣ, что во всѣ три мѣсяца ихъ странствованія они не испытывали такой усталости [2].

3-го августа прибыла въ Москву императрица со старшею дочерью Маріею Николаевною и поселилась въ Нескучномъ дворцѣ, куда переѣхалъ изъ Кремля и цесаревичъ со своею свитой. Цѣлую недѣлю провелъ онъ съ матерью, отдыхая отъ пережитыхъ тревогъ. 9-го государыня съ великою княжною выѣхала въ Воронежъ, наслѣдникъ во Владиміръ, откуда проѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, въ самый разгаръ ярмарки. Ни во Владимірѣ, ни въ Нижнемъ не было баловъ по случаю Успенскаго поста; они возобновились въ Рязани, Тулѣ, Орлѣ, Курскѣ и Харьковѣ [3]. Отобѣдавъ въ Полтавѣ у генералъ-губернатора, графа А. Г. Строганова, цесаревичъ, въ ночь съ 24-го на 25-е августа, пріѣхалъ въ Вознесенскъ.

Въ этомъ, по выраженію Юрьевича, оазисѣ херсонскихъ степей имѣли происходить въ высочайшемъ присутствіи кавалерійскіе манёвры, для

[1] Воспоминанія о посѣщеніи святынь московскихъ государемъ наслѣдникомъ. А. Н. Муравьева.

[2] Юрьевичъ, дневн. 27-го и 28-го іюля 1837 г.

[3] Юрьевичъ, дневн. съ 1-го по 22-е августа 1837 г.

чего было стянуто туда 350 эскадроновъ конницы и до 30 баталіоновъ пѣхоты. Государь и императрица уже находились въ Вознесенскѣ съ 17-го августа. Императоръ Николай радъ былъ свидѣться съ сыномъ, котораго нашелъ и здоровѣе, и полнѣе, и возмужалѣе. Онъ расцѣловалъ и его, и всѣхъ его спутниковъ, благодаря ихъ за то, что они сберегли ему «его Сашу»[1]. Его величество сопровождала блестящая свита, въ составъ которой входили: великій князь Михаилъ Павловичъ, генералъ-фельдмаршалы князья Витгенштейнъ и Паскевичъ, министръ двора князь Волконскій и вице-канцлеръ графъ Нессельроде. Вскорѣ къ нимъ присоединились иностранные гости: эрцгерцогъ австрійскій Іоаннъ, принцы прусскіе Адальбертъ и Августъ, принцъ Фридрихъ Виртембергскій, герцогъ Бернгардъ Саксенъ-Веймарскій съ сыномъ принцемъ Вильгельмомъ и герцогъ Максиміліанъ Лейхтенбергскій, сынъ пасынка Наполеона Евгенія Богарне.

Въ продолженіе десяти дней происходили ученья, манёвры, парады; вечера посвящались оживленнымъ танцамъ въ импровизованной бальной залѣ. На парадѣ 26-го августа цесаревичъ назначенъ шефомъ Московскаго драгунскаго полка[2], а въ именины свои получилъ отъ государя знаменательный подарокъ: село Бородино[3].

Изъ Вознесенска наслѣдникъ сопутствовалъ императору въ Николаевъ и Одессу, гдѣ снова соединилась вся царская семья. Проведя въ этомъ городѣ три дня въ празднествахъ и увеселеніяхъ всякаго рода, ихъ величества съ цесаревичемъ отправились на пароходѣ «Сѣверная Звѣзда» въ Севастополь. Черноморскій флотъ въ полномъ составѣ вышелъ имъ навстрѣчу и, по приказанію государя, маневрировалъ въ открытомъ морѣ. Выйдя на берегъ, августѣйшіе путешественники посѣтили портъ и арсеналъ, а также Георгіевскій монастырь, построенный на мѣстѣ древняго Херсониса, гдѣ принялъ св. крещеніе равноапостальный князь Владиміръ, а на другой день предприняли поѣздку въ Бахчисарай—бывшую столицу крымскихъ хановъ, откуда прослѣдовали въ Симферополь. На южномъ берегу Крыма они были гостями новороссійскаго генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова, принявшаго ихъ съ восточною пышностью, соединенной съ утонченностью западной Европы, въ Ай-Данилѣ, Массандрѣ и Алупкѣ. Оставивъ тамъ императрицу, государь взялъ съ собою цесаревича на пароходъ, отвезшій ихъ сначала въ Геленджикъ, потомъ въ Анапу, наконецъ въ Керчь, гдѣ его величество снова разстался съ сыномъ. Императоръ отправился въ Поти и далѣе въ Закавказье; наслѣдникъ, осмотрѣвъ въ Керчи музей греческихъ древностей и одинъ

[1] Юрьевичъ, дневн. 25-го августа 1837 г.
[2] Формулярный списокъ.
[3] Юрьевичъ, дневн., 31-го августа 1837 г.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ съ товарищами въ кадетскомъ корпусѣ.

(Съ литографіи [illegible])

изъ недавно разрытыхъ кургановъ, возвратился моремъ въ Алупку, къ императрицѣ. Отдохнувъ два дня, онъ 28-го сентября снова пустился въ путь, собравъ въ Симферополѣ свою разсѣянную свиту; 2-го октября былъ въ Екатеринославѣ, 3-го въ Кременчугѣ, гдѣ переправился чрезъ Днѣпръ, и 5-го достигъ Кіева[1].

Въ древней «матери городовъ русскихъ» цесаревичъ провелъ три дня. Первый выѣздъ былъ въ Печерскую лавру, гдѣ встрѣтилъ его во вратахъ Успенскаго собора высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ кіевскій. 6-го октября онъ слушалъ обѣдню въ Софійскомъ соборѣ, поклонился мощамъ св. великомученицы Варвары, покоющимся въ Михайловскомъ монастырѣ, принималъ военныя и гражданскія власти, мѣстныхъ дворянъ и купцовъ, осматривалъ богоугодныя заведенія, крѣпость, арсеналъ, военный госпиталь, промышленную выставку; обѣдалъ у генералъ-губернатора, графа Гурьева, который въ честь его далъ великолѣпный балъ. Слѣдующій день прошелъ въ обозрѣніи пещеръ и въ военныхъ смотрахъ и завершился народнымъ гуляньемъ въ городскомъ саду, живописно расположенномъ на высокомъ берегу Днѣпра, иллюминаціею и фейерверкомъ, сожженнымъ надъ рѣкою[2].

10-го октября, день, проведенный въ Полтавѣ, куда наслѣдникъ поѣхалъ изъ Кіева, весь былъ посвященъ воспоминаніямъ о Петрѣ Великомъ и о Полтавской битвѣ. Цесаревичъ отстоялъ обѣдню въ томъ самомъ храмѣ, въ которомъ Петръ приносилъ благодареніе Богу послѣ побѣды. Великому императору и всѣмъ павшимъ въ славномъ бою пропѣта вѣчная память. Найдя церковь въ полуразрушенномъ видѣ, Александръ Николаевичъ пожертвовалъ 2,000 рублей на ея поправку и выразилъ надежду, что важный этотъ историческій памятникъ будетъ спасенъ отъ разрушенія. Обозрѣвъ поле сраженія, наслѣдникъ взобрался на курганъ, служащій общей могилой убитымъ воинамъ, и долго съ монастырской колокольни любовался прелестнымъ видомъ на городъ и живописную долину Ворсклы. Полтавскій балъ былъ не послѣднимъ. За нимъ слѣдовалъ другой—балъ въ Харьковѣ, гдѣ августѣйшій путешественникъ вторично остановился на день и чрезъ Чугуевъ, Екатеринославъ, Маріуполь и Бердянскъ 17-го октября прибылъ въ Таганрогъ. На пути видѣлъ онъ нѣмецкія колоніи Новороссійскаго края, поселки ногайскихъ татаръ, селенія русскихъ раскольниковъ: молоканъ и духоборцевъ. Отслуживъ въ Таганрогѣ панихиду по императорѣ Александрѣ I въ томъ домѣ, гдѣ скончался этотъ государь, цесаревичъ поздно вечеромъ 19-го октября проѣхалъ въ Аксайскую станицу, въ землѣ войска Донского, а на дру-

[1] Юрьевичъ женѣ, съ 8-го сентября по 5-е октября 1837 г.

[2] Юрьевичъ женѣ, 5-го и 6-го октября 1837 г.

той день, на обратномъ пути съ Кавказа, прибылъ туда и императоръ Николай[1].

21-го октября состоялся торжественный въѣздъ государя и наслѣдника въ главный городъ земли войска Донского—Новочеркасскъ. Оба ѣхали верхами и у тріумфальныхъ воротъ встрѣчены наказнымъ атаманомъ, генералами, штабъ и оберъ-офицерами и всѣмъ населеніемъ города. Войсковой кругъ изъ знаменъ и регалій собрался вокругъ собора. Послѣ краткаго молебствія, императоръ, войдя въ кругъ, принялъ изъ рукъ наказнаго атамана булаву и вручилъ ее цесаревичу. Прочіе знаки атаманскаго достоинства: насѣка, боболевы хвосты и знамена были, при пушечной пальбѣ, отнесены въ домъ, занимаемый его высочествомъ. По окончаніи пріема генераловъ и высшихъ должностныхъ лицъ, августѣйшій атаманъ осматривалъ войсковое правленіе, уголовный и гражданскій суды, черкасскія окружныя судныя начальства, постоянное и временное, войсковый архивъ, комиссію о размежеваніи земель, войсковую строительную комиссію и войсковое дежурство. На другой день послѣ высочайшаго смотра двадцати казачьимъ полкамъ онъ продолжалъ осмотръ гимназіи, госпиталя, тюремнаго замка, дома умалишенныхъ и выставки искусственныхъ и естественныхъ произведеній края. Къ обѣду государя приглашены были всѣ генералы и командиры полковъ. Его величество и его высочество почтили своимъ присутствіемъ данный въ честь ихъ балъ[2].

25-го октября августѣйшіе путешественники оставили Новочеркасскъ и быстро помчались къ Москвѣ, остановясь лишь въ Воронежѣ, гдѣ помолились у новоявленныхъ мощей святителя Митрофана. 26-го октября въѣхали они въ первопрестольную столицу.

Государь и цесаревичъ провели въ Москвѣ цѣлыхъ шесть недѣль, отпраздновали тамъ день тезоименитства императора и 10-го декабря возвратились въ Царское Село.

Такъ завершилось продолжавшееся болѣе семи мѣсяцевъ путешествіе наслѣдника, бывшее, по образному выраженію Жуковскаго, «всенароднымъ обрученіемъ его съ Россіей». Въ этотъ сравнительно краткій срокъ онъ объѣхалъ тридцать губерній и первый изъ членовъ Царствующаго Дома посѣтилъ отдаленную Сибирь. За все время путешествія ему подано до 16.000 просьбъ, бо́льшею частью о пособіи. Каждое прошеніе отсылалось къ начальникамъ губерній, получившимъ по 8.000 рублей на раздачу наиболѣе нуждающимся. Болѣе важныя просьбы отсылались министрамъ и въ комиссію прошеній; наконецъ, самыя важныя наслѣдникъ прямо отъ себя посылалъ государю. По высочай-

[1] Юрьевичъ женѣ, съ 19-го по 21-е октября 1837 г.

[2] Русскій Инвалидъ, ноябрь 1837 г.

шему повелѣнію, всѣ вѣдомства должны были преимущественно заниматься разборомъ и удовлетвореніемъ прошеній, поступившихъ на имя цесаревича [1].

Два дня спустя по возвращеніи государя съ цесаревичемъ въ Царское Село дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, вскорѣ послѣ чего, въ ночь съ 17-го на 18-е декабря, сгорѣлъ Зимній дворецъ. Наслѣдникъ находился при императорѣ, лично распоряжавшемся тушеніемъ пожара. Когда его величеству доложили о другомъ пожарѣ, вспыхнувшемъ въ Галерной гавани, государь приказалъ сыну тотчасъ же отправиться туда и принять мѣры къ прекращенію бѣдствія, грозившаго одной изъ беднѣйшихъ частей столицы. Александръ Николаевичъ поспѣшилъ исполнить это приказаніе. На пути сани его опрокинулись. Не медля ни минуты, онъ вскочилъ на лошадь встрѣтившагося ему жандарма, проѣзжая мимо казармъ Финляндскаго полка, велѣлъ слѣдовать за собою первому баталіону финляндцевъ и, съ помощью ихъ потушивъ пожаръ въ Галерной гавани, прискакалъ снова на Дворцовую площадь, чтобы донести государю объ исполненіи возложеннаго на него порученія [2].

Царская семья поселилась въ Аничковомъ дворцѣ, гдѣ въ семейномъ кругу встрѣтила новый 1838 годъ.

1 Изъ послужного списка генералъ-адъютанта Юрьевича.

2 «Сѣверная Пчела», декабрь 1837 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Помолвка и женитьба.

1838—1841.

Курсъ высшихъ государственныхъ наукъ: военнаго дѣла, финансовъ, дипломатіи. — Путешествіе за границу. — Посѣщеніе дворовъ: шведскаго, датскаго, ганноверскаго и гессенъ-кассельскаго. — Лѣченіе водами въ Эмсѣ. — Отзывъ о цесаревичѣ маркиза де-Кюстина. — Веймаръ, Берлинъ и Мюнхенъ. — Сѣверная Италія. Флоренція, Римъ, Неаполь. — Посѣщеніе вѣнскаго двора. — Карлсруэ и Дармштадтъ. — Первая встрѣча съ принцессою Маріею Гессенскою. — По Рейну, въ Голландіи и въ Англіи. — Вторичная поѣздка въ Дармштадтъ. — Возвращеніе въ Россію. — Манёвры въ Красномъ селѣ. — Открытіе памятника на Бородинскомъ полѣ. — Участіе въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. — Помолвка въ Дармштадтѣ. — Кончина короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III. — Инспекціонная поѣздка по Западному краю. — Обрученіе. — Бракосочетаніе. — Поѣздка въ Москву.

Путешествіе по Россіи завершило предначертанный Жуковскимъ за восемь лѣтъ до того кругъ образованія наслѣдника. Оставалось посвятить его въ тайны государственнаго управленія сообщеніемъ свѣдѣній о трехъ главнѣйшихъ отрасляхъ: военной, финансовой и дипломатической. Къ этому было приступлено въ началѣ 1838 года.

Высшую стратегію и военную политику читалъ цесаревичу выдающійся военный писатель того времени, бывшій начальникъ штаба маршала Нея, перешедшій въ русскую службу въ 1813 году, генералъ-адъютантъ баронъ Жомини. Съ современнымъ состояніемъ русскихъ финансовъ ознакомилъ его министръ финансовъ, графъ Канкринъ; съ внѣшними отношеніями Россіи—старшій совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Брунновъ [1].

Составленное Брунновымъ обозрѣніе дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами обнимаетъ періодъ времени отъ воцаренія Екатерины II до кончины Александра I и заключается обзо-

[1] «Годы ученія». Сборникъ И. Р. И. Общества, XXX, стр. XXV, XXXI и 1—163.

ромъ политики русскаго двора въ царствованіе императора Николая I[1]. Начинаетъ онъ его изложеніемъ Екатерининскихъ договоровъ, приведшихъ къ раздѣлу Польши и къ установленію покровительства Россіи ея единовѣрцамъ на Востокѣ, причинно не связывая эти два историческія явленія съ преемственною политикою московскихъ царей и государственною дѣятельностью Петра Великаго и ближайшихъ его преемниковъ. Признавая дипломатическое искусство, проявленное императрицей Екатериной въ своей внѣшней политикѣ, Брунновъ осуждалъ ея направленіе и способы дѣйствія, утверждая, что царствованіе ея завѣщало трудности, которыя «еще долго будутъ удручать политику Россіи». Политической системѣ великой государыни противополагалъ онъ другую, которой слѣдовалъ императорскій кабинетъ съ того дня, когда Александръ I, создавъ Священный Союзъ, положилъ начало европейской федераціи, основанной на сознаніи общей солидарности великихъ державъ. Руководящимъ началомъ русской политики провозглашались прямодушіе и честность, составляющія ея неизмѣнное правило и—какъ собственноручно приписалъ императоръ Николай—«источникъ истинной нашей силы». Въ дѣйствительности же она сводилась къ тѣсному единенію Россіи съ Австріей и Пруссіей, къ исканію дружественнаго соглашенія съ Англіей и къ непрерывному антагонизму съ Франціей, для поддержанія порядка, установленнаго въ Европѣ вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года. Цѣлью союза съ дворами вѣнскимъ и берлинскимъ выставлялось огражденіе Россіи отъ революціонной пропаганды, въ томъ предположеніи, что «прежде чѣмъ дойти до насъ, она потеряетъ свою силу и раздробится объ Австрію и Пруссію». Отсюда необходимость снисходительно относиться къ союзникамъ, оказывая имъ покровительство и помощь, не требовать отъ нихъ взаимности и даже вовсе не разсчитывать на ихъ содѣйствіе, въ случаѣ столкновенія съ Англіей и Франціей по восточнымъ дѣламъ. Положеніе, созданное Россіи на Востокѣ ея побѣдами надъ Турціей и договорами съ нею, Брунновъ признавалъ «неудобнымъ и невыгоднымъ наслѣдіемъ»; принадлежавшее ей право покровительства единовѣрцамъ называлъ убыточнымъ; высказывался противъ всякаго поощренія стремленій къ независимости восточныхъ христіанъ и задачу Россіи на Востокѣ полагалъ въ поддержаніи существованія Оттоманской имперіи. Проповѣдуя политическое безкорыстіе, совѣтникъ графа Нессельроде имъ оправдывалъ дипломатическую дѣятельность вице-канцлера, подготовлявшую въ это самое время лондонскія совѣщанія 1840—1841 гг., на которыхъ русская дипломатія добровольно

[1] Aperçu des principales transactions du Cabinet de Russie sous les règnes de Catherine II, Paul I et Alexandre I. томъ же Сборника XXXI, стр. 198 и [illegible]. и [illegible] барона Бруннова: Aperçu de la politique du Cabinet russe sous le règne de l'em[illegible]

отреклась отъ преимуществъ, предоставленныхъ ей союзнымъ договоромъ, заключеннымъ въ Ункіаръ-Искелесси съ султаномъ, и признала право вмѣшательства соединенной Европы въ отношеніи Россіи къ Турціи.

Въ занятіяхъ высшими государственными науками: военною, финансовою и дипломатическою, прошли первые три мѣсяца 1838 года. 17-го апрѣля, въ день, когда Александру Николаевичу исполнилось двадцать лѣтъ, императоръ Николай назначилъ его шефомъ двухъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ: Павлоградскаго гусарскаго и Клястицкаго уланскаго. 23-го апрѣля, на Высочайшемъ смотру войскъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, цесаревичъ командовалъ Кавалергардскимъ ея величества полкомъ, а недѣлю спустя предпринялъ продолжительное путешествіе за границу[1].

Путешествіе это, какъ и поѣздка по Россіи, входило въ програму воспитанія наслѣдника. Ознакомивъ сына съ различными областями русскаго царства, императоръ Николай I считалъ нужнымъ довершить его образованіе знакомствомъ съ главными европейскими дворами. Маршрутъ, составленный для цесаревича, обнималъ почти всѣ страны Западной Европы, за исключеніемъ Франціи и государствъ Пиренейскаго полуострова. Но изученіе ихъ не было единственною цѣлью путешествія; по совѣту врачей, Александръ Николаевичъ долженъ былъ воспользоваться имъ для лѣченія водами въ Эмсѣ отъ болей въ груди, осложненныхъ кашлемъ и припадками лихорадки, вызванной переутомленіемъ во время быстраго слѣдованія его по внутреннимъ губерніямъ въ предшедшемъ году. Слабое состояніе здоровья императрицы Александры Өеодоровны вынуждало и ее искать облегченія въ перемѣнѣ климата и въ пользованіи минеральными водами. Предполагая остановиться на нѣкоторое время въ Берлинѣ, она пожелала взять туда съ собою двухъ младшихъ сыновей, Николая и Михаила Николаевичей, отправленныхъ впередъ съ ихъ воспитателемъ. Сама государыня выѣхала изъ Петербурга 23-го апрѣля съ великою княжною Александрою Николаевною. Вскорѣ послѣдовалъ за нею и государь съ цесаревичемъ, нагнавшій супругу не доѣзжая до Берлина, куда вся царская семья торжественно въѣхала 7-го мая, въ сопровожденіи встрѣтившихъ ее въ Фридрихсфельде короля прусскаго съ четырьмя сыновьями и двумя дочерьми: великою герцогинею Александрою Мекленбургъ-Шверинскою и принцессою Луизою Нидерландскою.

Пока императрица отдыхала въ кругу родительской семьи, императоръ со старшимъ сыномъ принималъ дѣятельное участіе въ происходившихъ въ окрестностяхъ Берлина манёврахъ прусскаго гвардейскаго корпуса, присутствовать на которыхъ, кромѣ русскихъ гостей,

[1] Формулярный списокъ.

приглашены были короли ганноверскій и виртембергскій, а также многіе нѣмецкіе государи и принцы: владѣтельные великіе герцоги Саксенъ-Веймарскій съ супругою и наслѣднымъ принцемъ и Ольденбургскій; герцогъ Брауншвейгскій, ландграфъ Гессенъ-Гомбургскій, принцы Георгъ Гессенъ-Дармштадтскій, Августъ Виртембергскій, Вильгельмъ, старшій сынъ принца Оранскаго, и герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій. По окончаніи манёвровъ императрица переѣхала въ Потсдамъ, а государь съ тремя сыновьями отправился въ Штетинъ, гдѣ сѣлъ на военный пароходъ «Геркулесъ» и отплылъ въ ночь съ 26-го на 27-е мая.

Объѣздъ европейскихъ дворовъ Александръ Николаевичъ имѣлъ начать съ Швеціи и въ Стокгольмѣ ждали лишь прибытія его одного, но императоръ Николай захотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы самому внезапно посѣтить престарѣлаго короля Карла-Іоанна, не предупреждая его о томъ. 29-го мая «Геркулесъ», подъ флагомъ наслѣдника, вошелъ въ стокгольмскую гавань и бросилъ якорь предъ самымъ королевскимъ дворцомъ. Пока цесаревича встрѣчали шведскіе придворные и военные сановники и, при громѣ пушекъ, привѣтствовала толпа собравшагося вокругъ пристани народа, государь, никѣмъ незамѣченный, пробрался въ королевскіе покои и неожиданнымъ своимъ появленіемъ озадачилъ и крайне обрадовалъ старца Бернадотта, вѣрнаго союзника и преданнаго сподвижника и друга Александра Благословеннаго. Императоръ Николай пробылъ въ Стокгольмѣ всего два дня, со вниманіемъ осматривалъ гвардейскія казармы, военный госпиталь, присутствовалъ при парадѣ шведскихъ войскъ, обѣдалъ у короля и наслѣднаго принца и, послѣ бала во дворцѣ, отбылъ на «Геркулесѣ» съ двумя младшими сыновьями въ Россію. Александръ Николаевичъ провелъ въ Швеціи болѣе двухъ недѣль, съ состоявшими при немъ обычными спутниками: Кавелинымъ, Жуковскимъ, Назимовымъ, Адлербергомъ, Віельгорскимъ, Паткулемъ, докторомъ Енохинымъ, къ которымъ присоединился и попечитель его высочества князь Ливенъ, а также юный сверстникъ—И. М. Толстой. Съ 29-го мая по 3-е іюня цесаревичъ оставался въ Стокгольмѣ, гдѣ наслѣдный принцъ Оскаръ былъ его проводникомъ по всѣмъ достопримѣчательностямъ этой древней столицы. Тамъ посѣтилъ онъ королевскую академію наукъ, на порогѣ которой былъ встрѣченъ ея президентомъ, знаменитымъ химикомъ Берцеліусомъ; лабораторію этого ученаго, военное училище, образцовую ферму и самъ принималъ своего молодого друга, принца Оскара, на русскомъ пароходѣ «Александрія». Съ нимъ же предпринялъ онъ цѣлый рядъ поѣздокъ по живописнымъ окрестностямъ Стокгольма, по озеру Мелару, останавливаясь для осмотра желѣзныхъ заводовъ и историческихъ замковъ Грипсгольма, Дротенгольма и Розенберга. Въ Упсалѣ обозрѣлъ онъ соборъ, гдѣ похороненъ Густавъ Ваза, университетъ, спускался въ Даннеморскіе рудники, плылъ по каналамъ Готскому

и Трольготскому, замѣчательнымъ своими шлюзами, наконецъ, 17-го іюня, простившись съ наслѣднымъ принцемъ, сѣлъ въ Готенбургѣ на пароходъ «Геркулесъ», на которомъ на слѣдующій день прибылъ въ Копенгагенъ [1].

И въ датской столицѣ, какъ въ Стокгольмѣ, первые дни пребыванія прошли въ визитахъ королю Фридриху VI и королевѣ Маріи, въ пріемѣ министровъ и членовъ дипломатическаго корпуса, въ осмотрѣ достопримѣчательностей и въ числѣ ихъ морского арсенала, въ торжественныхъ обѣдахъ, спектакляхъ, балахъ. О впечатлѣніи, произведенномъ русскимъ наслѣдникомъ на дворы стокгольмскій и копенгагенскій, имѣемъ слѣдующій отзывъ Жуковскаго:

«Его путешествіе началось подъ вліяніемъ свыше; первый его шагъ былъ облегченъ присутствіемъ государя. Когда онъ остался одинъ въ Швеціи и началъ самъ за себя независимо играть свою роль, то уже главное было сдѣлано, первое впечатлѣніе было произведено и на него, и имъ на другихъ наилучшимъ образомъ. Онъ былъ принятъ въ Швеціи и семействомъ короля, и всею націею съ искреннимъ доброжелательствомъ; семья короля полюбила въ немъ его благородную, чистую природу, а нація на него обратила ту благодарность, которую возбудило въ ней уваженіе, оказанное ей, въ лицѣ короля, русскимъ императоромъ. То пріятное чувство, которое должно было произвести въ великомъ князѣ его пребываніе въ Швеціи, имѣло счастливое вліяніе и на его первый шагъ въ Даніи. Здѣсь онъ уже не имѣлъ того руководца, который былъ съ нимъ въ Швеціи; онъ явился одинъ, посреди незнакомыхъ ему лицъ королевской семьи, и сдѣлалъ этотъ шагъ съ достоинствомъ, съ приличіемъ и со всею прелестью молодости, такъ что здѣсь, въ королевской семьѣ, полюбили его какъ своего; особенно старикъ-король,—честная добрая душа, почтенный мірянинъ нашего бурнаго вѣка, который,—нѣсколько дикій, какъ мнѣ сказывали, по характеру,—вдругъ почувствовалъ къ нему нѣчто родственное и обращается съ нимъ безъ принужденія. Такого же рода расположеніе къ нему замѣтно и въ самомъ обществѣ, такъ что его пребываніе здѣсь не есть просто замѣчательное событіе, возбуждающее любопытство, но и милое, для всѣхъ пріятное явленіе, возбуждающее радостное, симпатическое чувство» [2].

Понятны всеобщая тревога и печаль, вызванныя при датскомъ дворѣ извѣстіемъ о внезапной болѣзни цесаревича. Онъ простудился при посѣщеніи портовыхъ сооруженій и сильный припадокъ лихорадки уложилъ его въ постель. Пять дней не выходилъ онъ изъ отведеннаго ему дворца Христіансборга. Назначенный въ честь его парадъ не былъ, однако, отмѣненъ: по приказанію короля, войска прошли церемоніальнымъ мар-

[1] Журналъ заграничнаго путешествія наслѣдника.

[2] Жуковскій великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ. 24-го іюня 1838 г.

шемъ мимо его оконъ. Даже по выздоровленіи наслѣдникъ чувствовалъ себя еще настолько слабымъ, что не могъ участвовать въ предположенныхъ празднествахъ. 29-го іюня онъ оставилъ Копенгагенъ на «Геркулесѣ», перевезшемъ его въ Травемюнде, отдохнулъ однѣ сутки въ этомъ городѣ, другіе въ Любекѣ и только 6-го іюля достигъ Ганновера. Тамъ было приготовлено для него помѣщеніе въ загородномъ зáмкѣ Геренгаузенѣ, гдѣ онъ провелъ пять дней въ глубокомъ уединеніи, прерванномъ лишь поѣздкою въ замокъ Монбрильянъ, лѣтнее пребываніе короля и королевы ганноверскихъ. Отдыхъ этотъ настолько благотворно отразился на его здоровьѣ, что передъ отъѣздомъ онъ былъ уже въ состояніи не только присутствовать на парадномъ спектаклѣ и танцовать на придворномъ балѣ, но и отправиться на артиллерійское ученье ганноверскихъ войскъ [1].

Выѣхавъ изъ Ганновера 19-го іюля, Александръ Николаевичъ провелъ одинъ день въ Касселѣ, въ гостяхъ у курфирстины Гессенской, другой во Франкфуртѣ, навѣстилъ въ Бибрихѣ владѣтельнаго герцога Нассаускаго и 26-го іюля прибылъ въ Эмсъ.

Лѣченіе эмскими водами предписано было ему франкфуртскими медиками и, чтобы немедленно начать его, цесаревичъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія ѣхать для свиданія съ матерью въ мѣстечко Крейтъ, въ Баварскихъ Альпахъ, куда ея величество переселилась по окончаніи курса лѣченія въ Зальцбруннѣ. Лица, сопровождавшія наслѣдника, были немало встревожены его болѣзнью, и уже изъ Копенгагена князь Ливенъ помышлялъ о томъ, чтобы отвезти его въ мѣстопребываніе императрицы Александры Ѳеодоровны. Цесаревичъ, однако, самъ воспротивился этому, а улучшеніе его здоровья, бывшее слѣдствіемъ десятидневнаго пребыванія въ Ганноверѣ, разсѣяло всякія опасенія. Изъ Эмса Жуковскій спѣшилъ успокоить государыню, извѣщая ее, что состояніе здоровья ея сына, по удостовѣренію врачей, уже не возбуждаетъ безпокойства. «Но»,—присовокуплялъ онъ,—«великій князь въ тѣхъ лѣтахъ, когда его силы тѣлесныя продолжаютъ еще развиваться и когда главное дѣйствіе этого развитія происходитъ въ груди, а онъ уже нѣсколько недѣль кашляетъ. Конечно, нѣтъ и признака болѣзни, но предосторожность необходима, и если эта предосторожность будетъ взята теперь вполнѣ, съ надлежащею строгостью, то не только отвратится болѣзнь, еще не существующая, но и силы тѣлесныя утверждены будутъ совершенно и самымъ надежнымъ образомъ на все будущее время. Итакъ, теперь для насъ главнымъ, единственнымъ дѣломъ должно быть достиженіе этой цѣли coûte que coûte, и если уже надобно было случиться тому, что случилось, то надлежитъ благодарить Бога, что оно случилось

[1] Журналъ путешествія.

въ самомъ началѣ путешествія, въ благопріятное для лѣченія время и не въ Россіи. Нѣсколько дней, проведенныхъ великимъ княземъ въ Ганноверѣ въ совершенномъ спокойствіи, весьма укрѣпили его и потомъ самое путешествіе было ему весьма полезно. Но о путешествіи теперь думать нечего; оно впереди. Главное—утверждніе здоровья на будущее время. Средства на то передъ нами, а еще ничего упущено не было. Смѣло могу утверждать, что ваше величество можете въ настоящую минуту быть совершенно спокойны, и если надобно вамъ принести нѣкоторую жертву будущему, то послѣдствія этого усилія навсегда останутся благодѣтельны»[1].

Подъ такою жертвою Василій Андреевичъ разумѣлъ отказъ императрицы отъ свиданія съ сыномъ, впредь до окончанія предпринятаго въ Эмсѣ лѣченія водами. Онъ же просилъ ея величество испросить соизволенія государя на измѣненіе маршрута цесаревича, согласно указаніямъ врачей, настоятельно требовавшихъ, чтобы Александръ Николаевичъ, вмѣсто предположеннаго пребыванія зимою въ Англіи, провелъ зиму на Югѣ, въ тепломъ климатѣ.

Недугъ наслѣдника отразился на его внѣшности. Красивый двадцатилѣтній юноша похудѣлъ и поблѣднѣлъ, взоръ его потускнѣлъ, онъ былъ грустенъ и задумчивъ, въ чертахъ лица выражалось страданіе. Такимъ изображаетъ цесаревича впервые увидѣвшій его въ Эмсѣ французскій писатель Кюстинъ. И несмотря на все это, красота великаго князя поразила зоркаго наблюдателя. «Выраженіе его взгляда»,—говоритъ онъ,—«доброта. Это въ полномъ смыслѣ слова—государь (un prince). Видъ его скроменъ безъ робости. Онъ прежде всего производитъ впечатлѣніе человѣка, превосходно воспитаннаго. Всѣ движенія его полны граціи. Онъ прекраснѣйшій образецъ государя, изъ всѣхъ, когда либо мною видѣнныхъ»[2]. Такъ, впрочемъ, судили объ Александрѣ Николаевичѣ всѣ видѣвшіе и знавшіе его. Съ понятнымъ самодовольствомъ сообщалъ Жуковскій императрицѣ, что впечатлѣніе, произведенное наслѣдникомъ, именно то, котораго можно было желать: «Вездѣ поняли его чистоту духовную, его прямой, высокій характеръ; вездѣ его милая наружность, такъ согласная съ его нравственностью, пробудила живое, симпатичное чувство и все, что̀ я слышалъ о немъ въ разныхъ мѣстахъ отъ многихъ, было мнѣ по сердцу, ибо я слышалъ не фразы привѣтствія, а именно то, что̀ соотвѣтствовало внутреннему убѣжденію. Несказанно счастливою минутою жизни моей будетъ та»,—заключаетъ наставникъ письмо свое,—«въ которую увижу его возвратившимся къ вамъ, съ душою, полною живыхъ впечатлѣній и здравыхъ, ясныхъ понятій, столь нужныхъ ему при

[1] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. 26-го іюля 1838 г.

[2] Custine. La Russie en 1839.

его назначеніи. Дай Богъ, чтобъ исполнилось и другое сердечное мое желаніе, которое въ то же время есть и усердная молитва за него къ Богу, то есть, чтобы въ своемъ путешествіи нашелъ онъ для себя то чистое счастіе, которымъ Богъ благословилъ отца его»[1].

Нелегко было цесаревичу примириться съ необходимостью отложить на продолжительное время свиданіе съ нѣжно любимою матерью и серьезно заняться лѣченіемъ, Жуковскій свидѣтельствуетъ, что рѣшеніе это стоило ему тяжелой внутренней борьбы. «Вотъ одна изъ тѣхъ минутъ», говоритъ Василій Андреевичъ въ письмѣ къ императрицѣ,—«въ которыя знакомишься короче съ душою человѣческою: минута испытанія, минута пожертвованія тѣмъ, чего хочетъ сердце, тому, что̀ велитъ строгій долгъ. Увѣряю васъ, что я въ настоящихъ обстоятельствахъ болѣе прежняго полюбилъ великаго князя и почувствовалъ къ нему сердечное уваженіе. Высокая покорность своему назначенію выражается въ немъ съ плѣнительною младенческою чистотою и, въ то же время, съ какою-то непринужденною твердостью, которая меня радуетъ, трогаетъ и удивляетъ. Я вижу въ немъ, въ эту тяжелую минуту, и ясность ума, и вѣрность чувства, и смиреніе вѣры, и особенно для меня драгоцѣнно то, что, принужденный принести жертву, болѣзненную для сердца и трудную для воли, онъ сохраняетъ въ то же время всю свою кротость. Насиліе надъ собою не дѣйствуетъ на его нервы; онъ милъ и добръ, какъ въ минуту полнаго счастья»[2].

Мѣсяцъ, проведенный въ Эмсѣ, принесъ ожидаемые плоды. Цесаревичъ, строго прошедшій курсъ лѣченія водами, совершенно оправился, ободрился. Зимнее пребываніе въ Италіи должно было довершить его выздоровленіе, но прежде чѣмъ предпринять это дальнее путешествіе, онъ пожелалъ повидаться съ родителями. Ко дню его именинъ, 30-го августа, государь и императрица съѣхались съ нимъ въ Веймарѣ и оттуда всѣ поѣхали въ Берлинъ. 14-го сентября, простясь съ отцомъ и матерью, Александръ Николаевичъ отправился въ Мюнхенъ, посѣтивъ по пути Лейпцигское поле сраженія. Проведя въ столицѣ Баваріи три дня въ обществѣ будущаго своего шурина, герцога Лейхтенбергскаго, бракъ котораго съ великою княжною Маріею Николаевною былъ уже рѣшенъ, наслѣдникъ перевалилъ чрезъ Альпы и, послѣ непродолжительной остановки въ Инспрукѣ, 29-го сентября прибылъ въ Верону[3].

Въ австрійскихъ владѣніяхъ его встрѣтили съ необычайными почестями. Въ сопровожденіи назначенныхъ состоять при его особѣ двухъ австрійскихъ офицеровъ, цесаревичъ внимательно осмотрѣлъ укрѣпле-

---

[1] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 26-го іюля 1838 г.

[2] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 28-го іюля 1838 г.

[3] Журналъ путешествія.

нія Вероны, а также поля сраженій австрійцевъ съ французами въ 1796 г. Цѣлыхъ три недѣли провелъ онъ на берегахъ Комскаго озера для лѣченія виноградомъ. Силы его все болѣе и болѣе укрѣплялись: онъ уже могъ совершать продолжительныя прогулки верхомъ по восхитительнымъ окрестностямъ, побывалъ на Лаго-Маджіоре и на Борромейскихъ островахъ. Въ Миланѣ вице-король эрцгерцогъ Райнеръ и старый фельдмаршалъ Радецкій въ продолженіе семи дней устраивали въ честь его блестящія военныя торжества: ученья, смотры, парады. Остальное время посвящалось осмотру памятниковъ зодчества и разнымъ увеселеніямъ. Изъ Милана цесаревичъ поѣхалъ чрезъ Кремону, Мантую, Верону, Виченцу и Падую, останавливаясь въ каждомъ изъ этихъ городовъ для ознакомленія съ ихъ достопримѣчательностями; время съ 2-го по 23-е ноября провелъ въ Венеціи и, посѣтивъ во Флоренціи великаго герцога Тосканскаго, 5-го декабря достигъ Рима [1].

Пребываніе въ вѣчномъ городѣ продолжалось мѣсяцъ. Папа Григорій XVI съ величайшею предупредительностью принялъ въ Ватиканѣ старшаго сына русскаго царя. Въ Римѣ отпраздновалъ цесаревичъ тезоименитство августѣйшаго родителя богослуженіемъ въ русской посольской церкви и обѣдомъ, къ которому была приглашена вся русская колонія. «Со времени прибытія въ Римъ»,—писалъ оттуда бывшій гувернёръ его Жилль,—«государь наслѣдникъ посвящаетъ по нѣскольку часовъ въ день посѣщенію всего достойнаго обозрѣнія въ этомъ городѣ, столь замѣчательномъ историческими воспоминаніями своего могущества и славы, столь богатаго памятниками всѣхъ вѣковъ, столь знаменитаго художественными коллекціями. Ватиканскія галлереи и библіотека, Капитолійскій музей, частныя собранія картинъ, несравненные образцы древняго и новаго зодчества, наконецъ мастерскія пребывающихъ въ Римѣ художниковъ всѣхъ странъ попеременно привлекаютъ вниманіе великаго князя. Его высочество съ особенною заботливостью относится къ русскимъ художникамъ, изъ которыхъ многіе пріобрѣли заслуженную славу въ этой столицѣ. Съ наступленіемъ рождественскихъ праздниковъ начались здѣсь спектакли и балы. Его высочество принимаетъ участіе въ увеселеніяхъ высшаго общества. Воздухъ свѣтелъ и чистъ и государь цесаревичъ находится въ вожделѣнномъ здравіи» [2]. И все же цесаревича тянуло назадъ, въ Россію. «Я такой человѣкъ, что могу весь въ воспоминаніи жить»,—читаемъ въ письмѣ его изъ Рима къ любимому адъютанту Назимову,—«и это служитъ мнѣ утѣшеніемъ въ моемъ отдаленіи, и хотя Италія очень хороша, но дома всетаки лучше. Завтра отправляемся въ Неаполь, а оттуда далѣе, по назначенному маршруту, такъ,

[1] Журналъ путешествія.

[2] Письмо Жилля, 5-го января 1839 г.

чтобы къ 20-му іюня быть дома. О, счастливый день! Когда бы онъ скорѣе пришелъ![1].

Пребываніе наслѣдника въ Римѣ было омрачено печальнымъ событіемъ. Сопровождавшій его попечитель, князь Ливенъ, скончался за нѣсколько дней до новаго года. Отдавъ послѣдній долгъ усопшему, наслѣдникъ отказался отъ всѣхъ приготовленныхъ въ честь его празднествъ и 6-го января 1839 года выѣхалъ въ Неаполь[2].

Неаполитанскій дворъ чествовалъ высокаго гостя самымъ разнообразнымъ распредѣленіемъ времени между военными и свѣтскими праздниками, парадами, спектаклями, балами и прогулками по окрестностямъ столицы. Цесаревичъ не только посѣтилъ подземный Геркуланумъ и отрытую Помпею, но и восходилъ на Везувій, катался по заливу, осматривалъ загородные дворцы Капо-ди-Монте и Казерту и въ первый день карнавала присутствовалъ на процессіи масокъ на Via di Toledo. На возвратномъ пути онъ опять остановился на нѣсколько дней въ Римѣ, гдѣ для него по приказанію папы былъ иллюминованъ куполъ храма св. Петра. Изъ Рима Александръ Николаевичъ направился въ Сѣверную Италію, имѣлъ свиданіе по пути, въ Массѣ, съ выѣхавшимъ къ нему навстрѣчу герцогомъ Моденскимъ, въ Каррарѣ обозрѣвалъ каменоломни, изъ которыхъ добывался мраморъ для колоннъ и украшеній Георгіевской залы возрождавшагося изъ пепла Зимняго дворца, провелъ день въ Генуѣ, въ Нови—объѣхалъ поле сраженія, выиграннаго Суворовымъ въ 1799 г., и провелъ три дня въ Туринѣ, при дворѣ сардинскаго короля[3].

Дальнѣйшій путь наслѣдника лежалъ на Вѣну, чрезъ Миланъ, Тревизу, Клагенфуртъ и Нейштадтъ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ съѣхался онъ съ генералъ-адъютантомъ графомъ Орловымъ, назначеннымъ замѣнить при немъ во время заграничнаго путешествія умершаго попечителя, князя Ливена. Въ австрійской столицѣ ожидали его торжественная встрѣча и пріемъ. Въ самый день пріѣзда, 19-го февраля, цесаревичъ обѣдалъ у императора Фердинанда въ замкѣ, присутствовалъ на парадномъ спектаклѣ въ придворномъ театрѣ и на вечерѣ у князя и княгини Меттернихъ; на другой день происходилъ обѣдъ у посла Татищева и концертъ въ замкѣ; на третій—большой парадъ, по окончаніи котораго императоръ австрійскій назначилъ августѣйшаго гостя шефомъ 4-го гусарскаго полка[4].

Десятидневное пребываніе въ Вѣнѣ, посвященное прилежному осмотру достопримѣчательностей этой художественной столицы, заключилось осмотромъ полей битвъ при Асопернѣ и Ваграмѣ. Населеніе привѣтствовало громкими кликами каждое появленіе на улицѣ сына и наслѣдника

[1] Цесаревичъ Наваимову. 5-го января 1839 г.

[2] Журналъ путешествія.

[3] Тотъ же журналъ.

[4] Формулярный списокъ.

могущественнаго союзника своего государя; высшее общество и дворъ соперничали въ устройствѣ въ честь его блестящихъ празднествъ. Всѣхъ болѣе ухаживали за нимъ имперскій канцлеръ и жена его. Почти каждый день посѣщалъ цесаревичъ домъ Меттерниха, гдѣ съ удовольствіемъ проводилъ время, въ особенности по вечерамъ, въ небольшомъ избранномъ кружкѣ молодыхъ женщинъ и кавалеровъ, приглашенныхъ нарочно для него, съ которыми онъ забавлялся салонными играми (petits-jeux) [1]. На всѣхъ въ Вѣнѣ произвелъ онъ самое пріятное впечатлѣніе. Его находили красивымъ, симпатичнымъ и веселымъ, удивлялись его такту и скромности. Такъ, на вечерѣ у Татищева онъ встрѣчалъ эрцгерцоговъ при пріѣздѣ, ссылаясь на то, что праздникъ происходитъ на русской территоріи, но первое мѣсто уступилъ старцу-послу, какъ представителю государя, прося, чтобы его самого считали лишь какъ бы принадлежащимъ къ посольской семьѣ [2]. Императоръ Николай собственноручнымъ письмомъ отблагодарилъ княгиню Меттернихъ за радушный пріемъ, оказанный цесаревичу въ ея домѣ. «Вы были такъ добры и любезны»,—писалъ онъ ей,—«что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи выразить вамъ за это мою благодарность. Воспоминаніе о Вѣнѣ, которую я такъ любилъ и безъ того, становится мнѣ вдое дороже, и я прямо признаюсь, что почти завидую сыну, имѣющему предо мной то преимущество, что онъ провелъ тамъ больше времени, чѣмъ я, и такъ легко изгладилъ своего отца изъ вашей памяти. Если бы мнѣ было дозволено желаніе, то я хотѣлъ бы передать вамъ устно, какъ высоко цѣню я пріемъ, сдѣланный вами моему сыну, и какъ мнѣ пріятно раздѣлять съ нимъ его чувства признательности» [3].

Послѣ австрійскаго двора цесаревичъ посѣтилъ дворы виртембергскій и баденскій, проведя по два дня въ Штудгартѣ и Карлсруэ. Въ Гейдельбергѣ остановился онъ нѣсколько часовъ для осмотра знаменитаго зáмка. Путешествіе шло благополучно. Несмотря на суровое время года, на ненастную погоду, на быструю ѣзду, на краткія остановки, здоровье Александра Николаевича было постоянно хорошо. Въ письмѣ къ императрицѣ Жуковскій жаловался лишь на то, что дорогою путешественникамъ не на что глядѣть, ибо ни на что и глядѣть не хочется, отъ холода, снѣга и дождя. «Сверхъ того»,—сообщаетъ онъ,—«въ городахъ немногіе часы, посвященные пребыванію въ нихъ, задушены представленіями, балами, однимъ словомъ всѣмъ тѣмъ, что̀ можно было бы видѣть и не покидая Петербурга; самые же осмотры такъ быстры, что нѣтъ отъ нихъ ни удовольствія, ни пользы, нѣтъ времени одуматься и побыть съ собою на

[1] Дневникъ княгини Меттернихъ, съ 19-го по 29-е февраля 1839 г.

[2] Тотъ же дневникъ.

[3] Императоръ Николай княгинѣ Меттернихъ, 18-го марта 1839 г.

простерѣ. Мы бросили весну за Альпами и скачемъ отъ нея безъ памяти на сѣверъ. Ей не догнать насъ до самой Гаги, а тамъ совершенно утопимъ ее въ нидерландскихъ туманахъ. Дай только Богъ, чтобъ она не вздумала отомстить намъ лихорадкою. Зато, съ другой стороны, любо поглядѣть на нашего великаго князя. Его прекрасная благородная природа привлекаетъ къ нему всѣ сердца и, конечно, повсюду послѣ него останется самое свѣтлое воспоминаніе. Сколько могу судить по тому, что удается слышать, то всюду произвелъ онъ одинаковое впечатлѣніе: его полюбили и отдали справедливость тѣмъ качествамъ, которыя онъ подлинно имѣетъ, его чистому сердцу, его здравому уму и тому достоинству, которое онъ непринужденно и самымъ деликатнымъ образомъ сохраняетъ. Онъ нравится тѣмъ, что̀ сближаетъ его съ другими —своею любезною привѣтливостью, и тѣмъ, что̀ всякаго заставляетъ безъ усилія наблюдать необходимое съ нимъ разстояніе, признавая въ немъ добровольно что-то, созданное для высшаго порядка»[1].

Въ томъ же письмѣ Василій Андреевичъ касался щекотливаго вопроса, бывшаго не послѣднею цѣлью заграничнаго путешествія цесаревича: выбора невѣсты. «Наша жизнь такъ тревожна»,—писалъ онъ,—«что мнѣ весьма рѣдко удается быть съ нимъ вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, на досугѣ; но въ свободныя минуты довѣренности, въ минуты братской встрѣчи сердца съ сердцемъ, я люблю его невыразимо и чувствую, что принадлежу ему вполнѣ. Но что̀ дѣлается теперь въ его сердцѣ—я не знаю. Разумѣется, не позволю себѣ никакого вопроса: это для меня святыня, къ которой прикасаться не смѣю. Да благословитъ Богъ минуту, въ которую выборъ сердца рѣшитъ судьбу его жизни! Полагаю, что въ своемъ письмѣ къ вашему величеству онъ скажетъ, что̀ произвело его пребываніе въ Карлсруэ. Не могу, однако, не замѣтить, что въ тѣ два дня, которые мы здѣсь провели въ тревогѣ развлеченій всякаго рода, нельзя было имѣть досуга для какого нибудь рѣшительнаго чувства; напротивъ, впечатлѣніе должно было скорѣе произвести неблагопріятное, ибо оно не могло быть непринужденнымъ».

Слова Жуковскаго оказались пророческими. Письмо его писано изъ Карлсруэ 12-го марта. На другой день цесаревичъ прибылъ въ Дармштадтъ. Свиданіе съ великимъ герцогомъ Лудвигомъ II не было условлено заранѣе, и Александръ Николаевичъ склоненъ былъ даже избѣжать его, опасаясь скучнаго этикетнаго вечера. Остановиться въ Дармштадтѣ не безъ труда уговорилъ его Кавелинъ. Тотчасъ по пріѣздѣ посѣтилъ его великій герцогъ и пригласилъ ѣхать въ театръ, а оттуда на вечеръ въ замокъ. Цесаревичъ, нарядясь въ казачій мундиръ, отправился туда съ графомъ Орловымъ и нѣсколькими адъютантами. Жуковскій остался дома.

[1] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 12-го марта 1839 г.

Кавелинъ уѣхалъ впередъ въ Майнцъ. Словомъ ,—повѣствуетъ Василій Андреевичъ, — «этотъ импровизованный праздникъ дармштадтскій казался всѣмъ однимъ лишнимъ эпизодомъ, который былъ долженъ только надоѣсть и наскучить». Совершенно иное значеніе придала ему встрѣча Александра Николаевича съ младшею дочерью великаго герцога, пятнадцатилѣтней принцессою Маріею. Поздно вернулся онъ домой, очарованный, плѣненный. Имя принцессы не сходило у него съ устъ. Впечатлѣніе свое онъ тотчасъ же изложилъ въ письмахъ къ родителямъ. Тяжело было ему уѣзжать изъ Дармштадта. Добрый Жуковскій вызвался было притвориться больнымъ для того, чтобы доставить ему поводъ изъ любви къ занемогшему наставнику остаться въ этомъ городѣ еще нѣсколько дней. Наслѣдникъ не согласился. «То, на что рѣшился онъ»,—отписалъ Василій Андреевичъ императрицѣ,—«конечно, лучше, ибо онъ и въ дѣлѣ сердца предпочелъ дождаться того, что̀ будетъ рѣшено государемъ, и слѣдовать своему чувству тогда только, когда оно будетъ согласно съ одобреніемъ вашимъ. Повторяя опять сказанное вчера: благослови Богъ выборъ сердца, который рѣшитъ судьбу его жизни, прибавляю: благослови его тѣмъ благословеніемъ, которое нѣкогда далъ отцу его при томъ выборѣ, въ которомъ нашелъ онъ и свое счастье, и счастье Россіи!»[1].

14-го марта, осмотрѣвъ во всѣхъ подробностяхъ крѣпость въ Майнцѣ и снова навѣстивъ въ Бибрихѣ герцога Нассаускаго, Александръ Николаевичъ спустился на пароходѣ по Рейну до Кобленца, обозрѣлъ всѣ тамошнія укрѣпленія, въ числѣ ихъ и форты «Александръ» и «Константинъ», продолжалъ путь по Рейну до Кёльна, гдѣ въ честь его состоялся парадъ прусскихъ войскъ, и оттуда поѣхалъ въ Дюссельдорфъ—мѣстопребываніе принца Фридриха прусскаго, племянника короля. Съ живѣйшимъ интересомъ посѣтилъ онъ академію, картинную галлерею, мастерскія живописцевъ этого художественнаго центра сѣверной Германіи, снова сѣлъ на пароходъ и по Рейну, чрезъ Нимвегенъ, 20-го марта, прибылъ въ Роттердамъ[2].

Апрѣль по новому стилю цесаревичъ провелъ въ Голландіи. Въ Гагѣ, въ домовой церкви тетки своей, принцессы Оранской Анны Павловны, на Страстной недѣлѣ онъ отговѣлъ, причастился св. Таинъ и встрѣтилъ Свѣтлое Христово Воскресеніе. На Святой—состоялся въ честь его въ голландской столицѣ рядъ блестящихъ празднествъ; затѣмъ начался объѣздъ по Нидерландамъ. Въ Амстердамѣ и Саардамѣ особенное вниманіе цесаревича привлекли мѣста, прославленныя пребываніемъ Петра Великаго. День своего рожденія онъ провелъ въ Гагѣ и, прежде чѣмъ оставить Голландію, пожелалъ посѣтить лагерь нидерландской арміи,

[1] Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 14-го марта 1839 г.

[2] Журналъ путешествія.

Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

(Съ портрета, рисованнаго съ натуры [illegible] Клодтомъ.)

собранныя на границахъ Бельгіи, въ ожиданіи военныхъ дѣйствій. 20-го апрѣля оставилъ онъ эту гостепріимную страну и, на голландскомъ пароходѣ «Церберъ» переплывъ Ламаншъ, высадился въ Гревезендѣ, въ устьяхъ Темзы[1].

Когда распространился въ Европѣ слухъ о скоромъ пріѣздѣ въ Англію наслѣдника русскаго престола, то произвелъ большое броженіе среди искавшихъ убѣжища въ Лондонѣ многочисленныхъ политическихъ выходцевъ разныхъ странъ, и до русскаго посла въ этой столицѣ стали доходить свѣдѣнія о замышляемомъ эмигрантами-поляками покушеніи на жизнь цесаревича. Графъ Поццо-ди-Борго не счелъ себя въ правѣ скрыть эти опасенія отъ императора Николая. Донесеніе его государь получилъ въ присутствіи графа Орлова, предъ самымъ отъѣздомъ послѣдняго, для сопровожденія наслѣдника въ путешествіи заграницей. «Я дважды прочиталъ эту депешу», разсказывалъ впослѣдствіи императоръ. «Мое первое движеніе было отмѣнить поѣздку въ Англію, хотя я и считалъ ее крайне полезною. Но, поразмысливъ, я вознесъ мысль мою къ Богу, и тайный голосъ мнѣ сказалъ: «Александру не грозитъ опасности; Я возвращу тебѣ его здравымъ и невредимымъ». Тогда я пересталъ колебаться и показалъ депешу Орлову. Тотъ былъ крайне встревоженъ ею, но я успокоилъ его моею вѣрою въ судьбу, сказавъ ему: «Полагаюсь на тебя и на Провидѣніе. Наслѣдникъ поѣдетъ въ Англію и проведетъ въ ней то время, что предначертано моею инструкціею»[2].

Цесаревичъ посвятилъ на изученіе этой своеобразной страны, ея историческихъ памятниковъ, двора, общества цѣлый мѣсяцъ. Молодая королева Викторія, его ровесница по лѣтамъ, оказала цесаревичу самый ласковый и предупредительный пріемъ. Онъ неоднократно обѣдалъ у нея въ Букингамскомъ дворцѣ, танцовалъ съ нею на придворныхъ балахъ, сопровождалъ въ оперу и три дня провелъ у нея въ загородномъ зáмкѣ Виндзорѣ. Члены королевскаго дома, министры и государственные люди, родовитые вельможи наперерывъ устраивали въ честь его великолѣпныя празднества: обѣды, балы, концерты. На банкетѣ, данномъ ему въ London Tavern русскою торговою компаніей, на тостъ, предложенный за его здоровье, онъ отвѣчалъ рѣчью на англійскомъ языкѣ, закончивъ ее слѣдующими словами: «Съ удовольствіемъ пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы гласно заявить, какъ тронутъ я пріемомъ, оказаннымъ мнѣ въ этой благородной странѣ не только королевой и министрами ея величества, но также,—смѣю сказать безъ афектаціи, но съ гордостью,—каждымъ англичаниномъ въ отдѣльности. Никогда, никогда это не изгладится изъ моей памяти. Прошу позволенія предложить тостъ за преуспѣяніе русской

[1] Тотъ же журналъ.

[2] Paul Lacroix. Histoire de Nicolas I, VIII, стр. 240 и 241.

торговой компаніи и за здоровье всѣхъ ея членовъ и, сверхъ того, за продолженіе дружбы между Великобританіей и Россіей. Цесаревичу отвѣчалъ глава кабинета, лордъ Мельбурнъ, въ словѣ своемъ высказавшій мысль, что чувства, выраженныя въ рѣчи его высочества, должны быть почитаемы залогомъ и ручательствомъ сохраненія мира двумя націями, созданными для того, чтобы любить, уважать и почитать другъ друга, тѣми двумя націями, раздоръ коихъ потрясъ бы до основанія вселенную, но которыя, въ согласіи и дружбѣ, обезпечатъ всеобщій миръ, утвердятъ порядокъ между народами и правительствами и быстро распространятъ гражданственность и счастье человѣческаго рода.

Пиры и торжества придворныя и военныя—наслѣдникъ произвелъ смотръ англійской арміи въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ—не исключали ежедневнаго прилежнаго обозрѣнія достопримѣчательностей Лондона и его окрестностей. Осмотрѣны цесаревичемъ соборъ св. Павла, Вестминстерское аббатство, Лондонская башня, доки, англійскій банкъ, тюрьмы Ньюгэтъ и Брайдвеллъ, туннель подъ Темзою; по цѣлому дню отведено для ознакомленія съ Британскимъ музеемъ и съ арсеналомъ въ Вульвичѣ, третій день посвященъ осмотру историческаго зáмка въ Ричмондѣ, четвертый—посѣщенію Оксфорда и его знаменитаго университета, поднесшаго высокому гостю дипломъ на степень доктора правъ. Александръ Николаевичъ побывалъ на засѣданіяхъ обѣихъ палатъ парламента и высшаго королевскаго суда; присутствовалъ и при національномъ торжествѣ: скачкахъ въ Эпсомѣ и Аскотѣ, всюду привлекая къ себѣ всеобщее вниманіе, привѣтствуемый громкими кликами толпы[1].

Простившись съ королевой, цесаревичъ 29-го мая оставилъ Англію и, проведя по одному дню въ Гагѣ и въ Дюссельдорфѣ, прибылъ въ Эмсъ. Но и тамъ оставался онъ не болѣе сутокъ. Его влекло далѣе—въ Дармштадтъ, гдѣ, при посредствѣ родственниковъ обоихъ дворовъ, принца Вильгельма прусскаго, брата короля, и вдовствующей герцогини Нассауской, уже шли переговоры съ родителями принцессы Маріи, мысль о о которой не покидала Александра Николаевича со дня первой съ нею встрѣчи. Новое пламенное чувство до того охватило его, что въ разговорахъ съ графомъ Орловымъ, замѣнившимъ при немъ умершаго попечителя князя Ливена и скоро снискавшаго полное довѣріе, онъ открывалъ ему свою душу, признаваясь, что вовсе не желалъ бы царствовать, что единственное его желаніе—найти достойную подругу, которая украсила бы его семейный очагъ и доставила бы ему то, что считаетъ онъ высшимъ на землѣ счастіемъ,—счастіе супруга и отца.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ разрѣшенія родителей, чтобы отдаться неудержимому влеченію, и лишь только получилъ его, понесся въ Дарм-

[1] Журналъ путешествія.

штадтъ, гдѣ провелъ недѣлю въ тѣсномъ кругу великогерцогской семьи. Александръ и Марія близко узнали другъ друга и въ сердцахъ обоихъ развилось и укрѣпилось чувство, зародившееся въ нихъ при первомъ свиданіи. Но о бракѣ и даже о помолвкѣ пока не могло еще быть рѣчи. Принцесса была слишкомъ молода: ей не исполнилось и пятнадцати лѣтъ. Съ душою, исполненною самыхъ свѣтлыхъ, радужныхъ впечатлѣній и надеждъ, оставилъ цесаревичъ дворъ будущаго своего тестя, остановился на одинъ день въ Киссингенѣ, для свиданія съ теткою, великою княгинею Маріею Павловною, и зятемъ ея, своимъ любимымъ дядей, принцемъ Вильгельмомъ прусскимъ, засвидѣтельствовалъ въ Берлинѣ почтеніе маститому дѣду, королю Фридриху-Вильгельму III и, сѣвъ въ Штетинѣ на русскій военный пароходъ, 23-го іюня высадился на берегъ въ Петергофѣ, за недѣлю до дня, назначеннаго для бракосочетанія великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ [1].

На этомъ семейномъ торжествѣ Александръ Николаевичъ исполнялъ обязанности шафера и держалъ вѣнецъ надъ головою любимой сестры. Сопровождалось оно рядомъ блестящихъ празднествъ въ Петергофѣ, за которыми слѣдовали обычные манёвры въ Красносельскомъ лагерѣ. Цесаревичъ принималъ въ нихъ участіе, сначала въ должности командующаго Преображенскимъ полкомъ, потомъ –1-й бригадой 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. По окончаніи манёвровъ государь назначилъ его командиромъ сводной гвардейской и гренадерской пѣхотной бригады, составленной изъ отрядовъ разныхъ полковъ и предназначенной представлять гвардію и гренадерскій корпусъ на торжествѣ открытія памятника, воздвигнутаго на Бородинскомъ полѣ [2].

Событіе это императоръ Николай пожелалъ окружить особымъ блескомъ. Съ этою цѣлью вокругъ Бородина собраны были, кромѣ сводной бригады наслѣдника, 2-й и 6-й пѣхотные корпуса, а также отрядъ резервныхъ и запасныхъ войскъ, подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича, всего до 120.000 человѣкъ. Государь со старшимъ сыномъ прибылъ въ Бородинскій лагерь въ ночь съ 16-го на 17-е августа. Тамъ собрались вокругъ него представители двухъ союзныхъ монарховъ: эрцгерцогъ Альбрехтъ австрійскій и принцъ Альбрехтъ прусскій, а также находившіеся въ живыхъ ветераны славнаго боя и въ числѣ ихъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ, принцъ Евгеній Виртембергскій, генералы Ермоловъ и графъ Воронцовъ. Десять дней прошло въ осмотрѣ лагерей и въ разнообразныхъ манёврахъ. 26-го августа, въ годовщину битвы, состоялись открытіе и освященіе памятника и большой парадъ. Во все это время императоръ и его свита были гостями цесаревича, принимав-

[1] Тотъ же журналъ.

[2] Формулярный списокъ.

шаго и угощавшаго ихъ въ своемъ Бородинскомъ дворцѣ. Государь наименовалъ его по этому случаю шефомъ Бородинскаго егерскаго полка [1].

Во главѣ сводной гвардейской гренадерской бригады, цесаревичъ участвовалъ въ церковномъ парадѣ, происшедшемъ 6-го сентября, въ день закладки храма Христа Спасителя, въ Москвѣ, а оттуда, чрезъ Смоленскъ, отправился для обозрѣнія западныхъ губерній, не вошедшихъ въ маршрутъ его первой поѣздки по Россіи. Посѣтивъ Могилевъ, Вильну и Витебскъ, онъ 26-го октября возвратился въ Царское Село [2].

Мѣсяцъ спустя императоръ Николай призналъ за благо пріобщить своего первенца къ трудамъ высшаго учрежденія имперіи. «Я хочу»,— сказалъ онъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта князю Васильчикову,—«чтобы цесаревичъ присутствовалъ при засѣданіяхъ общаго собранія Совѣта, выслушивая доклады и знакомясь съ рѣшеніями. Сынъ мой совершеннолѣтенъ съ 17-го апрѣля 1839 года и уже съ этого дня имѣлъ бы право засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ и участвовать въ его совѣщаніяхъ. Но здоровье его долго вызывало опасенія, и я вынужденъ былъ отправить его въ Италію и въ другія страны Европы для выздоровленія. Теперь онъ, слава Богу, совершенно здоровъ и пора наверстать потерянное время. Въ Государственномъ Совѣтѣ изучитъ онъ свое царственное ремесло» [3]. Васильчиковъ представилъ къ подписи государя указъ о назначеніи наслѣдника членомъ Совѣта, но императоръ нашелъ эту мѣру преждевременною; впредь до ознакомленія съ дѣлами, цесаревичъ имѣлъ засѣдать въ Совѣтѣ безъ права голоса [4]. 23-го ноября онъ былъ введенъ въ залъ засѣданій общаго собранія великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и по знаку государя—пожелавшаго быть зрителемъ этой сцены—занялъ мѣсто, обыкновенно занимаемое его величествомъ, по правую руку предсѣдателя. Въ краткой рѣчи князь Васильчиковъ выразилъ мнѣніе, что присутствіе наслѣдника при занятіяхъ Совѣта послужитъ драгоцѣннымъ поощреніемъ въ его трудахъ. Годъ спустя, 10-го декабря 1840 года, наслѣднику высочайше повелѣно на тѣхъ же основаніяхъ присутствовать и въ Комитетѣ министровъ [5].

Съ нетерпѣніемъ ждалъ цесаревичъ наступленія весны. Бракъ его съ принцессою Маріею Гессенскою былъ уже рѣшенъ, и въ ночь съ 4-го на 5-е марта онъ отправился въ Дармштадтъ, въ сопровожденіи секретаря императрицы Шамбо, на котораго возложено было заключеніе всѣхъ актовъ и совершеніе формальностей, предшествовавшихъ помолвкѣ. По дорогѣ Александръ Николаевичъ на пять дней остановился въ Варшавѣ,

1 Формулярный списокъ.
2 Тотъ же списокъ.
3 Paul Lacroix. «Histoire de Nicolas I», VIII, стр. 321
4 Формулярный списокъ.
5 Тотъ же списокъ.

двое сутокъ провелъ въ Дрезденѣ у короля саксонскаго и, навѣстивъ въ Берлинѣ тяжко больного дѣда своего, короля прусскаго, а въ Веймарѣ тетку, великую княгиню Марію Павловну, принимавшую дѣятельное участіе въ переговорахъ о его бракѣ, прибылъ въ Дармштадтъ. 4-го апрѣля состоялась помолвка его съ принцессою Маріею. Извѣстіе объ этомъ событіи привезъ въ Петербургъ адъютантъ его высочества князь Барятинскій. Салютъ въ 101 выстрѣлъ съ Петропавловской крѣпости возвѣстилъ о столь радостномъ происшествіи жителямъ Петербурга.

Изъ Дармштадта наслѣдникъ поѣхалъ въ Берлинъ, для присутствованія при открытіи памятника Фридриху Великому. Предсмертная болѣзнь короля Фридриха-Вильгельма III задержала его въ этомъ городѣ до самой кончины этого государя, послѣдовавшей 26-го мая; оттуда цесаревичъ, сопутствуя августѣйшимъ родителямъ, направился въ Веймаръ. Семейное горе русской царственной семьи смѣнилось великою семейною радостью: первымъ свиданіемъ императора и императрицы съ невѣстою старшаго сына. Оно состоялось во Франкфуртѣ на Майнѣ 4-го іюня. Въ этотъ день цесаревичъ, прибывшій изъ Веймара въ Дармштадтъ, привезъ оттуда принцессу Марію во Франкфуртъ, въ сопровожденіи отца—великаго герцога, брата—принца Александра, и дядей—принцевъ Карла и Эмиля Гессенскихъ. Въ тотъ же день прибыли туда и государь съ государыней. Николай Павловичъ тотчасъ же навѣстилъ будущую невѣстку въ дармштадтскомъ домѣ, а нѣсколько времени спустя она пріѣхала въ Hôtel de Russie, гдѣ остановились императоръ и императрица. Государь встрѣтилъ принцессу при выходѣ ея изъ кареты, взвелъ по лѣстницѣ и самъ представилъ императрицѣ, которая обняла ее, какъ давно любимую дочь. «Сія минута»,—повѣствуетъ Жуковскій,—«столь рѣшительная для царскаго семейства, была вполнѣ счастлива; ни малѣйшая принужденность не возмутила ея чистой радости. Вдругъ, безъ всякаго усилія, сердца породнились, и этотъ союзъ, единымъ мгновеніемъ совершенный, останется твердымъ на всѣ остальные годы жизни»[1].

Проводивъ императрицу до Эмса, наслѣдникъ и его невѣста вмѣстѣ возвратились въ Дармштадтъ, откуда цесаревичъ спѣшилъ вернуться въ Россію. Государь ждалъ его для отправленія въ инспекціонную поѣздку по войскамъ, расположеннымъ въ Западномъ краѣ. Выѣхавъ изъ Царскаго Села въ ночь на 29-е іюня, августѣйшіе путешественники сначала осмотрѣли отдѣльный гренадерскій корпусъ въ лагерѣ при Княжемъ Дворѣ, причемъ Александръ Николаевичъ назначенъ шефомъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка; затѣмъ, чрезъ Полоцкъ, Витебскъ и Могилевъ, прослѣдовали въ Гомель, помѣстье фельдмаршала князя Варшавскаго. Тамъ происходили большіе манёвры, по окончаніи которыхъ госу-

[1] Жуковскій великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, 5-го іюля 1840 г.

дарь и цесаревичъ проѣхали въ Кіевъ и чрезъ Брестъ-Литовскъ въ Варшаву, а оттуда Александръ Николаевичъ поспѣшилъ въ мѣстечко Фишбахъ, въ Силезіи, гдѣ, въ кругу прусской семьи своей, отдыхала послѣ лѣченія въ Эмсѣ императрица и куда уже прибыла, между тѣмъ, принцесса Марія Гессенская [1].

Всѣ вмѣстѣ отправились въ Россію и 23-го августа встрѣчены были императоромъ Николаемъ въ Ловичѣ. На другой день происходилъ торжественный въѣздъ невѣсты цесаревича въ Варшаву, 3-го сентября—въ Гатчину, 8-го сентября—въ С.-Петербургъ. Принцесса Марія ѣхала въ парадной золотой каретѣ съ императрицею Александрою Ѳеодоровною; государь слѣдовалъ верхомъ возлѣ кареты, а наслѣдникъ командовалъ конвоемъ. Восторженными кликами, громкимъ несмолкаемымъ «ура!» встрѣтили жители столицы будущую цесаревну, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

На происходившихъ съ 18-го по 21-е сентября манёврахъ гвардейскаго корпуса государь ввѣрилъ цесаревичу командованіе особымъ отрядомъ, а въ день своихъ именинъ, 6-го декабря, за отличіе по службѣ, произвелъ его въ генералъ-лейтенанты, съ оставленіемъ въ свитѣ его величества. Въ этомъ чинѣ наслѣдникъ, на внезапномъ высочайшемъ смотру гвардейскихъ войскъ, 14-го декабря, командовалъ 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею [2].

Послѣдній мѣсяцъ 1840 года былъ ознаменованъ двойнымъ торжествомъ: 5-го декабря состоялось мѵропомазаніе принцессы Маріи Гессенской, по принятіи въ лоно православной церкви нареченной великою княжною Маріею Александровною, и на другой день, въ именины государя—обрученіе ея съ наслѣдникомъ. Оба происшествія возвѣстилъ Россіи высочайшій манифестъ [3]. Тогда же образованъ для ихъ высочествъ придворный штатъ: гофмейстериною будущей цесаревны назначена статсъ-дама княгиня Е. В. Салтыкова; фрейлинами къ ея высочеству—княжна Долгорукова и дѣвица Дашкова; гофмаршаломъ завѣдующимъ дворомъ—В. Д. Олсуфьевъ и управляющимъ конюшеннымъ отдѣломъ—въ должности шталмейстера И. М. Толстой [4].

Въ Зимнемъ дворцѣ, возродившемся изъ пепла въ еще бóльшемъ противъ прежняго великолѣпіи, для юной царственной четы приготовлены были покои, нѣкогда занятые императрицею Маріею Ѳеодоровною. Бракосочетаніе совершено въ канунъ дня рожденія наслѣдника, 16-го апрѣля 1841 года. Въ этотъ день императоръ Николай, по обыкновенію, излилъ щедрыя милости на государственныхъ и придворныхъ сановниковъ. Це-

[1] Формулярный списокъ.

[2] Тотъ же списокъ.

[3] Высочайшій манифестъ, 6-го декабря 1839 г.

[4] Адресъ-календарь, 1841 г.

саревичъ зачисленъ во всѣ тѣ полки, въ коихъ государь былъ шефомъ, а именно: л.-гв. Конный, въ Кирасирскій его величества и л.-гв. въ Семеновскій, Измайловскій, Егерскій и Гренадерскій и кромѣ того назначенъ шефомъ Александровскаго Брестскаго кадетскаго корпуса[1]. Три манифеста возвѣстили Россіи: первый — о вступленіи въ бракъ наслѣдника; второй — объ облегченіи по этому случаю участи преступниковъ и о сложеніи въ значительномъ размѣрѣ казенныхъ недоимокъ; третій — о новыхъ льготныхъ условіяхъ заклада дворянскихъ имѣній въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, «въ надеждѣ», какъ сказано въ манифестѣ, «что льготы эти обратятся не къ прихотямъ роскоши и не къ усиленію [illegible] расточительности, а къ лучшему устройству дворянскихъ имѣній, къ дальнѣйшему ихъ усовершенствованію земледѣлія и къ расширенію сельской и всякой другой промышленности»[2].

Бракосочетаніе совершилось въ Большой церкви Зимняго дворца, въ присутствіи ихъ величествъ, всѣхъ наличныхъ членовъ императорскаго дома и прибывшихъ нарочно для участія въ этомъ семейномъ торжествѣ принца Вильгельма прусскаго, наслѣдныхъ великихъ герцоговъ Гессенъ-Дармштадтскаго и Саксенъ-Веймарскаго и принцевъ Александра и Эмиля Гессенскихъ. Послѣ вѣнчанія государь съ новобрачными появился на балконѣ Зимняго дворца, обращенномъ къ адмиралтейству. И онъ, и цесаревичъ были оба въ казацкихъ мундирахъ. Восторгамъ и шумнымъ восклицаніямъ несмѣтной толпы, заливавшей Дворцовую площадь, не было конца. Тѣ же радостные клики привѣтствовали ихъ величества и новобрачныхъ и на другой день, при проѣздѣ ихъ въ экипажахъ по ярко иллюминованнымъ главнымъ улицамъ столицы.

Торжество бракосочетанія сопровождалось длиннымъ рядомъ пировъ и празднествъ. 19-го апрѣля былъ парадный спектакль въ Большомъ театрѣ, за которымъ непрерывно слѣдовали балы въ Зимнемъ дворцѣ, въ Михайловскомъ дворцѣ, у великаго князя Михаила Павловича и въ дворянскомъ собраніи, и только послѣ майскаго парада, происходившаго 29-го апрѣля, на которомъ цесаревичъ командовалъ 2-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею[3], молодые могли, наконецъ, уединиться въ Царское Село, гдѣ отведенъ имъ былъ Александровскій дворецъ. Но и тамъ оставались они недолго. Первопрестольная столица жаждала видѣть царскаго первенца и юную его супругу, о бракосочетаніи которыхъ извѣстилъ ее высочайшій рескриптъ на имя генералъ-губернатора, отправленный съ бывшимъ воспитателемъ наслѣдника, генералъ-адъютантомъ Кавелинымъ. Торжественный въѣздъ въ Москву состоялся 14-го мая. Государь

[1] Формулярный списокъ.

[2] Высочайшіе манифесты, 16-го апрѣля 1841 г.

[3] Формулярный списокъ.

самъ ввелъ сіяющую красотой и счастьемъ цесаревну въ святилище земли русской — Успенскій соборъ, гдѣ встрѣтилъ ихъ теплымъ привѣтственнымъ словомъ митрополитъ Филаретъ. Десятидневное пребываніе въ Москвѣ не ограничилось пріемами и увеселеніями. Оно заключилось посѣщеніемъ Троицко-Сергіевой лавры и днемъ, проведеннымъ юною четою въ уединеніи собственнаго дворца наслѣдника въ селѣ Бородинѣ. 29-го мая ихъ высочества возвратились на лѣтнее жительство въ Царское Село.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Государственная и военная дѣятельность цесаревича.

1841—1855.

Дворъ наслѣдника. Семья его. Поѣздка за границу. Назначеніе членомъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Управленіе имперіею въ отсутствіе государя изъ столицы. Военныя занятія. 1848-й годъ. Холера. Кончина старшей дочери. Венгерская кампанія. Назначеніе командиромъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ и главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. Цесаревичъ на Кавказѣ. Стычка съ чеченцами. Пожалованіе ордена св. Георгія 4-й степени. Амурскій комитетъ. Лагерь въ Красномъ Селѣ. Открытіе Московской желѣзной дороги. Поѣздки по Россіи и за границу. Званіе главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами. Война съ Турціею и морскими державами. Защита Балтійскаго побережья и оборона имперіи. Предсмертная болѣзнь государя. Письма цесаревича къ князьямъ Меншикову и М. Д. Горчакову. Кончина императора Николая I.

Со вступленіемъ въ супружество для Александра Николаевича начались годы безмятежнаго семейнаго счастія. Обычный домашній кружокъ великаго князя образовали, кромѣ членовъ императорской семьи, лица, составлявшія его дворъ. Дворомъ наслѣдника, до самаго вступленія его на престолъ, управлялъ гофмаршалъ Олсуфьевъ, гофмейстериною цесаревны оставалась статсъ-дама княгиня Салтыкова. Къ двумъ фрейлинамъ, княжнѣ А. Н. Долгоруковой и С. М. Дашковой, вскорѣ прибавилась третья, графиня Ю. М. Гауке, а по выходѣ замужъ ихъ замѣнили княжна А. С. Долгорукова и А. Ѳ. Тютчева. Канцеляріей цесаревича завѣдывалъ, до производства въ генералъ-лейтенанты, С. А. Юрьевичъ, сдавшій эту должность въ 1848 году наиболѣе приближенному изъ адъютантовъ его высочества, графу А. В. Адлербергу. Другой, пользовавшійся расположеніемъ наслѣдника сверстникъ, И. М. Толстой, продолжалъ управлять шталмейстерскою частью. Къ прежнимъ адъютантамъ князю А. И. Барятинскому, Граве, Назимову, Паткулю, Мердеру—частью при-

соединились, частью замѣнили ихъ, по мѣрѣ назначенія на высшія должности или выхода въ отставку, Головинъ, Дюгамель, графъ І. К. Ламбертъ, князь В. И. Барятинскій, Слѣпцовъ, Пейкеръ, князь Б. Д. Голицынъ. Секретаремъ цесаревны состоялъ Лабенскій; старикъ Жилль носилъ званіе библіотекаря; наконецъ, Жуковскій, хотя и переселившійся за границу и тамъ женившійся, до самой смерти числился «состоящимъ при особѣ наслѣдника [1]. Царскія милости настигали его въ уединеніи, и въ 1849 году, въ день именинъ державнаго воспитанника, императоръ Николай пожаловалъ маститому поэту орденъ Бѣлаго Орла, «въ ознаменованіе особеннаго нашего уваженія», какъ сказано въ высочайшей грамотѣ, «къ трудамъ на поприщѣ отечественной литературы, съ таковою славою въ теченіе пятидесяти лѣтъ подъемлемымъ, и въ изъявленіе душевной признательности нашей къ заслугамъ, нашему семейству оказаннымъ» [2].

Къ перечисленнымъ лицамъ слѣдуетъ прибавить поступившаго на русскую службу любимаго брата цесаревны принца Александра Гессенскаго и воспитательницу ея г-жу Грансе, не разлучившуюся съ нею и по выходѣ ея замужъ. На ежедневныхъ почти собраніяхъ у молодой четы, зимою—въ Зимнемъ дворцѣ, лѣтомъ—въ Царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ или на Петергофской фермѣ, господствовали веселость и непринужденность; занимались чтеніемъ, музыкой, игрою въ вистъ; августѣйшіе хозяинъ и хозяйка очаровывали гостей своею привѣтливостью и полною участія къ нимъ благосклонностью. Всѣ принадлежащія къ ихъ двору какъ бы входили въ составъ ихъ собственной семьи [3].

Господь благословилъ союзъ Александра Николаевича и Маріи Александровны. Только старшая ихъ дочь, Александра, скончалась въ младенческомъ возрастѣ, къ безутѣшной горести родителей; но четыре сына и вторая дочь, родившіеся до воцаренія, росли, развивались и расцвѣтали подъ попечительнымъ взоромъ нѣжно любившихъ ихъ матери и отца. Появленіе на свѣтъ каждаго изъ дѣтей служило поводомъ къ щедрымъ подаяніямъ неимущимъ. По случаю рожденія сына-первенца, великаго князя Николая Александровича, счастливые родители пожертвовали по 10.000 рублей для выкупа неоплатныхъ должниковъ и раздачи пособій бѣднѣйшимъ жителямъ обѣихъ столицъ. Щедроту эту они повторяли впослѣдствіи при рожденіи и всѣхъ прочихъ дѣтей своихъ, жалуя по 3.000 рублей для распредѣленія между бѣдняками Петербурга и Москвы [4]. Независимо отъ высочайшихъ манифестовъ, возвѣщав-

[1] Адресъ-календарь, съ 1842 г. по 1854 г.

[2] Высочайшая грамота, 30-го августа 1849 г.

[3] Correspondance du Prince Emile de Wittgenstein.

[4] Русскій Инвалидъ 1843—1853 гг.

нимъ Россіи всякое приращеніе императорскаго дома. Императоръ Николай увѣдомлялъ первопрестольную столицу о рожденіи царственныхъ внуковъ рескриптами на имя генералъ-губернатора, привозимыми въ Москву нарочно посылаемыми адъютантами наслѣдника. Императоръ Николай самъ былъ крестнымъ отцомъ всѣхъ дѣтей своего старшаго сына; кромѣ него, были воспріемниками: Николая Александровича — великій герцогъ Гессенскій, королева Нидерландская Анна Павловна и великая княжна Ольга Николаевна; Александра Александровича — великій герцогъ Гессенскій, великая княгиня Елена Павловна, великая княжна Ольга Николаевна, великая княгиня Марія Павловна и наслѣдная великая герцогиня Гессенская; Владиміра Александровича — великій князь Михаилъ Павловичъ, великій герцогъ Гессенскій, наслѣдный великій герцогъ Гессенскій, великія княгини Марія Николаевна и Марія Павловна и принцесса Елизавета Гессенская; Алексѣя Александровича — великій князь Константинъ Николаевичъ, принцъ Карлъ Гессенскій, великія княгини Марія Николаевна, Ольга Николаевна и Марія Павловна; Маріи Александровны — принцъ Александръ Гессенскій и великія княгини Марія Николаевна и Марія Павловна [1]. Новорожденные великіе князья тотчасъ же зачислялись въ ряды арміи: Николай — назначенъ шефомъ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка и зачисленъ во всѣ тѣ полки лейбъ-гвардіи, въ коихъ состоялъ цесаревичъ; Александръ — шефомъ Астраханскаго карабинернаго полка и состоять въ полкахъ: л.-гв. гусарскомъ, Преображенскомъ и Павловскомъ; Владиміръ — шефомъ л.-гв. драгунскаго полка и состоять въ Преображенскомъ полку и гвардейскомъ саперномъ баталіонѣ; Алексѣй — шефомъ л.-гв. Московскаго полка и состоять въ полкахъ Преображенскомъ и Егерскомъ и въ гвардейскомъ экипажѣ [2]. Нельзя не привести здѣсь трогательныхъ выраженій рескрипта, коимъ наслѣдникъ извѣстилъ митрополита московскаго Филарета о рожденіи четвертаго сына. «Во 2-й день сего января», — пишетъ онъ, — «Господь даровалъ мнѣ сына. Преисполненные благоговѣніемъ къ Московскому первосвятителю и молитвеннику земли русской, въ обители коего я родился и у раки коего воспріялъ святое крещеніе, мы нарекли его Алексіемъ» [3].

Воспитаніе дѣтей было предметомъ особливой заботливости цесаревича и цесаревны. Первоначальный уходъ за ними, подъ руководствомъ сперва надзирательницы С. Я. Поггенполь, а потомъ наставницы В. Н. Скрыпицыной, порученъ былъ англичанкамъ, г-жамъ Юзъ, Итервудъ

[1] Церемоніалы крещенія великихъ князей: Николая, Александра, Владиміра и Алексѣя Александровичей и великой княжны Маріи Александровны.

[2] Высочайшіе приказы по военному вѣдомству 8-го сентября 1843 г., 26-го февраля 1845 г., 10-го апрѣля 1847 г. и 2-го января 1850 г.

[3] Цесаревичъ митрополиту Филарету московскому, 2-го января 1850 г.

и Стуттонъ, а съ 1848 года къ молодымъ великимъ князьямъ назначенъ воспитателемъ генералъ-маіоръ Н. В. Зиновьевъ, которому впослѣдствіи придано два помощника, полковники Гогель и Казнаковъ [1]. Съ военною службою знакомились они съ дѣтства въ рядахъ сверстниковъ, воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса, на тѣхъ же основаніяхъ, которыя приняты были для военнаго образованія ихъ отца.

Обычное лѣтнее пребываніе наслѣдника и его супруги въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ время отъ времени разнообразилось путешествіями за границу. Поздней осенью 1843 года ихъ высочества совершили поѣздку въ чужіе края, продолжавшуюся семь недѣль, съ 9-го ноября по 30-е декабря, и посѣтили при этомъ родственные дворы: прусскій, веймарскій и дармштадтскій. Въ слѣдующемъ году цѣлью заграничнаго путешествія, состоявшагося веснею—со 2-го марта по 17-е апрѣля,—было шестинедѣльное пребываніе въ Дармштадтѣ, въ семьѣ цесаревны. Въ 1846 году наслѣдникъ съѣздилъ на нѣсколько дней въ Вѣну по приглашенію императора австрійскаго, а въ 1847 году сопровождалъ цесаревну въ Дармштадтъ, а оттуда на воды въ Киссингенъ, послѣ чего посѣтилъ вмѣстѣ съ нею великую княгиню Ольгу Николаевну въ Штутгартѣ и, оставивъ супругу въ Югенгеймѣ, самъ въ сентябрѣ вернулся въ Россію для участія въ высочайшихъ смотрахъ, произведенныхъ войскамъ, расположеннымъ въ Юго-Западномъ краѣ, но уже въ концѣ того же мѣсяца отправился съ государемъ въ Варшаву для встрѣчи цесаревны, возвращавшейся изъ-за границы, въ сопровожденіи принцессы Александры Саксенъ-Альтенбургской, нареченной невѣсты великаго князя Константина Николаевича [2].

Съ каждымъ годомъ досуги цесаревича сокращались и время его все болѣе и болѣе поглощалось обширною и разнообразною государственною дѣятельностью. Еще до женитьбы (16-го января 1841 г.) вступилъ онъ, съ высочайшаго разрѣшенія, въ дѣйствительное отправленіе обязанностей своихъ по званію канцлера Александровскаго университета въ Финляндіи [3], въ самый день бракосочетанія (16-го апрѣля 1841 г.) государь назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта, а въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ—членомъ и прочихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій имперіи, а именно: финансоваго комитета (6-го декабря 1841 года), Комитета министровъ (26-го января 1842 г.) и Кавказскаго комитета (30-го августа 1842 г.) [4]. Сверхъ того, цесаревичъ участвовалъ въ трудахъ комитетовъ, учрежденныхъ по двумъ капитальнымъ государственнымъ сооруженіямъ Николаевскаго царствованія: постояннаго

[1] Адресъ-календарь, съ 1844 по 1853 г.

[2] Формулярный списокъ.

[3] Тотъ же списокъ.

[4] Тотъ же списокъ.

моста чрезъ Неву и петербургско-московской желѣзной дороги, состоя въ первомъ изъ нихъ членомъ, а во второмъ предсѣдателемъ. Ему же поручилъ императоръ Николай предсѣдательство въ секретныхъ комитетахъ, собиравшихся дважды для рѣшенія частныхъ вопросовъ, касавшихся улучшенія участи крѣпостныхъ крестьянъ: перваго, въ 1846 году, и второго, въ 1848 году. Заключеніе послѣдняго комитета объ изысканіи способовъ наблюденія за помѣщиками, чтобы они не превышали власти, предоставленной имъ закономъ, и объ огражденіи въ предположенномъ новомъ гражданскомъ уложеніи движимаго имущества крестьянъ отъ несправедливыхъ притязаній помѣщиковъ, удостоилось высочайшаго утвержденія. Что же касается до упраздненія крѣпостного права, то комитетъ предполагалъ ослаблять его силу рядомъ постепенныхъ мѣръ, каковы, напримѣръ, опредѣленіе повинности крестьянъ посредствомъ инвентарей и предоставленіе имъ права жалобы на помѣщиковъ [1].

Отправляясь въ 1842 году въ инспекціонную поѣздку по южной и западной Россіи, продолжавшуюся не много болѣе мѣсяца (съ 1-го сентября по 5-е октября), императоръ Николай впервые возложилъ на наслѣдника, на время своего отсутствія изъ столицы: «рѣшеніе дѣлъ Комитета гг. министровъ и Государственнаго Совѣта, равно какъ по всѣмъ министерствамъ и главнымъ управленіямъ отдѣльными частями» [2]. Съ тѣхъ поръ обязанность эта возлагалась на цесаревича каждый разъ, когда государь отлучался изъ Петербурга въ путешествіе какъ внутри Россіи, такъ и по чужимъ краямъ. По возвращеніи императора Николая изъ продолжительной поѣздки въ Италію (съ 24-го сентября по 30-е декабря 1845 года), государь, въ 1-й день новаго 1846 года, удостоилъ цесаревича слѣдующею достопамятною грамотою: «Отъѣзжая за границу для сопутствованія государынѣ императрицѣ, родительницѣ вашей, поручилъ я вамъ управленіе большого числа дѣлъ государственныхъ, въ томъ полномъ убѣжденіи, что вы, постигая мою цѣль, мое къ вамъ довѣріе, покажете Россіи, что вы достойны вашего высокаго званія. Возвратясь нынѣ, по благословенію Божію, удостовѣрился я, что надежды мои увѣнчались, къ утѣшенію родительскаго моего нѣжно васъ любящаго сердца. Въ вящшее доказательство моего удовольствія, жалуемъ васъ кавалеромъ ордена св. Равноапостольнаго великаго князя Владиміра 1-й степени, коего надпись: польза, честь и слава, укажетъ и впредь вамъ, на что Промыслъ Всевышняго васъ призываетъ для Россіи» [3].

---

1 Формулярный списокъ и Записки сенатора Соловьева. — Русская Старина, т. XXX, стр. 218.

2 Тотъ же списокъ.

3 Высочайшая грамота, 1-го января 1846 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Военныя занятія цесаревича шли своимъ чередомъ, и каждое лѣто въ Красносельскомъ лагерѣ онъ постепенно исправлялъ начальственныя должности по разнымъ родамъ оружія, въ 1841 и 1842 годахъ, командуя 2-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, а въ 1843—2-ю легкою гвардейскою кавалерійскою. Въ началѣ слѣдующаго 1844 года онъ назначенъ командующимъ, а вскорѣ утвержденъ командиромъ всей гвардейской пѣхоты. Независимо отъ исполненія этой должности, государь неоднократно бралъ его съ собою или посылалъ одного производить смотры различнымъ частямъ войскъ или военнымъ учрежденіямъ, расположеннымъ во всѣхъ концахъ Россіи. Въ 1841 году цесаревичъ участвовалъ въ Москвѣ въ манёврахъ 6-го пѣхотнаго корпуса, дѣлалъ ученье и смотръ 1-му московскому кадетскому корпусу, 2-му учебному карабинерному полку и 1-й бригадѣ 7-й легкой кавалерійской дивизіи съ 7-ю военно-артиллерійскою бригадою; въ 1842 году обозрѣвалъ крѣпость и портъ въ Свеаборгѣ, а въ Фридрихсгамѣ финляндскій кадетскій корпусъ; въ 1845 году сопровождалъ императора на кавалерійскіе манёвры въ Елисаветградъ и Чугуевъ и присутствовалъ при высочайшихъ смотрахъ Черноморскому флоту въ Николаевѣ и Севастополѣ, а на возвратномъ пути изъ Крыма производилъ смотръ собраннымъ въ Орлѣ, Тулѣ и Москвѣ безсрочно-отпускнымъ нижнимъ чинамъ, а также войскамъ 6-го пѣхотнаго корпуса, 16-й артиллерійской бригадѣ, 2-му учебному карабинерному полку и Тульскому и Орловскому гарнизоннымъ баталіонамъ; въ 1847 году прибылъ нарочно изъ-за границы для нахожденія при высочайшемъ смотрѣ 4-го пѣхотнаго корпуса въ г. Винницѣ. 17-го апрѣля 1843 года цесаревичъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, а того же числа 1846 года произведенъ въ полные генералы [1].

Столь бурный на всемъ пространствѣ Западной Европы 1848-й годъ прошелъ для Россіи мирно и спокойно. Александръ Николаевичъ признавалъ, однако, необходимость строгихъ предупредительныхъ мѣръ, принятыхъ императоромъ Николаемъ относительно высшихъ учебныхъ заведеній для огражденія ихъ отъ революціонной заразы. «Мѣсто, которое вы будете занимать»,—писалъ онъ бывшему адъютанту своему Назимову, по случаю назначенія его попечителемъ Московскаго учебнаго округа взамѣнъ подавшаго въ отставку графа С. Г. Строганова,—«весьма важно, въ особенности въ наше время, гдѣ молодежь воображаетъ, что она умнѣе всѣхъ и что все должно дѣлаться, какъ ей хочется, чему, къ несчастію, мы видимъ столько примѣровъ за границею; къ этому и гг. профессора команда не легкая. Надзоръ за ними и самый бдительный необходимъ. Да внушитъ вамъ Господь Богъ силу и умѣнье исполнить новыя обязанности, на васъ возлагаемыя, съ успѣхомъ, т. е. къ пол-

[1] Формулярный списокъ.

нему удовольствію государя... Перекрестясь, принимаюсь снова за дѣло [1].

Въ томъ же году другого рода зараза произвела у насъ несравненно бóльшія опустошенія: то была азіатская холера, свирѣпствовавшая въ Петербургѣ и въ расположенныхъ въ этой столицѣ и ея окрестностяхъ войскахъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, бывшій главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, въ приказѣ по этимъ корпусамъ счелъ долгомъ выразить его высочеству командиру гвардейской пѣхоты душевную благодарность «за истинно отеческое попеченіе и неустанную заботливость о сохраненіи здоровья нижнихъ чиновъ» въ это тяжелое время. Изъ прочихъ происшествій за тотъ же годъ должно отмѣтить зачисленіе наслѣдника въ л.-гв. Финскій саперный баталіонъ, равно какъ и то, что на манёврахъ въ Красномъ Селѣ его высочество командовалъ однимъ изъ дѣйствующихъ отрядовъ сѣвернымъ [2].

Въ слѣдующемъ 1849 году, весною, цесаревичъ и цесаревна сопровождали государя и императрицу въ Москву на торжество открытія вновь отстроеннаго Большого Кремлевскаго Дворца, и возвратились въ Петербургъ ко дню рожденія наслѣдника, получившаго въ этотъ день знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ. Два мѣсяца спустя ихъ постигло тяжкое горе: кончина любимой старшей дочери, великой княжны Александры Александровны. Ударъ этотъ такъ сильно подѣйствовалъ на здоровье цесаревны, что, по совѣту врачей, наслѣдникъ отвезъ супругу и дѣтей въ Ревель, гдѣ они должны были пользоваться морскими купаньями, но самъ онъ остался тамъ съ ними не болѣе недѣли,— императоръ австрійскій воззвалъ о помощи къ своему могущественному союзнику, русскому императору, для усмиренія мадьяръ, и гвардія выступила въ заграничный походъ. По этому случаю цесаревичу было присвоенно званіе командира гвардейскаго пѣхотнаго корпуса. Изъ Ревеля, 10-го іюля, онъ выѣхалъ ко ввѣреннымъ ему войскамъ, находившимся уже въ походѣ, и, осмотрѣвъ ихъ по пути въ Ригѣ, Вильнѣ, Гроднѣ и Бѣлостокѣ, прибылъ въ Варшаву, откуда императоръ Николай руководилъ движеніями своей арміи, переступившей за Карпаты. Наслѣдникъ оставался при отцѣ все лѣто, до того достопамятнаго дня, когда предводимая Гёргеемъ венгерская армія положила въ Виллагошѣ оружіе предъ княземъ Варшавскимъ. По полученіи о томъ извѣстія, государь отправилъ, 2-го августа, старшаго сына въ Вѣну съ гласнымъ порученіемъ поздравить императора Франца-Іосифа съ благополучнымъ концомъ мятежа, но въ дѣйствительности наслѣднику было довѣрено испросить помилованіе

[1] Цесаревичъ Плещееву, 19-го октября 1848 г.

[2] Формулярный списокъ.

венгерскимъ генераламъ, сдавшимся русскимъ войскамъ. Австрійскій императоръ съ величайшею предупредительностью и почетомъ принялъ августѣйшаго посланца, назначилъ его шефомъ 7-го легкаго коннаго—впослѣдствіи 11-го уланскаго—полка и, уступая его настояніямъ, даровалъ жизнь Гёргею [1].

Тотчасъ по возвращеніи въ Варшаву, 13-го августа, Александръ Николаевичъ, по случаю болѣзни великаго князя Михаила Павловича, занемогшаго холерою, «какъ старшій въ чинѣ», временно вступилъ въ командованіе гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, а послѣ кончины дяди замѣстилъ его въ званіи командующаго этими корпусами, а также начальника военно-учебныхъ заведеній и главнаго попечителя Чесменской военной богадѣльни. Изъ полковъ, въ коихъ покойный великій князь состоялъ шефомъ и которые императоръ Николай распредѣлилъ между разными членами царственной семьи, на долю цесаревича достался л.-гв. уланскій полкъ и, кромѣ того, онъ зачисленъ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады въ батарейную батарею имени великаго князя Михаила Павловича и назначенъ на его мѣсто предсѣдателемъ комитетовъ: для составленія воинскаго устава пѣхотной службы и описанія обмундированія и вооруженія войскъ Россійской арміи [2].

Съ этого времени труды и попеченія наслѣдника раздѣляются между двумя главными изъ порученныхъ ему частей: войсками гвардіи и гренадерскаго корпуса и военно-учебными заведеніями. Въ завѣдываніи какъ тѣми, такъ и другими онъ, какъ самъ выражался, являлся продолжателемъ бывшаго ихъ начальника—великаго князя Михаила Павловича, котораго называлъ своимъ руководителемъ и другомъ. Отсылая для храненія въ гвардейскій штабъ завѣщанную гвардіи великимъ княземъ бриллiантовую шпагу, нѣкогда полученную имъ за польскую войну 1830—31 годовъ, цесаревичъ, въ приказѣ по гвардейскому и гренадерскому корпусамъ, приглашалъ войска соединить чувства душевной благодарности къ почившему незабвенному начальнику съ молитвой къ Богу объ упокоеніи души его. «Сохранимъ навсегда память о немъ»,—заключилъ онъ,—«и да будетъ онъ указателемъ, какъ самъ онъ былъ примѣромъ и любви, и преданности къ Богу и государю, и къ точному исполненію долга службы» [3]. То же уваженіе къ памяти августѣйшаго предмѣстника выразилъ цесаревичъ и въ приказѣ, отданномъ при вступленіи въ должность главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, «принадлежность къ которымъ»,—заявлялъ онъ,—«тѣмъ для меня отраднѣе, что

[1] Формулярный списокъ.

[2] Высочайшій приказъ, 19-го сентября 1849 г.

[3] Приказъ наслѣдника по гвардейскому и гренадерскому корпусамъ, 22-го октября 1849 г.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ на экзаменѣ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

(Съ литографіи Тимма.)

въ ихъ рядахъ самъ я началъ службу». «Главнѣйшею цѣлью всѣхъ моихъ заботъ»,—говорится далѣе въ томъ же приказѣ,—«будетъ сберечь все сдѣланное трудами и любовью его высочества для блага заведеній и сохранить заведенія въ томъ же превосходномъ состояніи, въ какомъ они отцомъ ихъ и благодѣтелемъ оставлены мнѣ, какъ бы въ залогъ его ко мнѣ дружбы и милости. Я увѣренъ, что всѣ чины военно-учебныхъ заведеній свято сохранятъ въ душѣ своей благодарную память о почившемъ и также свято будутъ исполнять всѣ благотворныя указанія его, какъ исполняли ихъ при немъ. Надѣюсь, что и воспитанники, не только въ заведеніи, но за его порогомъ, будутъ стараться службою и всею своею жизнью отплатить своему почившему отцу за неограниченную его къ нимъ любовь». Приказъ этотъ велѣно было прочесть въ сборѣ всѣхъ воспитателей и воспитанниковъ, передъ панихидою «объ упокоеніи великой души благодѣтеля военно-учебныхъ заведеній»[1].

Наслѣдникъ сохранилъ при себѣ и ближайшихъ сотрудниковъ великаго князя Михаила Павловича—генераловъ Витовтова и Ростовцова, въ званіи начальниковъ штаба, перваго—по гвардейскому и гренадерскому корпусамъ, второго—по военно-учебнымъ заведеніямъ. По особому высочайшему повелѣнію, ему подчинены, на общемъ основаніи, спеціальныя военныя училища: Главное инженерное и Михайловское артиллерійское, а съ 1854 года—и Военная Академія[2].

Что строгое сохраненіе направленія, установленнаго Михаиломъ Павловичемъ, какъ въ командованіи гвардіей и гренадерами, такъ и въ дѣлѣ военнаго воспитанія юношества, вполнѣ отвѣчало видамъ и намѣреніямъ самого императора Николая, явствуетъ изъ похвалы его цесаревичу въ первый же годъ начальствованія этими частями. Послѣ обычнаго лагернаго сбора въ Красномъ Селѣ, лѣтомъ 1850 года, государь почтилъ наслѣдника рескриптомъ, въ которомъ выразилъ удовольствіе въ томъ, что возвратившіеся изъ похода гвардейскіе полки, равно какъ и гренадерскій корпусъ, находятся въ томъ же отличнѣйшемъ устройствѣ, до коего доведены заботами ихъ бывшаго незабвеннаго начальника по всѣмъ частямъ военнаго образованія. «Относя сіе»,—продолжалъ императоръ,—«къ примѣрной и неусыпной заботливости вашего высочества, въ особенности же къ постоянному стремленію вашему исполнять всѣ желанія мои, я поспѣшаю изъявить вамъ мою живѣйшую признательность и сердечную благодарность за ваши труды, всегда радостные моему сердцу»[3]. Въ другомъ рескриптѣ государь выразилъ такое же удоволь-

[1] Приказъ его же по военно-учебнымъ заведеніямъ, 22-го сентября 1849 г.

[2] Формулярный списокъ.

[3] Высочайшій рескриптъ наслѣднику, 11-го августа 1850 г.

ствіе по поводу отличнаго состоянія военно-учебныхъ заведеній и, провозгласивъ главною цѣлью военнаго воспитанія, при необходимомъ образованіи учебномъ и фрунтовомъ, развитіе въ юношахъ чистыхъ правилъ нравственности, высокаго чувства чести и непоколебимой любви и преданности престолу и отечеству, горячо благодарилъ сына «за родительское попеченіе о юношествѣ, ему ввѣренномъ, за христіанское просвѣщеніе и истинно-русское воспитаніе его» [1].

Весною 1850 года цесаревичъ сопутствовалъ государю въ его поѣздкѣ по Россіи для осмотра крѣпостей и войскъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ; лѣтомъ руководилъ лагернымъ сборомъ кадетъ въ Петергофѣ и гвардіи въ Красномъ Селѣ, а осенью, послѣ посѣщенія кадетскихъ корпусовъ въ Полоцкѣ, Брестѣ и Полтавѣ и смотровъ 4-му пѣхотному корпусу въ Луцкѣ и 2-й резервной кавалерійской дивизіи въ Елисаветградѣ, предпринялъ путешествіе на Кавказъ и въ Закавказье.

То было тріумфальное шествіе, непрерывный рядъ торжествъ и ликованій по пути царскаго первенца, впервые посѣщавшаго благословенный край, утвержденный за Россіей блестящими побѣдами русскаго оружія, упорною борьбой русскаго солдата съ отстаивавшими свою независимость дикими, но храбрыми горцами.

Сѣвъ въ Севастополѣ на пароходъ «Владиміръ», цесаревичъ высадился на берегъ въ Тамани 14-го сентября и, чрезъ Екатеринодаръ, Ставрополь, Кисловодскъ, Пятигорскъ и Большую Кабарду, 24-го прибылъ во Владикавказъ. На границѣ Кавказа встрѣтилъ его намѣстникъ Кавказскій, князь Воронцовъ. На другой день наслѣдникъ двинулся въ дальнѣйшій путь. «Всюду»,—разсказываетъ очевидецъ,—«расположенныя по дорогѣ войска кричали «ура!», форты салютовали пушечными выстрѣлами и тьмы туземныхъ всадниковъ гарцовали вокругъ его экипажа, издавая радостные крики и стрѣляя изъ ружей. Всѣ они были въ блестящихъ нарядахъ: сотни стальныхъ кольчугъ и щитовъ, луковъ и стрѣлъ въ богатыхъ колчанахъ, золотое шитье, галуны—все это блестѣло на солнцѣ. Подъ желѣзными шлемами съ длинными сѣтками, мужественныя лица дышали восторгомъ. Въѣздъ великаго князя въ Тифлисъ явился настоящимъ тріумфомъ. Все населеніе города высыпало ему навстрѣчу, съ туземными музыкантами и пѣсенниками, и вся эта пестрая толпа тѣснилась къ нему, размахивая зелеными вѣтвями и флагами. Почетная стража изъ двухсотъ всадниковъ, принадлежащихъ къ знатнѣйшимъ мѣстнымъ княжескимъ родамъ, молодые красавцы въ ихъ живописныхъ костюмахъ изъ бархата и кашмира, съ одеждою, оружіемъ, убранствомъ чистокровныхъ коней, блестящими золотомъ, драгоцѣнными камнями и

[1] Высочайшій рескриптъ наслѣднику, 28-го августа 1850 г.

шитьемъ, стали впереди великаго князя, всюду сопровождая его и составляя караулъ во дворцѣ [1].

На другой день по пріѣздѣ въ Тифлисъ, 26-го сентября, наслѣдникъ принялъ экзарха Грузіи, персидскаго принца Бехменъ-Мирзу, всѣхъ военныхъ и гражданскихъ властей, и затѣмъ посѣтилъ, подробно осматривая ихъ, гимназію, казармы и школу военныхъ воспитанниковъ кавказскаго саперпаго баталіона, школу кавказскихъ межевщиковъ, женское учебное заведеніе св. Нины, строившійся театръ, больницу и институтъ благородныхъ дѣвицъ. За обѣдомъ у намѣстника, въ отвѣтъ на тостъ князя Воронцова за императора, императрицу и дорогого желаннаго гостя, цесаревичъ пилъ здоровье «храбрыхъ воиновъ Кавказа» и гостепріимныхъ хозяина и хозяйки. На балѣ, слѣдовавшемъ за обѣдомъ, его высочество заинтересовали національные танцы «лезгинка» и «абхазка», исполненные молодыми людьми знатнѣйшихъ семей Грузіи [2].

Утро слѣдующаго дня было посвящено ученью и разводу сводно-учебнаго баталіона, осмотру каменнаго моста на Курѣ и военнаго госпиталя. Вечеромъ наслѣдникъ принялъ балъ, данный въ честь его грузинскимъ дворянствомъ. Адъютантъ князя Воронцова, князь Эмиль Витгенштейнъ, сравниваетъ этотъ праздникъ со сказкою изъ тысячи и одной ночи, по роскоши и изяществу, свойственнымъ исключительно Азіи, и такъ описываетъ его въ письмѣ къ родителямъ: «Всѣ улицы устланы цвѣтами, всѣ колокола трезвонятъ, всѣ крыши усѣяны женщинами въ самыхъ блестящихъ нарядахъ, сгруппированными такъ, какъ бы не сумѣла этого сдѣлать мечта художника. Драгоцѣнные ковры и шали спускались съ оконъ и балконовъ, и вся эта живописная толпа, крича и трепеща отъ восторга, бросалась подъ ноги лошадямъ, лишь бы только поближе посмотрѣть на великаго князя. Надо было видѣть эти освѣщенныя террасы по кряжамъ горъ, эти минареты, эти куполы, какъ бы вымощенные огненными алмазами, и посреди всего этого ружейные выстрѣлы и дикая музыка восторженнаго народа. Во все время пребыванія великаго князя въ Тифлисѣ толпы днемъ и ночью не покидали площади предъ дворцомъ и каждое его появленіе привѣтствовали радостными кликами и кидапіемъ шапокъ въ воздухъ... Балъ отъ дворянства данъ былъ въ большомъ саду на берегу рѣки. Всѣ бесѣдки иллюминованы разноцвѣтными фонарями, всюду великолѣпные персидскіе ковры; посреди сада—нарочно выстроенный обширный павильонъ, залитый огнями, въ самомъ чистомъ восточномъ вкусѣ; вездѣ арабески яркихъ цвѣтовъ, позолота, персидскія колоннады съ большими диванами. Тамъ исполняли туземки танцы,

1 Correspondance du Prince Emile de Wittgenstein, I, p. [illegible].

2 Русскій Инвалидъ 1850 г.

столь же граціозные, какъ и сами танцующія, а между тѣмъ музыканты, сидя на полу, играли на тамбуринѣ, на мандолинѣ и на всякаго рода инструментахъ. На рѣкѣ, сіяющей потѣшными огнями, сожженъ былъ фейерверкъ, въ продолженіе котораго иллюминованныя лодки сновали по Курѣ во всѣхъ направленіяхъ и сотни всадниковъ переплывали ее верхомъ. Ужинъ былъ необыкновенно красивъ: всѣ столы расположены въ виноградныхъ бесѣдкахъ, вдоль рѣки. На большой эстрадѣ стоялъ парадный столъ для великаго князя, накрытый по восточному, а подъ нимъ, за огромнымъ столомъ, расположился его почетный конвой изъ туземныхъ князей, въ великолѣпныхъ нарядахъ, усѣвшихся, поджавъ ноги подъ себя, и оглашавшихъ воздухъ криками при осушеніи однимъ залпомъ роговъ, налитыхъ виномъ. Далѣе, внизу, на берегу рѣки, происходило совершенное столпотвореніе; весь народъ принималъ участіе въ праздникѣ; вокругъ костровъ онъ пилъ и ѣлъ за здоровье великаго князя, при оглушительномъ шумѣ возгласовъ, ружейныхъ выстрѣловъ и музыки [1].

Не менѣе роскошенъ и своеобразенъ былъ, по свидѣтельству того же очевидца, ночной праздникъ, данный купечествомъ на третій день пребыванія наслѣдника въ Тифлисѣ: «Весь громадный караванъ-сарай, или базаръ, обтянутъ и обитъ прекраснѣйшими индійскими и персидскими тканями; колонны галлерей обвиты кружевомъ и цвѣтами; полъ устланъ дорогими коврами; портьеры на дверяхъ, соединяющихъ различныя галлереи, изъ индійскихъ кашмировыхъ шалей; вдоль стѣнъ—восточные диваны; мраморные дворы и фонтаны украшены рѣдчайшими цвѣтами; въ углахъ залы—фонтаны изъ вина, съ расположенными вокругъ рогами, золотыми и серебряными кубками; персидскіе музыканты, танцовщицы, пѣвцы; съ внѣшней колоннады безподобный видъ на городъ, залитый тысячами огней въ шелковыхъ оболочкахъ фонарей,—все это наполнено густою радостною толпою, съ тою азіатскою подвижностью, которая обращала ее въ самое живописное зрѣлище. Но лучше всего на обоихъ праздникахъ были женщины, сіяющія красотой, съ великолѣпными черными глазами и классическими чертами лица, окаймленнаго вуалью, съ шапочками на головѣ, усыпанными драгоцѣнными каменьями, въ нарядахъ, превосходившихъ одинъ другой и возбуждавшихъ представленіе о волшебныхъ сказкахъ»... [2].

29-го сентября цесаревичъ оставилъ гостепріимный Тифлисъ, вполнѣ довольный пріемомъ, самъ очаровавъ всѣхъ и каждаго въ древней столицѣ Грузіи. «То былъ»,—свидѣтельствуетъ князь Виттгенштейнъ,—«восторгъ, доходившій до изступленія, и всѣ женщины влюбились въ

[1] Correspondance du Prince Emile de Wittgenstein, I. стр. 144.

[2] Тамъ же, I, стр. 145.

него. Онъ находилъ любезное слово для каждаго и всюду, гдѣ появлялся его обликъ, открытый и улыбающійся, онъ возбуждалъ одушевленіе, переходившее въ обожаніе. Я видѣлъ весь здѣшній корпусъ офицеровъ, со слезами радости на глазахъ по поводу нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ имъ намъ отъ имени императора и отъ себя, при представленіи. Онъ обладаетъ даромъ внушать къ себѣ любовь всюду, гдѣ ни покажется, и когда онъ улыбнется, то словно рублемъ подаритъ»[1]. Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи по Закавказью, Александръ Николаевичъ почтилъ посѣщеніемъ именитѣйшихъ изъ мѣстныхъ вельможъ въ ихъ помѣстьяхъ, а въ Кутаисѣ принималъ владѣтелей Абхазіи, Мингреліи и Сванетіи. Переваливъ чрезъ Сурамъ, онъ осмотрѣлъ Ахалцыхъ, укрѣпленія котораго показывалъ ему участвовавшій во взятіи этой крѣпости князь Бебутовъ; доѣхалъ по крайняго пограничнаго пункта въ Александраполѣ, остановился въ Эчміадзинѣ, гдѣ встрѣченъ былъ съ подобающими почестями патріархомъ, католикосомъ всѣхъ армянъ, и въ Эривани принималъ Азисъ-Хана, чрезвычайнаго посла, привѣтствовавшаго его отъ имени шаха персидскаго. Затѣмъ, цесаревичъ направился, чрезъ Елисаветполь и Шемаху, въ Баку и, слѣдуя вдоль берега Каспійскаго моря, проѣхалъ чрезъ Дербентъ и тогда незамиренный еще Дагестанъ, на лѣвый флангъ кавказской линіи. Тамъ довелось ему быть свидѣтелемъ и участникомъ боевой схватки съ чеченцами, въ которой онъ воспріялъ крещеніе огня и которая оставила въ его памяти глубокіе слѣды.

26-го октября наслѣдникъ отправился изъ Воздвиженской крѣпости въ Ачхай, въ сопровожденіи намѣстника, князя Воронцова, и подъ прикрытіемъ отряда, состоявшаго изъ пѣхоты, нѣсколькихъ сотенъ казаковъ съ артиллеріею, а также туземной милиціи и толпы мирныхъ чеченцовъ. По обыкновенію, его высочество ѣхалъ верхомъ съ авангардомъ. Между рѣками Рошня и Валерикомъ онъ замѣтилъ показавшуюся за лѣвою цѣпью, подъ Черными горами, партію непріятеля и тотчасъ поскакалъ къ ней, увлекая за собою свою свиту, генераловъ отряда и нѣсколькихъ казаковъ и туземцевъ. Чеченцы, выстрѣливъ по немъ, бросились бѣжать, но были преслѣдуемы казаками и мирными чеченцами, а между тѣмъ конвой наслѣдника изъ линейныхъ казаковъ и азатовъ заѣхалъ имъ въ тылъ. Въ происшедшей схваткѣ начальникъ партіи, оруженосецъ наиба Самбдулы, былъ убитъ; трупъ его остался въ рукахъ казаковъ, и оружіе тутъ же поднесено наслѣднику.

Донося объ этомъ происшествіи государю, князь Воронцовъ свидѣтельствуетъ, что онъ не могъ безъ страха видѣть, съ какою быстротою и смѣлостью цесаревичъ бросился за ними, на большое разстояніе отъ

[1] Correspondance du Prince Emile de Wittgenstein. I, стр. 147.

дороги, чрезъ перелѣсье, тѣмъ болѣе, что не всѣ изъ свиты могли поспѣть за его кровнымъ конемъ. Не ожидая встрѣчи съ непріятелемъ, старикъ Воронцовъ, страдавшій отъ сильнаго кашля, ѣхалъ въ коляскѣ. Увидавъ движеніе, онъ вскочилъ на коня и, какъ самъ выражается въ донесеніи, съ трудомъ могъ доѣхать до его высочества и то только тогда, когда онъ остановился въ трехъ верстахъ отъ дороги и когда дѣло было уже кончено. «Безпокойство мое»,—продолжаетъ намѣстникъ,—«обратилось въ истинную радость, когда я увидѣлъ, что обожаемому нашему наслѣднику удалось присутствовать хотя въ небольшомъ, но настоящемъ военномъ дѣлѣ, совершенно въ нашу пользу окончившемся; что наслѣдникъ лично видѣлъ ловкость и самоотверженіе не только казаковъ, но даже и мирныхъ чеченцовъ, которые съ нимъ поскакали; но что̀ еще важнѣе и для насъ драгоцѣннѣе, это то, что не только всѣ войска, составлявшія отрядъ, почти всѣ генералы кавказской арміи, но и огромное количество милиціи разныхъ племенъ, между коими многіе не болѣе какъ три недѣли тому назадъ перешли изъ немирныхъ въ мирные, были лично свидѣтелями истинно военнаго духа и благороднаго, можно даже сказать излишняго, порыва въ знаменитой груди наслѣдника россійскаго престола» [1].

Донесеніе свое князь Воронцовъ заключалъ просьбой осчастливить его и весь кавказскій корпусъ «украшеніемъ достойной груди его императорскаго высочества знакомъ ордена храбрыхъ».—«Эта милость будетъ справедлива»,—писалъ онъ. «Умоляю ваше императорское величество не отказать мнѣ въ этомъ представленіи: крестъ св. Георгія 4-й степени будетъ не только справедливою наградою государю наслѣднику, но будетъ сочтенъ драгоцѣнною наградою для всего кавказскаго корпуса и будетъ съ восторгомъ принятъ всѣмъ здѣшнимъ войскомъ».

Императоръ Николай уважилъ ходатайство престарѣлаго вождя и пожаловалъ цесаревичу Георгіевскій крестъ 4-й степени, который тотчасъ же отправленъ къ нему навстрѣчу съ его адъютантомъ, полковникомъ Паткулемъ [2]. Три дня спустя новопожалованный кавалеръ былъ уже въ Царскомъ Селѣ, въ объятіяхъ родителей, и 26-го ноября участвовалъ въ орденскомъ праздникѣ св. Георгія. Тогда же государь назначилъ его шефомъ Эриванскаго карабинернаго полка, а король Виртембергскій украсилъ его орденомъ за военныя достоинства 3-й степени [3].

Вскорѣ по возвращеніи съ Кавказа, Александру Николаевичу пришлось принять рѣшающее участіе въ важномъ государственномъ дѣлѣ: занятіи устьевъ Амура. Дѣйствуя по указаніямъ генералъ-губернатора

[1] Всеподданнѣйшее донесеніе князя Воронцова, 27-го октября 1850 г.

[2] Высочайшій указъ капитулу орденовъ, 10-го ноября 1850 г.

[3] Формулярный списокъ.

Восточной Сибири, Н. Н. Муравьева, командированный имъ лѣтомъ 1850 года въ заливъ Счастья капитанъ Невельской не ограничился заложеніемъ на одномъ изъ острововъ этого залива Петровскаго зимовья, но, въ 25-ти верстахъ отъ устья Амура, 6-го августа, поднялъ русскій военный флагъ и, принявъ окрестныхъ гиляковъ въ защиту и покровительство Россіи, основалъ Николаевскій постъ, нынѣшній Николаевскъ, въ которомъ оставилъ шесть человѣкъ изъ своихъ гребцовъ. Муравьевъ самъ прибылъ въ Петербургъ, чтобы исходатайствовать высочайшее утвержденіе этой мѣры, но въ комитетѣ, составленномъ изъ государственнаго канцлера графа Нессельроде, министровъ: военнаго—князя Чернышева, финансовъ—Вронченко, внутреннихъ дѣлъ—графа Перовскаго, генералъ-адъютантовъ князя Меншикова и графа Берга и товарища министра иностранныхъ дѣлъ Сенявина, и въ который приглашенъ былъ и генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, постановлено, по настоянію канцлера, не занимать устьевъ Амура, дабы не вызвать столкновенія съ китайскимъ правительствомъ. Муравьевъ подалъ отдѣльное мнѣніе, противоположное рѣшенію комитета, въ которомъ доказывалъ несомнѣнную выгоду для государства отъ завладѣнія этимъ краемъ и необходимость предупредить захватъ его англичанами. Ознакомясь съ доводами Муравьева, императоръ Николай приказалъ вновь собраться тому же комитету, но подъ предсѣдательствомъ цесаревича. Александръ Николаевичъ призвалъ къ себѣ генералъ-губернатора для объясненій и, принявъ отъ него записку, подробно излагавшую его взглядъ, не только самъ раздѣлилъ его мнѣніе, но въ засѣданіи 15-го января 1851 года увлекъ своимъ примѣромъ и убѣжденіемъ князя Меншикова и графовъ Перовскаго и Берга. Такимъ образомъ Нессельроде, Чернышевъ, Вронченко и Сенявинъ остались въ меньшинствѣ, а по докладѣ государю о разногласіи членовъ комитета его величество повелѣлъ: основанный капитаномъ Невельскимъ военный постъ въ устьѣ Амура сохранить, усиливъ его содѣйствіемъ одного морского судна въ лѣтнее время. Такъ, благодаря личному вмѣшательству въ дѣло цесаревича, положено начало распространенію владычества Россіи на обширный Приамурскій край, окончательно утвержденный за нею семь лѣтъ спустя въ собственное его царствованіе[1].

Послѣ продолжительной отлучки, вступивъ снова въ командованіе гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами и въ исправленіе должности главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, наслѣдникъ всю свою заботливость посвятилъ этимъ двумъ частямъ и доведенію ихъ до возможнаго совершенства. Лѣтомъ 1851 года, по обыкновенію, его время было распредѣлено между кадетскимъ лагеремъ въ Петергофѣ и гвар-

[1] Шумахеръ. Русскій Архивъ 1878 г., стр. 262 и 263.

дейскимъ —въ Красномъ Селѣ. Успѣхъ увѣнчалъ его усилія, какъ можно заключить изъ двухъ высочайшихъ рескриптовъ, полученныхъ имъ по окончаніи лагернаго сбора. Въ первомъ, императоръ Николай, прилежно слѣдившій за лѣтними занятіями гвардіи и гренадеръ въ лагерномъ ихъ расположеніи, на ученьяхъ, манёврахъ, бивакахъ, признавалъ, что войска эти доведены до примѣрнаго во всѣхъ отношеніяхъ благоустройства. «Вообще родительскому моему сердцу», — такъ заключался рескриптъ,—«отрадно видѣть, до какой степени вы постигли званіе военачальника, и я за ваши неусыпныя заботы о войскѣ, столь искренно мною любимомъ, благодарю васъ отъ всей полноты души» [1]. Въ другомъ рескриптѣ государь благодарилъ цесаревича за превосходное состояніе военно-учебныхъ заведеній, въ которомъ онъ удостовѣрился лично во время лагерной ихъ стоянки въ Петергофѣ. «Что же касается до учебнаго образованія»,—свидѣтельствовалъ императоръ,—«то я остаюсь несомнѣнно увѣренъ, что постоянное и непосредственное наблюденіе вашего высочества за этою частью принесетъ особенную пользу и послужитъ какъ надежнѣйшимъ ручательствомъ усердія преподавателей, такъ и лучшимъ поощреніемъ къ успѣхамъ воспитанниковъ» [2].

Какъ чувствителенъ былъ цесаревичъ къ похваламъ августѣйшаго родителя, видно изъ трогательнаго приказа, коимъ онъ доводилъ высочайшее одобреніе до свѣдѣнія не только сотрудниковъ своихъ по вѣдомству военно-учебныхъ заведеній, но и ввѣренныхъ его попеченію воспитанниковъ. Сообщивъ содержаніе царскаго рескрипта, онъ писалъ: «Съ благоговѣніемъ сына и вѣрноподданнаго пріемлю я эту высочайшую, святую для меня милость, счастливящую меня не въ мѣру заслугъ моихъ. Передаю ее съ моею душевною благодарностію гг. членамъ совѣта. Спѣшу ею подѣлиться и съ остальными благородными моими помощниками, со всѣми почтенными директорами и со всѣми добросовѣстными воспитателями военно-учебныхъ заведеній. Особенно благодарю генералъ-майора Сутгова, командовавшаго лагернымъ отрядомъ. Благодарю и всѣхъ моихъ добрыхъ дѣтей. Благодарю васъ, мои дѣти, какъ отецъ, утѣшенный вами: благодарю васъ, какъ начальникъ, осчастливленный за васъ милостивымъ одобреніемъ своего государя. Молю Бога, чтобы вы всегда любили меня, такъ же, какъ я люблю васъ и какъ государь любитъ васъ и меня. Въ этомъ чувствѣ—условіе вашей пользы, моего утѣшенія и милости къ вамъ нашего государя, нашего отца—и моего, и вашего» [3].

Тотчасъ по распущеніи лагерей состоялось торжество открытія желѣзной дороги, соединившей обѣ столицы имперіи. 19-го августа, въ три

---

1 Высочайшій рескриптъ наслѣднику, 10-го августа 1851 г.

2 Высочайшій рескриптъ наслѣднику, 10-го августа 1851 г.

3 Приказъ наслѣдника по военно-учебнымъ заведеніямъ, 14-го августа 1851 г.

съ половиною часа утра, государь и государыня въ сопровожденіи цесаревича, цесаревны и двухъ старшихъ ихъ сыновей, великихъ князей Николая и Александра Александровичей, выѣхали изъ Петербурга и въ тотъ же день въ одиннадцать часовъ вечера благополучно прибыли въ Москву [1]. Царская семья около недѣли оставалась въ первопрестольной столицѣ, чѣмъ и воспользовался Александръ Николаевичъ для осмотра сосѣднихъ кадетскихъ корпусовъ въ Тулѣ, Орлѣ и Тамбовѣ [2].

Съ наступленіемъ весны 1852 года наслѣдникъ возобновилъ свои поѣздки для обозрѣнія ввѣренныхъ ему войскъ и учрежденій. Въ Новгородскихъ округахъ пахатныхъ солдатъ осмотрѣлъ онъ 2-ю легкую гвардейскую кавалерійскую дивизію и Аракчеевскій кадетскій корпусъ, въ Княжомъ Дворѣ гренадерскій корпусъ, въ Твери—7-ю легкую кавалерійскую дивизію [3]. По окончаніи лагернаго сбора въ Петергофѣ и Красномъ Селѣ, цесаревичъ снова получилъ два благодарственные рескрипта. Въ первомъ государь хвалилъ примѣрный порядокъ, съ коимъ гвардія и гренадеры отправляютъ внутреннюю службу, и неутомимое усердіе, одушевляющее всѣхъ чиновъ «сего избраннаго войска» [4]; во второмъ онъ выражалъ признательность сыну за размноженіе разсадниковъ образованія русскаго дворянства въ духѣ христіанской нравственности и доблести воинской. «Юноши, предназначенные на благородное поприще защитниковъ отечества»,—писалъ императоръ,—«находя подъ кровомъ сихъ заведеній родительскую о нихъ заботливость, пріобрѣтаютъ съ основательными въ наукахъ познаніями навыкъ къ строгому исполненію предстоящихъ имъ на службѣ обязанностей и поступаютъ въ ряды войскъ со всѣми условіями, коихъ я требую отъ моихъ офицеровъ. Образованіемъ сихъ молодыхъ людей, семейства ихъ и общее наше семейство—армія непосредственно обязаны вашимъ неусыпнымъ трудамъ и просвѣщенной попечительности» [5].

Послѣ всѣхъ этихъ трудовъ цесаревичу нуженъ былъ отдыхъ и 15-го августа онъ отправился съ цесаревною въ путешествіе по чужимъ краямъ. Отплывъ на пароходѣ въ Штеттинъ, онъ, чрезъ Берлинъ и Веймаръ, отвезъ супругу въ Дармштадтъ и, оставивъ ее тамъ въ кругу родительской семьи, самъ поѣхалъ присутствовать на манёврахъ сначала прусскаго гвардейскаго корпуса въ окрестностяхъ Берлина, а потомъ—австрійскихъ войскъ въ мѣстечкѣ Палота, близъ Пешта. По возвращеніи въ Дармштадтъ, онъ вмѣстѣ съ цесаревною навѣстилъ въ Штутгартѣ великую княгиню Ольгу Николаевну и опять провелъ двѣ недѣли

[1] «Русскій Инвалидъ», 1851 г.

[2] Формулярный списокъ.

[3] Тотъ же списокъ.

[4] Высочайшій рескриптъ наслѣднику 14-го августа 1852 г.

[5] Высочайшій рескриптъ наслѣднику 15-го августа 1852 г.

въ Дармштадтѣ, откуда чрезъ Штутгартъ, Боденское озеро, Шплюгенъ, Верону, Венецію и Тріестъ ихъ высочества прибыли въ Вѣну. Въ австрійской столицѣ провели они два дня и 7-го ноября, чрезъ Варшаву, возвратились въ Петербургъ. Въ Георгіевскій праздникъ—26-го ноября—государь поздравилъ наслѣдника съ новымъ отличіемъ: званіемъ главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами [1].

Съ первыхъ дней 1853 года на политическомъ горизонтѣ Россіи стали появляться черныя точки, скоро превратившіяся въ зловѣщія грозовыя тучи. Возникшее между русскимъ дворомъ и Портою несогласіе по вопросу о св. мѣстахъ въ Палестинѣ разрослось въ столкновеніе Россіи съ великими державами Запада, сплотившимися воедино для стѣсненія правъ, предоставленныхъ ей на Востокѣ договорами ея съ Турціей. Передовыми застрѣльщиками выступили наши давніе противники—Англія и Франція, а союзницы наши—Австрія и Пруссія выказывали имъ болѣе или менѣе явное потворство. Занятіе русскими войсками Дунайскихъ княжествъ вызвало общій протестъ собранныхъ на конференціи въ Вѣнѣ великихъ державъ, что̀ и побудило Турцію объявить намъ войну, въ расчетѣ на поддержку не однѣхъ Франціи и Англіи, но и Австріи, и Пруссіи. Императоръ Николай пожелалъ лично удостовѣриться въ расположеніи своихъ союзниковъ, императора Франца-Іосифа и короля Фридриха-Вильгельма, и самъ отправился на манёвры въ Ольмюцъ, послѣ чего австрійскій императоръ и король прусскій посѣтили его въ Варшавѣ. Сопровождавшій государя въ этой поѣздкѣ (съ 10-го по 18-е сентября) [2] цесаревичъ могъ непосредственно убѣдиться, что въ предстоящей войнѣ съ двумя морскими державами Россіи не только нельзя разсчитывать на помощь державъ, участницъ Священнаго Союза, но слѣдуетъ даже опасаться перехода ихъ въ лагерь нашихъ противниковъ. Дѣйствительно, три мѣсяца спустя кабинеты вѣнскій и берлинскій отвергли предложеніе наше о принятіи обязательства соблюдать строгій нейтралитетъ въ готовившейся борьбѣ Россіи съ морскими державами.

Начало 1854 года ознаменовалось разрывомъ съ Англіей и Франціей. Всѣ боевыя силы имперіи поставлены были на военную ногу. Гвардія выступила въ походъ и была замѣнена въ Петербургѣ своими резервными и запасными частями, сформированными подъ непосредственнымъ наблюденіемъ цесаревича, которому, въ виду ожидаемаго появленія въ Балтійскомъ морѣ англо-французскаго флота, поручена была, по званію главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, защита по-

[1] Формулярный списокъ.

[2] Тотъ же списокъ.

бережья отъ Выборга до Нарвы. Вновь сформированныя войска были представлены на смотръ императору и, по собственному его выраженію, явились въ столь блестящемъ во всѣхъ отношеніяхъ видѣ, что не только удовлетворили его ожиданіямъ, но даже превзошли ихъ. «Составъ и устройство сихъ войскъ»,—писалъ онъ въ рескриптѣ наслѣднику,—«вполнѣ соотвѣтствуютъ цѣли ихъ назначенія и служатъ яснымъ доказательствомъ неусыпной вашей о нихъ заботливости. Оставаясь въ полной увѣренности, что гвардейскій резервный корпусъ при настоящемъ его образованіи во всемъ будетъ равенъ дѣйствующимъ войскамъ гвардіи, и что, если обстоятельства потребуютъ новыхъ для войскъ усилій, то формированіе ихъ будетъ произведено съ тою же дѣятельностью и съ такимъ же успѣхомъ, какъ нынѣ, я съ особеннымъ удовольствіемъ повторяю вашему императорскому высочеству искреннѣйшую, живѣйшую мою признательность за постоянные примѣрные ваши труды на пользу службы»[1]. Въ не менѣе прочувствованныхъ выраженіяхъ благодарилъ императоръ сына за храбрость и мужество, проявленныя на войнѣ его питомцами, воспитанниками военно-учебныхъ заведеній. «Моя армія ими гордится»,—объявлялъ императоръ.—«Я увѣренъ, что и поступившіе нынѣ въ ряды оной офицеры послѣдуютъ доблестному примѣру своихъ товарищей, въ честь нашего оружія и во славу Россіи. Да вознаградитъ ихъ служба вашу отеческую о нихъ заботливость»[2].

Перешедшія Дунай русскія войска вынуждены были, по настоятельному требованію вѣнскаго двора, не только перейти обратно эту рѣку, но и вовсе очистить Дунайскія княжества. Двусмысленное поведеніе Австріи заставило насъ сосредоточить бо́льшую часть нашихъ силъ противъ нея, вдоль западной границы. Между тѣмъ англо-французскій флотъ вступилъ въ Балтійское море и сильная армія высадилась въ Крыму подъ Евпаторіей. Союзныя эскадры, простоявъ все лѣто въ виду Кронштадта, удалились изъ Балтики съ наступленіемъ осени, не нанеся намъ ни малѣйшаго вреда; но высадившіяся въ Крыму англо-французскія войска, послѣ неудачнаго для насъ дѣла на рѣкѣ Альмѣ, подступили къ Севастополю и начали осаду этой крѣпости. Попытка князя Меншикова вытѣснить ихъ съ позиціи подъ Инкерманомъ не увѣнчалась успѣхомъ. Послѣдствіемъ второго сраженія, проиграннаго въ Крыму, была рѣшимость союзниковъ продолжать зимою осаду Севастополя, защита котораго стоила геройскому гарнизону ежедневно неисчислимыхъ потерь. Въ Малой Азіи войска наши, побѣдоносно отразивъ вторженіе турокъ въ наши предѣлы, были, однако, слишкомъ слабы и малочисленны, чтобы перейти въ наступленіе.

---

[1] Высочайшій рескриптъ наслѣднику, 25-го сентября 1854 г.

[2] Высочайшій рескриптъ наслѣднику, 1-го августа 1854 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Какъ ни тяжко было положеніе наше на всѣхъ театрахъ войны, дипломатическія осложненія грозили обратить его въ безвыходное. Заручившись союзомъ съ Пруссіей на случай разрыва съ Россіей, Австрія, не взирая на принятіе русскимъ дворомъ четырехъ ею же предложенныхъ основаній мирнаго соглашенія, заключила съ Англіей и Франціей союзный договоръ, коимъ обязалась приступить къ коалиціи противъ насъ, если миръ не будетъ заключенъ до 1-го января нов. ст. 1855 года. О привлеченіи къ общему дѣйствію противъ Россіи велись союзниками переговоры съ дворами сардинскимъ и шведскимъ, и недалекою казалась минута, когда вся Западная Европа соединится и ополчится противъ насъ.

Въ продолженіе всего 1854 года, цесаревичъ раздѣлялъ заботы и труды царственнаго родителя по оборонѣ имперіи, умноженію и усовершенствованію боевыхъ ея силъ. Военныя неудачи были тяжелымъ испытаніемъ, подорвавшимъ богатырскую натуру императора Николая. Не менѣе тревожило государя, возбуждая въ немъ глубокое негодованіе, поведеніе союзныхъ съ нимъ дворовъ, вѣнскаго и берлинскаго, изъ которыхъ первый явно перешелъ на сторону нашихъ враговъ, а второй колебался и видимо готовъ былъ послѣдовать австрійскому примѣру. «Буди воля Божія»,—писалъ императоръ Николай въ концѣ ноября главнокомандующему южною арміею, князю Горчакову,—«буду нести крестъ мой до истощенія силъ»[1].

Но силъ не хватило. Простудившись въ началѣ февраля, государь 11-го числа того же мѣсяца слегъ въ постель. Болѣзнь быстро развивалась, силы императора падали; онъ не могъ уже болѣе заниматься дѣлами и бремя ихъ вынужденъ былъ возложить на наслѣдника.

16-го февраля цесаревичъ написалъ два собственноручныя письма. Въ первомъ, къ главнокомандующему Крымскою арміей, извѣстивъ о болѣзни государя именемъ его величества, онъ выразилъ князю Меншикову огорченіе по поводу послѣднихъ неудачъ въ Крыму: отбитія нашего штурма на Евпаторію и безостановочнаго приближенія осадныхъ работъ союзниковъ къ укрѣпленіямъ Севастополя. Передавъ мнѣніе государя, что, въ виду неоднократно высказаннаго Меншиковымъ убѣжденія въ невозможности всякаго наступательнаго движенія, единственнымъ исходомъ для насъ представляется дождаться непріятельскаго приступа на Севастополь и по отраженіи его двинуться впередъ какъ изъ самой крѣпости, такъ и со стороны Чоргуна на Кадыкіой, угрожая

[1] Императоръ Николай князю Д. М. Горчакову, 25-го ноября 1854 г. Переписка императоровъ Николая I и Александра II съ князьями Паскевичемъ и М. Д. Горчаковымъ во время Восточной войны 1853—56 гг., хранящаяся въ Военно-ученомъ архивѣ, напечатана въ извлеченіяхъ въ «Русской Старинѣ» 1881 г. т. XXXII и 1883 г. тт. XXXVII и XXXIX.

одновременно центру, правому флангу и даже тылу союзниковъ, наслѣдникъ продолжалъ: Засимъ государь поручаетъ мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ своему старому усердному и вѣрному сотруднику, и сказать вамъ, любезный князь, что, отдавая всегда полную справедливость вашему рвенію и готовности исполнить всякое порученіе, довѣріемъ его величества на васъ возлагаемое,—государь, съ прискорбіемъ извѣстившись о вашемъ болѣзненномъ теперь состояніи, о которомъ вы нѣсколькимъ лицамъ поручали неоднократно словесно довести до высочайшаго его свѣдѣнія, и желая доставить вамъ средства поправить и укрѣпить разстроенное службою ваше здоровье, высочайше увольняетъ васъ отъ командованія Крымскою арміей и ввѣряетъ ее начальству генералъ-адъютанта князя Горчакова, которому предписано немедленно отправиться въ Севастополь». Вѣсть объ увольненіи смягчалась для несчастливаго полководца пожалованіемъ его сына генералъ-адъютантомъ и заключительными словами письма: «Государь поручаетъ мнѣ, любезный князь, искренно обнять своего стараго друга Меншикова и отъ души благодарить за его всегда усердную службу и за попеченіе о братьяхъ моихъ»[1].

Во второмъ письмѣ, къ князю М. Д. Горчакову, цесаревичъ приглашалъ его, сдавъ начальство надъ Южною арміею генералу Лидерсу, тотчасъ же ѣхать въ Севастополь, чтобы вступить въ командованіе Крымскою арміею и усилить ее всѣми войсками, какія только сочтетъ возможнымъ туда направить. При этомъ наслѣдникъ посвятилъ новаго вождя въ намѣреніе государя, считавшаго сохраненіе Севастополя вопросомъ первѣйшей важности, въ случаѣ разрыва съ Австріей и наступленія непріятеля, жертвовать временно Бессарабіей и частью даже Новороссійскаго края до Днѣпра, для спасенія Севастополя и Крымскаго полуострова. «Кончивъ съ Божіею помощью благополучно дѣло въ Крыму»,—заключалъ Александръ Николаевичъ,—«всегда можно будетъ соединенными силами обѣихъ армій обратиться на австрійцевъ и заставить ихъ дорого заплатить за временные успѣхи»[2].

Прошелъ еще день. На сохраненіе жизни государя не оставалось болѣе ни малѣйшей надежды и пользовавшіе его врачи рѣшились сказать о томъ наслѣднику. Императрица Александра Θеодоровна взяла на себя внушить обожаемому супругу необходимость исполнить послѣдній долгъ христіанина. Узнавъ отъ лейбъ-медика Мандта, что ему грозитъ параличъ сердца, государь самъ пожелалъ пріобщиться св. Таинъ и проститься со всѣми членами царственной семьи. Умилительно-трогательны были послѣднія слова его, обращенныя къ старшему сыну: «Мнѣ

[1] Наслѣдникъ князю Меншикову, 16-го февраля 1855 г.

[2] Наслѣдникъ князю М. Д. Горчакову, 16-го февраля 1855 г.

хотѣлось», говорилъ онъ, нѣжно обнимая его,— принявъ на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи, я васъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ. Служи Россіи!» [1].

18-го февраля, въ 20 минутъ послѣ полудня, императоръ Николай почилъ смертью праведника и Александръ II вступилъ на прародительскій престолъ.

[1] Графъ Блудовъ. Послѣдніе часы жизни императора Николая I, стр. 22.

КНИГА ВТОРАЯ

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ

1855—1861

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ и Цесаревна Марія Александровна на прогулкѣ въ саняхъ.

(Съ литографіи Тимма.)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Воцареніе и Первая Восточная война.

1855.

Манифестъ о воцареніи. — Пріемъ Государственнаго Совѣта. — Приказъ по россійскимъ арміямъ. — Назначенія. — Рескрипты московскимъ генералъ-губернатору и митрополиту. — Манифестъ о регентствѣ. — Военное и политическое положеніе Россіи. — Рѣчи государя дипломатическому корпусу и с.-петербургскимъ дворянамъ. — Прощаніе съ воспитанниками военно-учебныхъ заведеній. — Впечатлѣнія въ Россіи и за границею. — Вѣнская конференція. — Образованіе Средней арміи. — Осада Севастополя. — Сраженіе при Черной. — Оставленіе Южной стороны. — Поѣздка государя и императрицъ въ Москву. — Военныя совѣщанія. — Государь въ Одессѣ и Николаевѣ. — Вызовъ Тотлебена въ Николаевъ. — Посѣщеніе Крымской арміи. — Взятіе Карса. — Прекращеніе военныхъ дѣйствій на всѣхъ театрахъ войны. — Общественное настроеніе въ Россіи.

Высочайшій манифестъ возвѣстилъ о кончинѣ императора Николая и о воцареніи его преемника. Въ этомъ первомъ актѣ своего царствованія молодой государь принималъ предъ лицомъ Бога священный обѣтъ — имѣть всегда единою цѣлью благоденствіе отечества и заключалъ его слѣдующими знаменательными словами: «Да, руководимые, покровительствуемые призвавшимъ насъ къ своему великому служенію Провидѣніемъ, утвердимъ Россію на высшей ступени могущества и славы, да исполняются чрезъ насъ постоянныя желанія и виды августѣйшихъ нашихъ предшественниковъ: Петра, Екатерины, Александра Благословеннаго и незабвеннаго нашего родителя» [1].

Въ самый день смерти императора Николая Александръ II повелѣлъ Государственному Совѣту собраться на другой день, въ исходѣ перваго часа пополудни, на собственной половинѣ его императорскаго величества. 19-го февраля представленію государю предшествовало засѣданіе Совѣта въ обычномъ его помѣщеніи, при чемъ Совѣтъ, выслушавъ высочайшій

[1] Высочайшій манифестъ, 19-го февраля 1855 г.

манифестъ. мнѣніемъ положилъ: принести присягу на вѣрность подданства государю императору и наслѣднику его цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу. Вслѣдъ затѣмъ Совѣтъ, въ полномъ составѣ всѣхъ присутствовавшихъ въ томъ засѣданіи членовъ, съ предсѣдателемъ княземъ Чернышевымъ во главѣ, перешелъ во внутренніе покои Зимняго дворца, гдѣ императоръ Александръ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью:

«Въ годину тяжкихъ испытаній посѣтило насъ новое несчастіе: мы лишились отца и благодѣтеля Россіи. Покойный государь, мой незабвенный родитель, любилъ Россію и всю жизнь постоянно думалъ объ одной только ея пользѣ. Каждое его дѣйствіе, каждое его слово имѣло цѣлью одно и то же—пользу Россіи. Въ постоянныхъ и ежедневныхъ трудахъ его со мною онъ говорилъ мнѣ: «Хочу взять себѣ все непріятное и все тяжкое, только бы передать тебѣ Россію устроенною, счастливою и спокойною». Провидѣніе судило иначе, и покойный государь въ послѣдніе часы своей жизни сказалъ мнѣ: «Сдаю тебѣ мою команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя тебѣ много трудовъ и заботъ». Я отвѣчалъ ему: «Ты»—мы всегда говорили другъ другу ты—«ты вѣрно будешь тамъ молиться за твою Россію и за дарованіе мнѣ помощи». «О, вѣрно буду»,—отвѣчалъ онъ.—Я увѣренъ въ этомъ, потому что душа его была душа чистая. Въ этой надеждѣ на молитвы моего незабвеннаго родителя и въ упованіи на помощь Божію, на которую я всегда надѣялся и надѣюсь, я вступаю на родительскій престолъ».

Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, государь, послѣ минутнаго молчанія, продолжалъ: «Помните, господа, что Государственный Совѣтъ есть высшее въ государствѣ сословіе и потому долженъ подавать собою примѣръ всего благоразумнаго, полезнаго и честнаго. Покойный государь въ послѣднія минуты жизни, передавая мнѣ волю свою о разныхъ предметахъ государственнаго управленія, поручилъ мнѣ благодарить членовъ Государственаго Совѣта за усердную ихъ службу не только въ продолженіе его царствованія, но нѣкоторыхъ еще—и въ предыдущее. Исполняя эту волю моего незабвеннаго родителя, я надѣюсь, что Совѣтъ будетъ и при мнѣ продолжать дѣйствовать такъ же, какъ дѣйствовалъ при покойномъ государѣ, то есть благородно, чисто и честно. Иныхъ дѣйствій отъ этого высшаго учрежденія я и не ожидаю. Независимо отъ особой благодарности всему Совѣту, покойный государь, въ свои послѣднія минуты, вспоминая о своихъ сотрудникахъ, поручилъ мнѣ поименно благодарить министровъ, работавшихъ съ нимъ въ его царствованіе».

Императоръ въ отдѣльности благодарилъ предсѣдателя Совѣта, всѣхъ министровъ и начальниковъ главныхъ управленій и, взявъ за руку великаго князя Константина Николаевича, сказалъ ему: «Тебя, милый братъ, государь особенно поручилъ благодарить за прекрасное начало твоей службы. Надѣюсь на такое же продолженіе ея и впредь».

Его величество удалился въ свой кабинетъ, а члены Совѣта пошли въ Бѣлую залу для участія въ высочайшемъ выходѣ въ придворный соборъ, гдѣ, въ присутствіи государя и императрицъ, всѣхъ членовъ императорской фамиліи, высшихъ государственныхъ сановниковъ, военныхъ и придворныхъ чиновъ, министръ юстиціи прочиталъ манифестъ о воцареніи, а духовникъ ихъ величествъ, протопресвитеръ Бажановъ, провозгласилъ въ общее услышаніе присягу на вѣрность подданства государю императору и наслѣднику его цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу. По произнесеніи присяги всѣми находившимися въ церкви особами, присутствующіе приложились къ св. Евангелію и Кресту и подписали присяжные листы [1].

Въ тотъ же день государь, въ приказѣ по россійскимъ войскамъ, передалъ обращенныя къ нимъ послѣднія слова почившаго ихъ вождя и благодѣтеля: «Благодарю славную вѣрную гвардію, спасшую Россію въ 1825 году, равно храбрые и вѣрные армію и флотъ; молю Бога, чтобы сохранилъ въ нихъ навсегда тѣ же доблести, тотъ же духъ, коими при мнѣ отличались. Покуда духъ сей сохранится, спокойствіе государства и внѣ, и внутри обезпечено, и горе врагамъ его! Я ихъ любилъ, какъ дѣтей своихъ, старался какъ могъ улучшить ихъ состояніе, ежели не во всемъ успѣлъ, то не отъ недостатка желанія, но отъ того, что или лучшаго не умѣлъ придумать, или не могъ болѣе сдѣлать». Другимъ приказомъ по военному вѣдомству новый государь принялъ на себя званіе шефа во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ, коихъ шефомъ состоялъ покойный императоръ, и въ нихъ же зачислилъ наслѣдника [2].

Слѣдующимъ распоряженіемъ Александра II было назначеніе на занимаемую имъ самимъ до того должность главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами генералъ-адъютанта графа Ридигера. Главное руководство воспитаніемъ военнаго юношества оставилъ онъ за собою, подчинивъ себѣ непосредственно переименованнаго въ начальники штаба его императорскаго величества по военно-учебнымъ заведеніямъ генералъ-адъютанта Ростовцова. Увольненіе отъ всѣхъ должностей князя Меншикова, съ оставленіемъ въ званіи члена Государственнаго Совѣта, вызвало назначеніе князя М. Д. Горчакова главнокомандующимъ Крымскою арміею, генерала Лидерса—командующимъ Южной арміей, генерала Берга—финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и генералъ-адмирала великаго князя Константина Николаевича — главнымъ начальникомъ флота и морского вѣдомства. Всѣ прочіе министры и высшія должностныя лица имперіи оставлены на своихъ мѣстахъ [3].

[1] Описаніе высочайшаго пріема Государственнаго Совѣта 19-го февр. 1855 г., стр. 1—19.

[2] Высочайшій приказъ по россійскимъ войскамъ, 19-го февраля 1855 г.

[3] Высочайшіе приказы по военному и морскому вѣдомствамъ 19-го, 20-го и 25-го февраля 1855 г.

Манифестъ о воцареніи отправленъ былъ въ Москву съ генералъ-адъютантомъ Ланскимъ, при рескриптѣ генералъ-губернатору графу Закревскому, въ которомъ молодой государь выражалъ увѣренность, «что первопрестольный градъ, колыбель моя, соединитъ свои слезы и молитвы съ моими». Въ другомъ рескриптѣ, на имя митрополита московскаго Филарета, Александръ Николаевичъ называлъ Москву «родною», припоминая, что «по волѣ Провидѣнія» онъ «родился подъ сѣнью древней отечественной православной святыни» [1].

Принята была важная государственная предохранительная мѣра: на случай кончины императора, до достиженія совершеннолѣтія наслѣдникомъ, правителемъ государства назначался великій князь Константинъ Николаевичъ [2].

Въ минуту воцаренія императора Александра II, Россія переживала тяжелое время. Начатая въ 1853 году вступленіемъ русскихъ войскъ въ Дунайскія княжества война съ Турціею и ея союзницами, Великобританіей и Франціей, перенесена была въ собственные наши предѣлы. По очищеніи нами Молдавіи и Валахіи, австрійскія войска заняли двѣ эти области, а англо-французы высадились въ Крыму и, послѣ неудачнаго для насъ дѣла на рѣкѣ Альмѣ, поддерживаемые сильною эскадрою, осадили Севастополь. Всѣ попытки вытѣснить ихъ съ сильно укрѣпленныхъ позицій остались безуспѣшны. Они продолжали осаду, не взирая на наступленіе зимы; мы же вынуждены были, для загражденія Севастопольскаго порта, сами потопить всѣ суда, составлявшія нашъ Черноморскій флотъ. Защита Севастополя стоила ежедневно геройскому гарнизону неисчислимыхъ потерь. Подкрѣпленія доходили медленно и въ недостаточномъ числѣ, вслѣдствіе необходимости содержать вдоль западной границы имперіи многочисленную армію на случай войны съ Австріею. Съ призывомъ ополченія напряжены были до крайнихъ предѣловъ боевыя силы государства; не менѣе истощены были и его финансовыя средства, а между тѣмъ, къ веснѣ слѣдовало ожидать вторженія турокъ въ Закавказье и появленія англо-французской эскадры въ Финскомъ заливѣ. Русскіе берега на Бѣломъ морѣ и Восточномъ океанѣ оставались совершенно открытыми для непріятельскихъ нападеній.

Какъ ни трудно было военное положеніе Россіи, еще болѣе тяжкимъ представлялось положеніе политическое. Австрія заключила съ Англіей и Франціей союзный договоръ, которымъ обязалась объявить войну Россіи, если та не приметъ мира на заявленныхъ дворами лондонскимъ и парижскимъ и поддержанныхъ вѣнскимъ дворомъ условіяхъ. Пруссія, долго колебавшаяся, начинала также склоняться на сторону нашихъ

[1] Н. Барсуковъ. «Жизнь и труды Погодина», т. XIV, стр. 5 и 16.

[2] Высочайшій манифестъ, 21-го мая 1855 г.

противниковъ и независимо отъ союзнаго договора, заключеннаго съ Австріей, вошла съ Англіею и Франціею въ непосредственные переговоры относительно приступленія къ коалиціи. Ее опередила Сардинія, снарядившая уже пятнадцатитысячный корпусъ для присоединенія къ арміи союзниковъ, дѣйствовавшей въ Крыму. Примѣру этому готовы были послѣдовать Швеція и даже Испанія. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, если не считать папы, одинъ только король неаполитанскій обнаруживалъ къ намъ искренне дружеское расположеніе. Война грозила стать всеобщею. Россіи приходилось вступить въ борьбу со сплотившеюся воедино противъ нея всею Европою.

Въ виду этой грозной опасности, императоръ Александръ II не смутился и не палъ духомъ, но бодро и твердо приступилъ къ выполненію намѣченной имъ двойной задачи: все стараніе приложить къ заключенію мира почетнаго, совмѣстнаго съ достоинствомъ его державы или, если это окажется недостижимымъ, собрать и направить всѣ вещественныя и нравственныя силы Россіи на отраженіе ея враговъ. Такую рѣшимость онъ ясно выразилъ въ двухъ рѣчахъ, съ которыми, въ одинъ и тотъ же день—20-го февраля—обратился къ явившимся привѣтствовать его воцареніе дипломатическимъ представителямъ иностранныхъ государствъ и къ депутаціи с.-петербургскаго дворянства, представившей адресъ съ изъявленіемъ готовности «не щадить ни себя, ни достоянія въ защиту святой вѣры, царя и отечества».

Государь, разъяснивъ чужеземнымъ дипломатамъ, что отвѣтственность за кровопролитную войну отнюдь не должна падать на императора Николая, сдѣлавшаго все отъ него зависѣвшее для ея предотвращенія, торжественно объявилъ имъ, что останется вѣренъ чувствамъ, одушевляющимъ его родителя, и будетъ строго придерживаться началъ, руководившихъ политикою Александра I и Николая I. «Начала эти»,—сказалъ императоръ,—«суть начала Священнаго союза. Если этотъ союзъ болѣе не существуетъ, то вина за то лежитъ, конечно, не на моемъ отцѣ. Его намѣренія всегда были прямодушны и честны, и если въ послѣднее время они не вездѣ оцѣнены по достоинству, то я не сомнѣваюсь, что Богъ и исторія воздадутъ имъ должную справедливость». При этихъ словахъ государь строго взглянулъ на смущеннаго австрійскаго посланника, графа Эстергази, и затѣмъ продолжалъ: «Я готовъ протянуть руку примиренія на условіяхъ, принятыхъ моимъ отцомъ; но если совѣщанія, которыя откроются въ Вѣнѣ, не приведутъ къ почетному для насъ результату, тогда я, господа, во главѣ вѣрной моей Россіи и весь народъ смѣло вступимъ въ бой»[1].

Пламеннымъ патріотическимъ чувствомъ и не менѣе твердою рѣши-

[1] Рѣчь государя къ дипломатическому корпусу, 20-го февраля 1855 г.

мостью проникнута рѣчь Александра Николаевича къ петербургскимъ дворянамъ: «Я желалъ васъ видѣть, господа, чтобы передать вамъ слова покойнаго нашего благодѣтеля, незабвеннаго родителя моего. Онъ былъ уже такъ слабъ, что не могъ даже читать самъ выраженія вашихъ чувствъ. Эта обязанность была возложена на меня. Ваше усердіе, господа, усладило его послѣднія минуты. Выслушавъ все, онъ сказалъ: «Благодари ихъ, благодари искренно; скажи имъ, что я никогда не сомнѣвался въ ихъ преданности, а теперь еще болѣе въ ней убѣдился». Благодарю васъ, господа! Я увѣренъ, что эти слова глубоко залягутъ въ вашемъ воспоминаніи. Вы—во главѣ другихъ: передайте ихъ всѣмъ. Времена трудныя. Я всегда говорилъ покойному государю, что твердо уповаю, что Богъ, милостью Своею сохранитъ Россію. Я надѣялся дожить вмѣстѣ до дней радостныхъ, но Богу угодно было рѣшить иначе. Я въ васъ, господа, увѣренъ, я надѣюсь на васъ. Я увѣренъ, что дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ слова благороднымъ сословіемъ и въ началѣ всего добраго. Не унывать! Я съ вами; вы—со мною!» Потомъ, сотворивъ знаменіе креста, государь прибавилъ: «Господь да поможетъ намъ! Не посрамимъ земли русской!» И, обнявъ губернскаго предводителя, заключилъ: «Въ лицѣ вашемъ еще разъ благодарю все дворянство. Прощайте, господа! Богъ съ вами!» [1].

Въ тотъ же день императоръ Александръ пожелалъ лично проститься съ учащеюся военною молодежью, столько лѣтъ находившеюся подъ непосредственнымъ его начальствомъ и попеченіемъ. Войдя въ дворцовую залу, гдѣ собраны были члены Совѣта, чины штаба, директоры, воспитатели и наставники всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, обучающіеся въ Военной Академіи офицеры и фельдфебеля всѣхъ ротъ заведеній, онъ сказалъ, обращаясь къ нимъ:

«Господа, я хотѣлъ всѣхъ васъ видѣть у себя, чтобы проститься съ вами, какъ вашъ бывшій главный начальникъ... Шесть лѣтъ я былъ съ вами и въ эти годы имѣлъ отъ васъ много душевнаго утѣшенія... Вы всѣ у меня здѣсь, въ моемъ сердцѣ. Я самъ прочту вамъ приказъ мой».

Чтеніе прощальнаго приказа по военно-учебнымъ заведеніямъ императоръ началъ голосомъ свѣтлымъ и громкимъ. При чтеніи словъ, гдѣ государь припоминаетъ, что, въ теченіе шести лѣтъ личное наблюденіе за этими заведеніями составляло пріятнѣйшую для сердца его заботу, въ голосѣ его стали слышаться слезы, которыя превратились въ рыданія, когда его величество произнесъ слова приказа, обращенныя къ дѣтямъ; но голосъ его, прерываемый по временамъ полнотою чувствъ, по временамъ на мгновеніе дрожавшій, звучно разносился по обширной залѣ, по свидѣтельству очевидца. Всѣ бывшіе тутъ плакали, не было глаза

[1] Рѣчь государя къ с.-петербургскому дворянству, 20-го февраля 1855 г.

сухого. Дойдя до словъ приказа, касавшихся генералъ-адъютанта Ростовцова, императоръ протянулъ ему руку, которую тотъ съ увлеченіемъ поцѣловалъ. Государь пріостановился чтеніемъ, подошелъ къ Ростовцову, обнялъ и крѣпко поцѣловалъ его.

По прочтеніи приказа, императоръ, со слезами на глазахъ, перецѣловалъ всѣхъ членовъ Совѣта, директоровъ корпусовъ; поцѣловавъ директора Полтавскаго корпуса, сказалъ: «Передайте это вашимъ», а начальнику Военной Академіи: «Надѣюсь, что Военная Академія будетъ и впредь давать такихъ же отличныхъ офицеровъ, какихъ она уже дала войскамъ».

Обратясь потомъ къ выпускнымъ фельдфебелямъ всѣхъ корпусовъ, государь продолжалъ: «Подите вы сюда, ко мнѣ, ко мнѣ!» Снова слезы слышались въ его голосѣ. «Любите, дѣти, и радуйте вашего государя»,—говорилъ онъ,—«какъ вы прежде любили и радовали своего начальника; помните нашего общаго отца и благодѣтеля; передаю вамъ и его, и мое благословеніе»,—и съ этими словами положилъ обѣ свои руки на головы двухъ, ближе другихъ къ нему стоявшихъ, кадетъ; всѣ они бросились въ слезахъ цѣловать руки государя; государь цѣловалъ ихъ въ голову и, не сдерживая рыданій, сказалъ: «Я бы желалъ перецѣловать всѣхъ; передайте это вашимъ товарищамъ».

Ступивъ потомъ нѣсколько шаговъ впередъ по залѣ и обратясь къ 1-му кадетскому корпусу: «Жалую 1-му корпусу»,—сказалъ онъ,—«мундиръ незабвеннаго его благодѣтеля, государя Николая Павловича, въ воспоминаніе отеческой любви его къ корпусу; ротѣ его величества на погонахъ и эполетахъ носить вензелевое изображеніе его имени».

Затѣмъ прочитанъ былъ его величествомъ приказъ Инженерному Училищу о наименованіи его Николаевскимъ, и при словахъ приказа, гдѣ говорится про оборону Севастополя, государь промолвилъ: «Да, дѣйствительно славная».

Обращаясь снова ко всѣмъ, государь говорилъ: «Во все время управленія моего военно-учебными заведеніями я ничего не испыталъ кромѣ удовольствія; успѣхи воспитанія и образованія юношей радовали покойнаго государя, благодѣтеля нашего, и обращали на меня его благоволеніе; они и меня радовать будутъ... Примѣры любви къ вѣрѣ, государю и отечеству, примѣры неустрашимости и самоотверженія многихъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній свидѣтельствуютъ о правилахъ, имъ внушенныхъ. Еще разъ благодарю всѣхъ, всѣхъ», заключилъ государь, и возвращаясь съ генералъ-адъютантомъ Ростовцовымъ во внутреннія комнаты, сказалъ стоявшимъ тутъ чинамъ штаба: «Штабу моему спасибо!» [1].

[1] Приказъ генералъ-адъютанта Ростовцова по военно-учебнымъ заведеніямъ 20 февраля 1855 г.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вѣсть о неожиданной кончинѣ императора Николая I и о вступленiи на престолъ Александра Николаевича глубоко потрясла всѣ слои русскаго общества. Въ особенности сильно было впечатлѣнiе, произведенное ею въ Москвѣ на представителей опальнаго кружка славянофиловъ, глава котораго, Хомяковъ, такъ выразилъ свои чувства въ письмѣ къ графинѣ А. Д. Блудовой, писанномъ 19-го февраля, въ полночь: «Судьбы Божiи неисповѣдимы и неотразимы. Есть человѣкъ, котораго сердце теперь исполнено глубочайшей скорби и невольнаго страха передъ великимъ служенiемъ, на которое онъ призванъ. Дай Богъ, чтобы нашлись люди, которые бы сумѣли ему сказать слово отрады; дай Богъ, чтобы его успокоили. Пусть только вѣритъ онъ Россiи: она никогда не выдавала, никогда не выдастъ своего государя. Будутъ мундирныя, будутъ форменныя молитвы; но, не дожидаясь ихъ, нынче ночью уже десятки, сотни, тысячъ станутъ на колѣни въ своихъ домахъ и помолятся невидимо и неслышно, но усердно и тепло за него, за его счастiе и крѣпость въ подвигѣ жизни. Не думаю, чтобы такiя молитвы были безплодны» [1]. Тотъ же Хомяковъ писалъ, нѣсколько дней спустя: «Дай Богъ доброй воли и яснѣйшаго пониманiя молодому государю! Особенно дай Богъ ему довѣрiя къ Россiи и невѣрiя къ тѣмъ, кто оподозриваетъ всякое умственное движенiе. Мы дошли до великихъ бѣдъ и срама, по милости одного умственнаго сна; но перемѣны не могутъ быть слишкомъ быстрыми. Здѣсь всѣ радуются проявленiю стремленiя къ народному и русскому» [2]. Такiя же точно мысли и надежды выразилъ И. С. Аксаковъ въ письмѣ къ близкому другу, князю Д. А. Оболенскому: «Возникаетъ новая эра государственнаго бытiя, начинается новая эра и для нравственнаго общественнаго существованiя каждаго русскаго. И, конечно, каждый отъ всей глубины души благословитъ новаго царя на подвижническiй путь, ему предлежащiй, и пожелаетъ, чтобы царствованiе его было обильно плодами тепла и свѣта, добра и разума, и богато всякою честностью. Не знаю, что̀ будетъ дальше, но первый манифестъ всѣмъ по сердцу. Желательно было бы, чтобы новый царь чаще обращался къ народу съ своимъ царственнымъ словомъ и чтобы тѣсною, безбоязненною искренностью скрѣплялись естественныя узы, связывающiя подданныхъ съ государемъ» [3].

Не меньшее впечатлѣнiе, чѣмъ въ Россiи, произвело и въ Европѣ на друзей и недруговъ извѣстiе о перемѣнѣ на русскомъ престолѣ. Въ особенности поражены были ею бывшiе союзники усопшаго монарха—императоръ австрiйскiй и король прусскiй. Первый посѣтилъ русскаго посланника, князя А. М. Горчакова, и выразилъ ему глубокую скорбь о кончинѣ

[1] «Русскiй Архивъ», 1889 г., стр. 381.
[2] Тамъ же, 1878 г., стр. 381.
[3] И. С. Аксаковъ, т. III, стр. 105—106.

испытаннаго друга въ ту самую минуту, когда увѣрялъ онъ, онъ собирался доказать на дѣлѣ, насколько сердце его сохранило вѣрности къ августѣйшему усопшему, и просилъ императора Александра принять его дружбу, какъ наслѣдіе, обѣщая и самъ сохранить ее навѣки, какъ память о благодарности къ его родителю [1]. Тѣ же чувства выразилъ и король Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ отвѣтъ на дружеское письмо, которымъ царственный племянникъ передалъ ему слова умирающаго отца: «Скажи Фрицу, чтобы онъ продолжалъ дружить Россіи, помня завѣтъ батюшки» (король Фридрихъ-Вильгельмъ III) [2]. Эрцгерцогъ австрійскій Вильгельмъ и принцъ прусскій Карлъ прибыли въ Петербургъ въ качествѣ представителей своихъ государей на похороны императора Николая, тѣло котораго предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ 5-го марта.

Но проявленія сочувствія о великой утратѣ, понесенной Россіей, со стороны покинувшихъ ее союзниковъ мало внушали довѣрія Александру Николаевичу.

«Дай Богъ, чтобы это были не одни слова»,—писалъ онъ князю Д. М. Горчакову. Благопріятную перемѣну въ отношеніяхъ къ намъ Пруссіи государь приписывалъ устраненію ея, по требованію союзниковъ, съ мирныхъ совѣщаній, имѣвшихъ открыться въ Вѣнѣ, и притомъ находилъ, что не видитъ въ томъ бѣды, «ибо чѣмъ болѣе ее оскорбляютъ, тѣмъ болѣе она льнетъ къ намъ, и потому съ этой стороны мы можемъ считать себя обезпеченными». Эрцгерцогу Вильгельму онъ высказалъ «всю истину» и просилъ передать ее императору Францу-Іосифу. «Несмотря на всѣ его дружескія увѣренія»,—прибавлялъ онъ въ томъ же письмѣ,— «я никакой вѣры къ нему не имѣю и потому ожидаю и готовлюсь на худшее» [3].

Событія оправдали опасенія молодого государя. Созванная въ первыхъ числахъ марта въ Вѣнѣ, подъ предсѣдательствомъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Буоля, конференція изъ уполномоченныхъ всѣхъ державъ-участницъ войны приступила къ обсужденію и опредѣленію четырехъ основаній мира, составленныхъ дворами тюильрійскимъ и сентъ-джемскимъ и, по настоянію Австріи, принятыхъ и императоромъ Николаемъ, незадолго до кончины. Условія эти были: 1) замѣна совокупнымъ ручательствомъ великихъ державъ русскаго протектората надъ Молдавіею, Валахіею и Сербіею; 2) свобода плаванія по Дунаю; 3) пересмотръ лондонскаго договора 1841 года о закрытіи Проливовъ съ цѣлью обезпечить независимость Оттоманской Имперіи и, въ видахъ европейскаго равновѣсія, положить конецъ преобладанію Россіи на Черномъ

[1] Князь А. М. Горчаковъ графу Нессельроде, 19-го февраля 1855 г.

[2] Императоръ Александръ королю Фридриху-Вильгельму IV, 20-го февраля 1855 г.

[3] Государь князю М. Д. Горчакову, 23-го февраля и 8-го марта 1855 г.

морѣ; 4) отказъ Россіи отъ права покровительства христіанамъ, подданнымъ султана, съ тѣмъ, что великія державы исходатайствуютъ отъ Порты подтвержденіе ихъ преимуществъ безъ различія вѣроисповѣданій.

Въ циркулярѣ къ дипломатическимъ представителямъ Россіи, государственный канцлеръ развилъ мысли, высказанныя государемъ иностраннымъ дипломатамъ при пріемѣ ихъ на другой же день по вступленіи на престолъ. «Съ почтительностью сына»,—писалъ графъ Нессельроде,—«императоръ воспринимаетъ изъ наслѣдія своего родителя два обязательства, равно ему священныя. Первое требуетъ отъ его величества развитія всѣхъ силъ, предоставленныхъ ему волею Всевышняго для защиты цѣлости и чести Россіи. Второе возлагаетъ на него долгъ съ настойчивостью посвятить свою заботливость совершенію дѣла мира, основанія котораго уже утверждены императоромъ Николаемъ». Русскимъ уполномоченнымъ на вѣнскихъ совѣщаніяхъ, князю А. М. Горчакову и В. П. Титову, предписывалось строго придерживаться перечисленныхъ выше четырехъ пунктовъ. Основанный на нихъ миръ положитъ предѣлъ бѣдствіямъ войны, призоветъ на новое правительство благословеніе всѣхъ народовъ. «Но»,—присовокуплялъ государственный канцлеръ,—«Россія глубоко это почувствуетъ, да и вся Европа вынуждена будетъ признать, что надежда на возстановленіе мира останется безплодною, если условія предстоящаго соглашенія преступятъ справедливыя границы, безусловно указываемыя нашему августѣйшему государю сознаніемъ достоинства его короны». Въ заключеніе, русскіе дипломатическіе представители при чужеземныхъ дворахъ приглашались пользоваться каждымъ отдѣльнымъ случаемъ, дабы свидѣтельствовать «о честности, съ которою Россія соблюдаетъ обязательства, основанныя на вѣрѣ въ силу договоровъ, о постоянномъ ея желаніи жить въ добромъ согласіи со всѣми союзными и дружественными державами, наконецъ, объ уваженіи ея къ неприкосновенности правъ всѣхъ государствъ, а также о твердой рѣшимости отстоять и заставить уважать тѣ права, которыя Божественнымъ Провидѣніемъ ввѣрены императору, какъ блюстителю и защитнику народной чести» [1].

На первыхъ засѣданіяхъ конференціи уполномоченные безъ труда пришли къ соглашенію по двумъ первымъ пунктамъ. Камнемъ преткновенія былъ третій пунктъ. Англія и Франція, истолковывая его въ смыслѣ ограниченія державныхъ правъ Россіи на Черномъ морѣ, требовали отъ насъ обязательства не содержать въ немъ военныхъ судовъ. Требованіе это, по высочайшему повелѣнію, отвергнуто русскими уполномоченными. Рѣшеніе свое государь такъ объяснялъ въ письмѣ къ князю Паскевичу: «То, что вы пишете военному министру насчетъ уступокъ съ нашей стороны при вѣнскихъ переговорахъ для скорѣйшаго достиженія мира, нами

[1] Циркуляръ графа Нессельроде, 26-го февраля 1856 г.

уже сдѣлано, поколику оно совмѣстно съ достоинствомъ Россіи. На дальнѣйшія уступки я ни подъ какимъ видомъ не соглашусь, ибо вотъ уже второй годъ, что благодаря этой системѣ, вмѣсто того, чтобы удержать Австрію въ прежнемъ направленіи, она дѣлалась все невоздержаннѣе въ своихъ требованіяхъ и, наконецъ, почти совершенно передалась на сторону нашихъ враговъ»[1]. Князь Горчаковъ и Титовъ, признавая лучшими условіями тѣ, «что согласятъ достоинство Россіи съ безопасностью Европы», предложили тогда: либо открыть Черное море для флотовъ всѣхъ націй, либо безусловно закрыть его. До обсужденія четвертаго пункта не дошли, такъ какъ представители Франціи и Англіи отклонили не только оба русскія предложенія, но и третье, исходившее отъ вѣнскаго двора, совѣтовавшаго предоставить опредѣленіе количества военныхъ судовъ, которыя прибрежныя державы имѣли бы право содержать въ Черномъ морѣ, непосредственному уговору Россіи съ Турціей. Конференція разошлась, не придя къ соглашенію.

Императоръ Александръ предвидѣлъ этотъ исходъ, когда, извѣщая главнокомандующаго Крымскою арміей о ходѣ переговоровъ въ Вѣнѣ, писалъ ему: «Претензіи союзниковъ невыполнимы. Главный вопросъ будетъ въ томъ: устоитъ ли Австрія и объявитъ ли она себя нейтральною или рѣшительно присоединится къ нашимъ врагамъ? Я готовлюсь къ худшему»... И нѣсколько времени спустя: «Я остаюсь при прежнемъ своемъ убѣжденіи, что всѣ эти переговоры одна форма и что кончится все-таки общей войной съ Австріею и частью Германіи; говорю частью, ибо покуда еще надѣюсь, что Пруссія устоитъ»[2].

Вопреки, однако, всѣмъ вѣроятіямъ, и даже условіямъ союзнаго договора съ Франціей и Англіей, вѣнскій дворъ не рѣшился на разрывъ съ Россіей, главнымъ образомъ, вслѣдствіе крайняго разстройства своихъ финансовъ. Императоръ Францъ-Іосифъ успокоилъ нашего посланника увѣреніемъ, что третій пунктъ основаній мира будетъ обсуждаться заново, при чемъ отъ прежнихъ преній по этому вопросу не должно остаться и слѣда. Вѣскимъ подтвержденіемъ словъ его служило распущеніе австрійскихъ резервовъ. Въ концѣ мая государь сообщилъ князю М. Д. Горчакову: «Послѣднія извѣстія изъ Вѣны, благодаря Бога, весьма удовлетворительны; теперь есть, кажется, надежда, что Австрія останется нейтральною, если только достанетъ ей довольно твердости, чтобы устоять противъ всѣхъ угрозъ союзныхъ державъ, которыя употребятъ, вѣроятно, всѣ возможныя средства, дабы вовлечь ее въ войну съ нами. Если надежды эти сбудутся, въ чемъ, къ сожалѣнію, послѣ столь многихъ горестныхъ опытовъ, я полнаго удостовѣренія не имѣю, то положеніе наше

[1] Государь князю Паскевичу, 8-го мая 1855 г.

[2] Государь князю М. Д. Горчакову, 20-го марта и 2-го мая 1855 г.

значительно улучшится и тогда можно будетъ еще болѣе васъ усилить для нанесенія рѣшительнаго удара врагамъ нашимъ на Югѣ» [1].

Осажденный Севастополь не переставалъ привлекать взоры и сосредоточивать на себѣ заботливость царственнаго вождя. Государь сознавалъ, что тамъ должна рѣшиться не только участь войны, но и развязаться узелъ политическихъ усложненій, ибо, по справедливому замѣчанію Паскевича, побѣда въ Крыму была бы лучшимъ средствомъ воздѣйствовать на Австрію, удержать ее отъ разрыва съ нами. Извѣстія, полученныя оттуда въ первые дни царствованія, были радостнаго свойства: переходъ нашъ въ наступленіе посредствомъ контръ-апрошей, сооруженіе, по мысли и подъ руководствомъ полковника Тотлебена, редутовъ Селенгинскаго и Волынскаго и Камчатскаго люнета и отбитіе непріятельскихъ на нихъ нападеній. Александръ Николаевичъ признавалъ возведеніе этихъ трехъ укрѣпленій «подъ носомъ у непріятеля» весьма важнымъ результатомъ и сожалѣлъ только, что это устройство ихъ не было исполнено тремя мѣсяцами раньше, какъ указывалъ Меншикову покойный императоръ. «Въ то время».—замѣчалъ государь,—«и уронъ былъ бы не столь значительный, какъ теперь. Дай Богъ только, чтобъ намъ удалось въ нихъ удержаться!» [2].

Государь одобрялъ выраженное ему княземъ М. Д. Горчаковымъ намѣреніе, по прибытии въ Севастополь, дѣйствовать «съ терпѣніемъ и осторожностію» до прихода подкрѣпленій, направленныхъ въ Крымъ изъ Южной арміи въ количествѣ 40 баталіоновъ [3]. Озабочивало его, однако, и то, что вслѣдствіе такого передвиженія, огромное пространство нашей западной границы, отъ Днѣстра до самаго Царства Польскаго, оставалось открытымъ для вторженія австрійцевъ, которые могли почти безпрепятственно овладѣть всѣмъ этимъ обильнымъ краемъ, оставя лишь наблюдательный корпусъ противъ сосредоточенной въ Царствѣ Западной арміи, такъ какъ выгодное, выдающееся положеніе ея было парализовано союзнымъ договоромъ Австріи съ Пруссіей. «Готовясь къ худшему», государь, для прикрытія пространства между Полѣсьемъ и Днѣпромъ, приказалъ образовать на Волыни новую, Среднюю армію и, оставляя князя Паскевича главнокомандующимъ Западною арміею, подчинилъ ему и Среднюю армію, подобно тому, какъ Южная армія осталась подчиненною главнокомандующему Крымской арміей, князю М. Д. Горчакову. Подъ главнымъ ихъ начальствомъ, командованіе Южной арміей было ввѣрено генералу Лидерсу, Средней—генералу Папютину. Если бы произошелъ разрывъ съ Австріей, то Западная армія должна была маневрировать

[1] Государь князю М. Д. Горчакову, 30-го мая 1855 г.

[2] Государь князю М. Д. Горчакову, 20-го марта 1855 г.

[3] То же письмо.

между крѣпостями и, въ крайнемъ случаѣ, отступить на Брестъ; Средняя же армія имѣла, при наступленіи австрійцевъ въ Царство Польское, или изъ Молдавіи въ Новороссійскій край, сама перейти въ наступленіе и дѣйствовать во флангъ и тылъ непріятеля: если же главныя силы его обратились бы на Волынь, то ея задачею было бы отбросить ихъ, а въ худшемъ случаѣ—задерживать наступленіе, опираясь на Кіевъ. Сообщая эти мысли въ письмѣ къ князю Паскевичу, государь требовалъ, чтобы всѣ предварительныя распоряженія были сдѣланы немедленно, безъ всякой огласки, дабы по первому приказанію всѣ войска могли выступить на вновь назначенныя имъ мѣста, и самъ намѣревался прибыть въ Варшаву, если политическія обстоятельства того потребуютъ, чтобы быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій и обо всемъ лично переговорить и условиться съ фельдмаршаломъ [1].

Между тѣмъ въ Севастополѣ дѣла наши стали принимать неблагопріятный оборотъ. Начатое въ концѣ марта и продолжавшееся десять дней второе бомбардированіе стоило намъ болѣе 6,000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Засвидѣтельствованное главнокомандующимъ беззавѣтное мужество и самоотверженіе севастопольскаго гарнизона вызвало слѣдующія благодарственныя строки государя въ письмѣ къ князю М. Д. Горчакову: «Да подкрѣпитъ Богъ геройскихъ защитниковъ Севастополя! Уповаю на Его милость, что Онъ благословитъ наши усилія отстоять его и, можетъ быть, нанести рѣшительный ударъ незванымъ гостямъ. Скажите нашимъ молодцамъ, что я и вся Россія ими гордимся и что нашъ незабвенный благодѣтель за нихъ молится и вѣрно свыше также радуется ихъ геройству. Что̀ во мнѣ происходитъ при чтеніи подробностей этого неслыханнаго бомбардированія, вы легко поймете. Крайне сожалѣю о потерѣ людей и столь многихъ отличныхъ офицеровъ. Да воздастъ имъ Всемогущій въ той жизни за молодецкую ихъ смерть» [2].

Къ концу апрѣля положеніе наше въ Севастополѣ еще болѣе ухудшилось. Прибывшія изъ Южной арміи подкрѣпленія не возстановили равновѣсія силъ, потому что тогда же подоспѣли къ союзникамъ подкрѣпленія несравненно сильнѣйшія: двадцатипятитысячный резервный французскій корпусъ генерала Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели и пятнадцатитысячный сардинскій корпусъ генерала Ламармора. Къ тому же, главное начальство надъ французскою арміею перешло отъ нерѣшительнаго Канробера въ руки энергичнаго и настойчиваго Пелисье. Борьба миною и сапою закипѣла съ новою силою вокругъ Севастополя, а англо-французскій флотъ, овладѣвъ Керчью, вошелъ въ Азовское море и бомбардировалъ Бердянскъ, Маріуполь и Таганрогъ. На восточномъ берегу

[1] Государь князю Паскевичу, 25-го марта 1855 г.

[2] Государь князю М. Д. Горчакову, 10-го апрѣля 1855 г.

Чернаго моря союзники заняли оставленную русскими Анапу. Въ ночь съ 11-го на 12-е мая французы овладѣли нашими контръ-апрошами на правомъ флангѣ Севастопольской позиціи, а 26-го мая, послѣ продолжавшагося цѣлый день бомбардированія, повели атаку на передовыя укрѣпленія лѣваго фланга и, несмотря на геройское сопротивленіе, отняли у насъ стоившіе намъ столько крови Волынскій и Селенгинскій редуты и Камчатскій люнетъ.

Въ донесеніи государю главнокомандующій Крымскою арміею называлъ положеніе свое отчаяннымъ. «Теперь я думаю»,—писалъ онъ,—«объ одномъ только: какъ оставить Севастополь, не понеся непомѣрнаго, можетъ быть, болѣе 20 тысячъ урона. О корабляхъ и артиллеріи и помышлять нечего. Ужасно подумать!» [1]. Еще большимъ уныніемъ проникнуты донесенія князя Горчакова военному министру. Въ нихъ, какъ и въ письмахъ къ императору, постоянно звучитъ одинъ припѣвъ: положеніе безвыходно, но отнюдь не по винѣ главнокомандующаго [2].

Государь и не думалъ укорять или порицать несчастливаго вождя. Напротивъ, онъ все стараніе приложилъ къ тому, чтобы ободрить его, утѣшить, возбудить въ немъ упавшій духъ и надежду на успѣхъ. «Насчетъ отвѣтственности вашей передъ Россіею»,—писалъ онъ ему,—«если суждено Севастополю пасть—совѣсть ваша можетъ быть спокойна; вы наслѣдовали дѣло не въ блестящемъ положеніи, сдѣлали съ вашей стороны для поправленія ошибокъ все, что̀ было въ человѣческой возможности; войска подъ вашимъ начальствомъ покрыли себя новою славою, безпримѣрною въ военной исторіи, чего же больше?» [3]. Александръ Николаевичъ не допускалъ мысли объ оставленіи Севастополя, не дождавшись штурма, и, въ крайнемъ случаѣ, разрѣшилъ Горчакову передвинуть Южную армію Лидерса къ Перекопу или даже въ самый Крымъ, въ томъ убѣжденіи, «что лучше рисковать временно жертвовать Бессарабіей, чѣмъ потерять Крымскій полуостровъ,—обратное овладѣніе которымъ будетъ слишкомъ затруднительно или даже невозможно». Получивъ извѣстіе о потерѣ укрѣпленій лѣваго фланга, государь не скрылъ отъ главнокомандующаго произведеннаго на него грустнаго впечатлѣнія, но выразилъ надежду, что намъ удастся удержаться въ Севастополѣ до прибытія новыхъ подкрѣпленій. «Если, по волѣ Всевышняго»,—присовокуплялъ онъ,—«Севастополю суждено пасть, то я вполнѣ на васъ надѣюсь, что со вновь прибывающими къ вамъ тремя дивизіями вамъ удастся отстоять Крымскій полуостровъ. Защитники Севастополя, послѣ девятимѣсячной небывалой осады, покрыли себя неувядаемою славою, неслыханною въ воен-

[1] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 27-го мая 1855 г.

[2] Онъ же военному министру, князю В. П. Долгорукову, 27-го и 31-го мая 1855 г.

[3] Государь князю Горчакову, 8-го мая 1855 г.

ной исторіи, вы съ вашей стороны сдѣлали все, что человѣчески было возможно—въ этомъ отдастъ вамъ справедливость вся Россія и вся Европа; слѣдовательно,—повторяю вамъ, что уже вамъ писалъ,—совѣсть ваша можетъ быть спокойна. Уповайте на Бога и не забывайте, что съ потерею Севастополя не все еще потеряно. Можетъ быть, суждено вамъ въ открытомъ полѣ нанести врагамъ нашимъ рѣшительный ударъ... Поручаю вамъ поблагодарить нашихъ молодцовъ за бой 26-го числа; скажите имъ, что я въ нихъ увѣренъ, отъ генерала до солдата, что они не посрамятъ чести русской» [1].

Предчувствіе государя оправдалось. 6-го іюня севастопольскій гарнизонъ отбилъ повсемѣстно штурмъ, поведенный союзниками, послѣ двухдневнаго усиленнаго бомбардированія, на Корабельную сторону: французами на 1-й, 2-й бастіоны и Малаховъ курганъ, англичанами—на 3-й бастіонъ. Блистательный этотъ подвигъ, ввергшій осаждающихъ въ уныніе, возбудилъ снова въ храбрыхъ защитникахъ Севастополя надежду на конечный успѣхъ. Воспрянулъ духомъ и главнокомандующій, доносившій государю, что съ приходомъ 4-й пѣхотной дивизіи перевѣсъ въ силахъ будетъ на нашей сторонѣ; что тогда можно будетъ помышлять о переходѣ въ наступленіе и что, по всей вѣроятности, непріятель не рѣшится провести подъ Севастополемъ второй зимы и отплыветъ въ концѣ осени [2].

Вѣсть о побѣдѣ тѣмъ болѣе обрадовала императора, что незадолго до того онъ, уступая настояніямъ князя Горчакова, послалъ ему разрѣшеніе, въ крайнемъ случаѣ, сдать Севастополь союзникамъ, дабы обезпечить отступленіе гарнизона. «Благодареніе Всевышнему», —писалъ онъ главнокомандующему,—«благословившему усилія нашихъ молодцовъ» [3]; и въ другомъ письмѣ: «Вы уже знаете о радостномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня извѣстіемъ о геройскомъ отбитіи штурма 6-го числа. Воздавъ отъ глубины сердца благодареніе Всевышнему, повторяю теперь вамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ мою искреннюю и душевную благодарность. Безпримѣрные защитники Севастополя покрыли себя въ этотъ день еще новою, неувядаемою славою. Скажите имъ, что я и вся Россія ими гордимся!.. Объ оставленіи Севастополя, надѣюсь, съ Божіей помощью, что рѣчи не будетъ больше. Если же вамъ готовится экспедиція со стороны Евпаторіи, то со вновь прибывшими къ вамъ войсками будете съ кѣмъ ихъ встрѣтить» [4].

Прибытіе къ Севастополю трехъ дивизій изъ Южной арміи, упадокъ духа непріятеля и временное бездѣйствіе его, наконецъ, проявленіе по-

[1] Государь князю М. Д. Горчакову, 1-го іюля 1855 г.

[2] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 15-го іюня 1855 г.

[3] Государь князю М. Д. Горчакову, 4-го мая 1855 г.

[4] Государь князю М. Д. Горчакову, 15-го іюня 1855 г.

литическаго горизонта, выразившееся въ распущеніи австрійскихъ резервовъ, все это представлялось несомнѣнно благопріятными условіями для нанесенія союзникамъ рѣшительнаго удара въ Крыму. «Болѣе чѣмъ когда либо»,—писалъ государь главнокомандующему,—«я убѣжденъ въ необходимости предпринять съ нашей стороны наступленіе, ибо иначе всѣ подкрѣпленія, вновь къ намъ прибывающія, по примѣру прежнихъ, будутъ поглощены Севастополемъ, какъ бездонною бочкою»[1]. Но Горчаковъ опять колебался, выражая опасенія, что подкрѣпленіе прибудетъ къ союзникамъ раньше, чѣмъ къ нему, что, такимъ образомъ, всѣ невыгоды при атакѣ будутъ на нашей сторонѣ, и заключалъ, что «весьма бы желательно продолжать темпоризацію до осени», тутъ же прибавляя: «но наврядъ ли это будетъ возможно». Между тѣмъ, непріятель снова возобновилъ свой убійственный огонь по многострадальному городу. Жертвами его были: тяжело раненый Тотлебенъ и убитый Нахимовъ. Средній нашъ уронъ, даже внѣ усиленнаго бомбардированія, былъ по 250 человѣкъ въ день, выбывающихъ изъ строя. «Ежедневныя потери неодолимаго севастопольскаго гарнизона»,—писалъ по этому поводу императоръ главнокомандующему,—«все болѣе ослабляющія численность войскъ нашихъ, которыя едва замѣняются вновь прибывающими подкрѣпленіями, приводятъ меня еще болѣе къ убѣжденію, выраженному въ послѣднемъ моемъ письмѣ, въ необходимости предпринять что либо рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ, могущей имѣть, наконецъ, пагубное вліяніе на духъ гарнизона». Дабы облегчить отвѣтственность Горчакова, государь предлагалъ ему созвать военный совѣтъ: «Пусть жизненный вопросъ этотъ будетъ въ немъ со всѣхъ сторонъ обсужденъ и тогда, призвавъ на помощь Бога, приступите къ исполненію того, что признается наивыгоднѣйшимъ»[2].

Большинство военнаго совѣта высказалось за наступленіе со стороны рѣки Черной, и главнокомандующій рѣшился атаковать союзниковъ въ ихъ укрѣпленіяхъ, безъ всякой, однако, надежды на успѣхъ, какъ видно изъ письма его къ военному министру, писаннаго наканунѣ сраженія: «Я иду противъ непріятеля потому, что если бы я этого не сдѣлалъ, Севастополь, все равно, палъ бы въ скоромъ времени. Непріятель дѣйствуетъ медленно и осторожно, онъ собралъ невѣроятное множество снарядовъ на своихъ батареяхъ; его подступы насъ стѣсняютъ все болѣе и болѣе, и нѣтъ почти ни одного пункта въ Севастополѣ, который не подвергался бы его выстрѣламъ. Пули свищутъ на Николаевской площади. Нельзя заблуждаться пустыми надеждами; я иду навстрѣчу непріятелю при самыхъ плохихъ обстоятельствахъ. Его позиція весьма

[1] Государь князю М. Д. Горчакову, 13-го іюля 1855 г.

[2] Государь князю М. Д. Горчакову, 20-го іюля 1855 г.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ.

сильна: правый флангъ его на Гасфортовой горѣ, которой скаты почти отвѣсны и тщательно укрѣплены; а лѣвый на Федюхиныхъ высотахъ, за глубокимъ, наполненнымъ водою каналомъ, чрезъ который можно перейти не иначе, какъ по мостамъ, набросаннымъ подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. У меня 43.000 человѣкъ пѣхоты, а у непріятеля, если онъ распорядится какъ слѣдуетъ, 60.000. Если—на что я впрочемъ мало надѣюсь—мнѣ послужитъ счастье, я постараюсь воспользоваться успѣхомъ. Въ противномъ случаѣ, придется положиться на волю Божію. Я отойду на высоту Мекензи и постараюсь очистить Севастополь съ наименьшею потерею. Не оставьте вспомнить о своемъ обѣщаніи—оправдать меня. Если дѣла примутъ дурной оборотъ, я нисколько не виноватъ въ томъ. Я сдѣлалъ все возможное, но задача была слишкомъ трудна съ самаго прибытія моего въ Крымъ» [1].

4-го августа сраженіе при рѣкѣ Черной было проиграно, русская атака отбита на всѣхъ пунктахъ. Мы понесли громадный уронъ: болѣе 8.000 человѣкъ убитыми и ранеными.

Болѣзненно отозвалось въ душѣ государя скорбное извѣстіе. Особенно опечалила его «огромная потеря нашихъ славныхъ войскъ, безъ всякаго результата». Но и въ этотъ разъ онъ заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы ободрить главнокомандующаго, которому, послѣ потерпѣнной неудачи, положеніе наше въ Севастополѣ снова представлялось совершенно безнадежнымъ. «Какъ все это ни прискорбно»,—писалъ ему императоръ,—«но я не унываю, а покоряясь безропотно волѣ Божіей, не теряю надежды, что Онъ насъ не оставитъ и что, подъ конецъ, все-таки наша возьметъ. Разсуждая хладнокровно о теперешнемъ положеніи вещей, я нахожу, что неудача 4-го числа нисколько не перемѣнила наше взаимное положеніе относительно Севастополя... Повторяю вамъ, что если суждено Севастополю пасть, то я буду считать эпоху эту только началомъ новой, настоящей кампаніи...» [2]. Тѣ же мысли выражалъ императоръ въ письмѣ къ князю Паскевичу: «Неудачная попытка на Черной доказала, что атаковать намъ союзниковъ съ теперешними силами, не ослабляя скромнаго гарнизона крѣпости, трудно, если не невозможно. Между тѣмъ геройскій гарнизонъ Севастополя съ каждымъ днемъ таетъ и верки наши приходятъ въ такое положеніе отъ близкаго огня непріятельскаго, что мы уже не успѣваемъ ихъ исправлять. Весьма желательно, чтобы Севастополь могъ удержаться до октября, ибо къ тому времени Горчаковъ получитъ значительное подкрѣпленіе дружинами ополченія, которыми предполагается дополнить растаявшіе полки 3-хъ или 4-хъ-баталіоннаго состава. Тогда будутъ, можетъ быть, шансы въ нашу пользу для наступа-

[1] Князь М. Д. Горчаковъ князю В. А. Долгорукову, 3-го августа 1855 г.

[2] Государь князю М. Д. Горчакову, 11-го августа 1855 г.

тельныхъ дѣйствій. Я не скрываю отъ себя всю трудность положенія Севастополя и потому готовлюсь къ мысли, что, можетъ быть, придется, для спасенія остатковъ его гарнизона, уничтоживши, по мѣрѣ возможности, наши укрѣпленія, очистить Южную сторону и ограничиться защитой Сѣверной. Разумѣется, къ такой отчаянной мѣрѣ прибѣгнуто будетъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Надѣюсь на милость Божію, что до этого не дойдетъ. Но и тогда я не буду считать дѣло потеряннымъ, а какъ началомъ новой кампаніи»... Замѣтивъ, что до будущей весны мы можемъ себя считать обезпеченными со стороны Австріи, что это «уже много» и что къ тому времени «Богъ знаетъ что̀ можетъ еще произойти», государь такъ оканчивалъ письмо свое къ фельдмаршалу: «Будемъ же крѣпиться, молиться и уповать на помощь свыше. Съ нами Богъ, да не постыдимся вовѣки!» [1].

Ободряющее дѣйствіе императорскихъ писемъ на слабаго и нерѣшительнаго, но лично храбраго Горчакова не заставило ждать себя. Главнокомандующій доносилъ, хотя и не безъ обычныхъ оговорокъ, что рѣшился не отходить на Сѣверную сторону, а продолжать защищать Южную съ упорствомъ, пока будетъ въ силахъ отбить штурмъ. «Конечно»,—разсуждалъ онъ,—«мы будемъ, между тѣмъ, нести большой уронъ и, можетъ быть, даже не отобьемъ штурма, но въ замѣну можетъ случиться, что намъ удастся отбить непріятеля, а, можетъ быть, и принудить снять потомъ осаду, ибо я никакъ не думаю, чтобы непріятель рѣшился провести вторую зиму въ теперешнемъ положеніи. Намѣреніе мое подвергаетъ насъ большимъ случайностямъ; но надобно выбирать изъ двухъ золъ менѣе вредное и въ особенности держаться тѣхъ дѣйствій, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ чести русскаго оружія. Продолженіе до крайности защиты Севастополя, конечно, будетъ для насъ славнѣе, чѣмъ очищеніе его безъ очевидной необходимости. Дѣйствуя такъ, армія понесетъ, можетъ быть, бо̀льшій уронъ, но она для того только и сдѣлана, чтобы умирать за вашу славу. Въ этихъ видахъ я не останавливаю слѣдованіе сюда дружинъ среднихъ губерній» [2].

Императоръ горячо благодарилъ главнокомандующаго за рѣшеніе не оставлять Южной стороны Севастополя, признавая его вполнѣ соотвѣтствующимъ и чести русскаго оружія, и пользамъ Россіи. «Да поможетъ намъ Богъ»,—писалъ онъ,—«до конца выдержать тяжкое испытаніе, свыше намъ ниспосланное. Вы поймете, что̀ въ душѣ моей происходитъ, когда я думаю о геройскомъ гарнизонѣ Севастополя, о дорогой крови, которая ежеминутно проливается на защиту родного края. Сердце мое обливается этою кровью, тѣмъ болѣе, что горькая чаша эта досталась

1 Государь князю Паскевичу, 19-го августа 1855 г.

2 Князь М. Д. Горчаковъ государю, 14-го августа 1855 г.

мнѣ не счастливится; но я не унываю, а надѣюсь на милость Божію, и счастливъ, видя чувства, которыя одушевляютъ васъ и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества. Вы вновь предугадали мою мысль, не останавливая стѣсняясь гражданскимъ опеченіемъ; распоряженіе мое о пополненіи ими растаявшихъ полковъ нашей арміи должно уже быть въ вашихъ рукахъ. Теперь буду ожидать донесенія вашего объ исполненіи сей полезной мѣры. Я также совершенно раздѣляю вашу мысль, что если Богъ благословитъ отбить новый штурмъ, то весьма можетъ быть, что сія новая неудача принудитъ союзниковъ снять осаду, ибо едва ли рѣшатся они провести вторую зиму въ Крыму. По послѣднему телеграфному донесенію вашему отъ 18-го вечера, видно, что огонь непріятеля былъ умѣренный, но что подступы его, хотя медленно, но все-таки подвигаются впередъ. Я много надѣюсь теперь на новые ретраншементы, устраиваемые позади первой линіи, а въ особенности на стойкость нашихъ славныхъ войскъ и распорядительность достойныхъ ихъ начальниковъ. Скажите имъ, что я ими горжусь и счастливъ былъ бы раздѣлять ихъ труды, если бы обязанность моя позволила мнѣ слѣдовать одному влеченію моего сердца, ибо я въ душѣ солдатъ... Да хранитъ васъ Богъ и еще разъ искреннее спасибо за ваши неутомимые труды»[1].

Но роковой часъ приближался. 25-го августа непріятель возобновилъ бомбардированіе Севастополя, продолжавшееся три дня. Получивъ о томъ извѣстіе по телеграфу, государь еще утѣшался тѣмъ, что, по свидѣтельству князя Горчакова, гарнизонъ могъ успѣшно исправлять поврежденія. «Пока мы не будемъ лишены этой возможности»,—разсуждалъ онъ, — «несмотря на огромную потерю, есть еще надежда сохранить Севастополь»[2]. Когда императоръ писалъ эти строки, Южная сторона была уже очищена нашими войсками, перешедшими на Сѣверную сторону. «Севастополь въ пламени», — доносилъ главнокомандующій,— «и непріятелю достались однѣ развалины»[3].

«Держаться долѣе въ Севастополѣ», — объяснялъ онъ въ другомъ донесеніи,—«не было никакой возможности. Съ 24-го числа разрушеніе слабыхъ верковъ нашихъ доходило до крайности. Ночныя исправленія, подъ градомъ ядеръ, бомбъ и штуцерныхъ пуль, стоили намъ, безъ пользы уже, драгоцѣнной крови: ежедневный уронъ простирался до 2.500 человѣкъ. Въ такомъ положеніи оставалось только помышлять о томъ, какъ очистить городъ, не подвергая гарнизона рѣзнѣ и лишнюю часть онаго необходимости положить оружіе... 27-го утромъ, непріятель двинулся со всѣхъ сторонъ на приступъ, съ огромными силами». Мы отразили его

[1] Государь князю М. Д. Горчакову, 21-го августа 1855 г.
[2] Государь князю М. Д. Горчакову, 28-го августа 1855 г.
[3] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 28-го августа 1855 г.

вездѣ, кромѣ Малахова, котораго отбить было невозможно. Случай былъ единственный для очищенія Севастополя, безъ потери части гарнизона. Утомленіе непріятеля, сильный уронъ, имъ понесенный, и храброе отстаиваніе нашими войсками мѣстности у самаго выхода изъ Корнилова бастіона, въ разоренныхъ домахъ, служили ручательствомъ, что союзники не рѣшатся проникнуть въ городъ до слѣдующаго утра. Я воспользовался этимъ и очистилъ Севастополь въ продолженіе ночи, безъ урона, не поставя даже ни одной роты арріергарда въ необходимость положить оружіе или умереть до послѣдняго. Непріятелю оставили, вмѣсто города, однѣ пылающія развалины [1].

Паденіе Севастополя нанесло тяжелую рану народному самолюбію. Виднѣйшіе представители всѣхъ оттѣнковъ русской мысли выражали одинакія чувства глубокаго національнаго горя, доходившаго до отчаянія: митрополитъ Филаретъ и старецъ Ермоловъ, славянофилы Бодянскій, Аксаковы, отецъ и оба сына, и западники Грановскій и Тургеневъ [2].

Въ сознаніи своей царственной отвѣтственности, императоръ Александръ едва ли не одинъ во всей Россіи перенесъ это новое, тяжкое испытаніе съ христіанскою покорностью волѣ Божіей, съ мужественною твердостію государя, исполненнаго вѣры въ Россію, въ свой народъ. 30-го августа, въ день своихъ именинъ, онъ воздалъ дань справедливости и царской признательности геройскимъ защитникамъ Черноморской твердыни въ слѣдующемъ высочайшемъ приказѣ по россійскимъ арміямъ:

«Долговременная, едва ли не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ оборона Севастополя обратила на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Она, съ самаго почти начала, поставила его защитниковъ наряду съ героями, наиболѣе прославившими наше отечество. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ гарнизонъ севастопольскій оспаривалъ у сильныхъ непріятелей каждый шагъ родной, окружавшей городъ земли, и каждое изъ дѣйствій его было ознаменовано подвигами блистательной храбрости. Четырекратно возобновляемое жестокое бомбардированіе, коего огонь былъ справедливо именованъ адскимъ, колебало стѣны нашихъ твердынь, но не могло потрясти и умалить постояннаго усердія защитниковъ ихъ. Съ неодолимымъ мужествомъ, съ самоотверженіемъ, достойнымъ воиновъ-христіанъ, они поражали враговъ или гибли, не помышляя о сдачѣ. Но есть невозможное и для героевъ. 27-го сего мѣсяца, послѣ отбитія шести отчаянныхъ приступовъ, непріятель успѣлъ овладѣть важнымъ Корниловскимъ бастіономъ, и главнокомандующій Крымскою арміею, щадя драгоцѣнную своихъ сподвижниковъ кровь, которая въ семъ положеніи была уже безъ пользы проливаема, рѣшился

[1] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 2-го сентября 1855 г.

[2] См. письма ихъ у Н. П. Барсукова, Жизнь и труды Погодина, т. XIV, стр. 85—88.

перешли на Сѣверную сторону города, оставивъ осаждающему непріятелю однѣ окровавленныя развалины. Скорбя душою о потерѣ столь многихъ доблестныхъ воиновъ, принесшихъ жизнь свою въ жертву отечеству, и съ благоговѣніемъ покорясь судьбамъ Всевышняго, коему неугодно было увѣнчать ихъ подвиги полнымъ успѣхомъ, я признаю святою для себя обязанностью изъявить и въ семъ случаѣ, отъ имени моего и всей Россіи, живѣйшую признательность храброму гарнизону севастопольскому за неутомимые труды его, за кровь, пролитую имъ въ сей, почти годъ продолжавшейся, защитѣ сооруженныхъ имъ же, въ немногіе дни, укрѣпленій. Нынѣ, войдя снова въ ряды арміи, сіи испытанные герои, служа предметомъ общаго уваженія своихъ товарищей, явятъ, безъ сомнѣнія, новые примѣры тѣхъ же воинскихъ доблестей. Вмѣстѣ съ ними и подобно имъ, всѣ наши войска, съ тою же безпредѣльною вѣрою въ Провидѣніе, съ тою же пламенною любовью ко мнѣ и родному нашему краю, вездѣ и всегда будутъ твердо встрѣчать враговъ, посягающихъ на святыни наши, на честь и цѣлость отечества, а имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ русскихъ, совокупно съ именами героевъ, прославившихся на поляхъ Полтавскихъ и Бородинскихъ» [1].

Недосказанное въ приказѣ было выражено въ письмѣ императора къ князю М. Д. Горчакову: «Какъ ни тяжела матеріальная потеря Севастополя и уничтоженіе нашего Черноморскаго флота, но я сожалѣю, и сожалѣю гораздо болѣе, о дорогой крови, которая ежедневно проливалась геройскимъ гарнизономъ Севастополя. Поэтому не могу не одобрить рѣшимость вашу очистить Южную сторону, что̀ было исполнено столь удачно, благодаря плавучему мосту... Не унывайте, а вспомните 1812-й годъ и уповайте на Бога. Севастополь не Москва, а Крымъ—не Россія. Два года послѣ пожара Московскаго побѣдоносныя войска наши были въ Парижѣ. Мы тѣ же русскіе и съ нами Богъ!» [2].

1-го сентября государь, въ сопровожденіи двухъ императрицъ — супруги и матери—и августѣйшихъ дѣтей своихъ, выѣхалъ въ Москву. Обычное царское шествіе изъ Кремлевскаго дворца чрезъ Красное Крыльцо въ Успенскій соборъ, привѣтственная рѣчь митрополита Филарета, умиленіе, слезы, восторженные клики несмѣтной толпы—все это произвело радостное и ободряющее впечатлѣніе на душу государя [3]. «Посреди сихъ тяжкихъ обстоятельствъ»,—читаемъ въ письмѣ его къ князю Паскевичу,—«сердцу моему было отрадно въ родной Москвѣ встрѣтить завѣтный, задушевный пріемъ». Среди этой обстановки память о великомъ всенарод-

[1] Высочайшій приказъ по россійскимъ арміямъ, 30-го августа 1855 г.

[2] Государь князю М. Д. Горчакову, 2-го сентября 1855 г.

[3] Рѣчь митрополита Филарета у Н. П. Барсукова, Жизнь и труды Погодина, т. XIV, стр. 93.

номъ подвигѣ Отечественной войны естественно воскресала въ его воображеніи. «Да поможетъ намъ Богъ», —восклицалъ онъ,—«какъ въ 1812 г., выдержать до конца испытаніе, свыше намъ ниспосылаемое. Я не унываю, а надѣюсь на милость Божію и на общее сочувствіе нашей Руси къ правому нашему дѣлу»[1].

«Государь»,—повѣствуетъ академикъ-профессоръ Погодинъ,—«пріѣхалъ въ пятницу въ двѣнадцатомъ часу, предъ полночью. Погода была ужасная, дождь лилъ какъ изъ ведра, но все пространство отъ желѣзной дороги до дворца было усыпано народомъ. Никто, казалось, не слыхалъ дождя и не чувствовалъ никакихъ неудобствъ. Лишь только показался онъ на крыльцѣ съ государынею нашею, другою Маріею и прочими членами своего семейства, какъ грянуло «ура!» и вслѣдъ за его коляскою полилось какимъ-то безпрерывнымъ, громкимъ потокомъ звуковъ до самаго Кремля. Экипажи стояли кучами по всѣмъ площадямъ: и старъ, и младъ хотѣли если не видѣть, то по крайней мѣрѣ слышать и чувствовать прибытіе дорогихъ гостей. Коляска остановилась у Иверской часовни, ярко освѣщенной среди окружающаго мрака. Мудрено передать ощущеніе русскаго человѣка, московскаго жителя, при видѣ издали царя и царицы, здѣсь колѣнопреклоненныхъ. О шествіи въ Успенскій соборъ по Красному Крыльцу, въ сопровожденіи многочисленной свиты, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, при восторженныхъ кликахъ народныхъ, сказано выше. Это одна изъ такихъ минутъ, какія бываютъ только въ Москвѣ. Изъ Успенскаго собора, по отслушаніи торжественнаго молебна, нашъ маститый пастырь повелъ царя, съ подъятымъ крестомъ, въ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій. Народныя волны двигались по ихъ направленію. На третій день царь принималъ во дворцѣ всѣ московскія сословія: дворянство и купечество, чиновниковъ и мѣщанъ, всѣхъ безъ исключенія гражданъ, кто только хотѣлъ его видѣть, и выражалъ всѣмъ свое благоволеніе. Потомъ послѣдовали осмотры полевыхъ полковъ, дружинъ ополченія, кадетскихъ корпусовъ, этихъ разсадниковъ, гдѣ приготовляются новые защитники отечества—рядъ минутъ усладительныхъ и незабвенныхъ! Ученому сословію и учащемуся юношеству онъ выразилъ свое особенное благоволеніе при общемъ пріемѣ и обѣщался, при первой возможности, посѣтить нашъ столѣтній университетъ, имѣющій счастье считать его своимъ членомъ». Въ другомъ мѣстѣ статьи Погодинъ приводитъ клики радости и восторга, которыми народная толпа встрѣчала и привѣтствовала царя въ Москвѣ: «Голубчикъ нашъ! Какой онъ задумчивый! Утѣшь его Господи! Помоги ему, обрадуй его! Помилуй насъ!»[2].

[1] Государь князю Паскевичу, 5-го сентября 1855 г.

[2] Статья Погодина, напечатанная съ Высочайшаго соизволенія, 10-го сентября 1855 г. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», у Н. П. Барсукова. Жизнь и труды Погодина, т. XIV, стр. 93—100.

Царская семья провела цѣлый день въ Троицкой лаврѣ и горячо молилась у мощей св. Сергія. Государь взялъ оттуда образъ преподобнаго, тотъ самый, что сопровождалъ царя Алексѣя Михаиловича во всѣхъ его походахъ, былъ съ Петромъ Великимъ подъ Полтавой, а въ 1812 году— съ московскимъ ополченіемъ, и отправилъ его къ князю М. Д. Горчакову съ тѣмъ, чтобы онъ оставался при главной квартирѣ Крымской арміи и чтобы, по полученіи его, былъ отслуженъ молебенъ предъ фронтомъ. «Да помогутъ намъ молитвы преподобнаго Сергія»,—писалъ императоръ по этому случаю,—«такъ, какъ благословеніе его даровало намъ побѣду при Димитріи Донскомъ» [1].

Въ Москвѣ происходили, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, военныя совѣщанія, къ участію въ которыхъ онъ пригласилъ военнаго министра, князя Долгорукова, генералъ-адъютанта барона Ливена и бывшаго адъютанта и личнаго своего друга князя А. И. Барятинскаго, привезшаго изъ Севастополя донесеніе главнокомандующаго объ очищеніи Южной стороны. Плодомъ этихъ совѣщаній была составленная самимъ императоромъ записка о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ, ибо, вѣрный своему слову, Александръ II считалъ паденіе Севастополя лишь началомъ новой кампаніи.

Записка распадалась на три части. Въ первой излагались мѣры для сохраненія остальной части Крыма. Удержаніе Сѣверной стороны признавалось безцѣльнымъ, «ибо флотъ Черноморскій по нуждѣ нами самими уничтоженъ». Въ предположеніи, что союзники не станутъ атаковать съ фронта неприступную нашу позицію на Мекензіевой горѣ и на Инкерманскихъ высотахъ, а попытаются сдѣлать диверсію на нашъ тылъ, высадивъ сильный десантъ у устья Качи, у Евпаторіи или у Перекопа, государь находилъ необходимымъ сосредоточить всю армію, въ числѣ по меньшей мѣрѣ 100,000 человѣкъ, въ центральной позиціи у Симферополя, откуда она могла бы угрожать правому флангу непріятеля, гдѣ бы онъ ни высадился, при чемъ значительный перевѣсъ въ силахъ былъ бы на нашей сторонѣ. При этихъ условіяхъ можно надѣяться, что всякая попытка непріятельскаго десанта, который ни въ какомъ случаѣ не превзойдетъ 40,000 человѣкъ, окончится въ нашу пользу.

Вторая часть записки посвящена распоряженіямъ объ укомплектованіи Крымской арміи и о приведеніи полковъ ея въ четырехбатальонный составъ; третья часть—способамъ защитить отъ непріятельскаго нападенія Николаевъ, который изъ всего южнаго побережья представлялъ союзникамъ удобнѣйшее мѣсто для высадки, дабы истребить тамъ послѣдніе остатки нашего Черноморскаго флота. Находя, что на сохраненіе Николаева должны быть обращены всѣ наши усилія, государь повелѣлъ

[1] Государь князю М. Д. Горчакову, 22-го сентября 1855 г.

подкрѣпить Южную армію двумя гренадерскими дивизіями, стоявшими у Перекопа, и въ случаѣ надобности еще одною или двумя, выведенными изъ Крыма [1].

Первоначальное намѣреніе императора было изъ Москвы отправиться въ Варшаву, для соображенія съ княземъ Паскевичемъ мѣръ на случай войны съ Австріей. Событія въ Крыму заставили его перемѣнить это рѣшеніе и, отложивъ поѣздку въ Варшаву, ѣхать въ Николаевъ, чтобы условиться съ Лидерсомъ, а если можно, то и съ Горчаковымъ, о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ на Югѣ. «Притомъ считаю сердечною обязанностію»,—писалъ онъ фельдмаршалу,—«лично благодарить славныя войска наши за геройскую защиту Севастополя. Они долгъ свой исполнили свято! Не ихъ вина, что труды ихъ не были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ». Паскевичу государь сообщилъ свою записку, прибавивъ, что пополненіе потерь въ войскахъ считаетъ вопросомъ первѣйшей важности, «ибо иначе къ будущей веснѣ у насъ арміи не будетъ, а намъ неизбѣжно должно готовиться къ продолжительной еще войнѣ и, можетъ быть, съ новыми врагами». При этомъ онъ поручалъ фельдмаршалу, «по испытанной опытности», сообщить ему свои мысли насчетъ будущихъ дѣйствій, въ случаѣ разрыва съ Австріей. «Несмотря на всѣ успокоительныя свѣдѣнія объ уменьшеніи ея арміи»,—заключалъ государь,—«я предвижу, въ особенности теперь, послѣ потери Севастополя, что рано или поздно мы ее встрѣтимъ въ рядахъ враговъ нашихъ. Дай Богъ, чтобы я ошибся въ моихъ опасеніяхъ, но гораздо лучше быть готову къ худшему и принять всѣ мѣры осторожности, чѣмъ быть взяту врасплохъ» [2].

Увѣдомляя князя Горчакова о поѣздкѣ въ Николаевъ и о намѣреніи оттуда прослѣдовать въ Крымъ, если союзники не предпримутъ ничего важнаго и не будетъ предвидѣться опасности Перекопу, государь назначилъ ему свиданіе въ Симферополѣ, а въ Николаевъ предписалъ явиться начальнику штаба Крымской арміи князю Васильчикову и генералу Тотлебену, «если позволитъ состояніе его здоровья». На случай пріѣзда въ Крымъ, онъ «строжайшимъ образомъ» запретилъ дѣлать какія-либо приготовленія для смотровъ войскъ, замѣчая: «Они и безъ того много претерпѣли и потому не хочу, чтобы пріѣздъ мой былъ имъ въ тягость» [3].

Императору предшествовали великіе князья Константинъ и Николай Николаевичи. Самъ онъ, въ сопровожденіи младшаго брата, великаго князя Михаила Николаевича, выѣхалъ изъ Москвы 8-го сентября.

Въ Одессѣ, при вступленіи въ каѳедральный соборъ, встрѣтилъ царя знаменитый духовный витія Иннокентій, архіепископъ херсонскій и тав-

[1] Записка государя, 3-го сентября 1855 г.

[2] Государь князю Паскевичу, 5-го сентября 1855 г.

[3] Государь князю М. Д. Горчакову, 3-го сентября 1855 г.

рическій, слѣдующимъ краснорѣчивымъ и глубоко прочувствованнымъ словомъ: «Еще не возлагалъ ты на главу свою вѣнца прародительскаго, а уже Провѣдѣніемъ Божіимъ допущено явиться на немъ—терніямъ! Плоть и кровь наша не привыкла къ подобному украшенію на вѣнцахъ царскихъ; но око вѣры въ сихъ самыхъ терніяхъ съ благоговѣніемъ и радостью усматриваетъ драгоцѣнное подобіе вѣнца Христова». Послѣ молебна государь, сѣвъ на коня, произвелъ смотръ войскамъ и прибывшимъ въ Одессу Смоленскому и Московскому ополченіямъ, которыми остался вполнѣ доволенъ, находя, что люди идутъ хорошо и стройно [1].

Между тѣмъ союзники, ограничиваясь диверсіями въ Крыму то на лѣвый, то на правый флангъ арміи князя Горчакова, снарядили морскую экспедицію въ Днѣпровскій лиманъ. Англо-французская эскадра, въ числѣ 90 вымпеловъ, вышла изъ Балаклавы и Камыша и, простоявъ шесть дней передъ Одессой, высадила десантъ у Кинбурна, который сдался и былъ занятъ французскимъ гарнизономъ, послѣ чего непріятельскій флотъ возвратился въ южные порты Крыма.

Государь, изъ Очакова, былъ самъ свидѣтелемъ отплытія союзной эскадры, послѣ чего поѣхалъ въ Николаевъ, гдѣ оставался шесть недѣль.

«Изъ всего южнаго побережья, занимаемаго войсками Южной арміи»,— писалъ онъ въ собственноручной запискѣ,—«по моему мнѣнію, Николаевъ представляетъ союзникамъ самый привлекательный пунктъ для сдѣланія высадки, дабы, овладѣвъ имъ, уничтожить всѣ заведенія Черноморскаго флота и нанести тѣмъ окончательный ударъ могуществу нашему на Черномъ морѣ. Поэтому на сохраненіе Николаева должно быть обращено все наше вниманіе» [2].

Ко дню своего пріѣзда государь вызвалъ въ Николаевъ генерала Тотлебена, лѣчившагося въ Симферополѣ отъ тяжкой, полученной въ Севастополѣ, раны въ ногу. О пріемѣ своемъ у него имѣется слѣдующій разсказъ самого Тотлебена: «Передъ общимъ пріемомъ государь потребовалъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями, поцѣловалъ и благодарилъ именемъ покойнаго государя и отъ лица всей Россіи. Я былъ глубоко растроганъ этимъ высокимъ и великодушнымъ признаніемъ моихъ трудовъ, которые при другихъ обстоятельствахъ, какъ это часто случается со многими, остались бы, можетъ быть, незамѣченными. На слѣдующій день его величество вновь привѣтствовалъ меня словами: «Поздравляю моимъ генералъ-адъютантомъ»; при этомъ онъ обнялъ и поцѣловалъ меня. Я благодарилъ за высокую милость, обѣщая и впередъ быть ему также вѣрнымъ слугою» [3].

[1] Рѣчь архіепископа Иннокентія и разсказъ И. С. Аксакова о смотрѣ ополченія въ Одессѣ, у Н. П. Барсукова. Жизнь и труды Погодина, т. XIV, стр. 128 и 129.

[2] Записка государя, 3-го сентября 1855 г.

[3] Шильдеръ, графъ Тотлебенъ, I, стр. 494.

Приведеніе Николаева въ оборонительное состояніе производилось по плану Тотлебена, при чемъ великіе князья Николай и Михаилъ назначены были завѣдывать первый—инженерною, второй—артиллерійскою частями. Государь лично слѣдилъ за ходомъ работъ, которыми, несмотря на незажившую еще рану, съ трудомъ двигавшійся на костыляхъ Тотлебенъ руководилъ самъ. Александръ Николаевичъ окружалъ севастопольскаго героя самою нѣжною и попечительною заботливостью. По его приказанію, лейбъ-медикъ Обермиллеръ долженъ былъ ежедневно докладывать ему, послушенъ ли Тотлебнъ, то-есть не работаетъ ли слишкомъ много и бережетъ ли свою ногу? Когда же Тотлебенъ являлся къ императору, то самъ онъ распоряжался, чтобы раненому генералу поставили подъ ноги скамейку или подложили подушку. «Государь».—свидѣтельствуетъ Тотлебенъ.—«неизмѣнно милостивъ ко мнѣ, пожимаетъ мнѣ привѣтливо руку и проситъ меня беречься и не утруждать слишкомъ много ноги» [1].

Южная армія, состоявшая подъ начальствомъ генерала Лидерса, усилена морскими командами, высланными въ Николаевъ изъ Севастополя, по оставленіи нами Южной стороны. Предоставляя князю Горчакову полную свободу дѣйствовать по усмотрѣнію и сообразно съ мѣстными обстоятельствами, государь совѣтовалъ ему не упускать удобныхъ случаевъ для наступательныхъ дѣйствій, ибо — замѣчаетъ онъ, — не могу никакъ убѣдиться въ необходимости для насъ ограничиваться одною лишь оборонительною системою, всегда самою невыгодною въ военномъ дѣлѣ» [2]. «Я надѣюсь»,—читаемъ въ другомъ письмѣ къ главнокомандующему,—«что вы не дадите себя озадачить какимъ-нибудь неожиданнымъ движеніемъ, а будете дѣйствовать согласно принятой вами системѣ съ рѣшимостью и пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы перейти самому въ наступленіе, разумѣется, при возможно выгодныхъ условіяхъ. Да поможетъ вамъ Богъ исполнить это съ успѣхомъ!» [3]. Заботясь о реорганизаціи Крымской арміи и о пополненіи ея громадной убыли, государь настойчиво требовалъ, чтобы по окончаніи осенней кампаніи всѣ войска, предназначенныя къ выводу изъ Крыма, были немедленно направлены на зимнія квартиры [4].

Въ Николаевѣ получилъ императоръ отвѣтъ Паскевича на посланный ему изъ Москвы запросъ. Старецъ-фельдмаршалъ находилъ, что политическое положеніе наше осталось въ сущности то же, что̀ и въ прошедшемъ году: то же нерасположеніе къ намъ и, слѣдовательно, такъ же мало увѣренности, что мы рано или поздно не увидимъ Австрію въ ряду враговъ

[1] Тамъ же, стр. 195—197.

[2] Государь князю М. Д. Горчакову, 30-го сентября 1855 г.

[3] Государь князю М. Д. Горчакову, 6-го октября 1855 г.

[4] Государь князю М. Д. Горчакову, 21-го октября 1855 г.

наших. Если Австрія, разсуждалъ князь Варшавскій, не объявила намъ доселѣ войны, то, конечно, была удержана только сильною арміею, собранною въ 1854 году въ Царствѣ Польскомъ, а потому и нынѣ мы можемъ удержать Австрію отъ разрыва и сохранить вліяніе на Пруссію и остальную Германію лишь доведеніемъ Западной арміи до 170 или, по меньшей мѣрѣ, до 150 баталіоновъ, при 150 или 114 эскадронахъ кавалеріи и Средней арміи отъ 80 до 100 баталіоновъ, при 100 эскадронахъ [1]. Соглашаясь съ мнѣніемъ фельдмаршала, государь не считалъ, однако, возможнымъ привести Западную и Среднюю арміи въ требуемую имъ силу. Къ веснѣ предоставлялъ онъ себѣ рѣшить сообразно обстоятельствамъ: которую армію чѣмъ усилить, «а до того»,—писалъ онъ князю Горчакову,— «я требую, чтобы все было исполнено согласно моимъ указаніямъ».

Указанія эти были слѣдующія. Къ веснѣ войска Крымской, Южной и Средней армій должны быть расположены: 3-й и 4-й пѣхотные и драгунскій корпуса—въ Крыму; 5-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ четыре дивизіи и пять легкихъ кавалерійскихъ—отъ Дуная до Днѣстра; гренадеры—между Крымскою и Южною арміями; 2-й пѣхотный и 2-й резервный корпуса съ 24 дружинами ополченія, въ составѣ Средней арміи—въ Волынской, Кіевской и Подольской губерніяхъ. Балтійскій корпусъ и Западная армія остаются въ прежнемъ составѣ. Если къ веснѣ англо-французы, съ присоединеніемъ австрійцевъ, станутъ угрожать нашимъ западнымъ и юго-западнымъ границамъ, то имъ будутъ противопоставлены Южная и Средняя арміи, поддержанныя гренадерами и частью войскъ Крымской арміи; если же Австрія одна, или съ подкрѣпленіемъ французовъ, вторгнется въ Польшу, то Западная армія, оставивъ гарнизоны въ крѣпостяхъ, отступитъ или на Балтійскій корпусъ, или на Брестъ-Литовскъ, сообразно съ обстоятельствами, дабы Средней арміи дать время и средства, съ подкрѣпленіемъ отъ Южной арміи, или соединиться съ Западною арміею, или дѣйствовать на правый флангъ и тылъ непріятеля. Расположенный около Брацлавля сильный кавалерійскій резервъ изъ двухъ кирасирскихъ и одной легкой дивизій будетъ направленъ, куда окажется нужнымъ. Въ продолженіе зимы ходъ политическихъ событій и доходящія до насъ свѣдѣнія о военныхъ приготовленіяхъ непріятеля дадутъ возможность опредѣлить, соразмѣрно съ нашими способами, какое расположеніе и раздѣленіе должны принять наши арміи къ веснѣ [2].

Государь не хотѣлъ покинуть Новороссійскій край, не исполнивъ своего завѣтнаго желанія: посѣтить Крымскую армію и лично поблагодарить ее за геройскую оборону Севастополя. «Я полагаю остаться у васъ три

[1] Князь Паскевичъ государю, 24-го сентября 1855 г.

[2] Государь князю Паскевичу, 25-го сентября и князю М. Д. Горчакову 21-го сентября, и записка государя, 1-го октября 1855 г.

дня»,—писалъ онъ князю Горчакову,—«дабы успѣть объѣхать на занимаемыхъ ими позиціяхъ по крайней мѣрѣ бо́льшую часть вашихъ войскъ. Мѣсяцъ тому назадъ, когда положеніе ваше было дѣйствительно критическое, я послѣдовалъ вашему совѣту, но теперь намѣренъ это непремѣнно исполнить, если до того ничего не произойдетъ. Итакъ, до скораго свиданія. Прошу васъ хранить пріѣздъ мой покуда въ тайнѣ и строжайше запрещаю всякое приготовленіе смотровъ войскъ, которыя желаю видѣть на бивакахъ или на квартирахъ, въ томъ видѣ, какъ они есть» [1]. Въ отвѣтъ на убѣдительную просьбу главнокомандующаго дозволить выставить на станціяхъ хотя бы по нѣскольку конвойныхъ казаковъ послѣдовалъ отвѣтъ по телеграфу: «Конвой дозволяю. Почетные караулы запрещаю и роты для сего въ Симферополь не приводить. Васъ прошу туда пріѣхать къ вечеру 27-го октября» [2].

28-го государь, сопутствуемый двумя младшими братьями, былъ уже въ Бахчисараѣ. Когда онъ подъѣзжалъ къ этому городу, гдѣ находилась главная квартира Крымской арміи, войско, завидѣвъ его съ крутой, почти отвѣсной горы, стремглавъ бросилось къ нему, такъ что,—какъ онъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи,—у него упало сердце при видѣ такой стремнины. Солдаты остановили коляску, цѣловали его руки и ноги. Удерживая ихъ, онъ говорилъ имъ объ усталости, но они не слушали его. Севастополю поклонился государь въ землю и долго со слезами молился о павшихъ въ бою [3].

Изъ церкви Александръ Николаевичъ шелъ въ приготовленный для него въ Бахчисараѣ домъ, какъ вдругъ надъ домомъ этимъ взвились двадцать два орла, долго кружили надъ нимъ и затѣмъ полетѣли по направленію къ Евпаторіи. Необычайное это явленіе повторялось два раза и было сочтено арміею за счастливое предзнаменованіе [4].

Въ продолженіе четырехъ дней государь осматривалъ войска, расположенныя на позиціяхъ въ окрестностяхъ Севастополя, и укрѣпленія, воздвигнутыя на Сѣверной сторонѣ. Всюду встрѣчали его восторженные клики закаленныхъ въ бояхъ воиновъ, героевъ севастопольской обороны, которыхъ онъ, въ ласковыхъ и милостивыхъ выраженіяхъ, горячо благодарилъ за службу, за понесенные безпримѣрные труды, за самоотверженно пролитую кровь. Передъ отъѣздомъ изъ Крыма онъ повторилъ выраженіе царской признательности въ приказѣ по Крымской арміи, коимъ пожаловалъ всѣмъ защитникамъ Севастополя, въ память ихъ безсмертнаго подвига, серебряную медаль на Георгіевской лентѣ, а главно-

[1] Государь князю М. Д. Горчакову, 21-го октября 1855 г.

[2] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 23-го октября, и государь князю М. Д. Горчакову, 25-го октября 1855 г.

[3] Разсказъ государя генералъ-адъютанту Назимову, занесенный въ письмо Т. И. Филиппова къ И. В. Кирѣевскому, у Н. П. Барсукова, Жизнь и труды Погодина, т. XIV, стр. 130.

[4] Изъ письма къ Погодину Н. В. Берга, тамъ же, та же страница.

командующаго почтилъ слѣдующимъ рескриптомъ: «Князь Михаилъ Дмитріевичъ, во время пребыванія моего въ Крымской арміи я съ особеннымъ удовольствіемъ нашелъ, что люди въ полкахъ сохранили бодрый, довольный видъ, не взирая на неимовѣрные труды, перенесенные ими при оборонѣ Севастополя, и что въ войскахъ нисколько не измѣнился тотъ во всѣхъ частяхъ порядокъ, на которомъ основывается благоустройство арміи. Такое отличное состояніе ввѣренныхъ вамъ войскъ свидѣтельствуетъ о неусыпной заботливости и трудахъ, которыми единственно вы могли до того достигнуть и это въ то время, когда и мысли, и дѣятельность ваша устремлены были на противоборство врагамъ сильнымъ, храбрымъ и не щадившимъ никакихъ жертвъ. По естественному положенію защищаемой части Севастополя, уступая шагъ за шагомъ непріятелю, вы, по благоразумнымъ видамъ опытнаго полководца, оставили ему лишь развалины, заплаченныя дорогою цѣною пролитой крови, и, выведя войска путемъ доселѣ небывалымъ, вы вновь готовы встрѣтить врага съ тѣмъ мужествомъ, съ которымъ всегда водили въ бой полки наши. Отдавая вамъ полную справедливость за заслуги ваши, мнѣ пріятно повторить здѣсь мою искреннюю признательность, которую выражалъ уже вамъ лично. Прошу васъ, князь, вѣрить въ неизмѣнное мое къ вамъ благоволеніе. Васъ искренно любящій Александръ»[1].

31-го октября государь, оставивъ брата Николая въ главной квартирѣ, отбылъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ, изъ Бахчисарая, сопровождаемый благословеніями арміи, и въ первыхъ числахъ ноября возвратился въ Царское Село. Тамъ получилъ онъ слѣдующее донесеніе отъ главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, генералъ-адъютанта Муравьева: «Ваше императорское величество, Божіею милостію и благословеніемъ вашимъ, совершилось наше дѣло. Карсъ у ногъ вашего величества. Сегодня (16-го ноября) сдался военноплѣннымъ изнуренный голодомъ и нуждами гарнизонъ сей твердыни Малой Азіи. Въ плѣну у насъ самъ главнокомандующій исчезнувшей тридцатитысячной Анатолійской арміи, муширъ Вассифъ-паша; кромѣ его, восемь пашей, много штабъ и оберъ-офицеровъ и вмѣстѣ съ ними—англійскій генералъ Вилліамсъ, со всѣмъ его штабомъ. Взято 130 пушекъ и все оружіе. Имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества двѣнадцать турецкихъ полковыхъ знаменъ, крѣпостной флагъ Карса и ключи цитадели»[2]. Императоръ собственноручно отвѣчалъ побѣдоносному вождю: «Извѣстіе о сдачѣ Карса, любезный Николай Николаевичъ, обрадовало меня до-нельзя. Сердце мое преисполнено благодарности къ Благословившему столь блистательнымъ успѣхомъ распорядительность вашу и стой-

1 Высочайшій рескриптъ князю М. Д. Горчакову, 30 октября 1855 г.

2 Н. Н. Муравьевъ государю, 16-го ноября 1855 г.

кость храбрыхъ нашихъ кавказскихъ войскъ. Благодарю васъ отъ души за достохвальныя заслуги ваши, поздравляю васъ кавалеромъ св. Георгія 2-й степени, на что́ вы пріобрѣли неотъемлемое право. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручаю вамъ передать мое искреннее спасибо всѣмъ ввѣреннымъ вамъ войскамъ, участвовавшимъ въ блокадѣ Карса. Я ими горжусь, какъ всегда гордился нашими кавказскими молодцами. Надѣюсь на милость Божію, что паденіе сей гордыни Малой Азіи будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ и увѣренъ, что вы не упустите воспользоваться симъ моральнымъ результатомъ, дабы поправить дѣла наши въ Мингреліи и на прочихъ пунктахъ ввѣреннаго вамъ края, угрожаемыхъ непріятелемъ. Да подкрѣпитъ васъ Богъ» [1].

Взятіе Карса завершило побѣднымъ подвигомъ несчастливую по результатамъ, но все же славную для русскаго оружія Восточную войну 1853—56 годовъ. Ближайшимъ его послѣдствіемъ было пріостановленіе движенія Омера-паши со стороны занятой турками Мингреліи. Съ наступленіемъ первыхъ морозовъ англо-французскій флотъ, цѣлое лѣто простоявшій въ виду Кронштадта и за все время ограничившійся безуспѣшнымъ бомбардированіемъ Свеаборга, отплылъ изъ Балтійскаго въ Нѣмецкое море. Въ Крыму союзники ничего не предпринимали и только изрѣдка перестрѣливались съ нашими аванпостами. Къ зимѣ на всѣхъ театрахъ войны установилось полное затишье.

Съ первыхъ же дней своего царствованія Александръ Николаевичъ расположилъ къ себѣ умы и сердца своихъ подданныхъ, утвердилъ за собою ихъ довѣріе и любовь. Мужество и твердость молодого государя въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ ободрили русскихъ людей; благость и кротость, проявляемыя въ дѣлахъ внутренняго управленія, возбудили въ нихъ умиленіе и признательность. Въ такой оцѣнкѣ начальныхъ правительственныхъ распоряженій императора Александра II сходятся представители всѣхъ оттѣнковъ современной русской мысли. Западникъ Кавелинъ писалъ: «На Александра Николаевича нельзя смотрѣть безъ участія и сожалѣнія. Онъ исполненъ наилучшихъ намѣреній и держитъ себя очень хорошо. До сихъ поръ дѣйствія его грѣхъ корить. Можно бы больше сдѣлать, но спасибо и на томъ, что́ сдѣлано и дѣлается, особливо при горестной обстановкѣ престола, созданной злонамѣреннымъ или, по крайней мѣрѣ, неблагонамѣреннымъ самолюбіемъ, тщеславіемъ и бездушною посредственностью...». И въ другомъ письмѣ: «Любовь къ царю растетъ видимо... Признаюсь вамъ, что доброта и чистосердечіе царя и меня начинаютъ побуждать и привязывать къ нему лично» [2]. Еще бо́льшій восторгъ

[1] Государь Н. Н. Муравьеву, 4-го декабря 1855 г.

[2] Кавелинъ Погодину 30-го января и 5-го апрѣля 1856 г., у Н. П. Барсукова, Жизнь и труды Погодина, т. XIV, стр. 208 и 217.

вызывали начинанія государя въ московскихъ славянофилахъ. «Всѣ какъ-то стали бодрѣе духомъ», читаемъ въ одномъ изъ писемъ С. Т. Аксакова къ сыну его, Ивану: «Да и какъ не ободриться? Мы на каждомъ шагу видимъ, что государь хочетъ правды, просвѣщенія, честности и свободнаго голоса... И едва вѣришь, что наступаетъ время, въ которое честному человѣку можно будетъ говорить правду безъ страха»[1].

Вѣрнымъ выразителемъ и истолкователемъ общественнаго настроенія Россіи явился Погодинъ, въ слѣдующихъ прочувствованныхъ строкахъ привѣтствовавшій радужную зарю новаго царствованія:

«Въ трудныхъ обстоятельствахъ принялъ государь свою державу. Ни одно вступленіе на престолъ въ русской исторіи не сопрягалось съ такими грозными внѣшними опасностями; но въ утѣшеніе и ободреніе можемъ сказать себѣ и то, что ни одинъ государь, съ начала своего царствованія, не пользовался такимъ общимъ расположеніемъ, такимъ неограниченнымъ довѣріемъ, такою горячею любовью, безъ примѣси всякихъ чувствованій отрицательныхъ, какъ онъ. Всѣ сердца къ нему стремятся, и не было, можетъ быть, никогда минуты болѣе благопріятной, когда бъ было такъ удобно, такъ легко сдѣлать всѣ нужныя преобразованія и исправленія. Преобразованія и исправленія внутреннія для насъ не только нужны, но и необходимы. Скажу болѣе: ими только можемъ мы спастися, ими только можемъ отвратить настоящія опасности и предупредить будущія, кромѣ, разумѣется, гнѣва Божія. Всѣ человѣческія учрежденія, независимо даже отъ лицъ и обстоятельствъ, имѣютъ свои возрасты, свои степени возвышенія и пониженія своего развитія. Ударитъ часъ, и самое лучшее учрежденіе, отживъ свой вѣкъ, дѣлается вреднымъ, такъ что даже способные и достойные люди въ его предѣлахъ не могутъ приносить пользы. Здѣсь никто не бываетъ виноватъ или всѣ раздѣляютъ вину, главнымъ же виновникомъ бываетъ время. Дніе лукави суть. Кто знаетъ исторію, тотъ пойметъ меня, ибо вспомнитъ доказательства моимъ словамъ въ бытописаніяхъ всѣхъ государствъ. Многія формы производства нашихъ дѣлъ сдѣлались такими глубокими колеями, въ которыхъ вязнетъ и лишается движенія всякая мысль и мертвѣетъ всякая жизнь. Мы привыкли къ нимъ и потому не чувствовали ихъ пагубнаго вліянія, но настоящая война открыла намъ глаза и вещи представились въ настоящемъ свѣтѣ. Благодѣяніе, какого тридцатилѣтній миръ и тридцатилѣтняя тишина доставить намъ были не въ состояніи. Намъ остается воспользоваться этимъ внезапнымъ свѣтомъ и слѣдовать всюду за нашимъ благодушнымъ царемъ, куда онъ поведетъ насъ и укажетъ намъ путь; намъ остается помогать ему всѣми своими силами: словомъ, дѣломъ и помышленіемъ. Время -новое и въ новое время нельзя оставаться со старыми привыч-

[1] И. С. Аксаковъ, т. III, стр. 22[illegible].

ками: нужды новыя и старыя средства удовлетворить ихъ не могутъ. Въ новыхъ обстоятельствахъ необходимъ и новый образъ дѣйствія. Стараго нигдѣ, очевидно, недостаетъ. Вотъ для чего необходимо общее участіе, общее усердіе: въ общемъ дѣлѣ долженъ участвовать всякій; общаго дѣла въ одиночкѣ не сдѣлаешь. Одному и у каши не споро, говорили наши предки. Великіе и малые, знатные и простые, богатые и убогіе, старые и молодые, мужчины и женщины должны одинаково посвящать себя всецѣло на службу отечества. Мы, повторяю, отвыкли думать объ общемъ дѣлѣ; мы заботились только о себѣ—и вотъ раздается голосъ почти съ неба: Имѣяй уши слышати, да слышитъ!»[1].

Съ вѣрою, надеждою и любовью, ждали русскіе люди отъ молодого царя внутренняго и внѣшняго, вещественнаго и духовнаго обновленія отечества[2].

[1] Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. XIV, стр. 141—142.

[2] Рукописные документы, приведенные въ этой главѣ и касающіеся Восточной войны 1853—1856 гг., хранятся: дипломатическіе—въ С.-Петербургскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, а военные—въ Военно-Ученомъ архивѣ Главнаго штаба. Часть послѣднихъ напечатана въ «Русской Старинѣ» 1883 г. т.т. XXXVII и XXXIX. Сборникъ дипломатическихъ документовъ, относящихся къ той же войнѣ, изданъ въ Берлинѣ, въ 1855—1859 гг., въ трехъ томахъ, Ясмундомъ, подъ заглавіемъ: «Actenstücke zur Orientalischen Frage». Въ русской исторической литературѣ имѣются два капитальныхъ сочиненія о Севастопольской войнѣ генераловъ Богдановича и Дубровина, а также генерала Тотлебена объ осадѣ Севастополя. По-французски «Historie de la guerre de Krimée», par Camille Rousset и по-англійски многотомный трудъ Кинглека: «The Invasion of the, Crimea». О дипломатическихъ переговорахъ, предшествовавшихъ войнѣ и происходившихъ во время ея, см. «Etude diplomatique sur la guerre de Crimée», par un ancien diplomate (Баронъ А. Г. Жомини), 2 тома, Парижъ, 1874 г., «Zur Geschichte des Orientalischen Krieges 1853—1856», von Heinrich Geffcen, Берлинъ, 1881 г., «Aus Drei Viertel Jahrhunderten», Errinerungen und Aufzeichnungen von Fr. Ferdinand Graf von Beust, 2 тома, Штутгартъ, 1887 г. Ср. также: «The life of the Prince Consort» by Th. Martin, 5 томовъ, Лондонъ 1877—1880 гг. и «Preussen im Bundestage 1851 bis 1859», herausgegeben von Dr. von Poschinger, 4 тома, Лейпцигъ, 1882—1883 гг.

Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ.

(Съ гравированнаго портрета [illegible])

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Парижскій миръ.

1856.

Миролюбивое настроеніе Наполеона III. — Тайные переговоры графа Морни съ княземъ А. М. Горчаковымъ и графа Валевскаго съ барономъ Зеебахомъ. — Австрійскій ультиматумъ. — Письмо короля прусскаго и заявленіе императора французовъ. — Обсужденіе предварительныхъ условій мира въ совѣщаніяхъ 20-го декабря 1855 г. и принятіе ихъ. — Инструкція русскимъ уполномоченнымъ на парижскомъ конгрессѣ. — Переговоры въ Парижѣ барона Бруннова и графа Орлова. — Пренія на конгрессѣ. Мирный договоръ 18-го марта 1856 г. — Политическая программа русскаго двора. — Союзный договоръ Франціи, Англіи и Австріи. — Объясненія графа Валевскаго и Наполеона III. — Возбужденіе Польскаго вопроса. — Декларація о морскомъ правѣ. Прощальная аудіенція графа Орлова въ Парижѣ. — Манифестъ о мирѣ.

Война прекратилась, но о мирѣ не было и рѣчи. Несмотря на общее утомленіе, ни одна изъ воюющихъ сторонъ не хотѣла принять на себя почина возобновленія мирныхъ переговоровъ. Дѣятельныя вооруженія продолжались всюду. Дипломатія, французская и англійская, настойчиво хлопотала о привлеченіи къ коалиціи противъ насъ второстепенныхъ государствъ. Въ Стокгольмѣ усилія ея увѣнчались успѣхомъ, и Швеція подписала союзный договоръ съ дворами парижскимъ и лондонскимъ. Съ другой стороны, король прусскій отклонилъ наше предложеніе заключить съ нами конвенцію, которая подтвердила бы отреченіе Пруссіи отъ союза съ Австріей, прося императорскій кабинетъ вѣрить его королевскому слову.

Императоръ Александръ не надѣялся на скорое окончаніе войны. Единственнымъ средствомъ положить ей конецъ представлялось ему возникновеніе во Франціи внутреннихъ безпорядковъ, вызванныхъ плохимъ урожаемъ и возрастающимъ неудовольствіемъ низшихъ классовъ населенія. «Прежнія революціи всегда этимъ начинались», — разсуждалъ онъ, — «итакъ, можетъ быть, до общаго переворота недалеко. Въ этомъ я вижу самый правдоподобный исходъ теперешней войны, ибо искрен-

няго желанія мира съ кондиціями, совмѣстными съ нашими видами и достоинствомъ Россіи, я ни отъ Наполеона, ни отъ Англіи не ожидаю, а покуда я буду живъ, вѣрно другихъ не приму». Вотъ почему онъ недовѣрчиво отнесся къ полученному имъ въ половинѣ октября въ Николаевѣ извѣстію о склонности императора французовъ вступить съ нами въ непосредственное соглашеніе. «Если бы дѣйствительно мы могли этого достигнуть»,—замѣтилъ онъ, впрочемъ, по этому поводу,—«то, разумѣется, я предпочту прямые съ нимъ переговоры всякому стороннему вмѣшательству»[1].

Извѣстіе о миролюбивомъ настроеніи Франціи не замедлило подтвердиться. Причиною такого неожиданнаго поворота въ намѣреніяхъ Наполеона III былъ отказъ Англіи поставить цѣлью войны возстановленіе Польши. Съ паденіемъ Севастополя самолюбіе императора французовъ было удовлетворено, упрочена военная слава возстановленной имъ Имперіи; продолжать же войну въ исключительную пользу Великобританіи или Австріи онъ признавалъ невыгоднымъ для Франціи. Отсюда запросы французской дипломатіи, съ конца октября начавшей освѣдомляться въ Берлинѣ и при второстепенныхъ германскихъ дворахъ, не сдѣлаетъ ли Россія перваго шага къ миру? Отвѣтомъ было, что русская дипломатія, хотя и обречена обстоятельствами на молчаніе, но, по мѣткому выраженію князя А. М. Горчакова, «будучи нѣма, не останется глухою». Минута эта показалась удобной ближайшему и довѣреннѣйшему изъ совѣтниковъ Наполеона III, графу Морни, для вступленія въ тайныя сношенія съ посланникомъ нашимъ въ Вѣнѣ, чрезъ посредство двухъ банкировъ: парижскаго—Эрлангера и вѣнскаго—Сину. Въ письмѣ перваго ко второму высказано было, отъ имени Морни, убѣжденіе, что какъ Россіи, такъ и Франціи пора взяться за умъ и положить конецъ изнурительной борьбѣ, истощающей силы двухъ державъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго повода къ взаимной враждѣ. Князь А. М. Горчаковъ съ жаромъ ухватился за этотъ неожиданный способъ воздѣйствовать на рѣшенія императора французовъ. Онъ отвѣчалъ Морни тѣмъ же путемъ, что вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе его о выгодѣ для Франціи прямого соглашенія съ Россіей, котораго не трудно достигнуть на почвѣ чисто французскихъ интересовъ. Наученный примѣромъ великаго дяди, говорилъ онъ, Наполеонъ III, конечно, не захочетъ вступить на путь завоеваній безъ конца, а потому позволительно напомнить, что апогеемъ славы и могущества Наполеона I была эпоха его тѣснаго единенія съ Россіей. Не задаваясь мыслью о возвратѣ къ этимъ героическимъ временамъ, должно признать, что сближеніе Россіи съ Франціей несомнѣнно послужитъ къ пользѣ обѣихъ странъ. Нужно только, чтобы основанія

[1] Государь князю М. Д. Горчакову, 12-го и 16-го октября 1855 г.

сближенія соотвѣтствовали ихъ обоюдному достоинству[1]. Соглашаясь съ русскимъ дипломатомъ, Морни, въ своемъ отвѣтѣ, настивалъ на необходимости для Россіи принести дѣлу мира нѣкоторыя жертвы. Связанный союзнымъ обязательствомъ съ Англіей, Наполеонъ III не можетъ, послѣ паденія Севастополя, предъявить условія мира болѣе мягкія, чѣмъ тѣ, что̀ были предъявлены въ началѣ войны. Все, чего можно достигнуть, это замѣны ограниченія русскихъ силъ на Черномъ морѣ «нейтрализаціею» Чернаго моря. Въ Петербургѣ скажутъ, что мѣра эта— то же, хотя и иносказательное, ограниченіе. Но уже и то хорошо, что оно «иносказательно» и, слѣдовательно, неоскорбительно для народнаго самолюбія. «Что же представляетъ въ сущности эта мѣра», спрашиваетъ Морни и отвѣчаетъ: «Обратимся къ исторіи. Когда, послѣ всѣхъ военныхъ неудачъ, отъ державы требуютъ большихъ денежныхъ жертвъ, то этимъ надолго удручаютъ ея финансы; когда навязываютъ ей земельную уступку, то уменьшаютъ ея значеніе, быть можетъ навсегда; но когда требуютъ отъ нея условій столь мечтательныхъ (illusoires), какъ ограниченіе силъ, то, коль скоро она нуждается въ мирѣ, ей не слѣдуетъ ихъ отвергать. Не въ первый разъ заносятся въ договоръ подобныя условія. Сколько же времени соблюдаются они? Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и интересы перемѣстятся, ненависть потухнетъ, установятся дружескія отношенія, благодѣянія мира излечатъ раны войны, и такого рода договоры забудутся и не станутъ больше примѣняться. Часто случается даже, что та самая нація, которая настояла на ограниченіи силъ, первая требуетъ ихъ отмѣны». Въ виду всѣхъ этихъ соображеній Морни приходилъ къ заключенію, что на мѣстѣ русскаго императора, Францискъ I отвергъ бы помянутое требованіе, но Карлъ V непремѣнно бы его принялъ[2].

Возбужденъ уже былъ вопросъ о томъ, чтобы Горчакову и Морни съѣхаться въ Дрезденѣ для продолженія личнаго обмѣна мыслей, когда посланникъ нашъ въ Вѣнѣ получилъ отъ государственнаго канцлера приказаніе прервать эти довѣрительныя сношенія, дабы не помѣшать успѣху тайныхъ переговоровъ, завязавшихся, съ согласія императорскаго кабинета, въ Парижѣ между французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Валевскимъ и саксонскимъ посланникомъ при тюильрійскомъ дворѣ барономъ Зеебахомъ, зятемъ графа Нессельроде.

Эпизоду этому предшествовалъ слѣдующій случай. Въ октябрѣ 1855 года первый министръ Саксоніи баронъ Бейстъ, отправляясь въ Парижъ на всемірную выставку, видѣлся во Франкфуртѣ-на-Майнѣ съ посланникомъ нашимъ при Германскомъ Союзѣ барономъ Брунновымъ,

[1] Баронъ Сина барону Эрлангеру, ноябрь 1855 г.

[2] Записка графа Морни, ноябрь 1855 г.

сообщившимъ ему, что Россія не прочь заключить миръ, лишь бы не требовали отъ нея двухъ унизительныхъ условій: военной контрибуціи и территоріальной уступки [1]. Хлопотливый саксонскій министръ не преминулъ воспользоваться аудіенціей у Наполеона III, чтобы передать ему этотъ отзывъ русскаго дипломата, и получилъ въ отвѣтъ, что о такихъ требованіяхъ не можетъ быть и рѣчи, но что Россія должна согласиться на нейтрализацію Чернаго моря. Слова императора французовъ Бейстъ сообщилъ русскому государственному канцлеру, присовокупивъ совѣтъ безъ дальнѣйшихъ колебаній согласиться на эти условія, въ сущности невыполнимыя, такъ какъ съ теченіемъ времени окажется совершенно невозможнымъ воспретить государству съ восьмидесяти-милліоннымъ населеніемъ содержать военныя суда въ своихъ водахъ [2]. Графъ Нессельроде вѣжливо отклонилъ непрошенное вмѣшательство барона Бейста, но, когда то же внушеніе было сдѣлано Валевскимъ Зеебаху, разрѣшилъ послѣднему вступить съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ довѣрительныя объясненія по вопросу о мирѣ [3].

Графъ Валевскій, такъ же, какъ и Морни, выражалъ желаніе примириться съ Россіей, не скрывая, однако, что Наполеонъ III дорожитъ союзомъ съ Англіей и твердо рѣшился соблюдать принятыя относительно ея обязательства. Это лишаетъ его возможности выступить съ мирными предложеніями, которыя должны исходить отъ Россіи и быть удовлетворительными и практичными, словомъ, такими, на принятіи которыхъ тюильрійскій дворъ могъ бы настоять въ Лондонѣ. Французскій министръ предоставлялъ намъ выборъ между ограниченіемъ нашихъ силъ на Черномъ морѣ, посредствомъ соглашенія Россіи съ Портою, и нейтрализаціею Чернаго моря, говоря, что самъ предпочитаетъ первую комбинацію, какъ наиболѣе простую и цѣлесообразную, но согласится и на вторую, которая менѣе щекотлива для нашего самолюбія, ставя Россію въ одинаковое положеніе съ Портою, ибо мы сохранили бы права содержать военныя суда въ Азовскомъ морѣ, такъ же точно, какъ турки въ Мраморномъ [4]. Основываясь на этихъ заявленіяхъ, графъ Нессельроде поручилъ барону Зеебаху сообщить французскому правительству слѣдующія три предложенія русскаго двора: 1) Босфоръ и Дарданеллы останутся закрытыми; 2) военный флотъ всѣхъ націй не будетъ допущенъ въ Черное море, за исключеніемъ судовъ, которыя прибрежныя державы сочтутъ необходимымъ содержать тамъ; 3) число этихъ судовъ будетъ опредѣлено прямымъ соглашеніемъ съ Портою, безъ всякаго посторонняго посредничества [5].

[1] Graf von Beust. Aus Drei Viertel Jahrhunderten, т. I, стр. 201.
[2] Баронъ Бейстъ графу Нессельроде, 31-го октября 1855 г.
[3] Графъ Нессельроде барону Бейсту, 10-го ноября 1855 г.
[4] Баронъ Зеебахъ графу Нессельроде, ноябрь 1855 г.
[5] Графъ Нессельроде барону Зеебаху, ноябрь 1855 г.

Къ удивленію Зеебаха, французскій министръ отказался вступить съ нимъ въ обсужденіе этихъ условій, ссылаясь на то, что русскій дворъ одновременно сообщилъ ихъ и двору вѣнскому [1].

Обстоятельство это, а также нескромность Бейста, выдавшаго австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ тайну довѣрительныхъ переговоровъ нашихъ съ Франціей, чрезъ посредство саксонскаго посланника въ Парижѣ, вызвали Австрію изъ ея бездѣйствія. Въ Вѣнѣ пришли въ ужасъ при одной мысли о непосредственномъ примиреніи Россіи съ Франціей, которое лишило бы Австрію плодовъ ея предательской политики по отношенію къ Россіи. Графъ Буоль поспѣшилъ выступить съ собственною мирною программою, обѣщая, въ случаѣ отклоненія ея русскимъ дворомъ, принять, наконецъ дѣятельное участіе въ войнѣ. Какъ не были тяжки для Россіи условія мира, выработанныя Австріею, Наполеону III стоило много труда, чтобы уговорить Англію согласиться на нихъ, до того правительство и общественное мнѣніе въ этой странѣ были увлечены воинственнымъ задоромъ. Сущность новыхъ «основаній мира» тщательно была скрыта Буолемъ отъ нашего посланника въ Вѣнѣ.

Въ Петербургѣ не знали, что починъ въ данномъ случаѣ исходилъ отъ вѣнскаго двора. Предполагали, что французскому послу въ Вѣнѣ, барону Буркенэ, по возвращеніи изъ Парижа, удалось «вовлечь Австрію въ новыя сѣти». Такое мнѣніе выражалъ государь въ письмѣ къ главнокомандующему Крымской арміей, присовокупляя: «Въ непродолжительномъ времени дѣло это должно разъясниться. Не дай Богъ намъ новой грозы съ этой стороны». Но скоро донесенія нашего посланника разсѣяли заблужденіе, и въ началѣ декабря императоръ Александръ писалъ князю М. Д. Горчакову: «На дняхъ мы должны получить изъ Вѣны новыя предложенія или условія для мирныхъ переговоровъ, предварительно соображенныя съ требованіями враговъ нашихъ. Они намъ еще неизвѣстны, но по всему тому, что̀ до насъ доходитъ съ разныхъ сторонъ, хорошаго ничего ожидать нельзя. Непринятіе ихъ, вѣроятно, повлечетъ за собою сначала прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ Австріею, а потомъ и окончательный разрывъ, хотя доселѣ продолжающіяся уменьшенія въ австрійской арміи не доказываютъ, чтобы она готовилась къ военнымъ дѣйствіямъ противъ насъ. Изъ всего этого заключить должно, что къ веснѣ положеніе наше будетъ весьма критическое и что намъ должно готовиться къ худшему, но я уповаю, какъ всегда, на милость Божію и надѣюсь, что Онъ насъ не оставитъ. Совѣсть моя чиста, ибо все, что̀ можно было сдѣлать, дабы показать врагамъ нашимъ, что мы готовы вступить съ ними въ новые переговоры на честныхъ основаніяхъ, нами исполнено. Мы дошли до-нельзя возможнаго и согласнаго

[1] Баронъ Зеебахъ графу Нессельроде, ноябрь 1855 г.

съ честью Россіи. Унизительныхъ же условій я никогда не приму и увѣренъ, что всякій истинно русскій будетъ чувствовать, какъ я. Намъ остается—перекрестившись—идти прямымъ путемъ, то есть общими и единодушными усиліями отстаивать родной край и родную честь»[1].

Пять дней спустя прибывшій въ Петербургъ прямо изъ Вѣны австрійскій посланникъ при русскомъ дворѣ графъ Эстергази вручилъ государственному канцлеру австрійскій ультиматумъ, изложенный въ депешѣ графа Буоля на его имя и поддержанный собственноручнымъ письмомъ императора Франца-Іосифа къ императору Александру. Къ депешѣ приложенъ былъ проектъ предварительныхъ условій мира, на принятіи которыхъ настаивалъ австрійскій министръ, грозя въ противномъ случаѣ «серьезными послѣдствіями». Проектъ воспроизводилъ извѣстныя уже четыре статьи, обсуждавшіяся на вѣнскихъ совѣщаніяхъ, но значительно исправленныя и дополненныя въ смыслѣ враждебномъ Россіи. Такъ, третья статья, объявляя Черное море нейтральнымъ, не только закрывала доступъ въ него военному флоту всѣхъ державъ, но воспрещала какъ Россіи, такъ и Турціи содержать или сохранять военно-морскіе арсеналы на Черноморскомъ побережьѣ. Опредѣленіе числа и вмѣстимости военныхъ судовъ, русскихъ и турецкихъ, необходимыхъ для охраны береговъ, хотя и предоставлялось прямому соглашенію Россіи съ Портою, но съ тѣмъ, чтобы конвенція о томъ была включена въ общій мирный договоръ и чтобы она не могла быть ни измѣнена, ни отмѣнена безъ согласія всѣхъ державъ, подписавшихъ трактатъ о мирѣ. Еще тягостнѣе этихъ условій было новое дополненіе къ первой статьѣ о Дунайскихъ княжествахъ: скрашенное выраженіемъ «исправленіе границы», требованіе уступки Молдавіи, взамѣнъ русскихъ крѣпостей и земель, занятыхъ союзниками прилежащаго къ Дунаю участка Бессарабіи. Условіе это было предъявлено никѣмъ инымъ, какъ самимъ вѣнскимъ дворомъ, и являлось выговоренною Австріей платой за услуги, оказанныя морскимъ державамъ, и за обѣщаніе объявить Россіи войну, въ случаѣ отклоненія ею австрійскаго ультиматума. Наконецъ, къ прежнимъ четыремъ статьямъ прибавлена, по настоянію Англіи, пятая, крайне опасная по своей неопредѣленности: «Воюющія державы предоставляютъ себѣ право предъявлять въ интересѣ Европы, сверхъ четырехъ ручательствъ, еще особыя условія (des conditions particulières en sus des quatre garanties)»[2].

По просьбѣ австрійскаго императора, король прусскій, въ довѣрительномъ письмѣ на имя Александра II, поддержалъ настоянія Франца-Іосифа. «Ваше императорское величество знаете»,—писалъ онъ царствен-

[1] Государь князю М. Д. Горчакову, 11-го декабря 1855 г.

[2] Графъ Буоль Эстергази, 4-го декабря 1855 г.

ному племяннику, — изъ всего, что баронъ Вертеръ (прусскій посланникъ въ Петербургѣ) имѣлъ случай сказать вашему кабинету, изъ соображеній, которыя онъ имѣлъ счастіе повергнуть на личное воззрѣніе вашего величества, какую огромную цѣну я придаю скорому совершенію праваго и почетнаго мира. Я твердо удѣренъ, что ваше величество признали въ откровенныхъ и честныхъ рѣчахъ моего министра доказательство глубокаго и искренняго участія моего къ Россіи и ея государю. Тѣ же чувства побуждаютъ меня еще разъ обратиться къ вамъ лично, мой дорогой и добрый Александръ. Вашему кабинету уже предъявлены предложенія, принятіе коихъ вами можетъ быть, повидимому, признано равносильнымъ возстановленію мира. Я воздерживаюсь отъ всякихъ подробностей въ оцѣнкѣ этого документа, сообщеннаго мнѣ лишь по составленіи и отправленіи въ Петербургъ; но я не былъ бы вѣренъ заботливости о мирѣ, налагаемой на меня моею совѣстью, если бы въ настоящемъ случаѣ не сталъ просить васъ, дорогой племянникъ, пойти елико возможно далеко въ вашихъ уступкахъ, зрѣло взвѣсивъ послѣдствія, которыя могутъ проистечь для истинныхъ интересовъ Россіи и самой Пруссіи, а также всей Европы, отъ безконечнаго продолженія этой ужасной войны. Стоитъ только разнуздаться разрушительнымъ страстямъ, и кто сможетъ исчислить послѣдствія этого повсемѣстнаго наводненія? Я трепещу, мой добрый и дорогой Александръ, проникаясь сознаніемъ отвѣтственности, что̀ лежитъ на обоихъ насъ; на мнѣ, если мнѣ не удастся вложить въ письмо, съ которымъ обращаюсь къ вамъ по поводу предложеній, мнѣ чуждыхъ, выраженія убѣдительности, требуемой положеніемъ; на васъ, дорогой и добрый Александръ, если вы зажмурите глаза предъ опасностью, грозящей прочности всѣхъ законныхъ правительствъ въ Европѣ. Богъ да направитъ и благословитъ, дорогой Александръ, ваши рѣшенія и да возвратитъ скорѣе вселенной благодѣянія мира»[1].

Императоръ французовъ также счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія русскаго императора мнѣніе свое объ австрійскихъ предварительныхъ мирныхъ условіяхъ. Пригласивъ къ себѣ барона Зеебаха, онъ поручилъ ему написать въ Петербургъ, что существуютъ два средства, чтобы привести великую войну къ окончанію: или полнымъ истощеніемъ одной изъ воюющихъ сторонъ, или равновѣсіемъ между ними, безъ посягательства на ихъ честь. Настоящій случай—послѣдній, говорилъ Наполеонъ III. Въ Балтійскомъ морѣ союзники не совершили ничего существеннаго; въ Крыму они одержали серьёзный успѣхъ, но стоившій имъ дорого. Сопротивленіе, оказанное русскими войсками, покрыло ихъ славою; дѣльныя стратегическія распоряженія князя Горчакова обезпечили без-

[1] Фридрихъ Вильгельмъ IV государю, декабрь 1855 г.

опасность Крыма на всю зиму. Таково прошлое. Что же касается до будущаго, то, по убѣжденію императора французовъ, шансы всѣ были на сторонѣ союзниковъ. Они не перенесутъ войну въ глубь Россіи, потому что опытъ доказалъ нецѣлесообразность этого средства; но они воспользуются всѣми усовершенствованіями, введенными въ морское дѣло, чтобы атаковать Россію въ Балтійскомъ морѣ и разрушить Кронштадтъ. Блокада черноморскихъ портовъ вынудитъ насъ содержать на югѣ значительныя военныя силы. Къ чему все это поведетъ? Къ пролитію крови и къ безполезнымъ издержкамъ, а выгоду извлечетъ одна Австрія. Наполеонъ III выражалъ искреннее намѣреніе сблизиться съ Россіей, но, прибавлялъ онъ, у Россіи нѣтъ союзниковъ, и она должна рѣшиться на жертвы. Предъявленныя ей условія—minimum, единственно возможный и, какъ они ни тяжелы, благо государства требуетъ ихъ принятія, потому что они не затрогиваютъ будущаго, не компрометируютъ его. Императоръ французовъ выставлялъ на видъ громадныя затрудненія, съ которыми ему пришлось бороться въ Лондонѣ. Англійскіе министры противятся миру, въ увѣренности, что онъ повлечетъ за собою ихъ паденіе. Наполеону, къ счастію, удалось умѣрить ихъ чудовищныя притязанія. По его словамъ, они хотѣли распространить на Азовское море принципъ нейтрализаціи и потребовать срытія Николаева. Не малаго труда стоило разъяснить имъ, что нельзя требовать того, чѣмъ не владѣешь. Но не подлежитъ сомнѣнію, что сентъ-джемскій дворъ обрадовался бы отклоненію Россіей мирныхъ условій, потому что онъ помышляетъ лишь о томъ, какъ бы отомстить за свои неудачи въ предшедшей кампаніи. Одного этого соображенія должно было бы быть достаточно, чтобы побудить Россію принять условія мира. На вопросъ Зеебаха, слѣдуетъ ли считать ихъ неподлежащими измѣненію, Наполеонъ отвѣтилъ уклончиво, что онъ искренно желаетъ сближенія съ Россіей и дастъ тому доказательство въ продолженіе мирныхъ переговоровъ [1].

Австрійскія требованія были переданы императоромъ Александромъ на обсужденіе особаго совѣщанія высшихъ государственныхъ сановниковъ, въ его личномъ присутствіи. 20-го декабря, въ восемь часовъ вечера, въ кабинетѣ государя въ Зимнемъ дворцѣ собрались: великій князь Константинъ Николаевичъ, государственный канцлеръ графъ Нессельроде, военный министръ князь Долгоруковъ, министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ, генералъ-адъютанты князь Воронцовъ и графъ Орловъ, статсъ-секретарь графъ Блудовъ и бывшій посланникъ въ Вѣнѣ баронъ Мейендорфъ. Государь самъ прочиталъ проектъ предварительныхъ условій мира, послѣ чего начались пренія. Одинъ Блудовъ высказался за войну, утверждая, что Россія подобна человѣку, на котораго напали

[1] Баронъ Зеебахъ графу Нессельроде, декабрь 1854 г.

разбойники въ лѣсу, приставивъ ему ножъ къ горлу: слѣдуетъ соглашаться на миръ лишь въ томъ случаѣ, если она лишена средствъ продолжать борьбу, въ чемъ онъ, впрочемъ, сомнѣвается. Ему возражали, что сомнѣніе это и составляетъ суть вопроса, предложеннаго на заключеніе совѣщанія; что военный министръ ясно доказалъ, что нельзя надѣяться на успѣшный исходъ войны; что министръ финансовъ подтвердилъ то же самое въ финансовомъ комитетѣ; что членамъ совѣщанія надлежитъ именно взвѣсить, представляется ли надежда на успѣхъ въ случаѣ продолженія войны, и затѣмъ высказать мнѣніе свое со всею искренностью, не прибѣгая къ сравненіямъ, которыя, подъ личиною воинственнаго патріотизма, ничего не объясняютъ и только оставляютъ вопросы, предложенные государемъ, неразрѣшенными.

Въ отвѣтъ на прямое обращеніе къ нему императора, графъ Киселевъ слѣдующимъ образомъ изложилъ свой взглядъ на дѣло: Положеніе наше—чрезвычайно трудное. Въ исторіи не было еще примѣра—союза двухъ морскихъ державъ, уничтожившихъ сообща дѣйствіе нашего флота. Четыре союзныя державы, со 108 милліонами населенія и тремя милліардами дохода, стоятъ противъ Россіи, у которой 65 милліоновъ населенія и едва одинъ милліардъ дохода. Въ такомъ положеніи, безъ помощи извнѣ, безъ всякаго вѣроятія на союзъ съ кѣмъ-либо, нуждаясь въ средствахъ для продолженія войны и имѣя въ виду, что и нейтральныя государства склоняются на сторону нашихъ противниковъ, было бы по меньшей мѣрѣ неблагоразумно рисковать новою кампаніею, которая усилитъ требованія непріятеля и сдѣлаетъ миръ еще болѣе труднымъ. Если мы и будемъ имѣть успѣхъ, то только отрицательный; тогда какъ въ противномъ случаѣ нейтральныя державы обратятся въ воюющихъ и составятъ вокругъ Россіи желѣзное кольцо. Правда, русскій народъ въ подавляющемъ большинствѣ глубоко проникнутъ сознаніемъ долга, но есть также и оттѣнки, которые могутъ поколебаться, а потому не должно ставить себя въ безвыходное положеніе, которое неизбѣжно приведетъ къ условіямъ еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ нынѣшнія. Недостатокъ оружія и запасовъ усиливается; затрудненія въ этомъ отношеніи растутъ ежедневно, какъ свидѣтельствуетъ военный министръ. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, приводятъ къ убѣжденію, что должно дѣйствовать съ крайней осторожностью и, не отвергая австрійскихъ предложеній, постараться измѣнить тѣ условія, которыя не могутъ быть нами приняты, безъ ущерба нашему достоинству, а именно: уменьшеніе нашей территоріи и нѣкоторыя изъ послѣдствій нейтрализаціи Чернаго моря. «Если союзники желаютъ мира», –заключилъ графъ Киселевъ,—«то они примутъ наши исправленія; если же нѣтъ — то да будетъ воля Божія!»

Мнѣніе Киселева было поддержано графомъ Орловымъ. Князь Воронцовъ пошелъ еще далѣе, утверждая, что если наши предложенія будутъ

отвергнуты союзниками, то нужно принять и подписать ихъ условія, не рискуя новою кампаніей. Великій князь Константинъ Николаевичъ замѣтилъ, что, допустивъ даже, что кампанія 1856 года можетъ быть начата, слѣдуетъ спросить: что же останется намъ дѣлать въ 1857 году, когда затрудненія только увеличатся? Князь Долгоруковъ высказался за миръ, если возможно заключить его пристойнымъ образомъ. Графъ Блудовъ не высказался ни за миръ, ни за войну [1].

Графъ Нессельроде прочиталъ собранію изготовленную имъ депешу на имя посланника нашего въ Вѣнѣ, въ которой выражалось условное согласіе Россіи на предложенныя Австріею предварительныя основанія мира, съ нѣкоторыми «исправленіями». Послѣднія касались дополнительныхъ требованій. Императорскій кабинетъ отвергалъ новую пятую статью, а также требованіе территоріальной уступки въ Бессарабіи и, ссылаясь на доказанное свое миролюбіе, отклонялъ отъ себя отвѣтственность за серьезныя послѣдствія, на которыя намекалъ въ своемъ ультиматумѣ вѣнскій дворъ [2]. Государь одобрилъ депешу канцлера, сдѣлавъ въ ней незначительныя измѣненія. Личный взглядъ его на дѣло виденъ изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ главнокомандующему Крымской арміей: «На австрійскія условія объ основаніяхъ для мирныхъ переговоровъ невозможно было вполнѣ согласиться, и мы отвѣчали новымъ предложеніемъ, составляющимъ крайній предѣлъ уступкамъ нашимъ. Дай Богъ, чтобы они могли имѣть желаемый успѣхъ, ибо иначе положеніе наше сдѣлается самое затруднительное. Уповаю и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, на милость Божію» [3].

30-го декабря князь А. М. Горчаковъ передалъ графу Буолю нашъ отвѣтъ на его предложенія. Австрійскій министръ отказался довести его до свѣдѣнія союзниковъ, настаивая на безусловномъ принятіи ультиматума и предваривъ, что если таковое не будетъ сообщено ему по телеграфу въ шестидневный срокъ, то австрійскій посланникъ получитъ приказаніе оставить Петербургъ. Все, чего удалось достигнуть нашему представителю, было обѣщаніе Буоля, что вопросъ о земельной уступкѣ будетъ еще обсуждаться на мирномъ конгрессѣ, и что Англія и Франція не воспользуются пятою статьею для предъявленія Россіи требованій вознагражденія за военныя издержки или новыхъ территоріальныхъ жертвъ [4].

Въ телеграммѣ, извѣщавшей канцлера о заявленіяхъ главы австрійскаго кабинета, князь А. М. Горчаковъ выразилъ убѣжденіе, что ультиматумъ графа Буоля надо отвергнуть и что Россіи слѣдуетъ непосредственно

[1] Дневникъ графа Киселева, 20-го декабря 1855 г., въ книгѣ Заблоцкаго-Десятовскаго: «Графъ П. Д. Киселевъ и его время», т. II.

[2] Графъ Нессельроде князю А. М. Горчакову, 23-го декабря 1855 г.

[3] Государь князю М. Д. Горчакову, 25-го декабря 1855 г.

[4] Князь А. М. Горчаковъ графу Нессельроде, 31-го декабря 1865 г.

обратиться къ императору французовъ съ такими предложеніями, которыя, удовлетворивъ интересамъ Франціи, удалили бы изъ мирной программы требованіе земельной уступки въ Бессарабіи, прибавленное вѣнскимъ дворомъ въ исключительно австрійскомъ интересѣ. Но графъ Нессельроде, не раздѣляя надеждъ посланника въ Вѣнѣ, не сообщилъ его телеграммы совѣщанію, созванному въ прежнемъ составѣ 3-го января 1856 года въ государевомъ кабинетѣ, для вторичнаго обсужденія вопроса о мирѣ.

Собраніе открылось чтеніемъ записки, составленной въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, излагавшей взглядъ канцлера и приходившей къ заключенію, что Россіи не остается иного выбора, какъ принять безъ измѣненія всѣ пять статей предварительныхъ основаній для мирныхъ переговоровъ. Дѣйствительно, разсуждалъ графъ Нессельроде, намъ приходится либо безусловно принять, либо безусловно отвергнуть австрійскія предложенія. Но отклоненіе ихъ неминуемо повлечетъ за собою дипломатическій разрывъ съ Австріей, послѣдствіемъ коего будетъ приступленіе къ коалиціи не только этой державы, но, вѣроятно, и всей Германіи и Скандинавскихъ государствъ. Конечно, сопротивленіе Россіи еще не сломлено, не истощились ни энергія правительства, ни патріотизмъ народа. Война можетъ еще продолжаться, но едва ли съ какими нибудь шансами на успѣхъ. Непріятель можетъ выбирать для нападенія любой пунктъ нашей территоріи, мы же не можемъ нигдѣ атаковать его, за исключеніемъ развѣ Малой Азіи. Побѣда нашихъ противниковъ подвергнетъ опасности самые жизненные интересы Имперіи; наша побѣда только временно ослабитъ силы противниковъ. Быть можетъ, Австрія и не вступитъ еще, въ продолженіе 1856 года, въ ряды коалиціи; но, какъ рѣшено на военномъ совѣтѣ въ Парижѣ, пока англичане, турки и сардинцы нападутъ на кавказскіе берега, французы займутъ весь Крымъ и со стороны Дуная вторгнутся въ Бессарабію. Такимъ образомъ, война будетъ перенесена въ ближайшее сосѣдство Австріи, которая легко можетъ быть увлечена. Самая Пруссія, несмотря на личное расположеніе короля, не устоитъ противъ оказываемаго на нее давленія, и Россія очутится лицомъ къ лицу съ ополчившеюся на нее совокупною Европою. Даже внѣ этой крайности неисчислимыя матеріальныя потери понесетъ Россія отъ повсемѣстной блокады ея береговъ и границъ. Такое положеніе нельзя вынести долго. Рано или поздно, мы вынуждены будемъ принять миръ. Но тогда условія его непремѣнно ухудшатся, соразмѣрно нашимъ затрудненіямъ, успѣхамъ и жертвамъ нашихъ враговъ. Расположеніе Англіи не позволяетъ намъ сомнѣваться въ этомъ исходѣ. Не безъ труда убѣдили ее согласиться на пять статей. Въ случаѣ ихъ отклоненія, она уже выразила намѣреніе предъявить новыя, тягчайшія для насъ требованія. Напротивъ, принявъ австрійскія предложенія, мы разстроимъ козни нашихъ противниковъ, разсчитывающихъ на нашъ отказъ, и получимъ возмож-

ность попытаться разъединить коалицію, составленную изъ разнородныхъ и далеко не дружественно расположенныхъ другъ къ другу элементовъ. Единственною связью между ними служила доселѣ война. Миръ разовьетъ уже обнаружившіяся между ними несогласія. Франція выказываетъ намъ сочувствіе. Наполеонъ III склоняется на нашу сторону. Нашъ отказъ надолго, быть можетъ навсегда, отброситъ его въ объятія Англіи, тогда какъ согласіе на миръ позволитъ Россіи и Франціи вступить на путь политики, которая совокупитъ ихъ интересы. Что же касается до самыхъ австрійскихъ предложеній, то, принимая ихъ, мы только принимаемъ принципы, положенные въ основаніе переговоровъ о мирѣ. Бо́льшая часть этихъ принциповъ давно уже признана нами. Опредѣленіе границы между Бессарабіею и Молдавіей зависитъ отъ окончательнаго соглашенія; о Карсѣ и Николаевѣ нѣтъ пока и рѣчи. Всѣ эти вопросы остаются открытыми. При обсужденіи ихъ мы можемъ быть поддержаны, но и въ худшемъ случаѣ, если усилія наши разобьются о враждебность противниковъ, мы, по крайней мѣрѣ, дадимъ Европѣ новое доказательство нашего миролюбія, возложимъ на союзныя державы отвѣтственность за войну и дадимъ нейтральнымъ государствамъ достаточный поводъ, чтобы не принимать участія въ борьбѣ [1].

Какъ и въ первомъ засѣданіи, графъ Воронцовъ съ жаромъ высказался въ пользу мира. Сколь ни тяжелы для насъ настоящія его условія, но продолженіемъ войны мы не получимъ лучшихъ. Напротивъ, по всѣмъ признакамъ, слѣдуетъ предвидѣть миръ еще болѣе унизительный, который на долгіе годы ослабитъ Россію неисчислимыми потерями територіальными и денежными. Опасности отторженія подвергнутся Крымъ, Кавказъ и даже Финляндія и Польша. Въ виду того, что борьба, дойдя до извѣстнаго предѣла, непремѣнно должна прекратиться, лучше не доводить дѣла до крайности и заключить миръ, прежде чѣмъ мы будемъ къ тому вынуждены полнымъ истощеніемъ нашихъ силъ и пока еще возможно сопротивленіе.

Въ томъ же смыслѣ высказался и графъ Орловъ. Признавая патріотическое возбужденіе общественнаго мнѣнія въ Россіи, онъ находилъ, что населеніе, уставшее отъ пожертвованій, все же съ радостью приметъ вѣсть о мирѣ. Во всякомъ случаѣ, дѣло правительства—взвѣсить и рѣшить вопросъ по существу, не подчиняясь вліянію неосновательныхъ предубѣжденій.

Графъ Киселевъ наглядно изобразилъ опасности, грозящія Россіи въ случаѣ продолженія войны. Области, присоединенныя къ Имперіи около полувѣка тому назадъ, не успѣли еще слиться съ нею. Глухое недовольство распространяется на Волыни и въ Подоліи агентами польской эми-

[1] Записка графа Нессельроде. 3-го января 1856 г.

граціи. Финляндія тяготѣетъ къ Швеціи. Наконецъ, Польша возстанетъ какъ одинъ человѣкъ, какъ только военныя дѣйствія союзниковъ дадутъ ей къ тому возможность. Если непріятелю удастся занять всѣ эти области, то рѣшительно нельзя предвидѣть, когда и цѣною какихъ усилій удастся намъ ихъ возвратить? Въ сравненіи съ этими случайностями, жертвы, отъ насъ требуемыя,—ничтожны.

Военный министръ князь Долгоруковъ распространился о неблагопріятности условій, при которыхъ пришлось бы продолжать войну. Баронъ Мейендорфъ обусловилъ необходимость мира полнымъ разстройствомъ нашихъ финансовъ. Даже графъ Блудовъ не рѣшился настаивать на своемъ прежнемъ мнѣніи. Со слезами на глазахъ, онъ повторилъ слова Шуазеля: «Если мы не умѣемъ вести войну, то заключимъ миръ» [1].

Въ виду такого единогласія всѣхъ своихъ совѣтниковъ, императоръ Александръ, скрѣпя сердце принесъ требуемую отъ него жертву. На другой день государственный канцлеръ объявилъ австрійскому посланнику, что Россія принимаетъ сообщенныя австрійскимъ дворомъ предварительныя условія мира. 20-го января представители воюющихъ державъ подписали въ Вѣнѣ протоколъ, коимъ державы эти обязались прислать въ трехнедѣльный срокъ уполномоченныхъ на конгрессъ въ Парижъ для заключенія перемирія и подписанія мирнаго договора.

Уполномоченными Россіи на Парижскій конгрессъ назначены генералъ-адъютантъ князь Орловъ и посланникъ при Германскомъ Союзѣ баронъ Брунновъ. Въ наставленіи имъ графъ Нессельроде привелъ два обстоятельства, долженствующія послужить намъ на пользу: во-первыхъ, признанное всею Европой несомнѣнное миролюбіе русскаго императора, прямота и искренность его намѣреній; во-вторыхъ, различіе интересовъ и страстей, проявленное нашими противниками. Англія, утверждалъ канцлеръ, есть и останется непримиримымъ нашимъ врагомъ. И правительство, и общественное мнѣніе этой страны одинаково одушевлены ненавистью къ Россіи и желаютъ продолженія войны. Въ этомъ стремленіи Наполеонъ III расходится со своею союзницею. Конечно, онъ не доведетъ дѣла до разрыва союза съ Англіей, ни даже до вступленія съ нею во враждебныя отношенія, но онъ, несомнѣнно, воспользуется случаемъ выйти изъ-подъ ея зависимости. На это указываетъ его расположеніе вступить въ болѣе тѣсную связь съ вѣнскимъ дворомъ. Отъ искусства нашихъ уполномоченныхъ будетъ зависѣть воспользоваться такимъ настроеніемъ императора французовъ. Главною ихъ задачею должно быть устраненіе изъ мирнаго договора такихъ постановленій, редакція которыхъ была бы оскорбительна для Россіи; прежде всего, имъ слѣдуетъ приложить все стараніе, чтобы, взамѣнъ очищенія русскихъ городовъ и мѣстностей, за-

[1] Протоколъ совѣщанія, 3-го января 1856 г.

нятыхъ союзниками, послѣдніе удовольствовались возвращеніемъ Карса, другими словами, избѣжать земельный уступки въ Бессарабіи. На ихъ выборъ предоставлялось, дѣйствуя сообразно съ обстоятельствами, либо удовлетворить Англію въ Азіи и тѣмъ изолировать Австрію и лишить ее возможности настаивать на устраненіи Россіи отъ Дуная, либо присоединиться къ состоявшемуся уже, повидимому, соглашенію Австріи съ Франціей, дабы противодѣйствовать Англіи и ея чрезмѣрнымъ требованіямъ. «Впрочемъ»,—присовокуплялъ канцлеръ,—«мы должны только маневрировать, вести временную игру, съ цѣлью ослабить нашихъ враговъ, и достигнуть главной цѣли—заключенія мира. Но теперь государь императоръ, болѣе чѣмъ когда нибудь, желаетъ сохранить своей политикѣ свободу отъ всякихъ обязательствъ. Россія не имѣетъ надобности заключать преждевременные союзы, чтобы возвратить себѣ то политическое вліяніе въ Европѣ, которымъ она такъ долго пользовалась». Слѣдовалъ совѣтъ: остерегаться императора французовъ. При неопредѣленности видовъ Наполеона III, направленныхъ къ обезпеченію собственнаго положенія, мы никоимъ образомъ не должны связывать нашу съ его политикой. Все, что дозволялось уполномоченнымъ,—было заручиться его добрымъ расположеніемъ, давъ ему понять ту выгоду, какая проистечетъ лично для него отъ примиренія съ Россіей, безъ участія которой, каково бы ни было настроеніе остальной Европы, не исключая и Англіи, не можетъ состояться коалиціи противъ его династическихъ правъ [1].

Брунновъ пріѣхалъ въ Парижъ нѣсколькими днями ранѣе Орлова. Изъ перваго свиданія съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ онъ уже вынесъ убѣжденіе, что Наполеонъ III искренно желаетъ мира и сдѣлаетъ все, что можетъ, для устраненія препятствій, которыхъ слѣдуетъ ожидать во время переговоровъ отъ Англіи и Австріи. То же подтвердилъ ему Морни, прибавивъ, что хотя императоръ французовъ и будетъ гласно заявлять о ненарушимости своего союза съ Англіей, но что этимъ не надо смущаться, ибо подобныя заявленія будутъ только прикрывать совершающееся въ немъ перерожденіе. Громко выражали свое сочувствіе Россіи министры—военный и морской, маршалъ Вальрянъ и адмиралъ Гамеленъ, а также генералъ Ніель, инженеръ, руководившій осадой Севастополя. Въ салонахъ и даже въ публикѣ проявлялась живая симпатія къ русскимъ. «Такъ какъ вы желали моего прибытія»,—сказалъ Брунновъ Валевскому, котораго близко зналъ по Лондону, гдѣ оба дипломата были до войны посланниками при сентъ-джемскомъ дворѣ,—«то, я надѣюсь, не для того, чтобы я испыталъ неудачу».—«Избави Богъ»,—отвѣчалъ министръ,—«ударъ поразилъ бы не васъ однихъ; я раздѣлилъ бы его вмѣстѣ съ вами; для меня это было бы еще важнѣе, а потому вы

[1] Графъ Нессельроде графу Орлову, 30-го января 1856 г.

понимаете, что я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, для отвращенія неудачи»[1].

9-го февраля прибылъ въ столицу Франціи графъ Орловъ и, послѣ визита Валевскому, былъ принятъ Наполеономъ III, сначала въ торжественной, а потомъ и въ частной аудіенціи. Послѣдняя происходила въ кабинетѣ императора, съ глазу на глазъ. Орловъ откровенно изложилъ своему собесѣднику содержаніе полученныхъ инструкцій, сказавъ, на что можетъ согласиться, при предстоящихъ переговорахъ, и что долженъ отвергнуть. Россія, говорилъ онъ, согласна на свободу плаванія по Дунаю, на нейтрализацію Чернаго моря, но, возвращая Карсъ и другія мѣстности, занятыя ею въ Малой Азіи, она въ правѣ надѣяться, что союзники откажутся отъ требованія земельной уступки въ Бессарабіи. Сообщеніе свое онъ заключилъ просьбой къ императору оказать нашимъ заявленіямъ поддержку во всей ихъ совокупности, и тогда, прибавилъ онъ, дѣло мира скоро будетъ приведено къ желанному концу. На вопросъ Наполеона, согласимся ли мы не возобновлять укрѣпленій Бомарзунда, первый нашъ уполномоченный отвѣчалъ, что таково намѣреніе императора Александра, который желаетъ однако, чтобы обязательство это не было внесено въ мирный трактатъ. Тогда императоръ французовъ озадачилъ Орлова вторымъ, совершенно неожиданнымъ вопросомъ: «Я хотѣлъ бы знать ваши мысли относительно вѣнскихъ договоровъ 1815 года. Обстоятельства внесли въ нихъ значительныя измѣненія. Что думаете вы о ихъ пересмотрѣ?» Связанный своими инструкціями, Орловъ ограничился отвѣтомъ, что вопросъ этотъ, по обширности своей, затрогиваетъ интересы всѣхъ европейскихъ державъ, и что онъ не считаетъ себя въ правѣ высказать о немъ свое личное мнѣніе. «Но вѣдь это простой разговоръ»,—замѣтилъ Наполеонъ, и тотчасъ прибавилъ: «А бѣдная Италія!.. Во всякомъ случаѣ она не можетъ остаться въ своемъ настоящемъ состояніи, полномъ страданія. Развѣ нельзя что нибудь для нея сдѣлать? Я говорилъ объ этомъ съ графомъ Буолемъ—онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ. Кажется, ему не нравится этотъ вопросъ. Потомъ также эта бѣдная Польша, стѣсняемая въ своей религіи! Развѣ милосердіе императора не можетъ положить конецъ угнетеніямъ католической церкви? Развѣ нельзя облегчить сколько нибудь судьбу многихъ несчастныхъ, увлекшихся политическими заблужденіями?» Орловъ съ живостью возразилъ, что Польша пострадала по собственной винѣ; что ей предоставлены были всѣ способы процвѣтанія, но она не сумѣла ими воспользоваться; что поляки лишились своихъ политическихъ правъ, потому что нарушили клятву и обѣщанія; что тѣмъ не менѣе имъ обезпечена полная свобода вѣроисповѣданія и что съ этою цѣлью пересматривается конкордатъ, заключенный съ папой. «Со дня

[1] Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, 7-го февраля 1856 г.

вступленія на престолъ»,—заключилъ нашъ первый уполномоченный.—«государь императоръ превысилъ надежды, возлагаемыя на его милосердіе, и хотя я не позволяю себѣ высказаться о его намѣреніяхъ, но полагаю, что въ день своего коронованія онъ имѣетъ въ виду облегчить участь виновныхъ».

Изъ первой своей бесѣды съ Наполеономъ графъ Орловъ вынесъ впечатлѣніе, что мысль о пересмотрѣ договоровъ 1815 года сильно занимаетъ императора французовъ, и что онъ съ этою цѣлью намѣренъ созвать въ близкомъ будущемъ новый конгрессъ [1].

Первое засѣданіе Парижскаго конгресса состоялось 13-го февраля. Въ немъ приняли участіе только представители воюющихъ державъ. Первыми уполномоченными нашихъ противниковъ были министры иностранныхъ дѣлъ: Франціи—графъ Валевскій, Англіи—лордъ Кларендонъ, Австріи—графъ Буоль, Сардиніи—графъ Кавуръ и Турціи—великій визирь Аали-паша; вторыми уполномоченными назначены: французскимъ—посланникъ въ Вѣнѣ и посланники прочихъ державъ при тюильрійскомъ дворѣ. Пруссія не засѣдала въ первыхъ собраніяхъ конгресса и уполномоченные ея, министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Мантейфель и посланникъ въ Парижѣ графъ Гацфельдъ, приглашены были занять въ немъ мѣста лишь три недѣли спустя, съ одиннадцатаго засѣданія, 6-го марта, когда уже были обсужены и окончательно разрѣшены главные вопросы, бывшіе предметомъ пререканій между воюющими сторонами.

Пренія въ первыхъ засѣданіяхъ, а также въ частныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ промежуткахъ собраній конгресса, начались съ самаго жгучаго вопроса: объ измѣненіи границы въ Бессарабіи. Наши уполномоченные предложили: либо замѣнить предположенную уступку на Дунаѣ возвращеніемъ Карса, либо сохранить Карсъ за Россіей. Англичане возражали со страстною запальчивостью, что союзники поручились за цѣлость владѣній Порты, и что Англія скорѣе рѣшится вести безконечную войну, чѣмъ согласится на ослабленіе Оттоманской Имперіи въ самой уязвимой ея части—Малой Азіи. Встревоженный горячностью спора между представителями Россіи и Великобританіи, графъ Валевскій поспѣшилъ прервать засѣданіе. «Англичане отвергаютъ вознагражденіе за Карсъ»,—доносилъ графъ Орловъ по телеграфу.—«Кажется, нельзя будетъ избѣжать измѣненія границъ Бессарабіи. Мы держимся твердо и отсрочили засѣданіе, чтобы поставить Наполеона въ извѣстность о положеніи переговоровъ. Если это средство не удастся, то наши инструкціи уполномачиваютъ насъ принять требованіе, иначе негоціація будетъ прервана». На телеграммѣ этой императоръ Александръ сдѣлалъ отмѣтку: «Судя по началу, я не предвижу ничего хорошаго» [2].

[1] Графъ Орловъ графу Нессельроде, 19-го января 1856 г.

[2] Графъ Орловъ графу Нессельроде, 14-го февраля 1856 г.

Императоръ Александръ II и князь М. Д. Горчаковъ при объѣздѣ войскъ въ Севастополѣ.

(Съ литографіи Тимма.)

Графъ Орловъ воспользовался приглашеніемъ къ обѣду въ Тюильри, чтобы воззвать къ посредничеству Наполеона III-го. Изложивъ ему ходъ переговоровъ, онъ заявилъ, что настала минута прибѣгнуть къ личной помощи императора французовъ, въ виду ежеминутно возрастающихъ притязаній Англіи и колебаній Австріи, которыя могутъ привести къ окончательной размолвкѣ. «Императоръ Александръ»,—прибавилъ онъ,—«свято исполнитъ всѣ данныя имъ обѣщанія. Если онъ рѣшился согласиться на австрійскія предложенія, то только потому, что, судя по нѣкоторымъ даннымъ, полагалъ, что владѣніе Карсомъ придастъ большой вѣсъ ходу переговоровъ и будетъ поддержано могущественнымъ вмѣшательствомъ вашего величества». Наполеонъ сознался, что дѣйствительно самъ онъ далъ понять Орлову, что Карсъ могъ бы вознаградить Россію за уступку Бессарабскаго участка, но что въ этомъ вопросѣ онъ встрѣтилъ со стороны Англіи и Австріи непреодолимыя затрудненія, въ особенности послѣ того, какъ онъ воспротивился «чудовищнымъ» требованіямъ Англіи разрушить Николаевъ и распространить на Азовское море ограниченія, установляемыя въ Черномъ морѣ, равно какъ и многимъ другимъ условіямъ, задѣвающимъ Россію за живое. По вопросу о Карсѣ онъ не можетъ, однако, разорвать всѣ связи со своими союзниками, не подвергаясь обвиненію въ неустойчивости. Но, вполнѣ понимая выгоду для себя крѣпкаго союза съ Россіей, согласнаго какъ съ чувствами, такъ и съ интересами Франціи, онъ обѣщаетъ, не выходя изъ предѣловъ осторожности, при опредѣленіи пограничной черты въ Бессарабіи и вообще при обсужденіи всѣхъ уже принятыхъ Россіей условій, приказать своимъ уполномоченнымъ поддерживать насъ, и самъ будетъ предварительно изслѣдовать всѣ могущія встрѣтиться затрудненія. Въ заключеніе, онъ разрѣшилъ Орлову во всѣхъ важныхъ случаяхъ непосредственно обращаться къ нему [1].

Заручившись поддержкою императора французовъ, графъ Орловъ проявилъ большую твердость при обсужденіи вопроса о пограничной чертѣ. «Споры о границахъ въ Бессарабіи уже начались»,—доносилъ онъ въ Петербургъ еще наканунѣ открытія конгресса. «Расположеніе Австріи дурно и неуступчиво, Франція держитъ себя сдержанно по этому вопросу. Я почти не сомнѣваюсь, что дойду до крайнихъ предѣловъ моихъ инструкцій». На этой телеграммѣ Орлова императоръ Александръ надписалъ: «Я желалъ бы избѣжать этой крайности».

Послѣ обѣда въ тюильрійскомъ дворцѣ и слѣдовавшаго за нимъ разговора съ Наполеономъ, нашъ первый уполномоченный поѣхалъ на засѣданіе конгресса, «чувствуя уже твердую почву подъ собою». Императоръ французовъ сдержалъ обѣщаніе. Валевскій условился съ Орловымъ, что изъ трехъ русскихъ проектовъ разграниченія онъ будетъ оспаривать

[1] Графъ Орловъ графу Нессельроде, 13-го февраля 1856 г.

первый и второй, чтобы не обнаружить предъ прочими членами конгресса состоявшагося между уполномоченными Россіи и Франціи соглашенія, но станетъ энергично поддерживать третій нашъ проектъ. Болѣе того, о принятіи послѣдняго предупредилъ самъ Наполеонъ графа Буоля и лорда Кларендона, чѣмъ и рѣшилъ дѣло въ нашу пользу. «Мы могли въ въ этомъ убѣдиться»,—писалъ графъ Орловъ графу Нессельроде,—«по замѣтно смягченному, даже можно сказать приниженному тону, который вдругъ приняли наши противники». Конгрессъ отвергнулъ пограничную черту, предложенную представителями Австріи, и принялъ, съ незначительнымъ измѣненіемъ, третій проектъ русскихъ уполномоченныхъ. Выгоды, пріобрѣтенныя Россіей, Орловъ перечислилъ въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: 1) По австрійскому проекту, крѣпость Хотинъ отходила къ Молдавіи; австрійцы очень желали этого, чтобы ослабить насъ со стороны своихъ буковинскихъ границъ: мы удержали Хотинъ за собою. 2) Сверхъ того, мы удержали три четверти участка, который по австрійскому проекту долженъ былъ отойти отъ Бессарабіи къ Молдавіи. Мы сохранили также: 3) главный торговый путь съ сѣвера на югъ Бессарабіи и 4) всѣ нѣмецкія и болгарскія колоніи въ этой области, съ главнымъ центромъ послѣднихъ Бѣлградомъ [1].

Не менѣе дѣятельное содѣйствіе оказалъ намъ императоръ Наполеонъ при обсужденіи пятой статьи предварительныхъ основаній мира, о дополнительныхъ условіяхъ, имѣвшихъ быть предъявленными намъ въ интересахъ Европы. Первое изъ этихъ условій—было требованіе не возобновлять укрѣпленій на Аландскихъ островахъ. Уполномоченные наши согласились на него съ оговоркою, что уступка эта будетъ признана добровольною, каковою она и занесена въ дополнительную конвенцію къ мирному договору. Зато Орловъ и Бруновъ категорически отвергли требованіе Англіи, которая хотѣла ни болѣе, ни менѣе, какъ подвергнуть сомнѣнію всѣ наши права на владѣніе кавказскимъ берегомъ Чернаго моря по ту сторону Кубани. Возраженія нашихъ представителей были энергично поддержаны Валевскимъ, и графъ Орловъ могъ телеграфировать въ Петербургъ: «Претензіи англичанъ о независимости Мингреліи, Закавказья и другія требованія—совершенно отвергнуты. Наши пограничныя крѣпости остаются нетронутыми. Споры по поводу Николаева, возбужденные лордомъ Кларендономъ, устранены нашими отвѣтами. Редакція по нейтрализаціи Чернаго моря окончена. Остается только конвенція наша съ Портой о числѣ военныхъ судовъ въ Черномъ морѣ—вопросъ довольно трудный. Принципъ закрытія Проливовъ утвержденъ» [2]. «Все это хорошо»,—гласитъ собственноручная замѣтка на этой телеграммѣ императора Александра.

---

[1] Графъ Орловъ графу Нессельроде, 28-го февраля 1856 г.

[2] Графъ Орловъ графу Нессельроде, 21-го февраля 1857 г.

Благодаря дружной поддержкѣ представителей Франціи, наши уполномоченные легко пришли къ соглашенію съ турецкими объ опредѣленіи предѣльнаго числа военныхъ судовъ, которыя прибрежныя державы сохраняли право содержать въ Черномъ морѣ. Этимъ исчерпывались, въ числѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію конгресса, тѣ, что касались прямыхъ интересовъ Россіи. О достигнутыхъ нашими уполномоченными результатахъ графъ Орловъ писалъ канцлеру въ концѣ февраля: «Начиная съ 13-го числа, когда открылась первая конференція, все казалось неопредѣленнымъ и неяснымъ. Мало-по-малу все разъяснилось и притомъ—въ нашу пользу. Я не позволю себѣ съ увѣренностью сказать, что исходъ совѣщаній вполнѣ обезпеченъ. Это зависитъ отъ множества разнородныхъ интересовъ непредвидѣнныхъ и въ особенности постороннихъ случайностей, которыя ставятъ меня внѣ возможности дѣйствовать иначе, какъ въ разсчетѣ на простую вѣроятность. До сихъ поръ императоръ Наполеонъ, судя по словамъ его и поведенію, проявляетъ желаніе придти къ мирному рѣшенію. Если бы онъ не имѣлъ этого въ виду, то не старался бы умѣрить требованія Англіи въ вопросѣ по пятой статьѣ предварительныхъ условій. Тогда переговоры немедленно прекратились бы. Нашъ отказъ согласиться на несправедливыя притязанія британскаго правительства положилъ бы конецъ переговорамъ, и отвѣтственность за то не пала бы на императора Наполеона. Словомъ, если бы онъ предпочиталъ войну, то ему стоило бы только хранить молчаніе. Но онъ вовсе не хотѣлъ того. Онъ лично вмѣшивался дѣятельно и ловко—то, чтобы умѣрить чрезмѣрные виды Англіи, то, чтобы обрѣзать разсчеты Австріи на удовлетвореніе ея интересовъ. Онъ дѣлалъ все это не только съ желаніемъ установить миръ, но еще и съ цѣлью доставить нашимъ прямымъ пользамъ справедливое удовлетвореніе. Графъ Валевскій понялъ эту мысль и осуществилъ ее съ тактомъ и талантливо. На конференціяхъ ему случалось поддерживать англійскихъ представителей, дабы показать оффиціально, что Франція не хочетъ разойтись съ Англіей. Но въ нашихъ довѣрительныхъ разговорахъ онъ всегда обнаруживалъ по отношенію къ намъ миролюбивое и, скажу даже, дружественное расположеніе. Онъ поставилъ себя съ нами въ положеніе не врага, а нашего помощника, какимъ самъ называлъ себя»[1].

Оставалось условиться по вопросамъ, лишь косвенно касавшимся Россіи: будущему устройству изъятыхъ изъ-подъ русскаго покровительства Молдавіи, Валахіи и Сербіи и обезпеченію правъ и преимуществъ христіанскихъ подданныхъ султана.

Относительно Дунайскихъ княжествъ графъ Орловъ писалъ канцлеру: «Приступая къ дѣлу, мы должны всегда помнить, что главная наша обязанность, выражающая непремѣнную волю государя императора, заклю-

[1] Графъ Орловъ графу Нессельроде, 28-го февраля 1856 г.

чается въ возстановленіи мира, что должно быть главнымъ предметомъ нашихъ усилій. Эта великая миссія относится къ прямымъ интересамъ Имперіи. Поэтому интересы княжествъ имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Я не буду ими пренебрегать. Я буду съ твердостью ихъ поддерживать, насколько это возможно; но, какъ вѣрный слуга моего государя, я долженъ помнить, что благо Россіи, ея безопасность, честь, процвѣтаніе въ будущемъ и стараніе сберечь кровь ея храбрецовъ, составляютъ—согласно высочайшей волѣ государя императора—высшій для меня законъ»[1]. Вполнѣ раздѣляя взгляды перваго уполномоченнаго, графъ Нессельроде отвѣчалъ ему: «Молдавія и Валахія дали такъ много доказательствъ своей неблагодарности за всѣ благодѣянія, какія онѣ получили цѣною русской крови, что не приходится за нихъ еще проливать эту кровь. Что касается до княжествъ, то для насъ важно только, чтобы, согласно Адріанопольскому миру, всѣ крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная были срыты и чтобы не строили новыхъ крѣпостей на Дунаѣ, отъ Рени до устья, потому что эти крѣпости явились бы передовымъ постомъ Турціи, выставленнымъ противъ Россіи»[2].

На конгрессѣ Франція предложила соединить Молдавію и Валахію въ одно княжество, подъ верховнымъ владычествомъ Порты; Англія поддержала это предложеніе; Австрія находила его преждевременнымъ, а Турція рѣшительно отвергла. Русскіе уполномоченные воздержались отъ подачи мнѣнія. Предложеніе ихъ занести въ мирный договоръ преимущества, признанныя Портою за Сербіею, было принято единогласно[3].

Гораздо болѣе затрудненій представилъ вопросъ о правахъ турецкихъ христіанъ. Великій визирь объявилъ, что недавно обнародованный по этому предмету гатти-шерифъ султана уже даровалъ его христіанскимъ подданнымъ права, далеко превосходящія все, что было до сихъ поръ выговорено въ ихъ пользу, а потому и нѣтъ надобности включать въ трактатъ какія-либо о томъ постановленія. Графъ Орловъ возразилъ, что, по мнѣнію русскаго императора, этотъ именно пунктъ и составляетъ главное достоинство мирнаго соглашенія великихъ европейскихъ державъ, предметъ общихъ ихъ усилій, и предложилъ: статью, подтверждавшую права христіанскихъ подданныхъ Порты, поставить въ началѣ договора, въ томъ уваженіи, что вопросъ этотъ равно интересуетъ всѣ христіанскія державы, обязанныя разрѣшить его по совѣсти и чести. Уполномоченные Франціи, Англіи, Австріи и Сардиніи единогласно выразили одобреніе русскому предложенію. Даже представители Турціи не возражали и только просили отсрочки до полученія изъ Константинополя дополнительныхъ инструкцій[4].

[1] Графъ Орловъ графу Нессельроде, 19-го февраля 1856 г.
[2] Графъ Нессельроде графу Орлову, 3-го марта 1856 г.
[3] Графъ Орловъ графу Нессельроде, 28-го февраля 1856 г.
[4] Графъ Орловъ графу Нессельроде, 19-го февраля 1856 г.

Но положеніе измѣнилось съ полученіемъ этихъ инструкцій. Порта ни за что не соглашалась занести въ мирный договоръ признаніе за своими подданными-христіанами какихъ-либо правъ или преимуществъ, и отказъ ея былъ страстно поддержанъ уполномоченными Англіи. Русскій проектъ редакціи этой статьи Кларендонъ назвалъ «въ десять разъ худшимъ, чѣмъ даже нота князя Меншикова», и самъ Валевскій объявилъ, «что нельзя заставить турецкихъ уполномоченныхъ подписаться подъ нимъ». О своемъ проектѣ Орловъ телеграфировалъ въ Петербургъ: «Судя по всему, принятіе его возбудитъ непреодолимыя затрудненія. Въ этомъ вопросѣ мы стоимъ одни. Прошу сказать мнѣ, до какого предѣла могу я довести свое сопротивленіе? Слѣдуетъ ли безусловнымъ отказомъ компрометировать подписаніе самаго мира? Мы будемъ стараться достигнуть всего, что̀ въ нашей власти, но я сомнѣваюсь въ какомъ-либо успѣхѣ» [1]. Канцлеръ въ отвѣтъ предложилъ, именемъ императора, сдѣлать все возможное для лучшей редакціи статьи, относящейся до христіанъ, «однако»,—прибавилъ онъ,—«если не удастся вамъ сдѣлать этого, не подвергая риску заключеніе мира, то вамъ разрѣшается принять редакцію въ томъ видѣ, въ какомъ она состоится» [2].

Возможнымъ оказалось весьма немногое, а именно, что вмѣсто того, чтобы быть помѣщенной въ концѣ трактата, статья о турецкихъ христіанахъ включена въ его начало. Самая редакція статьи, условленная между Валевскимъ и Кларендономъ, была крайне неопредѣленна и не создала для турокъ положительнаго обязательства предъ Европой. Неуспѣхъ нашихъ уполномоченныхъ въ этомъ дѣлѣ объясняется отказомъ Наполеона III поддержать ихъ мнѣніе. Орловъ приписывалъ его упорному сопротивленію, встрѣченному со стороны великобританскаго правительства. «Не имѣя личной опоры императора»,—писалъ онъ,—«всѣ мои самыя ревностныя усилія остались безплодными предъ конференціей, на которой уполномоченные Россіи, при настоящихъ обстоятельствахъ, остаются изолированными. Моя попытка послужитъ, по крайней мѣрѣ, доказательствомъ, что я не пренебрегъ ничѣмъ, что̀ могло способствовать осуществленію намѣренія императорскаго кабинета, въ границахъ возможнаго. Если бы я попытался преступить эти границы, то рисковалъ бы успѣхомъ переговоровъ, ввѣренныхъ моимъ стараніямъ. Избѣжавъ этой опасности по вопросу о заключеніи почетнаго мира, совѣсть говоритъ мнѣ, что я вѣрно исполнилъ обязанности, возложенныя на меня государемъ императоромъ, и что я служилъ законнымъ и истиннымъ интересамъ Россіи» [3]. На телеграмму, излагавшую тѣ же соображенія, государственный

[1] Графъ Орловъ графу Нессельроде, 9-го марта 1856 г.

[2] Графъ Нессельроде графу Орлову, 12 марта 1856 г.

[3] Графъ Орловъ графу Нессельроде, 17-го марта 1856 г.

канцлеръ по телеграфу же отвѣчалъ графу Орлову: Государь императоръ одобряетъ все вами сказанное и сдѣланное. Теперь не будутъ уже создавать затрудненій (On ne mettra plus de batons dans les roues). Кончайте и подписывайте»[1].

Парижскій мирный договоръ подписанъ 18-го марта, въ годовщину сдачи Парижа союзнымъ войскамъ въ 1814 году.

Актъ этотъ не только прекратилъ войну Россіи съ морскими державами и Турціею, но и опредѣлилъ на совершенно новыхъ основаніяхъ судьбу Востока Европы. Имъ Турція принята въ общеніе христіанскихъ державъ, обязавшихся сообща уважать независимость и цѣлость Оттоманской имперіи и считать всякое посягательство на нихъ дѣломъ общеевропейскаго интереса. Вслѣдствіе сего державы обязались, въ случаѣ возникновенія какихъ-либо несогласій между одной изъ нихъ и Портою, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ силѣ, воззвать къ посредничеству всѣхъ прочихъ державъ. Султанъ, хотя и сообщилъ державамъ изданный имъ фирманъ, улучшающій участь христіанскихъ его подданныхъ, но договаривающіяся стороны, «признавъ высокое значеніе этого сообщенія», постановили, что оно не даетъ имъ права ни въ какомъ случаѣ, ни единолично, ни совокупно, вмѣшиваться въ отношенія султана къ его подданнымъ или во внутреннее управленіе его имперіей. Подтверждена конвенція 1841 года о закрытіи Дарданеллъ и Босфора для военныхъ флотовъ всѣхъ націй; Черное море провозглашено нейтральнымъ; входъ въ него возбранялся военному флоту всѣхъ державъ, въ томъ числѣ и прибрежныхъ, за исключеніемъ изъятій, опредѣленныхъ въ отдѣльной конвенціи, заключенной между Россіей и Турціей и приложенной къ общему трактату, какъ составная часть, съ тѣмъ, что ни Россія, ни Турція не имѣютъ права ни отмѣнить, ни измѣнить ее безъ согласія всѣхъ державъ, подписавшихъ мирный договоръ; воспрещено сооруженіе или сохраненіе военно-морскихъ арсеналовъ на берегахъ Чернаго моря, которое объявлено открытымъ для свободнаго плаванія лишь торговыхъ судовъ всѣхъ націй; актъ вѣнскаго конгресса о рѣчномъ плаваніи распространенъ на Дунай; для производства работъ по расчисткѣ устьевъ Дуная и для завѣдыванія судоходствомъ по этой рѣкѣ учреждены двѣ комиссіи: одна европейская, изъ представителей всѣхъ великихъ державъ, а другая изъ уполномоченныхъ державъ прибрежныхъ; «для лучшаго обезпеченія свободы плаванія по Дунаю», Россія уступила прилегающую къ нему часть Бессарабіи, отходившую къ Молдавіи, Валахіи и Молдавіи, равно какъ и Сербіи, остававшимся подъ верховнымъ владычествомъ Порты; державы поручились за сохраненіе правъ и преимуществъ, коими княжества эти пользовались дотолѣ; проведеніе новыхъ границъ между Россіей и Турціей въ Европѣ

[1] Графъ Нессельроде графу Орлову, 17-го марта 1856 г.

и провѣрка старыхъ въ Азіи возложена на комиссію, составленную изъ делегатовъ всѣхъ великихъ державъ; торговля между договаривающимися сторонами возстановлена на основаніяхъ, дѣйствовавшихъ до войны; взаимно возвращены занятые чужими войсками города и области и провозглашена полная амнистія тѣмъ изъ подданныхъ воевавшихъ державъ, которые дѣйствовали въ пользу непріятеля. Къ общему мирному трактату были приложены три отдѣльныя конвенціи: первая—подписанная всѣми шестью державами—о закрытіи Проливовъ; вторая—заключенная между Россіей и Турціей—о числѣ военныхъ судовъ, которое каждая изъ нихъ имѣла право содержать въ Черномъ морѣ; и третья—состоявшаяся между Россіей, Франціей и Англіей, въ которую занесено было заявленіе Россіи, что Аландскіе острова не будутъ укрѣплены и что на нихъ не будетъ возведено никакихъ военныхъ или морскихъ сооруженій [1].

При первомъ извѣстіи о подписаніи мирнаго договора, полученномъ императоромъ Александромъ во время поѣздки въ Финляндію, государь поручилъ канцлеру благодарить графа Орлова за настойчивыя усилія, употребленныя имъ для ускоренія окончательнаго мира. «Это—новая и видная услуга, оказанная вами отечеству»,—писалъ ему графъ Нессельроде,—«такъ какъ мы пришли къ такому положенію, что необходимость быть готовыми къ возможной войнѣ безполезно вызывала большія издержки. Среди всѣхъ разнообразныхъ затрудненій, вы ничѣмъ не пренебрегли, ни въ формѣ, ни въ сущности дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ весьма важно, вы успѣли, не вводя Россію ни въ какія обязанности, ослабить узы коалиціи противъ насъ до того, что сомнительно, чтобы эти узы пережили заключеніе мира» [2]. По полученіи въ Петербургѣ самаго трактата и донесеній о переговорахъ, непосредственно предшествовавшихъ его подписанію, Александръ Николаевичъ приказалъ повторить обоимъ уполномоченнымъ выраженіе своей признательности. «Государю императору благоугодно было»,—сообщалъ канцлеръ Орлову,—«оцѣнить по достоинству непреклонную настойчивость, проявленную вами для того, чтобы побороть злыя намѣренія нашихъ враговъ, равно какъ и мудрую проницательность, съ которою вы и баронъ Брунновъ сумѣли, среди возникавшихъ затрудненій, устранить препятствія, которыя повредили бы соглашенію». Упомянувъ объ успѣхѣ стараній Орлова заручиться поддержкою Наполеона III, графъ Нессельроде продолжалъ: «Желанія ваши исполнились, и вы сохранили при этомъ искренность, полную достоинства, столь согласнаго съ чувствами государя императора. Вы успѣли, при добромъ расположеніи къ вамъ императора Наполеона, разстроить намѣренія Англіи и уничтожить коалицію, принимавшую все болѣе и болѣе страшные раз-

[1] Мирный договоръ, 18-го марта 1856 г.

[2] Графъ Нессельроде графу Орлову, 19-го марта 1856 г.

мѣры. способную ввергнуть Россію въ продолжительную войну, исходъ которой нельзя было предвидѣть. Занятымъ вами на конференціяхъ положеніемъ вы способствовали улучшенію постановленій трактата. Вашимъ поведеніемъ внѣ конгресса вы заставили уважать русское имя и возбудили къ нашимъ знаменамъ сочувствіе тѣхъ, кто были нашими противниками. Договоръ, обезпечивающій Россіи благодѣянія мира, согласованъ съ великодушнымъ самоотверженіемъ, сдѣлавшимъ его возможнымъ. Государь императоръ вполнѣ признаетъ важность новой услуги, оказанной вами отечеству» [1].

Къ депешѣ канцлера къ Орлову приложена была высочайше одобренная записка, излагавшая взглядъ императора Александра на новое политическое положеніе, истекавшее изъ мирнаго договора:

«Трактатъ, только что заключенный въ Парижѣ, полагая конецъ войнѣ, а вслѣдствіе того и образовавшейся противъ Россіи коалиціи, все же, должно признаться, оставляетъ насъ въ неопредѣленномъ положеніи относительно нашей политики въ будущемъ. Послѣ недавно перенесеннаго испытанія, Россіи нужно сосредоточиться въ самой себѣ и искать излѣчить внутренними средствами нанесенныя ей войною раны. На этой мысли должна основываться вся наша политика въ теченіе времени, которое нельзя опредѣлить, съ цѣлью достигнуть исполненія этого благого желанія и съ устраненіемъ внѣшнихъ препятствій, которыя могли бы затруднить его достиженіе. Къ осуществленію этой политики должны быть направлены теперь всѣ усилія слугъ императора. Какъ ни просто кажется это желаніе, но достигнуть его будетъ не легко. Россія стоитъ передъ Европой въ новомъ положеніи. Перенесенный ею кризисъ значительно ослабилъ ея прежнія связи. Тройственный сѣверный союзъ, долго служившій противовѣсомъ союзу морскихъ державъ, пересталъ существовать. Поведеніе Австріи разрушило обаяніе, которымъ союзъ этотъ пользовался въ Европѣ. Съ другой стороны, Швеція на сѣверѣ и Турція на югѣ стоятъ противъ насъ въ условіяхъ совершенно новыхъ и щекотливыхъ. Англія, нашъ дѣйствительный, упорный врагъ, осталась недовольной и злобной по заключеніи мира, а потому начальныя причины, вызвавшія противъ насъ коалицію, продолжаютъ существовать. Наше единственное ручательство противъ возникновенія несогласій, прекращенныхъ миромъ, и наше обезпеченіе въ томъ, что миръ этотъ продлится столько, сколько необходимо намъ для нашихъ внутреннихъ потребностей,—заключается въ добромъ къ намъ расположеніи императора Наполеона, а потому сохранить это расположеніе, не обязываясь, однако, слѣдовать за нимъ въ его предпріятіяхъ,—должно быть цѣлью всѣхъ нашихъ стараній». Записка приходила къ двойному заключенію. Во-

[1] Графъ Нессельроде графу Орлову, 5-го апрѣля 1856 г.

первыхъ, въ виду заявленій, сдѣланныхъ императоромъ французовъ Орлову о пересмотрѣ договоровъ 1815 года и въ томъ предположеніи, что подъ этимъ Наполеонъ III, вѣроятно, разумѣетъ признаніе династическихъ правъ Бонапартовъ, графу Алексѣю Ѳедоровичу предоставлялось, смотря по обстоятельствамъ, или признать эти права именемъ Россіи, или отложить это признаніе на будущее время. Во-вторыхъ, ему поручалось позаботиться объ улучшеніи отношеній Франціи къ Пруссіи. «Мы, конечно, не можемъ забыть»,—такъ оканчивалась записка,—«что изъ всѣхъ великихъ державъ одна Пруссія не была намъ враждебна. Прямые интересы связываютъ ее съ Россіей и намъ кажется, что отношенія наши къ Франціи только выиграли бы, опираясь на этотъ союзъ. Проявленное нынѣ тюильрійскимъ дворомъ примирительное расположеніе къ этой державѣ, повидимому, подтверждаетъ нашу мысль» [1].

Между тѣмъ, пока въ Петербургѣ помышляли о привлеченіи Пруссіи къ ожидаемому соглашенію Франціи съ Россіей, французское правительство, совершенно неожиданно для нашихъ уполномоченныхъ, возобновило союзную связь свою съ дворами лондонскимъ и вѣнскимъ заключеніемъ конвенціи, коею три державы ручались сообща за цѣлость и независимость Оттоманской имперіи, обязуясь почитать за «casus belli» всякое нарушеніе какой-либо изъ статей Парижскаго трактата, и въ случаѣ, если таковое произойдетъ, условиться съ Портою о необходимыхъ мѣрахъ къ безотлагательному приведенію въ движеніе своихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ [2].

Договоръ этотъ, хотя и прямо направленный противъ Россіи, былъ довѣрительно сообщенъ Валевскимъ Орлову, который, въ донесеніи канцлеру, искалъ ослабить его значеніе, приписывая ему австрійское происхожденіе. «Мысль о подобной политической комбинаціи»,—писалъ онъ,—«не нова. Графъ Буоль позаимствовалъ ее, какъ традицію, изъ архивовъ вѣнскихъ канцелярій, въ которыхъ покоятся обломки тройственнаго союза, заключеннаго въ 1814 году, передъ Вѣнскимъ конгрессомъ, по мысли, плодотворной въ основаніи, князя Меттерниха и Талейрана. Но стараясь слѣдовать примѣру политики уже отжившей, принадлежавшей къ эпохѣ, въ настоящемъ не существующей, графъ Буоль долженъ былъ бы подумать о томъ, насколько такая комбинація ненадежна. Онъ долженъ былъ бы вспомнить въ особенности, какъ блаженной памяти императоръ Александръ I сумѣлъ разстроить узкіе разсчеты своихъ противниковъ, предавъ все великодушному, но презрительному забвенію, когда трактатъ тройственнаго союза попалъ ему въ руки. Этотъ великій примѣръ политики мудрой, потому именно, что

[1] Высочайше утвержденная записка, 5-го апрѣля 1856 г.

[2] Союзный договоръ Франціи, Англіи и Австріи, 3-го апрѣля 1856 г.

она великодушна, придетъ, какъ я въ томъ увѣренъ, на мысль государю императору, когда онъ узнаетъ о дѣлѣ, слѣды коего я открылъ спустя всего нѣсколько дней по его совершеніи» [1].

Не безъ смущенія старался Валевскій увѣрить Орлова, что согласіе Франціи на совокупное ручательство за Порту дано было Англіи и Австріи еще осенью 1854 года, когда тюильрійскій дворъ не имѣлъ никакой надежды сблизиться съ Россіей. По словамъ его, Наполеонъ III долго колебался исполнить это обѣщаніе и рѣшился на это лишь для того, чтобы не навлечь на себя осужденія за нарушеніе даннаго слова. То же подтвердилъ самъ императоръ обоимъ нашимъ уполномоченнымъ. Орлову онъ выразилъ сожалѣніе, что вынужденъ былъ подписать трактатъ, въ которомъ не признаетъ нынѣ ни цѣли, ни надобности, ибо онъ заключаетъ лишь общія мѣста, подходящія ко всѣмъ случайностямъ. На замѣчаніе Орлова, что ему понятны побужденія, руководившія Австріей и Англіей, которыя хотѣли поссорить насъ съ Франціей и предупредить возможность союза между нею и Россіей,—Наполеонъ отвѣчалъ: «Когда я узналъ отъ Валевскаго, что текстъ трактата вамъ еще не сообщенъ, я выразилъ ему мое неудовольствіе, потому что это имѣло видъ хитрости, на которую я неспособенъ. Прошу васъ увѣрить въ томъ императора Александра» [2].

Въ еще болѣе подробныя объясненія вошелъ императоръ французовъ съ барономъ Брунновымъ. «Я убѣжденъ»,—сказалъ онъ ему,—«что насущные интересы Европы, для ихъ обезпеченія, нуждаются въ соглашеніи Франціи съ Россіей и Англіей. Я старался поддержать мой союзъ съ Великобританіей, но въ то же время я имѣлъ въ виду установить и доброе согласіе съ Россіей. Если бы эти три державы пришли къ общему соглашенію, то, мнѣ кажется, что онѣ могли бы полюбовно разрѣшить всѣ вопросы, какіе только могутъ представиться. Вы не можете себѣ представить, какъ трудно было мнѣ иногда привести англичанъ къ какому нибудь положительному рѣшенію. Такъ было по случаю установленія плана кампаніи. Они постоянно колебались. Когда я считалъ какое либо рѣшеніе уже состоявшимся, оказывалось, что чрезъ нѣсколько дней нужно опять заново обсуждать тотъ же вопросъ. Это происходитъ отъ конституціонныхъ порядковъ страны, въ которой правительство не всегда свободно ни въ своихъ желаніяхъ, ни въ дѣйствіяхъ. Я представлю вамъ еще другой примѣръ англійской нерѣшительности. Когда на конференціяхъ обсуждался вопросъ объ измѣненіи бессарабской границы, я полагалъ, что можно устроить для вашего кабинета такой обмѣнъ: оставить неприкосновенною границу на Дунаѣ и взамѣнъ усту-

[1] Графъ Орловъ графу Нессельроде, 19-го апрѣля 1856 г.

[2] Графъ Орловъ графу Нессельроде, 22-го апрѣля 1856 г.

нить нѣкоторые пограничные пункты наши въ Азіи. Я передалъ объ этомъ лорду Кларендону, но онъ никогда не могъ договориться до какого либо практическаго рѣшенія». О желаемомъ имъ союзѣ Франціи съ Англіей и Россіей Наполеонъ III отозвался такъ: «На Востокѣ, какъ я полагаю, мы могли бы сгладить всѣ затрудненія; въ Италіи и Германіи, думаю, не существуетъ между Россіей и Франціей никакихъ поводовъ къ разномыслію. Поэтому наше соглашеніе представляется мнѣ совершенно обезпеченнымъ»[1].

По подписаніи мира конгрессъ засѣдалъ еще болѣе двухъ недѣль и въ это время обсуждалъ нѣсколько частныхъ вопросовъ, возбужденныхъ преимущественно уполномоченными Франціи и Сардиніи: о занятіи Церковной области французскими и австрійскими войсками, о положеніи дѣлъ въ Неаполѣ, вообще—о будущности Италіи. Въ преніяхъ по этимъ вопросамъ наши уполномоченные участія не принимали, заявивъ, что возложенное на нихъ порученіе ограничивается заключеніемъ мира. Наполеонъ III сдѣлалъ новую попытку завести на конгрессѣ рѣчь о Польшѣ, но предложеніе его, чтобы «слово милосердія и великодушія» было произнесено въ ея пользу, графъ Орловъ отклонилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Онъ прямо объявилъ императору французовъ, что всякая мысль объ улучшеніи положенія этой страны въ будущемъ, не взирая на безуміе ея въ прошедшемъ, принадлежитъ единственно русскому императору, и что всякая инниціатива, принятая въ этомъ отношеніи кѣмъ либо другимъ, можетъ только ухудшить положеніе вмѣсто того, чтобы его улучшить. Сверхъ того, глубокое чувство долга предъ своимъ государемъ заставляетъ его громко высказаться противъ иллюзій, возникшихъ среди конгресса по вопросу, совершенно не подлежащему его обсужденію. «Прекрасный отвѣтъ»,—начерталъ собственноручно императоръ Александръ на полѣ донесенія Орлова. «Эти слова»,—писалъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ канцлеру,—«какъ мнѣ кажется, произвели удовлетворительное впечатлѣніе на императора Наполеона. Тѣмъ не менѣе я долженъ сообщить вашему сіятельству, что, когда наши засѣданія уже приближались къ концу, графъ Валевскій, въ частномъ разговорѣ со мною, убѣдительно просилъ меня сказать на конференціяхъ, отъ имени государя императора, нѣсколько словъ, благопріятныхъ Польшѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что желаніе это внушено намѣреніемъ доказать польской эмиграціи, что интересы эмигрантовъ не забыты, и что вліяніе Франціи побудило сдѣлать въ ихъ пользу заявленіе на самыхъ конференціяхъ. Хотя внушеніе это и было передано мнѣ въ самой дружеской формѣ, но я счелъ своимъ долгомъ положительнѣйшимъ образомъ разочаровать ихъ. Въ этихъ видахъ я не могъ поступить лучше,

[1] Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, 24-го апрѣля 1856 г.

какъ сообщить графу Валевскому мой разговоръ по этому предмету съ Наполеономъ. Въ самомъ дѣлѣ, по отклоненіи мною требованій императора, нельзя уже было ожидать, что я приму предложеніе его министра. Мнѣ кажется, что графъ Валевскій пришелъ къ очевидности этого вывода для своихъ размышленій». Не менѣе рѣшительный отпоръ встрѣтилъ со стороны перваго уполномоченнаго Россіи и лордъ Кларендонъ, когда вздумалъ, въ частной бесѣдѣ, заговорить съ нимъ о томъ же, и графъ Орловъ съ понятнымъ самодовольствомъ могъ заключить рядъ своихъ донесеній изъ Парижа слѣдующими правдивыми словами: «Я вполнѣ доволенъ тѣмъ, что мнѣ не пришлось слышать имя Польши произнесеннымъ на засѣданіяхъ, въ присутствіи представителей великихъ державъ Европы. Всякій признаетъ, что соглашеніе, подписанное въ Парижѣ предъ лицомъ коалиціи, является—смѣю сказать—миромъ почетнымъ для нашего государства и соотвѣтственнымъ достоинству его короны» [1].

Конгрессъ завершилъ свои труды изданіемъ деклараціи, которою провозглашены начала морского права, признанныя всѣми державами, въ немъ участвовавшими, и къ коимъ онѣ пригласили приступить прочія государства: крейсерство объявлено уничтоженнымъ; нейтральный флотъ признанъ прикрывающимъ собственность непріятеля, а нейтральные товары—не подлежащими захвату подъ непріятельскимъ флагомъ, за исключеніемъ военной контрабанды; наконецъ, постановлено, что блокада обязательна только тогда, когда дѣйствительно содержится морскою силою, достаточною для преграждения доступа къ непріятельскимъ портамъ и берегамъ [2]. Русскіе уполномоченные тѣмъ охотнѣе приложили свои подписи къ этому акту, что провозглашенныя имъ начала были тѣ самыя, которыя положены Екатериною II въ основаніе ея знаменитой деклараціи 1780 года о вооруженномъ нейтралитетѣ и въ теченіе цѣлаго столѣтія упорно отвергались Англіей, тогда какъ Россія занесла ихъ въ конвенцію съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, заключенную какъ разъ наканунѣ Восточной войны.

12-го мая состоялась прощальная аудіенція графа Орлова въ тюильрійскомъ дворцѣ, о которой онъ такъ донесъ въ Петербургъ: «Аудіенція у императора была вполнѣ удовлетворительна. Онъ говорилъ со мною обо всемъ вполнѣ откровенно и поручилъ мнѣ на этотъ разъ совершенно искренно просить для него дружбы государя императора. Онъ надѣется, что взаимныя симпатіи, существующія между обѣими націями, пріобрѣтутъ еще бо̀льшую силу отъ согласія, установившагося между ихъ государями. «Таково желаніе моего сердца»,—прибавилъ онъ въ волненіи,

1 Графъ Орловъ графу Нессельроде, 7-го апрѣля 1856 г.

2 Декларація Парижскаго конгресса, 4-го апрѣля 1856 г.

со слезами на глазахъ. Онъ говорилъ со мною также о Польшѣ, но въ смыслѣ, совершенно согласномъ съ намѣреніями государя императора. Считаю лишнимъ упоминать о томъ, что было сказано лично обо мнѣ. Что же касается до будущаго, то мнѣ кажется, что слова Наполеона имѣютъ значеніе правды». На поляхъ депеши Орлова императоръ Александръ написалъ: «Все это очень хорошо, если только искренно»[1].

Парижскій миръ обнародованъ высочайшимъ манифестомъ, возвѣстившимъ о прекращеніи войны и о достиженіи главной ея цѣли — улучшенія участи восточныхъ христіанъ, цѣною уступокъ, неважныхъ въ сравненіи съ тягостями войны и съ выгодами умиротворенія. Манифестъ заключался достопамятными словами: «При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новой силой стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ. Наконецъ, — и сіе есть первое, живѣйшее желаніе наше, — свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность, сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія»[2].

Вѣсть о мирѣ нашла сочувственный откликъ во всѣхъ слояхъ русскаго образованнаго общества, во всѣхъ концахъ Россіи. Въ заключительныхъ словахъ возвѣстившаго о немъ манифеста русскіе люди радостно привѣтствовали политическую программу новаго царствованія[3].

---

1 Графъ Орловъ графу Нессельроде, 12-го мая 1856 г.

2 Высочайшій манифестъ 19-го марта 1856 г.

3 Приведенная въ настоящей главѣ дипломатическая переписка императорскаго кабинета съ русскими уполномоченными на Парижскомъ конгрессѣ хранится въ С.-Петербургскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Коронація.

1856.

Распущеніе ополченія. — Высочайшая благодарность сестрамъ милосердія. — Слѣдственная комиссія о злоупотребленіяхъ въ продовольствіи войскъ. — Поѣздка государя въ Москву. — Перемѣны въ личномъ правительственномъ составѣ. — Мѣры къ народному просвѣщенію и отмѣна цензурныхъ стѣсненій. — Манифестъ о коронаціи. — Поѣздка государя въ Финляндію, Варшаву, Берлинъ и Прибалтійскій край. — Торжественный въѣздъ въ Москву. — Коронація. — Коронаціонный манифестъ. — Награды, милости и льготы. — Пріемы. — Празднества. — Торжественное засѣданіе Московскаго университета. — Обѣдъ въ Москвѣ ученыхъ, писателей и художниковъ. — Торжественный въѣздъ въ С.-Петербургъ.

Заключеніе мира имѣло ближайшимъ послѣдствіемъ разоруженіе. Расформированы резервныя части, армія поставлена на мирную ногу.

Распуская государственное ополченіе, императоръ горячо благодарилъ ратниковъ: «Вы покинули домы и семейства свои, чтобы дѣлить съ испытанными въ бояхъ войсками труды и лишенія, являя вмѣстѣ съ ними примѣръ терпѣнія, мужества, готовности жертвовать всѣмъ за насъ, за любезную намъ и вамъ Россію. Многіе изъ среды вашей запечатлѣли сей обѣтъ своею кровью, вкусивъ славную смерть въ рядахъ защитниковъ Севастополя. Вы показали свѣту, какое могущество духа живетъ въ народѣ русскомъ. Нынѣ положенъ конецъ войнѣ и мы можемъ, благодаря васъ именемъ отечества за вашу вѣрную службу, сказать вамъ: «Идите съ миромъ, ратники земли русской, возвращайтесь къ домамъ, къ семействамъ вашимъ, къ прежнимъ вашимъ занятіямъ и обязанностямъ, продолжая быть для сословій, изъ коихъ вы были призваны, примѣромъ того порядка и повиновенія, которыми вы отличались постоянно въ рядахъ государственнаго подвижнаго ополченія» [1]. Государь жаловалъ

[1] Высочайшій приказъ по государственному подвижному ополченію, 5-го апрѣля 1856 г.

всѣмъ, отъ генерала до ратника, отличительный знакъ ополченія — крестъ, съ надписью «за вѣру, царя и отечество», въ память ихъ дѣйствительной службы во время войны. По высочайшему повелѣнію, министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ предводителей дворянства пригласить дворянъ-владѣльцевъ населенныхъ имѣній принять мѣры къ устройству и призрѣнію отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, которые пожелаютъ водвориться снова въ родныхъ деревняхъ и селахъ [1].

Не забыты въ изъявленіи царской признательности и сестры милосердія, впервые совершившія свой высокій человѣколюбивый подвигъ на театрѣ войны. Государь такъ отзывался о нихъ, въ рескриптѣ на имя великой княгини Елены Павловны: «По вашей мысли учреждена моимъ незабвеннымъ родителемъ Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія, оказавшая, подъ вашимъ руководствомъ, столь рѣдкое самоотверженіе и столь много существенныхъ заслугъ къ облегченію страданій больныхъ и раненыхъ воиновъ». Заслуженная похвала воздана была и личной благотворительной дѣятельности великой княгини: «Высоки и прекрасны ваши дѣла: вами не одна стерта слеза, не одна исцѣлена рана храбраго воина, не одно утѣшено и успокоено осиротѣвшее семейство. Въ вашемъ собственномъ сердцѣ и въ благословеніяхъ, которыя вознесутся за васъ къ престолу Всевышняго, вы найдете себѣ лучшую награду; но на мнѣ лежитъ душевный долгъ, который нынѣ исполняю, изъявляя вамъ мою искреннѣйшую благодарность за ваши достохвальные и незабвенные труды. Зная мой добрый и преданный мнѣ народъ, я увѣренъ, что всѣ и каждый раздѣляютъ со мною мои чувствованія и повторяютъ въ своихъ сердцахъ эти слова благодарности за дѣло пользы, добра и любви христіанской» [2].

Къ сожалѣнію, война, явившая столько примѣровъ доблести и самоотверженія, обнаружила и существенныя злоупотребленія въ военной администраціи, въ особенности по продовольственной части. Для разслѣдованія этихъ злоупотребленій назначена была особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ бывшаго начальника штаба Крымской арміи генералъ-адъютанта князя Васильчикова.

Въ концѣ марта государь съѣздилъ въ Москву, для присутствованія при военномъ торжествѣ: столѣтнемъ юбилеѣ лейбъ-гренадерскаго полка и дарованія ему по этому случаю новаго знамени, и возвратился въ Петербургъ за недѣлю до дня своего рожденія. Къ этому дню—17-го апрѣля—готовились важныя перемѣны въ составѣ высшаго управленія имперіи.

Въ первые дни царствованія, подобно генералъ-адмиралу, вступили въ дѣйствительное завѣдываніе своими частями великіе князья: гене-

[1] Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, 10-го апрѣля 1856 г.

[2] Государь великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ 15-го апрѣля 1856 г.

ралъ-инспекторъ по инженерной части Николай Николаевичъ и генералъ-фельдцейхмейстеръ Михаилъ Николаевичъ; осенью 1855 года уволены: генералъ-адъютантъ Бибиковъ—отъ обязанностей министра внутреннихъ дѣлъ, а графъ Клейнмихель—главноначальствующаго путями сообщеній и публичными зданіями, и замѣнены: первый—С. С. Ланскимъ, а второй—Н. В. Чевкинымъ. Теперь уволены по прошенію: предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ князь Чернышевъ, военный министръ князь Долгоруковъ и сорокъ лѣтъ простоявшій во главѣ дипломатическаго вѣдомства канцлеръ графъ Нессельроде, при милостивыхъ рескриптахъ, выражавшихъ благодарность за ихъ многолѣтнюю службу. Особою благосклонностью отличался рескриптъ къ Нессельроде. Ему ставилось въ заслугу, что въ два предшедшія царствованія онъ являлся выразителемъ политики, цѣлью которой было соблюденіе трактатовъ и поддержаніе спокойствія въ Европѣ, а за время послѣдней войны, успокоивая враждебные умы насчетъ видовъ властолюбія Россіи, онъ способствовалъ благополучно совершившемуся дѣлу примиренія. «Желая упрочить миръ дружественными сношеніями съ иностранными державами».—писалъ государь,—«я остаюсь увѣреннымъ, что, сохраняя вамъ званіе государственнаго канцлера, буду имѣть въ васъ, по вашей опытности, полезнѣйшаго сотрудника по достиженію предположенной мною цѣли» [1].

На освободившіяся мѣста назначены: военнымъ министромъ—генералъ-адъютантъ И. О. Сухозанетъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ—бывшій посланникъ при австрійскомъ дворѣ и представитель Россіи на вѣнскихъ совѣщаніяхъ 1855 года князь А. М. Горчаковъ. Первое въ имперіи мѣсто—предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ—получилъ по возвращеніи съ Парижскаго конгресса графъ Орловъ, а его замѣстилъ въ должности шефа жандармовъ и главнаго начальника III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи бывшій военный министръ князь Долгоруковъ [2].

При наступившемъ поворотѣ въ нашей внѣшней политикѣ особенную важность придавалъ императоръ выбору лица для занятія посольскаго поста въ Парижѣ. Мѣсто это онъ предложилъ одному изъ заслуженнѣйшихъ сотрудниковъ своего отца, министру государственныхъ имуществъ графу П. Д. Киселеву. «Я здѣсь прошу не о согласіи, а о пожертвованіи съ вашей стороны»...—сказалъ онъ ему [3]. Киселевъ принялъ назначеніе и былъ замѣщенъ во главѣ созданнаго имъ министерства В. А. Шереметевымъ. По кончинѣ князя Паскевича, намѣстникомъ Царства Польскаго

[1] Высочайшіе рескрипты князю Чернышеву и графу Нессельроде, 15-го апрѣля, и князю Долгорукову, 17-го апрѣля 1856 г.

[2] Высочайшіе приказы 15-го апрѣля 1856 г.

[3] Дневникъ графа Киселева, 1-го іюня 1856 г.

Николай Николаевичъ Муравьевъ (Карскій).

[illegible]

и главнокомандующимъ Западною арміею утвержденъ исправлявшій эти должности во время предсмертной болѣзни фельдмаршала князь М. Д. Горчаковъ, а исправляющимъ должность намѣстника кавказскаго и командующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, вмѣсто уволеннаго по прошенію М. Н. Муравьева, назначенъ генералъ-лейтенантъ князь А. И. Барятинскій.

Такъ, мало-по-малу, обновился составъ правительства въ лицѣ большинства его членовъ. Первый годъ новаго царствованія былъ поглощенъ заботами о защитѣ государства, а начало второго—переговорами о мирѣ. При такихъ обстоятельствахъ не могло быть еще рѣчи о какихъ-либо существенныхъ преобразованіяхъ въ государственномъ управленіи, но уже была замѣтна нѣкоторая перемѣна въ направленіи внутренней политики, выразившаяся въ цѣломъ рядѣ мѣръ къ развитію просвѣщенія, къ расширенію свободы мысли и слова. Снова разрѣшено допускать въ университеты студентовъ въ неограниченномъ числѣ; состоялось отправленіе на казенный счетъ заграницу молодыхъ ученыхъ для усовершенствованія въ наукахъ; дозволены къ изданію сочиненія русскихъ писателей, бывшія подъ запретомъ, въ томъ числѣ сочиненія Гоголя. За послѣдняго вступился великій князь Константинъ Николаевичъ, въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія выразившій мнѣніе, что «всѣмъ извѣстныя личныя свойства Гоголя, его теплая вѣра, его любовь къ Россіи и преданность престолу служатъ, кажется, ручательствомъ благонамѣренности всего, что̀ онъ писалъ, и изъемлютъ отъ мелочной разборчивости цензоровъ». Разрѣшеніе издать сочиненія Гоголя «безъ всякихъ исключеній и измѣненій» состоялось по высочайшему повелѣнію, равно какъ и дозволеніе возобновить въ Москвѣ изданіе «Русскаго Вѣстника», а сочиненія опальнаго въ прошлое царствованіе кружка славянофиловъ—«разсматривать обыкновеннымъ цензурнымъ порядкомъ». Во всѣхъ этихъ мѣрахъ сказалась личная благость молодого государя, рѣшимость его дать отечественной литературѣ болѣе широкій просторъ, допустивъ ее, въ законныхъ предѣлахъ, къ обсужденію общественныхъ и государственныхъ вопросовъ и самыхъ мѣропріятій правительства [1].

Въ день рожденія государя изданъ высочайшій манифестъ: «Вступивъ на прародительскій всероссійскій престолъ и нераздѣльные съ нимъ престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго посреди тяжкихъ для насъ и отечества нашего испытаній, мы положили въ сердцѣ своемъ дотолѣ не приступать къ совершенію коронованія нашего, пока не смолкнетъ громъ брани, потрясавшій предѣлы государства, пока не престанетъ литься кровь доблестныхъ христолюбивыхъ нашихъ воиновъ, ознаменовавшихъ себя подвигами необыкновеннаго мужества и самоотвер-

[1] Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. XIV, стр. 175, 278 и 338.

женія. Нынѣ, когда благодатный миръ возвращаетъ Россіи благодатное спокойствіе, вознамѣрились мы, по примѣру благочестивыхъ государей, предковъ нашихъ, возложить на себя корону и принять установленное мνропомазаніе, пріобщивъ сему священному дѣйствію и любезнѣйшую супругу нашу государыню Марію Александровну. Возвѣщая о таковомъ намѣреніи нашемъ, долженствующемъ, при помощи Божіей, совершиться въ августѣ мѣсяцѣ въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, призываемъ всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить усердныя мольбы ихъ съ нашими теплыми молитвами: да изліется на насъ и на царство наше благодать Господня, да поможетъ намъ Всемогущій съ возложеніемъ вѣнца царскаго возложить на себя торжественный предъ цѣлымъ свѣтомъ обѣтъ жить единственно для счастія подвластныхъ намъ народовъ и да направитъ Онъ къ тому наитіемъ Всесвятого Животворящаго Духа Своего всѣ помышленія, всѣ дѣянія наши [1].

Время, остававшееся до коронаціи, государь употребилъ на поѣздки, представлявшіяся ему неотложными, въ разныя области имперіи и заграницу, для свиданія съ королемъ прусскимъ.

9-го марта императоръ, въ сопровожденіи всѣхъ трехъ братьевъ, выѣхалъ въ Финляндію и на слѣдующій день, чрезъ Фридрихсгамъ, прибылъ въ Гельсингфорсъ. По пріемѣ должностныхъ лицъ края, дворянства, духовенства, Александръ Николаевичъ посѣтилъ православный храмъ и лютеранскій соборъ, а затѣмъ отправился въ Александровскій университетъ, гдѣ, въ большой аудиторіи, собраны были всѣ студенты, къ которымъ государь и обратился съ такими словами: «Блаженной памяти незабвенный родитель нашъ, желая доказать своему Великому Княжеству Финляндскому ту важность, которую онъ приписывалъ воспитанію юношества здѣшняго края, назначилъ меня канцлеромъ этого университета, для того, чтобы я служилъ прочною связью между имъ и этимъ университетомъ. Нынѣ, волею Всемогущаго, вступивъ на престолъ моихъ предковъ, я, въ доказательство моей любви къ этому университету, назначилъ канцлеромъ его—старшаго сына моего и наслѣдника престола, чтобы онъ также, въ свою очередь, былъ залогомъ связи между мною и вами, какъ я былъ до этого между вами и моимъ отцомъ. Я увѣренъ, что вы оцѣните это, и что финляндская молодежь станетъ такъ вести себя, что въ состояніи будетъ служить примѣромъ для всякой другой молодежи. Будьте увѣрены въ неизмѣнности моихъ благосклонныхъ чувствъ къ вамъ, а я—полагаюсь на васъ». Оглушительнымъ «ура!» отвѣчали студенты на рѣчь императора и пропѣли народный гимнъ. Къ обѣду во дворецъ приглашены были генералъ-губернаторъ и министръ статсъ-секретарь Великаго Княжества, члены сената, генералитетъ. Вечеромъ студенты университета устроили

[1] Высочайшій манифестъ, 17-го апрѣля 1856 г.

факельное шествіе, на которое императоръ смотрѣлъ съ балкона дворца, привѣтствуемый громкими восклицаніями народа. На другой день государь, прибывъ въ засѣданіе сената, занялъ въ немъ предсѣдательское кресло и изложилъ свои намѣренія относительно государственнаго устройства, нравственнаго и матеріальнаго усовершенствованія Финляндіи. День этотъ заключился баломъ у генералъ-губернатора Берга, и на слѣдующій—императоръ, посѣтивъ балъ, данный въ честь его городскимъ обществомъ, ночью оставилъ Гельсингфорсъ. Тотъ же восторженный пріемъ со стороны населенія оказанъ былъ ему въ Або и во всѣхъ мѣстахъ его обратнаго слѣдованія: въ Темерфорсѣ, Тавастгустѣ, Вильманстрандѣ и Выборгѣ. Всюду появленіе его возбуждало восторгъ и надежды финляндцевъ, выразившіяся въ надписи, начертанной на тріумфальной аркѣ въ Або:

Collectasque fugat nubes solemque reducit [1].

Въ началѣ мая Александръ Николаевичъ, чрезъ Москву и Брестъ-Литовскъ, поѣхалъ въ Варшаву. Въ поѣздкѣ этой сопровождали его министръ статсъ-секретарь Царства Польскаго Туркулъ—скончавшійся въ дорогѣ—и министръ иностранныхъ дѣлъ князь А. М. Горчаковъ. Въ Варшавѣ съѣхались царскіе гости: великая княгиня Ольга Николаевна съ супругомъ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ и великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій; прибывшіе привѣтствовать государя отъ имени императора австрійскаго—фельдмаршалъ-лейтенантъ князь Лихтенштейнъ и короля прусскаго—генералъ-адъютантъ графъ Грёбенъ; нарочные посланцы, привезшіе отвѣты своихъ монарховъ на извѣстительную грамоту о воцареніи, отъ королевы великобританской—лордъ Грей и отъ короля бельгійцевъ—князь де-Линь. Туда же стеклись въ большомъ числѣ со всѣхъ концовъ Царства Польскаго губернскіе и уѣздные предводители дворянства, дворяне-помѣщики, придворныя, кавалерственныя и знатныя дамы. Принимая, 11-го мая, дворянскихъ предводителей, сенаторовъ и высшее католическое духовенство, государь произнесъ по-французски слѣдующую знаменательную рѣчь:

Господа, я прибылъ къ вамъ съ забвеніемъ прошлаго, одушевленный наилучшими намѣреніями для края. Отъ васъ зависитъ помочь мнѣ въ ихъ осуществленіи. Но прежде всего я долженъ вамъ сказать, что взаимное наше положеніе необходимо выяснить. Я заключаю васъ въ сердцѣ своемъ, какъ финляндцевъ и какъ прочихъ моихъ русскихъ подданныхъ; но хочу, чтобы сохраненъ былъ порядокъ, установленный моимъ отцомъ. Итакъ, господа, прежде всего оставьте мечтанія! («Point de rêveries!»—слова эти государь повторилъ дважды). Тѣхъ, кто захотѣлъ бы оставаться при нихъ, я сумѣю сдержать, сумѣю воспрепятствовать ихъ мечтамъ вы-

[1] Финляндскія газеты марта 1856 г.

ступить изъ предѣловъ ихъ воображенія. Счастье Польши зависитъ отъ полнаго слiянія ея съ народами моей имперіи. То, что̀ сдѣлано моимъ отцомъ, хорошо сдѣлано, и я поддержу его дѣло. Въ послѣднюю Восточную войну воины ваши сражались наравнѣ съ прочими, и князь Михаилъ Горчаковъ, бывшій тому свидѣтелемъ, воздаетъ имъ справедливость, утверждая, что они мужественно пролили кровь свою въ защиту отечества. Финляндія и Польша одинаково мнѣ дороги, какъ и всѣ прочія части моей имперіи. Но вамъ нужно знать, для блага самихъ поляковъ, что Польша должна пребывать навсегда въ соединеніи съ великою семьей русскихъ императоровъ. Вѣрьте, господа, что меня одушевляютъ лучшія намѣренія. Но ваше дѣло—облегчить мнѣ мою задачу, и я снова повторяю: господа, оставьте мечтанія! оставьте мечтанія! Что же касается до васъ, господа сенаторы, слѣдуйте указаніямъ находящагося здѣсь намѣстника моего князя Горчакова; а вы, господа епископы, не теряйте никогда изъ виду, что основаніе доброй нравственности есть религія и что на вашей обязанности лежитъ внушить поселянамъ, что счастіе ихъ зависитъ единственно отъ полнаго ихъ слiянія со святою Русью».

Польское общество было представлено императору на балѣ, данномъ намѣстникомъ 12-го мая, въ королевскомъ за́мкѣ. За этимъ баломъ слѣдовали два другіе: 14-го—отъ польскаго дворянства и 15-го—отъ варшавскаго городского общества. Дворянскій балъ отличался необыкновеннымъ блескомъ, пышностью и оживленіемъ. Балъ открылся польскимъ: въ первой парѣ шелъ государь съ графиней Потоцкой, во второй—генералъ графъ Красинскій велъ великую княгиню Ольгу Николаевну. Высочайшіе гости любовались на мазурку и оставались на балѣ до самаго ужина. На другой день, 15-го мая, Александръ Николаевичъ пожелалъ лично выразить свое удовольствіе комитету, занимавшемуся устройствомъ праздника, и объявить ему о дарованіи имъ польскимъ эмигрантамъ права возвратиться на родину. «Я очень радъ, господа»,—сказалъ онъ,—«объявить вамъ, что мнѣ было весьма пріятно находиться въ вашей средѣ. Вчерашній балъ былъ прекрасенъ. Благодарю васъ за него. Я увѣренъ, что вамъ повторили слова, съ которыми я обратился къ предводителямъ дворянства, при ихъ пріемѣ пять дней тому назадъ. Будьте же, господа, дѣйствительно соединены съ Россіей и оставьте всякія мечты о независимости, которыя нельзя ни осуществить, ни удержать. Сегодня повторяю вамъ опять: я убѣжденъ, что благо Польши, что спасеніе ея требуютъ, чтобы она соединилась навсегда, полнымъ сліяніемъ съ знаменитою династіею русскихъ императоровъ, чтобы она обратилась въ неотъемлемую часть великой всероссійской семьи. Сохраняя Польшѣ ея права и учрежденія въ томъ видѣ, въ какомъ даровалъ ихъ ей мой отецъ, я твердо рѣшился дѣлать добро и благопріятствовать процвѣтанію края. Я хочу обезпечить ему все, что̀ можетъ быть ему полезно и что̀ обѣщано или даровано моимъ

отцомъ; я ничего не измѣню: сдѣланное моимъ отцомъ — хорошо сдѣлано. Царствованіе мое будетъ продолженіемъ его царствованія; но отъ васъ зависитъ, господа, сдѣлать эту мою задачу выполнимою; вы должны помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ. На васъ падетъ отвѣтственность, если мои намѣренія встрѣтятъ химерическое сопротивленіе. Чтобы доказать вамъ, что я помышляю объ облегченіяхъ, предупреждаю васъ, что я только что подписалъ актъ объ амнистіи; я дозволяю возвращеніе въ Польшу всѣмъ эмигрантамъ, которые будутъ о томъ просить. Они могутъ быть увѣрены, что ихъ оставятъ въ покоѣ. Имъ возвратятъ ихъ прежнія права и не будутъ производить надъ ними слѣдствія. Я сдѣлалъ лишь одно исключеніе, изъявъ старыхъ, неисправимыхъ, и тѣхъ, которые въ послѣдніе годы не переставали составлять заговоры или сражаться противъ насъ. Всѣ возвратившіеся эмигранты могутъ даже, по истеченіи трехъ лѣтъ раскаянія и добраго поведенія, стать полезными, возвратясь на государственную службу. Но прежде всего, господа, поступайте такъ, чтобы предположенное добро было возможно и чтобы я не былъ вынужденъ обуздать и наказывать. Ибо если, по несчастію, это станетъ необходимымъ, то на то хватитъ у меня рѣшимости и силы; не вынуждайте же меня къ тому никогда». Одинъ изъ предводителей дворянства, графъ Езерскій, хотѣлъ было возражать, но государь прервалъ его: «Поняли ли вы меня? Лучше награждать, чѣмъ наказывать; мнѣ пріятнѣе расточать похвалу, какъ я дѣлаю это сегодня, возбуждать надежды и вызывать благодарность. Но знайте также, господа, и будьте въ томъ увѣрены, что если это окажется нужнымъ, то я сумѣю обуздать и наказать, и вы увидите, что я накажу строго. Прощайте, господа»[1].

Проведя въ Варшавѣ шесть дней, императоръ Александръ съ сестрою и зятемъ, а также съ великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ, отправился въ Берлинъ. По пути присоединился къ нимъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Русскихъ гостей встрѣтилъ въ Фюрстенвальде король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, съ тремя братьями, и всѣ вмѣстѣ, къ вечеру 17-го мая, прибыли въ замокъ Сансуси, гдѣ уже находилась вдовствующая императрица Александра Ѳеодоровна. Поводомъ къ посѣщенію прусскаго двора было желаніе государя лично благодарить дядю за дружественное расположеніе Пруссіи къ Россіи во время послѣдней Восточной войны. Не зная о тяготѣніи прусской дипломатіи къ нашимъ противникамъ въ первый періодъ этой войны, онъ въ самый день своего воцаренія писалъ королю Фридриху-Вильгельму: «Я глубоко убѣжденъ, что, пока оба наши государства останутся въ дружбѣ, вся Европа можетъ еще быть спасена отъ всеобщаго разрушенія; если же нѣтъ, то горе ей, ибо это послѣдняя узда для революціонной гидры». Въ другомъ письмѣ,

[1] Рѣчи, произнесенныя государемъ въ Варшавѣ 11-го и 15-го мая 1856 г.

которымъ государь поздравилъ короля съ наступленіемъ новаго 1856 года, находятся слѣдующія строки: «Останемся навсегда друзьями и испросимъ благословеніе Всевышняго на нашъ двойственный союзъ. Будьте увѣрены, дорогой дядя, что я вѣчно останусь вамъ признателенъ за столь блестящее положеніе, которое вы сумѣли сохранить для Пруссіи во все продолженіе этого кризиса, и которое было намъ такъ полезно. Да вознаградитъ васъ за это Богъ!» [1].

Четыре дня, проведенные императоромъ Александромъ при прусскомъ дворѣ, прошли обычнымъ порядкомъ. При первой встрѣчѣ въ Фюрстенвальде монархи обнялись и затѣмъ обмѣнялись рапортами о состояніи русской и прусской армій; 18-го мая происходилъ парадъ потсдамскому гарнизону, 19-го—гарнизону берлинскому, а 21-го—ученье 3-му уланскому императора всероссійскаго полку, которому король пожаловалъ вензель августѣйшаго шефа на эполеты. Пока государь проводилъ свободное отъ смотровъ и ученій время въ кругу королевской семьи, сопровождавшій его князь А. М. Горчаковъ совѣщался съ первымъ министромъ барономъ Мантейфелемъ. Передъ отъѣздомъ императора глава прусскаго кабинета получилъ слѣдующую высочайшую грамоту: «Ревностное служеніе ваше вѣрному нашему союзнику и другу его величеству королю прусскому пріобрѣло вамъ право на искреннее наше уваженіе. Въ ознаменованіе онаго и особеннаго нашего къ вамъ благоволенія за постоянную заботливость вашу объ упроченіи дружественныхъ сношеній между Россіей и Пруссіей, пожаловали мы васъ кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго» [2]. Александръ Николаевичъ, простясь съ августѣйшею матерью, отправившеюся на воды въ Вильдбадъ, отбылъ изъ Потсдама въ ночь съ 21-го на 22-е мая.

Обратный путь государя лежалъ на Митаву, Ревель и Ригу. Восторженный пріемъ въ трехъ этихъ городахъ былъ подготовленъ императорскими грамотами, подтверждавшими права и преимущества дворянства эстляндскаго, лифляндскаго, курляндскаго и эзельскаго, «елико они сообразны съ общими государства нашего законами и учрежденіями» [3]. Такія же грамоты были пожалованы впослѣдствіи и городамъ: Ревелю, Ригѣ, Дерпту и Пернову [4]. Во всѣхъ трехъ губернскихъ гордахъ императоръ удостоилъ принять балы, данные отъ дворянства, а въ Ригѣ и отъ горожанъ. Хоровыя и музыкальныя общества устраивали въ честь его серенады и факельныя шествія. Громкое «ура!» не смолкало на пути его. 29-го мая императоръ сѣлъ въ Ревелѣ на пороходъ «Грозящій» и на дру-

[1] Государь королю Фридриху-Вильгельму IV. 19-го февраля 1855 г. и 7-го января 1856 г.

[2] Высочайшая грамота барону Мантейфелю. 21-го мая 1856 г.

[3] Высочайшія грамоты. 17-го февраля 1856 г.

[4] Высочайшій указъ. 27-го іюля 1856 г.

той день высадился въ Петербургѣ, встрѣченный населеніемъ столицы столь же радостными кликами.

Какъ и въ царствованіе Николая I, дворъ провелъ іюнь въ Царскомъ Селѣ, іюль и половину августа въ Петергофѣ, за исключеніемъ шести дней, съ 13-го по 19-е іюля, когда государь съ императрицею съѣздилъ въ Гапсаль, чтобы навѣстить пользовавшихся тамъ морскими купаньями дѣтей своихъ. 14-го августа вся царская семья выѣхала по желѣзной дорогѣ въ Москву и остановилась въ Петровскомъ дворцѣ. 17-го—состоялся торжественный въѣздъ въ первопрестольную столицу.

При звонѣ колоколовъ и громѣ орудій, посреди громаднаго стеченія народа, государь въѣхалъ въ Москву верхомъ, окруженный всѣми великими князьями, въ числѣ которыхъ находились и два старшіе сына—цесаревичъ Николай и Александръ Александровичи. Третій царскій сынъ, великій князь Владиміръ, сидѣлъ въ слѣдовавшей за каретою вдовствующей императрицы каретѣ съ августѣйшею матерью государынею Маріею Александровною; за ними—великія княгини и княжны. Высочайшимъ особамъ предшествовалъ придворный штатъ и члены Государственнаго Совѣта; слѣдовали статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины. Шествіе открывалось и замыкалось эскадронами гвардейской кавалеріи. У въѣзда въ столицу встрѣтилъ государя московскій военный генералъ-губернаторъ; въ Земляномъ городѣ—городская дума и магистратъ; въ Бѣломъ городѣ—московское дворянство, съ губернскимъ предводителемъ во главѣ; у Воскресенскихъ воротъ—московскій гражданскій губернаторъ и чины присутственныхъ мѣстъ; у Спасскихъ воротъ — московскій комендантъ, съ его штабомъ; у Успенскаго собора—Правительствующій Сенатъ. Ихъ величества и ихъ высочества, сойдя съ коней и выйдя изъ экипажей у часовни Иверской Божіей Матери, приложились къ чудотворной иконѣ. На паперти Успенскаго собора вышли къ нимъ Святѣйшій Синодъ и высшее духовенство, съ крестомъ и св. водою. Государь и императрицы, войдя въ соборъ, прикладывались къ мощамъ московскихъ чудотворцевъ, а оттуда, въ предшествіи высокопреосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, прошли въ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій и, наконецъ, чрезъ Красное Крыльцо, вступили въ Кремлевскій дворецъ, на порогѣ котораго верховный маршалъ князь С. М. Голицынъ поднесъ, по древнему русскому обычаю, хлѣбъ-соль. «Выходъ былъ удивителенъ», —повѣствуетъ очевидецъ, А. С. Хомяковъ,—«и я радъ, что его видѣлъ... просто какой-то волшебный сонъ. Золото, азіатскіе народы, великолѣпные мундиры и старые нѣмецкіе парики. Тысяча и одна ночь, пересказанная Гофманомъ. За всѣмъ тѣмъ, чудно хорошо!»[1].

[1] Хомяковъ Гильфердингу 12-го сентября 1856 г.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Изъ кремлевскаго дворца государь, съ супругою и дѣтьми, переселились въ подмосковное село графа Д. Н. Шереметева Останкино, гдѣ въ глубокомъ уединеніи приготивились постомъ и молитвою къ торжеству коронованія и муропомазанія[1].

Разукрашенная Москва имѣла видъ крайне оживленный, радостный, праздничный. Въ нее стеклись съ разныхъ концовъ Россіи представители всѣхъ сословій: предводители дворянства, губернскіе и уѣздные, городскіе головы, депутаты подвластныхъ Россіи азіатскихъ народовъ, волостные старшины государственныхъ крестьянъ. Вся гвардія была изъ Западной арміи направлена къ Москвѣ и расположена частью въ городѣ, частью лагеремъ въ его окрестностяхъ. Дворъ, генералитетъ, высшія государственныя учрежденія—Сенатъ, Синодъ и Государственный Совѣтъ въ полномъ ихъ составѣ прибыли туда же для присутствованія на всенародномъ торжествѣ. Родственные дворы прислали своими представителями принцевъ крови: прусскій—племянника короля, сына принца прусскаго, Фридриха-Вильгельма; гессенскій—принца Лудвига; баденскій—принца Вильгельма. Великія державы снарядили чрезвычайныя посольства: императора французовъ представлялъ графъ Морни, императора австрійскаго—князь Эстергази, королеву великобританскую—лордъ Гренвиль. Даже второстепенныя государства были представлены родовитыми и знатными вельможами. Въ свитахъ пословъ преобладали знаменитыя историческія имена: французы—Іоахимъ Мюратъ и графъ де-Лавалетъ, австрійцы—молодой князь Эстергази, князь Шварценбергъ, князь Турнъ и Таксисъ, графъ Галленбергъ, графъ Аппони, графъ Хотекъ; англичане—сэръ Робертъ Пиль и лорды: Сеймуръ, Далькейтъ, Линкольнъ, Эшли, Вардъ, Стадфордъ, Кавендишъ, нѣкоторые изъ нихъ съ супругами. Прусскаго принца сопровождали два высшіе авторитета Пруссіи: научный—Александръ Гумбольдтъ и военный—генералъ Мольтке. Въ знакъ особаго вниманія и уваженія къ геройскимъ противникамъ, Наполеонъ III присоединилъ къ дипломатической свитѣ своего представителя блестящую плеяду генераловъ и офицеровъ, наиболѣе отличившихся подъ Севастополемъ, генералы: артиллерійскій—Лебёфъ, инженерный—Фроссаръ, пѣхотный—Дюмонъ и офицеры: графъ Рейль, Пикноль, принцъ Бофремонъ, маркизъ Галлифэ, а также личный другъ посла герцогъ Кадруссъ-Граммонъ. Чрезвычайный посолъ папы, донъ Фабіо Киджи, прибылъ въ Москву на другой день послѣ коронаціи.

Въ продолженіе трехъ дней герольды, сопровождаемые трубачами и литаврщиками, разъѣзжали по столицѣ, громогласно возвѣщая о предстоящемъ торжествѣ коронованія, назначенномъ на 26-е августа. Оно совершилось въ этотъ достопамятный день въ Большомъ Успенскомъ со-

[1] Графъ С. Д. Шереметевъ. «Домашняя Старина».

боръ, по чину вѣнчанія на царство русскихъ государей, установленному со временъ царя Іоанна IV.

Священнодѣйствовалъ митрополитъ московскій Филаретъ, въ сослуженіи митрополитовъ с.-петербургскаго Никанора и литовскаго Іосифа, восьми архіепископовъ и двухъ протопресвитеровъ. При входѣ въ соборъ маститый іерархъ привѣтствовалъ императора краткой рѣчью: «Благочестивѣйшій великій государь! Преимущественно велико твое настоящее пришествіе. Да будетъ достойно его срѣтеніе. Тебя сопровождаетъ Россія, тебя срѣтаетъ Церковь. Молитвою любви и надежды напутствуетъ тебя Россія. Съ молитвою любви и надежды пріемлетъ тебя Церковь. Столько молитвъ не проникнутъ ли въ небо? Но кто достоинъ здѣсь благословить входъ твой? Первопрестольникъ сей церкви, за пять вѣковъ донынѣ предрекшій славу царей на мѣстѣ семъ, святитель Петръ, да станетъ предъ нами и чрезъ его небесное благословеніе—благословеніе пренебесное да снидетъ на тебя и съ тобою на Россію»[1].

Государь занялъ мѣсто на приготовленномъ для него посреди собора престолѣ великаго князя Іоанна III; царствующая императрица—на престолѣ царя Михаила Θеодоровича, вдовствующая—на престолѣ царя Алексѣя Михайловича. Въ отвѣтъ на вопросъ первосвятителя: «Како вѣруеши?» Александръ Николаевичъ громкимъ, хотя и дрожащимъ отъ волненія, голосомъ прочиталъ исповѣданіе православной вѣры; когда же митрополитъ, предъ возложеніемъ порфиры и короны, читалъ установленныя молитвы, государь низко наклонилъ голову, которую высокопреосвященный Филаретъ накрылъ концомъ своего омофора.

Возложивъ на государя порфиру, первенствующій іерархъ благословилъ ее: «во имя Отца и Сына и Св. Духа», а поднося корону, сказалъ: «Видимое сіе и вещественное главы твоея украшеніе явный образъ есть, яко тебѣ главу всероссійскаго народу вѣнчаетъ невидимо Царь Славы Христосъ, благословеніемъ своимъ благостнымъ утверждая тебѣ владычественную и верховную власть надъ людьми своими». Императоръ самъ надѣлъ на голову корону и принялъ скипетръ и державу изъ рукъ митрополита Филарета, возгласившаго при этомъ: «О, Богомъ вѣнчанный, и Богомъ дарованный, и Богомъ преукрашенный, благочестивѣйшій, самодержавнѣйшій, великій государь императоръ всероссійскій! Пріими скипетръ и державу, еже есть видимый образъ даннаго тебѣ отъ Всевышняго надъ людьми своими самодержавія, къ управленію ихъ и ко устроенію всякаго желаемаго ими благополучія».

Государь возсѣлъ на престолѣ. Императрица Марія Александровна опустилась предъ нимъ на колѣна, и онъ, снявъ съ себя корону, прикоснулся ею къ ея челу, а потомъ самъ возложилъ на нее другую, малую корону. Протодіаконъ возгласилъ полный титулъ Русскаго Самодержца.

[1] Сочиненія Филарета, митрополита московскаго, т. V, стр. 384—385.

Тогда императоръ, положивъ скипетръ и державу на возвышеніи трона, преклонилъ колѣна и со слезами въ голосѣ и на очахъ, во всеуслышаніе произнесъ слѣдующую умилительную молитву: «Господи Боже Отцевъ и Царю Царствующихъ, сотворивый вся словомъ Твоимъ и премудростью Твоею устроивый человѣка, да управляетъ міръ въ преподобіи и правдѣ! Ты избралъ мя въ Царя и Судію людямъ Твоимъ. Исповѣдую неизслѣдимое Твое о мнѣ смотрѣніе и благодаря—величеству Твоему поклоняюся. Ты же, Владыко и Господи мой, не остави мя въ дѣлѣ, на неже послалъ мя еси, вразуми и управи мя въ великомъ служеніи семъ. Да будетъ со мною пресѣдящая престолу Твоему премудрость. Посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ очима Твоима, и что̀ есть право въ заповѣдяхъ Твоихъ. Буди сердце мое въ руку Твоею, еже вся устроиши къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово, милостью и щедротами единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси, съ пресвятымъ, и благимъ, и животворящимъ Твоимъ Духомъ, вовѣки, аминь».

Государь всталъ, и всѣ присутствующіе во храмѣ опустились на колѣна, благоговѣйно внимая благодарственной молитвѣ, прочитанной колѣнопреклоненнымъ святителемъ московскимъ, къ Господу, «чтобы умудрилъ и наставилъ раба своего, благочестивѣйшаго самодержца, который утѣшилъ сердца наши, и даровалъ бы ему непоползновенно проходить великое свое служеніе, согрѣвая сердце его къ призрѣнію нищихъ, къ пріятію странныхъ, заступленію напаствуемыхъ, и подчиненныя ему правительства направляя на путь правды; всѣ же врученные державѣ его люди содержа въ нелицемѣрной вѣрности и сотворяя его отцемъ, о чадахъ веселящимся».

Послѣ привѣтственнаго слова митрополита Филарета, пожелавшаго Богомъ вѣнчанному императору, «чтобы отъ вѣнца царева, какъ отъ средоточія, на все царство простирался животворный свѣтъ, честнѣйшій каменій многоцѣнныхъ, мудрости правительственной; чтобы мановенія скипетра царева подчиненнымъ властямъ и служителямъ воли царевой указывали всегда вѣрное направленіе ко благу общественному; чтобы рука царева крѣпко и всецѣло обнимала державу его; чтобы мечъ царевъ былъ всегда уготованъ на защиту правды и однимъ явленіемъ своимъ уже поражалъ неправду и зло; чтобы царское знамя собирало въ единство и вводило въ стройный чинъ милліоны народа; чтобы труда и бдѣнія царева доставало для возбужденія и возвѣщенія ихъ дѣятельности и для обезпеченія покоя ихъ»,—раздалось торжественное: «Тебѣ Бога хвалимъ!» [1].

[1] Сочиненія Филарета, митрополита московскаго, т. V, стр. 385—387.

Во время литургіи надъ императоромъ и императрицею совершено таинство св. муропомазанія. Затѣмъ государь, въ царскихъ вратахъ, причастился св. Таинъ, по чину царскому, а пока подходила къ причастію государыня, отошелъ къ образу Спасителя и, на колѣняхъ, долго и усердно молился [1].

Началось шествіе изъ Успенскаго собора въ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій. Государь шелъ съ императрицей подъ балдахиномъ, въ порфирѣ и коронѣ, держа въ одной рукѣ скипетръ, въ другой державу. «И вотъ, когда послѣ четырехчасового ожиданія»,—разсказываетъ очевидецъ, поэтъ Тютчевъ,—«я увидѣлъ подъ балдахиномъ бѣднаго, дорогого намъ императора, съ короной на головѣ, блѣднаго, утомленнаго и сердечно старающагося отвѣчать на всѣ клики народа наклоненіемъ головы изъ-подъ этой громадной и сверкающей короны,—о! не трудно будетъ повѣрить, что тогда, вопреки всему, я почувствовалъ, что меня одолѣваютъ слезы и что изъ глубины сердца и почти невольно я примѣнилъ къ нему этотъ извѣстный стихъ:

Jamais tant de respect n'admet tant de pitié!

Прежде чѣмъ вступить въ Кремлевскій дворецъ, царственная чета съ Краснаго Крыльца поклонилась народу. Невозможно описать тотъ бурный восторгъ, что̀ охватилъ многотысячную толпу, наполнявшую Кремль и всѣ прилегающія къ нему мѣста.

Высочайшій обѣденный столъ происходилъ въ Грановитой палатѣ. Государь возсѣдалъ на тронѣ, посреди обѣихъ императрицъ. Приглашенные: высшее духовенство и особы первыхъ двухъ классовъ, заняли мѣста за столомъ, лицомъ къ ихъ величествамъ. Митрополитъ Филаретъ благословилъ трапезу. При пушечной пальбѣ, пили за здоровье императора, императрицъ, всего царскаго дома, духовныхъ особъ и всѣхъ вѣрноподданныхъ. Архіереи обѣдали въ мантіяхъ и клобукахъ. Посреди нихъ находился архіепископъ Кесарійскій Василій, во время обѣда не перестававшій плакать, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе государя, приказавшаго спросить: отчего онъ плачетъ? «Плачу отъ радости»,—отвѣчалъ греческій іерархъ,—«видя торжество русскаго царя; плачу отъ горести, потому что мы, православные жители Малой Азіи, страдаемъ подъ игомъ агарянъ».

Вечеромъ Кремль и вся Москва озарились безчисленнымъ множествомъ огней. Иллюминація повторилась и въ слѣдующіе два дня. На ярко освѣщенныхъ улицахъ и площадяхъ народъ московскій ликовалъ до поздней ночи.

Въ день священнаго коронованія императоръ Александръ подписалъ манифестъ, начинавшійся такими словами: «Въ сей торжественный день,

[1] Чинъ Шествія священнѣйшаго коронованія.

когда, испросивъ благословеніе Всевышняго, мы возложили на себя вѣнецъ нашихъ предковъ, первою нашею мыслью было, какъ всегда, благоденствіе любезной намъ Россіи. Повторяя при священномъ обрядѣ коронованія обѣтъ, произнесенный нами въ самый часъ вступленія нашего на прародительскій престолъ, имѣть постоянною, единою цѣлью трудовъ и попеченій нашихъ утвержденіе, возвышеніе сего благоденствія въ настоящемъ и будущемъ времени, мы не могли съ тѣмъ вмѣстѣ не обратиться къ воспоминанію о событіяхъ недавно минувшихъ лѣтъ, ознаменованныхъ тягостными испытаніями, но и примѣрами высокой доблести и новыми доказательствами безпредѣльной, нелицемѣрной преданности вѣрныхъ подданныхъ нашихъ всѣхъ состояній къ престолу и отечеству,—доказательствами, на кои незабвенный родитель нашъ взиралъ, какъ на отраду, Небеснымъ Промысломъ ему ниспосылаемую. Сіе воспоминаніе сохранится навѣки въ сердцѣ нашемъ и конечно перейдетъ къ отдаленнѣйшему потомству. Но мы желаемъ возбужденныя ими въ насъ чувства еще разъ, при нынѣшнемъ торжествѣ, изъявить всенародно установленіемъ нѣкоторыхъ особыхъ знаковъ отличія и особо обращаемымъ къ каждому изъ сословій въ государствѣ выраженіемъ нашего благоволенія и признательности».

На-подобіе медали, пожалованной защитникамъ Севастополя, учреждалась въ память минувшей войны свѣтлая бронзовая медаль съ вензелевымъ изображеніемъ императоровъ Николая I и Александра II и надписью: «На тя Господи уповахомъ, да не постыдимся вовѣки». Она раздавалась на Георгіевской лентѣ воинамъ, принимавшимъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, а на Андреевской—всѣмъ прочимъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Гражданскимъ чиновникамъ жаловалась такая же медаль, но темно-бронзовая, и съ тѣми же подраздѣленіями: въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, на Андреевской лентѣ, а въ прочихъ—на Владимірской. Сходные съ медалями по изображеніямъ и надписямъ бронзовые наперсные кресты установлялись для духовенства, которое «въ сію новую годину искушенія явило себя достойнымъ своего сана, достойнымъ своихъ безсмертныхъ предшественниковъ, столько разъ содѣйствовавшихъ спасенію государства и усердными, непрестанно возсылаемыми къ престолу Господа силъ мольбами, и краснорѣчивымъ словомъ, и собственными доблестными дѣяніями».

«Отъ сихъ почтенныхъ служителей алтаря»,—продолжалъ манифестъ,—«мы обращаемся къ нашему вѣрному, благородному россійскому дворянству. Оно привыкло издавна примѣромъ своимъ предшествовать прочимъ состояніямъ на поприщѣ чести и жертвъ за отечество, и мы знаемъ, сколь были велики сіи жертвы въ продолженіе послѣдней войны. Цѣня ихъ въ полной мѣрѣ, мы жалуемъ, не въ награду, а лишь въ память оныхъ,

каждому дворянскому семейству, въ лицѣ главы его, медаль изъ бронзы, съ тѣмъ же изображеніемъ и надписью, которыя утверждены нами для медалей, назначаемыхъ нашимъ войскамъ. Она будетъ носима въ петлицѣ, на лентѣ ордена св. Владиміра и, по смерти получающаго ее, должна сохраняться въ родѣ его, переходя всегда къ старшему въ семействѣ». Такія же медали на Аннинской лентѣ назначались для почетныхъ гражданъ и именитыхъ купцовъ, которые отличили себя приношеніями на издержки войны или на пособіе раненымъ и семействамъ убитыхъ. «Сіе сословіе», говорилось въ манифестѣ, «и всѣ принадлежащіе къ состояніямъ городскихъ и сельскихъ обывателей, отъ богатѣйшихъ торговцевъ и мануфактуристовъ до простыхъ земледѣльцевъ и поселенныхъ въ Россіи иностранныхъ колонистовъ, не уступали другимъ въ доказательствахъ усердія, готовности жертвовать всѣмъ и самою жизнью за насъ и отечество. Благодаримъ ихъ и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ именемъ сего отечества, намъ и имъ равно любимаго. Да снидетъ на него благодать Всещедраго Бога и при помощи сей благодати да будемъ мы имѣть счастіе изгладить вскорѣ самые слѣды какъ общаго тягостнаго напряженія силъ государства, такъ и частныхъ, нѣкоторымъ краямъ Россіи нанесенныхъ войною бѣдствій» [1].

Щедрою рукою излилъ императоръ царскія милости на ближайшихъ къ своему престолу слугъ. Ветеранъ Наполеоновскихъ войнъ, бывшій много лѣтъ вождемъ нашихъ военныхъ силъ на Кавказѣ, генералъ-адъютантъ князь М. С. Воронцовъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы. Въ княжеское Россійской имперіи достоинство возведенъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта графъ А. Ѳ. Орловъ, въ графское—оберъ-камергеръ Рибопьеръ, оберъ-гофмейстеръ Олсуфьевъ, генералъ-адъютантъ Сумароковъ, а генералъ-губернаторъ Финляндіи Бергъ—въ графское достоинство Великаго Княжества Финляндскаго. Православные іерархи, всѣ министры, высшіе придворные, военные и гражданскіе чины получили ордена и другія почетныя награды [2].

Доброе сердце Александра Николаевича, полное жалости и состраданія къ несчастнымъ и обездоленнымъ, сказалось въ цѣломъ рядѣ милостей, льготъ и всякаго рода облегченій, коихъ коронаціонный манифестъ перечисляетъ болѣе тридцати категорій, не считая тѣхъ, что дарованы жителямъ Царства Польскаго и Финляндіи. Отмѣтимъ здѣсь главнѣйшія: повсемѣстная народная перепись во всей Имперіи для исправленія податей и другихъ сборовъ; обѣщаніе въ продолженіе текущаго 1856 года и слѣдующихъ трехъ лѣтъ не производить рекрутскаго набора, «если Богъ благословитъ продолженіемъ твердаго мира и никакія чрез-

[1] Высочайшій манифестъ, 26-го августа 1856 г.

[2] Высочайшій приказъ, 26-го августа 1856 г.

вычайныя обстоятельства не сдѣлаютъ набора необходимымъ»; выдача обществамъ и помѣщикамъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій за всѣхъ убылыхъ ратниковъ государственнаго ополченія; сложеніе и исключеніе со счетовъ: недоимокъ въ податяхъ подушной, оброчной, на сухопутныя и водяныя сообщенія и за право винокуренія, всѣхъ казенныхъ по службѣ начетовъ, ущербовъ и растратъ на сумму до шестисотъ рублей, процентовъ съ суммъ, взыскиваемыхъ за похищеніе казенныхъ денегъ, всѣхъ неуплаченныхъ по день коронованія начетовъ и взысканій съ наслѣдниковъ умершихъ виновныхъ; прощеніе и освобожденіе содержащихся подъ стражей несостоятельныхъ должниковъ; сложеніе и исключеніе съ счетовъ взысканій на гербовую бумагу, недоимки мелкопомѣстныхъ дворянъ по рекрутскимъ наборамъ и вообще всѣхъ рекрутскихъ недоимокъ въ пограничныхъ губерніяхъ, а также недоимокъ: по пожалованію чиновъ, орденовъ или денежныхъ наградъ, по солянымъ управленіямъ, по винокуренію и по гильдейскимъ повинностямъ и разнымъ пошлинамъ, сборамъ и пенямъ, по ссудамъ изъ Государственнаго казначейства или изъ продовольственнаго капитала. Сверхъ того, облегчена участь осужденнымъ по всѣмъ родамъ преступленій: одни прощены, другимъ сокращены сроки наказанія; освобождены отъ полицейскаго надзора лица, оставленныя въ подозрѣніи по судебнымъ приговорамъ, а тѣ, что состояли подъ слѣдствіемъ и судомъ за преступленія, не влекущія лишенія или ограниченія правъ состоянія,—освобождены отъ слѣдствія и суда. Преступники, приговоренные къ наказанію плетьми съ наложеніемъ клейма, освобождены отъ этого наказанія. Облегчено положеніе преступниковъ, присужденныхъ къ каторгѣ либо сосланныхъ на поселеніе или житье, которые пріобрѣли на то право безукоризненнымъ поведеніемъ. Разрѣшено возвращеніе въ отечество лицамъ, удалившимся изъ Россіи безъ установленныхъ видовъ.

Вѣнцомъ царскаго милосердія было великодушное прощеніе государственныхъ преступниковъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія и сосланныхъ въ Сибирь или сданныхъ въ солдаты, по дѣлу о тайныхъ обществахъ 1825 года и по заговору Петрашевскаго, въ 1849 году. Имъ дозволено возвратиться съ семействами изъ мѣстъ ссылки и жить гдѣ пожелаютъ въ предѣлахъ Имперіи, за исключеніемъ обѣихъ столицъ. Осужденнымъ и дѣтямъ ихъ возвращены, за нѣкоторыми исключеніями, ихъ титулы и потомственное дворянское достоинство. «Дай Богъ»,—сказалъ тогда же императоръ Александръ статсъ-секретарю барону М. А. Корфу, автору историческаго сочиненія о 14-мъ декабрѣ:—«дай Богъ, чтобы впредь никогда не приходилось русскому государю ни наказывать, ни даже прощать за подобныя преступленія» [1].

---

[1] Баронъ Корфъ. — Восшествіе на престолъ императора Николая I, стр. 206.

На другой день послѣ коронаціи государь и императрица принимали поздравленія въ Андреевской залѣ Кремлевскаго дворца. По программѣ коронаціонной коммиссіи, въ церемоніи этой должны были участвовать: министры, главноуправляющіе, Государственный Совѣтъ, статсъ-секретари, сенаторы, генералитетъ, военнослужащіе штабъ и оберъ-офицеры, чины гражданскіе первыхъ четырехъ классовъ и особы, имѣющія пріѣздъ ко двору, губернскіе предводители дворянства, головы купечества губернскихъ городовъ Имперіи и Царства Польскаго, депутаты Великаго Княжества Финляндскаго, придворныя обоего пола особы и иностранные послы и посланники. Государь пожелалъ, чтобы къ принесенію поздравленій допущены были кромѣ того: уѣздные предводители дворянства московской и другихъ губерній, съ ихъ женами и дочерьми, находившіеся въ Москвѣ потомственные дворяне, какъ служащіе, такъ и неслужащіе, и всѣ георгіевскіе кавалеры, какихъ бы чиновъ они ни были, также съ женами и дочерьми. Послѣдними поздравляли царскую чету волостные головы и старшины государственныхъ крестьянъ и колонистовъ, по одному изъ каждой губерніи Европейской Россіи. Милостиво принявъ отъ нихъ хлѣбъ-соль, императоръ сказалъ имъ: «Спасибо вамъ, и искренно благодарю васъ за вашу преданность и усердіе; вы лучше всего доказали ихъ въ годину минувшей войны. Я увѣренъ, что и впредь вы докажете мнѣ свою преданность. Молитесь Богу, чтобы Онъ мнѣ помогъ въ трудахъ моихъ, а я буду молиться за васъ. Передайте это всѣмъ государственнымъ крестьянамъ и колонистамъ».

Въ дни, слѣдовавшіе за коронаціей, происходили безпрерывныя блестящія празднества: два бала и маскарадъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, парадный спектакль въ Большомъ театрѣ, балы у пословъ французскаго и австрійскаго. Къ сожалѣнію, дождь помѣшалъ полному успѣху народнаго праздника на Ходынскомъ полѣ и фейерверку.

Но офиціальными торжествами не исчерпывалась народная радость. Московское купечество чествовало гвардію большимъ обѣдомъ всѣмъ нижнимъ чинамъ, даннымъ въ экзерцигаузѣ и прилежащемъ къ нему Александровскомъ саду. Московскій университетъ устроилъ чрезвычайное публичное засѣданіе, на которомъ профессоръ Шевыревъ произнесъ торжественную рѣчь. «Вѣнецъ на главѣ царя», — такъ началъ онъ ее, — «есть слава и радость русскаго народа; мы дождались этой славы, мы радуемся этою радостью. Въ торжествѣ величія, въ блескѣ могущества вступилъ императоръ въ первопрестольную; любовались наши взоры, изумлялось воображеніе великолѣпію, въ которомъ сходились Европа и Азія. Радовалось русское сердце величію отечества въ державной главѣ его; но до слезъ умилились мы тогда, когда государь повергалъ блескъ и славу предъ святыней вѣры, свидѣтельствуя народу, что изъ небеснаго источника заемлетъ онъ внутреннюю крѣ-

ность своей державы. Когда царь, съ возложеніемъ на себя вѣнца, по его же царскому слову, возлагалъ на себя торжественный передъ свѣтомъ обѣтъ—жить единственно для счастія подвластныхъ ему народовъ, сонмъ незримыхъ силъ внималъ его обѣту и сердца безчисленныхъ его подданныхъ молились вмѣстѣ съ нимъ, да поможетъ ему Всевышній совершить его».

Общій подъемъ духа, радостное возбужденіе русскаго общества, повсемѣстное пламенное сочувствіе благимъ начинаніямъ великодушнаго и милосердаго государя выразились въ обѣдѣ, на который, 3-го сентября, собрались находившіеся въ Москвѣ дѣятели мысли и слова, ученые, писатели и художники. Заздравный тостъ за императора былъ провозглашенъ Н. Ф. Павловымъ въ слѣдующихъ словахъ: «Господа, въ два дня, въ двухъ нумерахъ газетъ—сколько плодотворныхъ впечатлѣній! Съ Петра Великаго вы не назовете никакой эпохи въ нашей исторіи, гдѣ бы такъ много было сдѣлано въ такое немногое время. Конечно, это не оглушительный громъ оружія, не побѣдный кликъ на развалинахъ чужого жилища; это подвиги, болѣе согласные съ требованіями вѣка; у нихъ болѣе правъ на благословеніе народа, въ нихъ болѣе человѣческаго, христіанскаго значенія. Благоговѣйные помыслы о предержащей власти, сохранившей и возвеличившей Россію, есть святой долгъ, налагаемый и оправдываемый самымъ пытливымъ разумомъ; но счастливо время, въ которое долгъ сливается съ желаніемъ сердца; но радостна жизнь, если не разберешь—что̀ велитъ долгъ и что̀ внушаетъ любовь? Скажите, разобрались ли вы, чѣмъ недавно, чувствомъ долга или чувствомъ любви, билось ваше сердце, когда глаза ваши, застилаемые докучною слезой, останавливались невольно на трехъ незабвенныхъ словахъ: отмѣнить, простить, возвратить? И какъ счастливы были вы, зная, что ужъ этихъ словъ никто на землѣ отмѣнить не можетъ! Поднимите же, господа, веселые надеждой, отъ всей души, отъ всего сердца, ваши бокалы, во здравіе и во славу того, чье высокое имя начертано нетлѣнными буквами подъ словами: отмѣнить, простить, возвратить; за кого въ эту минуту бѣжитъ еврей изъ грязной корчмы въ шумную синагогу молиться своему Іеговѣ; о комъ увѣчный солдатъ, бѣдная солдатка шлютъ теплыя молитвы христіанскому Богу, судорожно сжимая въ объятіяхъ возвращеннаго имъ сына; кто насъ и нашихъ братій по крови, разрозненныхъ съ нами исторіей, соединитъ въ одно свѣтлое, радостное, благородное чувство; кто открываетъ намъ широкій путь къ просвѣщенію; кто повелѣлъ растворить двери университетовъ; кто снялъ преграду къ сближенію народовъ, къ обмѣну разныхъ образованностей; кто не забылъ въ пустыняхъ Сибири ни согрѣшившихъ отцовъ, ни безгрѣшныхъ дѣтей; кто, въ просвѣщенной благости, вспомнилъ всѣхъ и все не отъ избытка даровъ милосердія, какими располагаетъ его могущество, а отъ той нѣж-

Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ.

(Съ гравированнаго портрета, изд. Баумана.)

ной заботливости, отъ того всепонимающаго чувства христіанской любви, которое останется на страницахъ исторіи».

Государь и семья его остались въ первопрестольной еще цѣлый мѣсяцъ; 19-го сентября они провели весь день въ молитвѣ въ лаврѣ св. Сергія; 23-го выѣхали изъ Москвы и 24-го прибыли въ Царское Село. 2-го октября ихъ величества торжественно вступили въ Петербургъ, но тотчасъ же возвратились въ Царское Село, и только къ именинамъ наслѣдника—6-го декабря—переѣхали на жительство въ Зимній Дворецъ [1].

[1] Приведенные въ настоящей главѣ государственные акты и законы извлечены изъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи; дипломатическая переписка—изъ С.-Петербургскаго архива Министерства иностранныхъ дѣлъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Сближеніе съ Франціею.

1856 — 1857.

Перемѣна въ направленіи внѣшней политики. — Обновленіе личнаго дипломатическаго состава. — Два циркуляра князя Горчакова. — Дружба съ Пруссіею и сближеніе съ Франціею. — Морни въ Петербургѣ и Москвѣ. — Пріемъ въ Парижѣ великаго князя Константина Николаевича. — Императоръ Алаксандръ въ Дармштадтѣ, Вильдбадѣ и Киссингенѣ. — Колебанія Наполеона III. — Переговоры его о свиданіи съ императоромъ Александромъ. — Наполеонъ и Евгенія въ Осборнѣ. — Штутгартское свиданіе Александра II съ Наполеономъ III. — Заявленіе Горчакова Бисмарку. — Свиданіе государя въ Веймарѣ съ императоромъ австрійскимъ. — Императорская чета въ Кіевѣ.—Возвращеніе ея въ Петербургъ.

Назначеніе князя А. М. Горчакова министромъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто удалившагося на покой канцлера графа Нессельроде означало крутой поворотъ во внѣшней политикѣ Россіи.

Воспитанный въ глубокомъ уваженіи къ началамъ и преданіямъ Священнаго Союза, императоръ Александръ II, по воцареніи, не могъ уже придерживаться этого политическаго сочетанія, полную неосновательность котораго доказала послѣдняя Восточная война. Она же обнаружила глубокое противорѣчіе между государственными пользами Россіи и интересами двухъ сосѣднихъ державъ, которыхъ мы такъ долго почитали вѣрными и преданными нашими союзницами и которымъ въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія принесли столько жертвъ. Само собою сказывалась необходимость искать въ политикѣ новыхъ путей, а потому и обновить весь личный составъ нашего дипломатическаго представительства заграницею.

Первымъ дѣломъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ было назначеніе пословъ и посланниковъ при дворахъ великихъ державъ. Посломъ въ Парижъ отправился графъ П. Д. Киселевъ; въ Лондонъ—графъ Хрептовичъ, предшественникъ котораго на этомъ посту, баронъ Брунновъ, перемѣщенъ въ Берлинъ. Посланникомъ въ Вѣну князь А. М. Горчаковъ опре-

дѣлилъ ближайшаго своего сотрудника по вѣнскимъ совѣщаніямъ 1855 г. совѣтника посольства Балабина, раздѣлявшаго глубокую ненависть его къ Австріи за вѣроломную измѣну. Во главѣ посольства въ Константинополѣ поставленъ занимавшій уже эту должность въ началѣ сороковыхъ годовъ А. П. Бутеневъ. Товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ назначенъ личный другъ государя И. М. Толстой; директоромъ азіатскаго департамента — извѣстный путешественникъ по Китаю и Славянскимъ землямъ Е. П. Ковалевскій, съ которымъ впервые славянскій вопросъ получалъ какъ бы право гражданства въ кругу нашего дипломатическаго вѣдомства. Подъ его непосредственнымъ руководствомъ умножено число нашихъ консуловъ и консульскихъ агентовъ на ближайшемъ православномъ Востокѣ, и большинство этихъ должностей замѣщено русскими людьми.

Извѣщая нашихъ дипломатическихъ представителей о своемъ назначеніи министромъ иностранныхъ дѣлъ, князь А. М. Горчаковъ лишь въ общихъ выраженіяхъ упомянулъ о направленіи, указанномъ ему волею государя. «Миръ, заключенный въ Парижѣ»,—писалъ онъ,—«является началомъ новой политической эры. Волненія ожесточенной борьбы замѣняются сношеніями, полными взаимнаго доброжелательства. Этотъ результатъ, столь желательный, можетъ быть достигнутъ лишь довѣріемъ, которое мы внушаемъ, и тѣмъ, что̀ сами испытываемъ. Государь императоръ надѣется, что чувства, одушевляющія его въ этомъ смыслѣ, будутъ раздѣлены всѣми правительствами, которыя по окончаніи войны снова вступаютъ въ свободное распоряженіе своими интересами» [1].

Нѣсколько времени спустя въ Москвѣ, наканунѣ коронаціи, князь Александръ Михайловичъ имѣлъ случай болѣе подробно развить мысль, положенную въ основаніе его политической программы. Поводомъ къ тому послужили два вопроса, стоявшіе на очереди европейской дипломатіи: о продолжавшемся, по окончаніи войны, занятіи Греческаго королевства англо-французскими войсками и о давленіи, производимомъ дворами парижскимъ и лондонскимъ на неаполитанскаго короля, съ цѣлью побудить его ввести въ Неаполѣ представительный образъ правленія. Русскій министръ находилъ, что какъ то, такъ и другое противно основному началу международныхъ сношеній: уваженію права независимости государствъ. Онъ энергично высказывался противъ ничѣмъ неоправдываемаго оставленія въ Греціи чужеземныхъ войскъ, вопреки волѣ короля Оттона и чувствамъ эллинскаго народа, и столь же рѣшительно осуждалъ вмѣшательство Франціи и Англіи въ отношенія короля Фердинанда къ его подданнымъ. «Менѣе чѣмъ когда-либо»,—доказывалъ онъ,—«позволительно нынѣ въ Европѣ забывать, что государи равны между собою, и

[1] Циркуляръ А. М. Горчакова, 16-го апрѣля 1856 г.

что взаимныя ихъ отношенія обусловливаются не пространствомъ ихъ территорій, а святостью присущихъ имъ правъ. Желать добиться отъ короля неаполитанскаго уступокъ по внутреннему управленію его государствомъ посредствомъ угрозъ или угрожающихъ демонстрацій значитъ замѣнить его власть своею, управлять вмѣсто него, провозгласить безъ прикрасъ право сильнаго надъ слабымъ».

Переходя отъ двухъ частныхъ вопросовъ къ изложенію политической системы, принятой императоромъ Александромъ II со дня вступленія на престолъ, князь Горчаковъ продолжалъ:

«Императоръ желаетъ жить въ добромъ согласіи со всѣми правительствами. Его величество находитъ, что лучшее къ тому средство—не скрывать своего образа мыслей ни въ одномъ изъ вопросовъ, касающихся народнаго права въ Европѣ. Единеніе съ тѣми, кто въ теченіе многихъ лѣтъ поддерживалъ съ нами начала, коимъ Европа обязана миромъ, продолжавшимся болѣе четверти столѣтія, уже не существуетъ болѣе въ прежней цѣлости. Результатъ этотъ произошелъ помимо воли нашего августѣйшаго государя. Обстоятельства возвратили намъ полную свободу дѣйствій. Императоръ рѣшился посвятить преимущественную заботливость благосостоянію своихъ подданныхъ и сосредоточить на развитіи внутреннихъ средствъ страны дѣятельность, которая будетъ распространяться за предѣлы Имперіи, лишь когда того безусловно потребуютъ положительныя пользы Россіи. Россію упрекаютъ въ томъ, что она заключается въ одиночествѣ и хранитъ молчаніе въ виду явленій, несогласныхъ ни съ правомъ, ни со справедливостью. Говорятъ, Россія дуется. Нѣтъ, Россія не дуется, а сосредоточивается въ самой себѣ (La Russie boude, dit-on. La Russie ne boude pas. La Russie se recueille). Что же касается до молчанія, въ которомъ насъ обвиняютъ, то мы могли бы напомнить, что еще недавно искусственная коалиція была организована противъ насъ, потому что голосъ нашъ возвышался каждый разъ, когда мы считали это нужнымъ для поддержанія права. Дѣятельность эта, спасительная для многихъ правительствъ, но изъ которой Россія не извлекла для себя никакой выгоды, послужила лишь поводомъ къ обвиненію насъ не вѣсть въ какихъ замыслахъ всемірнаго господства. Мы могли бы укрыть наше молчаніе подъ впечатлѣніемъ этихъ воспоминаній. Но такое положеніе не представляется намъ приличествующимъ державѣ, которой Провидѣніе опредѣлило въ Европѣ то мѣсто, что̀ занимаетъ Россія. Настоящая депеша, которую я вамъ пишу по повелѣнію его императорскаго величества, доказываетъ, что нашъ августѣйшій государь не ограничивается такою ролью, когда считаетъ долгомъ высказать свое мнѣніе. Такъ будетъ и впредь каждый разъ, когда доведется Россіи возвысить свой голосъ въ пользу права или когда достоинство императора потребуетъ, чтобы онъ не скрывалъ своихъ мыслей. Что же касается до введенія въ дѣйствіе нашихъ

вещественныхъ силъ. То императоръ предоставляетъ это свободному своему усмотрѣнію. Политика нашего августѣйшаго государя національна, но она не своекорыстна, и хотя его императорское величество ставитъ въ первомъ ряду пользы своихъ народовъ, но не допускаетъ и мысли, чтобы даже удовлетвореніе ихъ могло извинить нарушеніе чужого права» [1].

Произведшій сильное впечатлѣніе въ Европѣ, циркуляръ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ краснорѣчиво и убѣдительно выражалъ личный взглядъ императора Александра II на отношенія Россіи къ иностраннымъ державамъ. Самъ князь Горчаковъ вполнѣ раздѣлялъ его; у него, какъ и у государя, была одна общая цѣль: мирными способами достигнуть отмѣны стѣснительныхъ для Россіи и унизительныхъ для ея достоинства постановленій Парижскаго трактата. Но относительно средствъ къ ея достиженію нельзя не замѣтить нѣкотораго оттѣнка между мыслями императора и его министра. Какъ тотъ, такъ и другой негодовали на Австрію за ея вѣроломство, а Англію признавали нашимъ исконнымъ и непримиримымъ противникомъ. У Александра Николаевича больше лежало сердце къ Пруссіи, «двойственнымъ» союзомъ съ которой желалъ онъ замѣнить распавшееся соглашеніе трехъ «охранительныхъ» дворовъ. Но такой договоръ со слабѣйшею изъ великихъ державъ князь Горчаковъ признавалъ недостаточнымъ для возвращенія Россіи прежняго ея значенія въ Европѣ, и къ этому результату надѣялся придти путемъ тѣснаго сближенія съ Франціей. Государь соглашался на такую попытку, хотя личныя стремленія Наполеона III къ измѣненію порядка, установленнаго въ Европѣ Вѣнскимъ конгрессомъ, и революціонные пріемы внѣшней политики императора французовъ не внушали ему ни сочувствія, ни довѣрія.

Назначенный чрезвычайнымъ посломъ въ Россію побочный братъ, близкій другъ и довѣреннѣйшій совѣтникъ Наполеона III, графъ Морни, проѣздомъ въ Петербургъ, чрезъ Германію, заѣхалъ въ Вильдбадъ, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе пользовавшейся тамъ минеральными водами вдовствующей императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Августѣйшая вдова императора Николая I хотя и приняла его любезно и съ отличіемъ, но изъ обращенія лицъ, окружавшихъ государыню, онъ замѣтилъ, что это не болѣе, какъ внѣшній пріемъ, прикрывающій нерасположеніе и недовѣріе къ представителю Наполеона III. Изъ этого онъ заключилъ, что въ сущности нѣмецкія симпатіи русскаго двора остались столь же сильны, какъ и прежде, и что при первомъ случаѣ дворъ нашъ вернется на путь, который былъ вынужденъ покинуть въ послѣднее время. Предупреждая о томъ графа Валевскаго, Морни признавалъ, что убѣжденіе это возросло въ немъ послѣ свиданій и бесѣдъ съ русскими дипломатами въ разныхъ

[1] Циркуляръ князя А. М. Горчакова 21-го августа 1856 г.

столицахъ Германіи, причемъ замѣтилъ, что если вообще русскій не долюбливаетъ французовъ, то русскій, привитый къ нѣмцу (un Russe greffé sur un Allemand), глубоко ихъ ненавидитъ.

Мимолетныя эти впечатлѣнія разлетѣлись въ прахъ по прибытіи Морни въ Россію, гдѣ какъ императоромъ, такъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ оказанъ ему самый почетный и ласковый пріемъ. Государь принялъ французскаго посла въ Петергофѣ чрезвычайно радушно и привѣтствовалъ слѣдующими словами: «Я радъ васъ видѣть здѣсь. Присутствіе ваше означаетъ конецъ положенію, къ счастію, уже не существующему, и которое не должно болѣе возвращаться. Я очень благодаренъ императору Наполеону и никогда не забуду благосклоннаго вліянія, оказаннаго имъ въ нашу пользу на ходъ переговоровъ. Графъ Орловъ сообщилъ мнѣ также, что онъ не могъ нахвалиться графомъ Валевскимъ. Прошу васъ поблагодарить его». Государь замѣтилъ по этому поводу, что въ Орловѣ Наполеонъ имѣетъ горячаго друга, остававшагося и по возвращеніи изъ Парижа подъ его личнымъ обаяніемъ; благодарилъ за привѣтливый пріемъ императоромъ и императрицей французовъ посланныхъ въ Парижъ русскихъ офицеровъ, а также за пушку новаго образца, подаренную Наполеономъ III великому князю Михаилу Николаевичу, и прибавилъ: «Не могу достаточно повторить вамъ, какъ счастливъ я, видя всѣ эти признаки сближенія, и если у войны была хорошая сторона, то она состоитъ въ томъ, что война показала намъ, какъ велики симпатіи обоихъ народовъ другъ къ другу и взаимное уваженіе обѣихъ армій».

Выразивъ послу свое удовольствіе по поводу того, что на него палъ выборъ императора французовъ, государь объявилъ, что самъ послѣдовалъ примѣру Наполеона, назначивъ своимъ представителемъ при немъ одного изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, личнаго своего друга и друга покойнаго отца, графа Киселева, пользующагося полнымъ его довѣріемъ. Повторивъ, что живѣйшее желаніе его заключается въ установленіи добраго согласія между Россіею и Франціей, Александръ Николаевичъ заключилъ: «Такова была въ сущности политика моего отца. Я искренно сожалѣлъ о недоразумѣніи между имъ и вами. Что до меня касается, то вы можете положиться, даю вамъ въ томъ честное слово, на прямоту и искренность моихъ намѣреній, и если когда-нибудь, графъ, въ умѣ вашемъ возникнутъ какія-либо сомнѣнія, обратитесь прямо ко мнѣ, вы всегда найдете меня готовымъ выслушать васъ и откровенно объясниться съ вами».

Морни осыпали ласками, удержали въ Петергофѣ три дня, пригласили участвовать въ празднованіи дня рожденія царствующей императрицы и, помимо всякаго этикета, тутъ же представили всѣмъ членамъ императорской семьи. «Въ концѣ-концовъ»,—доносилъ онъ въ Парижъ,—«я видѣлъ въ Вильдбадѣ старый дворъ, остававшійся подъ впечатлѣніемъ горест-

ныхъ и почтенныхъ воспоминаній; здѣсь же, въ Петербургѣ, доброе расположеніе, высказываемое къ Франціи, представляется мнѣ болѣе искреннимъ, и я не думаю ошибиться, утверждая, что слова, сказанныя мнѣ императоромъ, выражаютъ чувства, одушевляющія большинство русскаго общества»[1].

Предупредительнѣе и любезнѣе всѣхъ обращался съ французскимъ посломъ А. М. Горчаковъ, не скрывавшій своихъ предпочтеній и прямо объявившій, что онъ всегда былъ сторонникомъ добраго согласія Россіи съ Франціей; что питаетъ къ императору французовъ высокое почтеніе и личныя симпатіи; что съ благодарностью вспоминаетъ о благосклонномъ расположеніи къ нему королевы Гортензіи, матери Наполеона III, и что самую должность министра иностранныхъ дѣлъ принялъ только потому, что убѣдился въ полномъ съ нимъ единомысліи императора Александра.

Съ переѣздомъ въ Москву на время коронаціи, отзывы Морни становились все болѣе и болѣе благопріятными Россіи. Онъ сообщалъ Наполеону III, что государь обходится съ нимъ, какъ ни съ однимъ изъ другихъ пословъ, его сотоварищей; что, при всякой встрѣчѣ съ нимъ, великіе князья и великія княгини не упускаютъ случая освѣдомляться о здоровьѣ императора и императрицы французовъ, въ выраженіяхъ самыхъ любезныхъ и привѣтливыхъ; что слова: «сочувствіе къ Франціи» начинаютъ даже дѣйствовать ему на нервы, до того часто ему приходится ихъ слышать. О князѣ Горчаковѣ онъ отзывается, какъ о государственномъ человѣкѣ съ живымъ, острымъ умомъ, щеголяющемъ независимостью своихъ мнѣній и утверждающемъ, что принялъ портфель только для того, чтобы доставить торжество своимъ идеямъ. Политическую программу русскаго министра Морни излагалъ такъ:

Никогда Россіи не слѣдовало ссориться съ Франціей, ея естественною союзницей, по множеству причинъ, которыя перечисляетъ князь Горчаковъ. Франція—великая нація, прекрасно управляемая. Къ императору Наполеону питаетъ онъ полное сочувствіе и удивленіе. Съ нимъ ласково обходилась королева Гортензія. Онъ сохранилъ данный ею въ Италіи талисманъ. Императоръ Александръ, въ бытность великимъ княземъ, не одобрялъ политики императора Николая. Онъ понимаетъ, что императору Наполеону, для того, чтобы управлять французскимъ народомъ, нужна широкая свобода дѣйствій. Онъ не хочетъ стѣснять ее, ни мѣшать ей и радъ былъ бы установить продолжительныя и прямодушныя сношенія между двумя императорами, не пугая Англіи. Наконецъ, онъ остался бы доволенъ, если бы ему удалось сохранить нынѣшнія отношенія: прекрасныя съ Франціей, хорошія съ Англіей, привѣтливыя съ Австріей. Только чѣмъ ниже пало значеніе Россіи, тѣмъ скорѣе желалъ бы

[1] Графъ Морни графу Валевскому 27-го іюля 1856 г.

онъ его возстановить. И это довольно понятно , —заключилъ французскій посолъ [1].

Государю полюбился Морни. Ему нравилась его откровенность, въ связи съ безукоризненнымъ тономъ и пріемами свѣтскаго человѣка. Въ Москвѣ онъ часто допускалъ его къ себѣ и велъ съ нимъ продолжительныя политическія бесѣды. Однажды, принимая его въ своемъ кабинетѣ, императоръ сказалъ ему: «Вѣрьте мнѣ, отецъ мой питалъ величайшее удивленіе и глубокое сочувствіе къ императору Наполеону, и никто болѣе его не рукоплескалъ государственному перевороту и его послѣдствіямъ. Позвольте мнѣ разсказать подробность, вамъ, быть можетъ, неизвѣстную и которая дастъ вамъ возможность оцѣнить по достоинству поведеніе каждаго. Когда учреждалась имперія во Франціи и никто уже не сомнѣвался въ томъ въ Европѣ, австрійскій кабинетъ, въ предвидѣніи этого событія, выразилъ надежду, что Россія не признаетъ императора Наполеона въ формѣ, установленной для законныхъ европейскихъ государей. Не мнѣ обвинять моего отца. Онъ считалъ себя, можетъ быть, слишкомъ носителемъ преемственныхъ преданій, но, конечно, онъ меньше бы придерживался ихъ, если бы не послѣдовало помянутое приглашеніе. Не могу спокойно говорить о такомъ поведеніи Австріи здѣсь, въ этомъ самомъ кабинетѣ, въ Кремлѣ, въ Москвѣ, вспоминая, что тутъ я былъ свидѣтелемъ полученія отцомъ моимъ просьбы о помощи императора австрійскаго и отдачи имъ немедленныхъ приказаній, сохранившихъ Францу-Іосифу его корону. О! эта Австрія! Какая коварная политика! Теперь она ищетъ оправдать себя, приписываетъ вамъ, Франціи, починъ въ требованіи территоріальной уступки въ Бессарабіи». Посолъ отрицалъ это нареканіе и совѣтовалъ государю уговориться о всѣхъ текущихъ политическихъ вопросахъ съ императоромъ французовъ. «Даю вамъ слово»,—отвѣчалъ Александръ II,—«что я вполнѣ расположенъ къ тому. Я признаю вашу присылку сюда залогомъ серьезнаго и искренняго намѣренія установить между нами дружескія отношенія, и я благодаренъ императору за нее. Такъ же поступилъ и я, отправивъ въ Парижъ графа Киселева, потому что питаю къ нему величайшее довѣріе, совершенно имъ заслуженное. Онъ вполнѣ честный человѣкъ, и я надѣюсь, что онъ внушитъ вашему государю довѣріе, равное тому, которое я имѣю къ вамъ. Ясно, что ни императоръ Наполеонъ, ни я, не выбрали бы людей, занимающихъ столь видное положеніе, если бы не желали установить между нами сношенія сердечныя и добросовѣстныя»[2].

Морни былъ очарованъ милостію и ласкою императора Александра, о которомъ писалъ Наполеону III, по возвращеніи изъ Москвы въ Петер-

[1] Графъ Морни Наполеону III, 3-го сентября 1856 г.

[2] Графъ Морни Наполеону III, сентябрь 1856 г.

бургъ: «Между нами сказать, нельзя быть любезнѣе этого государя. Все, что я узналъ о немъ, о его семейныхъ отношеніяхъ, дружественныхъ связяхъ и, долженъ прибавить, о дѣйствіяхъ его по внутреннему управленію, носитъ отпечатокъ прямодушія, справедливости, даже рыцарскаго духа. Онъ не злопамятенъ, полонъ уваженія къ старымъ слугамъ своего отца и своей семьи, даже когда они плохо имъ служили. Онъ никого не оскорбляетъ, вѣренъ слову, чрезвычайно добръ. Невозможно не полюбить его. Онъ обожаемъ своимъ народомъ, и въ царствованіе его Россія дышетъ свободно, чего не было при покойномъ его отцѣ. Онъ, быть можетъ, не столь театраленъ, какъ императоръ Николай, но я не сомнѣваюсь, что онъ больше принесетъ пользы своей родинѣ во всѣхъ отношеніяхъ и въ нѣсколько лѣтъ, чѣмъ его отецъ во все продолженіе своего царствованія». Не менѣе сочувственно, чѣмъ о государѣ, продолжалъ отзываться Морни и о его министрѣ: «Князь Горчаковъ и я—мы не переговариваемся, какъ посолъ съ министромъ, а какъ два друга, довѣряющіе добросовѣстности и прямодушію обоихъ государей и обоихъ посредниковъ. Его прежняя политика согласуется съ его новымъ положеніемъ; онъ радъ установившемуся между нами согласію и дѣлаетъ что̀ можетъ, дабы сохранить его» [1].

Въ Парижѣ не меньше чествовали и ласкали Киселева, чѣмъ въ Петербургѣ Морни. Стремясь завязать непосредственныя сношенія съ русскимъ царственнымъ домомъ, въ концѣ 1856 года Наполеонъ III пригласилъ великаго князя Константина Николаевича посѣтить французскую столицу, а императрица Евгенія выразила при этомъ желаніе, чтобы братъ русскаго императора пріѣхалъ въ Парижъ въ началѣ весны, когда окрестности этого города являются наиболѣе привлекательными.

Пробывъ весь Великій постъ въ Ниццѣ, гдѣ проводила зиму императрица Александра Ѳеодоровна, Константинъ Николаевичъ, въ первый день Пасхи прибылъ на пароходѣ «Олафъ» въ Тулонъ; тамъ приняли его какъ генералъ-адмирала, со всѣми почестями, подобающими этому званію. Въ Тулонѣ остался онъ цѣлую недѣлю, осматривая суда французской средиземной эскадры, военный портъ и всѣ его принадлежности, и 18-го апрѣля прибылъ въ Парижъ, гдѣ ему были отведены покои въ павильонѣ Марсанъ Тюильрійскаго дворца.

Въ семнадцатидневное пребываніе великаго князя въ Парижѣ, императоръ французовъ не разъ имѣлъ съ нимъ продолжительныя совѣщанія о политикѣ. Онъ говорилъ своему гостю, что событія Крымской войны отошли уже въ область исторіи и что, поэтому, можно и должно разсуждать о нихъ вполнѣ хладнокровно и безпристрастно, тѣмъ болѣе, что обѣ стороны и ошибки дѣлали и стяжали лавры; что въ Европѣ возможны разныя усложненія и возникновеніе новыхъ важныхъ вопросовъ; что,

[1] Графъ Морни Наполеону III, 8-го декабря 1856 г.

потому, хорошо было бы, если бы Россія, Франція и Англія заблаговременно обдумали и рѣшили, какъ имъ дѣйствовать сообща. Можно ожидать въ близкомъ будущемъ волненій въ Италіи, съ цѣлью объединенія, и возстанія христіанъ въ Турціи. Въ обоихъ случаяхъ императоръ французовъ признавалъ желательнымъ образованіе какъ на Апеннинскомъ, такъ и на Балканскомъ полуостровѣ федерацій изъ небольшихъ отдѣльныхъ государствъ. Онъ выказалъ большое презрѣніе къ Австріи, а о Пруссіи сказалъ, что не слѣдуетъ препятствовать ей округлить свои владѣнія. Наконецъ, онъ повторилъ великому князю вопросъ, уже предложенный имъ графу Орлову во время конгресса: «Не захочетъ ли Россія присоединить Галицію?» Великій князь, разумѣется, уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта [1].

Поѣздка въ Парижъ Константина Николаевича была первымъ шагомъ къ личному сближенію двухъ императорскихъ дворовъ, русскаго и французскаго; вторымъ—должно было служить свиданіе обоихъ императоровъ. О немъ давно уже толковали въ Европѣ. Тотчасъ по заключеніи Парижскаго мира представитель Пруссіи при Германскомъ Сеймѣ Бисмаркъ-Шёнгаузенъ, зорко слѣдившій со своего наблюдательнаго поста за ходомъ европейской политики, сообщилъ двору своему распространенный во Франкфуртѣ слухъ о намѣреніи Александра II посѣтить французскую столицу [2]. Двукратное путешествіе по Германіи, предпринятое русскимъ императоромъ лѣтомъ 1857 года, дало новую пищу догадкамъ и предположеніямъ.

Послѣ разрѣшенія отъ бремени императрицы Маріи Александровны пятымъ сыномъ, нареченнымъ Сергіемъ, врачи предписали ей лѣченіе водами въ Киссингенѣ. Государь и государыня съ августѣйшими дѣтьми 11-го іюня отплыли изъ Петербурга на пароходѣ «Грозящій» и высадились на берегъ въ Килѣ, въ Голштиніи, откуда, чрезъ Гамбургъ и Ганноверъ, направились сначала въ Дармштадтъ, а потомъ въ Вильдбадъ, гдѣ находилась вдовствующая императрица. Туда пріѣхалъ навѣстить Александра Николаевича король Виртембергскій, котораго императоръ австрійскій просилъ взять на себя роль примирителя между имъ и русскимъ государемъ. На представленіе короля объ опасностяхъ, грозящихъ Европѣ отъ революціи, поддерживаемой Бонапартовскою Франціей, и о необходимости для монарховъ сплотиться, дабы дать ей отпоръ, императоръ Александръ отвѣчалъ: «Я не питаю вражды къ Австріи, но и не имѣю повода сочувствовать ей. О сближеніи Россіи съ нею не можетъ быть и рѣчи, пока я не получу отъ австрійской политики болѣе надежныхъ ручательствъ, чѣмъ нынѣ. Но если даже она и дастъ мнѣ таковыя, то все же я никогда

[1] Заблоцкій-Десятовскій, «Графъ Киселевъ и его время», т. III, стр. 18 и 19.

[2] Бисмаркъ Мантейфелю, 28-го апрѣля 1856 г.

не дамъ увлечь себя въ тройственный союзъ, направленный противъ Франціи». Въ свою очередь, сопровождавшій государя князь А. М. Горчаковъ заявилъ виртембергскому королю, что Россія будетъ стараться вступить съ Пруссіей и Франціей въ тѣсную связь, имѣющую назначеніемъ сообща поддерживать миръ и право въ Европѣ и что, если впослѣдствіи Австрія почувствуетъ потребность приступить къ ихъ союзу для защиты тѣхъ же началъ, то Россія не будетъ ей въ томъ препятствовать. Самъ король долженъ былъ сознаться, что попытка его примирить Австрію съ Россіей не удалась [1].

Изъ Вильдбада государь прослѣдовалъ сперва въ Карлсруе для посѣщенія вдовствующей великой герцогини Баденской, а потомъ въ Баденъ, чтобы отдать визитъ лѣчившемуся тамъ королю виртембергскому и повидаться съ принцессою Августою, супругою его любимаго дяди, принца прусскаго. Въ этомъ послѣднемъ городѣ привѣтствовалъ его, отъ имени императора французовъ, генералъ-адъютантъ Наполеона III Ревбель, выразившій сожалѣніе своего государя о томъ, что ему не было заранѣе извѣстно о проѣздѣ русскаго императора чрезъ мѣстность, столь близко отстоящую отъ французской границы. Государь отвѣчалъ, что самъ не разсчитывалъ быть въ Баденѣ, заѣхалъ туда случайно и очень сожалѣетъ, что лишенъ при этомъ случаѣ возможности лично познакомиться съ императоромъ Наполеономъ.

Изъ Бадена императоръ Александръ заѣхалъ за императрицею и дѣтьми въ Дармштадтъ, а 24-го іюня вся царская семья прибыла въ Киссингенъ. Между тѣмъ Бисмаркъ воспользовался проѣздомъ чрезъ Франкфуртъ бывшаго своего сотоварища по званію посланника при Германскомъ Сеймѣ Горчакова, чтобъ прямо поставить ему вопросъ: состоится ли всѣми ожидаемое свиданіе двухъ императоровъ? Князь Александръ Михайловичъ отвѣчалъ, что это весьма возможно; что лично ему, да и его государю, такое свиданіе можетъ быть только пріятно, такъ какъ обоюдныя отношенія монарховъ, состоящихъ въ постоянной дружеской перепискѣ,— превосходны; что, однако, первый шагъ долженъ послѣдовать со стороны Франціи, которой Россія показала уже довольно предупредительности. Коснувшись отношеній Россіи къ Австріи, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ повѣдалъ прусскому дипломату, что настроеніе императора Александра тоже, что и было; что, однимъ словомъ, Австрія не измѣнитъ холодности Россіи, которая не дастъ ввести себя фразами въ обманъ, утративъ вѣру въ мнимую свою солидарность съ «австрійскимъ» консерватизмомъ; что пока Франція будетъ держаться настоящей системы, она естественно займетъ утраченное Австріею мѣсто, а союзъ Россіи, Пруссіи и Франціи, замѣнивъ прежній Священный Союзъ, охранитъ миръ Европы

[1] Бисмаркъ Мантейфелю, 25-го іюля 1857 г.

и укажетъ предѣлъ австрійскому честолюбію на Востокѣ и въ Германіи. Такой тройственный союзъ князь Горчаковъ выставилъ цѣлью всѣхъ своихъ усилій, допуская приступленіе къ нему современемъ и четвертаго члена, Англіи, о которой отозвался съ несравненно меньшимъ недружелюбіемъ, чѣмъ объ Австріи [1].

Недовѣрчивый Бисмаркъ полагалъ, что, бесѣдуя съ нимъ, русскій министръ намѣренно скрылъ отъ него время и мѣсто свиданія обоихъ государей, которое считалъ уже рѣшеннымъ дѣломъ. Прозорливый дипломатъ ошибался. Въ Киссингенѣ къ пріѣзду императорской четы собрались представители Россіи при разныхъ европейскихъ дворахъ, въ числѣ ихъ и графъ Киселевъ, посолъ въ Парижѣ. На замѣчаніе его, что намъ всячески надо стараться о союзѣ съ Франціей, на которую одну мы можемъ опереться, потому что Пруссія, связанная съ Германіей, въ состояніи оказать намъ нѣкоторую поддержку лишь до тѣхъ поръ, пока мы находимся въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціей, государь не высказался опредѣленно, но изъявилъ согласіе на личное свиданіе съ Наполеономъ III, коль скоро оно будетъ имъ предложено [2].

Самъ Наполеонъ колебался и медлилъ. Сколь ни сильно было желаніе его сблизиться съ Россіей, но онъ опасался, какъ бы сближеніе это не вызвало разрыва союзныхъ отношеній съ Англіей, которыми онъ все еще очень дорожилъ. Въ этомъ настроеніи поддерживала его императрица Евгенія, не скрывавшая отъ нашего посла, что, по мнѣнію ея, Франція союзомъ съ Англіей возвратила себѣ подобающее ей мѣсто въ Европѣ и только въ союзѣ съ нею можетъ сохранить его. О сравнительной выгодѣ для Франціи соглашеній съ дворами лондонскимъ и петербургскимъ императрица французовъ такъ отозвалась въ довѣрительной бесѣдѣ съ графомъ Киселевымъ: «Я думаю, что для сохраненія порядка, для спокойствія Франціи, для status quo, какъ вы выражаетесь въ дипломатіи, союзъ съ Англіей необходимъ. Другое дѣло, когда захотятъ дѣйствовать наступательно, когда задумаютъ исправить карту Европы; тогда и только тогда союзъ съ Россіею нуженъ. До тѣхъ же поръ мы должны оставаться добрыми друзьями и не идти далѣе. Всего же лучше жить въ согласіи со всѣми и въ особенности съ Англіей» [3].

Устроить свиданіе императоровъ Александра и Наполеона взялъ на себя родственный нашему дармштадтскій дворъ, давно уже поддерживавшій съ Парижемъ самыя дружественныя отношенія. Съ этою цѣлью одинъ изъ братьевъ императрицы Маріи Александровны, принцъ Александръ Гессенскій, написалъ Наполеону письмо, въ которомъ предлагалъ ему

[1] Бисмаркъ Мантейфелю, 21-го іюня 1857 г.

[2] Дневникъ графа Киселева, 25-го іюня 1857 г.

[3] Дневникъ графа Киселева, 30-го апрѣля 1857 г.

съѣхаться съ шуриномъ въ Дармштадтѣ или Баденѣ, а другой братъ, великій герцогъ Людвигъ, даже самъ отправился въ Пломбьеръ для личныхъ о томъ переговоровъ. Ему довѣрилъ, наконецъ, Наполеонъ желаніе свое свидѣться съ русскимъ государемъ. Узнавъ о томъ, король виртембергскій не захотѣлъ дать опередить себя дармштадтскимъ сосѣдямъ, поспѣшилъ въ Біаррицъ, гдѣ находился императоръ французовъ, и пригласилъ его отпраздновать въ Штутгартѣ, 15-го сентября, семьдесятъ шестую годовщину его рожденія, предупредивъ, что къ этому дню онъ ждетъ къ себѣ и императора Александра [1].

1-го іюля именины императрицы Александры Өеодоровны были торжественно отпразднованы въ Вильбадѣ, куда къ этому дню съѣхались всѣ ея братья, за исключеніемъ короля Фридриха-Вильгельма. Туда же прибылъ изъ Киссингена и государь. Изъ Вильбада онъ снова вернулся въ Киссингенъ и, оставивъ тамъ императрицу продолжать лѣченіе, самъ съ дѣтьми чрезъ Потсдамъ и Штеттинъ, предпринялъ обратный путь въ Россію.

Цѣлью возвращенія государя въ Петергофъ было участіе въ Красносельскомъ лагерѣ, а также семейное торжество. Еще 25-го января 1856 г. великій князь Николай Николаевичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью принца Петра и принцессы Терезіи Ольденбургскихъ, Александрою Петровною. 16-го августа 1857 года состоялось бракосочетаніе великаго князя Михаила Николаевича съ принцессою Цециліею Баденскою, нареченною, по принятіи ею православной вѣры, великою княжною Ольгою Өеодоровною. Шесть дней спустя государь выѣхалъ въ Варшаву, гдѣ провелъ день своихъ именинъ и, чрезъ Берлинъ, 6-го сентября вернулся къ ожидавшей его въ Дармштадтѣ императрицѣ.

Готовившееся въ Штутгартѣ свиданіе императоровъ Александра и Наполеона возбуждало всеобщее безпокойство въ Англіи. Негодовала и королева съ принцемъ супругомъ, и всѣ ея министры, а лордъ Пальмерстонъ приписывалъ сближеніе съ Россіей интригамъ окружавшихъ Наполеона III «политическихъ аферистовъ» (stockjobbing politicians), подъ которыми разумѣлъ графа Морни и главнаго совѣтника его по финансовымъ дѣламъ банкира Перейра. Желая лично воздѣйствовать на впечатлительнаго владыку Франціи, королева Викторія пригласила его и императрицу Евгенію провести нѣсколько дней въ любимомъ ея мѣстопребываніи, на островѣ Уайтѣ. Мысль эта была внушена ей французскимъ посломъ въ Лондонѣ графомъ Персиньи, ревностнымъ сторонникомъ англійскаго союза, видѣвшимъ въ соглашеніи съ Россіей торжество личнаго своего соперника Морни и опасавшимся, какъ бы послѣ свиданія

[1] Дневникъ графа Киселева, 6-го и 7-го іюля, и донесеніе Бисмарка Мантейфелю, 28-го іюня 1857 г.

съ русскимъ государемъ Наполеонъ не подпалъ окончательно русскому вліянію и не промѣнялъ бы Англію на Россію.

Въ промежутокъ между приглашеніемъ и поѣздкой отношенія тюильрійскаго кабинета къ сентъ-джемскому обострились до крайности, въ особенности по вопросу о соединеніи Дунайскихъ княжествъ. Дошло до того, что, подчиняясь внушеніямъ изъ Лондона и Вѣны, Порта отвергла предложенія, заявленныя ей отъ имени Россіи, Франціи, Пруссіи и Сардиніи представителями этихъ державъ въ Константинополѣ, которые спустили тогда свои флаги и объявили оттоманскому правительству, что прерываютъ съ нимъ дипломатическія сношенія. Въ этотъ самый день, 25-го іюля, пріѣхали въ Осборнъ Наполеонъ и Евгенія. Императоръ французовъ былъ въ крайне мрачномъ расположеніи духа и въ первомъ своемъ разговорѣ съ принцемъ Альбертомъ далъ понять, что ему надоѣлъ и грубый тонъ Пальмерстона, и упреки въ измѣнѣ англійскому союзу каждый разъ, когда онъ расходится во мнѣніяхъ съ сентъ-джемскимъ дворомъ.

Приглашенные въ Осборнъ лорды Пальмерстонъ и Кларендонъ пошли на уступки, королева разсыпалась въ любезностяхъ и заискиваніяхъ предъ своими гостями, а принцъ Альбертъ взялся обратить Наполеона на путь истины, вселить въ немъ недовѣріе къ Россіи и возвратить его въ лоно исключительнаго союза съ Великобританіей.

Цѣли этой онъ не достигъ. На обвиненіе во вступленіи въ заговоръ съ Россіей противъ независимости и цѣлости Порты Оттоманской Наполеонъ возразилъ, что убѣдился въ томъ, что Россія и не помышляетъ объ овладѣніи Константинополемъ, и самъ принялся упрекать принца за состоявшееся соглашеніе Англіи съ Австріей по восточнымъ дѣламъ, которое гораздо замѣтнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ собственное его сближеніе съ Россіей. Онъ негодовалъ на Австрію за ея двоедушіе, указывалъ на попытки ея примириться съ Россіей и привелъ отвѣтъ императора Александра, что хотя онъ и не злопамятенъ, но никогда не согласится на такой договоръ съ Австріей, который былъ бы враждебенъ Франціи. «Согласитесь, что это дѣлаетъ честь императору»,—замѣтилъ Наполеонъ. Главнымъ побужденіемъ его въ стремленіи сойтись съ Россіей было именно желаніе предупредить возобновленіе направленнаго противъ Франціи союза трехъ сѣверныхъ державъ, то есть Россіи, Австріи и Пруссіи. Что же касается до свиданія съ русскимъ императоромъ, то оно, какъ признался Наполеонъ, вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. Убѣжденный въ томъ, что миръ Европы не упрочится, пока не будутъ подвергнуты пересмотру договоры 1815 года, Наполеонъ поручилъ Морни возбудить этотъ вопросъ въ бесѣдѣ съ императоромъ Александромъ, постараться узнать его мнѣніе и вызвать его на обмѣнъ мыслей. Но русскій государь отвѣтилъ, что онъ наученъ опытомъ отца, имѣвшаго наканунѣ послѣдней

воины подобный разговоръ съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ, и что воспоминаніе о вредѣ, проистекшемъ отъ оглашенія этого разговора, налагаетъ печать молчанія на уста его каждый разъ, когда онъ имѣетъ дѣло съ дипломатомъ [1].

Изъ бесѣды съ принцемъ Альбертомъ императоръ французовъ вынесъ убѣжденіе, что ему не дождаться поддержки роившимся въ головѣ «тихаго упрямца» (le doux entêté), — какъ нѣкогда называла его мать королева Гортензія, — широкимъ планамъ объ облагодѣтельствованіи вселенной. Тѣмъ болѣе росло въ Наполеонѣ III желаніе объясниться съ русскимъ императоромъ безъ посредниковъ и съ откровенностью, исключаемою дипломатическими пріемами и обычаями. У насъ нѣсколько иначе понимали предстоявшее свиданіе и были далеки отъ мысли связывать съ нимъ какое-либо «исправленіе карты Европы». Императоръ Александръ жаждалъ спокойствія и мира. Князь Горчаковъ, хотя и придавалъ высокую цѣну дружбѣ съ Франціей и даже приписывалъ свиданію въ Штутгартѣ значеніе «историческаго событія», далеко выходящаго за предѣлы обычнаго акта придворной вѣжливости, но виды его не простирались далѣе отмѣны ненавистныхъ для Россіи статей Парижскаго трактата. За содѣйствіе къ достиженію этой русской цѣли онъ готовъ былъ выдать головою Наполеону Австрію, которой не прощалъ ея предательства въ послѣднемъ восточномъ кризисѣ. Наконецъ, въ соглашеніи съ тюильрійскимъ кабинетомъ онъ видѣлъ лучшее средство разрѣшить современемъ, безъ особыхъ потрясеній и согласно съ пользами и историческими преданіями Россіи трудную задачу распредѣленія турецкаго наслѣдства между различными христіанскими народностями, населяющими Балканскій полуостровъ.

Государь раздѣлялъ взгляды своего министра иностранныхъ дѣлъ и одобрялъ его политику. Но вокругъ него было не мало лицъ, съ трудомъ свыкавшихся съ мыслью о сближеніи съ дворомъ революціоннаго происхожденія, какимъ представлялся у насъ дворъ третьяго Бонапарта. Они не скрывали своей къ нему брезгливости и ихъ стараніямъ слѣдуетъ приписать отмѣну первоначальнаго предположенія, чтобы въ свиданіи императоровъ приняли участіе и обѣ императрицы. Въ Парижъ дали знать, что государыня Марія Александровна не можетъ прибыть въ Штутгартъ по нездоровью, но по чьей-то, вѣроятно, злонамѣренной нескромности императрицѣ Евгеніи было показано письмо самой русской государыни, выражавшее нежеланіе встрѣтиться и познакомиться съ нею. «Письмо это», — разсказывала впослѣдствіи Евгенія Киселеву, — «показалось мнѣ по меньшей мѣрѣ жестокимъ (cruelle). Я рѣшилась не ѣхать въ Штут-

[1] Меморандумъ принца Альберта, 25-го іюня 1857 г., у Theodore Martin. «The life of the Prince Consort», т. IV, стр. 99—113.

гартъ, несмотря на выраженное императоромъ желаніе, и умоляла его не настаивать, говоря, что не могу преодолѣть себя и что гораздо осторожнѣе отклонить непріятную встрѣчу, которая можетъ имѣть только прискорбныя послѣдствія»[1].

Пока одинъ родственный дворъ, гессенъ-дармштадтскій, устраивалъ свиданіе въ Штутгартѣ, другой дворъ, также родственный,—саксенъ-веймарскій, хлопоталъ о томъ, чтобы за этимъ свиданіемъ послѣдовало другое—между русскимъ и австрійскимъ императорами. Уступая настояніямъ его, Александръ Николаевичъ не безъ труда согласился встрѣтиться съ Францемъ-Іосифомъ въ Веймарѣ, на возвратномъ пути изъ Штутгарта. Къ этому съѣзду нѣмецкіе государи хотѣли привлечь одновременно и короля прусскаго, чтобѣ изгладить впечатлѣніе франко-русскаго сближенія противопоставленіемъ ему призрака Священнаго Союза. Князь Горчаковъ, встрѣтившійся снова съ Бисмаркомъ на вечерѣ, данномъ при дармштадтскомъ дворѣ въ честь русской императорской четы, не преминулъ, однако, его завѣрить, что импетраторъ Александръ ни за что не согласится на «тройственный» союзъ, который своимъ демонстративнымъ характеромъ непремѣнно вызвалъ бы вполнѣ понятное и законное недовѣріе тюильрійскаго двора. На томъ же вечерѣ впервые былъ представленъ государю прусскій посланникъ при Германскомъ Сеймѣ. Александръ II выразилъ Бисмарку сожалѣніе о томъ, что король Фридрихъ-Вильгельмъ не будетъ присутствовать при его знакомствѣ съ Наполеономъ, но тотчасъ же замѣтилъ, что великій герцогъ дармштадтскій этому радъ, потому что штутгартское свиданіе и безъ того озабочиваетъ нѣмецкіе дворы[2].

11-го сентября императоръ Наполеонъ, въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ графа Валевскаго и оберъ-шталмейстера генерала Флёри, выѣхалъ изъ Шалонскаго лагеря и на другой день прибылъ въ Баденъ. Вечеръ онъ провелъ у родственницы своей герцогини Стефаніи. Тамъ узнали французы, что прямо изъ Штутгарта русскій императоръ отправится въ Веймаръ для свиданія съ императоромъ австрійскимъ. Извѣстіе это крайне ихъ озадачило. Впрочемъ, генералъ Флёри замѣтилъ Бисмарку, прибывшему въ Баденъ за нѣсколько дней до того времени въ свитѣ принца Вильгельма прусскаго, что когда одинъ государь предупреждаетъ другого, что будетъ находиться на пути его, то послѣдній не можетъ, конечно, измѣнить своего маршрута, не совершивъ невѣжливости, и что существуютъ средства сдѣлать встрѣчу двухъ монарховъ неизбѣжною. И онъ, и Валевскій освѣдомлялись съ безпокойствомъ: правда ли, что императоръ Францъ-Іосифъ намѣренъ посѣтить въ Дарм-

1 Дневникъ графа Киселева, 6-го іюля 1859 г.

2 Бисмаркъ Мантейфелю, 11-го сентября 1857 г.

Князь Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ

(Съ литографіи Бореля.)

штадтѣ императрицу Марію Александровну? Утромъ слѣдующаго дня принцъ прусскій былъ принятъ Наполеономъ и имѣлъ съ нимъ продолжительное совѣщаніе [1].

Того же 12-го сентября пріѣхалъ въ Штутгартъ изъ Дармштадта императоръ Александръ. Въ свитѣ его находились: принцъ Александръ гессенскій и министры; иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ и императорскаго двора графъ Адлербергъ. Въ Штутгартѣ ожидалъ его графъ Киселевъ. Великая княгиня Ольга Николаевна съ супругомъ, наслѣднымъ принцемъ виртембергскимъ, выѣхала навстрѣчу брату въ городъ Лудвигсбургъ; старикъ король встрѣтилъ русскаго государя на станціи Фейербахъ, въ милѣ отъ столицы. Государь остановился въ принадлежавшей августѣйшей сестрѣ его виллѣ Бергъ.

13-го сентября, въ 5 часовъ пополудни, прибылъ туда же императоръ французовъ. Встрѣтившій его на вокзалѣ король виртембергскій отвезъ его въ замокъ, гдѣ ему отведено было помѣщеніе. Императоръ Александръ находился въ павильонѣ служившемъ жилищемъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Онъ вышелъ изъ павильона и направился въ большую залу зáмка въ ту самую минуту, когда входилъ въ нее Наполеонъ. Оба государя встрѣтились и дружески пожали другъ другу руки. Они удалились затѣмъ въ смежную гостиную и пробыли тамъ въ оживленной бесѣдѣ болѣе получаса. Въ это время Горчаковъ и Валевскій разговаривали въ залѣ у окна. Императоры обѣдали за семейнымъ столомъ короля виртембергскаго въ зáмкѣ, а вечеръ провели на раутѣ у великой княгини Ольги Николаевны, въ виллѣ Бергъ, на которомъ князь Горчаковъ имѣлъ первый и весьма продолжительный разговоръ съ Наполеономъ. На другой день, послѣ торжественнаго обѣда въ загородномъ дворцѣ короля, императоръ французовъ ѣздилъ въ виллу Бергъ привѣтствовать императрицу Марію Александровну, пріѣхавшую утромъ изъ Дармштадта. Балъ при дворѣ былъ отмѣненъ по случаю траура по скончавшемся принцѣ Евгеніи Виртембергскомъ. День рожденія короля, 15-го сентября, праздновался въ семейномъ кругу. Наконецъ, 16-го оба императора, проведя утро на народномъ земледѣльческомъ праздникѣ въ Канштадтѣ, завтракали у великой княгини, а въ три часа пополудни русскій императоръ и императрица отбыли въ Дармштадтъ. Наполеонъ проводилъ ихъ на вокзалъ желѣзной дороги и въ тотъ же вечеръ самъ уѣхалъ изъ Штутгарта.

Въ продолженіе трехъ дней, проведенныхъ вмѣстѣ въ виртембергской столицѣ, Александръ II и Наполеонъ III видѣлись часто и вели оживленныя политическія бесѣды: совѣщались и сопровождавшіе ихъ министры. И тѣ и другіе обмѣнялись мыслями по всѣмъ текущимъ политическимъ

[1] Бисмаркъ Мантейфелю 11-го сентября 1857 г.

вопросамъ и одинаково признали обоюдную пользу откровенныхъ объясненій, а также дружескаго и согласнаго дѣйствія, съ цѣлью поддержанія мира и равновѣсія въ Европѣ. Согласились также о несовмѣстимости съ этой программой всякой революціонной политики. Наполеонъ обратилъ вниманіе государя на положеніе Италіи, служащее источникомъ безпокойства и волненій въ будущемъ, и приписывалъ его тому обстоятельству, что Австрія переступила за предѣлы договоровъ 1815 года. Онъ настаивалъ на необходимости устранить ее изъ Италіи. Александръ Николаевичъ ограничился увѣреніемъ, что не повторитъ ошибки 1849 года. Что же касается до предстоявшаго свиданія съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, то государь просилъ собесѣдника считать его какъ бы уже состоявшимся, потому что ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ повліять на его политику, а тѣмъ менѣе видоизмѣнить ее.

Такимъ образомъ, штутгартскіе переговоры двухъ императоровъ и ихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ увѣнчались бы успѣхомъ, если бы, ободренный привѣтливостью русскаго государя, Наполеонъ не рѣшился завести разговоръ о Польшѣ. Вотъ его слова государю, какъ онъ самъ передавалъ ихъ графу Киселеву тотчасъ по возвращеніи въ Парижъ: «Что касается до отношеній Россіи къ Франціи, то я вижу только одинъ вопросъ, который можетъ стать щекотливымъ. Это вопросъ польскій, если онъ долженъ подняться снова и занять собою европейскую дипломатію. Я имѣю обязательства, отъ которыхъ не могу отречься, и долженъ щадить общественное мнѣніе, которое во Франціи очень благопріятно Польшѣ. Объ этомъ обязательствѣ я долженъ откровенно предупредить ваше величество, чтобы не пришлось прервать наши добрыя отношенія которыми я такъ дорожу». Столь неожиданное заявленіе естественно произвело на императора Александра впечатлѣніе въ высшей степени непріятное. Сдержавъ порывъ негодованія, онъ холодно и спокойно отвѣтилъ Наполеону, что никто болѣе его самого не желаетъ Польшѣ спокойствія и преуспѣянія, но что всякое чужеземное вмѣшательство можетъ только повредить исполненію его добрыхъ намѣреній, возбуждая въ полякахъ несбыточныя надежды. Едва императоръ французовъ вышелъ отъ государя, какъ Александръ II, обратясь къ одному изъ лицъ своей свиты, сказалъ: «Со мною посмѣли заговорить о Польшѣ!» Слова эти были произнесены такъ громко, что отголосокъ ихъ тогда же разнесся по всей Европѣ. По этой или по другихъ причинамъ, но заготовленные русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ акты остались неподписанными. Впрочемъ, они не имѣли важнаго значенія и касались лишь второстепенныхъ вопросовъ: о закрытіи Дарданеллъ и о государственномъ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ [1].

[1] Дневникъ графа Киселева. 13-го и 17-го сентября 1857 г.

Не того ожидали въ Европѣ отъ свиданія двухъ могущественнѣйшихъ государей своего времени. Объ опасеніяхъ, возбужденныхъ имъ въ Германіи, можно судить по слѣдующимъ словамъ изъ современнаго письма Бисмарка изъ Франкфурта: «Въ виду одного только факта русско-французскаго свиданія, здѣсь уже чувствуютъ, что Германскій Союзъ пошатнулся и всѣ союзные вопросы не вызываютъ болѣе интереса въ моихъ сотоварищахъ. Какъ скоро вся конституція Сейма низошла бы на степень «историческаго матеріала», если бы дѣйствительно состоялся союзъ между обѣими державами съ практическими цѣлями» [1]. Ничего подобнаго не состоялось въ Штутгартѣ, и произошло даже нѣчто совершенно противное. Роковое слово «Польша» внесло сѣмя раздора въ зарождающуюся дружбу Россіи къ Франціи. Иначе быть не могло съ той минуты, какъ, повторяя ошибку всѣхъ своихъ предшественниковъ на французскомъ престолѣ, Наполеонъ III отношенія свои къ Россіи обусловилъ не жизненными интересами Франціи, а соображеніями посторонними, частью династическими, частью отвлеченно-сентиментальнаго свойства.

Несмотря на такой непредвидѣнный оборотъ штутгартской встрѣчи, князь Горчаковъ былъ или, по крайней мѣрѣ, казался вполнѣ ею довольнымъ и въ разговорѣ съ Бисмаркомъ выразился о ней въ тонѣ полной удовлетворенности, едва не тріумфа. По словамъ его, свиданіе это исполнило и даже превзошло всѣ ожиданія Россіи. Ему приписывали значеніе «историческаго событія». Таково оно на самомъ дѣлѣ. Это фактъ совершившійся и измѣнить его не можетъ свиданіе въ Веймарѣ. Бисмарка интересовало въ особенности узнать, не было ли принято какихъ-либо рѣшеній по шлезвигъ-голштинскому вопросу, бывшему предметомъ давнихъ пререканій между Даніей и Германскимъ Союзомъ и снова начинавшему возбуждать умы въ Германіи. Князь Александръ Михайловичъ отозвался о немъ съ пренебреженіемъ, нѣсколько оскорбившимъ его собесѣдника. Онъ сказалъ, что въ этомъ вопросѣ Франція придерживалась сначала мнѣнія, отличнаго отъ мнѣнія Россіи, настаивая на сильномъ и скоромъ вмѣшательствѣ Европы въ датско-нѣмецкій споръ, но что, послѣ того какъ она пришла къ соглашенію съ Россіей по несравненно болѣе важнымъ предметамъ, шлезвигъ-голштинскій вопросъ отошелъ на степень тѣхъ, о которыхъ говорится: de minimis non curat praetor, и уже не вызоветъ разногласія между обоими дворами. Франція вполнѣ усвоила воззрѣнія Россіи, а потому разрѣшеніе спора будетъ предоставлено уговору копенгагенскаго двора съ вожаками партій въ герцогствахъ, а потомъ и съ Франкфуртскимъ Сеймомъ. Самъ онъ переговоритъ о томъ съ Мантейфелемъ въ Берлинѣ. Датскій представитель на сеймѣ Бюловъ уже обращался къ нему, въ качествѣ личнаго друга, за совѣтомъ, и князь

[1] Бисмаркъ Мантейфелю. 11-го сентября 1857 г.

преподалъ ему таковой, «какъ это дѣлаетъ отецъ по отношенію къ спорящимъ дѣтямъ, предлагая сильнѣйшему быть благоразумнѣйшимъ и уступить», при чемъ подъ сильнѣйшимъ разумѣлась Данія. «По крайней мѣрѣ»,—замѣчаетъ Бисмаркъ,—«такъ понялъ я не совсѣмъ ясное въ подробностяхъ изложеніе». Князь Горчаковъ нѣсколько разъ говорилъ, что шлезвигъ-голштинскій вопросъ—вопросъ чисто нѣмецкій и не представляетъ важности, съ точки зрѣнія европейскихъ интересовъ. Что же касается до штутгартскаго свиданія, то на немъ обсуждались дѣла первостепенной важности и по всѣмъ достигнуто полное соглашеніе, вполнѣ удовлетворяющее интересамъ Россіи, «а также»,—присовокупилъ русскій министръ,—«и Пруссіи» [1].

Изъ Штутгарта государь и императрица заѣхали въ Дармштадтъ за августѣйшими дѣтьми и 18-го сентября были встрѣчены въ Эйзенахѣ великимъ герцогомъ и великою герцогинею Саксенъ-Веймарскими, съ которыми осмотрѣли историческій зáмокъ Вартбургъ. Къ вечеру они прибыли въ Веймаръ, куда, на другой день, пріѣхалъ австрійскій императоръ. Свиданіе его съ Александромъ Николаевичемъ продолжалось всего одинъ день. Министры съ обѣихъ сторонъ отсутствовали и время проведено въ веймарскомъ семейномъ кругу, расширившемся прибытіемъ сестры вдовствующей великой герцогини—вдовы нидерландскаго короля Анны Павловны. У великаго герцога въ зáмкѣ былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали оба императора, потомъ спектакль. На слѣдующее утро императоръ Францъ-Іосифъ уѣхалъ изъ Веймара, а государь съѣздилъ въ Дрезденъ, чтобы навѣстить короля саксонскаго. 22-го сентября вся царская семья уже была въ Потсдамѣ, и тамъ отдохнула цѣлую недѣлю.

Дальнѣйшій путь ея лежалъ на Варшаву, гдѣ императоръ и государыня разстались съ дѣтьми, отправившимися прямо въ Петербургъ, а сами они, исполняя давнее намѣреніе посѣтить «древній богоспасаемый Кіевъ, Іерусалимъ русской земли, и поклониться печерскимъ святынямъ», какъ писалъ о томъ Александръ Николаевичъ еще до коронаціи митрополиту кіевскому Филарету [2],—прослѣдовали туда чрезъ Люблинъ, Владиміръ-Волынскій, Ровно и Житоміръ.

15-го октября государь и императрица возвратились въ Царское Село, а къ георгіевскому празднику, 26-го ноября, переселились на зиму въ Петербургъ [3].

[1] Бисмаркъ Мантейфелю, 17-го сентября 1857 г.

[2] Государь митрополиту Филарету кіевскому, 26-го августа 1856 г.

[3] Переписка Морни съ Наполеономъ III и Валевскимъ заимствована изъ изданной сыномъ его книги: «Une Ambassade en Russie, extrait des Mémoires du Duc de Morny». Парижъ, 1892 г.; переписка Бисмарка съ Мантейфелемъ— изъ изданія Пошингера: «Preussen im Bundestage», т. III, Лейпцигъ, 1882 г. Дневникъ графа Киселева за годы пребыванія его посломъ въ Парижѣ напечатанъ въ обширныхъ извлеченіяхъ въ III томѣ книги Заблоцкаго-Десятовскаго: «Графъ П. Д. Киселевъ и его время».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Внѣшнія дѣла на Западѣ и на Востокѣ.

1858 — 1860.

Выжидательная политика русскаго двора. — Освѣщеніе Исаакіевскаго собора. — Путешествіе государя по Россіи. — Пріемъ въ Варшавѣ принца Наполеона. — Заявленіе Наполеона III великому князю Константину Николаевичу и Тувенеля графу Киселеву. — Война Франціи съ Австріею. — Переговоры Наполеона III съ Англіею и Россіею. — Циркуляръ князя Горчакова. — Открытіе памятника Николаю I. — Совершеннолѣтіе наслѣдника Николая Александровича. — Поѣздка государя по разнымъ губерніямъ и пребываніе въ Варшавѣ. — Охлажденіе къ Франціи и сближеніе съ Пруссіей. — Вильгельмъ, принцъ-регентъ Пруссіи. — Бисмаркъ — прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ. — Свиданіе съ принцемъ-регентомъ въ Варшавѣ и Бреславлѣ. — Событія въ Италіи. — Новый разладъ Франціи съ Англіею. — Заступничество Россіи за турецкихъ христіанъ. — Сношенія съ Франціей по Восточному вопросу. — Дипломатическій разрывъ съ Сардиніею. — Съѣздъ въ Варшавѣ императоровъ россійскаго, австрійскаго и принца-регента прусскаго. — Объясненія съ Франціей. — Мѣры на случай новой войны Франціи съ Австріей. — Кончина императрицы Александры Ѳеодоровны. — Ея духовное завѣщаніе.

Въ продолженіе 1858 года императоръ Александръ не выѣзжалъ изъ Россіи. Все его время, вся царственная заботливость были поглощены предпринятыми имъ важными преобразованіями по всѣмъ отраслямъ внутренняго управленія и самому главному изъ нихъ—упраздненію крѣпостного права. Между тѣмъ военныя силы наши были заняты довершеніемъ покоренія Кавказа. При такихъ обстоятельствахъ внѣшняя политика русскаго двора могла быть только выжидательною, хотя и не оставалась безучастною къ крупнымъ событіямъ и переворотамъ, совершавшимся на Западѣ Европы.

Подъ впечатлѣніемъ предсмертнаго письма Орсини, осужденнаго на казнь за покушеніе на жизнь Наполеона III, императоръ французовъ всѣ помыслы направилъ къ разрѣшенію итальянскаго вопроса. Въ Пломбьерѣ между нимъ и первымъ министромъ короля сардинскаго графомъ Кавуромъ состоялось тайное соглашеніе, въ силу котораго Франція обя-

залась содѣйствовать отторженію Ломбардіи отъ Австріи и присоединенію ея къ Сардиніи, которая, въ свою очередь, обѣщала вознаградить Францію уступкою ей Ниццы и Савойи. Не полагаясь на Англію, Наполеонъ тѣмъ болѣе старался заручиться расположеніемъ и поддержкою русскаго двора.

30-го мая, въ годовщину рожденія Петра Великаго, освященъ, въ высочайшемъ присутствіи, Исаакіевскій соборъ, величественный храмъ, сооружавшійся въ продолженіе четырехъ царствованій, въ память основателя Петербурга и преобразователя Россіи. Тотчасъ послѣ этого торжества государь предпринялъ продолжавшуюся съ 18-го по 30-е іюня поѣздку на незнакомый ему дотолѣ Сѣверъ Россіи. Чрезъ Тихвинъ и Вологду проѣхалъ онъ въ Архангельскъ, посѣтилъ Соловецкій монастырь и возвратился, чрезъ Лодейное поле, по Ладожскому озеру. По окончаніи лагернаго сбора въ Красномъ Селѣ, императоръ съ императрицею и дочерью, великою княжною Маріею Александровною, спустился по Волгѣ отъ Ярославля, чрезъ Кострому, до Нижняго, осмотрѣлъ ярмарку и, разставшись съ государыней въ Москвѣ, чрезъ Смоленскъ, Вильно и Ковно, 11-го сентября прибылъ въ Варшаву. Тамъ навѣстили его уже вступившій въ управленіе государствомъ, за болѣзнью брата, короля, принцъ Вильгельмъ прусскій, а по отъѣздѣ регента—принцъ Наполеонъ, которому императоръ французовъ поручилъ отдать визитъ, сдѣланный французскому двору великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и при этомъ случаѣ сообщить русскому государю объ обостреніи отношеній Франціи къ Австріи и о неизбѣжности войны между ними за освобожденіе Италіи. Двоюродный братъ Наполеона III принятъ былъ въ Варшавѣ вѣжливо, но сухо; онъ остался тамъ всего два дня. 21-го сентября императоръ Александръ возвратился въ Царское Село.

Въ половинѣ декабря Наполеонъ III воспользовался проѣздомъ чрезъ Парижъ великаго князя генералъ-адмирала, чтобы въ довѣрительной бесѣдѣ съ нимъ подробно развить программу своей политики. Австрію выставлялъ онъ заклятымъ, непримиримымъ врагомъ какъ Франціи, такъ и Россіи. Пока Франція займется вытѣсненіемъ ея изъ Италіи, Россія должна возбудить противъ нея подвластныхъ ей славянъ, за что, при мирѣ, получитъ Галицію, независимо отъ пересмотра въ ея пользу Парижскаго трактата. Всесильною, по мнѣнію императора французовъ, явилась бы тогда на европейскомъ материкѣ коалиція, состоящая изъ Франціи и Россіи— на окраинахъ, а Пруссіи съ германскими государствами—въ центрѣ. Англія потеряла бы всякое значеніе; могущество ея было бы поколеблено, подъ условіемъ, конечно, чтобы Россія, Франція и Пруссія дѣйствовали дружно и стремились къ одной и той же цѣли, не дозволяя враждебнымъ проискамъ совращать ихъ съ общаго политическаго пути [1].

[1] Дневникъ графа Киселева, 10-го декабря 1858 г.

Не дремала и англійская дипломатія. Пользуясь родственными отношеніями королевы къ принцу прусскому, возникшими вслѣдствіе выхода ея старшей дочери за сына послѣдняго Фридриха-Вильгельма, сентъ-джемскій кабинетъ хлопоталъ о примиреніи Пруссіи съ Австріей и о заключеніи между ними союза, къ которому приступила бы и Англія, съ цѣлью противодѣйствовать единенію Россіи и Франціи. Слухи объ этихъ предположеніяхъ, вдохновителями которыхъ считали короля бельгійцевъ и племянника его принца Альберта, мужа королевы Викторіи, тревожили тюильрійскій дворъ. Въ послѣдній день 1858 года по новому стилю русскій посолъ въ Парижѣ имѣлъ по этому предмету продолжительное совѣщаніе съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Валевскій старался развѣдать, какого содѣйствія можетъ ожидать Франція отъ Россіи въ случаѣ войны съ Австріей изъ-за Италіи? Графъ Киселевъ отвѣчалъ: «Главныя основанія обоюдныхъ дѣйствій при подобной случайности были опредѣлены въ Штутгартѣ и обѣщанное содѣйствіе будетъ свято выполнено моимъ августѣйшимъ государемъ; что же касается до подробностей, то нужно войти въ ближайшее соглашеніе. Въ настоящую минуту могу сказать только одно: въ Россіи не сочувствуютъ войнѣ наступательной, но между Россіей и Франціей могутъ быть возбуждены переговоры насчетъ постановки на границѣ Австріи наблюдательнаго корпуса или арміи въ составѣ, достаточномъ для отвлеченія части ея военныхъ силъ». «А на какихъ условіяхъ и въ какомъ именно составѣ?» спросилъ министръ. Посолъ уклонился отъ отвѣта, находя вопросъ «нѣсколько нескромнымъ и главное—преждевременнымъ» [1].

Слова, сказанныя императоромъ французовъ австрійскому послу на торжественномъ пріемѣ въ Тюильри въ первый день новаго 1859 года, были поняты въ Европѣ, какъ предвѣстіе близкой и несомнѣнной войны. Въ Лондонѣ хотя и сочувствовали національнымъ стремленіямъ, но боялись, какъ бы изъ-за Италіи не произошло у Франціи столкновенія съ соединенными силами Германіи, которое, при соучастіи Россіи, легко могло разгорѣться во всеобщую войну, а та—повести къ территоріальному расширенію обѣихъ союзныхъ имперій. Отсюда усилія сентъ-джемскаго кабинета убѣдить Наполеона не нарушать мира, раздражавшія императора французовъ, который не безъ досады говорилъ англійскому послу: «Взгляните на различіе вашихъ дѣйствій въ настоящую минуту съ дѣйствіями Россіи. И вы, и она заинтересованы въ поддержаніи мира. Англія выставляетъ мнѣ постоянно на видъ отвѣтственность, которая падетъ на меня, если начнется война, и требуетъ, чтобы я соблюдалъ миръ. Съ другой стороны, Россія заявляетъ мнѣ, что миръ составляетъ предметъ ея желаній, что поддержаніе мира—въ интересѣ всѣхъ государствъ.

[1] Дневникъ графа Киселева, 19-го декабря 1858 г.

но что, если я, взвѣсивъ обстоятельства, вынужденнымъ найдусь взяться за оружіе, то она окажетъ мнѣ содѣйствіе въ предѣлахъ своихъ силъ, выставивъ такую армію на границѣ, которая послужитъ предостереженіемъ Австріи и Пруссіи»[1].

Нѣсколько дней спустя въ тронной рѣчи, произнесенной при открытіи законодательной сессіи, Наполеонъ III не безъ умысла оттѣнилъ свои отношенія къ Англіи и Россіи. О первыхъ онъ сказалъ: «Союзъ Франціи и Англіи, для скрѣпленія котораго я не щадилъ ничего, утвердился вслѣдствіе счастливо возстановившейся взаимности чувствъ съ королевою и государственными людьми всѣхъ партій». А о вторыхъ: «Отношенія мои къ русскому императору носятъ, со времени заключенія мира, отпечатокъ самой искренней дружественности, потому что по всѣмъ спорнымъ вопросамъ мы пришли къ соглашенію»[2]. Императорскій кабинетъ откликнулся на эти слова, и пока Англія навязывала свое посредничество между Франціей и Австріей, Россія, отвѣчая тайному желанію Наполеона, предложила обсудить и разрѣшить возникшія недоразумѣнія по итальянскому вопросу на обще-европейскомъ конгрессѣ[3].

Въ Англіи забили тревогу. Тамъ всѣ были до того убѣждены, что русское предложеніе истекало изъ предварительнаго уговора съ Франціей, что «Times» напечаталъ даже,—разумѣется, вымышленный,—текстъ франко-русскаго союзнаго трактата, оборонительнаго и наступательнаго. Вѣсть эту британское общественное мнѣніе приняло съ негодованіемъ. Дипломатическіе запросы полетѣли въ Парижъ и въ Петербургъ. Газеты подняли страшный шумъ, нашедшій себѣ отголосокъ въ Германіи, гдѣ также забряцали оружіемъ, готовясь отразить воображаемое нашествіе французовъ на Рейнъ, русскихъ на Вислу. «Станемъ бодрствовать и вступимъ въ соглашеніе», писалъ принцъ-регентъ прусскій королевѣ Викторіи.

Въ письмѣ къ королевѣ великобританской Наполеонъ III не скрылъ впечатлѣнія, произведеннаго на него этимъ взрывомъ ненависти, проявившейся среди англичанъ и въ особенности нѣмцевъ. «Признаюсь вашему величеству»,—писалъ онъ,—«что такое поведеніе Германіи вызываетъ меня на серьезныя размышленія, и что я усматриваю въ немъ великую опасность для будущаго, потому что я всегда буду уважать договоры. Я знаю, что ихъ нельзя измѣнять иначе, какъ съ общаго согласія; но уваженіе къ договорамъ не противорѣчитъ моему долгу, заключающемуся въ томъ, чтобы слѣдовать политикѣ, наиболѣе отвѣчающей чести и пользѣ моей страны»[4]. Два мѣсяца спустя, подойдя на балѣ въ Тюильри къ русскому послу, императоръ французовъ заявилъ ему, что настало удобное

[1] Лордъ Коулей лорду Мальмсбёри, 8-го января 1859 г.

[2] Рѣчь Наполеона III при открытіи палатъ, 26-го января 1859 г.

[3] Князь Горчаковъ графу Киселеву, 22-го февраля 1859 г.

[4] Наполеонъ III Викторіи, 2-го февраля 1859 г.

время, чтобы войти съ Россіей въ соглашеніе относительно одновременнаго пересмотра трактатовъ: Вѣнскаго, 1815 года, и Парижскаго, 1856 года, которые одинаково тягостны для обѣихъ Имперій [1]. Если вѣрить показанію принца Альберта, то князь Горчаковъ былъ не прочь пойти на такую сдѣлку и высказался въ этомъ смыслѣ передъ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ [2].

Но до этого дѣло не дошло. Война вспыхнула внезапно, вслѣдствіе отказа Австріи принять участіе въ конгрессѣ и послѣдовавшаго затѣмъ нападенія ея на Сардинію. Цѣль войны императоръ французовъ опредѣлилъ такъ въ воззваніи своемъ къ итальянскому народу: «Италія, свободная отъ Альповъ до Адріатики!» Это, впрочемъ, не помѣшало нѣмецкой печати отвѣчать на его программу предъявленіемъ правъ Германіи на Эльзасъ и Лотарингію, отвоевать которыя слѣдовало въ Парижѣ. Несмотря на собственныя натянутыя отношенія къ вѣнскому двору, Пруссія, въ защиту Австріи, мобилизовала свою армію. По ея предложенію, Франкфуртскій Сеймъ постановилъ держать въ боевой готовности всѣ союзные контингенты. Въ эту критическую минуту императорскій кабинетъ выступилъ на помощь Франціи.

Въ циркулярной депешѣ на имя русскихъ дипломатическихъ представителей при нѣмецкихъ дворахъ князь Горчаковъ взялъ на себя посредничество между Франціей и Германіей. Упомянувъ о томъ, что нѣкоторыя государства Германскаго Союза, встревоженныя войною Франціи съ Австріею, опасаются за свою будущность, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ успокоивалъ ихъ, напоминая о торжественномъ заявленіи французскаго правительства, что никакихъ враждебныхъ замысловъ противъ Германіи оно не питаетъ. Такое заявленіе, продолжалъ онъ, горячо и сочувственно принятое всѣми великими державами, налагаетъ и обязательство. Въ этомъ смыслѣ Россія выразила Франціи свое сочувствіе, та самая Россія, что̀ напрасно старалась достигнуть разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ на ею же предложенномъ конгрессѣ. Сожалѣя, что вѣнскій дворъ не оцѣнилъ по достоинству его примирительныхъ намѣреній, императорскій кабинетъ стремится нынѣ лишь къ тому, чтобы возникшая война ограничилась тою мѣстностью, на которой столкнулись породившіе ее интересы. Князь Горчаковъ указывалъ, что Пруссія приняла на себя защиту неприкосновенности Германіи и охрану равновѣсія Европы; что возвышенно-рыцарскій характеръ принца-регента, располагающаго къ тому же значительными военными силами, можетъ, кажется, служить достаточнымъ залогомъ спокойствія Германіи; что Россіи едва ли нужно упоминать, ссылаясь на исторію, въ какой степени ей не чужды

[1] Дневникъ графа Киселева, 25-го марта 1859 г.

[2] Принцъ Альбертъ королю бельгійцевъ Леопольду, 24-го марта 1859 г.

интересы Германіи, и что она не щадила жертвъ тогда, когда интересамъ этимъ угрожала дѣйствительная опасность; наконецъ, что Германскій Союзъ комбинація исключительно оборонительнаго свойства и что только въ этомъ значеніи она получила мѣсто въ европейскомъ международномъ правѣ, на основаніи договоровъ, въ подписаніи коихъ участвовала Россія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, если нѣмецкія государства, руководясь догадками, ни на чемъ не основанными, предпримутъ враждебныя дѣйствія противъ Франціи, то нарушатъ цѣль учрежденія Союза и поступятъ противно духу договоровъ, узаконившихъ его существованіе [1].

Во Франціи нравственная поддержка Россіи принята была съ признательностью. Французскіе генералы говорили графу Киселеву, что циркуляръ князя Горчакова стоитъ стотысячной арміи [2]. Но не прошло и шести недѣль, какъ миръ былъ подписанъ въ Виллафранкѣ непосредственно императорами Наполеономъ и Францемъ-Іосифомъ. Австрійскаго императора побудили къ тому его военныя неудачи, а также опасеніе, какъ бы вмѣшательство Пруссіи, хотя и предпринятое въ его пользу, не доставило ей слишкомъ вліятельнаго положенія въ Германіи. Наполеонъ III, напротивъ, не взирая на блестящія побѣды французской арміи, не считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы одному вести борьбу съ соединенными силами Австріи и всей Германіи. Прежде чѣмъ рѣшиться на миръ, онъ обратился съ вопросомъ къ состоявшему при его главной квартирѣ флигель-адъютанту графу П. А. Шувалову: объявитъ ли Россія войну Пруссіи, въ случаѣ, если та подниметъ оружіе противъ Франціи? «Ни за что на свѣтѣ»,—былъ отвѣтъ русскаго офицера [3].

Лѣто 1859 года императоръ Александръ провелъ, по обыкновенію, въ Царскомъ Селѣ и въ Петергофѣ. Оно было ознаменовано двумя торжествами: открытіемъ 25-го іюня памятника императору Николаю въ Петербургѣ и провозглашеніемъ совершеннолѣтія наслѣдника престола цесаревича Николая Александровича, состоявшимся въ шестнадцатую годовщину его рожденія, 8-го сентября. Принесеніе присяги происходило въ Зимнемъ дворцѣ, тѣмъ же порядкомъ, какъ и Александромъ Николаевичемъ въ 1834 году. Въ манифестѣ по этому случаю государь такъ отзывался о своемъ первенцѣ: «Хранимый небеснымъ Провидѣніемъ, воспитанный нами въ неуклонномъ слѣдованіи правиламъ церкви православной, въ теплой любви къ отечеству, въ сознаніи своего долга, его императорское высочество достигъ въ текущемъ году установленнаго основными законами нашими совершеннолѣтія и по принесеніи, сего числа, Все-

[1] Циркуляръ князя Горчакова, 15-го мая 1859 г.

[2] Дневникъ графа Киселева, 2-го іюня 1859 г.

[3] Письмо англійскаго полковника Клермонта къ лорду Коулею, 23-го іюня 1859 г.

вышнему благодарственнаго молебствія, торжественно, въ присутствіи нашемъ, произнесть присягу на служеніе намъ и государству [1].

Вслѣдъ затѣмъ государь совершилъ поѣздку въ Юго-Западный край. Чрезъ Москву, Тулу, Орелъ, Курскъ, Чугуевъ, Харьковъ и Полтаву, прослѣдовалъ онъ въ Кіевъ, затѣмъ въ Бѣлую Церковь, Умань, Елисаветградъ, Николаевъ, Одессу, Каменецъ-Подольскъ, всюду по пути производя смотры войскамъ, ученья и манёвры. При этомъ случаѣ императоръ посѣтилъ Почаевскую лавру и, наконецъ, прибылъ въ Варшаву.

Тамъ оставался онъ съ 5-го по 10-е октября. Ко дню его прибытія съѣхались въ столицу Царства Польскаго, для совѣщанія въ высочайшемъ присутствіи, подъ руководствомъ министра иностранныхъ дѣлъ, дипломатическіе представители Россіи при большихъ европейскихъ дворахъ: изъ Парижа—графъ Киселевъ, изъ Лондона—баронъ Брунновъ, изъ Берлина—баронъ Будбергъ, изъ Вѣны—Балабинъ. Туда же стеклись члены разныхъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ домовъ: эрцгерцогъ Альбрехтъ Австрійскій, великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, принцы Вильгельмъ Нидерландскій и Августъ Виртембергскій.

Киселевъ представилъ государю записку о своевременности заключенія формальнаго союза съ Франціей. По поводу ея Александръ II весьма неблагосклонно выразился объ императорѣ французовъ. «Довѣріе мое къ политическимъ видамъ Людовика-Наполеона»,—сказалъ онъ,—«сильно поколеблено. Его пріемы небезупречны (Ses allures ne sont pas correctes). Нужно вниманіе, чтобы не вдаться въ обманъ. Къ мысли вашей о заключеніи оборонительнаго договора можетъ быть приступлено не иначе, какъ по заключеніи мира или послѣ конгресса. До тѣхъ поръ слѣдуетъ поддерживать добрыя отношенія, но съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдить за ходомъ этой политики, которая, повторяю, внушаетъ мнѣ мало довѣрія». Государь припомнилъ, что, являясь къ нему въ Варшавѣ за годъ передъ тѣмъ, принцъ Наполеонъ, именемъ императора, говорилъ ему, что тотъ рѣшился вести войну вплоть до Вѣны, чтобы принудить Австрію къ заключенію мира прочнаго и окончательнаго. «И вотъ»,—продолжалъ Александръ Николаевичъ,—«ни съ того, ни съ сего онъ предлагаетъ миръ, не предупредивъ никого. Дѣйствія эти не могутъ мнѣ внушить довѣрія и, въ виду такой неопредѣленной политики, заставляютъ быть на сторожѣ». Предупреждая Киселева о предстоявшемъ путешествіи во Францію великой княгини Маріи Николаевны, мужъ которой, покойный герцогъ Лейхтенбергскій, приходился Наполеону III двоюроднымъ братомъ, государь прибавилъ: «Поручаю вамъ сестру мою Марію. Я ей писалъ, чтобъ была осторожна въ разговорахъ, когда очутится въ этой компаніи (lorsqu'elle se trouvera en face de tout ce monde)» [2].

[1] Манифестъ 8-го сентября 1859 г.

[2] Дневникъ графа Киселева. 9-го октября 1859 г.

На варшавскомъ съѣздѣ 1859 года выяснилась вполнѣ перемѣна, совершившаяся въ отношеніяхъ Россіи къ Франціи. То не былъ еще разрывъ, но существенное уклоненіе отъ установленной въ Штутгартѣ политической программы. Франція переставала быть нашею главною союзницей и мѣсто ея заняла Пруссія, скоро утвердившая его за собою на долгіе годы. Два обстоятельства, главнымъ образомъ, содѣйствовали этому результату: личная дружба императора Александра къ дядѣ, принцу-регенту, два года спустя вступившему на престолъ Пруссіи, подъименемъ короля Вильгельма I, и живой, энергичный и умѣлый образъ дѣйствій вновь назначеннаго прусскаго посланника при русскомъ дворѣ Бисмарка-Шёнгаузена.

Въ послѣдніе годы царствованія Фридриха-Вильгельма IV братъ его принцъ Вильгельмъ придерживался въ политикѣ какъ внутренней, такъ и внѣшней, направленія, прямо противуположнаго тому, которому слѣдовалъ король, набиравшій министровъ изъ бюрократовъ и опиравшійся въ палатахъ на такъ называемую партію юнкеровъ, органомъ которой служила «Крестовая Газета». Съ 1850 года принцъ прусскій открыто выступилъ сторонникомъ національнаго движенія, имѣвшаго цѣлью поставить Пруссію во главѣ объединенной Германіи, ратовалъ противъ состоявшагося въ Ольмюцѣ, при посредничествѣ Россіи, примиренія съ Австріей и во время Крымской войны настаивалъ на присоединеніи Пруссіи къ коалиціи морскихъ державъ. Послѣдствіемъ было охлажденіе его отношеній, нѣкогда столь дружественныхъ, къ императору Николаю, строго осуждавшему его національно-либеральныя стремленія. Тотчасъ по вступленіи въ управленіе королевствомъ, принцъ Вильгельмъ уволилъ прежнихъ министровъ и замѣнилъ ихъ кабинетомъ, составленнымъ изъ людей, принимавшихъ участіе въ преобразовательномъ движеніи 1848 года. Про нихъ посланникъ нашъ баронъ Будбергъ писалъ князю Горчакову, «что они будутъ ярыми противниками всей политической системы, которую интересы наши побудятъ насъ отстаивать» [1]. Дѣйствительно, во внѣшнихъ дѣлахъ принцъ-регентъ тяготѣлъ къ Англіи, съ которой породнилъ его бракъ сына съ принцессою Викторіей, независимо отъ тѣсной дружбы, связывавшей его самого съ королевой и принцемъ-супругомъ. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ политической комбинаціи, которую ласкалъ нашъ дворъ: тройственнаго соглашенія между Россіей, Франціей и Пруссіей и, опасаясь замысловъ Наполеона III на лѣвый берегъ Рейна, не поколебался взять подъ свое покровительство Австрію, не взирая на непрерывное соперничество ея съ Пруссіей въ нѣмецкихъ дѣлахъ. Съ Александромъ Николаевичемъ сблизился онъ снова во время пребыванія государя въ Баденѣ и въ Вильдбадѣ лѣтомъ 1857 года; на слѣдующій годъ, осенью,

[1] Баронъ Будбергъ князю Горчакову, 9-го ноября 1858 г.

посѣтилъ его въ Варшавѣ и съ тѣхъ поръ велъ съ нимъ оживленную переписку по всѣмъ современнымъ политическимъ вопросамъ. Его личному вліянію слѣдуетъ приписать возбужденіе подозрѣній царственнаго племянника противъ Наполеона III, котораго онъ, въ письмахъ своихъ и бесѣдахъ, выставлялъ какъ орудіе всемірной революціи, неустанно стремящимся къ ниспроверженію законнаго порядка въ Европѣ.

Совершенно иныхъ взглядовъ на политику придерживался Бисмаркъ, новый представитель Пруссіи при русскомъ дворѣ. Въ восемь лѣтъ пребыванія его во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ званіи уполномоченнаго при Союзномъ Сеймѣ, онъ пришелъ къ заключенію, что главное препятствіе на пути Пруссіи къ достиженію главенства въ Германіи—Австрія, и что рано или поздно придется вступить съ нею въ открытую ожесточенную борьбу. Вотъ почему онъ, во все продолженіе послѣдней Восточной войны, глубоко скорбѣлъ о подчиненіи берлинскаго двора внушеніямъ изъ Вѣны и, гдѣ только могъ, настойчиво противодѣйствовалъ австрійскимъ видамъ и проискамъ. Такъ, онъ убѣдилъ короля не дать увлечь себя въ войну съ Россіей, отнюдь, впрочемъ, не изъ расположенія къ ней, а потому, пояснялъ онъ, что изъ такой войны «Пруссія не извлекла бы ни малѣйшей выгоды» [1]. Тогда уже признавался онъ нашему повѣренному въ дѣлахъ при Германскомъ Союзѣ, что тройственный союзъ Россіи, Пруссіи и Франціи представляется ему политическимъ идеаломъ будущаго, который онъ исповѣдуетъ во всеуслышаніе, что̀ и навлекло на него неудовольствіе принца Вильгельма, выразившагося по этому поводу, что удивляется, какъ могли ввѣрить интересы Пруссіи во Франкфуртѣ человѣку съ идеями школьника (à un homme qui avait des idées d'écolier) [2]. Тотчасъ по заключеніи Парижскаго мира, Бисмаркъ выразилъ мнѣніе, что Россія и Франція не преминутъ вступить въ тѣсную союзную связь, слишкомъ естественную, чтобъ можно было не ожидать ея, и только желалъ для Пруссіи, чтобъ и та «впрыгнула въ этотъ союзъ обѣими ногами» [3]. Его не пугало революціонное происхожденіе имперіи Бонапартовъ, незаконность источника власти Наполеона III, сближеніе съ которымъ онъ настойчиво совѣтовалъ своему двору, а такъ называемую международную солидарность консервативныхъ интересовъ «признавалъ опасною фикціею, которая, будучи проводима одною только Пруссіей, обращается въ крайне вредное для собственныхъ ея интересовъ «донъ-кихотство» [4].

Первое министерство принца-регента не могло оставить дипломата воззрѣнія котораго шли въ разрѣзъ съ его собственными, уполномочен-

[1] Глинка Нессельроде, 26-го марта и 28-го сентября 1854 г.

[2] Бисмаркъ Мантейфелю, 11-го апрѣля 1856 г. и 1-го февраля 1854 г.

[3] Бисмаркъ Мантейфелю, 21-го мая 1857 г.

[4] Изъ письма Бисмарка къ неизвѣстному, 6-го сентября 1861 г.

нымъ Пруссіи въ Германскомъ Союзномъ Сеймѣ, и въ началѣ 1859 года перемѣстило его посланникомъ въ Петербургъ, чтобы, по собственному его выраженію, дать ему остыть на холоду (kaltzustellen). У насъ встрѣтили Бисмарка какъ стараго и испытаннаго друга. Очень скоро въ рядахъ петербургскаго дипломатическаго корпуса онъ занялъ выдающееся мѣсто, остававшееся незамѣщеннымъ со времени отъѣзда Морни. Съ княземъ Горчаковымъ связывала прусскаго дипломата давняя дружба, зародившаяся во время совмѣстнаго ихъ пребыванія во Франкфуртѣ и скрѣпленная общею ненавистью къ Австріи. При дворѣ Бисмарка принимали, какъ посланника родственнаго двора, такъ сказать, за́просто, внѣ офиціальныхъ торжествъ и церемоній. Государь приглашалъ его на охоту, вдовствующая императрица, благосклонность которой онъ успѣлъ снискать, въ Царское Село и Петергофъ, гдѣ онъ проводилъ по нѣсколько дней и, какъ самъ писалъ женѣ, чувствовалъ себя «словно на родинѣ» (heimatlich) [1]. Придворные и военные круги, высшее общество чествовали въ немъ представителя той державы, что̀ въ годину испытаній одна сохранила, какъ тогда думали, дружбу и вѣрность къ Россіи. Въ продолженіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ Петербургѣ, Бисмаркъ личнымъ своимъ воздѣйствіемъ глубоко вкоренилъ при дворѣ и въ обществѣ убѣжденіе, что Пруссія—искренній другъ и естественный союзникъ Россіи и что усиленіе ея не только не повредитъ русскимъ интересамъ, но и послужитъ имъ на пользу, ибо дастъ берлинскому двору возможность открыто выступить въ качествѣ нашего политическаго спутника.

Осенью 1859 года Бисмаркъ сопровождалъ государя въ Варшаву и вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ въ Бреславль, гдѣ съ 10-го по 13-е октября Александръ Николаевичъ имѣлъ свиданіе съ принцемъ-регентомъ. Въ письмахъ къ роднымъ прусскій дипломатъ не могъ нахвалиться милостивымъ и полнымъ участія обхожденіемъ императора Александра, который, по возвращеніи его изъ отпуска въ Петербургъ, дружески обнялъ его и выразилъ живѣйшую радость, что видитъ его снова [2].

Между тѣмъ дѣла на Западѣ усложнялись съ каждымъ днемъ, цюрихскій мирный трактатъ, заключенный Франціею съ Австріей, оказался неисполнимымъ. Революціонное движеніе охватило всю Италію. Населеніе Тосканы, Модены и Пармы отказалось принять обратно владѣтелей, изгнанныхъ въ началѣ войны; Романья и Мархіи не признавали папскихъ властей. Всѣ эти области единодушно высказались за соединеніе съ Сардиніей. Признавая народное движеніе итальянцевъ неудержимымъ, императоръ французовъ рѣшился не противиться ему, выговоривъ себѣ соотвѣтствующее вознагражденіе отъ туринскаго двора.

[1] Бисмаркъ женѣ, 16-го іюня 1859 г.

[2] Бисмаркъ женѣ, 7-го октября 1859 г., и сестрѣ, 1-го іюля 1860 г.

Рѣшеніе это было равносильно оставленію папы на произволъ судьбы и нарушенію обязательствъ, принятыхъ относительно Австріи, и имѣло послѣдствіемъ отставку Валевскаго и замѣну его въ должности министра иностранныхъ дѣлъ Тувенелемъ. Тогда же, чувствуя, что Россія ускользаетъ отъ него, Наполеонъ III снова сталъ заискивать въ Англіи, просить ея поддержки. Новую эту эволюцію облегчило ему паденіе торійскаго министерства и возвращеніе виговъ къ власти, съ лордомъ Пальмерстономъ во главѣ. Какъ первый министръ ея британскаго величества, такъ и занимавшій въ его кабинетѣ должность министра иностранныхъ дѣлъ лордъ Джонъ Руссель издавна сочувствовали національнымъ стремленіямъ итальянцевъ. Они взялись выручить императора французовъ изъ бѣды, выработавъ, въ согласіи съ нимъ, основанія будущаго устройства Италіи, которыя имѣли быть утверждены на конгрессѣ представителей всѣхъ великихъ державъ. Въ благодарность за такую помощь Наполеонъ III подписалъ торговый договоръ съ Англіей, составленный по всѣмъ правиламъ манчестерской доктрины и отмѣнявшій таможенныя стѣсненія въ товарномъ обмѣнѣ обоихъ государствъ.

Такое скрѣпленіе союзной связи морскихъ державъ произвело въ Петербургѣ крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Князь Горчаковъ, въ концѣ 1859 года не только согласившійся на предложенное Франціей созваніе конгресса, но и выразившій намѣреніе самому явиться на него въ качествѣ перваго уполномоченнаго Россіи, взялъ свое согласіе назадъ мѣсяцъ спустя, какъ только узналъ о предварительномъ соглашеніи тюильрійскаго двора съ сентъ-джемскимъ. «Не стоитъ»,—пояснялъ онъ въ депешѣ къ Киселеву,—«собирать конгресса для того, чтобы утвердить сдѣлку, заключенную между Франціей и Англіей помимо другихъ державъ». Когда нашъ посолъ сообщилъ о томъ Наполеону, тотъ не скрылъ своего раздраженія, рѣзко замѣтивъ, что ему не нравится тонъ дипломатическихъ переговоровъ петербургскаго кабинета, который измѣняетъ свою политику относительно Франціи по поводу анонимной брошюры. Императоръ разумѣлъ появившуюся незадолго передъ тѣмъ въ Парижѣ брошюру: «Папа и конгрессъ», ратовавшую противъ свѣтской власти папы и которая была написана виконтомъ Лагероньеромъ по указанію самого Наполеона. Въ другой разъ, на балѣ въ Тюильри, подойдя къ графу Киселеву, онъ довольно громко сказалъ, что недружелюбное расположеніе къ нему не прекращается въ Петербургѣ [1].

Нашъ посолъ приписывалъ раздраженіе Наполеона тому, что въ Парижѣ не вѣрили въ нашу искренность. «Можетъ быть они и не ошибаются»,—замѣчаетъ онъ въ дневникѣ своемъ. «Интимная переписка поддерживаетъ ихъ въ этомъ мнѣніи. Императрица Евгенія въ особен-

[1] Дневникъ графа Киселева, 22-го и 20-го января 1860 г.

ности его думаетъ, но держитъ себя чрезвычайно осторожно. Между тѣмъ она имѣетъ большое вліяніе на императора. По здравой политикѣ, было бы благоразумно и полезно привлечь ея расположеніе къ намъ. Я намекалъ на это въ Варшавѣ, но совѣты подобнаго рода скользятъ, не оставляя опредѣленнаго впечатлѣнія. Рутина беретъ верхъ и заставляетъ молчать предусмотрительные разсчеты разума. Живутъ изо дня въ день, не заботясь о будущемъ, и потомъ удивляются результатамъ, которыхъ не сумѣли ни предвидѣть, ни нейтрализовать. Марія-Терезія и Екатерина понимали иначе дипломатію и ея пружины, когда дѣло шло о достиженіи результатовъ въ политикѣ» [1].

Возстановленное между дворами, тюильрійскимъ и сентъ-джемскимъ, согласіе продолжалось, однако, недолго. Въ концѣ января 1860 года въ Лондонѣ одновременно узнали и о возсоединеніи съ Сардиніей Тосканы, герцогствъ и легатствъ, и объ уступкѣ Франціи Ниццы и Савойи. Трудно себѣ представить бурю, которую вызвала по ту сторону Ламанша вѣсть о новыхъ земельныхъ пріобрѣтеніяхъ Франціи. «Мы кругомъ обмануты»,—писала королева Викторія лорду Джону Русселю,—«возвращеніе къ англійскому союзу, всеобщій миръ, уваженіе договоровъ, торговое братство—все это одна личина, чтобы прикрыть предъ Европой политику разбоя» [2]. Напрасно Наполеонъ доказывалъ англійскому послу, что съ той поры, какъ Италія сплотилась въ сильное государство, Франція не могла оставить въ ея власти альпійскіе проходы и должна была озаботиться пріобрѣтеніемъ болѣе надежной и крѣпкой границы [3]. Въ Англіи не принимали никакихъ доводовъ. Снова раздались громовыя рѣчи въ парламентѣ, появились въ печати бранныя статьи, изливавшія зависть, злобу и страхъ. Императора французовъ обвиняли въ нарушеніи даннаго слова, въ коварствѣ, въ предательствѣ, приписывали ему намѣреніе возвратить Франціи ея естественныя границы не только на Альпахъ, но и на Рейнѣ. Въ письмѣ къ Пальмерстону, королева потребовала установленія немедленнаго соглашенія Англіи съ Пруссіей и Австріей, съ тѣмъ, чтобы каждая изъ этихъ державъ обязалась дать знать двумъ другимъ о всякомъ заявленіи или предложеніи, которое могло быть сдѣлано ей со стороны Франціи и клонилось бы къ перемѣнѣ настоящаго положенія территоріальнаго владѣнія въ Европѣ, и чтобы на такое заявленіе или предложеніе не было даваемо отзыва, прежде чѣмъ состоится уговоръ съ двумя прочими державами [4]. Изъ Вѣны и Берлина получены были въ Лондонѣ отвѣты, выражавшіе полное согласіе на такое предложеніе. Принцъ-регентъ прусскій писалъ къ

[1] Дневникъ графа Киселева, 22-го октября 1862 г.

[2] Королева Викторія лорду Джону Русселю, 24-го января 1860 г.

[3] Лордъ Коулей Джону лорду Русселю, 24-го января 1859 г.

[4] Королева Викторія лорду Пальмерстону, 22-го мая 1860 г.

Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ.

(Съ литографіи Бореля.)

принцу Альберту, что къ тройственному соглашенію онъ надѣется привлечь и Россію, которая «не можетъ же признать начало народнаго самодержавія»[1].

Разсчетъ принца Вильгельма не оправдался. Въ это самое время императорскій кабинетъ обнаружилъ снова склонность къ сближенію съ Франціей, побуждаемый къ тому оборотомъ дѣла на Востокѣ.

Со дня заключенія Парижскаго мира Франція придерживалась на Балканскомъ полуостровѣ политики, вполнѣ сходной съ политикою русскаго двора, постоянно благопріятствуя христіанскимъ народностямъ и содѣйствуя развитію ихъ автономіи. Такъ, въ Дунайскихъ княжествахъ она вмѣстѣ съ нами высказалась за соединеніе Молдавіи и Валахіи; въ Сербіи—за водвореніе династіи Обреновичей и за признаніе за нею наслѣдственнаго права; когда же, въ 1858 году, между Турціею и Черногоріею завязалась кровопролитная борьба, одно появленіе въ Адріатическомъ морѣ русскихъ и французскихъ военныхъ судовъ вынудило Порту отказаться отъ отмщенія за понесенное турками пораженіе на Граховскомъ полѣ и согласиться на новое разграниченіе на выгодныхъ для Черногоріи основаніяхъ. Дѣйствуя сообща во всѣхъ дѣлахъ европейскаго Востока, Россіи и Франціи постоянно приходилось пререкаться съ Англіею и Австріею, упорно отстаивавшими права султана и начала независимости и цѣлости Оттоманской имперіи.

Освободительное движеніе, увѣнчавшееся въ Италіи полнымъ успѣхомъ, не могло не отразиться на подвластныхъ Турціи христіанахъ. Волненія, проявившіяся въ концѣ 1859 и въ началѣ 1860 года въ Босніи и Герцеговинѣ, въ Болгаріи и Македоніи, въ Ѳессаліи и Эпирѣ, турки подавили съ возмутительною жестокостью и съ полнымъ забвеніемъ гарантій, предоставленныхъ христіанамъ гатти-гумаюномъ 1856 года. Хотя Парижскій трактатъ и лишилъ Россію принадлежащаго ей, въ силу прежнихъ договоровъ съ Портою, права покровительствовать православнымъ подданнымъ султана, перенеся это право на совокупность великихъ державъ Европы, но по привычкѣ, освященной вѣками, угнетаемые продолжали обращать къ русскому царю свои жалобы и мольбы о помощи. Къ тому же во многихъ мѣстностяхъ притѣсненія турокъ вызвали такое озлобленіе въ населеніи, что можно было опасаться близкаго и поголовнаго возстанія христіанъ. Все это побудило князя А. М. Горчакова поднять предъ Европою вопросъ о бѣдственномъ положеніи христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, причиненномъ нарушеніемъ Портою торжественно принятыхъ ею на себя обязательствъ, и объ опасностяхъ, коими оно угрожало всеобщему спокойствію. Въ дѣлѣ этомъ онъ не могъ разсчитывать на поддержку ни Австріи, ни Ан-

[1] Принцъ-регентъ прусскій принцу Альберту, 20-го февраля 1860 г.

гліи, съ которыми только что вступила въ тѣсное соглашеніе Пруссія. Оставалось заручиться содѣйствіемъ Франціи, располагавшей тогда, въ такъ называемомъ «европейскомъ концертѣ», сверхъ собственнаго голоса, еще и голосомъ Сардиніи, уже готовой преобразиться въ Итальянское королевство. Предварительно оффиціальнаго обращенія къ великимъ державамъ, императорскій кабинетъ пожелалъ узнать, въ какой мѣрѣ тюильрійскій дворъ расположенъ поддержать его предложеніе, и поручилъ графу Киселеву войти съ нимъ въ подготовительное соглашеніе по восточнымъ дѣламъ [1].

Запросъ русскаго двора пришелся кстати французскому правительству, возымѣвшему намѣреніе обратить его для себя въ исходъ изъ затрудненій, созданныхъ положеніемъ дѣлъ въ Италіи, а потому оно въ высшей степени предупредительно отнеслось къ заявленію Киселева. Замѣнившій Валевскаго министръ иностранныхъ дѣлъ Тувенель отвѣчалъ послу, что императоръ Наполеонъ съ удовольствіемъ приметъ предложеніе петербургскаго кабинета, какъ доказательство дружескаго довѣрія императора Александра; что онъ готовъ войти въ довѣрительное соглашеніе съ русскимъ дворомъ по возбужденному имъ важному предмету; что вопросъ Восточный можетъ быть разсматриваемъ въ связи съ итальянскимъ вопросомъ, и что нужно, поэтому, обсудить, нельзя ли взамѣнъ Венеціи, безъ которой не можетъ обойтись Италія, отдать Австріи все восточное побережье Адріатическаго моря? Вмѣстѣ съ тѣмъ Тувенель, какъ бы отъ себя лично, намекнулъ Киселеву, что Россіи слѣдовало бы овладѣть Батумомъ, дабы имѣть на азіатскомъ берегу Чернаго моря безопасный портъ. Все сказанное онъ просилъ содержать въ глубокой тайнѣ, изъ опасенія, какъ бы англичане, провѣдавъ о соглашеніи Россіи съ Франціей, не рѣшились овладѣть Проливами и даже Константинополемъ, и основать свое право на совершившемся фактѣ [2].

Тогда князь Горчаковъ рѣшился на важный шагъ. 4-го мая 1860 года, собравъ у себя представителей великихъ державъ въ Петербургѣ, онъ просилъ ихъ обратить вниманіе правительствъ на безпорядки, не прекращающіеся въ различныхъ частяхъ Турціи, и на необходимость общими усиліями положить имъ конецъ, а двѣ недѣли спустя выступилъ уже съ формальнымъ предложеніемъ. Въ циркулярѣ, разосланномъ во всѣ наши посольства и миссіи, онъ изложилъ взглядъ императорскаго кабинета какъ на бѣдственное положеніе дѣлъ на Востокѣ, такъ и на средства устранить истекающія изъ него опасныя послѣдствія. Документъ этотъ заслуживаетъ вниманія какъ политическая программа, которой русскій дворъ придерживался неуклонно по отношенію къ Портѣ

[1] Князь Горчаковъ графу Киселеву, 29-го февраля 1860 г.

[2] Дневникъ графа Киселева, 1-го марта 1860 г.

и ея христіанскимъ подданнымъ во все продолженіе царствованія императора Александра II.

«Вотъ уже болѣе года», писалъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ,—«какъ агенты наши въ Турціи обращаютъ наше вниманіе на становящееся все болѣе и болѣе серьезнымъ положеніе подвластныхъ Портѣ христіанскихъ областей, а именно: Босніи, Герцеговины и Болгаріи. Положеніе это началось не нынѣ; но въ послѣдніе годы оно не только не улучшилось, какъ можно было надѣяться, но постоянно ухудшалось. Христіанскіе подданные его величества султана приняли съ довѣріемъ и признательностью положительныя обѣщанія преобразованій, но они доселѣ ждутъ практическаго осуществленія надежды, освященной вдвойнѣ торжественнымъ актомъ монарха и согласіемъ Европы. Страсти и ненависть не только не уменьшились, но развились съ новою силою: проявленія насилія, страданія населенія, наконецъ, событія, совершившіяся на Западѣ Европы, отозвавшіяся какъ ободреніе и надежда на Востокѣ, довершили приведеніе его въ состояніе броженія. Ясно, что такое положеніе не можетъ продолжаться, не подвергнувъ опасности Оттоманскую имперію и всеобщій миръ». Упомянувъ о представленіяхъ, сдѣланныхъ Портѣ, и увѣщаніяхъ, обращенныхъ къ христіанамъ, а также объ обращеніи къ великимъ державамъ, съ цѣлью вызвать между ними соглашеніе, князь Горчаковъ продолжалъ: «Мы не выступили съ безусловными предложеніями относительно хода дѣлъ, а ограничились тѣмъ, что заявили о неотложности его (urgence) и указали на цѣль. Что касается до первой, то мы не скрыли, что она представляется намъ не допускающею ни сомнѣній, ни замедленія; относительно же цѣли мы разумѣли въ ней два отдѣльные фазиса: прежде всего—разслѣдованіе на мѣстѣ, немедленное, при участіи европейскихъ делегатовъ, дабы провѣрить истину фактовъ; потомъ—соглашеніе, установить которое зависитъ отъ великихъ державъ, между собою и Портою, дабы побудить ее принять нужныя органическія мѣры и тѣмъ внести въ ея отношенія къ христіанскому населенію имперіи улучшеніе дѣйствительное, серьезное и прочное». Горчаковъ утверждалъ, что предлагаемое имъ вмѣшательство нельзя считать оскорбленіемъ для Порты, которая болѣе всѣхъ прочихъ державъ заинтересована въ возстановленіи спокойствія, или—посягательствомъ на ея права. Желаемое Россіей соглашеніе великихъ державъ съ оттоманскимъ правительствомъ должно, напротивъ служить христіанамъ доказательствомъ участія Европы къ ихъ судьбѣ, Портѣ—доказательствомъ расположенія къ нимъ державъ». «Со своей стороны»,—заключалъ министръ,—«послѣ извѣданнаго опыта Европа не можетъ, какъ намъ кажется, найти въ чемъ-либо другомъ, кромѣ этого нравственнаго воздѣйствія, ручательствъ, требуемыхъ вопросомъ первостепенной важности, съ коимъ неразрывно связано ея спокойствіе и въ

которомъ интересы человѣколюбія совпадаютъ съ интересами политическими. Нашъ августѣйшій государь никогда не отрекался отъ живого сочувствія, питаемаго имъ относительно первыхъ. Его величество не желаетъ принять на совѣсть упрекъ въ молчаніи въ виду подобныхъ страданій въ то самое время, когда столько голосовъ возвысилось въ другихъ мѣстахъ, при условіяхъ гораздо менѣе настоятельныхъ. Впрочемъ, мы глубоко убѣждены, что такой оборотъ мыслей неразрывно связанъ съ политическимъ интересомъ, который Россія, какъ и всѣ прочія державы, полагаетъ въ сохраненіи Оттоманской имперіи. Мы льстимъ себя надеждою, что виды эти раздѣляются всѣми кабинетами. Но мы также убѣждены, что время иллюзій прошло и что всякое колебаніе, всякое затягиваніе дѣла будетъ имѣть серьезныя послѣдствія. Содѣйствуя всѣми нашими силами увлеченію оттоманскаго правительства на путь, который предупредитъ эту опасность, мы хотимъ дать ему доказательство нашей заботливости и въ то же время исполняемъ долгъ, налагаемый на насъ человѣколюбіемъ. Приглашая великія державы присоединиться къ намъ для достиженія этой цѣли, мы тѣмъ самымъ устраняемъ всякую возможность исключительныхъ видовъ или вмѣшательства» [1].

Въ частномъ письмѣ, сопровождавшемъ отправленіе циркуляра къ Киселеву, Горчаковъ выразился о немъ: «Мы освѣтили маякомъ подводный камень». И дѣйствительно, вслѣдъ за сообщеніемъ русскаго двора, какъ разительное подтвержденіе развитыхъ въ немъ доводовъ, разнеслась по Европѣ вѣсть о кровавой рѣзнѣ, учиненной въ Сиріи мусульманами надъ христіанами. Событіе это устранило всѣ сомнѣнія и колебанія великихъ державъ. Въ іюлѣ собралась въ Парижѣ общеевропейская конференція по восточнымъ дѣламъ и рѣшила занять временно Сирію семитысячнымъ французскимъ корпусомъ, а производство слѣдствія и переустройство Ливана—поручить комиссіи изъ делегатовъ великихъ державъ. Русскому уполномоченному въ конференціи графу Киселеву, хотя и не удалось, вслѣдствіе упрямаго сопротивленія Англіи, включить въ конвенцію, въ которой были изложены всѣ вышеприведенныя рѣшенія, дополнительную статью, проектированную въ Петербургѣ, но сущность ея была все же воспроизведена въ одномъ изъ протоколовъ конференціи, гласившемъ: «что, вспоминая документъ, высокое значеніе коего признано въ статьѣ IX договора 18-го марта 1856 года»—подъ этою фразою разумѣлся гатти-гумаюнъ,—«уполномоченные великихъ державъ не могутъ не заявить, что правительства ихъ нетерпѣливо ожидаютъ, чтобы, во исполненіе торжественнаго обѣщанія высокой Порты, приняты были серьезныя мѣры къ улучшенію участи христіанъ всѣхъ исповѣданій, живущихъ въ Оттоманской имперіи» [2].

[1] Циркуляръ князя Горчакова, 20-го мая 1860 г.

[2] Протоколъ Парижской конференціи, 22-го іюля 1860 г.

Успѣхъ ободрилъ князя Горчакова, и онъ рѣшился сдѣлать еще шагъ по пути сближенія съ Франціей въ Восточномъ вопросѣ. Отклонивъ предложенный ему въ пользу Австріи обмѣнъ Венеціи на балканское побережье Адріатики, онъ поручилъ Киселеву развѣдать, не пожелаютъ ли въ Парижѣ облечь соглашеніе съ Россіей въ форму письменнаго договора, присовокупляя, что, по мнѣнію его, тѣсный союзъ между Франціей и Россіей обезпечилъ бы взаимныя политическія выгоды обоихъ государствъ, и что Франція всегда можетъ разсчитывать на готовность нашу къ тому (Elle nous y trouvera toujours prêts). «Мы просимъ только одного», — писалъ министръ,—«чтобъ не нарушали нашихъ принциповъ, пожертвовать которыми мы не можемъ. Императоръ Александръ далъ понять это еще въ Штутгартѣ. Выражая такъ открыто свои дѣйствительные политическіе виды, мы просимъ, чтобъ и Франція платила намъ такимъ же прямодушіемъ»[1].

Между графомъ Киселевымъ съ одной стороны, Тувенелемъ, Морни и самимъ императоромъ французовъ съ другой, завязались оживленные переговоры на предложенныхъ русскимъ дворомъ основаніяхъ. Выработали слѣдующую программу соглашенія: Обоюдное желаніе сохраненія Оттоманской имперіи, покуда это будетъ возможно, и согласіе избѣгать всякаго удара извнѣ, который могъ бы ускорить ея паденіе; въ случаѣ значительнаго кризиса, взаимное обязательство не преслѣдовать никакой исключительной выгоды. Обѣщаніе дѣйствовать сообща, съ цѣлью не дозволять, чтобы какая-либо великая держава воспользовалась кризисомъ, дабы извлечь изъ него для себя выгоды, противныя европейскому равновѣсію и интересамъ Россіи и Франціи. Наконецъ, соглашеніе относительно окончательнаго разрѣшенія въ этомъ случаѣ Восточнаго вопроса путемъ образованія на Балканскомъ полуостровѣ небольшихъ независимыхъ государствъ, въ предѣлахъ ихъ естественныхъ границъ, соединенныхъ федеративными узами и имѣющихъ общую столицу въ Константинополѣ, провозглашенномъ вольнымъ городомъ[2]. Оставалось только подписать оборонительный договоръ Россіи съ Франціей, долженствовавшій послужить ручательствомъ соглашенія ихъ по дѣламъ Востока, какъ непредвидѣнное событіе разстроило условленную сдѣлку и снова поставило Россію и Францію сначала въ холодныя, а вскорѣ и прямо во враждебныя отношенія другъ къ другу. Въ октябрѣ 1860 года состоялся въ Варшавѣ свиданіе императора Александра II съ австрійскимъ императоромъ и принцемъ-регентомъ прусскимъ.

Какъ только слухъ о предстоявшемъ свиданіи трехъ государей достигъ до Парижа, онъ возбудилъ величайшее безпокойство и тревогу въ Наполеонѣ III и его совѣтникахъ. Ревностнѣйшій изъ сторонниковъ Россіи

[1] Князь Горчаковъ графу Киселеву, 6-го августа 1860 г.

[2] Статья барона Жомини въ «Journal de St.-Pétersbourg», 1876 г.

при тюильрійскомъ дворѣ. Морни поспѣшилъ заявить Киселеву, что императоръ французовъ видитъ въ этомъ событіи какъ бы воскресеніе столь же ненавистнаго ему, какъ и опаснаго для Франціи Священнаго Союза. По словамъ Морни, Наполеонъ не въ состояніи былъ понять, съ какою цѣлью императоръ Александръ соглашается принять визитъ австрійскаго императора. Манифестація эта сама по себѣ лишена всякаго основанія, но во мнѣніи Европы она получитъ значеніе. «Это очень досадно»,—нѣсколько разъ повторилъ онъ,—«и наводитъ на раздумье. Положимъ, императоръ не боится коалиціи, конечно, нѣтъ! Но все же это можетъ вредно повліять на предрасположеніе къ согласію нашихъ обоихъ правительствъ» [1]. Русскій посолъ старался успокоить своего собесѣдника, выставляя ему на видъ, что государю неудобно было отклонить просьбу сосѣда, пожелавшаго принести повинную за прошлые грѣхи, чтобъ воскресить утраченную дружбу. Но объясненія эти не удовлетворили Морни, который обратился за ними въ довѣрительномъ письмѣ къ князю Горчакову.

Онъ привелъ русскому министру слова, вырвавшіяся у Наполеона: «Я крайне опечаленъ этимъ варшавскимъ свиданіемъ не по существу, а по внѣшнему его виду. Огласка, политическій эфектъ этой встрѣчи принимаются въ Европѣ за несомнѣнный признакъ охлажденія съ Франціей, а это очень жаль и меня огорчаетъ. Я хорошо знаю, что чувства императора относительно меня не измѣнились, но наша признанная дружба была великою взаимною силою, тогда какъ кажущееся удаленіе обоюдно насъ ослабляетъ». Соглашаясь съ мнѣніемъ Наполеона, Морни довольно вѣрно разгадалъ причину сближенія, происшедшаго между Петербургомъ и Вѣною, заключавшуюся въ опасеніи, какъ бы распространеніе революціоннаго движенія въ Венгріи не отразилось на Польшѣ. Но Франція, утверждалъ онъ, не виновна въ этомъ движеніи, и что касается до Польши, то ясно, что не можетъ быть и рѣчи о возстаніи ея, пока Россія и Франція состоятъ въ дружбѣ и союзѣ. Далѣе, Морни доказывалъ невыгоду для Россіи какой бы то ни было политической сдѣлки съ Австріей: первая принесла бы все въ этотъ договоръ, вторая—ничего. Россія можетъ обязаться взять Австрію подъ свое покровительство, но немыслимо, чтобы Австрія покровительствовала Россіи. Приписываемое ей намѣреніе вызвать пересмотръ Парижскаго трактата—горькая насмѣшка. Не по ея ли почину потребована была отъ Россіи уступка части Бессарабіи? Пересмотръ возможенъ только по уговору съ Франціей. Наконецъ, благоразумно ли со стороны Россіи, въ ту самую минуту, когда начинается агонія турецкой силы и открывается ея наслѣдство, удаляться отъ Франціи, могущественной, мужественной и вѣрной, и искать союза

[1] Дневникъ графа Киселева. 18-го сентября 1860 г.

съ Австріей, обладающей противуположными качествами? Въ концѣ концовъ, — заключилъ Морни, — при франко-русскомъ союзѣ, какъ это часто говорили мы другъ другу, любезный князь, обоимъ нашимъ правительствамъ нечего опасаться ни внутри, ни извнѣ; но разъединеніе ослабитъ ихъ, а при настоящихъ обстоятельствахъ можетъ быть, что и не Франція наиболѣе пострадаетъ отъ этого развода (de ce divorce)» [1].

Въ отвѣтѣ своемъ князь Горчаковъ отрицалъ намѣренія, приписываемыя русскому двору. «Зданіе, надъ сооруженіемъ котораго трудились вы и я, — увѣрялъ онъ Морни, — тѣсное единеніе между Франціей и нами существуетъ во всей цѣлости, поскольку это касается до насъ. Оно не утратило, въ нашихъ глазахъ, ничего изъ своихъ свойствъ и представляется намъ, какъ соглашеніе, основанное на взаимныхъ и постоянныхъ интересахъ обѣихъ странъ». О союзѣ съ другими державами,—утверждалъ далѣе русскій министръ,—нѣтъ и рѣчи; варшавское же свиданіе внушено единственно желаніемъ всеобщаго умиротворенія. «Впрочемъ»,—присовокуплялъ онъ.—«Россія отдѣляетъ интересы Франціи отъ прискорбныхъ явленій, совершившихся въ Италіи послѣ Виллафранкскаго мира, и считаетъ необходимымъ соглашеніе великихъ державъ, чтобы противодѣйствовать злу. Къ соглашенію этому она будетъ стремиться сообща съ Франціей, съ которой связываютъ ее и общіе взгляды на положеніе дѣлъ на Востокѣ». Письмо свое Горчаковъ оканчивалъ обѣщаніемъ, «что союзъ Россіи съ Франціей не погибнетъ въ его рукахъ (ne périclitera pas entre mes mains)» [2].

Сквозь успокоительныя фразы князя Александра Михайловича сквозитъ коренная причина къ разладу, начинавшему обнаруживаться между русскимъ дворомъ и наполеоновскою Франціей. То было соучастіе ея въ революціонномъ движеніи, охватившемъ Апеннинскій полуостровъ. Императоръ Александръ строго осуждалъ предпріятіе Гарибальди на Неаполь и потворство ему со стороны покровительствуемаго Франціей сардинскаго двора. Русскій представитель въ Туринѣ не разъ протестовалъ противъ той поддержки, которую правительство короля Виктора-Эммануила оказывало проявленіямъ народныхъ стремленій къ единству во всѣхъ концахъ Италіи. Когда же сардинскія войска, безъ объявленія войны, вступили въ Церковную область и графъ Кавуръ объявилъ во всеуслышаніе о намѣреніи присоединить Неаполитанское королевство къ Сардиніи, то русская миссія была, по высочайшему повелѣнію, немедленно отозвана изъ Турина. «Поступки сардинскаго правительства»,—писалъ по этому поводу князь Горчаковъ,—«не позволяютъ намъ болѣе считать его безучастнымъ въ движеніи, охватившемъ полуостровъ. Оно

[1] Морни князю Горчакову, 19-го сентября 1860 г.

[2] Князь Горчаковъ Морни, 28-го сентября 1860 г.

само приняло отвѣтственность за него и поставило себя въ вопіющее противорѣчіе съ началами народнаго права. Выставляемая имъ необходимость бороться съ анархіей не можетъ служить ему оправданіемъ, коль скоро оно воздвигаетъ преграды революціи, дабы воспринять ея наслѣдство, а не для того, чтобы остановить ея ходъ или исправить ея безчинства. Подобные предлоги не могутъ быть допущены. Здѣсь рѣчь идетъ не объ итальянскомъ вопросѣ, но объ интересѣ, общемъ всѣмъ правительствамъ, о вѣчныхъ законахъ, безъ которыхъ никакой общественный порядокъ, никакой миръ, никакая безопасность, не могутъ существовать въ Европѣ. Государь императоръ не считаетъ возможнымъ оставлять долѣе свою миссію свидѣтельницею поступковъ, осуждаемыхъ его совѣстью и убѣжденіями»[1].

На поступательный ходъ всемірной революціи, на необходимость принять сообща мѣры къ обузданію ея постоянно указывалъ императоръ Александръ въ частныхъ письмахъ къ дядѣ, принцу-регенту прусскому, который воспользовался такимъ настроеніемъ царственнаго племянника, чтобы предложить ему свиданіе въ Варшавѣ съ приглашеніемъ къ участію въ немъ и австрійскаго императора.

21-го сентября императрица Марія Александровна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Павломъ, а 30-го государь выѣхалъ изъ Царскаго Села. Въ Вильнѣ выѣхали ему навстрѣчу нѣкоторые изъ нѣмецкихъ его гостей: великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, принцы Карлъ и Альбертъ Прусскіе, Августъ Виртембергскій и Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій. Александръ II прибылъ въ Варшаву 8-го октября, въ одинъ день съ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, прослѣдовавшимъ туда прямо изъ Петербурга. На другой день пріѣхалъ принцъ-регентъ прусскій съ великимъ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, на третій — императоръ австрійскій. Монарховъ сопровождала многочисленная и блестящая свита. Съ принцемъ Вильгельмомъ прибыли: министръ-президентъ, князь Карлъ-Антонъ Гогенцоллернскій и военный министръ, генералъ Роонъ; съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ — министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Рехбергъ и генералъ-адъютанты графы Кренневиль и Куденговъ. Въ свитѣ императора Александра находились: князь А. М. Горчаковъ, принцы: Георгъ Мекленбургъ-Стрелицкій и Александръ Гессенскій и прусскій посланникъ въ Петербургѣ Бисмаркъ. Кромѣ того, какъ и въ предшедшемъ году, ко дню прибытія государя съѣхались въ Варшаву дипломатическіе представители Россіи при главныхъ европейскихъ дворахъ: изъ Вѣны — Балабинъ, изъ Берлина — баронъ Будбергъ, изъ Парижа — графъ Киселевъ.

Киселева Александръ Николаевичъ встрѣтилъ выраженіемъ недовѣрія къ «Людовику-Наполеону», повтореніемъ упрековъ ему за Висла-

[1] Князь Горчаковъ князю Гагарину, 28-го сентября 1860 г.

франкское перемиріе, неодобрительнымъ отзывомъ о его политикѣ въ Италіи. Пріемъ этотъ уже предрѣшилъ участь привезенной Киселевымъ записки: о пользѣ оборонительнаго союза съ Франціей, съ точнымъ опредѣленіемъ взаимныхъ обязательствъ договаривающихся сторонъ. Ознакомясь съ нею и передавая ее князю Горчакову, государь надписалъ: «Противъ кого?» Записка и договоръ остались, конечно, безъ послѣдствій.

Пріемы, ученья и смотры, обѣды, спектакли въ продолженіе четырехъ дней чередовались съ совѣщаніями, происходившими между государями и ихъ министрами. Положено потребовать отъ Наполеона гарантій, съ цѣлью сохранить миръ Европы, поддержать расшатанныя основы народнаго права и остановить успѣхи всеобщей революціи. Но князю Горчакову удалось отклонить все, что̀ могло придать этому рѣшенію характеръ вызывающій или просто враждебный Франціи[1]. Вызвавшись быть посредникомъ между Вѣной и Берлиномъ съ одной стороны и Парижемъ съ другой, онъ могъ писать Морни, что варшавское свиданіе было одинаково благопріятно для Россіи и для Франціи: для Россіи, потому что убѣдились въ невозможности распорядиться въ чужую пользу ея вещественными силами; для Франціи, ибо удостовѣрились, что единеніе съ нею продолжаетъ служить основаніемъ русской политики и что никакая коалиція невозможна противъ нея, пока того не хочетъ Россія. Князь Александръ Михайловичъ, увѣщевая Морни содѣйствовать со своей стороны упроченію этого результата отказомъ Франціи отъ солидарности съ революціей, просилъ его не поступаться «принципами», замѣчая: «Безъ нихъ нельзя создать ничего прочнаго. Между нами существуетъ достаточно первостепенныхъ интересовъ, чтобы служить намъ общею связью. Мы принимаемъ въ расчетъ требованіе времени, но Европа не находится въ состояніи первобытнаго общества, когда все было tabula rasa, и мы твердо увѣрены, что отреченіе отъ понятій права, изъ которыхъ истекаютъ принципы, не есть условіе ни прогресса, ни цивилизаціи въ мало-мальски устойчивомъ видѣ»[2]. Въ томъ же смыслѣ высказался министръ и предъ французскимъ посломъ въ Петербургѣ[3].

Такъ выражалась русская дипломатія, но въ нашихъ военныхъ кругахъ не считали Наполеона III расположеннымъ послѣдовать преподаннымъ ему совѣтамъ умѣренности. Ожидали разрыва Австріи съ Сардиніей и опасались, какъ бы онъ не сопровождался возстаніемъ Венгріи, которое распространилось бы на балканскихъ христіанъ и на Галицію. Полагали, что обѣ морскія державы будутъ поддерживать это движеніе, сначала тайно, а потомъ и явно, вооруженною рукою. На этотъ случай считали

[1] Принцъ Альбертъ лорду Джону Русселю, октябрь 1860 г.
[2] Князь Горчаковъ Морни, 22-го октября 1860 г.
[3] Герцогъ Монтебелло Тувенелю, 22-го октября 1860 г.

необходимымъ принять нѣкоторыя военныя мѣры, усилить войска, расположенныя въ Царствѣ Польскомъ, увеличить артиллерію, вызвать нѣсколько казачьихъ полковъ съ Дона, заготовить провіантъ,—все это, не взирая на крайнее оскудѣніе государственнаго казначейства. Государь раздѣлялъ этотъ взглядъ, выраженный во всеподданнѣйшей запискѣ намѣстника Царства Польскаго и главнокомандующаго 1-ю арміею князя М. Д. Горчакова, и положилъ на ней слѣдующую резолюцію: «Первыя соображенія (о мѣрахъ подготовительныхъ) одобряю, но предоставляю себѣ рѣшить, когда къ нимъ приступить. Насчетъ же вторыхъ (постановка арміи на военную ногу), не дай Богъ, чтобы намъ нужно было къ нимъ приступать, и надѣюсь, что дипломатическими сношеніями намъ удастся отвратить опасенія, о которыхъ князь Горчаковъ упоминаетъ, иначе будетъ повтореніе 1854 года» [1].

Варшавскія совѣщанія были прерваны горестнымъ извѣстіемъ объ опасномъ оборотѣ, внезапно происшедшемъ въ болѣзни вдовствующей императрицы. Императоръ Александръ тотчасъ оставилъ Варшаву, а гости его разъѣхались оттуда уже послѣ его отъѣзда. Государь спѣшилъ къ одру умирающей матери и прибылъ въ Царское Село 16-го октября. Три дня спустя, 18-го октября, императрица Александра Ѳеодоровна мирно опочила, окруженная всѣми членами царской семьи, а 5-го ноября тѣло ея предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, рядомъ съ гробницею августѣйшаго супруга, императора Николая I.

Въ духовномъ завѣщаніи своемъ покойная государыня посвятила нѣсколько трогательныхъ строкъ августѣйшимъ дѣтямъ: «Если по смерти моего императора и несказанно любимаго супруга я не пала подъ тяжестью нежданнаго несчастія, то только благодаря нѣжной заботливости, которою окружили меня въ тягостные часы всѣ мои дѣти, безъ исключенія. Любовь ихъ поддержала во мнѣ жизнь, а въ особенности постоянно бдительная попечительность и нѣжность возлюбленнаго сына моего императора Александра. Поддержанная святою любовію дѣтей, я была въ силахъ перенести жесточайшіе удары судьбы и пережить супруга, жизнь котораго была моею жизнію. Отъ глубины сердца благодарю васъ: тебя, дорогой сынъ мой Александръ, тебя, нѣжно любимая невѣстка Марія, и васъ всѣхъ, мои столь же любимыя дѣти; ваша истинная, искренняя любовь поддержала жизнь мою. Да воздастъ вамъ за это сторицею Небо, вамъ и всѣмъ вашимъ потомкамъ» [2].

[1] Записка князя М. Д. Горчакова, 7-го декабря, и высочайшая резолюція, 11-го декабря 1860 г.

[2] Духовное завѣщаніе императрицы Александры Ѳеодоровны. Дипломатическая переписка русскаго двора—въ С.-Петербургскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ; великобританскаго—въ Синей и французскаго—въ Желтой книгѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Присоединеніе Амура и Уссури и покореніе Кавказа.

1855 — 1864.

Дѣятельная политика на крайнемъ Востокѣ. — Заселеніе устьевъ Амура. — Защита ихъ въ войну 1853 — 1856 годовъ. — Переговоры генерала Н. Н. Муравьева съ китайцами. — Образованіе Приморской области. — Айгунскій договоръ съ Китаемъ. — Дѣйствія генерала Н. П. Игнатьева въ Китаѣ. — Заключеніе въ Пекинѣ договора, утверждающаго Айгунскій трактатъ и уступающаго Россіи Уссурійскій край. — Японія уступаетъ Россіи южную часть острова Сахалина. — Планъ генерала Д. А. Милютина о покореніи Кавказа. — Назначеніе князя А. И. Барятинскаго намѣстникомъ Кавказскимъ и главнокомандующимъ Кавказскою арміею. — Взятіе Веденя. — Наступленіе въ Дагестанъ. — Плѣненіе Шамиля. — Возведеніе Барятинскаго въ генералъ-фельдмаршалы. — Записка Государя объ умиротвореніи Кавказа. — Возраженія Барятинскаго. — Отъѣздъ Барятинскаго изъ края. — Посѣщеніе императоромъ Александромъ Западнаго Кавказа въ 1861 году. — Письмо Барятинскаго къ государю. — Увольненіе Барятинскаго и назначеніе на его мѣсто великаго князя Михаила Николаевича. — Письмо къ нему Барятинскаго. — Покореніе Западнаго Кавказа. — Окончаніе Кавказской войны. — Благодарственный рескриптъ великому князю-намѣстнику.

Съ первыхъ дней царствованія императора Александра II внѣшняя политика русскаго двора, оставаясь выжидательною въ Европѣ, явилась весьма дѣятельною на крайнемъ Востокѣ, благодаря энергіи генералъ-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева и неуклонной твердости, съ которою поддерживалъ его во всѣхъ начинаніяхъ самъ государь.

Занятіемъ устьевъ Амура и заложеніемъ Николаевскаго поста въ 1851 году положено начало водворенію русскаго владычества въ этой части побережья Восточнаго океана. Но долина Амура считалась еще принадлежащею Китаю, съ согласія котораго мы въ 1854 году сплавили внизъ по рѣкѣ подкрѣпленія людьми, оружіемъ и снарядами для усиленія войскъ, занимавшихъ Камчатскую область и административный центръ ея—Петропавловскій портъ. Въ слѣдующемъ 1855 году Муравьевымъ

сдѣлано распоряженіе о переводѣ изъ Петропавловска въ устье Амура какъ всего гарнизона, такъ и мѣстной нашей эскадры. Самъ онъ прибылъ въ Николаевскъ и отдалъ такой приказъ: «Войска, на устьяхъ Амура сосредоточенныя и мною распредѣленныя, нигдѣ отъ непріятеля не отступаютъ, въ плѣнъ не сдаются, а побѣждаютъ на своихъ мѣстахъ или умираютъ, памятуя слова великаго князя нашего Святослава: ту ляжемъ костьми, мертвіи бо срама не имутъ». Тогда же, по распоряженію генералъ-губернатора, сплавлены по Амуру первые русскіе переселенцы крестьяне-земледѣльцы изъ Иркутской губерніи и Забайкалья, и водворены въ пяти поселкахъ, расположенныхъ вокругъ Николаевска, по обѣимъ сторонамъ рѣки.

Вступивъ на престолъ, императоръ Александръ II подтвердилъ полномочія, данныя Муравьеву императоромъ Николаемъ, для веденія переговоровъ съ китайцами о разграниченіи обѣихъ сосѣднихъ имперій, и вопреки выраженному канцлеромъ графомъ Нессельроде опасенію, что Китай едва ли согласится на земельныя уступки безъ войны, призналъ необходимымъ,—какъ писалъ о томъ Муравьеву великій князь Константинъ Николаевичъ,—въ видахъ развитія Сибирскаго края, «утвердить за Россіею весь лѣвый берегъ Амура и получить право свободной торговли въ сѣверныхъ областяхъ Китайской имперіи». Первое изъ этихъ требованій было предъявлено Муравьевымъ китайскимъ уполномоченнымъ, прибывшимъ къ нему лѣтомъ 1855 года въ Маріинскій постъ на Амурѣ, но тѣ отвѣчали уклончиво и условія наши переслали въ Пекинъ. Муравьевъ, хотя и предпочиталъ мирный исходъ переговоровъ, пригрозилъ китайцамъ готовностью, въ случаѣ противодѣйствія ихъ свободному движенію нашихъ войскъ по Амуру, двинуться въ Монголію и Манджурію. Китайскій трибуналъ, завѣдывавшій внѣшними сношеніями Небесной имперіи, въ листѣ на имя русскаго сената, жаловался на неукротимаго генералъ-губернатора, выставляя на видъ, что, подъ предлогомъ защиты отъ англійскаго флота, послѣдній занялъ на рѣкѣ Сунгари нѣсколько городовъ и селеній, «издавна платящихъ дань нашему государю». Находя, что генералъ Муравьевъ «вовсе не заботится о поддержаніи двухсотлѣтняго дружественнаго согласія и твердаго мира», трибуналъ просилъ «вразумить Муравьева». У насъ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ все еще не считали возможнымъ простирать наши требованія далѣе испрошенія согласія китайскаго правительства на свободное плаваніе по Амуру и учрежденіе нѣсколькихъ станцій для склада провіанта и топлива. Прибывъ весною 1856 года въ Петербургъ, Муравьевъ успѣлъ убѣдить государя въ важности пріобрѣтенія для Россіи Амурскаго края и Приморской области. Вслѣдствіе его представленій, императоръ повелѣлъ: снабдить его новыми полномочіями для продолженія съ китайцами переговоровъ на предъявленныхъ уже имъ условіяхъ; плаваніе же по Амуру

продолжать, предложивъ китайцамъ за требуемыя земельныя уступки нѣсколько артиллерійскихъ орудій; при этомъ воздерживаться, впрочемъ, отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, открытую силу употреблять лишь для освобожденія русскихъ изъ плѣна, въ случаѣ задержанія ихъ китайцами, и, дѣйствуя скорыми и рѣшительными мѣрами, избѣгать продолжительной переписки и вообще всякихъ проволочекъ.

Считая себя обойденнымъ состоявшимся въ день коронаціи производствомъ младшаго своего сверстника князя Барятинскаго въ генералы-отъ-инфантеріи, Н. Н. Муравьевъ просилъ объ увольненіи отъ службы, но государь отставки его не принялъ и велѣлъ передать ему чрезъ военнаго министра, чтобы онъ продолжалъ свою полезную дѣятельность. Муравьевъ сдался и изъ Москвы отправился въ Иркутскъ. По его предложенію, изъ вновь занятыхъ земель образована Приморская область, подчиненная военному губернатору, имѣющему пребываніе въ Николаевскѣ, и обнимавшая прежнюю область Камчатскую и края Удскій и Приамурскій. По высочайшему повелѣнію, лишь административныя дѣла, касавшіяся этихъ мѣстностей, разрѣшались въ Сибирскомъ комитетѣ, дѣла же политическія обсуждались въ особомъ Амурскомъ комитетѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ государь, а въ отсутствіе его великій князь Константинъ Николаевичъ [1].

Оставалось утвердить это пріобрѣтеніе заключеніемъ договора о границахъ съ Китаемъ. Съ таковою цѣлью, въ началѣ 1857 года, отправленъ въ Китай вице-адмиралъ графъ Путятинъ, заключившій въ самый разгаръ послѣдней Восточной войны въ Симодѣ выгодный торговый трактатъ съ Японіей. Китайское правительство отказало однако Путятину въ пропускѣ въ Пекинъ сухимъ путемъ, чрезъ Кяхту, и адмиралъ вынужденъ былъ направиться туда внизъ по Амуру, а затѣмъ изъ Николаевска моремъ. 1-го іюня 1858 года Путятинъ, хотя и подписалъ съ китайскими уполномоченными въ Тянь-Цзинѣ договоръ, которымъ на Россію распространены всѣ преимущества политическія и торговыя, какъ уже пріобрѣтенныя, такъ и имѣющія быть пріобрѣтенными впредь наиболѣе благопріятствуемыми Китаемъ иностранными державами, но главный вопросъ объ опредѣленіи границы остался открытымъ. «Неопредѣленныя части границъ между Китаемъ и Россіею», —гласила девятая статья помянутаго договора,—«будутъ безъ отлагательства изслѣдованы на мѣстахъ довѣренными лицами отъ обоихъ правительствъ и заключенное ими условіе о граничной чертѣ составитъ дополнительную статью къ настоящему трактату».

Условіе это было уже исполнено ровно за двѣ недѣли до заключенія Тянь-Цзинскаго договора. 10-го мая Муравьевъ прибылъ въ китайскій

[1] Высочайшая резолюція на всеподданнѣйшемъ докладѣ Муравьева, 28-го сентября 1858 г.

городъ Айгунъ, расположенный на правомъ берегу Амура, противъ устья рѣки Зеи, и послѣ продолжавшихся шесть дней переговоровъ, 16-го того же мѣсяца, убѣдилъ амурскаго главнокомандующаго князя И-Шань приложить свою подпись къ трактату, которымъ лѣвый берегъ Амура отъ рѣки Аргуня до устья признавался собственностью Россіи, а весь Уссурійскій край отъ впаденія Уссури въ Амуръ и до моря объявлялся въ общемъ владѣніи Россіи и Китая; свободное же плаваніе по рѣкамъ Амуру, Сунгари и Уссури предоставлялось лишь русскимъ и китайскимъ подданнымъ, съ исключеніемъ судовъ всѣхъ прочихъ державъ. На всеподданнѣйшемъ о томъ донесеніи Муравьева, государь надписалъ: «Слава Богу!», и въ рескриптѣ на имя генералъ-губернатора въ слѣдующихъ выраженіяхъ воздалъ хвалу его государственнымъ заслугамъ: «Вы вполнѣ оправдали довѣріе наше одиннадцатилѣтними трудами на пользу и благоустройство ввѣренной управленію вашему Восточной Сибири. Просвѣщеннымъ дѣйствіямъ вашимъ обязанъ этотъ край началомъ своего гражданственнаго возрожденія; благоразумными и настойчивыми мѣрами, вами принятыми, упрочены наши мирныя сношенія съ сосѣднимъ Китаемъ и заключеннымъ вами трактатомъ дарованъ Сибири новый торговый путь по рѣкѣ Амуру, служащій залогомъ будущему промышленному развитію государства. Столь счастливое для Россіи событіе даетъ вамъ справедливое право на искреннюю мою признательность. Въ воздаяніе за таковыя заслуги ваши я возвелъ васъ, указомъ сего числа Правительствующему Сенату даннымъ, въ графское Россійской имперіи достоинство, съ присовокупленіемъ къ имени вашему названія Амурскаго, въ память о томъ краѣ, которому въ особенности посвящены были въ послѣдніе годы настоятельные труды ваши и постоянная заботливость» [1]. Назначенный за годъ до того генералъ-адъютантомъ, Муравьевъ, одновременно съ полученіемъ графскаго титула, произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Эти награды свидѣтельствуютъ о высокой цѣнѣ, которую императоръ Александръ придавалъ трудамъ и дарованіямъ государственнаго дѣятеля, вызвавшаго къ новой жизни обширный ввѣренный его попеченію край, возвратившаго Россіи древнее ея достояніе, болѣе ста лѣтъ остававшееся во власти Китая, и о которомъ по поводу его неуживчиваго характера и рѣзкаго отношенія къ разнымъ правительственнымъ вѣдомствамъ и лицамъ государь выразился такъ: «Его не передѣлаешь, а надобно умѣть воспользоваться, отдавая ему справедливость за услуги, имъ оказанныя» [2]. Со своей стороны, Муравьевъ, въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ донесеній, настаивая на необходимости быстрыхъ правительственныхъ распоряженій въ амурскомъ дѣлѣ, свидѣтельствуетъ:

[1] Высочайшій рескриптъ на имя Н. Н. Муравьева, 26-го августа 1858 г.

[2] Высочайшая резолюція на донесеніи Муравьева, отъ 16-го октября 1858 г.

Если бъ оно не началось десять лѣтъ тому назадъ и если бъ не удостоилось высочайшаго вниманія и покровительства вашего величества, то Амуръ никогда бы уже не принадлежалъ Россіи».

Пекинское правительство долго колебалось утвердить сдѣлку, заключенную его уполномоченнымъ въ Айгунѣ. Лишь болѣе двухъ лѣтъ спустя первый русскій посланникъ при дворѣ богдыхана, генералъ Н. П. Игнатьевъ, ловко пользуясь разрывомъ Китая съ Англіею и Франціею и разгромомъ китайскихъ силъ союзными войсками морскихъ державъ, чтобы выступить примирителемъ между представителями ихъ и китайскимъ правительствомъ, успѣлъ обратить это посредничество въ пользу Россіи и побудить послѣднее, формальнымъ договоромъ, заключеннымъ въ Пекинѣ 2-го ноября 1860 года, дать полное удовлетвореніе всѣмъ требованіямъ русскаго двора. Пекинскимъ трактатомъ, который графъ Муравьевъ-Амурскій справедливо называетъ «политической побѣдой», договоры Тянь-Цзинскій и Айгунскій подтверджены и дополнены всѣмъ, чего въ нихъ недоставало, а владычество Россіи распространено на обширное пространство отъ Уссури до моря, на которомъ воздвигнулся вскорѣ Владивостокъ. «Всѣ сомнѣнія разсѣяны»,—писалъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири министру иностранныхъ дѣлъ,—«теперь мы законно обладаемъ и прекраснымъ Уссурійскимъ краемъ, и южными портами, и пріобрѣли право сухопутной торговли изъ Кяхты, и учрежденія консульствъ въ Ургѣ и Кашгарѣ. Все это безъ пролитія русской крови, однимъ умѣньемъ, настойчивостью и самопожертвованіемъ нашего посланника, а дружба съ Китаемъ не только не нарушена, но скрѣплена болѣе прежняго. Игнатьевъ превзошелъ всѣ наши ожиданія въ Китаѣ» [1]. Наградою молодому генералу, ознаменовавшему столь блестящимъ успѣхомъ вступленіе свое на дипломатическое поприще, было званіе генералъ-адъютанта и Владимірская звѣзда 2-й степени.

Со времени Пекинскаго договора въ столицѣ Китая учреждена постоянная русская дипломатическая миссія. Такая же миссія водворена и въ столицѣ Японіи, сначала въ Іедо, потомъ въ Токіо, въ силу трактата, заключеннаго графомъ Путятинымъ 7-го августа 1858 года. Давній предметъ спора между Россіей и Японіей, южная часть острова Сахалина, бывшая дотолѣ въ общемъ владѣніи обѣихъ державъ, уступлена Россіи трактатомъ, подписаннымъ въ Петербургѣ 25-го апрѣля 1875 года, въ обмѣнъ отошедшей къ Японіи гряды Курильскихъ острововъ.

Одновременно съ расширеніемъ русской государственной области на Дальнемъ Востокѣ, на южной окраинѣ имперіи совершилось другое великое дѣло: окончательно покоренъ Кавказъ.

Мысль о томъ, чтобы по заключеніи мира воспользоваться двину-

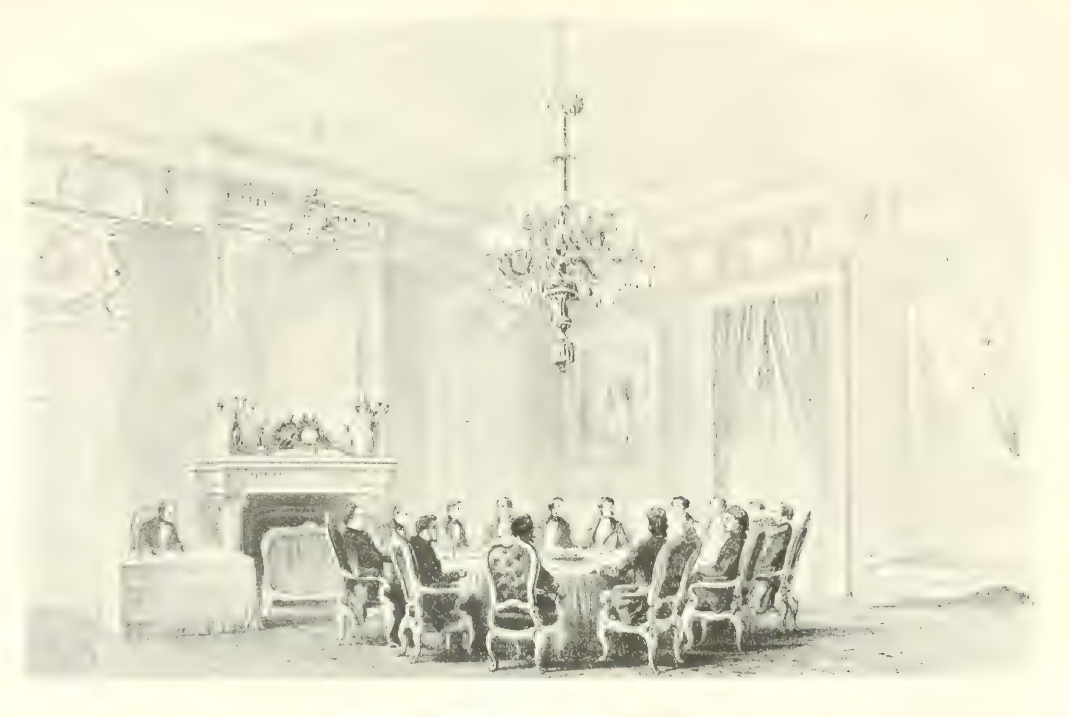
[1] Графъ Муравьевъ-Амурскій князю Горчакову, 27-го ноября 1860 г.

тыми на Кавказъ въ подкрѣпленіе мѣстныхъ войскъ во время послѣдней Восточной войны двумя дивизіями для нанесенія непокорнымъ горцамъ рѣшительнаго удара, принадлежала молодому генералу Д. А. Милютину, изложившему ее въ запискѣ, которую онъ, еще осенью 1854 года, представилъ императору Николаю. Въ началѣ 1856 года Александръ Николаевичъ передалъ эту записку военному министру, съ приказаніемъ потребовать заключенія по возбужденному въ ней вопросу отъ намѣстниковъ Кавказскихъ, бывшаго — князя Воронцова и настоящаго — Н. Н. Муравьева, а также и отъ занимавшаго должность начальника штаба Воронцова князя А. И. Барятинскаго. Отзывъ Муравьева былъ не въ пользу предложенія Милютина, но Барятинскій въ цѣломъ рядѣ записокъ горячо поддержалъ его, развивъ и дополнивъ собственными соображеніями. Военный министръ Сухозанетъ склонялся на сторону намѣстника. «Я, напротивъ того, вполнѣ раздѣляю мнѣніе князя Барятинскаго», — надписалъ императоръ на докладѣ министра, а на одной изъ записокъ Барятинскаго: «Мысли, изложенныя въ сей запискѣ, нахожу основательными и совершенно согласенъ съ ними» [1]. Когда, нѣсколько времени спустя, Муравьевъ самъ попросилъ объ увольненіи, то выборъ государя естественно остановился на Барятинскомъ. 22-го іюля 1856 года князь Александръ Ивановичъ назначенъ исполнять должность намѣстника Кавказскаго и командующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ. Самъ онъ настоялъ на назначеніи генерала Милютина своимъ начальникомъ штаба.

Тотчасъ послѣ коронаціи Барятинскій отправился въ Тифлисъ и, вступивъ въ управленіе ввѣренными ему краемъ и войсками, отдалъ слѣдующій приказъ: «Воины Кавказа, смотря на васъ и дивяся вамъ, я выросъ и возмужалъ. Отъ васъ и ради васъ я осчастливленъ назначеніемъ быть вождемъ вашимъ. Трудиться буду, чтобы оправдать такую милость, счастье и великую для меня честь. Да поможетъ намъ Богъ во всѣхъ предпріятіяхъ, на славу государя».

1857 годъ прошелъ въ приготовленіяхъ. Къ осени новый намѣстникъ проектировалъ обширную систему преобразованій какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ управленіи краемъ и командировалъ въ Петербургъ своего начальника штаба для представленія словесныхъ по нимъ объясненій. Императоръ Александръ одобрилъ всѣ предположенія своего избранника и личнаго друга и 3-го декабря Милютинъ писалъ Барятинскому: «Спѣшу поздравить ваше сіятельство съ успѣшнымъ окончаніемъ всѣхъ дѣлъ, которыя вамъ угодно было возложить на меня при отправленіи въ Петербургъ. Вчера, по случайному стеченію обстоятельствъ, доложены государю императору и проекты штатовъ военныхъ управленій, и

[1] Высочайшія резолюціи, отъ 6-го мая и 12-го іюня 1856 г.



Засѣданіе Парижской конференціи 1856 года.

(Съ литографіи Мюнстера.)

проектъ новаго морского устройства, а въ то же время въ Кавказскомъ комитетѣ обсуждались въ моемъ присутствіи три дѣла: предположенія ваши о христіанскомъ братствѣ, представленія о прекращеніи каботажнаго судоходства вдоль восточнаго берега и упраздненіи Анапы и, наконецъ, новый штатъ управленія мирными горцами. Всѣ рѣшенія были весьма благопріятны. Сегодня за обѣдомъ государь императоръ изволилъ лично объявить мнѣ, что его величество утвердилъ всѣ представленные проекты, а государыня императрица изволила согласиться принять подъ непосредственное свое попечительство предполагаемое общество распространенія христіанства въ Кавказскихъ горахъ». Наконецъ, полное довѣріе и дружеское расположеніе царя къ юному вождю выразилось въ переименованіи отдѣльнаго Кавказскаго корпуса въ Кавказскую армію, съ возведеніемъ Барятинскаго въ званіе главнокомандующаго.

Зрѣло обдуманный и тщательно соображенный съ мѣстными условіями операціонный планъ князя Барятинскаго состоялъ въ рѣшительномъ наступленіи на Шамиля, преимущественно со стороны Чечни, и въ одновременномъ стѣсненіи блокадой вокругъ него линіи. Подготовительною къ тому мѣрою была прорубка широкихъ просѣкъ въ вѣковыхъ лѣсахъ, преграждавшихъ доступъ въ дебри Дагестана. Лѣтомъ 1857 года начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи генералъ Евдокимовъ началъ наступленіе въ Малую и Большую Чечню и затѣмъ въ Аухъ, а по занятіи этихъ областей, въ январѣ 1858 года, прорвался въ Аргунское ущелье, взявъ приступомъ завалы, нагроможденные горцами противъ него. 1-го апрѣля 1859 года палъ Ведень, много лѣтъ служившій главнымъ мѣстопребываніемъ Шамиля и средоточіемъ его власти.

Путь въ Дагестанъ былъ открытъ. Войска наши наступали съ трехъ сторонъ, раздѣленныя на три отряда: Чеченскій—Евдокимова, Дагестанскій—барона Врангеля и Лезгинскій—князя Меликова, подъ личнымъ предводительствомъ Барятинскаго, 14-го іюля прибывшаго къ Чеченскому отряду. О рядѣ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ подвиговъ этого достопамятнаго похода краснорѣчиво свидѣтельствуютъ приказы главнокомандующаго по Кавказской линіи: 21-го іюля, въ лагерѣ при озерѣ Решло: «Войска Дагестанскаго отряда, вы храбро заняли переправу чрезъ Койсу и тѣмъ блистательно исполнили мое желаніе; благодарю васъ отъ всего сердца за вашъ подвигъ».—27-го іюля, въ Андіи, близъ аула Тондо: «Сегодня доношу я государю императору о покореніи его державѣ Аваріи, Койсубу, Гумбета, Салатавіи, Андіи, Технуцала, Чеберлая и другихъ верхнихъ обществъ. Благодарю войска Дагестанскаго и Чеченскаго отрядовъ, всѣхъ, отъ генерала до солдата, за столь радостную вѣсть для сердца возлюбленнаго монарха».—6-го августа, близъ аула Канхалалъ: «Въ безмѣрномъ подвигѣ покоренія Восточнаго

Кавказа самая тяжелая доля трудовъ предстояла вамъ, войска Лезгинскаго отряда. Вы совершили съ самоотверженіемъ предначертанія мои и превзошли всѣ ожиданія. Примите, братцы, мое душевное спасибо».

22-го августа князь Барятинскій отправилъ къ государю слѣдующую телеграмму: «Имѣю честь поздравить ваше императорское величество съ августѣйшимъ тезоименитствомъ. Отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги Кавказъ покоренъ державѣ вашей. 48 пушекъ, всѣ крѣпости и укрѣпленія непріятеля въ нашихъ рукахъ. Я лично былъ въ Карстѣ, Тлохѣ, Игали, Ахульго, Гимрахъ, Укцукулѣ, Хунзахѣ, Тимотлѣ, Чохѣ. Теперь осаждаю Гунибъ, гдѣ заперся Шамиль съ 400 мюридами». Въ тотъ же день, въ приказѣ по Кавказской арміи, главнокомандующій писалъ: «Воины Кавказа! Въ день моего пріѣзда въ край я призвалъ васъ на стяженіе великой славы государю нашему, и вы исполнили надежду мою. Въ три года вы покорили Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги. Да раздастся и пройдетъ громкое мое спасибо по побѣжденнымъ горамъ Кавказа и да проникнетъ оно, со всею силою душевнаго моего выраженія, до глубины сердецъ вашихъ». Наконецъ, три дня спустя, послѣдовалъ другой приказъ: «Гунибъ взятъ, Шамиль въ плѣну; поздравляю Кавказскую армію».

Побѣдныя вѣсти съ Кавказа радостно отзывались въ сердцѣ императора Александра. Онѣ блестящимъ образомъ подтверждали его выборъ, рѣшимость во что бы ни стало покончить съ пятидесятилѣтнею войною и, поборовъ упорное сопротивленіе горцевъ, умиротворить и навѣки утвердить за Россіей благословенный Кавказскій край. Щедрыя милости излилъ государь на побѣдоноснаго вождя и достойныхъ его сподвижниковъ. За взятіе Веденя генералъ Евдокимовъ возведенъ въ графское достоинство. Какъ только дошло до Петербурга извѣстіе объ успѣхѣ, ознаменовавшемъ наступательное движеніе, предпринятое внутрь Дагестана, императоръ прислалъ Барятинскому георгіевскую звѣзду второй степени, при грамотѣ, въ которой такъ оцѣнивались достигнутые на Кавказѣ результаты: «Храбрыя войска ввѣренной вамъ арміи подъ непосредственнымъ начальствомъ вашимъ совершили общее наступательное движеніе, увѣнчавшееся въ короткое время блистательнымъ военнымъ успѣхомъ, въ странѣ, шестнадцать лѣтъ служившей опорою непріязненнымъ противнымъ дѣйствіямъ предводителя враждебныхъ намъ горскихъ племенъ Кавказа. Быстрое покореніе воинственнаго населенія Аваріи, Койсубу, Гумбета, Салатавіи, Андіи, Технуцала, Чеберлая и другихъ верхнихъ обществъ и отступленіе непріятеля безъ всякаго почти сопротивленія отъ воздвигнутыхъ имъ укрѣпленій, послѣ паденія Веденя, свидѣтельствуютъ о превосходной вашей распорядительности, съ которою предпринятыя вами въ этой странѣ военныя дѣйствія направлены къ предначертанной для

оныхъ цѣли. Относя успѣшный ходъ постепеннаго покоренія оружію нашему Кавказа къ глубоко обдуманнымъ и настойчиво приводимымъ вами въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ въ исполненіе мѣрамъ, мы признали справедливымъ изъявить вамъ особую монаршую признательность и совершенное наше благоволеніе за неутомимые труды и важныя военныя заслуги ваши на пользу ввѣреннаго вамъ края, и въ ознаменованіе сего всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ императорскаго ордена нашего святаго великомученика и побѣдоносца Георгія второй степени»[1]. Въ собственноручномъ письмѣ государь поручилъ князю Александру Ивановичу сказать «кавказскимъ молодцамъ искреннее спасибо и что они ему опять доказали, что для нихъ невозможнаго нѣтъ»[2].

«Отличною воинскою распорядительностью вашею»,—гласила высочайшая грамота на имя князя Барятинскаго, подписанная императоромъ по полученіи вѣсти о взятіи Гуниба и плѣненіи Шамиля,—«даровано окончательное замиреніе восточной части Кавказа. Доблестныя войска предводительствуемой вами арміи, сосредоточенныя подъ непосредственнымъ распоряженіемъ вашимъ въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ, совершили покореніе всѣхъ враждебныхъ намъ издавна горскихъ племенъ, отъ Каспійскаго моря до Военно-Грузинской дороги. Главный виновникъ и вождь въ долговременной ожесточенной борьбѣ противъ насъ мюридизма, Шамиль, окруженный въ укрѣпленномъ Гунибѣ войсками, подъ личнымъ вашимъ начальствомъ состоявшими, взятъ съ боя въ плѣнъ, со всѣмъ семействомъ и послѣдними приверженцами его. Отнынѣ предстоитъ вамъ во вновь покоренной странѣ не утвержденіе власти нашей силою оружія, а распространеніе между новыми подданными нашими гражданственной образованности и общественнаго благосостоянія. Желая почтить совершенный вами славный подвигъ и изъявить полную душевную нашу къ вамъ признательность, всемилостивѣйше пожаловали мы васъ кавалеромъ императорскаго ордена нашего св. Андрея Первозваннаго съ мечами»[3].

По высочайшему повелѣнію, плѣнный Шамиль и семья его были отправлены въ Россію и водворены въ Калугѣ. По пути, его остановили въ Харьковѣ и препроводили, съ однимъ изъ сыновей, въ Чугуевъ, гдѣ находился императоръ, для представленія его величеству. Государь оказалъ Шамилю самый ласковый и милостивый пріемъ, до глубины души растрогавшій старца имама. Въ Харьковѣ Шамиль и сынъ его присутствовали на балѣ, данномъ дворянствомъ по случаю высочайшаго пріѣзда.

[1] Высочайшая грамота князю Барятинскому, 10-го августа 1859 г.

[2] Приказъ князя Барятинскаго, 22-го августа 1859 г.

[3] Высочайшая грамота князю Барятинскому, 26-го августа 1859 г.

Потрясающее впечатлѣніе, произведенное на умы кавказскихъ горцевъ паденіемъ Гуниба и взятіемъ въ плѣнъ Шамиля, не замедлило отразиться и на Западномъ Кавказѣ. Глава воинственнаго племени абадзеховъ Мегметъ-Аминь добровольно покорился со всѣми своими сторонниками. Этотъ новый успѣхъ, сулившій въ близкомъ будущемъ замиреніе всего Кавказа, побудилъ государя возвести Барятинскаго въ высшее военное званіе генералъ-фельдмаршала и повелѣть Кабардинскому полку называться его именемъ [1]. Извѣстіе объ этой милости князь Александръ Ивановичъ получилъ по пути въ Петербургъ, на Дону, въ Меркуловской почтовой станціи, чрезъ флигель-адъютанта, привезшаго ему и знакъ его новаго достоинства—фельдмаршальскій жезлъ. По прибытіи въ столицу, Барятинскій,—какъ самъ о томъ разсказывалъ впослѣдствіи,—спросилъ государя, за что произведенъ въ фельдмаршалы? Если за изъявленіе покорности абадзехами, то считаетъ себя огорченнымъ, потому что дѣло не заслуживаетъ этого. «Нѣтъ»,—отвѣчалъ императоръ,—«я чувствовалъ, что ты мало награжденъ за покореніе Восточнаго Кавказа, и потому воспользовался лишь случаемъ».

Неутомимый намѣстникъ дѣятельно принялся за дѣло водворенія русской власти среди непокорныхъ горцевъ, населявшихъ Западный Кавказъ. Войска, покорившія Дагестанъ, двинуты имъ съ лѣваго на правый флангъ Кавказской линіи и начальство надъ ними ввѣрено дѣятельнѣйшему изъ сподвижниковъ фельдмаршала, графу Евдокимову.

Для обезпеченія успѣха этому предпріятію, намѣстникъ просилъ оставить на Кавказѣ временно прикомандированныя къ Кавказской арміи двѣ дивизіи, на что государь согласился, но подъ условіемъ, чтобы войска эти не оставались тамъ долѣе конца 1860 года. Въ собственноручной запискѣ императоръ писалъ по этому поводу: «Сознавая всю важность военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, предпринятыхъ со времени назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ Кавказскою арміею, я не щадилъ ни расходовъ, ни средствъ къ усиленію тамошнихъ войскъ. Блистательные результаты, достигнутые, съ Божіей помощью и благодаря дѣльнымъ распоряженіямъ князя Барятинскаго, въ особенности въ 1859 году, вполнѣ оправдали и, могу по совѣсти сказать, превзошли мои ожиданія». Государь находилъ, что послѣ сдачи Шамиля и изъявленія покорности Мегметъ-Аминемъ позволительно ожидать скораго умиротворенія и всего Западнаго Кавказа, послѣ чего, для упроченія нашего владычества въ краѣ, признавалъ нужнымъ: 1) ввести правильную и справедливую администрацію во всѣхъ покоренныхъ племенахъ; 2) прочно укрѣпить важнѣйшіе стратегическіе пункты: 3) проложить надежные и во всякое время

[1] Высочайшій приказъ 6-го декабря 1859 г.

удобные пути сообщенія. «Для достиженія сихъ важныхъ и необходимыхъ мирныхъ результатовъ», — продолжалъ императоръ, — «нужны также средства и денежныя, и матеріальныя, т. е. руки. Вотъ почему я склоненъ оставить на 1860 годъ на Кавказѣ всѣ войска, временно туда командированныя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я желаю и требую, чтобы князь Барятинскій не терялъ изъ виду, что долѣе нынѣшняго года войска тамъ оставаться не могутъ, а должны быть возвращены на постоянныя свои квартиры». Государь настаивалъ также на постепенномъ приведеніи полковъ Кавказской арміи въ трехъ-баталіонный составъ, на уменьшеніи числа Донскихъ казачьихъ полковъ въ составѣ Кавказской арміи и рѣшительно не соглашался на сформированіе новыхъ отдѣльныхъ частей. «Отдавая полную справедливость князю Барятинскому», — заключалъ императоръ свою записку, — «за дѣльныя его распоряженія какъ по военной части, такъ и по гражданскому управленію Кавказскимъ краемъ, я увѣренъ, что со свѣтлымъ государственнымъ умомъ его онъ не будетъ терять изъ виду, что Кавказъ есть часть Россіи и что Россія въ правѣ отъ него требовать, чтобы при теперешнемъ затруднительномъ нашемъ финансовомъ положеніи онъ, со своей стороны, помогалъ ей уменьшеніемъ, а не увеличеніемъ расходовъ. Виды его на будущее, лично имъ мнѣ сообщенные, обѣщаютъ важные результаты, но дѣло идетъ о теперешнемъ затруднительномъ положеніи государства; слѣдовательно, хотя я и сознаю всю ихъ пользу, но необходимо ихъ отложить до времени, если средства Кавказскаго края недостаточны для покрытія нужныхъ для сего расходовъ, ибо государственное казначейство рѣшительно не можетъ ничего для этого сдѣлать» [1].

«Дороги, мосты, укрѣпленія, просѣки и, главнымъ образомъ, колонизація края казаками», — оправдывался фельдмаршалъ въ отвѣтномъ письмѣ государю, — «условія sine qua non нашего господства въ странѣ: они твердо упрочатъ наше положеніе здѣсь и сдѣлаютъ наше господство постояннымъ... Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и соображеніяхъ я до сихъ поръ руководствовался идеею, удостоившеюся одобренія и вашего величества: оставить несостоятельную систему частныхъ экспедицій, вести постоянную наступательную войну, предѣлъ которой положила бы только полная побѣда и окончательное завоеваніе всего края. Эту войну нельзя прекратить по своему желанію, точно такъ же, какъ нельзя препятствовать непріятельскимъ вторженіямъ, когда руки связаны внѣшней войной. Въ такихъ случаяхъ не задумываются надъ милліонными расходами, и жертва эта часто приносится только для того, чтобы охранить цѣлость естественныхъ границъ страны, тогда какъ теперь намъ остается

[1] Записка императора Александра II, 11-го ноября 1860 г., въ «Русской Старинѣ», 1882 г., XXXVI, стр. 283—288.

только завершить завоеваніе, бо̀льшая часть котораго уже совершена. Настало время оправдать всѣ жертвы, принесенныя Россіею за послѣднее полстолѣтіе; все это потребуетъ только сравнительно незначительныхъ расходовъ и нѣкотораго увеличенія численности войскъ, а взамѣнъ дастъ намъ новые источники обогащенія Россіи и первенствующее положеніе въ Азіи. Сообразуясь съ ходомъ политики, становится болѣе чѣмъ вѣроятно, да и ваше величество также понимаете это, что Востокъ въ скоромъ времени станетъ театромъ, на которомъ будутъ окончательно рѣшаться великіе спорные вопросы, и если къ тому времени Кавказъ не будетъ совершенно покоренъ, а стало быть наши мосты, укрѣпленія и дороги не будутъ окончены, то мы не посмѣемъ располагать ни однимъ человѣкомъ изо всей этой славной арміи, чтобы перейти границу» [1].

Прибывъ въ Закубанскій край, Евдокимовъ съ обычною энергіею принялся за дѣло. Войска его двигались въ направленіи съ сѣверо-запада къ юго-востоку, утверждаясь въ пространствѣ между Кубанью и моремъ. Ими построено нѣсколько укрѣпленій вдоль теченія рѣкъ, впадающихъ въ Кубань, основаны станицы, проложены просѣки и устроены удобные мосты и дороги по пройденному пути [2].

Къ сожалѣнію, тяжкій недугъ не позволилъ фельдмаршалу самому руководить на мѣстѣ военными дѣйствіями. Весною 1861 года онъ вынужденъ былъ оставить ввѣренный ему край и болѣе туда не возвращался. Въ отсутствіе Барятинскаго императоръ Александръ пожелалъ воспользоваться пребываніемъ въ Крыму, чтобы лично удостовѣриться въ положеніи дѣлъ на Западномъ Кавказѣ, и съ этою цѣлью осенью того же года предпринялъ оттуда поѣздку въ Закубанскій край. 11-го сентября онъ высадился на берегъ въ Тамани и, проведя ночь въ Екатеринодарѣ, направился къ войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ горцевъ. Государь посѣтилъ новыя укрѣпленія: Дмитріевское, Григорьевское, Усть-Лабинское и Майкопское, участвовалъ въ рекогносцировкѣ за рѣку Бѣлую и въ лагерѣ Верхне-Абадзехскаго отряда, 18-го сентября принялъ депутацію отъ 60 непокорныхъ горскихъ племенъ. Заявленныя горцами условія для изъявленія покорности не могли быть приняты, и потому имъ объявили, что въ продолженіе мѣсяца они должны окончательно рѣшить: желаютъ они выселиться изъ горъ на указанныя имъ мѣста или переселиться въ Турцію? Оставляя лагерь, государь сказалъ начальствовавшему въ немъ генералу Ольшевскому: «Постарайся до времени не раздражать твоихъ разгнѣванныхъ сосѣдей». 24-го онъ отплылъ на пароходѣ «Тигръ» изъ укрѣпленія Константиновскаго въ Поти, откуда, чрезъ

[1] Князь Барятинскій государю. 18 декабря 1860 г.

[2] Очеркъ дѣятельности военнаго управленія, III, стр. 108.

Абхазію и Мингрелію, проследовалъ въ Кутаисъ, и 29-го возвратился въ Ливадію[1].

Больной наместникъ изъ Дрездена, где проводилъ лето 1861 года, съ напряженнымъ вниманіемъ следилъ за царскимъ путешествіемъ по любимому краю. «По моему расчету»,—писалъ онъ оттуда государю, накануне Александрова дня,—«вы получите это письмо въ то время, когда вступите ногою на Кавказскую землю. Позвольте мнѣ присоединить и мой радостный голосъ къ шумнымъ и горячимъ привѣтствіямъ, несущимся къ вамъ навстречу. У меня сжимается сердце при мысли, что въ эту дорогую для меня торжественную минуту я далеко отъ васъ, вмѣсто того, чтобы въ избыткѣ счастія выйти къ вамъ навстрѣчу. Вы легко поймете, какія чувства я переживаю здѣсь, въ Дрезденѣ. Завтра, въ день вашего тезоименитства, я вознесу къ небу мои горячія молитвы. Мнѣ грустно, что въ этотъ великій день я не буду на Кавказѣ, гдѣ я такъ любилъ чествовать его въ кругу своихъ»[2]. И въ другомъ письмѣ: «Съ чувствомъ глубокаго нетерпѣнія я ожидаю извѣстій о вашемъ пребываніи на Кавказѣ. Молю Бога, чтобы переживаемыя вами впечатлѣнія вознаградили васъ за всѣ понесенныя въ теченіе столь долгаго времени заботы. Получивъ изъ Николаева телеграмму вашего величества, я съ радостью вижу, что до сихъ поръ вы изволите быть совершенно довольны вашимъ пребываніемъ на Кавказѣ, и горячо желаю счастливаго окончанія вашего дальнѣйшаго путешествія»[3].

По возвращеніи императора изъ поѣздки по Западному Кавказу, фельдмаршалъ излилъ свои чувства въ слѣдующихъ строкахъ: «Горю нетерпѣніемъ повергнуть къ стопамъ вашего величества мою признательность, радость и счастіе, однимъ словомъ все, чѣмъ полно мое сердце. Полученные мною цѣлые томы заключаютъ въ себѣ самое точное описаніе вашего пребыванія на Кавказѣ, и мнѣ извѣстны теперь всѣ его мельчайшія подробности. Вы легко себѣ представите, государь, какое живое волненіе я пережилъ при этомъ чтеніи. Позвольте мнѣ сослаться на одну фразу князя Орбеліани, характеризующую произведенное вами на армію впечатлѣніе. Эта фраза показываетъ то довѣріе, съ какимъ войска отнеслись къ вашему чувству, что, по-моему, составляетъ лучшій залогъ истинной преданности. «Можно сказать съ увѣренностію»,—пишетъ князь Орбеліани,—«что государь остался настолько же очарованнымъ своимъ путешествіемъ по Кубанской области, насколько онъ очаровалъ своимъ присутствіемъ и словами Кавказскую армію». Ни у кого нѣтъ этой способности быть до такой степени ласковымъ и такъ умѣть сердечно гово-

[1] Записки генерала Ольшевскаго. Русская Старина 1884 г. т. XLII, стр. 370 и 372.

[2] Князь Барятинскій государю, 29-го августа 1861 г.

[3] Князь Барятинскій государю, 3-го сентября 1861 г.

рить съ людьми, какъ у васъ; офицеры, солдаты, казаки и все грузинское дворянство до сихъ поръ остаются въ восторгѣ отъ всего, что̀ вы имъ говорили: ваши слова проникли имъ въ сердце и, однимъ словомъ, результаты путешествія и вашего появленія въ этой странѣ, среди доблестнаго войска, положительно неизмѣримы. Вѣрьте, государь, что никто не принималъ ихъ какъ награду за свои заслуги, а каждый видѣлъ только въ этомъ доброту вашего величества. Въ довершеніе всѣхъ вашихъ благодѣяній ко мнѣ, вы изволили пить за мое здоровье; я никогда не буду въ состояніи высказать всего, что̀ я перечувствовалъ, когда узналъ объ этой высокой милости. Меня огорчало одно, что я не могъ присутствовать при вашемъ торжествѣ, и я утѣшусь только въ тотъ день, когда буду имѣть счастіе видѣть вашъ слѣдующій пріѣздъ на Кавказъ, вмѣстѣ съ государыней». Пространное и прочувствованное письмо фельдмаршалъ заключалъ такъ: «Я очень радъ, что ваше величество вполнѣ одобряете предложенную Евдокимовымъ систему окончательнаго умиротворенія Западнаго Кавказа. Я рѣшительно надѣюсь, что умиротвореніе лѣваго крыла совершенно закончено; тѣмъ не менѣе, если когда-нибудь чеченцы вздумаютъ возстать, то, по моему мнѣнію, тутъ никакого несчастія для насъ не будетъ. Мы можемъ приняться тамъ за ту же систему колонизаціи казаками, и это обстоятельство навѣрное послужитъ къ полнѣйшему успѣху. Я вамъ говорю объ этой случайности не потому, чтобы я ее предвидѣлъ; но, зная буйный, лѣнивый, воинственный и фанатичный характеръ чеченцевъ, необходимо всегда быть готовымъ къ встрѣчѣ непредвидѣнныхъ случайностей. Прежде чѣмъ окончить это письмо, я долженъ еще разъ обратить ваше особенное вниманіе на два важные пункта, крайне необходимые для нашего первенства на Востокѣ и для развитія нашихъ средствъ на Кавказѣ. Я подразумѣваю здѣсь установленіе навигаціи на Каспійскомъ морѣ и постройку желѣзной дороги между этимъ моремъ и Чернымъ. Вотъ краеугольные камни зданія цивилизаціи, которая вполнѣ оправдаетъ какъ ваши, государь, усилія, такъ и усилія всѣхъ вашихъ предшественниковъ. Еще разъ усиленно и почтительно прошу ваше величество, если понадобится, то идти наперекоръ всѣмъ и не переставать покровительствовать этимъ двумъ задачамъ, выполненіе которыхъ необходимо для совершеннаго успѣха» [1].

Надеждамъ Барятинскаго на выздоровленіе не суждено было сбыться. Состояніе здоровья фельдмаршала, воспрепятствовавшее ему сопутствовать государю во время поѣздки по Кавказу, продолжало ухудшаться. Мучительные припадки подагры надолго приковали его къ постели, и самъ онъ возбудилъ предъ государемъ вопросъ о назначеніи ему преемника. Въ декабрѣ 1862 года императоръ послалъ къ нему въ Вильну, гдѣ

[1] Князь Барятинскій государю, 10-го октября 1861 г.

лежалъ больной князь, ближайшее къ себѣ лицо, графа А. В. Адлерберга, съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ предлагалъ три вопроса: позволитъ ли ему состояніе здоровья возвратиться въ теченіе предстоящей зимы на Кавказъ и въ какое время? Если окажется необходимымъ Барятинскому провести за границей еще одну зиму и лѣтомъ курсъ лѣченія на водахъ, то можно ли разсчитывать на его возвращеніе къ осени 1863 года? Наконецъ, кого желалъ бы онъ видѣть своимъ преемникомъ, въ случаѣ, если бы возвращеніе его на Кавказъ оказалось невозможнымъ? Фельдмаршалъ отвѣчалъ государю, что если когда-нибудь Господь возвратитъ ему здоровье, то онъ будетъ благодарить Бога за счастье отдать всю жизнь въ распоряженіе возлюбленнаго монарха, но что въ настоящее время постоянные возвраты болѣзни совершенно лишаютъ его надежды посвятить дѣлу необходимое вниманіе и усердіе, бывшее его обычными спутниками въ царской службѣ. Въ виду приговора врачей, не только не дозволявшихъ и помышлять о возвращеніи въ Тифлисъ, но и не считавшихъ возможнымъ опредѣлить продолжительность лѣченія, князь Барятинскій находилъ неудобнымъ временное замѣщеніе и указывалъ государю на младшаго брата его, великаго князя Михаила Николаевича, назначеніе котораго намѣстникомъ, утверждалъ онъ, послужитъ высокимъ доказательствомъ монаршаго благоволенія къ краю и къ арміи [1].

Мѣсяцъ спустя государь подписалъ въ Москвѣ указъ сенату о назначеніи великаго князя Михаила Николаевича намѣстникомъ Кавказскимъ и командующимъ Кавказскою арміею, «по особому довѣрію» предоставивъ брату по этимъ должностямъ всѣ тѣ права, коими пользовался его предмѣстникъ, и въ тотъ же день пожаловалъ князю Барятинскому алмазные знаки Андреевскаго ордена, при милостивомъ рескриптѣ, въ которомъ еще разъ воздалъ заслуженную хвалу его плодотворной дѣятельности на Кавказѣ. «Получивъ прискорбное извѣстіе»,—писалъ императоръ,—«что тяжкая болѣзнь, посѣтившая васъ, вслѣдствіе неутомимыхъ боевыхъ трудовъ, понесенныхъ вами, въ особенности въ блистательную кампанію 1859 года, не дозволяетъ вамъ болѣе продолжать достохвальное служеніе ваше на Кавказѣ, я, согласно просьбѣ вашей, но съ искреннимъ сожалѣніемъ, всемилостивѣйше увольняю васъ отъ должностей намѣстника моего на Кавказѣ и главнокомандующаго Кавказскою арміею. Возложивъ въ 1856 году на васъ эти важныя обязанности, я былъ увѣренъ, что вы, при пламенномъ усердіи къ пользѣ и славѣ отечества, коимъ постоянно отличалась служебная ваша дѣятельность, преодолѣете предстоящіе обширные труды къ исполненію моихъ предначертаній. Вы вполнѣ оправдали мое довѣріе: шестилѣтнее управленіе вами Кавказомъ

[1] Князь Барятинскій государю, 4-го ноября 1862 г.

было ознаменовано многими важными административными преобразованіями и значительными улучшеніями, упрочившими благоустройство края и благосостояніе жителей, а славное командованіе ваше арміею, въ отличномъ состояніи которой я лично удостовѣрился въ 1861 году, при посѣщеніи моемъ Кубанской области и западной части Кавказскаго края, увѣнчалось, послѣ ряда блестящихъ побѣдъ и подвиговъ, уничтоженіемъ власти Шамиля и покореніемъ страны, въ коей онъ столь долго непріязненно противъ насъ владычествовалъ. Подвиги храброй Кавказской арміи подъ вашимъ личнымъ предводительствомъ и устройство Кавказскаго края во время вашего управленія останутся навсегда въ памяти потомства. Отдавая полную справедливость блистательнымъ заслугамъ вашимъ, я поставляю себѣ въ особенное душевное удовольствіе выразить вамъ искреннюю мою признательность и чувства сердечнаго благоволенія [1].

Всею душою привязанный къ Кавказскому краю, князь Барятинскій и по оставленіи должности намѣстника, не былъ безучастнымъ къ его судьбѣ. Доказательствомъ тому служитъ письмо его къ августѣйшему его преемнику, въ которомъ онъ счелъ долгомъ подѣлиться съ нимъ богатымъ запасомъ своей опытности, какъ администратора, такъ и военачальника. «По-моему»,—писалъ онъ великому князю Михаилу Николаевичу,—«главная ошибка, даже иногда и правительственныхъ лицъ, заключается въ безсознательной непріязни къ чужой народности и въ невольной наклонности къ насильственному порабощенію ея собственнымъ привычкамъ и обычаямъ. Послѣдствія такого вліянія такъ сильны, что, проникая въ низшіе слои чиновничества, нерѣдко даже отражаются на мелочахъ обыкновенныхъ сношеній, въ быту обыденной жизни и одинаково оскорбляютъ чувства всѣхъ сословій, отъ мала до велика, отъ богатаго до бѣднаго. Спрашивается: можетъ ли такой нравственный гнетъ породить привязанность и любовь народа къ правительству?» Въ силу этихъ соображеній, фельдмаршалъ поставилъ себѣ правиломъ «какъ можно болѣе привязать край къ правительству, управляя каждой народностью съ любовію и съ полнымъ почтеніемъ къ завѣтнымъ обычаямъ и преданіямъ».—«Администраторъ»,—разсуждалъ онъ,—«имѣетъ право, по моему мнѣнію, только подготовить почву и указывать на путь, ведущій къ улучшеніямъ, но долженъ предоставить каждой отдѣльной народности, чтобы она приносила общему государственному усовершенствованію свою долю участія, согласно условіямъ своей особенности». Барятинскій совѣтовалъ обратить нарочитое вниманіе на воспитаніе туземныхъ женщинъ, размножить въ краѣ женскія училища. Усматривая въ мусульманскомъ духовенствѣ главное препятствіе къ перерожденію нравовъ въ мѣстномъ населеніи,

[1] Высочайшій рескриптъ князю Барятинскому, 6-го декабря 1862 г.

онъ заботился объ уменьшеніи вліянія духовныхъ лицъ на народъ и съ этою цѣлью возстановилъ ханскую власть, какъ враждебную теократическому началу. Но, съ другой стороны, признавая, «что безъ элемента духовнаго нигдѣ не можетъ обходиться человѣчество»,—князь основалъ общество возстановленія христіанства на Кавказѣ, назначеніемъ котораго было возвысить значеніе православнаго духовенства и привлечь примѣромъ и проповѣдью отпадающихъ отъ ислама мусульманъ. Фельдмаршалъ распространялся о матеріальныхъ способахъ къ возрожденію Кавказа: «Размножайте въ краѣ, по возможности, пути сообщенія и рынки, край будетъ всегда въ вашей власти, торговля процвѣтетъ и съ нею—общественное благосостояніе. Не менѣе важно преобразовать почву въ источникъ неисчерпаемаго богатства края. Палящее знойное солнце Кавказа тогда только принесетъ благодатное дѣйствіе, когда предположенная система орошенія окончательно осуществится; тогда цѣлыя толпы трудолюбивыхъ переселенцевъ наполнятъ рынки государства нашего и всей Европы произведеніями своего труда, между которыми будутъ и неизвѣстныя дотолѣ въ производительности нашей имперіи». То, что Барятинскій называлъ «краеугольнымъ камнемъ благоустройства Кавказа», онъ перечислялъ такъ: 1) воспитаніе женщинъ; 2) уничтоженіе шаріата; 3) возстановленіе христіанства; 4) пути сообщенія; 5) орошеніе и 6) колонизація. Переходя къ системѣ военныхъ дѣйствій, онъ выразилъ мнѣніе, что временныя экспедиціи, предпринимавшіяся до него, не приносили иной пользы, какъ служа школою для офицеровъ и средствомъ къ повышенію на службѣ; къ умиротворенію края онѣ не приводили. «Непріятель»,—пояснялъ фельдмаршалъ,—«зная, на сколько времени приготовлено у насъ фуражу и провіанта, оставлялъ на такое же время свои жилища, а остальное проводилъ дома, въ хозяйственныхъ занятіяхъ. Преимущество постоянныхъ войскъ на Кавказѣ, казалось мнѣ, заключается именно въ томъ, чтобы вести войну постоянно, до разрѣшенія задачи. Впрочемъ, умиротвореніе Восточнаго Кавказа служитъ лучшимъ подтвержденіемъ предпринятой мною системы и сдѣлалось именно вслѣдствіе моего рѣшенія: не оставлять поля до окончательнаго изнеможенія жизненныхъ силъ непріятеля». Барятинскій признавалъ, что условія Западнаго Кавказа тѣмъ отличаются отъ Восточнаго, что въ первомъ мы не боремся съ устроеннымъ обществомъ и административною іерархіею: «Черкесскія племена не покоряются никакимъ общественнымъ законамъ; у нихъ лишь святы личная независимость, честь и храбрость; имѣть дѣло съ ними значитъ—имѣть дѣло отдѣльно съ каждымъ лицомъ. Вотъ почему отрѣзать ихъ отъ моря и вытѣснить въ нѣдра западнаго хребта составляетъ sine qua non покоренія и затѣмъ усиленная колонизація Закубанскихъ земель довершаетъ всю прочность его». Облегченіемъ этой развязки князь считалъ выселеніе кавказскихъ горцевъ въ Турцію, подъ руководствомъ

Шамиля, съ предоставленіемъ ему самому права выселиться туда. Находя, что соображенія для военныхъ дѣйствій въ Кубанской области сводятся къ постоянной войнѣ и къ усиленной казачьей колонизаціи, фельдмаршалъ такъ заключилъ письмо къ своему преемнику: «Вашему императорскому высочеству выпадаетъ славный жребій нанести конечный ударъ сопротивленію западныхъ горцевъ. Тогда вамъ останется осчастливить цѣлый край, оживленный новою жизнью, дарами мира и просвѣщенія. Молю Всевышняго, чтобы онъ благословилъ ваши дѣйствія и чтобы вашимъ высокимъ именемъ началась для Кавказа, послѣ 15 вѣковъ истязаній и шестидесятилѣтней трудной войны, эпоха благоденствія и гражданскаго развитія» [1].

6-го февраля 1863 года великій князь Михаилъ Николаевичъ выѣхалъ изъ Петербурга и 14-го вступилъ въ Ставрополѣ на кавказскую землю, откуда и отдалъ первый свой приказъ: «Храбрыя войска Кавказской арміи, привѣтствую васъ поклономъ отъ государя императора и царскимъ спасибо за вашу молодецкую и многотрудную службу. Привѣтствую васъ отъ имени бывшаго вождя вашего, генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, который душевно скорбитъ, что тяжкая болѣзнь вынудила его разстаться съ вами, и чрезъ меня искренно благодаритъ васъ, своихъ сподвижниковъ, за примѣрное служеніе царю и отечеству. Почитаю себя счастливымъ, что поставленъ во главѣ Кавказской арміи и горжусь этимъ мѣстомъ, прославленнымъ моими знаменитыми предшественниками. Призываю Бога на помощь, да благословитъ Онъ оружіе наше, да увѣнчаетъ скорымъ успѣхомъ усилія наши въ водворенію мира и спокойствія въ остающейся еще непокоренною части Кавказа. Увѣренъ, что подъ начальствомъ моимъ вы сохраните всегдашнія ваши доблести и дадите мнѣ право свидѣтельствовать о нихъ предъ высокимъ и милостивымъ цѣнителемъ заслугъ высокимъ государемъ нашимъ».

Изъ Ставрополя великій князь-намѣстникъ отправился къ войскамъ, дѣйствовавшимъ за Кубанью противъ непокорныхъ горцевъ, объѣхалъ всѣ воздвигнутыя тамъ укрѣпленія и былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ стычекъ съ непріятелемъ, за участіе въ которыхъ получилъ золотую саблю «за храбрость». 16-го марта состоялся торжественный въѣздъ его въ Тифлисъ, куда, ровно мѣсяцъ спустя, 16-го апрѣля, прибыла и супруга его великая княгиня Ольга Θеодоровна.

Въ продолженіе всего 1863 года происходили военныя дѣйствія въ узкомъ пространствѣ, ограниченномъ восточнымъ берегомъ Чернаго моря и южнымъ скатомъ главнаго хребта, долиною Адезби и Абхазіей. Къ концу лѣта вся Кубанская область покорилась русскому владычеству и для окончательнаго усмиренія Кавказа оставалось только покорить племена

[1] Князь Барятинскій великому князю Михаилу Николаевичу, декабрь 1862 г.

шапсуговъ и убыховъ. Задача эта успѣшно разрѣшена весною слѣдующаго 1864 года.

Въ половинѣ апрѣля мѣстности, населенныя этими племенами, были заняты нашими войсками, о чемъ великій князь-намѣстникъ и донесъ государю ко дню его рожденія. «Лучшаго подарка получить не могъ»,— отвѣчалъ императоръ по телеграфу,—«спасибо отъ души тебѣ, графу Евдокимову и славнымъ нашимъ войскамъ». Два дня спустя къ намѣстнику кавказскому отправленъ слѣдующій лестный рескриптъ: «Ваше императорское высочество, назначивъ васъ намѣстникомъ моимъ на Кавказѣ и командующимъ Кавказскою арміею, я возложилъ на васъ многотрудную обязанность довершить великое дѣло умиротворенія сего края, а вмѣстѣ съ тѣмъ вести всѣ отрасли мѣстной администраціи и народнаго благосостоянія къ желаемому развитію. Едва прошелъ годъ со времени вашего назначенія и, къ сердечной моей радости, уже достигнуты вами замѣчательные успѣхи. Разнообразныя части гражданскаго управленія, съ прибытіемъ вашимъ въ край, воспріяли новую жизнь; многія важныя дѣла получили движеніе, но въ особенности мнѣ пріятно было слѣдить за блестящими успѣхами военныхъ мѣръ, принятыхъ для окончательнаго водворенія русской власти въ тѣхъ частяхъ Кавказа, въ которыхъ оставалось еще непокорное горское населеніе. Послѣ покоренія всей восточной половины Кавказа предмѣстникомъ вашимъ фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ, вамъ предстояло привести къ концу начатое имъ завоеваніе другой, западной половины. Неутомимые труды храбрыхъ войскъ кавказскихъ, подъ предводительствомъ генералъ-адъютанта графа Евдокимова, увѣнчались полнымъ успѣхомъ и съ Божіею помощью занятіе всего кавказскаго берега Чернаго моря совершилось нынѣ ранѣе, чѣмъ можно было ожидать. Остатки непокорныхъ племенъ окончательно отказались отъ дальнѣйшаго сопротивленія; богатый Закубанскій и прибрежный край быстро заселяется казаками и, такимъ образомъ, настаетъ столь желанный конецъ кровопролитной вѣковой борьбѣ. Изъявляя вашему императорскому высочеству душевную мою признательность за ваше ревностное и полезное служеніе отечеству, я возлагаю на васъ званіе главнокомандующаго Кавказскою арміею и поручаю вамъ отъ моего имени благодарить доблестныя войска, подъ вашимъ начальствомъ состоящія, за ихъ постоянные неутомимые труды, за мужество и храбрость въ бояхъ и за неизмѣнную преданность ихъ престолу, отечеству и долгу службы. Искренно васъ любящій братъ и другъ Александръ» [1].

Едва дошло до великаго князя милостивое царское слово, какъ онъ уже телеграфировалъ государю изъ лагеря въ Ачипсхоу: «Имѣю счастіе поздравить ваше величество съ окончаніемъ славной Кавказской войны.

[1] Государь великому князю Михаилу Николаевичу, 19-го апрѣля 1864 г.

Отнынѣ не осталось болѣе на Кавказѣ ни одного непокорнаго племени. Вчера сосредоточились здѣсь отряды: генералъ-лейтенанта князя Мирскаго и генералъ-майоровъ: Шатилова, Геймана и Граббе и сегодня, при общемъ сборѣ, совершенъ благодарственный молебенъ. Здоровье войскъ весьма удовлетворительно и они находятся въ самомъ блестящемъ видѣ»[1].

Отвѣтомъ на эту телеграмму была высочайшая грамота на имя августѣйшаго намѣстника и главнокомандующаго Кавказскою арміею: «Извѣстіе о покореніи Западнаго Кавказа, полагающемъ конецъ долговременной кровопролитной войнѣ, поглощавшей столько средствъ и усилій, преисполнило сердце наше живѣйшею и душевнѣйшею радостью. Воздавъ благодареніе Всемогущему Богу, ниспославшему на насъ Свое благословеніе, увѣнчавшее нашу храбрую Кавказскую армію новою неувядаемою славою, поспѣшаемъ выразить вашему императорскому высочеству, достойному ея предводителю, и въ лицѣ вашемъ—всѣмъ доблестнымъ сослуживцамъ вашимъ нашу искреннюю, сердечную благодарность. Блистательнымъ подвигомъ, коимъ достигнута благая цѣль полуторавѣковыхъ усилій, стяжали вы и подчиненныя вамъ войска признательность любезнаго нашего отечества, славѣ и преуспѣянію коего посвящаются всѣ наши заботы. Да благословитъ васъ Всевышній и на будущее время въ трудахъ и попеченіяхъ вашихъ объ устройствѣ и процвѣтаніи покореннаго нынѣ края. Да увѣнчается новый успѣхъ нашего оружія водвореніемъ прочнаго порядка и благоустройства на всемъ протяженіи владѣній нашихъ, довѣріемъ нашимъ управленію вашему ввѣренныхъ. Въ справедливомъ же вниманіи къ высокимъ заслугамъ вашимъ, мы жалуемъ ваше императорское высочество кавалеромъ императорскаго ордена нашего св. великомученика и побѣдоносца Георгія второй степени»[2].

Той же награды удостоился и ближайшій сотрудникъ великаго князя по покоренію Западнаго Кавказа генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ. Всѣ прочіе вожди Кавказской арміи получили почетныя отличія. Не забытъ и первоначальникъ великаго дѣла, князь Барятинскій, жалуя которому золотую, алмазами украшенную шпагу, съ надписью: «Въ память покоренія Кавказа», государь писалъ: «Получивъ отъ любезнѣйшаго моего брата, его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича, донесеніе объ окончательномъ покореніи Западнаго Кавказа, я спѣшу подѣлиться съ вами симъ радостнымъ извѣстіемъ, ибо вамъ принадлежитъ бо́льшая доля участія въ семъ важномъ событіи, оканчивающемъ долголѣтнюю кровопролитную войну, стоившую въ продол-

[1] Великій князь Михаилъ Николаевичъ государю, 25-го мая 1864 г.

[2] Высочайшая грамота великому князю Михаилу Николаевичу, 15-го іюня 1864 г.

женіе полуторараста лѣтъ великихъ жертвъ и усилій. Управляя Кавказскимъ краемъ, въ качествѣ моего намѣстника, и командуя славною Кавказскою арміею въ 1859 году, распоряженіями вашими и личнымъ присутствіемъ при исполненіи принятыхъ по соображеніямъ вашимъ мѣръ водворили вы порядокъ и спокойствіе въ Дагестанѣ и Чечнѣ и тогда же приступили къ предположеніямъ объ умиротвореніи прочихъ непокорныхъ намъ частей Кавказскаго края. Принятая вами система дѣйствій, слѣдуемая преемникомъ вашимъ, любезнѣйшимъ моимъ братомъ его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, несомнѣнно положила основаніе тѣмъ успѣхамъ, плоды которыхъ нынѣ столь блистательно достигнуты. Въ настоящее время, когда война кавказская окончена и на всемъ пространствѣ Кавказа не осталось ни одного непокорнаго племени, я съ особеннымъ удовольствіемъ выражаю вамъ мою душевную признательность за высокія заслуги ваши по управленію краемъ и командованію арміею, съ коими вы разстались лишь удрученные недугомъ, въ боевой службѣ пріобрѣтеннымъ, но съ коими имя ваше неразрывно связано» [1].

Какое важное значеніе императоръ Александръ придавалъ имъ самимъ задуманному и осуществленному согласно его предначертаніямъ покоренію и умиротворенію Кавказа, видно изъ рескрипта великому князю-намѣстнику, коимъ государь установилъ въ память этого великаго событія крестъ, пожалованный всѣмъ участникамъ славной Кавказской войны, независимо отъ медали, дарованной войскамъ, дѣйствовавшимъ въ Западномъ Кавказѣ съ 1859 по 1864 годъ. «Рядъ блистательныхъ подвиговъ»,—гласитъ рескриптъ,—«совершенныхъ славными кавказскими войсками, подъ предводительствомъ многихъ доблестныхъ вождей, ознаменовалъ многолѣтнюю кровавую борьбу, поднятую для огражденія нашихъ владѣній, сопредѣльныхъ съ Кавказскимъ краемъ, отъ набѣговъ хищниковъ, для защиты отъ порабощенія мусульманами единовѣрныхъ намъ народовъ, добровольно вручившихъ свои судьбы подъ покровительство Россіи и для умиротворенія края, представлявшаго издревле постоянное зрѣлище междоусобій, грабежей и разбоевъ. На долю вашего императорскаго высочества выпалъ завидный жребій завершить начатое полтора вѣка тому назадъ дѣло покоренія Западнаго Кавказа и впервые возвѣстить русскому народу, что отнынѣ не осталось болѣе на Кавказѣ ни одного непокорнаго племени». Сообщивъ великому князю объ установленіи помянутыхъ выше креста и медали, государь извѣщалъ его о сокращеніи срока службы нижнимъ чинамъ Кавказской арміи съ 20-ти до 15-ти лѣтъ, а казакамъ войскъ Кубанскаго и Терскаго для полевой службы—до 15-ти и для внутренней—до 7-ми лѣтъ. О всѣхъ этихъ монаршихъ милостяхъ

[1] Высочайшій рескриптъ князю Барятинскому 15 іюня 1864 г.

императоръ поручилъ своему намѣстнику объявить ввѣреннымъ ему «храбрымъ войскамъ Кавказской арміи, стяжавшимъ себѣ вѣчную славу и признательность нашего любезнаго отечества за совершенное ими великое дѣло—умиротвореніе всего Кавказскаго края и покореніе его державѣ русской»[1].

[1] Государь великому князю Михаилу Николаевичу, іюль, 1864 г. — О присоединеніи Амурскаго края см. капитальный трудъ И. П. Барсукова: «Графъ Н. Н. Муравьевъ Амурскій», два тома, Москва, 1891 г., а о покореніи Кавказа — А. Л. Зиновьева: «Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій». Москва, 1890 г.

Шествіе Императора Александра II для коронованія въ Успенскій соборъ.

(Съ литографіи Тимма.)

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ

1856   1866

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Освобожденіе крестьянъ.

1856 — 1861.

Рѣшимость государя упразднить крѣпостное право. — Отмѣна инвентарей въ Сѣверо-Западномъ краѣ. — Довѣріе и расположеніе къ дворянству. — Рѣчь къ московскимъ дворянамъ. — Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского объ отставныхъ солдатахъ и ратникахъ ополченія. — Записки Ланского о постепенномъ стремленіи къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ. — Историческая записка Левшина. — Переговоры Ланского съ предводителями дворянства въ Москвѣ. — Негласный Комитетъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. — Рѣчь государя при его открытіи. — Основанія реформы. — Комиссія для разсмотрѣнія проектовъ преобразованія. — Слова государя графу П. Д. Киселеву. — Мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. — Назначеніе великаго князя Константина Николаевича членомъ Негласнаго Комитета и оживленіе его дѣятельности. — Предположенія Комитета. — Вопросы, предложенные на обсужденіе Комитета. — Прошеніе дворянъ трехъ сѣверо-западныхъ губерній. — Высочайшій рескриптъ виленскому, гродненскому и ковенскому генералъ-губернатору съ изложеніемъ главныхъ основаній крестьянской реформы. — Пояснительное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ. — Рескриптъ С.-Петербургскому генералъ-губернатору. — Слова государя петербургскимъ дворянамъ. — Обнародованіе рескриптовъ. — Обѣдъ писателей въ Москвѣ. — Адресы нижегородскаго и московскаго дворянства и рескрипты нижегородскому губернатору и московскому генералъ-губернатору. — Открытіе комитетовъ въ 44 губерніяхъ. — Образованіе Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. — Настроеніе его членовъ. — Новые циркуляры. — «Планъ работъ», составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не утвержденный Комитетомъ. — Программа для губернскихъ комитетовъ, составленная Ростовцовымъ. — Ограниченіе права обсуждать въ печати вопросы, связанные съ крестьянскою реформой. — Проекты уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ сельскаго управленія, преобразованія земской полиціи и назначенія временныхъ генералъ-губернаторовъ. — Комиссія при Главномъ Комитетѣ для разсмотрѣнія проектовъ положеній, составленныхъ губернскими комитетами. — Сравненіе пахатныхъ солдатъ и крестьянъ удѣльныхъ, государевыхъ и дворцовыхъ съ государственными крестьянами и Комиссія объ устройствѣ быта фабричныхъ и горнозаводскихъ крестьянъ. — Частныя мѣры противъ злоупотребленій помѣщичьею властью. — Волненія въ крестьянской средѣ. — Разрѣшеніе Высочайшею властью несогласій въ средѣ нижегородскаго губернскаго комитета. — Возраженіе министра внутреннихъ дѣлъ на проектъ о назначеніи временныхъ гене-

ралъ-губернаторовъ. — Замѣчанія на него государя. — Поѣздка государя по Россіи. — Рѣчи его дворянамъ въ Вологдѣ, Твери, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Владимірѣ, Москвѣ, Смоленскѣ, Вильнѣ. — Письма Ростовцова государю изъ Вильдбада, Карлсруэ и Дрездена. — Обсужденіе ихъ въ высочайшемъ присутствіи въ Главномъ Комитетѣ. — Правила, преподанныя государемъ Комитету. — Составъ губернскихъ комитетовъ. — Образованіе редакціонныхъ комиссій подъ предсѣдательствомъ и главнымъ начальствомъ Ростовцова. — Назначеніе Н. А. Милютина и. д. товарища министра внутреннихъ дѣлъ. — Вызовъ въ Петербургъ Ю. Ѳ. Самарина. — Составъ редакціонныхъ комиссій. — Открытіе засѣданій комиссій. — Пріемъ ихъ государемъ. — Разногласіе между большинствомъ и меньшинствомъ разрѣшены императоромъ. — Вызовъ въ Петербургъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ. — Пріемъ государемъ депутатовъ перваго призыва. — Рѣчь государя харьковскимъ дворянамъ. — Разногласіе между депутатами и редакціонными комиссіями. — Три всеподданнѣйшіе адреса. — Замѣчанія государя на записку Безобразова. — Рѣчь дворянамъ въ Псковѣ. — Болѣзнь Ростовцова. — Кончина его. — Представленіе государю посмертной его записки. — Назначеніе графа Панина предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій. — Пріемъ государемъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ второго призыва. — Представленія графа Панина. — Закрытіе редакціонныхъ комиссій и пріемъ членовъ ихъ государемъ. — Назначеніе великаго князя Константина Николаевича предсѣдателемъ Главнаго Комитета. — Обсужденіе проектовъ въ Главномъ Комитетѣ. — Внесеніе ихъ въ Государственный Совѣтъ. — Рѣчь государя въ засѣданіи 28-го января 1861 г. — Журналъ этого засѣданія. — Подписаніе государемъ Положеній 19-го февраля объ освобожденіи крестьянъ. — Высочайшій манифестъ о волѣ. — Государь читаетъ его самъ въ Михайловскомъ манежѣ, 5-го марта. — Обнародованіе манифеста. — Рескрипты великому князю Константину Николаевичу, Ланскому, Панину и вдовѣ Ростовцова.

Крымская война обнаружила неудовлетворительное состояніе многихъ отраслей государственнаго управленія, улучшеніе которыхъ императоръ Александръ II считалъ своею ближайшею задачею, какъ можно заключить изъ собственноручной его надписи на отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за первый годъ царствованія: «Читалъ съ большимъ любопытствомъ и благодарю въ особенности за откровенное изложеніе всѣхъ недостатковъ, которые, съ Божіею помощью и при общемъ усердіи, надѣюсь, съ каждымъ годомъ будутъ исправляться».

Великимъ общественнымъ зломъ представлялось молодому государю крѣпостное право, объ упраздненіи котораго уже неоднократно помышляли предшественники его, давно мечтали всѣ лучшіе русскіе умы. Съ перваго дня воцаренія Александръ Николаевичъ твердо рѣшился осуществить благія намѣренія императрицы Екатерины II, императоровъ Александра I и Николая I, совершить то, предъ чѣмъ отступили они, въ виду трудностей, съ которыми сопряжено было проведеніе въ жизнь законодательной мѣры, затрогивающей и видоизмѣняющей всѣ стороны государственнаго и бытового строя Россіи. Приступить къ ней полагалъ онъ не иначе, какъ съ согласія и при дѣятельномъ участіи дворянства, не сомнѣваясь въ готовности его поступиться правомъ владѣнія душами и

добровольно принести эту жертву пользамъ и достоинству отечества. Таково значеніе перваго обращенія его къ петербургскимъ дворянамъ, на другой же день по вступленіи на престолъ, когда, принимая ихъ депутацію, онъ выразилъ надежду, что «дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ слова настоящимъ благороднымъ сословіемъ, въ началѣ всего добра».

Милостивое расположеніе свое къ дворянству императоръ Александръ проявилъ вскорѣ по слѣдующему поводу. Въ послѣдніе годы царствованія Николая I-го министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковъ, настоялъ на распространеніи на Сѣверо-Западной край инвентарныхъ правилъ, опредѣлявшихъ взаимныя отношенія крѣпостныхъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ, въ томъ видѣ, въ какомъ правила эти были введены имъ въ краѣ Юго-Западномъ, въ бытность его генералъ-губернаторомъ Кіевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ, не взирая на возраженія противъ этой мѣры, предъявленныя цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ Западномъ Комитетѣ, членомъ коего онъ состоялъ. Распоряженіе это возбудило крайнее неудовольствіе помѣщиковъ-поляковъ, которые тотчасъ по воцареніи Александра II прислали въ Петербургъ депутацію, чтобы ходатайствовать объ его отмѣнѣ. Государь уважилъ ихъ просьбу, и 14-го мая 1855 года состоялось высочайшее повелѣніе объ уничтоженіи прежнихъ инвентарей и о замѣнѣ ихъ другими, составленными по новымъ правиламъ, которыя имѣли быть изданы по разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ связи съ этою мѣрою было увольненіе Бибикова и назначеніе министромъ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланского, который въ первомъ циркулярѣ къ губернскимъ предводителямъ дворянства, предварительно представленномъ на просмотръ государя и удостоившемся его утвержденія, увѣдомляя о своемъ назначеніи, заявилъ, что гордится тѣмъ, что съ званіемъ министра внутреннихъ дѣлъ сопряжена высокая обязанность быть представителемъ у престола его императорскаго величества доблестнаго россійскаго дворянства, издревле знаменитаго своею преданностію къ царственному дому, пламенной любовью къ отечеству и нынѣ, во время такихъ испытаній, одушевленнаго тѣми же возвышенными чувствами. «Всемилостивѣйшій государь нашъ, — продолжалъ министръ, — повелѣлъ мнѣ ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству. Считаю себя счастливымъ передать о столь высокой милости государя въ лицѣ вашемъ всему (имя губерніи) дворянству и вмѣстѣ съ тѣмъ съ особенно утѣшительнымъ для меня чувствомъ удостовѣряю, что по собственному, глубоко въ сердцѣ моемъ вкоренившемуся убѣжденію, я всегда почиталъ дворянское сословіе вѣрнымъ сподвижникомъ державной власти и твердою опорою отечества» [1].

[1] Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернскимъ предводителямъ дворянства, 28-го августа 1855 г.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Между тѣмъ съ первыхъ дней царствованія смутные толки о желаніи новаго государя освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости стали распространяться какъ въ обществѣ, среди помѣщиковъ, такъ и между крестьянами, возбуждая въ тѣхъ и въ другихъ волненіе, настолько сильное, что императоръ Александръ призналъ необходимымъ, при первомъ представившемся случаѣ, разъяснить дворянамъ истинный смыслъ своихъ намѣреній. Вскорѣ по заключеніи Парижскаго мира, 30-го марта 1856 г., императоръ воспользовался кратковременнымъ пребываніемъ въ Москвѣ, чтобы, принимая представителей дворянства Московской губерніи, обратиться къ нимъ со слѣдующими словами: «Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить всѣмъ вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это сейчасъ. Но, конечно, и сами вы понимаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу. Прошу васъ, господа, обдумать, какъ бы привести все это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянамъ, для соображенія» [1].

Въ царской рѣчи къ московскимъ дворянамъ ясно высказаны какъ личный взглядъ государя на крѣпостное право, такъ и желаніе, чтобы дворянство взяло на себя почпнъ въ дѣлѣ его уничтоженія. Необходимымъ условіемъ успѣха считалъ императоръ, чтобы нигдѣ не былъ нарушенъ законный порядокъ и чтобы, впредь до изданія новыхъ законоположеній, помѣщичьи крестьяне не выражали нетерпѣнія и оставались въ полномъ повиновеніи у своихъ господъ. Вотъ почему въ циркулярѣ къ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, служившимъ какъ бы поясненіемъ высочайшаго манифеста о заключеніи мира, министръ внутреннихъ дѣлъ, пригласивъ дворянъ оказать содѣйствіе къ призрѣнію отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, которые по оставленіи службы возвратились бы на родину и поселились на ихъ земляхъ, выражалъ такую надежду: «Узнавъ въ военной службѣ на опытѣ, что одна лишь строгая подчиненность поддерживаетъ порядокъ, столь необходимый для общественнаго спокойствія, сіи заслуженные воины неукоризненнымъ поведеніемъ своимъ подадутъ добрый примѣръ служившимъ въ государственномъ ополченіи ратникамъ, возвращающимся нынѣ въ первобытное свое состояніе и къ прежнимъ ихъ занятіямъ, а также своимъ односельцамъ крестьянамъ, которымъ постоянно должно быть внушаемо,

[1] Рѣчь государя московскимъ дворянамъ, 30-го марта 1856 г., по тексту, приведенному въ Запискахъ сенатора Соловьева, «Русская Старина», 1881 г., т. XXVII, стр. 228—229.

что мирныя ихъ занятія и исполненіе общественныхъ повинностей равномѣрно приноситъ пользу государству; но что малѣйшее отклоненіе отъ законнаго порядка и отъ повиновенія помѣщичьей власти подвергнетъ ихъ гнѣву государя и будетъ преслѣдуемо со всею строгостью» [1].

О задуманномъ имъ преобразованіи императоръ Александръ совѣщался съ ближайшими къ нему государственными людьми, преимущественно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ, представившимъ ему, скоро по возвращеніи изъ Москвы, записку «о постепенномъ стремленіи къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ». Поводомъ къ этому докладу послужило внесеніе министромъ въ Государственный Совѣтъ представленія объ ограниченіи раздробленія дворянскихъ населенныхъ имѣній. Считая дѣло это тѣсно связаннымъ съ общимъ крестьянскимъ вопросомъ, вполнѣ сочувствовавшій видамъ государя, Ланской предлагалъ начертать послѣдовательный планъ дѣйствій, не упуская ни одного случая, могущаго прямо или косвенно содѣйствовать осуществленію царскаго замысла. «Дозвольте, всемилостивѣйшій государь»,—писалъ онъ въ заключеніе доклада,—«выразить откровенно мысль, которая, по разумѣнію моему, должна служить основою столь великаго и важнаго дѣла: начавъ его, нельзя ни останавливаться, ни слишкомъ быстро идти впередъ; надо дѣйствовать осторожно, но постоянно, не внимая возгласамъ какъ пылкихъ любителей новизны, такъ и упорныхъ поклонниковъ старины, а прежде всего надо начертать планъ постепенныхъ дѣйствій правительства, въ руководство постановленнымъ отъ него властямъ» [2].

Соглашаясь съ министромъ, императоръ приказалъ сосредоточить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ всѣ дѣла объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, которыя производились въ разныхъ вѣдомствахъ въ разное время. Изъ этого матеріала поручено было товарищу министра Левшину составить историческую записку о крѣпостномъ правѣ и о законодательныхъ мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ для ограниченія этого права, со временъ Петра Великаго. Тогда же было рѣшено воспользоваться съѣздомъ въ Москву на коронацію предводителей дворянства со всѣхъ концовъ Россіи, чтобы вступить съ ними въ довѣрительные переговоры о скорѣйшихъ и удобнѣйшихъ способахъ приведенія въ исполненіе высочайшей воли.

Мѣра эта не привела къ ожидаемымъ результатамъ. Въ концѣ 1856 года Ланской доложилъ государю, что, несмотря на слова, сказанныя имъ московскому дворянству, и на подобныя же выраженія, обращенныя съ тѣхъ поръ его величествомъ къ нѣкоторымъ предводителямъ дворян-

[1] Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, 10-го апрѣля 1856 г.

[2] Всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, 7-го апрѣля 1856 г.

ства, являвшимся въ С.-Петербургѣ, несмотря также на собственныя его неоднократныя внушенія предводителямъ, что пора приняться за дѣло, всѣ подобныя приглашенія остались безъ послѣдствій, и что дворяне продолжаютъ отговариваться тѣмъ, что не знаютъ, на какихъ началахъ правительство желаетъ устроить дѣло, а сами придумать не могутъ [1]. Тогда императоръ призналъ своевременнымъ передать возбужденный имъ вопросъ на соображеніе и обсужденіе высшихъ государственныхъ сановниковъ, пользовавшихся особымъ его довѣріемъ. Съ этою цѣлью онъ учредилъ, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, Негласный Комитетъ, въ составъ котораго вошли: предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь Орловъ, съ правомъ предсѣдательства въ Комитетѣ въ отсутствіе государя; министры: внутреннихъ дѣлъ Ланской, императорскаго двора и удѣловъ графъ Адлербергъ, финансовъ—Брокъ и государственныхъ имуществъ—замѣнившій больного Шереметева М. Н. Муравьевъ; главноуправляющіе: путями сообщенія Чевкинъ и II Отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи графъ Блудовъ, шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ и члены Государственнаго Совѣта: князь Гагаринъ, баронъ Корфъ и генералъ-адъютантъ Ростовцовъ. Завѣдываніе дѣлами Комитета было возложено на государственнаго секретаря Буткова.

Императоръ Александръ самолично открылъ засѣданія Комитета 3-го января 1857 года. Пригласивъ присутствовавшихъ сохранять все, что будетъ происходить въ ихъ собраніяхъ, въ глубочайшей тайнѣ, государь заявилъ, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ давно уже занимаетъ правительство; что предками его въ разное время принимались разныя мѣры къ устройству и улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ, но мѣры эти, вслѣдствіе обстоятельствъ, не имѣли желаемаго успѣха; что крѣпостное состояніе, введенное сначала неточными и неясными правительственными постановленіями и распоряженіями и лишь впослѣдствіи получившее настоящіе размѣры и свойства отъ недоразумѣній, неправильныхъ толкованій и злоупотребленій власти, отжило свой вѣкъ и что лично его этотъ важный предметъ озабочиваетъ съ самаго вступленія на престолъ. Въ заключеніе императоръ поставилъ вопросъ: слѣдуетъ ли принять какія либо рѣшительныя мѣры къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ?

Присутствовавшіе единогласно отвѣчали: что вопросъ о крѣпостномъ состояніи, по мнѣнію ихъ, дѣйствительно требуетъ разрѣшенія; что помѣщики вообще предполагаютъ въ правительствѣ намѣреніе измѣнить настоящія отношенія ихъ къ крестьянамъ, но, не зная сущности этихъ намѣреній, находятся отъ того въ тревожномъ состояніи; что, со своей стороны, крестьяне ожидаютъ въ пользу свою мѣропріятій правительства и полагаютъ, что осуществленію ихъ препятствуютъ помѣщики;

[1] Всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, 26-го декабря 1856 г.

что толки о свободѣ въ настоящее время хотя и не составляютъ чего либо новаго, а суть явленіе обыкновенное, повторяющееся въ началѣ каждаго царствованія, но что нельзя не сознаться, что повтореніе этихъ толковъ можетъ, наконецъ, породить опасность для спокойствія государства; что мѣры, до сихъ поръ принимавшіяся правительствомъ къ облегченію выхода крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, какъ-то указы 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ и 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ, не имѣли успѣха и число освобожденныхъ на основаніи этихъ постановленій крестьянъ оставалось чрезвычайно ограниченнымъ; что самъ покойный императоръ Николай смотрѣлъ на положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ на мѣру временную, переходную; а потому члены полагаютъ, что нынѣ настало время къ пересмотру всѣхъ постановленій о крѣпостныхъ крестьянахъ, съ цѣлью изысканія наилучшихъ способовъ къ освобожденію ихъ отъ крѣпостной зависимости, но съ должною осторожностью и постепенностью.

По приказанію государя, графъ Блудовъ прочелъ составленную Левшинымъ историческую записку о всѣхъ предшествовавшихъ мѣрахъ правительства въ отношеніи помѣщичьихъ крестьянъ, заключавшуюся изложеніемъ главныхъ основаній, которыя, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, должны быть приняты для скорѣйшаго устройства ихъ быта. Основанія эти были изложены въ трехъ вопросахъ, представленныхъ на обсужденіе Комитета: 1) Останется ли вся земля попрежнему во владѣніи помѣщиковъ? 2) Если останется право владѣнія за помѣщиками, то должно ли быть ограждено право крестьянъ пользоваться землей, имъ отведенной, т. е. можетъ ли помѣщикъ безусловно согнать со своей земли освобожденныхъ поселянъ или долженъ подчиниться законнымъ ограниченіямъ? 3) Могутъ ли помѣщики надѣяться получить отъ правительства какое либо вознагражденіе какъ за личность освобождаемыхъ крестьянъ, такъ и за земли, имъ отведенныя?

Закрывая первое засѣданіе, императоръ задачу учрежденнаго имъ Негласнаго Комитета опредѣлилъ такъ: разсмотрѣніе крестьянскаго вопроса и составленіе по оному предположеній [1].

Первымъ распоряженіемъ Комитета было вытребовать изъ министерства внутреннихъ дѣлъ всѣ сосредоточенныя въ немъ производства по крестьянскому дѣлу, протоколы разныхъ комитетовъ, учрежденныхъ въ Николаевское царствованіе, а также нѣкоторые частные проекты освобожденія крестьянъ, появившіеся въ рукописяхъ, изъ которыхъ въ особенности обратили на себя общественное вниманіе записки Кавe-

[1] Журналъ засѣданія Негласнаго Комитета, 3-го января 1857 года. Ср. также Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи, т. I, и «Записки сенатора Соловьева». «Русская Старина» 1880 г. т. XXVII, стр. 321—323.

лина, Самарина, Кошелева, давно уже посвятившихъ себя литературной разработкѣ этого вопроса. Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ управляющій дѣлами Комитета Бутковъ принялся составлять синоптическую вѣдомость, самое же разсмотрѣніе проектовъ Комитетъ возложилъ на особую комиссію изъ трехъ своихъ членовъ: князя Гагарина, Ростовцова и барона Корфа. Послѣдніе два обратились къ государю съ просьбою уволить ихъ отъ этой обязанности, ссылаясь,—Ростовцовъ—на совершенное незнакомство съ крестьянскимъ бытомъ, Корфъ,—на то, что, не владѣя помѣстьями собственно въ русскихъ губерніяхъ, онъ не можетъ судить о нуждахъ русскихъ крестьянъ. Но императоръ не согласился на ихъ желаніе и просилъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности по мѣрѣ силъ и возможности.

Въ разсмотрѣніи протоколовъ и записокъ—ихъ набралось болѣе ста—прошли зимніе мѣсяцы 1857 года. Къ веснѣ члены комиссіи сообщили другъ другу свои работы и выводы, но между ними оказалось такое разногласіе въ сужденіяхъ и взглядахъ, что они не могли придти къ общему заключенію и каждый внесъ отдѣльно свою записку въ Комитетъ, который постановилъ: сообщить всѣ три записки прочимъ членамъ для прочтенія и соображенія. Тогда же записки эти были отправлены къ находившемуся заграницей государю.

Въ Киссингенѣ Александръ Николаевичъ показалъ ихъ графу Киселеву, одному изъ немногихъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, искренно сочувствовавшихъ предпринятому имъ дѣлу. «Крестьянскій вопросъ»,—сказалъ ему государь по этому поводу,—«меня постоянно занимаетъ. Надо довести его до конца. Я болѣе чѣмъ когда либо рѣшился и никого не имѣю, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ». Занося царскія слова въ свой дневникъ, Киселевъ замѣчаетъ: «Вообще мнѣ показалось, что государь совершенно рѣшился продолжать дѣло освобожденія крестьянъ, но его обременяютъ и докучаютъ со всѣхъ сторонъ, представляя препятствія и опасенія» [1].

Дѣйствительно, большинство членовъ Негласнаго Комитета, дѣятели предшедшаго царствованія,—князь Орловъ, князь Долгоруковъ, графъ Адлербергъ, князь Гагаринъ, графъ Панинъ, генералъ Муравьевъ, недовѣрчиво относились къ задуманному государемъ преобразованію, считая его и преждевременнымъ, и обильнымъ опасными послѣдствіями. Усилія ихъ клонились къ тому, чтобы по возможности затормозить дѣло, а если и осуществить, то въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Зато въ царской семьѣ два лица обнаруживали пламенное ему сочувствіе. То были: великій князь Константинъ Николаевичъ и великая княгиня Елена Павловна. Не менѣе ревностное усердіе къ дѣлу освобожденія проявляло и

[1] Дневникъ графа Киселева, 7-го іюля 1857 г.

министерство внутреннихъ дѣлъ, въ лицѣ старика Ланского и ближайшихъ его сотрудниковъ, товарища министра Левшина, директора Хозяйственнаго департамента Н. А. Милютина и управляющаго Земскимъ отдѣломъ Я. И. Соловьева. Пока Негласный Комитетъ, не безъ предвзятаго намѣренія, замедлялъ ходъ дѣла, подвергая его всевозможнымъ проволочкамъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ выработаны были отвѣты на вопросы, предложенные въ первой его исторической запискѣ. Вторая записка эта была одновременно внесена въ Комитетъ и повергнута на высочайшее воззрѣніе. Въ ней министръ заявлялъ, что считаетъ своею обязанностью «высказать личные свои отвѣты» на имъ же предложенные въ Комитетѣ вопросы. Онъ находилъ, что, хотя съ точки зрѣнія юридической право собственности помѣщиковъ на землю неотъемлемо и потому нельзя отвергать права каждаго помѣщика удалить со своей земли всѣхъ поселенныхъ непринадлежащихъ ему крестьянъ, но что на обязанности правительства лежитъ «пещись объ общемъ спокойствіи и противиться тому, что можетъ нарушить оное, обративъ милліоны людей въ безпріютныхъ бродягъ». Для соглашенія этихъ двухъ противуположныхъ требованій, министръ предлагалъ поступить такъ, какъ было поступлено въ другихъ государствахъ, какъ само русское правительство поступило въ Прибалтійскомъ краѣ, а именно: сохранить право собственности на землю за помѣщиками, а за крестьянами—право пользоваться землей. Такое разрѣшеніе вопроса министръ признавалъ достаточнымъ на первый разъ. Относительно вознагражденія помѣщиковъ за людей и за землю, Ланской не отрицалъ, что, съ той же юридической точки зрѣнія, право собственности помѣщиковъ на личность крестьянъ несомнѣнно, но вознагражденіе за потерю этого права считалъ невозможнымъ какъ для правительства, такъ и для крестьянъ, утверждая, что всѣ проекты финансовыхъ оборотовъ, которые были бы для сего предмета придуманы, поздно или рано лопнули бы, какъ мыльные пузыри. «Гораздо удобнѣе»,—развивалъ онъ мысль свою,—«ни тѣмъ, ни другимъ не обманывать себя и теперь же прямо взглянуть на предметъ, представляющійся въ чудовищномъ видѣ, вспомнивъ, что ни въ одной странѣ рабство не было выкуплено правительствомъ. Остзейскіе бароны также добровольно и безвозмездно отказались отъ крѣпостного права на крестьянъ. Русское дворянство сдѣлаетъ то же». Личный выкупъ Ланской предлагалъ замѣнить выкупомъ крестьянской усадьбы. «Есть предметъ»,—разсуждалъ онъ,—«который для крестьянина важнѣе нивы, его питающей: это жилище, укрывающее его отъ непогодъ и сосредоточивающее въ себѣ всѣ домашніе его интересы. Дать ему свободу безъ нивы можно; дать ее безъ жилища, безъ гнѣзда, безъ увѣренности, что оно будетъ согрѣвать его и семью, пока они живы, и, между тѣмъ, оставить привязаннымъ къ одному мѣсту—было бы нечеловѣколюбиво. Принявъ это за систему, надо идти къ тому, чтобы съ

освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ дать право собственности на осѣдлость или усадьбу, то есть на жилище съ принадлежащими ему строеніями, съ огородомъ и хотя небольшимъ выгономъ для мелкаго скота. Уплата за усадьбу должна производиться крестьянами по срокамъ, въ теченіе извѣстнаго времени, отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ. До истеченія этого переходнаго періода не должно объявлять крестьянина свободнымъ по имени, но на самомъ дѣлѣ между тѣмъ привести его мѣрами законодательными изъ раба въ человѣка, только крѣпкаго землѣ, дабы потомъ окончательно его освободить». Такимъ способомъ, по мнѣнію министра, разрѣшался и вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ за полевую крестьянскую землю. «Земли»,—доказывалъ онъ,—«которыми крестьяне будутъ только пользоваться, не владѣя ими, и за это платить помѣщику деньгами или работой, не могутъ считаться отчужденными, и потому не вызываютъ ни съ чьей стороны никакого денежнаго вознагражденія помѣщику; за земли же, уступленныя дворянствомъ съ усадьбами освобожденнымъ крестьянамъ, сіи послѣдніе выплатятъ, какъ объяснено, въ сроки всю опредѣленную сумму. Слѣдовательно, ни одна часть этого переворота не требуетъ отъ правительства прямыхъ денежныхъ расходовъ или выпуска какихъ либо особаго рода бумагъ». Въ заключеніе, министръ излагалъ свой взглядъ на порядокъ веденія дѣла. По мнѣнію его, оно было «такъ огромно, важно и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разнообразно, что нельзя двигать его одновременно во всѣхъ концахъ Россіи: недостанетъ на то ни времени, ни силъ однихъ и тѣхъ же лицъ». Поэтому Ланской предполагалъ производить введеніе новаго порядка постепенно, по губерніямъ или по раіонамъ, начавъ съ губерній западныхъ и пограничныхъ, которыя, по сосѣдству со странами, гдѣ крѣпостное состояніе уже уничтожено, болѣе подготовлены къ принятію свободы какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ смыслѣ. Для перваго опыта на изложенныхъ основаніяхъ министръ указывалъ на губерніи Ковенскую, Гродненскую и Виленскую, подчиненныя одному генералъ-губернатору, который, по высочайшей волѣ, уже приготовляетъ все къ необходимому измѣненію [1].

Между тѣмъ государь возвратился изъ первой своей поѣздки въ чужіе края. Недовольный бездѣйствіемъ Негласнаго Комитета въ его отсутствіе, онъ, чтобы оживить его дѣятельность, назначилъ членомъ онаго великаго князя Константина Николаевича, который со свойственнымъ ему рвеніемъ принялся за дѣло. Послѣдовалъ рядъ совѣщаній его съ оставшимися въ Петербургѣ членами Комитета: Орловымъ, Ланскимъ, Чевкинымъ и Ростовцовымъ, такъ какъ Долгоруковъ, Блудовъ и Муравьевъ находились въ отлучкѣ. Въ этихъ совѣщаніяхъ сговорились относительно

[1] Записка Ланского, 26-го іюля 1857 г.

главныхъ началъ будущаго преобразованія. Предположено: 1) Опредѣлить отъ изданія новаго положенія десятилѣтній срокъ, по истеченіи котораго крестьяне будутъ совершенно свободны. 2) Въ теченіе этого переходнаго періода надѣлить крестьянъ усадьбою, т. е. огородомъ, коноплянникомъ и выгономъ въ полную личную собственность, съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ помѣщиковъ, которое опредѣлится положеніемъ; надѣлъ усадьбы въ черноземныхъ губерніяхъ сдѣлать небольшой и увеличить оный въ сѣверныхъ, на томъ основаніи, что въ этихъ послѣднихъ главное значеніе имѣетъ не земля, а трудъ, и слѣдовательно крестьянину легче выплатить бо́льшее вознагражденіе. 3) Въ продолженіе того же періода, часть пахатной земли оставить во временномъ владѣніи крестьянъ на условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены положеніемъ, т. е. за оброкъ или барщину; послѣ же десяти лѣтъ вся пахатная земля должна оставаться въ рукахъ помѣщиковъ, съ которыми крестьяне на счетъ пользованія ею могутъ опредѣлять условія по обоюдному соглашенію.

Наконецъ, послѣ трехъ бурныхъ засѣданій, происходившихъ 14-го, 17-го и 18-го августа, Комитетъ постановилъ: Улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ произвести съ должной осторожностью и постепенностью и для сего исполненіе онаго раздѣлить на три періода. Первый періодъ посвятить собранію всѣхъ необходимыхъ данныхъ, недостающихъ у Комитета и безъ которыхъ невозможно составить предположеніе на прочныхъ основаніяхъ. Собраніе этихъ данныхъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ, чрезъ сношеніе съ мѣстными властями и опытными помѣщиками, но безъ огласки. Въ теченіе же перваго періода издать указъ о дозволеніи дворянамъ отпускать крестьянъ ихъ на волю цѣлыми селеніями, на разныхъ условіяхъ, независимо отъ правилъ для свободныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ, по добровольному взаимному соглашенію, съ утвержденія правительства, для чего подготовить проектъ условій и представить въ Государственный Совѣтъ проектъ смягченія нѣкоторыхъ помѣщичьихъ правъ. Во второмъ періодѣ составить, на основаніи собранныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній, проектъ положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ. Третій періодъ назвать окончательнымъ, т. е. окончательнаго устройства крестьянъ. Подъ журналомъ Комитета, заключавшимъ это постановленіе, подписались всѣ наличные члены, за исключеніемъ князя Гагарина, оставшагося при особомъ мнѣніи, и государь сдѣлалъ на немъ слѣдующую собственноручную надпись: «Исполнить. Относительно же разногласія раздѣляю мнѣніе большинства. Да поможетъ намъ Богъ вести это важное дѣло съ должною осторожностію къ желаемому результату. Искренно благодарю гг. членовъ за первый ихъ трудъ и надѣюсь и впредь на ихъ помощь и дѣятельное участіе во всемъ, что касается до сего жизненнаго вопроса».

Во исполненіе высочайше утвержденнаго постановленія Комитета были составлены и разосланы его членамъ слѣдующіе четырнадцать вопросовъ о нѣкоторыхъ частныхъ законодательныхъ мѣрахъ для подготовленія общаго рѣшенія: 1) Можно ли дозволить крѣпостнымъ людямъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщиковъ? 2) Можно ли дать помѣщичьимъ людямъ право пріобрѣтать собственность безъ согласія помѣщиковъ? 3) Можно ли ограничить права помѣщиковъ относительно разбора споровъ и жалобъ между ихъ крестьянами? 4) Въ какой мѣрѣ можно ограничить права помѣщиковъ относительно наказанія крестьянъ? 5) Должно ли лишить помѣщиковъ права переселять крестьянъ въ Сибирь? 6) Слѣдуетъ ли ограничить права помѣщиковъ относительно отдачи крестьянъ въ рекруты? 7) Должно ли лишить помѣщиковъ права вмѣшательства въ отправленіе крестьянскихъ повинностей и податей? 8) Какія принять мѣры для болѣе точнаго опредѣленія повинностей крѣпостныхъ крестьянъ ихъ помѣщикамъ? 9) Можно ли допустить жалобы крѣпостныхъ крестьянъ на ихъ помѣщиковъ? 10) Можно ли дать помѣщичьимъ крестьянамъ право выкупаться на волю за особо опредѣленную цѣну? 11) Какія мѣры должно принять нынѣ же для уменьшенія дворовыхъ людей? 12) Какія принять мѣры для бо́льшаго успѣха въ заключеніи взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами? 13) Независимо отъ всѣхъ изложенныхъ выше мѣръ, не слѣдуетъ ли принять нынѣ же еще нѣкоторыя мѣры для облегченія какъ крѣпостного состоянія, такъ и взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами? 14) Какимъ порядкомъ приступить къ исполненію тѣхъ облегчительныхъ мѣръ, кои Комитетомъ будутъ окончательно избраны и государемъ утверждены?—Члены Комитета приглашались доставить отвѣты на эти вопросы не позже половины ноября. Но къ этому времени въ ходѣ крестьянскаго дѣла неожиданно произошла существенная перемѣна, видоизмѣнившая какъ способы веденія, такъ и самое его направленіе.

Въ концѣ октября прибылъ въ Петербургъ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ и привезъ адресъ на высочайшее имя дворянъ трехъ сѣверо-западныхъ губерній: Виленской, Гродненской и Ковенской, съ выраженіемъ желанія освободить своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, хотя и безъ земли. Комитетъ готовъ былъ принять это предложеніе, но государь на то не согласился и потребовалъ немедленнаго разрѣшенія дѣла на основаніяхъ, изложенныхъ въ запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 26-го іюля: усадебной осѣдлости, предоставленной крестьянамъ въ собственность, и отведенія имъ полевыхъ угодій въ пользованіе за повинности.

Обсужденію этого вопроса посвящено было три засѣданія Комитета, плодомъ коихъ былъ подписанный императоромъ Александромъ въ Царскомъ Селѣ, 20-го ноября 1857 года, слѣдующій рескриптъ на имя генералъ-адъютанта Назимова:

Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ, для разслѣдованія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ.

Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ сими комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ трехъ губерній.

«Одобряя вполнѣ намѣренія сихъ представителей Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, какъ соотвѣтствующія моимъ видамъ и желаніямъ, я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проектовъ, на основаніи коихъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

«Для сего повелѣваю:

«1) Открыть теперь же въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской, по одному въ каждой, пріуготовительному комитету, а потомъ для всѣхъ трехъ губерній вмѣстѣ одну общую коммиссію въ городѣ Вильнѣ.

«2) Каждому губернскому комитету состоять подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранному изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи по непосредственному назначенію начальникомъ оной,—и

«3) Общей коммиссіи состоять изъ слѣдующихъ лицъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ трехъ губернскихъ комитетовъ по ихъ выбору; б) одного опытнаго помѣщика изъ каждой губерніи по вашему назначенію, и в) одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ коммиссіи предоставляется вамъ назначить одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству.

«Губернскіе комитеты, по открытіи ихъ, должны приступить къ составленію по каждой губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову предводителей дворянства, подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

«1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они пріобрѣтаютъ, въ теченіе опредѣленнаго времени, въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянамъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

«2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція,—и

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

«Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ трехъ означенныхъ губерній предоставляется губернскимъ комитетамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

«Комитеты сіи, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую комиссію. Комиссія, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія губернскихъ комитетовъ, а также сообразивъ ихъ съ изложенными выше основаніями, должна постановить окончательное по всему дѣлу заключеніе и составить проектъ общаго для всѣхъ трехъ губерній положенія, съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами.

«Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла вообще во ввѣренныхъ вамъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, я предоставляю вамъ дать какъ губернскимъ комитетамъ сихъ трехъ губерній, такъ и общей комиссіи нужныя наставленія, для успѣшнаго производства и окончанія возлагаемыхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи сей обязанности. Составленный общею комиссіею проектъ вы имѣете, со своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія на мое усмотрѣніе.

«Открывая, такимъ образомъ, дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе, на указанныхъ мною началахъ, я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, мною оказываемое сему сословію, призваніемъ его къ участію въ семъ важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

«Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне оставались въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ».

Высочайшій рескриптъ сопровождался одобреннымъ государемъ пояснительнымъ отношеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-губернатору, въ которомъ Ланской сообщалъ свои соображенія, долженствовавшія служить дворянскимъ комитетамъ пособіемъ при ихъ занятіяхъ. Въ рескриптѣ было сказано, что дворянство изъявило «благія намѣренія относительно своихъ крестьянъ. Министръ въ своемъ отношеніи какъ бы поясняетъ, что эти благія намѣренія состояли въ томъ, чтобы, «въ видахъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, освободить ихъ отъ крѣпостной

Мvропомазаніе Императора Александра II въ Успенскомъ соборѣ.

Съ литографіи Тимма

зависимости». Будущія положенія названы въ рескриптѣ проектами «объ устройствѣ и улучшеніи быта крестьянъ»; министръ называетъ ихъ проектами положеній «объ освобожденіи крѣпостного сословія». Въ рескриптѣ говорилось о постепенномъ приведеніи въ исполненіе предположеній комитетовъ; министръ прибавлялъ къ этому, что крестьяне сначала будутъ находиться «въ состояніи переходномъ, болѣе или менѣе крѣпки къ землѣ, а потомъ уже въ окончательномъ и свободномъ». Онъ же опредѣлялъ срокъ переходнаго состоянія не свыше 12-ти лѣтъ. Ланской разъяснялъ далѣе: 1) что крестьяне «въ теченіе переходнаго времени» выкупаютъ свою усадебную осѣдлость за сумму, которая «не должна превышать цѣнности пріобрѣтенной въ собственность осѣдлости»; 2) что вся остальная земля раздѣляется «на господскую и отведенную въ пользованіе крестьянъ»; 3) что крестьянская земля «безусловно не можетъ быть присоединяема къ господскимъ полямъ»; 4) что количество земли, отведенной крестьянамъ, и способъ пользованія ею, общинный или подворный, должны опредѣлиться «по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ»; 5) что помѣщичьимъ повинностямъ могутъ «подлежать только тѣ крестьяне, кои надѣлены землей»; 6) что размѣръ помѣщичьихъ повинностей долженъ быть «положительно опредѣленъ соотвѣтственно пространству и качеству отведенной крестьянамъ земли». Министръ сообщалъ также, что, по утвержденіи новаго положенія, должны быть прекращены продажа, дареніе и переселеніе крестьянъ на другія мѣста; должно быть также прекращено обращеніе крестьянъ въ дворовые и приняты мѣры сначала къ уменьшенію, а потомъ и къ уничтоженію этого класса людей; во все время переходнаго состоянія, помѣщикамъ предоставляется право сдавать нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ, по соглашенію съ обществомъ, въ рекруты или сдавать въ распоряженіе правительства для переселенія въ другія губерніи, но не иначе какъ съ утвержденія тѣхъ присутствій, кои будутъ по уѣздамъ образованы, на основаніи новаго положенія. «Если комитеты»,—заключалъ Ланской отношеніе свое къ Назимову, «по мѣстнымъ уваженіямъ, признаютъ неудобнымъ принять которыя либо изъ этихъ соображеній, то я просилъ бы ваше превосходительство поручить комитетамъ, въ своихъ окончательныхъ мнѣніяхъ, объяснять подробно причины, препятствующія принятію оныхъ» [1].

Какъ высочайшій рескриптъ, такъ и отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ не подлежали обнародованію и на послѣдней бумагѣ стояла надпись: «секретно». Но 22-го ноября, принимая воронежскаго губернатора Синельникова, государь разсказалъ ему объ адресѣ литовскихъ дворянъ и о состоявшихся распоряженіяхъ, прибавивъ: «Я рѣшился дѣло привести къ концу и надѣюсь, что вы уговорите вашихъ дворянъ мнѣ въ этомъ помочь».

[1] Ланской Назимову, 20-го ноября 1857 г.

 19

Эти царскія слова вызвали циркуляръ Ланского ко всѣмъ начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства, съ сообщеніемъ высочайшаго рескрипта и министерскаго отношенія къ Назимову «для свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство вашей губерніи изъявило подобное желаніе» [1].

Такое желаніе было уже высказано дворянствомъ Петербургской губерніи, еще въ концѣ предшествовавшаго царствованія представившемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свои предположенія о введеніи инвентарныхъ правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Въ началѣ 1857 года оно возобновило свое о томъ ходатайство, поступившее въ Негласный Комитетъ и оставшееся тамъ до осени безъ движенія. Теперь признали его вполнѣ достаточнымъ поводомъ, чтобы въ высочайшемъ рескриптѣ на имя с.-петербургскаго генералъ-губернатора разрѣшить и петербургскимъ дворянамъ открыть губернскій комитетъ для составленія проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ губерніи, на высочайше указанныхъ главныхъ основаніяхъ, одинаковыхъ съ тѣми, что были изложены въ рескриптѣ генералъ-адъютанту Назимову [2].

Нѣсколько дней спустя, 9-го декабря, императору представились уѣздные предводители съ губернскимъ предводителемъ графомъ П. П. Шуваловымъ во главѣ, для принесенія благодарности за посѣщеніе государемъ бала, даннаго петербургскимъ дворянствомъ по случаю бракосочетанія великаго князя Михаила Николаевича, и онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы обратиться къ нимъ со слѣдующею рѣчью: «Благодарю васъ, господа, за вчерашній вечеръ, который доставилъ большое удовольствіе и мнѣ и всей моей семьѣ. Я вамъ очень благодаренъ. Мнѣ пріятно видѣть васъ у себя. Теперь нужно поговорить о предметѣ большой важности, должно подумать о дѣлѣ, требующемъ полнаго вниманія вашего. Генералъ-губернаторъ собиралъ васъ и объявилъ вамъ мое желаніе, мою твердую волю. Мнѣ кажется, что правила, мною предначертанныя, не стѣснительны для обѣихъ сторонъ. Пополненія и разъясненія, которыя окажутся нужными, будутъ уже дѣломъ комитета подъ предсѣдательствомъ вашимъ». Послѣднія слова относились къ губернскому предводителю, обращаясь къ которому, государь прибавилъ: «Я увѣренъ, что вы вашимъ усердіемъ и заботливостью достигнете цѣли».

[1] Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, 24-го ноября 1857 г.

[2] Высочайшій рескриптъ с.-петербургскому генералъ-губернатору, 5-го декабря 1857 г. — Рескриптъ этотъ, какъ и рескриптъ Назимову, сопровождался пояснительнымъ отношеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ. О разнорѣчіи этого отношенія съ тѣмъ, что было написано Ланскимъ Назимову, см. Записки сенатора Соловьева, «Русская Старина» 1881 г., т. XXX, стр. 728—732. Эти измѣненія Ланской приписываетъ давленію на Ланского князя Орлова и большинства членовъ Негласнаго Комитета, не сочувствовавшихъ освобожденію крестьянъ съ землею.

Я привыкъ надѣяться на все дворянство,—продолжалъ императоръ,—и предоставилъ вашей губерніи начать это дѣло. Я знаю, что много будетъ труда, но я надѣюсь на васъ и поручаю вамъ это дѣло. Надѣюсь, что вы примете въ немъ искреннее участіе и обратите вниманіе ваше на классъ людей, заслуживающій, чтобы положеніе его было правильно обезпечено. Нельзя было медлить долѣе; должно было заняться теперь же этимъ предметомъ, не откладывая его въ даль. Моя непремѣнная воля, чтобы это было исполнено». Засимъ, обратясь къ присутствовавшему при пріемѣ петербургскому генералъ-губернатору Игнатьеву, государь сказалъ: «Я прошу васъ содѣйствовать дворянамъ и руководить ихъ; въ случаѣ затрудненія помогать имъ»,—и рѣчь свою закончилъ такъ:

«Въ данныхъ вамъ основаніяхъ возлагается на обязанность мірскихъ обществъ призрѣніе престарѣлыхъ и увѣчныхъ, но это не выражено довольно ярко. Мое желаніе, чтобы воины, послужившіе отечеству и уволенные при расформированіи нѣкоторыхъ частей арміи, какъ люди, пролившіе кровь свою и получившіе на службѣ увѣчія или доказавшіе готовность свою пожертвовать собою для отечества, также были призрѣны тѣми обществами, которыми были сданы. Участь этихъ людей не менѣе заслуживаетъ вашу заботливость, и потому прошу непремѣнно объ этомъ подумать. Въ имѣніяхъ удѣльныхъ и государственныхъ на этотъ предметъ обращено уже вниманіе, и участь этихъ людей отчасти уже устроена. Оставить этихъ людей на произволъ судьбы невозможно, а потому и въ этомъ отношеніи я полагаюсь на васъ. Прощайте, господа, я твердо надѣюсь на васъ».

Обращеніе государя къ петербургскимъ дворянамъ огласило предпринятое имъ великое преобразованіе во всеобщее свѣдѣніе. Вслѣдъ затѣмъ были обнародованы высочайшіе рескрипты генералъ-губернаторамъ виленскому и петербургскому. Изъ нихъ вся Россія узнала, что упраздненіе крѣпостного состоянія вопросъ безповоротно рѣшенный самодержавною волею.

Русское образованное общество съ восторгомъ встрѣтило радостную вѣсть. 28-го декабря въ Москвѣ 180 лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ сословіямъ, преимущественно писателей и ученыхъ, сошлись, чтобы отпраздновать ее торжественнымъ обѣдомъ въ купеческомъ собраніи. Первую рѣчь на обѣдѣ произнесъ редакторъ-издатель «Русскаго Вѣстника» Катковъ, начавъ ее слѣдующими словами: «Бываютъ эпохи, когда всякому чувствуется присутствіе Промысла въ жизни, когда въ глубинѣ души каждаго слышатся явственно отвѣты настоящаго на вопросы прошедшаго, отвѣты, вносящіе миръ и благоволеніе въ сердца людей, возстановляющіе смыслъ, правду и равновѣсіе въ жизни; эпохи,—когда силы мгновенно обновляются, когда люди съ усиленнымъ біеніемъ собственнаго сердца сливаются въ общемъ дѣлѣ и въ общемъ чувствѣ. Было

поколѣніямъ, которымъ суждено жить въ такія эпохи! Благодареніе Богу: намъ суждено жить въ такую эпоху...» — «Да почіетъ благословеніе Божіе», — заключилъ Катковъ рѣчь свою, — на царѣ нашемъ и на всѣхъ его начинаніяхъ! Да царствуетъ онъ долго, и долго да будетъ источникомъ свѣта и блага для нашей родины! Единодушно и единогласно, отъ полноты сердца всѣхъ и каждаго, провозглашается тостъ за здравіе государя императора!» Слова эти сопровождались оглушительнымъ «ура!», долго не смолкавшимъ. Послѣ рѣчей Станкевича о средствахъ обезпечить общее благо всѣхъ гражданъ въ Россіи, а въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ несовмѣстныя начала замѣнить прочными началами справедливости и христіанской любви, Павловъ снова поднялъ бокалъ «за того, кто призываетъ свою вѣрную Россію на подвигъ правды и добра»; Погодинъ пилъ за здоровье русскаго дворянства, профессоръ Московскаго университета Бабстъ—за процвѣтаніе свободнаго труда, профессоръ Петербургскаго университета Кавелинъ—за успѣхъ славянскаго дѣла. Рядъ рѣчей завершилъ Кокоревъ, предложившій тостъ «въ честь и славу тѣхъ людей, которые въ чувствахъ истинной любви къ государю будутъ содѣйствовать нашему выходу изъ кривыхъ и темныхъ закоулковъ на открытый путь гражданственности!» По окончаніи обѣда гости долго стояли передъ портретомъ государя; раздавались восторженные крики «ура!» и перешли наконецъ въ народный гимнъ, пропѣтый всѣми присутствовавшими [1].

Первымъ откликнулось на царскій призывъ нижегородское дворянство. 17-го декабря оно подписало всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ выразило единодушное желаніе «принесть его императорскому величеству полную готовность исполнить его священную волю на основаніяхъ, какія его величеству благоугодно будетъ указать». Въ отвѣтъ на этотъ адресъ послѣдовалъ на имя начальника Нижегородской губерніи высочайшій рескриптъ одинаковаго содержанія съ рескриптомъ генералъ-губернаторамъ виленскому и с.-петербургскому, въ которомъ государь въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ нижегородскихъ дворянъ за благой ихъ починъ въ великомъ дѣлѣ. «Поручаю вамъ»,—писалъ онъ губернатору А. Н. Муравьеву,—«объявить сему благородному сословію мое совершенное удовольствіе за новое доказательство всегдашней готовности нижегородскаго дворянства содѣйствовать исполненію намѣреній правительства, устремляемыхъ ко благу общему. Мнѣ въ особенности было пріятно видѣть, что оно первое поспѣшило воспользоваться случаемъ дать примѣръ сей готовности изъявленіемъ усерднаго желанія способствовать, зависящими отъ него средствами, предпринимаемому

[1] Описаніе обѣда 28-го декабря 1857 г. у Н. П. Барсукова. Жизнь и труды Погодина. т. XV, стр. 470—495.

нынѣ важному и, какъ можно при благословеніи Всевышняго надѣяться, равно полезному для всѣхъ въ государствѣ состояній дѣлу [1].

Вслѣдъ за Нижнимъ-Новгородомъ высказалась и Москва. «Московское дворянство»,—гласитъ адресъ на высочайшее имя, состоявшійся 7-го января 1858 года,—«постоянно движимое чувствами безпредѣльной любви и преданности къ престолу и отечеству, во всѣ времена принимало живѣйшее участіе въ достопамятныхъ событіяхъ Россіи, утверждавшихъ въ имперіи славу и величіе русскаго народа, и нынѣ, исполненное глубочайшей признательности къ государю императору за всемилостивѣйшее его величества довѣріе, оказанное дворянскому сословію всей Имперіи, по предмету устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ, изъявляетъ и со своей стороны полную готовность содѣйствовать благимъ намѣреніямъ августѣйшаго монарха и проситъ всемилостивѣйшаго соизволенія на открытіе комитета для составленія проекта правилъ, которыя комитетомъ будутъ признаны общеполезными и удобными для мѣстностей Московской губерніи». Послѣдняя оговорка усугубила неудовольствіе государя за проявленную московскимъ дворянствомъ медленность и въ отвѣтномъ рескриптѣ московскому генералъ-губернатору, составленномъ въ выраженіяхъ сухихъ и холодныхъ, отклонено притязаніе москвичей о предоставленіи ихъ губернскому комитету права составить проектъ положенія на основаніяхъ, какія самъ онъ признаетъ общеполезными и удобными. Рескриптъ требовалъ, чтобы проектъ положенія для Московской губерніи «былъ составленъ на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде желаніе устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ» [2].

Съ первыхъ чиселъ марта и до октября стали поступать всеподданнѣйшіе адресы отъ дворянствъ прочихъ губерній, въ отвѣтъ на которые слѣдовали высочайшіе рескрипты, въ слѣдующемъ порядкѣ: губерніи — Самарская, Саратовская, Симбирская, Кіевская, Подольская, Волынская, Орловская, Тверская, Астраханская, Новгородская, Казанская, Рязанская, Костромская, Екатеринославская, Тамбовская, Полтавская, Харьковская, Пензенская, Воронежская, Курская, Тульская, Псковская Ярославская, Вологодская, Могилевская, Витебская, Таврическая, Херсонская, Черниговская, Минская, Смоленская; области—Бессарабская и войска Донского; губерніи Владимірская, Калужская, Оренбургская, Ставропольская, Пермская, Вятская и Олонецкая. Къ концу года 44 губернскіе комитета и двѣ общія комиссіи—одна для Сѣверо-Западнаго, другая для Юго-Западнаго края—трудились уже надъ составленіемъ проектовъ положеній. Всюду открытіе комитетовъ обставлено было тор-

[1] Рескриптъ нижегородскому губернатору, 24-го декабря 1857 г.

[2] Рескриптъ московскому генералъ-губернатору, 16-го ноября 1858 г.

жественностью, приличествующею важности дѣла. Духовные пастыри говорили поучительныя слова, начальники губерній и предсѣдатели комитетовъ, губернскіе предводители дворянства произносили прочувствованныя рѣчи, на дворянскихъ обѣдахъ пили здоровье первоначальника великаго преобразованія, почтившаго дворянство актомъ высочайшаго къ нему довѣрія.

Со дня обнародованія перваго рескрипта генералъ-адъютанту Назимову не предстояло болѣе надобности окружать тайною существованіе Негласнаго Комитета. 8-го января 1858 года состоялось высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ непосредственномъ вѣдѣніи и подъ предсѣдательствомъ государя «Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи». Членами этого Комитета назначены всѣ прежніе члены Комитета Негласнаго, причемъ Брока замѣнилъ, вскорѣ замѣстившій его во главѣ министерства финансовъ, Княжевичъ. Распоряженіе это обнародовано сенатомъ при указѣ отъ 18-го февраля.

Большинство въ Главномъ Комитетѣ продолжало не сочувствовать дѣлу преобразованія. Твердо и ясно выраженная и повсемѣстно обнародованная воля государя не допускала открытаго сопротивленія, но вліятельнѣйшіе члены Комитета не уставали, по выраженію одного изъ виднѣйшихъ государственныхъ дѣятелей этой эпохи, «пугать мнимыми опасностями, въ ихъ воображеніи развивавшимися, и чрезъ то причинять нѣкоторое колебаніе и задержки въ благихъ начинаніяхъ» [1]. Они жаловались государю на великаго князя Константина Николаевича за рѣзкость высказанныхъ имъ сужденій. «Я склоненъ думать»,—писало по этому поводу приближенное къ нему лицо,—«что эти господа дѣйствуютъ криводушно, парализуя усилія императора по всему, что относится до прогресса и цивилизаціи; но они ошибаются. Тѣмъ не менѣе они творятъ много зла» [2]. Въ то же время, противники освобожденія представляли, что министерство внутреннихъ дѣлъ идетъ слишкомъ быстро впередъ, что необходимо умѣрить порывы старика Ланского, все болѣе и болѣе поддающагося вліянію ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, ревностныхъ поборниковъ полнаго освобожденія крестьянъ съ землею, Н. А. Милютина и завѣдующаго дѣлами вновь образованнаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ «для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земскаго хозяйственнаго устройства въ имперіи» Земскаго отдѣла, Я. А. Соловьева. Настояніямъ большинства Комитета удалось достигнуть того, что въ пояснительномъ отношеніи къ рескрипту на имя петербургскаго генералъ-губернатора значительно ви-

[1] Д. А. Милютинъ князю Барятинскому, 20-го ноября 1857 г.

[2] Головнинъ князю Барятинскому, 27-го января 1858 г.

доизмѣнены наставленія, преподанныя министромъ внутреннихъ дѣлъ виленскому генералъ-губернатору. Въ отношеніи къ Игнатьеву не встрѣчаются уже выраженія, находившіяся въ отношеніи къ Назимову. Слова: «желаніе дворянъ, въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости» замѣнены: «стремленіемъ дворянъ къ улучшенію и прочному устройству быта ихъ крестьянъ»; вмѣсто «проектовъ положеній объ освобожденіи крѣпостного сословія», поставлено: «проектъ положенія для помѣщичьихъ крестьянъ». Но словами не ограничились измѣненія, внесенныя Комитетомъ въ пояснительное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ петербургскому генералъ-губернатору; они коснулись и самаго существа дѣла. По виленскому отношенію, крестьяне пріобрѣтали «права свободнаго состоянія» по взносѣ ими «въ продолженіе переходнаго срока» выкупа за усадебную осѣдлость, «сумма коего не должна превышать цѣнности пріобрѣтаемой ими въ собственность усадебной осѣдлости»; а по петербургскому: «права состоянія крестьянъ, по окончательномъ ихъ устройствѣ, и право собственности на усадьбу пріобрѣтаются не иначе, какъ съ уплатой владѣльцу выкупа въ продолженіе опредѣленнаго срока», причемъ размѣръ выкупа опредѣляется оцѣнкой не одной усадебной земли и строеній, но, сверхъ того, «промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ». Не менѣе существенныя измѣненія внесены въ отношеніе къ генералъ-адъютанту Игнатьеву по вопросамъ о раздѣлѣ земли на господскую и крестьянскую, о размѣрѣ крестьянскаго надѣла, о повинностяхъ крестьянъ, объ общинномъ владѣніи землею и т. п.

По мѣрѣ обнародованія высочайшихъ рескриптовъ въ отвѣтъ на адресы дворянства, издавались и пояснительныя отношенія министра внутреннихъ дѣлъ, списывавшіяся съ исправленнаго петербургскаго, а не съ виленскаго текста. Дополненіемъ имъ служилъ рядъ циркуляровъ хотя и подписанныхъ Ланскимъ, но составленныхъ въ Комитетѣ, чрезъ который, въ силу высочайшаго повелѣнія, должны были отнынѣ проходить всѣ распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому вопросу. Въ одномъ изъ этихъ циркуляровъ министръ внутреннихъ дѣлъ предупреждалъ, что въ пояснительныхъ его отношеніяхъ, «какъ въ прежнихъ, такъ и въ настоящихъ», не должно искать подробной программы, обязательной для губернскихъ комитетовъ; что мысли и предположенія, имъ высказанныя, слѣдуетъ принимать не какъ предрѣшенія подлежащихъ ихъ обсужденію вопросовъ, а лишь какъ совѣты, принять или не принять которые зависитъ отъ усмотрѣнія комитетовъ. Неизмѣннымъ и неприкосновеннымъ — заключалъ министръ, — должны остаться лишь главныя начала сего устройства, въ высочайшихъ рескриптахъ указанныя. Въ сихъ началахъ, то есть въ обезпеченіи помѣщикамъ ихъ собственности, а крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей, заключается то

незыблемое основаніе, на которомъ должно воздвигнуться и утвердиться предначинаемое великое дѣло»[1].

Между тѣмъ настоятельная потребность въ положительной программѣ для занятій губернскихъ комитетовъ стала ощущаться самими комитетами, составъ которыхъ былъ самый разнообразный. Въ нихъ участвовали люди всѣхъ общественныхъ положеній и всѣхъ оттѣнковъ мнѣнія, отъ мелкопомѣстныхъ дворянъ до представителей знатнѣйшихъ родовъ, отъ низшихъ чиновниковъ и субалтернъ-офицеровъ до высшихъ придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ званій, отъ лицъ едва умѣвшихъ читать и писать до профессоровъ и академиковъ, наконецъ, отъ ревностныхъ защитниковъ крѣпостного права до убѣжденныхъ поборниковъ полнаго и немедленнаго освобожденія крестьянъ съ землей. Возложенное на губернскіе комитеты дѣло затрогивало и матеріальные интересы дворянства, и политическое его значеніе; сверхъ того, оно было едва ли не первымъ въ Россіи опытомъ обсужденія въ выборныхъ собраніяхъ государственнаго и общественнаго вопроса первостепенной важности. При такихъ условіяхъ, когда естественно разгорались страсти, росло и распространялось всеобщее возбужденіе. Министерство внутреннихъ дѣлъ, сознавая необходимость преподать губернскимъ комитетамъ единообразное наставленіе, составило «проектъ плана работъ по устройству крестьянскаго быта». Въ этой программѣ, вышедшей изъ-подъ пера Я. А. Соловьева, ясно указана цѣль преобразованія: освобожденіе крестьянъ съ землей, и вмѣстѣ съ тѣмъ предрѣшены въ пользу крестьянъ вопросы о повинностяхъ, о размѣрѣ надѣла, о выкупѣ усадебной осѣдлости, о правѣ крестьянъ переходить на другія земли и въ другія сословія, о полной независимости ихъ отъ помѣщиковъ въ дѣлахъ семейныхъ, имущественныхъ, хозяйственныхъ и т. п.[2]. Внесенный Ланскимъ на разсмотрѣніе Главнаго Комитета министерскій проектъ не былъ утвержденъ, и составленіе новой программы поручено члену Комитета генералъ-адъютанту Ростовцову—на иныхъ основаніяхъ, менѣе тягостныхъ для помѣщиковъ и сохраняющихъ за ними, въ извѣстныхъ предѣлахъ, пользованіе ихъ вотчинными правами.

Такъ, впервые дѣятельно выступилъ въ крестьянскомъ вопросѣ личный другъ государя, многолѣтній его сотрудникъ по управленію военно-учебными заведеніями, лицо, пользовавшееся полнымъ его расположеніемъ и довѣріемъ, скоро затѣмъ поставленное имъ во главѣ всего дѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, что Александръ Николаевичъ самъ убѣдилъ Ростовцова принять болѣе ревностное участіе въ трудахъ Главнаго Комитета и вообще изучить и обсудить крестьянскій вопросъ во всѣхъ по-

[1] Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, 17-го февраля 1858 г.

[3] Записки Соловьева, «Русская Старина» 1882 г., т. XXXIII стр. 247 и 248.

дробностяхъ. Въ это время Ростовцовъ довольно близко придерживался еще взглядовъ большинства своихъ сочленовъ по Главному Комитету, и это отразилось на первомъ трудѣ его. Составленная имъ программа все дѣло передавала въ руки губернскихъ комитетовъ: не только составленіе положеній о крестьянахъ, но и приведеніе ихъ въ дѣйствіе. Примѣненіе положеній къ отдѣльнымъ имѣніямъ и объявленіе ихъ крестьянамъ предоставлялось самимъ владѣльцамъ имѣній и, сверхъ того, на губернскіе же комитеты, уже послѣ приведенія новыхъ положеній въ исполненіе, возлагалось «начертаніе сельскаго устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта».

Такимъ образомъ, по програмѣ, занятія комитетовъ дѣлились на три періода: составленіе положеній; введеніе ихъ въ дѣйствіе; начертаніе сельскаго устава. Для окончанія работъ перваго періода опредѣлялся шестимѣсячный срокъ, въ продолженіе котораго должно было быть составлено «Положеніе объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ» каждой губерніи, обнимающее нижеслѣдующіе предметы по однообразной для всѣхъ комитетовъ формѣ: 1) переходъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанное; 2) сущность срочно-обязаннаго положенія; 3) поземельныя права помѣщиковъ; 4) усадебное устройство крестьянъ; 5) надѣлъ крестьянъ землею; 6) повинности крестьянъ; 7) устройство дворовыхъ людей; 8) образованіе крестьянскихъ обществъ; 9) права и отношенія помѣщиковъ; 10) порядокъ и способы исполненія. Большая часть этихъ вопросовъ были уже предрѣшены въ программѣ и притомъ въ смыслѣ наиболѣе благопріятномъ для помѣщиковъ. Такъ, въ высочайшихъ рескриптахъ упоминалось лишь о предоставленіи помѣщикамъ вотчинной полиціи, а въ пояснительныхъ отношеніяхъ министра внутреннихъ дѣлъ основное это начало развивалось слѣдующимъ образомъ: «Крестьяне должны быть раздѣлены на мірскія общества, а завѣдываніе мірскими дѣлами и мірская расправа предоставляется мірскимъ сходамъ, составленнымъ изъ крестьянъ, и мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и утвержденіемъ помѣщиковъ». Въ программѣ Ростовцова мірское общество называется сельскимъ и указывается, что составлено оно должно быть изъ крестьянъ одного имѣнія, съ помѣщикомъ, въ качествѣ начальника общества, во главѣ; о мірскихъ же сходахъ и судахъ вовсе не упоминается. Въ этомъ званіи помѣщику присвоивались обширныя права по сельскому благоустройству и порядку; по внутреннему управленію; по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами; по отправленію крестьянами повинностей и по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и имущественныхъ. Право собственности крестьянъ на усадьбы замѣнялось въ программѣ потомственнымъ пользованіемъ,—родомъ вѣчнаго польскаго чинша, а вмѣсто упомянутаго въ рескриптахъ «надлежащаго для обезпеченія

быта крестьянъ количества земли» губернскіе комитеты обязывались лишь опредѣлить «наименьшій размѣръ надѣла». Программу свою самъ Ростовцовъ сводилъ къ слѣдующимъ двумъ главнымъ положеніямъ: 1) крестьянинъ дѣлается лично свободнымъ немедленно по утвержденіи положеній, не ожидая, какъ предполагалось прежде, выкупа своей усадьбы, что̀ отсрочило бы его освобожденіе на долгое время; 2) крестьянину предоставлено право безсрочнаго пользованія усадьбой; выкупъ же ея предоставленъ ему въ право, а не въ обязанность, и на неопредѣленный срокъ.

Программа Ростовцова была принята Главнымъ Комитетомъ, утверждена государемъ и, по высочайшему повелѣнію, разослана министромъ внутреннихъ дѣлъ во всѣ губернскіе комитеты «для руководства» [1].

Одновременно состоялось распоряженіе, ограничившее гласное обсужденіе въ печати крестьянскаго вопроса и способовъ его разрѣшенія.

Еще до обнародованія ноябрьскихъ рескриптовъ 1857 года, въ тогдашнихъ журналахъ отведено было широкое мѣсто изученію поземельныхъ отношеній, а послѣ того, какъ появились рескрипты, возгорѣлась оживленная полемика между органами печати, представителями противоположныхъ направленій. Главный предметъ спора составлялъ вопросъ о личномъ и общинномъ землевладѣніи. Первое отстаивалъ «Экономическій Указатель», во имя началъ, выработанныхъ политической экономіей на Западѣ; въ пользу второго высказывались всѣ прочіе журналы, хотя съ различныхъ точекъ зрѣнія. «Современникъ» признавалъ въ немъ отраженіе западной коммуны; органъ славянофиловъ, «Русская Бесѣда», разсматривалъ его какъ коренное, историческое начало славянскаго быта. Послѣдній журналъ завелъ даже отдѣльное ежемѣсячное приложеніе, подъ названіемъ «Сельское благоустройство», спеціально посвященное крестьянскому вопросу, въ которомъ передовыми бойцами за общину и освобожденіе съ землею выступили Кошелевъ, Самаринъ, князь Черкасскій; издаваемый Катковымъ «Русскій Вѣстникъ» также открылъ особый отдѣлъ для статей этого рода и въ числѣ своихъ сотрудниковъ имѣлъ Я. А. Соловьева, весьма незадолго до назначенія его непремѣннымъ членомъ Земскаго отдѣла. Защитниками дворянскихъ интересовъ заведенъ свой органъ, журналъ «Землевладѣлецъ». Цензура снисходительно относилась къ этому литературному движенію и позволяла свободно высказывать всякія мнѣнія, не исключая и самыхъ крайнихъ. Появленіе въ двухъ книжкахъ «Современника», еще ранѣе распространенной въ рукописи, статьи профессора Кавелина измѣнило взглядъ правительства на участіе въ дѣлѣ повременной печати. Въ статьѣ этой авторъ высказалъ довольно рѣзкія сужденія о русскомъ государственномъ строѣ вообще и объ отношеніяхъ Верховной Власти къ раз-

[1] Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, 22-го апрѣля 1858 г.

нымъ сословіямъ, а этихъ послѣднихъ между собою и приходилъ къ слѣдующимъ тремъ выводамъ: 1) крѣпостныхъ слѣдуетъ освободить вполнѣ, совершенно, изъ-подъ зависимости господъ, потому что на безпристрастное разбирательство и рѣшеніе процессовъ между помѣщиками и ихъ крѣпостными долго нельзя еще разсчитывать, такъ какъ и послѣ освобожденія судебная и полицейская власть останется въ рукахъ дворянъ; 2) ихъ слѣдуетъ освободить не только со всѣмъ принадлежащимъ имъ имуществомъ, но и непремѣнно съ землею въ размѣрѣ того надѣла, которымъ они теперь пользуются, и 3) освобожденіе должно совершиться не иначе, какъ съ вознагражденіемъ помѣщика, путемъ выкупа.

Статья Кавелина разсматривалась въ Главномъ Комитетѣ и была признана вредною и опасною. Пропустившему ее въ печати попечителю петербургскаго учебнаго округа князю Щербатову сдѣланъ выговоръ; Кавелинъ отставленъ отъ должности преподавателя наслѣднику русскаго права, а министръ народнаго просвѣщенія Ковалевскій приглашенъ сдѣлать по цензурному вѣдомству распоряженіе о недопущеніи въ печати статей, подобныхъ статьѣ Кавелина, основная мысль которой, по мнѣнію Комитета, состоитъ въ томъ, «что помѣщичьи крестьяне должны, вопреки главнымъ началамъ, установленнымъ высочайшими рескриптами касательно устройства быта крестьянъ, при освобожденіи ихъ изъ крѣпостного состоянія, получить въ полную собственность землю, которою они нынѣ пользуются».

Нѣсколько дней спустя составленъ былъ и переданъ Ковалевскому къ подписанію и исполненію слѣдующій циркуляръ: «Государь императоръ, признавая необходимымъ, чтобы при настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса не были рѣшительно допускаемы къ напечатанію такія статьи, въ какой бы формѣ онѣ ни были, кои могутъ волновать умы и помѣщиковъ, и крестьянъ, разсѣвая между сими послѣдними нелѣпые толки и сужденія, изволилъ высочайше повелѣть: ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ духа и смысла правилъ, указанныхъ уже по сему предмету его императорскимъ величествомъ въ минувшемъ январѣ. Его величеству угодно, чтобы, съ изданіемъ нынѣ особой программы для занятій дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, цензура дозволяла къ печатанію только тѣ, чисто ученыя, теоретическія, историческія и статистическія статьи, гдѣ обсуживаются исключительно предметы сельскаго хозяйства и благоустройства, статьи, не противныя духу и направленію означенной программы, не вдаваясь отнюдь въ сужденія будущаго устройства крестьянъ, въ окончательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ его императорское величество изволитъ признать необходимымъ, чтобы цензура, разрѣшая печатаніе статей, написанныхъ въ пользу крестьянскаго сословія, не препятствовала печатать статьи въ пользу помѣщи-

ковъ, запрещая критику главныхъ началъ, въ высочайшихъ рескриптахъ и въ означенной выше программѣ указанныхъ, и вообще, сочиненія, кои могутъ возбуждать одно сословіе противу другого, но всегда обращая строгое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія. Сверхъ того, государю императору благоугодно, чтобы въ отдѣльныхъ листкахъ, продаваемыхъ нынѣ на улицахъ и перекресткахъ, не было вовсе допускаемо сужденій и статей, вообще до крестьянскаго вопроса относящихся, и чтобы было обращено особое, строгое вниманіе на отдѣльныя книжки, издаваемыя для простого народа, дабы въ нихъ не было допущено не только ничего несогласнаго съ постановленными для устройства крѣпостного сословія началами, но и ничего такого, что могло бы давать поводъ, хотя и намеками, къ превратнымъ толкованіямъ»...[1]. Эти цензурныя распоряженія имѣли послѣдствіемъ почти полное прекращеніе дальнѣйшаго обсужденія крестьянскаго вопроса въ печати.

Какъ при составленіи программы для губернскихъ комитетовъ, такъ и въ прочихъ дѣлахъ, подлежавшихъ обсужденію Комитета, Ростовцовъ дѣйствовалъ въ полномъ единомысліи съ представителями большинства,—предсѣдателемъ Орловымъ и министрами: юстиціи—Панинымъ и государственныхъ имуществъ—Муравьевымъ. Всѣхъ ихъ озабочивали послѣдствія рѣшеннаго государемъ преобразованія: опасались волненій какъ среди недовольныхъ помѣщиковъ, такъ и неудовлетворенныхъ крестьянъ, и въ этихъ видахъ считали необходимымъ прочно организовать губернскія и уѣздныя учрежденія для завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ; установить волостныя и сельскія власти, но въ особенности преобразовать и усилить земскую полицію. По уговору съ Ланскимъ, рѣшено было первое дѣло поручить министру юстиціи, второе—министру государственныхъ имуществъ, третье—министру внутреннихъ дѣлъ. Для совмѣстнаго обсужденія этихъ важныхъ предметовъ у трехъ министровъ происходили совѣщанія въ присутствіи Ростовцова, который взялъ на себя составленіе проекта о повсемѣстномъ назначеніи, на время введенія въ дѣйствіе новыхъ положеній, генералъ-губернаторовъ съ обширными полномочіями для поддержанія общественнаго порядка и спокойствія. Составленныя поименованными членами предположенія были одобрены Главнымъ Комитетомъ и, съ высочайшаго соизволенія, препровождены министромъ внутреннихъ дѣлъ на заключеніе начальниковъ губерній, которые приглашались доставить въ двухмѣсячный срокъ отзывы о возможности, способахъ и порядкѣ примѣненія помянутыхъ «главныхъ началъ»[2].

Вскорѣ послѣ того, а именно въ половинѣ іюля, Главный Комитетъ выдѣлилъ изъ себя особую комиссію изъ четырехъ членовъ, объ учре-

[1] Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, 22-го апрѣля 1858 г.

[2] Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, 16-го мая 1858 г.

женіи которой состоялось слѣдующее высочайшее повелѣніе, опредѣлявшее эти «главныя начала»:

1) Предоставить каждому губернскому комитету объ улучшеніи быта крестьянъ, по составленіи проекта въ комитетѣ, избрать по своему усмотрѣнію и прислать въ С.-Петербургъ двухъ членовъ для представленія высшему правительству всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проекта; 2) изъ шести западныхъ губерній командировать въ свое время въ Петербургъ по два члена не отъ губернскихъ комитетовъ, но отъ общихъ коммиссій: виленской и кіевской; 3) о такомъ разрѣшеніи сообщить губернскимъ комитетамъ по мѣрѣ ихъ старанія и окончанія работъ; 4) для предварительнаго разсмотрѣнія поступающихъ изъ губернскихъ комитетовъ проектовъ положеній образовать при Главномъ Комитетѣ особую коммиссію; 5) въ составъ этой коммиссіи назначить Ланского, Паниина, Муравьева и Ростовцова; 6) управленіе дѣлами коммиссіи поручить статсъ-секретарю государственнаго совѣта Жуковскому, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и надзоромъ государственнаго секретаря; 7) предоставить коммиссіи, если она признаетъ нужнымъ, приглашать съ свои засѣданіи членовъ, губернскими комитетами командированныхъ, и требовать отъ нихъ всѣ необходимыя для коммиссіи свѣдѣнія, объясненія и мнѣнія; 8) порядокъ разсмотрѣнія проектовъ учредить въ коммиссіи по ея усмотрѣнію и распоряженію; 9) работы, коммиссіею конченныя, вносить на окончательное разсмотрѣніе Главнаго Комитета, и 10) предоставить Главному Комитету право, если онъ признаетъ нужнымъ, приглашать и въ свои засѣданія членовъ, командированныхъ губернскими комитетами, и также требовать отъ нихъ нужныя свѣдѣнія и объясненія [1].

Такимъ образомъ, въ продолженіе первой половины 1858 года измѣнилось направленіе крестьянскаго дѣла въ смыслѣ охранительномъ, и взгляды большинства Главнаго Комитета, повидимому, одержали верхъ надъ началами, усвоенными министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Но послѣднее не унывало и старалось по мѣрѣ возможности, второстепенными распоряженіями, снова направить дѣла на прежній путь. Не безъ его вліянія и участія проведены мѣры, имѣвшія хотя косвенное, но все же весьма существенное значеніе для окончательнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Незадолго до появленія высочайшаго рескрипта Назимову, рѣшено упраздненіе послѣднихъ остатковъ военныхъ поселеній, и бывшіе пахатные солдаты перечислены сначала въ удѣльное вѣдомство, а потомъ въ завѣдываніе министерства государственныхъ имуществъ, на правахъ свободныхъ поселянъ [2]. Лѣтомъ 1858 года удѣльные крестьяне сравнены

[1] Высочайшее повелѣніе, 15-го іюля 1858 г.

[2] Высочайшіе указы, 1-го мая 1857 г. и 14-го декабря 1858 г.

съ прочими свободными сословіями во всѣхъ личныхъ и имущественныхъ правахъ, и къ концу года какъ удѣльнымъ, такъ и государственнымъ крестьянамъ дозволено переходить изъ одного сословія въ другое, безъ сякаго ограниченія [1]. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1859 году всѣ права, предоставленныя удѣльнымъ крестьянамъ, распространены на крестьянъ государевыхъ и дворцовыхъ имѣній [2]. Еще ранѣе при министерствѣ финансовъ учреждена особая комисія для составленія соображеній объ устройствѣ крестьянъ фабричныхъ и горнозаводскихъ [3].

Распоряженія эти состоялись по постороннимъ вѣдомствамъ, но и въ сферѣ своей дѣятельности министерство внутреннихъ дѣлъ не упускало ни единаго случая, чтобы расчищать путь къ довершенію предпринятаго преобразованія. Такъ, оно успѣло провести чрезъ Главный Комитетъ нѣсколько предупредительныхъ мѣръ противъ злоупотребленій помѣщичьей властью: о воспрещеніи перечислять крестьянъ въ дворовые; объ ограниченіи, а вскорѣ и полномъ прекращеніи пріема въ рекруты крестьянъ мелкопомѣстныхъ дворянъ [4]; о предварительномъ опросѣ отпускаемыхъ на волю безъ земли крѣпостныхъ крестьянъ относительно согласія ихъ воспользоваться свободой [5]; о стѣсненіи права помѣщиковъ высылать крестьянъ въ Сибирь, переносить ихъ усадьбы или переселять ихъ на новыя мѣста [6]. Цѣлью всѣхъ этихъ мѣръ было лишить помѣщиковъ способовъ къ обезземеленію крестьянъ. Въ довѣрительномъ циркулярѣ къ губернскимъ предводителямъ, одобренномъ государемъ, Ланской пригласилъ ихъ внушить дворянамъ, безъ официіальной огласки, «что, для собственной ихъ пользы, весьма желательно, дабы усадебная осѣдлость крестьянъ оставалась въ теперешнемъ ихъ положеніи» [7]. Измѣнена была также форма купчихъ крѣпостей на недвижимыя населенныя имѣнія, причемъ предписано заносить въ нихъ о продажѣ самыхъ имѣній, т. е. селъ, деревень, угодій, а не людей, съ припискою лишь, что при данномъ имѣніи состоитъ по послѣдней ревизіи такое-то число крестьянъ и дворовыхъ [8].

Однимъ изъ главныхъ доводовъ противниковъ реформы было утвержденіе, что она не обойдется безъ волненій, которыя могутъ перейти въ общій бунтъ крестьянъ. Въ обществѣ и при дворѣ распространялись

1 Высочайшие указы, 30-го іюня и 14-го декабря 1858 г.

2 Высочайшій указъ, 16-го августа 1859 г.

3 Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній, 30-го августа 1858 г.

4 Высочайшія повелѣнія, 26-го марта и 5-го ноября 1858 г.

5 Циркуляръ министра юстиціи, 19-го марта 1858 г.

6 Высочайшее повелѣніе, 4-го ноября 1858 г.

7 Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, 20-го марта 1858 г.

8 Высочайшій указъ сенату, 14-го апрѣля 1858 г.

слухи о частныхъ случаяхъ безпорядковъ, вызванныхъ неповиновеніемъ крестьянъ помѣщикамъ въ ожиданіи воли. Въ дѣйствительности случаи эти были крайне рѣдки: по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, со дня обнародованія высочайшихъ рескриптовъ и по 12-ое іюля 1858 года ихъ было не болѣе 70 на всемъ пространствѣ Россіи, прекращенныхъ внушеніями начальства и полицейскими мѣрами и только въ девяти случаяхъ пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію военныхъ командъ. Къ тому же почти 10% этихъ безпорядковъ были вызваны распоряженіями помѣщиковъ о переселеніи крестьянъ. Данныя эти, доводимыя Ланскимъ до свѣдѣнія государя въ еженедѣльныхъ запискахъ, содѣйствовали успокоенію опасеній, которыя пытались возбудить въ умѣ его нѣкоторые приближенные.

Къ концу іюля бо́льшая часть членовъ Главнаго Комитета разъѣхалась изъ Петербурга. Выдвинутый на первый планъ довѣріемъ къ нему императора, І. И. Ростовцовъ отправился въ четырехмѣсячный отпускъ за границу, чтобы тамъ, въ тиши уединенія, вникнуть въ дѣло, къ участію въ которомъ онъ призванъ былъ монаршею волею и къ которому самъ считалъ себя недостаточно подготовленнымъ. Отсутствіе главныхъ комитетскихъ дѣятелей побудило Ланского, минуя Главный Комитетъ, войти непосредственно съ докладомъ къ государю по важному недоразумѣнію, возникшему въ нижегородскомъ губернскомъ комитетѣ. Въ средѣ его произошелъ расколъ: большинство высказалось за личный выкупъ крестьянъ; меньшинство, съ предсѣдательствовавшимъ губернскимъ предводителемъ,—противъ. Послѣднее, не желая присутствовать при постановленіи, которое считало незаконнымъ, вышло изъ состава комитета, а большинство рѣшило продолжать свои занятія, избравъ новаго предсѣдателя. Государь утвердилъ представленіе министра, заключавшееся въ слѣдующемъ: 1) отстранить въ губернскихъ комитетахъ всякое сужденіе о выкупѣ личности; 2) всѣ постановленія нижегородскаго комитета со дня избранія новаго предсѣдателя считать недѣйствительными; 3) членамъ, участвовавшимъ въ этихъ постановленіяхъ, сдѣлать выговоръ; 4) избраннаго предсѣдателя исключить изъ состава комитета, и 5) предписать губернатору вновь открыть комитетъ въ законномъ его составѣ[1].

Нѣсколько дней спустя, ободренный согласіемъ императора съ его взглядами на нижегородское дѣло, Ланской рѣшился представить государю составленное въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ возраженіе на проектъ Ростовцова объ учрежденіи временныхъ генералъ-губернаторовъ. На министерство это было возложено Главнымъ Комитетомъ составленіе инструкцій для послѣднихъ, которыхъ предполагалось облечь обширными полномочіями. Въ докладѣ Ланского выражалось мнѣ-

[1] Высочайшее повелѣніе 26-го іюля 1858 г.

ніе, что нельзя составить предположенную инструкцію безъ существенныхъ измѣненій въ общемъ административномъ порядкѣ и даже въ законахъ; самая мѣра признавалась нецѣлесообразною и положительно вредною, и все это было высказано въ формѣ довольно рѣзкой, въ ѣдкомъ и задорномъ, чисто полемическомъ тонѣ [1].

Содержаніе записки, а и того болѣе встрѣчавшіеся въ ней обороты рѣчи разгнѣвали императора, который возвратилъ записку Ланскому—испещренною пространными собственноручными замѣчаніями на поляхъ, ярко характеризующими взглядъ Александра Николаевича какъ на предпринятое имъ преобразованіе, такъ и вообще на задачи внутренняго управленія, его цѣли и средства.

На утвержденіе министра, что народъ не только не сопротивляется, но вполнѣ сочувствуетъ намѣреніямъ правительства, государь возражалъ: «Все это такъ, пока народъ находится въ ожиданіи, но кто можетъ поручиться, что когда новое положеніе будетъ приводиться въ исполненіе и народъ увидитъ, что ожиданіе его, т. е. что свобода по его разумѣнію, не сбылось, не настанетъ ли для него минута разочарованія? Тогда уже будетъ поздно посылать отсюда особыхъ лицъ для усмиренія. Надобно, чтобы они были уже на мѣстахъ. Если Богъ помилуетъ и все останется спокойно, тогда можно будетъ отозвать всѣхъ временныхъ генералъ-губернаторовъ и все войдетъ опять въ законную колею». Противъ успокоительныхъ увѣреній записки, что не должно опасаться важныхъ затрудненій, государь написалъ: «Напротивъ, того-то и должно опасаться»; что крестьяне спокойно будутъ ожидать утвержденія положеній —«дай Богъ! но этой увѣренности, по всему до меня доходящему, я не имѣю»; что спокойствіе народа тогда только надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства—«да, но, къ несчастію, наше положеніе и административная организація еще далеки отъ этого». Въ особенности возмутило государя сужденіе, высказанное въ запискѣ, что можно обойтись безъ чрезвычайныхъ мѣръ, если только самыя положенія будутъ составлены въ видахъ государственной пользы. «Какіе же другіе виды могутъ быть?» вопрошалъ онъ и, соглашаясь съ мнѣніемъ министра, что успѣхъ крестьянскаго дѣла будетъ зависѣть отъ вѣрнаго практическаго соглашенія правъ и выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ, приписалъ: «совершенно такъ». Утвержденіе записки, что послѣдствіемъ учрежденія генералъ-губернаторовъ будетъ возбужденіе въ народѣ мысли, что правительство ему не довѣряетъ, а это вызоветъ подобное же чувство недовѣрія народа къ правительству, императоръ опровергалъ самымъ категорическимъ образомъ: «Въ этомъ я вовсе не согласенъ, ибо мы не должны отъ себя

[1] Всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, 10-го августа 1858 г.

Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій.

(Съ литографіи Бореля.)

скрывать, что Россія входитъ въ новую, еще небывалую эру, и потому на будущее преступно было бы правительству смотрѣть, такъ сказать, сложа руки. Такъ, мы должны быть готовыми ко всему и въ этомъ случаѣ предусмотрительность должна успокоить, а не тревожить. Эти всѣ опасенія возбуждены людьми, которые желали бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, дабы имъ легче было достигнуть ихъ цѣли, то есть ниспроверженія законнаго порядка». На замѣчаніе министра, что правительству нѣтъ надобности ставить себя въ оборонительное положеніе и что оно съ полною увѣренностію въ общее спокойствіе можетъ держаться законнаго способа дѣйствій, государь строго возразилъ: «Дѣло не въ оборонительномъ положеніи, а въ томъ, чтобы дать болѣе власти мѣстному начальству. Никогда и рѣчи не было о незаконномъ способѣ дѣйствія, но въ экстренныхъ случаяхъ должны быть принимаемы и экстренныя мѣры. У насъ, къ сожалѣнію, довольно было примѣровъ пагубныхъ послѣдствій нераспорядительности мѣстныхъ властей, привыкшихъ къ одному формализму и совершенно теряющихся въ подобныхъ случаяхъ». Доводы министра: что единоличная власть «генералъ-губернаторовъ поведетъ за собою произволъ, который даже въ отдаленномъ краѣ, какова Сибирь, старались ограждать совѣтами», вызвали замѣчаніе: «По теоріи это прекрасно, но не на практикѣ»; что въ два предыдущія царствованія каждый разъ, когда возникала мысль о повсемѣстномъ учрежденіи генералъ-губернаторовъ, мѣра эта была отвергаема—«это такъ, но не должно забывать, что мы теперь находимся не въ нормальномъ положеніи»; что несвойственно измѣнять іерархическія отношенія съ той единственною цѣлью, чтобы сдѣлать возможной власть временную, и притомъ личную. «Я тутъ ничего несвойственнаго не вижу; ибо дѣло идетъ о временномъ учрежденіи, долженствующемъ кончиться съ окончательнымъ введеніемъ новаго устройства крестьянъ. Обыкновенный административный порядокъ этимъ не измѣнится, а учреждается только временно новая полицейская власть». Опасеніе министра о возникновеніи столкновеній и пререканій между властями постоянными и чрезвычайными государь отвергалъ, замѣтивъ, что «столкновеній и пререканій быть не должно, ибо въ инструкціи временнымъ генералъ-губернаторамъ долженъ быть положительно опредѣленъ кругъ ихъ дѣйствій». Другое опасеніе, что власть губернаторовъ упадетъ до низкаго значенія несамостоятельныхъ чиновниковъ и они принуждены будутъ заботиться не столько объ управленіи губерніею, сколько объ угожденіи генералъ-губернаторамъ,—оспаривалось такъ: «Съ этимъ я также несогласенъ, ибо дѣло не въ угожденіи, а въ исполненіи приказаній лицъ, облеченныхъ отъ меня особыми полномочіями». Власть генералъ-губернаторовъ,—говорилось въ запискѣ,—не имѣетъ никакихъ условій къ усовершенствованію администраціи. «Власть генералъ-губер-

наторовъ», разъяснялъ императоръ — какъ я ее понимаю, должна быть основана совсѣмъ на другихъ началахъ».

Бо̀льшая часть доводовъ, изложенныхъ въ запискѣ, представленной государю, служила лишь болѣе или менѣе благовидными предлогами; истинный же поводъ къ сопротивленію министерства внутреннихъ дѣлъ предположенной мѣрѣ усмотрѣлъ государь въ заключеніи министра, что власть генералъ-губернаторовъ уничтожитъ начало, въ силу котораго предоставлялось губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ расправамъ, или присутствіямъ,—какъ они названы впослѣдствіи,— рѣшать окончательно и безъ апелляцій всѣ споры между помѣщиками и крестьянами. Противъ этого мѣста императоръ начерталъ: «Слова эти, кажется, довольно объясняютъ дѣло». Далѣе министръ находилъ, что и губернаторы имѣютъ право обращаться къ военному начальству съ требованіемъ содѣйствія; государь же пояснялъ: «Въ этомъ и будетъ разница, ибо генералъ-губернаторы должны будутъ сами дѣйствовать, а не обращаться съ просьбой къ военному начальству». Противъ общаго заключенія записки императоръ написалъ: «Это собственно гражданскій или канцелярскій взглядъ и вовсе несогласный съ моимъ». Согласился только государь съ мнѣніемъ министра, что необходимо озаботиться возвышеніемъ власти губернаторовъ: «Этимъ и должно заняться для будущаго», замѣчалъ онъ, а противъ предложенія предоставить губернаторскія мѣста наиболѣе способнымъ изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, не стѣсняясь чинами, сдѣлалъ надпись: «Весьма будетъ полезно». Зато все рѣзче становились его замѣчанія на заключительныя представленія министра. Министръ: «Составленіе инструкціи генералъ-губернаторамъ преждевременно, такъ какъ не составлены еще крестьянскія положенія и не утверждены проектированныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ». Государь: «Это значитъ отложить ее до того, когда въ ней не будетъ уже нужды или когда будетъ поздно». Министръ: «Предполагается предоставить генералъ-губернаторамъ для сохраненія общественнаго порядка употреблять не однѣ только законныя мѣры, но «всѣ безъ разбора средства». Государь: «Не понимаю, какъ такая мысль можетъ войти въ голову человѣку, знающему мой образъ мыслей и мои желанія». Министръ: «Установленіе генералъ-губернаторовъ будетъ преувеличивать опасность изъ желанія придать себѣ новую важность и значеніе». Государь: «Надѣюсь, что лица, которыя будутъ для сего выбраны мною и облечены полнымъ моимъ довѣріемъ, вполнѣ его оправдаютъ». Министръ: «Генералъ-губернаторовъ, если они будутъ учреждены, нельзя освободить отъ текущихъ и маловажныхъ дѣлъ, ибо они, чтобъ не уронить своей власти, обязаны будутъ принимать: прошенія, жалобы, письма и т. п.». Государь: «Непремѣнно должно ихъ отъ этого освободить. Жалобы, имъ приносимыя, должны ими передаваться губер-

наторамъ». Министръ: «При введеніи крестьянскаго положенія слѣдовало бы временно освободить губернатора отъ предсѣдательства во всѣхъ подвластныхъ ему учрежденіяхъ». Государь: «Здѣсь предполагается именно то, что я хочу сдѣлать для временныхъ генералъ-губернаторовъ». Министръ: «Слѣдовало бы ассигновать особыя суммы въ распоряженіе губернаторовъ на экстраординарные расходы». Государь: «Будетъ излишне съ учрежденіемъ временныхъ генералъ-губернаторовъ». Министръ,—перечисливъ предположенныя имъ мѣры къ расширенію власти губернаторовъ, прибавлялъ: всѣ эти мѣры достаточны для поддержанія порядка и повиновенія. Государь: «Я ихъ не считаю достаточными безъ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ». Министръ: «Въ случаѣ какихъ либо особыхъ мѣстныхъ затрудненій, всегда можно будетъ командировать уполномоченныхъ и довѣренныхъ лицъ». Государь: «Вотъ почему я желаю, чтобы подобныя лица были уже на мѣстахъ». Рѣшеніе свое императоръ выразилъ въ слѣдующемъ замѣчаніи: «Всѣ сіи соображенія не измѣняютъ моего убѣжденія въ необходимости и пользѣ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ», а общее впечатлѣніе, произведенное на него запиской въ слѣдующемъ обращеніи къ Ланскому: «Я прочелъ все съ большимъ вниманіемъ и долженъ вамъ откровенно сказать, что записка эта сдѣлала на меня весьма грустное впечатлѣніе. Она, вѣрно, составлена не вами, а кѣмъ нибудь изъ директоровъ департаментовъ или канцелярій, которымъ предполагаемое новое учрежденіе крѣпко не нравится, ибо должно ослабить ихъ власть и то значеніе, которымъ они привыкли пользоваться и часто употреблять во зло».

Строгая отповѣдь государя заставила призадуматься старика Ланского. Полагая, что онъ лишился высочайшаго довѣрія, министръ внутреннихъ дѣлъ заготовилъ уже письмо къ императору съ просьбою объ увольненіи отъ должности, но на ближайшемъ докладѣ государь былъ съ нимъ такъ привѣтливъ и ласковъ, что Ланской не счелъ нужнымъ просить объ отставкѣ. Онъ обнялъ министра, выразивъ при этомъ надежду, что тотъ «не сердится», а когда министръ замѣтилъ, что въ иностранныхъ газетахъ уже назначаютъ ему преемника, то императоръ успокоилъ его увѣреніемъ, что если служба его будетъ болѣе не нужна, то онъ, Ланской, первый о томъ узнаетъ [1].

Самая мѣра назначенія генералъ-губернаторовъ на время введенія въ дѣйствіе новыхъ положеній о крестьянахъ, мѣра, предположенная Ростовцовымъ и которую съ такимъ жаромъ отстаивалъ государь, не была приведена въ исполненіе. Осенью 1858 года Главный Комитетъ постановилъ приступить къ ея разсмотрѣнію, когда поступитъ проектъ

[1] Записки Соловьева, «Русская Старина» 1882 г., т. XXXIII, стр. 593 г.

инструкцій временнымъ генералъ-губернаторамъ, составленіе которыхъ вмѣсто министра внутреннихъ дѣлъ было поручено государственному секретарю [1]. Но эта инструкція никогда не была составлена и все дѣло кануло въ воду.

Не трудно угадать причину снисходительнаго отношенія императора къ Ланскому, въ которомъ онъ цѣнилъ министра, наиболѣе искренно расположеннаго къ дѣлу, столь близкому сердцу государя. Въ началѣ августа, предпринимая путешествіе по разнымъ внутреннимъ губерніямъ, Александръ Николаевичъ пожелалъ воспользоваться этимъ, дабы лично убѣдиться въ положеніи крестьянскаго дѣла въ провинціи и снова всенародно высказать свою непремѣнную волю о доведеніи его до благополучнаго конца. Уже въ первую свою поѣздку на сѣверъ Россіи, въ іюнѣ 1858 года, государь, принимая въ Вологдѣ мѣстныхъ дворянъ, выразилъ губернскому предводителю увѣренность, что вологодское дворянство, всегда отличавшееся своею преданностію престолу, и нынѣ въ общемъ дѣлѣ будетъ споспѣшествовать исполненію его предначертаній. Затѣмъ, выйдя къ прочимъ представлявшимся ему дворянамъ, онъ повторилъ тѣ же слова, прибавивъ: «Господа, я надѣюсь, что вы совершенно сочувствуете моимъ желаніямъ и будете способствовать общей пользѣ по крестьянскому дѣлу, а затѣмъ улучшите бытъ крестьянъ вашихъ, нераздѣльно съ общею выгодою» [2].

Во вторую поѣздку, продолжавшуюся болѣе мѣсяца, императоръ произнесъ цѣлый рядъ рѣчей при пріемѣ дворянства посѣщенныхъ имъ губерній.

Въ Твери впервые государь возвѣстилъ о вызовѣ въ Петербургъ уполномоченныхъ отъ губернскихъ комитетовъ. «Господа»,—сказалъ онъ,—«я очень счастливъ, что имѣю случай выразить мою благодарность тверскому дворянству, которое уже неоднократно доказало мнѣ свою преданность и готовность, вмѣстѣ съ другими губерніями, всегда содѣйствовать общему благу. Вы это доказали во время послѣдней войны, при составленія ополченія, и мнѣ памятны жертвы дворянъ. Теперь я вамъ поручилъ важное для меня и для васъ—дѣло крестьянъ. Надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе. Лицамъ, изъ среды вашей выбраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ. Обсудите его, обдумайте зрѣло, изыщите средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ, устройте, примѣняясь къ мѣстности, такъ, чтобы было безобидно и для нихъ, и для васъ, на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя указаны въ моихъ рескриптахъ. Вы знаете, какъ ваше благосостояніе мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы вашихъ

[1] Высочайше утвержденный 26-го октября 1858 г. журналъ Главнаго Комитета.
[2] 15-го іюня 1858 г.

крестьянъ. Поэтому я увѣренъ, что вы будете стараться устроить такъ, чтобы было безобидно для васъ и для нихъ. Я увѣренъ, что могу быть покоенъ: вы меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ. Когда ваши занятія кончатся, тогда положенія комитета поступятъ чрезъ министерство на мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ Главномъ Комитетѣ. Въ дѣйствіяхъ намъ разойтись нельзя: наши цѣли одни — общая польза Россіи. Я оставляю васъ въ полной увѣренности, что вы оправдаете мои ожиданія и мое къ вамъ довѣріе; убѣжденъ, что вы мнѣ будете содѣйствовать, а не препятствовать» [1].

Въ Костромѣ: «Господа, Костромская губернія, по историческимъ воспоминаніямъ, близка семьѣ моей, и мы считаемъ ее родной. Поэтому-то мнѣ особенно пріятно находиться среди васъ послѣ прошествія двадцати лѣтъ. Вчерашній пріемъ тронулъ меня. Благодарю васъ за готовность, съ какою вы встрѣтили желаніе мое улучшить бытъ крестьянъ. Этотъ близкій сердцу моему вопросъ слишкомъ важенъ для будущности Россіи. Надѣюсь, что вы въ этомъ, такъ сказать, жизненномъ вопросѣ оправдаете вполнѣ мои ожиданія примѣненіемъ главныхъ началъ, выраженныхъ въ моихъ рескриптахъ, къ мѣстнымъ условіямъ, покончите его, при помощи Божіей, безъ обиды какъ для себя, такъ и для крестьянъ. Для объясненій вашихъ выводовъ я позволяю вамъ избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ, которые должны будутъ, по окончаніи работъ комитета здѣсь на мѣстѣ, прибыть въ Петербургъ, для окончательнаго пересмотра предложеній вашихъ. Надѣюсь, что вы оправдаете мое къ вамъ довѣріе. Еще благодарю васъ, господа, за оказанное вами усердіе въ прошедшую войну, за службу вашу и за ваши пожертвованія» [2].

Въ Нижнемъ-Новгородѣ: «Господа, я радъ, что могу лично благодарить васъ за усердіе, которымъ нижегородское дворянство всегда отличалось. Гдѣ отечество призывало, тамъ оно было изъ первыхъ. И въ минувшую тяжкую войну вы откликнулись первыми и поступали добросовѣстно; ополченіе ваше было изъ лучшихъ. И нынѣ благодарю васъ за то, что вы первые отозвались на мой призывъ въ важномъ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго быта. Поэтому самому я хотѣлъ васъ отличить и принялъ депутатовъ вашихъ — генерала Шереметева и Потемкина. Я поручилъ имъ благодарить васъ и передать вамъ мои виды и желанія; не сомнѣваюсь, что они это исполнили. Вы знаете цѣль мою: общее благо; ваше дѣло — согласить въ этомъ важномъ дѣлѣ частныя выгоды свои съ общей пользой. Но я съ нынѣ съ сожалѣніемъ, что между вами возникли

[1] 11-го августа 1858 г.

[2] 16-го августа 1858 г.

личности, а личности всякое дѣло портятъ. Это жаль, устраните ихъ; я надѣюсь на васъ; надѣюсь, что ихъ болѣе не будетъ, и тогда общее дѣло это пойдетъ. Я знаю, что вы трудитесь усердно, что уже многое вами сдѣлано,—идите впередъ. Сегодня оканчивается срокъ вашихъ занятій, но знаю, что трудъ вашъ еще неготовъ. Я согласенъ продлить этотъ срокъ до 1-го октября, но къ октябрю вы окончите, въ этомъ я не сомнѣваюсь, не такъ ли, господа? Я полагаюсь на васъ, я вѣрю вамъ, вы меня не обманете... Путь указанъ; не отступайте отъ началъ, изложенныхъ въ моемъ рескриптѣ и выданной вамъ программѣ. Трудъ вашъ будетъ разсмотрѣнъ въ Главномъ Комитетѣ, но я дозволилъ вамъ представить его чрезъ двухъ избранныхъ вами членовъ, которымъ вы поручите объяснить выгоды свои въ той мѣрѣ, какъ это будетъ согласоваться съ общимъ благомъ. Господа, дѣлайте такъ, чтобъ было вамъ хорошо и другимъ не худо; думайте о себѣ, думайте и о другихъ. Я вамъ вѣрю и надѣюсь, что вы оправдаете мое къ вамъ довѣріе. Исполнивъ и окончивъ трудъ этотъ добросовѣстно, вы мнѣ еще разъ докажете вашу любовь и преданность и то безкорыстное стремленіе свое къ общему благу, которымъ нижегородское дворянство отличалось. Считаю себя счастливымъ, что послѣ двадцати одного года послѣдняго моего здѣсь пребыванія опять нахожусь нынѣ посреди васъ» [1].

Во Владимірѣ государь выразилъ неудовольствіе дворянамъ по поводу предпринятаго однимъ изъ нихъ насильственнаго переселенія своихъ крестьянъ въ Сибирь и строго прибавилъ: «Надѣюсь, что слова мои не останутся втуне» [2].

Еще строже звучала царская рѣчь, обращенная къ московскому дворянству. Тамошній губернскій комитетъ, подъ вліяніемъ знатнѣйшихъ изъ своихъ членовъ, родовитыхъ вельможъ, генералъ-адъютантовъ князя Меншикова и графа Строганова, постановилъ разумѣть подъ «усадебною осѣдлостью» одно только крестьянское строеніе. Государь принялъ дворянъ въ самый послѣдній день пребыванія своего въ первопрестольной столицѣ и произнесъ при этомъ слѣдующее: «Мнѣ, господа, пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду и, къ сожалѣнію, благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненію крѣпостного права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда вслѣдствіе

1 19-го августа 1858 г.

2 23-го августа 1858 г.

вызова петербургской и литовскихъ губерній были даны мной рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется, но отозвалось нижегородское, а Московская губернія—не первая, не вторая, даже не третья. Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что я родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ наслѣдникомъ, люблю ее теперь, какъ родную. Я далъ вамъ начала и отъ нихъ никакъ не отступлю»... Перечисливъ главныя основанія, изложенныя въ рескриптахъ, императоръ продолжалъ: «Я люблю дворянство, считаю его первой опорой престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобъ оно было въ ущербъ вамъ; всегда готовъ стоять за васъ, но вы для своей же пользы должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на Московскую губернію смотритъ вся Россія. Я готовъ всегда сдѣлать для васъ все, что могу; дайте же мнѣ возможность стоять за васъ. Понимаете ли, господа? Я слышалъ, что комитетъ много уже сдѣлалъ; я читалъ извлеченія изъ его занятій; многое мнѣ кажется хорошо; одно я замѣтилъ, что написано объ усадьбахъ. Я подъ усадебной осѣдлостью понимаю не одни строенія, но и всю землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобъ я могъ стоять за васъ. Этимъ вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность» [1].

Изъ Москвы Александръ Николаевичъ отправился въ Смоленскъ и тамъ снова обратился къ представившимся ему дворянамъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ: «Мнѣ пріятно, господа, находиться среди васъ и лично благодарить дворянство смоленское за преданность престолу и отечеству, которую оно неоднократно доказывало какъ прежде, такъ и въ 1812 году и въ послѣднюю войну. Мнѣ пріятно благодарить васъ за готовность, выраженную вами въ крестьянскомъ дѣлѣ. Мои предмѣстники и въ особенности покойный родитель мой, всегда оказывали вниманіе смоленскому дворянству; вы имѣете документъ его благоволенія къ вамъ, который былъ писанъ за нѣсколько дней до его смерти: можно сказать, онъ и на смертномъ одрѣ думалъ о васъ (при этихъ словахъ на глазахъ государя навернулись слезы). Одна изъ вашихъ дамъ поднесла матери моей образъ для благословенія меня, когда я имѣлъ честь командовать войсками, защищавшими столицу. Этотъ образъ всегда при мнѣ и служитъ, такъ сказать, новою связью, которая еще крѣпче соединяетъ меня съ вами. Теперь вы собраны по крестьянскому дѣлу. Это необходимо для благосостоянія вашего, крестьянъ вашихъ и всей Россіи. Займитесь имъ дѣльно и на указанныхъ въ моемъ рескриптѣ началахъ, обдѣлайте это дѣло такъ, чтобы оно было безобидно для васъ и для крестьянъ вашихъ. Я увѣренъ: вы не обманете моихъ ожиданій и оправдаете мою къ вамъ довѣренность» [2].

---

[1] 31-го августа 1858 г.

[2] 3-го сентября 1858 г.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Не меньшая похвала расточалась въ рѣчи государя къ виленскимъ дворянамъ: «Господа, очень радъ, что могу лично благодарить васъ за живое участіе, которое вы принимали во время послѣдней войны, а равно и за радушіе, оказанное вами моей гвардіи. Но это для васъ не ново. Я самъ былъ свидѣтелемъ въ 1849 году, какъ вы принимали гвардію. Благодарю васъ за сердечный и радушный пріемъ. Весьма радъ видѣть васъ собравшимися здѣсь и быть между вами. Благодарю васъ за участіе, принимаемое вами въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ. Вы первые показали примѣръ, и вся Имперія за вами послѣдовала. Я увѣренъ, что вы отвѣтите ожиданіямъ правительства и будете всегда и во всемъ помогать мнѣ. Еще разъ благодарю васъ за пріемъ и повторяю, что мнѣ пріятно видѣть себя окруженнымъ вами. Я надѣюсь на васъ» [1].

Царское путешествіе по Россіи, въ августѣ и сентябрѣ 1858 года, знаменуетъ важную эпоху въ развитіи крестьянскаго вопроса. Оно дало дѣлу сильный толчокъ, послуживъ поводомъ къ гласному выраженію непремѣнной воли государя, безповоротной рѣшимости его совершить освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Самъ императоръ вынесъ изъ своей поѣздки вполнѣ благопріятныя впечатлѣнія. Онъ убѣдился, что не встрѣтитъ со стороны дворянства упорной и систематической оппозиціи; что въ средѣ этого сословія немало лицъ, пламенно сочувствующихъ идеѣ освобожденія; что народъ, повсюду встрѣчавшій его выраженіемъ неподдѣльнаго восторга, проникнутъ безконечнымъ благоговѣйнымъ чувствомъ преданности и признательности къ державному Освободителю. Александръ Николаевичъ вернулся въ Петербургъ въ половинѣ октября въ самомъ свѣтломъ и радужномъ настроеніи. При первомъ свиданіи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ онъ сказалъ ему: «Мы съ вами начали крестьянское дѣло и пойдемъ до конца, рука объ руку» [2].

Почти одновременно съ императоромъ возвратился въ Петербургъ изъ заграничнаго отпуска и Ростовцовъ. Досугъ свой онъ посвятилъ изученію крестьянскаго вопроса и мысли свои о его разрѣшеніи изложилъ въ четырехъ всеподданнѣйшихъ письмахъ, писанныхъ, съ разрѣшенія государя, изъ Вильдбада, Карлсруэ и Дрездена.

«Не знаю какъ благодарить васъ»,—писалъ онъ въ первомъ письмѣ,—«за мое временное отдохновеніе; въ водоворотѣ Петербурга я никогда не могъ бы такъ сосредоточиться. На исходъ вопроса я смотрю съ надеждой крѣпкою. Познакомившись съ заграничными способами устройства крестьянъ, я убѣдился, что ни одинъ изъ нихъ для Россіи не годится... Россіи предлежать двѣ задачи: первая—собственно освобожденіе, вторая—надѣленіе крестьянъ землею». Ростовцовъ не считалъ возможнымъ правитель-

[1] 6-го сентября 1858 г.

[2] Записки Соловьева. Русская Старина 1882 г., т. XXXIV, стр. 415

ственнаго выкупа крестьянской земли, по неимѣнію на то финансовыхъ средствъ. Да сверхъ того, замѣчаетъ онъ, русскій крестьянинъ не понялъ бы бинома для выкупа земли въ нѣсколько десятковъ лѣтъ и сказалъ бы: «вотъ-те и свобода, оброка надбавили!» Поэтому онъ полагалъ, согласно состоявшимся уже и высочайше утвержденнымъ постановленіямъ Комитета, «по невозможности освободить крестьянъ ни съ землею, ни безъ земли, оставить имъ при освобожденіи дома ихъ, огороды и ихъ пашни въ постоянное пользованіе. Затѣмъ, личная свобода должна дать крестьянину свободу труда, какъ источникъ дальнѣйшаго духовнаго развитія и улучшенія матеріальнаго». Изложивъ въ отдѣльной запискѣ основныя начала, которыя онъ намѣревался развить и объяснить въ засѣданіяхъ Комитета, Іаковъ Ивановичъ такъ заключалъ свое первое письмо: «Молю Бога, чтобы вѣрованіе мое оправдалось. Но если все вышеизложенное, обработанное и улучшенное, приведется въ исполненіе, то исходъ крестьянскаго вопроса представляется мнѣ въ радужномъ видѣ. Крестьяне получатъ свободу полную, и даже не въ слишкомъ продолжительномъ времени; они начнутъ богатѣть; цѣнность помѣщичьихъ имѣній возрастаетъ быстро и, при добросовѣстности и образованности мѣстной полиціи, закоренившіяся злоупотребленія зачнутъ исчезать; оба сословія будутъ ограждены въ своихъ интересахъ» [1]...

Во второмъ письмѣ, развивая начала, изложенныя въ первомъ, Ростовцовъ ставитъ три условія, по мнѣнію его, необходимыя для обезпеченія новому порядку предсказаннаго имъ успѣха: чтобы крестьяне дѣйствительно почувствовали облегченіе въ своемъ положеніи; чтобы помѣщики успокоились; чтобы мѣстныя власти ни минуты не колебались. «Для сего»,—поясняетъ онъ,—«необходимо, чтобы патріархальная власть помѣщика, державшая доселѣ въ спокойствіи всю Россію, но при новомъ порядкѣ вещей уже невозможная, замѣнилась другою, надежною властью, т. е. совокупными дѣйствіями міра, помѣщика и правительства; чтобы достоинство помѣщика было въ глазахъ крестьянъ возвышено и чтобы отношенія крестьянъ и къ помѣщику, и къ мѣстному начальству, и между собою были опредѣлены и опредѣлены точно» [2].

Дальнѣйшія предположенныя имъ мѣропріятія Ростовцовъ сопровождаетъ въ третьемъ письмѣ слѣдующими соображеніями: «Съ молитвою и любовью изложилъ я все, что̀ имѣю счастіе при семъ вашему величеству представить. Чрезвычайно трудно интересы поставить въ равновѣсіе безъ столкновеній. Это самая важная задача въ нашемъ дѣлѣ. Не знаю, до какой степени Богъ сподобилъ меня успѣть въ этомъ... Но это только канва, требующая развитія... Дай Богъ, государь, чтобы Комитетъ и вы

[1] Ростовцовъ государю, изъ Вильдбада, 17-го августа 1858 г.

[2] Второе письмо Ростовцова къ государю, изъ Вильдбада, 4-го сентября 1858 г.

одобрили эти главныя начала... Надобно быть чрезвычайно осторожнымъ въ изложеніи подробностей. Главную осмотрительность слѣдуетъ соблюдать въ постановленіяхъ для мѣстной общины и въ опредѣленіи рода наказаній по приговору міра. И то, и другое каждая община опредѣлитъ сама, лучше всякихъ законодательныхъ теорій. О наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать: это будетъ пятно для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ оныя, съ счастью, не употребляются» [1].

Четвертое письмо посвящено разсмотрѣнію вопроса о выкупѣ, о которомъ Ростовцовъ измѣнилъ свое первоначальное мнѣніе, не только переставъ отвергать его возможность, но совѣтуя правительству оказать ему широкое содѣйствіе, подъ условіемъ однако, чтобы выкупъ не былъ обязателенъ ни для помѣщиковъ, ни для крестьянъ. Въ этомъ же письмѣ Іаковъ Ивановичъ возвращался въ вопросу о крестьянской общинѣ: «Въ литературномъ мірѣ высказалось теперь два мнѣнія, какъ устроить бытъ крестьянъ: міромъ или отдѣльными семействами. Много и pro и contra. Но историческая жизнь Россіи и нынѣшнія условія коренного ея переходнаго состоянія вопросъ этотъ разрѣшаютъ очень просто. Общинное устройство нынѣ, въ настоящую минуту, ей необходимо; для народа нужна еще сильная власть, которая замѣняла бы патріархальную власть помѣщика. Безъ міра помѣщикъ не соберетъ своихъ доходовъ ни оброкомъ, ни барщиною, а правительство—своихъ податей и повинностей. Вопросъ этотъ, или, правильнѣе, переворотъ историческаго крестьянскаго народнаго быта, не можетъ быть рѣшенъ теоріями; онъ можетъ быть рѣшенъ только исторіею. Если русское общество историческимъ ходомъ своей жизни ощутитъ потребность въ раздробленіи поземельной собственности на отдѣльныя лица—въ чемъ, однако, я сомнѣваюсь—то пособить этому будетъ очень легко: тогда, въ извѣстный моментъ, достаточно будетъ одного высочайшаго указа, чтобы міръ раздѣлилъ свои угодья между своими сочленами въ потомственное владѣніе сихъ послѣднихъ. Вообще, государь, во всякомъ дѣлѣ гораздо легче раздроблять, чѣмъ соединять» [2].

Изложенныя живымъ, образнымъ языкомъ, не лишеннымъ въ своеобразіи своемъ краснорѣчивой убѣдительности, мысли и предположенія Ростовцова пришлись какъ нельзя болѣе по душѣ государю. Въ нихъ видѣлъ онъ отраженіе собственныхъ взглядовъ, безпристрастное, чуждое всякаго доктринёрства, отношеніе къ обоимъ сословіямъ, искреннее желаніе согласовать ихъ обоюдные интересы въ смыслѣ общаго блага Россіи. Императоръ обрѣлъ наконецъ въ давнемъ своемъ сотрудникѣ того помощника въ предпринятомъ имъ великомъ дѣлѣ, потребность въ которомъ онъ такъ живо ощущалъ, человѣка, горячо преданнаго этому дѣлу, вѣ-

[1] Третье письмо Ростовцова къ государю, изъ Карлеруэ, 8-го сентября 1858 г.

[2] Четвертое письмо Ростовцова къ государю, изъ Дрездена, 15-го сентября 1858 г.

рующаго въ благодѣтельный его исходъ, умнаго, добросовѣстнаго исполнителя царскихъ предначертаній и намѣреній. Съ этого времени довѣріе Александра Николаевича къ Ростовцову укрѣпилось навсегда и никакія постороннія вліянія не могли уже поколебать его впослѣдствіи. Для обсужденія его предположеній государь пригласилъ въ Гатчину, гдѣ въ тѣ дни находился дворъ, другого вѣрнаго своего сподвижника—Ланского. На этихъ совѣщаніяхъ рѣшено было главнѣйшія изъ обсужденныхъ мѣръ провести въ Главномъ Комитетѣ въ присутствіи императора и подъ его предсѣдательствомъ.

Разсмотрѣнію предположеній Ростовцова Комитетъ посвятилъ четыре засѣданія, происходившія въ октябрѣ и ноябрѣ, въ продолженіе которыхъ государь ни разу не покидалъ предсѣдательскаго кресла. Императоръ открылъ первое засѣданіе заявленіемъ, что въ настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса, когда работы нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ уже оканчиваются и должны поступить на разсмотрѣніе Главнаго Комитета и учрежденной при немъ комиссіи, онъ считаетъ необходимымъ опредѣлять порядокъ или послѣдовательность занятій ихъ по этому важному дѣлу вообще. Признавая въ письмахъ, писанныхъ ему изъ-за границы Ростовцовымъ, «много весьма дѣльныхъ и полезныхъ мыслей и предположеній», государь пригласилъ Комитетъ приступить къ обсужденію извлеченій изъ этихъ писемъ, составленныхъ самимъ Ростовцовымъ въ систематическомъ порядкѣ, напечатанныхъ и предварительно разосланныхъ членамъ Комитета. Давъ высказаться всѣмъ присутствующимъ, онъ повелѣлъ Комитету «принять къ надлежащему руководству» слѣдующія правила:

1) При разсмотрѣніи и впослѣдствіи, при обнародованіи всѣхъ законодательныхъ по настоящему дѣлу работъ, соблюсти непремѣнно три условія: чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшенъ; чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены, и чтобы сильная власть ни на минуту на мѣстѣ не колебалась, отчего ни на минуту же общественный порядокъ не нарушался бы. 2) Слѣдуя этому правилу, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ нынѣ же, особымъ циркуляромъ, предварительно разсмотрѣннымъ Главнымъ Комитетомъ, предложить всѣмъ губернскимъ комитетамъ, чтобы они, при представленіи составленныхъ ими проектовъ, непремѣнно объяснили во всей подробности, чѣмъ состояніе помѣщичьихъ крестьянъ улучшается въ будущемъ, объявивъ комитетамъ, что въ справедливости ихъ показаній государь императоръ вполнѣ полагается на ихъ дворянскую честь. 3) По мѣрѣ поступленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ конченныхъ губернскими комитетами проектовъ, министерство это должно разсматривать каждый проектъ отдѣльно, провѣривъ притомъ: нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо отступленій отъ высочайше утвержденныхъ началъ и ука-

заній; нѣтъ ли отступленій вообще отъ духа государственныхъ узаконеній и дѣйствительно ли улучшается ими бытъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ чемъ именно? 4) Проекты губернскихъ комитетовъ вносятся министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ его отмѣтками въ Главный Комитетъ, гдѣ поступаютъ на предварительное разсмотрѣніе особой комиссіи. 5) Каждый изъ губернскихъ проектовъ можетъ разсматриваться отдѣльно, по мѣрѣ поступленія, но утвержденіе и обнародованіе всѣхъ вообще губернскихъ положеній должны быть сдѣланы въ одно и то же время, по всей Россіи. Для сличенія единства системы и коренныхъ постановленій и для употребленія лучшихъ мыслей каждой губерніи на пользу всѣхъ, отъ ближайшаго усмотрѣнія комиссіи и Главнаго Комитета будетъ зависѣть, при окончательномъ сводѣ всѣхъ губернскихъ проектовъ и частныхъ замѣчаній на нихъ, составить одно общее для всей Россіи положеніе, съ необходимыми по разнымъ мѣстностямъ дополненіями, измѣненіями и частными положеніями. 6) Сверхъ этого положенія, Главный Комитетъ и комиссія составляютъ и разсматриваютъ разныя законоположенія, необходимыя для успѣшнаго дѣйствія губернскихъ положеній. 7) Относительно этихъ законоположеній, Главный Комитетъ указываетъ и разсматриваетъ основныя ихъ черты или главныя начала, по высочайшемъ утвержденіи коихъ они передаются въ подлежащія министерства для подробнаго изложенія и обработки, повѣряются II отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи въ смыслѣ юридическомъ, затѣмъ снова вносятся въ Главный Комитетъ и, наконецъ, представляются, съ заключеніемъ его, на окончательное утвержденіе государя императора. 8) Отъ усмотрѣнія Главнаго Комитета зависитъ опредѣлять, по соображеніи съ предположеніями генералъ-адъютанта Ростовцова, какія изъ упомянутыхъ законоположеній должны быть изданы и приведены въ дѣйствіе прежде изданія губернскихъ или общаго положеній, какія въ одно съ нимъ время и какія послѣ. 9) При окончательной обработкѣ всѣхъ вообще положеній должны быть приняты въ соображеніе всѣ полезныя мысли губернскихъ комитетовъ. 10) Какъ комиссіи, такъ и Главному Комитету предоставляется право приглашать въ свои засѣданія для необходимыхъ объясненій и совѣщаній не только членовъ, избранныхъ отъ губернскихъ комитетовъ, но и всѣхъ тѣхъ лицъ, кои своими познаніями о сельскомъ хозяйствѣ и бытѣ крестьянъ могутъ принести пользу разсматриваемому дѣлу, а также нѣкоторыхъ губернаторовъ и назначенныхъ губернаторомъ членовъ губернскихъ комитетовъ. 11) Одинъ изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, способный и опытный въ сельскомъ хозяйствѣ, назначается въ помощь управляющему дѣлами учрежденной при Главномъ Комитетѣ комиссіи. Послѣдній пунктъ относился къ непремѣнному члену, завѣдывавшему дѣлами Земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, Соловьеву, который и былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Жуковскаго.

Выслушавъ высочайшее повелѣніе, Главный Комитетъ положилъ принять его къ надлежащему исполненію, но самое обсужденіе предположеній Ростовцова отложилъ до того времени, когда соотвѣтствующіе проекты губернскихъ комитетовъ и вообще разныхъ вѣдомствъ поступятъ на его разсмотрѣніе. При этомъ, относительно предположеній объ устройствѣ уѣзднаго управленія и полиціи, а также учрежденій для разбора недоразумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами, занесено въ журналъ особое высочайшее повелѣніе, разрѣшающее членамъ, при разсмотрѣніи означенныхъ мѣръ въ Комитетѣ, не стѣсняться тѣмъ, что главныя ихъ начала одобрены государемъ императоромъ, но высказать свое мнѣніе противу всѣхъ возраженій и замѣчаній съ полною откровенностью [1].

По обсужденіи въ трехъ послѣдующихъ засѣданіяхъ Комитета мыслей и соображеній, изложенныхъ во всеподданнѣйшихъ письмахъ Ростовцова, государь повелѣлъ принять ихъ за главныя основанія, коими комиссія и Комитетъ должны впредь руководствоваться, комиссія при разсмотрѣніи проектовъ губернскихъ комитетовъ, а Главный Комитетъ—проектовъ комиссіи. Впрочемъ, комиссіи предоставлялось, въ случаѣ если бы она признала какія-либо предположенія губернскихъ комитетовъ хотя и несогласными съ указанными основаніями, но дѣйствительно полезными и заслуживающими быть принятыми во вниманіе, представлять о такихъ предположеніяхъ на высочайшее усмотрѣніе черезъ Главный Комитетъ. Предложенныя императоромъ послѣднему «для руководства» правила были слѣдующія:

«1) При обнародованіи новаго положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ предоставляются симъ крестьянамъ права свободныхъ сельскихъ сословій, личныя, по имуществу и по праву жалобы. 2) Крестьяне сіи входятъ въ общій составъ свободнаго сельскаго сословія въ государствѣ. 3) Крестьяне распредѣляются на сельскія общества, которыя должны имѣть свое мірское управленіе. Для всѣхъ губерній мірское управленіе обязательно только въ отношеніи административномъ; въ тѣхъ же изъ губерній или уѣздовъ, гдѣ по народному обычаю уже существуетъ общинное пользованіе угодьями, мірское управленіе завѣдуетъ и сими угодьями. 4) Власть надъ личностью крестьянина, по исполненію или по нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества, сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ. При опредѣленіи подробностей устройства міра и учрежденій, посредствомъ коихъ онъ долженъ дѣйствовать, а также отношеній міра къ помѣщику обратить вниманіе: а) на постановленія по сему предмету въ сводѣ законовъ и б) на IX главу

[1] Журналы засѣданій Главнаго Комитета, 18-го октября, 19-го, 24-го и 29-го ноября 1858 г.

програмы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ, сообразивъ, можетъ ли сія глава оставаться въ своей прежней силѣ или слѣдуетъ ее измѣнить? 5) Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей. 6) Міръ отвѣчаетъ круговою порукою за каждаго изъ своихъ членовъ по отправленію повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ. 7) Необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками. Для сего слѣдуетъ: а) сообразить, какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій, и б) опредѣлить время прекращенія срочно обязаннаго положенія крестьянъ. При семъ государь императоръ соизволилъ высочайше повелѣть: а) чтобы съ будущаго 1859 года все превышеніе въ доходахъ съ государственныхъ имуществъ противу настоящаго поступало на содѣйствіе помѣщичьимъ крестьянамъ къ выкупу ихъ угодій; б) чтобы комиссія сообразила, можно ли прекращеніе срочно-обязаннаго положенія опредѣлить такъ: срочно-обязанное положеніе прекращается какъ для міра вообще, такъ и для крестьянина отдѣльно, когда они, или цѣлыми обществами, или по-одиночкѣ, выкупятъ у помѣщика ту землю, которая, вслѣдствіе высочайшихъ рескриптовъ, будетъ имъ опредѣлена въ пользованіе, или когда крестьянинъ выкупитъ у помѣщика такія угодья, которыя, на основаніи тѣхъ же рескриптовъ, могутъ обезпечить ему исправную уплату податей и повинностей. 8) При обнародованіи положенія постановить, что земли населенныя, принадлежащія дворянамъ, могутъ пріобрѣтаться и впредь, на основаніи существующихъ постановленій лицами всѣхъ сословій; если же на землѣ будутъ водворены крестьяне, то лица, не имѣющія нынѣ права владѣть имѣніями, могутъ пріобрѣтать покупкою и такія земли, съ тѣмъ только, чтобы при самой покупкѣ имѣнія, одновременно съ совершеніемъ купчей, крестьяне, въ имѣніи водворенные, получили бы въ собственность усадьбы, пахатныя земли и прочія угодья за выкупъ, по полюбовному соглашенію. При этомъ обсудить и опредѣлить мѣры, кои должны быть приняты для огражденія крестьянъ отъ притѣсненій со стороны покупщика, особенно при уплатѣ опредѣленнаго по взаимному соглашенію выкупа. 9) Подобныя же условія предоставить заключать и самимъ помѣщикамъ, буде пожелаютъ. 10) Мелкопомѣстнымъ дворянамъ, кои при освобожденіи крестьянъ понесутъ убытки или разстройство въ хозяйствѣ, оказать нѣкоторое пособіе со стороны правительства. 11) При разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ сообразить и опредѣлить способы и порядокъ устройства дворовыхъ людей. 12) Способствовать всѣми возможными мѣрами къ огражденію большого сельскаго хозяйства, но безъ стѣсненія личной свободы крестьянина и безъ нарушенія тѣхъ правъ, кои будутъ имъ дарованы, оказывая всемѣрно покровительство устройству и малыхъ хозяйствъ, дабы сохранить нашу земледѣльческую промышлен-

ность и устранить всякое опасеніе въ доставленіи хлѣба, нужнаго для продовольствія войскъ и городовъ и поддержанія нашей хлѣбной торговли съ иностранными государствами. Въ заключеніе государь императоръ изволилъ предоставить комиссіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда при исполненіи возложенныхъ на нее обязанностей встрѣтятся вопросы, требующіе разъясненія, входить съ представленіемъ въ Главный Комитетъ, коему испрашивать на такіе вопросы разрѣшенія его величества [1].

Между тѣмъ, губернскіе комитеты усердно работали надъ порученнымъ имъ дѣломъ, хотя въ средѣ ихъ и обнаружились существенныя разногласія, распространявшіяся на самыя коренныя начала преобразованія. Ясно обозначались при этомъ три направленія: вовсе несочувствовавшихъ освобожденію; стремившихся осуществить его съ сохраненіемъ сословнаго дворянскаго интереса и, наконецъ, желавшихъ полнаго уничтоженія крѣпостного права. Большинство почти всюду составлялось изъ сторонниковъ первыхъ двухъ направленій, но и представители третьяго образовали довольно значительное меньшинство, выдающееся по уму, развитію, образованію и даровитости придерживавшихся его членовъ. Къ составу этого меньшинства почти повсемѣстно принадлежали члены комитетовъ не по выбору дворянъ, а по назначенію отъ правительства [2].

Пререканія между большинствомъ и меньшинствомъ замедлили ходъ занятій комитетовъ, изъ которыхъ бо́льшая часть не окончила своихъ работъ въ установленный срокъ. Тѣмъ не менѣе, съ конца 1858 года стали поступать въ министерство внутреннихъ дѣлъ проекты губернскихъ комитетовъ, обыкновенно въ двухъ редакціяхъ: большинства и меньшинства. Первый представилъ свои труды нижегородскій комитетъ, второй—петербургскій, третій—симбирскій. По разсмотрѣніи ихъ въ Земскомъ отдѣлѣ, они были переданы въ комиссію при Главномъ Комитетѣ, въ которой разборъ ихъ взялъ на себя Ростовцовъ. Скоро выяснилось, что такой порядокъ разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ, при большомъ ихъ числѣ—по два, а иногда и по три на каждую губернію, и существенныхъ между ними разногласіяхъ, превышаетъ силы четырехъ членовъ комиссіи, изъ которыхъ къ тому же два члена, Панинъ и Муравьевъ, проявляли мало доброй воли и усердія. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ давно было сознано это неудобство и уже въ октябрѣ составлено предположеніе объ учрежденіи при министерствѣ двухъ спеціальныхъ комиссій: одной для разсмотрѣнія первой, общей для всѣхъ губерній, части крестьянскихъ положеній, и другой—для второй части, по разнымъ мѣстностямъ или полосамъ. Та же мысль возникла и у Ростовцова, который, сверхъ того, полагалъ учредить еще третью—финансовую комиссію, для составленія

[1] Журналъ засѣданія Главнаго Комитета, 4-го декабря 1858 г.

[2] Всеподданнѣйшая записка министра внутреннихъ дѣлъ, августъ 1859 г.

положенія о выкупѣ. Особая комиссія при Главномъ Комитетѣ одобрила предположенія Ланского и Ростовцова и представила на высочайшее усмотрѣніе заключеніе свое объ учрежденіи двухъ комиссій, съ наименованіемъ ихъ редакціонными, и съ тѣмъ, чтобы первую, для составленія общихъ положеній, образовать изъ членовъ, назначенныхъ отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ и II отдѣленія Собственной его величества канцеляріи, а вторую, для мѣстныхъ положеній—изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, а равно изъ «экспертовъ», избранныхъ предсѣдателемъ обѣихъ комиссій изъ членовъ губернскихъ комитетовъ или другихъ опытныхъ помѣщиковъ, по его ближайшему усмотрѣнію. Непремѣнными членами какъ той, такъ и другой комиссіи назначались, сверхъ того, дѣлопроизводители особой комиссіи при Главномъ Комитетѣ, Жуковскій и Соловьевъ. На журналѣ особой комиссіи послѣдовала резолюція государя: «Исполнить, но съ тѣмъ, чтобы предсѣдательство въ редакціонныхъ комиссіяхъ было поручено генералъ-адъютанту Ростовцову, если онъ согласится принять эту обязанность на себя» [1].

На письмо предсѣдателя Главнаго Комитета князя Орлова, сообщившее ему эту царскую волю, Ростовцовъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: «Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня предсѣдателемъ комиссій составленія сводовъ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и всѣхъ относящихся къ сему вопросу законоположеній, «если только я буду на это согласенъ», какъ изволилъ выразиться его величество, принимаю я не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и чувствомъ долга. Съ *молитвою* къ Богу, чтобъ Онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность государя; съ *благоговѣніемъ* къ государю, удостоившему меня такого святого призванія; со *страхомъ* передъ Россіею и передъ потомствомъ; съ *чувствомъ* долга передъ моею совѣстью. Да простятъ мнѣ Богъ и государь, да простятъ мнѣ Россія и потомство, если я поднимаю на себя ношу не по моимъ силамъ, но чувство долга говоритъ мнѣ, что ношу эту не поднять я не въ правѣ. Этотъ отзывъ мой на призывъ государя почтительнѣйше прошу васъ повергнуть предъ его императорскимъ величествомъ, создающимъ въ Россіи народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало» [2]. Орловъ не преминулъ представить государю письмо Ростовцова, на которомъ императоръ собственноручно начерталъ: «Искренно благодарю его, что онъ принялъ на себя эту тяжелую обузу. Къ благороднымъ его чувствамъ я давно привыкъ. Да поможетъ ему Богъ оправдать мое довѣріе и мои надежды».

[1] Высочайше утвержденный журналъ особой комиссіи при Главномъ Комитетѣ, 1-го февраля 1859 г.

[2] Ростовцовъ князю Орлову, 14-го февраля 1859 г.

Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

(Съ литографіи Мюнстера.)

Члены редакціонныхъ комиссій раздѣлились на двѣ категоріи: одна состояла изъ чиновниковъ, командированныхъ разными вѣдомствами; другую составили такъ называемые «эксперты», изъ помѣщиковъ, по выбору председателя. Среди первой группы выдѣлялись оба «непремѣнные члена»—Жуковскій и Соловьевъ, но въ особенности Н. А. Милютинъ, ближайшій сотрудникъ и довѣренное лицо Ланского по удаленіи Левшина, въ мартѣ 1859 года, представленный имъ къ занятію должности товарища министра. Государь долго не соглашался на это назначеніе. Милютина лично онъ еще не зналъ, но ему было извѣстно, что онъ слыветъ за либерала, противника дворянства, поборника исключительныхъ интересовъ крестьянъ. «О назначеніи его», —говорилъ императоръ Ланскому, —«станутъ кричать; нужно обождать и выбирать». Но въ концѣ концовъ онъ сдался на просьбу министра и утвердилъ Милютина «временно» исправляющимъ должность его товарища. Принимая по этому случаю Николая Алексѣевича, государь не скрылъ отъ него, что въ обществѣ его считаютъ едва ли не за революціонера и что, соглашаясь на его назначеніе, онъ желалъ дать ему возможность оправдаться въ этомъ нареканіи (se réhabiliter).

Въ дѣйствительности, Н. А. Милютинъ принадлежалъ къ кружку молодыхъ чиновниковъ передового направленія, заявившихъ о себѣ дѣятельнымъ участіемъ въ трудахъ и занятіяхъ Географическаго общества, предсѣдателемъ котораго состоялъ великій князь генералъ-адмиралъ. Тѣсная дружба связывала его съ прочими участниками этого кружка: Головнинымъ, Рейтерномъ, княземъ Д. А. Оболенскимъ, А. А. Абазою, на сестрѣ котораго былъ женатъ Николай Алексѣевичъ. Всѣ они горячо сочувствовали дѣлу освобожденія, но Милютинъ по служебному своему положенію, неограниченному довѣрію, которое питалъ къ нему Ланской, болѣе другихъ имѣлъ возможность воздѣйствовать въ смыслѣ своихъ убѣжденій на ходъ и развитіе крестьянскаго вопроса, чѣмъ и возбудилъ противъ себя вліятельныхъ противниковъ реформы при дворѣ. Зато великая княгиня Елена Павловна выражала ему живое сочувствіе и оказывала дѣятельное покровительство. Она представила его царствующей императрицѣ и нерѣдко заступалась за него предъ самимъ государемъ.

Дѣйствуя въ полномъ согласіи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, новый предсѣдатель редакціонныхъ комиссій выразилъ большую предупредительность къ его товарищу. Милютину довѣрилъ онъ указать ему на тѣхъ лицъ, которыхъ надлежало пригласить въ комиссію въ качествѣ экспертовъ, и выборъ Николая Алексѣевича, естественно, остановился на его единомышленникахъ, членахъ меньшинства губернскихъ комитетовъ, по бо́льшей части, не избранныхъ въ составъ ихъ дворянами, а назначенныхъ отъ правительства. «Почтеннѣйшій Юрій Ѳедоровичъ», писалъ онъ самому даровитому изъ нихъ—Самарину,- «въ дополненіе

къ офиціальному порученію, уже отправленному на ваше имя, мнѣ поручено обратить къ вамъ дружеское воззваніе и отъ себя. Съ радостью исполняю это порученіе, въ надеждѣ, что вы не отклоните отъ себя тяжелой, но пріятной обязанности довершить великое дѣло, которому мы издавна были преданы всею душой». Сообщивъ имена членовъ, назначенныхъ въ редакціонныя комиссіи, «эксперты и министерскіе члены»,—продолжалъ Милютинъ—«имѣютъ совершенно равныя права и обязанности. Депутаты же, призываемые изъ губернскихъ комитетовъ, вѣроятно, будутъ имѣть голосъ лишь совѣщательный. Могу васъ вполнѣ удостовѣрить, что основанія для работъ широки и разумны. Ихъ можетъ по совѣсти принять всякій ищущій правдиваго и мирнаго разрѣшенія крѣпостного права. Отбросьте всѣ сомнѣнія и смѣло пріѣзжайте сюда. Мы будемъ, конечно, не на розахъ: ненависть, клевета, интриги всякаго рода, вѣроятно, будутъ намъ препятствовать. Но именно поэтому нельзя намъ отступить передъ боемъ, не измѣнивъ всей прежней нашей жизни. Идя въ комиссію, я болѣе всего разсчитывалъ на ваше сотрудничество, на вашу опытность, на ваше знаніе дѣла. При всей твердости моихъ убѣжденій, я встрѣчаю тысячу сомнѣній, для разрѣшенія которыхъ нужны совѣты и указанія практиковъ. Здѣсь вы нужнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Обнимаю васъ отъ всей души, въ надеждѣ на радостное свиданіе» [1].—Самаринъ не замедлилъ откликнуться на этотъ горячій призывъ, какъ откликнулись на него и другой его единомышленникъ князь Черкасскій и много другихъ членовъ меньшинства губернскихъ комитетовъ. Такимъ образомъ, большинство въ редакціонныхъ комиссіяхъ было обезпечено за сторонниками безусловнаго освобожденія, хотя въ составѣ ихъ находилось нѣсколько представителей и противуположнаго направленія: издатель журнала «Сельское Благоустройство» Желтухинъ, петербургскій губернскій предводитель дворянства графъ П. П. Шуваловъ, генералъ-адъютантъ Паскевичъ, сынъ фельдмаршала. Тѣмъ не менѣе главное руководство трудами комиссій досталось на долю Милютина, какъ по званію его товарища министра внутреннихъ дѣлъ, такъ и по выдающимся способностямъ, трудолюбію, знанію дѣла, энергіи и рѣшимости, наконецъ, по тому обаянію, которое Николай Алексѣевичъ производилъ на бóльшую часть своихъ сочленовъ, не исключая самого Ростовцова, называвшаго его въ шутливомъ дружескомъ тонѣ: «наша Эгерія» [2].

Какъ въ высочайшемъ повелѣніи, такъ и въ указѣ Сената объ учрежденіи редакціонныхъ комиссій, Ростовцовъ былъ названъ ихъ «предсѣдателемъ и непосредственнымъ начальникомъ» [3]. Хотя этими распоря-

[1] Милютинъ Самарину, 9-го марта 1859 г.

[2] Н. П. Семеновъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», т. I, стр. 245.

[3] Высочайшее повелѣніе, 17-го февраля, и указъ Сената, 25-го марта 1859 г.

женіями и устанавливалось двѣ комиссіи: одна для составленія общаго, другая—мѣстныхъ положеній, но предсѣдателю предоставлялось право дать имъ внутреннее устройство и образованіе по его ближайшему усмотрѣнію, соотвѣтственно пользѣ и важности порученнаго комиссіямъ дѣла, а потому Ростовцовъ слилъ обѣ комиссіи въ одно общее присутствіе, а членовъ распредѣлилъ по тремъ отдѣленіямъ: административному, хозяйственному и юридическому, къ которымъ присоединена впослѣдствіи, въ видѣ четвертаго отдѣленія, образованная нѣсколько позже финансовая комиссія для изысканія мѣръ къ производству выкупа крестьянскихъ надѣловъ. Дѣлопроизводителемъ редакціонныхъ комиссій Ростовцовъ назначилъ П. П. Семенова.

Первое засѣданіе общаго присутствія состоялось въ большой залѣ 1-го кадетскаго корпуса, 4-го марта. «Мы приступаемъ къ дѣлу щекотливому»,—съ такими словами обратился предсѣдатель къ своимъ сотрудникамъ,—«мы можемъ быть разныхъ мнѣній и взглядовъ; между нами могутъ произойти горячіе и раздражительные споры и несогласія, а потому мы всѣ должны заранѣе простить другъ другу огорченія, если бы у насъ вышло что-нибудь непріятное, и я первый теперь же прошу у всѣхъ васъ прощенія, если бы неумышленно хотя бы однимъ словомъ кого-нибудь обидѣлъ».

На третій день, 6-го марта, всѣ находившіеся уже въ Петербургѣ члены комиссіи были представлены предсѣдателемъ государю, въ Зимнемъ дворцѣ. Прежде чѣмъ отправиться туда, они явились in corpore къ предсѣдателю Главнаго Комитета, князю Орлову, который принялъ ихъ довольно сухо, сказавъ: «Господа; на васъ лежитъ трудная обязанность распутать дѣло сложное и запутанное. Такъ уже сдѣлалось: пойти назадъ невозможно. Вы должны идти по тому направленію, которое дано ему. Вамъ остается исполнить то, что вамъ указано; а что вы не такъ сдѣлаете, мы поправимъ. Итакъ, дай Богъ вамъ успѣха»[1].

Совсѣмъ иной пріемъ ждалъ членовъ редакціонныхъ комиссій во дворцѣ. Императоръ, удостоивъ каждаго нѣсколькими вопросами о службѣ или занятіяхъ, не разъ выразилъ надежду, что комиссіи исполнятъ возложенное на нихъ дѣло такъ, какъ онъ того желаетъ. Затѣмъ, обратясь ко всѣмъ членамъ, государь сказалъ: «Я желаю только блага Россіи. Вы призваны, господа, совершить большой трудъ. Я буду умѣть оцѣнить его. Это дѣло щекотливое, я знаю. Мой выборъ палъ на васъ; обо всѣхъ васъ я слышалъ отъ вашего предсѣдателя; онъ мнѣ всѣхъ рекомендовалъ. Я увѣренъ, что вы любите Россію, какъ я ее люблю, и надѣюсь, что исполните все добросовѣстно и оправдаете мое къ вамъ довѣріе. На случай сомнѣнія и недоразумѣній при исполненіи моихъ предначертаній, посредникомъ

[1] П. П. Семеновъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», I, стр. 103.

между вами и мной будетъ вашъ предсѣдатель. Онъ будетъ доводить обо всемъ происходящемъ до моего свѣдѣнія. Я надѣюсь, что съ вами мы приведемъ это дѣло къ благополучному окончанію. Да поможетъ вамъ Богъ въ этой трудной работѣ, а я васъ не забуду. Прощайте». Пожавъ руку Ростовцову и поцѣловавъ его, императоръ удалился изъ залы [1].

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, а именно 2-го августа, государь принялъ въ Петергофѣ тѣхъ изъ членовъ редакціонныхъ комиссій, которые были приглашены въ ихъ составъ или прибыли въ Петербургъ послѣ пріема 6-го марта. Въ числѣ ихъ была большая часть «экспертовъ», а также члены финансовой комиссіи. Представленіе состоялось въ Александріи. Какъ и въ первый разъ, государь обошелъ всѣхъ представлявшихся по очереди, спрашивая, между прочимъ, каждаго, какой губерніи онъ помѣщикъ? Отвѣтъ Самарина, что онъ самарскій уроженецъ, вызвалъ замѣчаніе императора: «Вы — и изъ Самарской губерніи!» Князь Черкасскій на вопросъ, гдѣ онъ служилъ, затруднился отвѣтомъ, потому что не состоялъ вовсе на государственной службѣ. Обойдя всѣхъ, государь произнесъ слѣдующія слова: «Господа, я благодарю васъ за ваши труды и надѣюсь на ваше усердіе. Желаю, чтобы вы сдѣлали хорошо и для помѣщиковъ и для крестьянъ, какъ до сихъ поръ видѣлъ я это въ вашихъ трудахъ. Дѣлать нужно неспѣшно и не тянуть». Послѣ царскаго пріема, представлявшимся членамъ редакціонныхъ комиссій предложенъ былъ отъ высочайшаго двора завтракъ въ кавалерскихъ домикахъ [2].

Въ первыхъ засѣданіяхъ общаго присутствія редакціонныхъ комиссій Ростовцовъ изложилъ программу его занятій, предложивъ ему, при начертаніи положеній, руководствоваться извлеченіями изъ его всеподданнѣйшихъ писемъ и его же запискою «Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса» съ дополненіемъ къ ней, на которомъ государь собственноручно надписалъ: «Главныя основанія совершенно согласны съ моими мыслями» [3]. Сущность предложеній предсѣдателя сводилась къ слѣдующимъ основнымъ началамъ: 1) освободить крестьянъ съ землею; 2) конечною развязкою освобожденія считать выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ; 3) оказать содѣйствіе дѣлу выкупа посредничествомъ, кредитомъ или финансовыми операціями правительства; 4) избѣгнуть по возможности регламентаціи срочно-обязаннаго періода или сократить переходное состояніе; 5) барщину уничтожить законодательнымъ порядкомъ черезъ три года, переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ; 6) дать самоуправленіе освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту. Большинство членовъ комиссій на-

---

[1] П. П. Семеновъ, «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», т. I, стр. 103—104.

[2] П. П. Семеновъ, Ibid., т. I, стр. 526.

[3] П. П. Семеновъ, Ibid., т. I, стр. 146.

ходилось по этимъ вопросамъ въ полномъ единомысліи съ предсѣдателемъ.

Ростовцовъ тщательно доводилъ до высочайшаго свѣдѣнія о ходѣ занятій въ комиссіяхъ, представляя государю всѣ журналы ихъ засѣданій и главнѣйшіе изъ докладовъ отдѣленій. Александръ Николаевичъ, читая ихъ съ живѣйшимъ интересомъ, неоднократно выражалъ одобреніе свое поощрительными надписями на поляхъ. Доказательствомъ того вниманія, съ которымъ императоръ относился къ дѣлу, служатъ его собственноручныя поправки словъ въ этихъ бумагахъ и даже опечатокъ, вкравшихся въ печатные журналы комиссій. Ростовцовъ передавалъ государю и нѣкоторыя изъ поступавшихъ въ комиссію книгъ, между прочимъ доставленную министромъ иностранныхъ дѣлъ княземъ Горчаковымъ брошюру: «О разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Молдавіи», которую императоръ возвратилъ при слѣдующей надписи: «Весьма любопытно и многое совершенно примѣнимо къ намъ»[1].

Скоро императору Александру пришлось личнымъ вмѣшательствомъ разрѣшить споръ между большинствомъ комиссій и двумя ихъ членами, графомъ Шуваловымъ и княземъ Паскевичемъ, по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ: что считать окончаніемъ крѣпостного періода? Ростовцовъ разъяснилъ, что «по волѣ государя, твердо имъ выраженной, свобода крестьянъ должна исходить отъ помѣщиковъ, какъ это опредѣлено въ рескриптахъ: дворянство изъявило желаніе дать свободу крестьянамъ, потому что она исходитъ отъ него, и государь желаетъ остаться вѣрнымъ первой своей мысли». Комиссія постановила, согласно съ предложеніемъ предсѣдателя, признать концомъ срочно-обязаннаго переходнаго періода выкупъ, хотя и необязательный, крестьянскихъ полей и угодій. Шуваловъ и Паскевичъ не согласились съ этимъ постановленіемъ, отказались подписать журналъ и требовали занесенія въ него ихъ отдѣльнаго мнѣнія: чтобы со времени положительнаго разрѣшенія имущественныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, право собственности помѣщиковъ и право пользованія крестьянъ вошло немедленно въ составъ общихъ гражданскихъ правъ и чтобы вопросъ о выкупѣ былъ поставленъ совершенно отдѣльно отъ опредѣленія личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ. Предсѣдатель и большинство комиссіи, находя это мнѣніе противнымъ высочайшей волѣ, допустили это занесеніе не въ общій, а только въ особый журналъ[2]. Рѣшеніе это утверждено высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся по докладу Ростовцова: въ печатные журналы, разсылаемые для общаго свѣдѣнія, мнѣнія, поданныя членами отдѣльно отъ большинства, не помѣщать, дабы избѣжать всякаго проявленія разномыслія ко-

[1] Н. П. Семеновъ, Ibid., т. I, стр. 125, 146 и 204.
[2] Н. П. Семеновъ, Ibid., т. I, стр. 146.

миссій, какъ органовъ правительства, но вносить ихъ вмѣстѣ съ постановленіемъ большинства въ комиссію Главнаго Комитета, въ видѣ приложеній. Тогда Шуваловъ и Паскевичъ подали прошенія объ увольненіи ихъ отъ званія членовъ редакціонныхъ комиссій. Просьбу эту Ростовцовъ не преминулъ повергнуть на воззрѣніе государя и въ особой запискѣ выяснилъ сущность разногласія между большинствомъ комиссій и двумя членами [1].

Государь отнесся къ дѣлу съ вниманіемъ, подобающимъ важности этого перваго столкновенія въ средѣ редакціонныхъ комиссій двухъ противоположныхъ направленій. Онъ утвердилъ рѣшеніе большинства, какъ явствуетъ изъ надписи Ростовцова на журналѣ общаго присутствія: «Государь императоръ изволилъ читать постановленія комиссій, одобрить и вообще всѣ ихъ дѣйствія найти совершенно вѣрными основнымъ началамъ, высочайше даннымъ имъ въ руководство. 28-го мая 1859 года, въ Царскомъ Селѣ». При этомъ предсѣдатель удостовѣрилъ членовъ, «что государь читалъ наши журналы два раза, излагая мнѣ конфиденціально свои виды и взгляды на дѣло, изъ чего можно было заключить, что онъ такъ знакомъ съ вопросомъ и понимаетъ его, какъ только понимаютъ его, можетъ быть, сами члены комиссій» [2]. Но, выслушавъ одну сторону, императоръ считалъ справедливымъ выслушать и другую и, принявъ Шувалова и Паскевича въ частной аудіенціи, написалъ Ростовцову: «Послѣ личнаго объясненія я потребовалъ отъ нихъ письменнаго и полнаго разъясненія ихъ мнѣнія, съ тѣмъ, чтобы они прислали его мнѣ въ собственныя руки. Поэтому увольненіемъ ихъ повременить, впредь до дальнѣйшаго приказанія» [3]. Нѣсколько дней спустя состоялось высочайшее повелѣніе объ окончательномъ обсужденіи въ общемъ присутствіи редакціонныхъ комиссій мнѣнія Шувалова и Паскевича о значеніи и способахъ прекращенія срочно-обязательнаго положенія, изложеннаго въ представленной ими всеподданнѣйшей запискѣ [4].

Сущность разногласія съ большинствомъ члены меньшинства такъ опредѣлили въ заключеніи своей записки: «По смыслу предложенія генералъ-адъютанта Ростовцова, окончательное освобожденіе крестьянскаго сословія поставлено въ зависимость отъ выкупа, который хотя и предполагается въ видѣ добровольной мѣры, но, составляя единственный общій исходъ крестьянскому вопросу, тѣмъ самымъ принимаетъ характеръ принудительный; по нашему же убѣжденію, необходимо, чтобы дѣйствительное освобожденіе крестьянъ, съ правомъ безсрочнаго поземельнаго пользованія, было достигнуто въ опредѣленный и непродолжительный срокъ,

[1] Н. П. Семеновъ. «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», т. I, стр. 176.

[2] Н. П. Семеновъ, Ibid., т. I, стр. 190 и 191.

[3] Н. П. Семеновъ, Ibid., т. I, стр. 203.

[4] Н. П. Семеновъ, Ibid., т. I, стр. 261.

независимо отъ выкупа, который, при содѣйствіи государственнаго кредита, долженъ быть безусловно предоставленъ добровольному соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ».

Обсужденіе записки двухъ членовъ возбудило горячія пренія въ чрезвычайномъ засѣданіи общаго присутствія комиссіи, въ которомъ Ростовцовъ устранилъ себя отъ предсѣдательства. Ораторы большинства, Милютинъ, Соловьевъ, князь Черкасскій, возражали графу Шувалову и князю Паскевичу, что освобожденіе крестьянъ безъ обезпеченія ихъ земельными надѣлами, которые, съ согласія помѣщиковъ, могли бы переходить къ крестьянамъ путемъ организованнаго правительствомъ выкупа, было бы только номинальнымъ освобожденіемъ, «птичьею свободой», какъ выразился въ своихъ объяснительныхъ запискахъ къ государю Ростовцовъ, а въ сущности—оставленіемъ ихъ съ полной экономической зависимости отъ помѣщиковъ, въ вѣчно обязательныхъ къ нимъ отношеніяхъ, неизбѣжныхъ, когда одно лицо пользуется собственностью другого, и въ административномъ имъ подчиненіи, подобно тому, какъ въ прибалтійскихъ и привислинскихъ губерніяхъ. Члены большинства полагали, что правильная организація выкупа установленныхъ на долгіе сроки неизмѣнныхъ повинностей можетъ одна только положить предѣлъ неудобному и могущему породить рядъ непрерывныхъ столкновеній переходному положенію, которое сопряжено съ продолженіемъ непріятной для крестьянъ барщины и сложнаго урочнаго положенія, обставленнаго дисциплинарными взысканіями, и есть въ сущности продолженіе крѣпостного права въ нѣсколько измѣненной формѣ. Къ этимъ соображеніямъ члены-эксперты изъ помѣщиковъ присовокупили другіе, еще болѣе неотразимые доводы. Крѣпостное право,—разсуждали они,—только тогда падетъ быстро, когда помѣщики будутъ убѣждены, что регулированные закономъ надѣлы поступятъ въ безповоротное пользованіе крестьянъ за опредѣленныя также закономъ неизмѣнныя повинности, и въ такомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, что помѣщики сами и притомъ весьма быстро пойдутъ навстрѣчу организованной правительствомъ выкупной операціи, представляющей единственный окончательный выходъ изъ крѣпостныхъ отношеній. Здравому смыслу и духу русскаго дворянства, разставшагося уже съ крѣпостнымъ правомъ, совершенно соовѣтствуетъ не тянуть длинной канители обязательныхъ отношеній, а принять сразу безповоротное рѣшеніе и затѣмъ уже устраивать свое хозяйство на новыхъ началахъ, при помощи тѣхъ оборотныхъ капиталовъ, которые дастъ дворянству организованный правительствомъ выкупъ.

Перенесенныя на такую чисто принципіальную почву, пренія не могли привести къ соглашенію. Шуваловъ и Паскевичъ съ одной стороны и большинство комиссій—съ другой остались при прежнихъ своихъ мнѣніяхъ. На журналѣ общаго присутствія государь положилъ слѣдующую

резолюцію: «Исполнить по мнѣнію большинства, но желаю, чтобъ и два члена оставались въ комиссіи, надѣясь, что, принеся въ жертву свое личное мнѣніе, они съ прежнимъ усердіемъ будутъ участвовать въ работахъ комиссій для довершенія великаго дѣла, ей порученнаго»[1].

Вскорѣ послѣ того императоръ Александръ отправился въ путешествіе по южной и западной Россіи. Когда государь вернулся въ столицу, князь Паскевичъ обратился къ нему съ оправдательнымъ письмомъ, вызвавшимъ слѣдующія замѣчанія императора на поляхъ, свидѣтельствующія, что онъ вполнѣ усвоилъ взглядъ Ростовцова и большинства редакціонныхъ комиссій на окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Противъ утвержденія, что правительство во что бы то ни стало хочетъ сдѣлать изъ крестьянъ поземельныхъ собственниковъ, государь написалъ, что это —«существенное условіе, отъ котораго онъ «ни подъ какимъ видомъ не отойдетъ»; противъ мѣста, гдѣ говорилось о предоставленіи крестьянамъ права отказа отъ земли: «И тогда помѣщики будутъ сгонять ихъ съ земли и пустятъ ходить по міру»; противъ замѣчанія, что предположенія редакціонныхъ комиссій могутъ быть введены только силой: «Да, если дворянство будетъ продолжать упорствовать»; противъ предложенія даровать полную личную свободу, не далѣе какъ черезъ три года: «съ перваго дня по изданіи положенія»; противъ словъ, что выкупъ долженъ быть добровольный: «иначе я его не допускаю»; противъ заключительнаго увѣренія автора письма въ добросовѣстности его убѣжденія: «вѣрю, но сожалѣю о неправильности взгляда».

Такому крутому повороту въ воззрѣніяхъ Александра Николаевича немало способствовали обстоятельства, сопровождавшія вызовъ въ Петербургъ и пребываніе въ столицѣ членовъ, командированныхъ дворянскими губернскими комитетами для представленія высшему правительству разъясненій по поводу выработанныхъ этими комитетами положеній объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ.

Къ концу іюля 1859 года почти всѣ губернскіе комитеты—44 изъ 48—окончили свои занятія и составили проекты положеній, но такъ какъ и въ ихъ средѣ члены раздвоились, то едва ли не каждый комитетъ представилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ по два проекта, одинъ—отъ большинства, другой—отъ меньшинства. Не сочувствуя направленію первыхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ озаботился, чтобы изъ вызванныхъ въ Петербургъ депутатовъ, по два отъ комитета, одинъ былъ отъ большинства, другой отъ меньшинства. Но и эта мѣра показалась ему недостаточною, чтобы устранить коренной разладъ между представителями губернскихъ комитетовъ и членами редакціонныхъ комиссій, уже приступившихъ къ со-

[1] Н. П. Семеновъ. «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», т. I, стр. 258 и 259.

ставленію положеній въ направленіи, совершенно отличномъ отъ того, которое преобладаетъ въ средѣ дворянъ-помѣщиковъ. «Нѣтъ никакого сомнѣнія», писалъ Ланской въ довѣрительномъ докладѣ государю, «что каждый изъ членовъ идетъ съ намѣреніемъ поддержать и, если можно, ввести въ будущее положеніе о крестьянахъ свой взглядъ на предметъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что поборники каждаго направленія выразятъ стремленіе дѣйствовать по взаимному между собою соглашенію, стараясь достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніемъ. Такое стремленіе не можетъ не затормозить дѣла. Для спокойствія государства, для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія, главная работа должна состоять въ томъ, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились въ единомысленныя и не образовавшіяся еще разноцвѣтныя партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть положительно устранено». Напомнивъ, что, въ силу высочайшаго повелѣнія, избранные комитетами члены вызываются для представленія правительству «тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть»,—министръ продолжалъ: «Правительству же полезно имѣть отъ нихъ справки не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ. Уничтоженіе крѣпостного права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли вашего величества и никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ. Царское слово непоколебимо. Дѣло подданныхъ осуществить это священное слово съ тѣмъ же радушіемъ и любовью, съ какими оно произнесено вами, для блага современниковъ и потомства»[1]. Соглашаясь съ мнѣніемъ Ланского, государь начерталъ на его докладѣ: «Нахожу взглядъ этотъ совершенно правильнымъ и согласнымъ съ моими собственными убѣжденіями. Прошу сообщить это генералъ-адъютанту Ростовцову».

Избранники губернскихъ комитетовъ были раздѣлены на двѣ смѣны: депутаты отъ 21 губерніи вызваны въ Петербургъ къ концу августа; представители прочихъ губерній должны были послѣдовать за ними нѣсколько мѣсяцевъ спустя, уже по оставленіи столицы членами перваго призыва.

Депутаты стали съѣзжаться въ половинѣ августа и 25-го того же мѣсяца были приглашены въ общее присутствіе редакціонныхъ комиссій. Предсѣдатель прочиталъ имъ высочайше утвержденную инструкцію, опре-

[1] Всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, августъ 1859 г.

дѣлявшую кругъ и предѣлъ ихъ дѣятельности, которая сводилась къ обязанности давать письменныя разъясненія на предложенные имъ редакціонными комиссіями вопросы, а также словесныя разъясненія въ засѣданіяхъ комиссій. Такое ограниченіе возбудило всеобщее неудовольствіе депутатовъ. Собравшись на совѣщаніе къ одному изъ сочленовъ, петербургскому губернскому предводителю дворянства П. П. Шувалову, они, въ числѣ 32 человѣкъ, составили было проектъ адреса государю, въ которомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ укоряли «бюрократію» въ извращеніи высочайшей воли, жаловались на министерство внутреннихъ дѣлъ, на редакціонныя комиссіи и, ссылаясь на слова, сказанныя императоромъ тверскому дворянству, просили о допущеніи ихъ въ собраніе Главнаго Комитета для совмѣстнаго разсмотрѣнія, согласованія и исправленія выработанныхъ губернскими комитетами положеній. Но на слѣдующій день сами депутаты отказались отъ подписанія адреса и замѣнили его коллективнымъ письмомъ къ Ростовцову съ ходатайствомъ объ испрошеніи имъ высочайшаго соизволенія имѣть общія совѣщанія съ тѣмъ, чтобы всѣ ихъ соображенія какъ по предъявленнымъ имъ, такъ и вообще по существу крестьянскаго положенія вопросамъ, поступили на судъ высшаго правительства. Въ отвѣтъ на это письмо предсѣдатель редакціонныхъ комиссій сообщилъ депутатамъ слѣдующее высочайшее повелѣніе: «Его императорское величество прежде и нынѣ не встрѣчаетъ препятствія къ тому, чтобы члены губернскихъ комитетовъ совѣщались между собою; въ дѣлѣ столь важномъ и столь близко касающемся интересовъ дворянства, государь императоръ изволитъ находить полезнымъ, чтобы члены губернскихъ комитетовъ помогали другъ другу своею мѣстною опытностью; но подобныя частныя совѣщанія не должны имѣть характера офиціальнаго». Далѣе подтверждалось депутатамъ, чтобы они, въ точности соображаясь съ сообщенною имъ инструкціей, не касались общихъ началъ, а ограничивались примѣненіемъ ихъ къ своимъ мѣстностямъ и мнѣнія свои представляли отдѣльно по каждой губерніи. Въ заключеніе имъ снова обѣщалось, что всѣ ихъ отвѣты, безъ исключенія, будутъ представлены на обсужденіе Главнаго Комитета [1].

На другой день, 4-го сентября, депутаты приглашены были въ Царское Село для представленія императору, который обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: «Господа, я очень радъ васъ видѣть. Я призвалъ васъ для содѣйствія дѣлу, равно интересному для меня и для васъ, и успѣха котораго, я вполнѣ увѣренъ, вы столько же желаете, сколько и я. Съ нимъ связано будущее благо Россіи. Я увѣренъ, что вѣрное мое дворянство, всегда преданное престолу, съ усердіемъ будетъ мнѣ содѣйствовать. Я

[1] Письмо депутатовъ къ Ростовцову, 29-го августа, и отвѣтъ Ростовцова, 3-го сентября 1859 г.

считалъ себя первымъ дворяниномъ, когда былъ еще наслѣдникомъ, я гордился этимъ, горжусь этимъ и теперь, и не перестаю считать себя въ вашемъ сословіи. Съ полнымъ довѣріемъ къ вамъ началъ я это дѣло; съ тѣмъ же довѣріемъ призвалъ васъ сюда. Для разъясненія обязанностей вашихъ я велѣлъ составить инструкцію, которая вамъ предъявлена. Она возбудила недоразумѣнія; надѣюсь, что они разъяснились. Я читалъ ваше письмо, представленное мнѣ Іаковомъ Ивановичемъ; отвѣтъ на него, вѣроятно, вамъ уже сообщенъ. Вы можете быть увѣрены, что ваши мнѣнія мнѣ будутъ извѣстны; тѣ, которыя будутъ согласны съ мнѣніемъ редакціонной комиссіи, войдутъ въ ея положеніе; всѣ остальныя, хотя бы и несогласныя съ ея мнѣніемъ, будутъ представлены въ Главный Комитетъ и дойдутъ до меня. Я знаю, вы сами убѣждены, господа, что дѣло не можетъ окончиться безъ пожертвованій, но я хочу, чтобы жертвы эти были какъ можно менѣе чувствительны. Буду стараться вамъ помочь и жду вашего содѣйствія; надѣюсь, что довѣріе мое къ вамъ оправдаете не одними словами, а и на дѣлѣ. Прощайте, господа». Воронежскій депутатъ князь Гагаринъ отвѣчалъ, что дворяне готовы на жертвы, хотя бы онѣ простирались до трети ихъ достоянія. Государь возразилъ: «Нѣтъ, такихъ значительныхъ жертвъ я не требую. Я желаю, чтобы великое дѣло совершилось безобидно и удовлетворительно для всѣхъ». Депутаты были очарованы милостивымъ и ласковымъ пріемомъ. Обѣдая за гофмаршальскимъ столомъ, они дважды съ шумными кликами восторга пили за здоровье государя [1].

Александръ Николаевичъ былъ, повидимому, увѣренъ, что личное его вмѣшательство возстановитъ миръ и согласіе между избранниками дворянскихъ комитетовъ и редакціонными комиссіями. Надежду свою на конечный успѣхъ онъ выразилъ проѣздомъ черезъ Харьковъ, 16-го октября, тамошнему дворянству, въ такихъ словахъ: «Пользуюсь случаемъ, господа, находясь среди васъ, чтобы лично васъ благодарить еще разъ за усердіе, оказанное вами, и жертвы, принесенныя вами въ минувшую войну. Насчетъ крестьянскаго дѣла, въ которомъ я также обратился съ полною довѣренностью къ вашему участію и результатовъ котораго и я, и вы ожидаемъ теперь, скажу вамъ, что оно подвигается впередъ, хотя медленно, но добросовѣстно, и я надѣюсь, что мы достигнемъ, съ Божіею помощью, окончанія этого вопроса, какъ я того желаю, то есть, чтобы было хорошо и вамъ, и крестьянамъ вашимъ. До свиданія, господа, на балѣ. Я радъ, что буду видѣть сегодня ваше общество».

Однако, въ отсутствіе государя изъ столицы, продолжавшееся болѣе двухъ мѣсяцевъ, отношенія между дворянскими депутатами и редакціонными комиссіями обострились еще сильнѣе прежняго. Первые были

[1] П. П. Семеновъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», т. I, стр. 725.

раздражены оповѣщеніемъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, что, по доставленіи ими потребованныхъ комиссіями объясненій, дальнѣйшее пребываніе въ Петербургѣ для нихъ необязательно; но и того болѣе—оглашеніемъ въ заграничной печати предпосланнаго ихъ прибытію всеподданнѣйшаго доклада Ланского. Не обошлось и безъ личныхъ пререканій между членами губернскихъ комитетовъ съ одной стороны, и редакціонныхъ комиссій—съ другой, въ засѣданіяхъ общаго присутствія. Къ тому же отъ депутатовъ не могло укрыться коренное различіе въ направленіи трудовъ комиссій сравнительно съ проектами положеній, выработанными губернскими комитетами. Объ этомъ существенномъ разномысліи Ростовцовъ, по возвращеніи императора, откровенно довелъ до высочайшаго свѣдѣнія въ довѣрительномъ докладѣ, въ которомъ писалъ между прочимъ: «Главное противорѣчіе состоитъ въ томъ, что у нѣкоторыхъ депутатовъ различныя точки исхода: у комиссій—государственная необходимость и государственное право; у нихъ—право гражданское и интересы частные. Они правы съ своей точки зрѣнія; мы—съ своей. Смотря съ точки гражданскаго права, вся зачатая реформа, отъ начала до конца, несправедлива, ибо она есть нарушеніе права частной собственности; но, какъ необходимость государственная и на основаніи государственнаго права, реформа эта законна, священна и необходима. Огромное число враговъ реформы, не уясняя себѣ этой неотложной необходимости, обвиняетъ и словесно, и письменно редакціонныя комиссіи въ желаніи обобрать дворянъ, а иные даже—и въ желаніи произвести анархію, называя нѣкоторыхъ изъ членовъ комиссіи «красными». Желать обобрать дворянъ было бы мыслью безчестною и безцѣльною, тѣмъ болѣе, что 8/10 изъ членовъ комиссій суть сами помѣщики, а нѣкоторые изъ нихъ и весьма богаты. Объ обвиненіи послѣднемъ не стоитъ и говорить: оно придумано людьми, которые желали бы, чтобъ именно ихъ теоріи были приняты въ руководство комиссіями, и, видя иное, прибѣгли къ клеветѣ». Изложивъ разновидность во взглядахъ самихъ членовъ губернскихъ комитетовъ, почти ни въ чемъ несогласныхъ между собою, Ростовцовъ продолжалъ: «Главная цѣль комиссіи—спасать Россію, и какъ средство для достиженія этой цѣли—освободить крестьянина дѣйствительно, т. е. съ надлежащимъ улучшеніемъ его быта, на основаніи высочайшей вашей воли; произвести это палліативно и раціонально, и не завязывать новыхъ соціальныхъ узловъ, которые пришлось бы впослѣдствіи Россіи, по примѣру Европы, или распутывать, или разрубать. Смѣю думать, ваше величество, что главныя основанія редакціонныхъ комиссій вѣрны; въ подробностяхъ есть еще, можетъ быть, и много ошибокъ, и недомолвокъ, и неясностей; въ этомъ послѣднемъ отношеніи мнѣнія депутатовъ будутъ для насъ очень полезны. Комиссіи желали отъ всей души уравновѣшивать интересы крестьянъ съ интересами помѣщиковъ. Если онѣ равновѣсія этого доселѣ

еще не достигли, если и есть, дѣйствительно, въ иныхъ правахъ нѣкоторый перевѣсъ на сторонѣ крестьянъ, то это происходитъ, конечно, уже не оттого, чтобы комиссіи желали огорчить помѣщиковъ и чтобъ онѣ не уважали священныхъ ихъ правъ, а во-вторыхъ, оттого, что одна Минерва родилась прямо вооруженная, а главное оттого, что при особенно затруднительныхъ вопросахъ, какъ наклонить свои вѣсы, комиссіи иногда наклоняли ихъ на сторону крестьянъ, и дѣлали это потому, что наклонять вѣсы потомъ, отъ пользы крестьянъ къ пользѣ помѣщиковъ, будетъ много охотниковъ и много силы, а наоборотъ —иначе, такъ что бытъ крестьянъ могъ бы не улучшиться, а ухудшиться. Конечно, комиссіи съ радостью воспользуются всѣмъ для установленія елико возможнаго равновѣсія. Комиссіи, чуждыя недобросовѣстнаго искательства, популярности и авторскаго самолюбія, смотрятъ на дѣло освобожденія не какъ на приходскую работу своей канцеляріи, а какъ на дѣло—Россіи на благо, а вамъ во славу»[1].

Такъ защищалъ предсѣдатель подвѣдомственныя ему комиссіи отъ обвиненій, все громче и громче раздававшихся противъ нихъ въ помѣщичьей средѣ, въ высшемъ петербургскомъ обществѣ и даже въ ближайшей окружности государя. Со своей стороны, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, дворяне-депутаты пожелали довести до высочайшаго свѣдѣнія взглядъ свой на труды комиссій. Первоначальный проектъ адреса, составленный рязанскимъ депутатомъ Кошелевымъ, испрашивавшій дозволенія «разсмотрѣть» проекты комиссій до поступленія ихъ на обсужденіе Главнаго Комитета и представить этому Комитету изустныя объясненія, въ подтвержденіе изложенныхъ депутатами мнѣній, не былъ принятъ единогласно.

Депутаты раздѣлились на три группы. Первая, самая многочисленная, изъ 18 членовъ, представила свой адресъ, въ которомъ, выразивъ убѣжденіе, что предположенія редакціонныхъ комиссій въ настоящемъ ихъ видѣ не соотвѣтствуютъ общимъ потребностямъ и не приводятъ въ исполненіе указанныхъ высочайшею волею основныхъ началъ, ограничиваясь просьбою: дозволить депутатамъ представить свои соображенія на окончательные труды комиссіи, до поступленія ихъ въ Главный Комитетъ.

Пять членовъ, принадлежавшіе къ передовому меньшинству, подписали второй, отдѣльный адресъ, въ которомъ подвергали еще болѣе рѣзкой критикѣ «заключенія комиссій». Они находили, что увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею и крайнимъ пониженіемъ повинностей въ бо́льшей части губерній помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ, по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется

[1] Всеподданнѣйшій докладъ генералъ-адъютанта Ростовцова, 21-го октября 1859 г.

самоуправленіе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ, и потому крестьяне только тогда почувствуютъ бытъ свой улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обязательствъ передъ владѣльцами и когда сдѣлаются собственниками, ибо свобода личная невозможна безъ свободы имущественной. Выразивъ мнѣніе, что въ установленныхъ обязательныхъ отношеніяхъ между лично свободными крестьянами и помѣщиками, лишенными общественнаго значенія и участія въ управленіи народомъ лежатъ зародыши опасной борьбы сословій, пять членовъ сущность своихъ желаній выразили въ слѣдующихъ четырехъ статьяхъ: 1) даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условіяхъ не разорительныхъ для помѣщиковъ; 2) образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ; 3) учредить независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго дѣлопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ, и 4) дать возможность обществу, путемъ печатной гласности, доводить до свѣдѣнія Верховной Власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія».

Наконецъ, депутатъ отъ большинства симбирскаго губернскаго дворянскаго комитета Шидловскій пошелъ еще далѣе и во всеподданѣйшемъ письмѣ, подписанномъ, впрочемъ, имъ однимъ, убѣждалъ государя, въ виду того, что «дворянство есть первый и самый естественный охранитель престола и отечества, созвать уполномоченныхъ отъ дворянства для окончательнаго разрѣшенія, подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора, предпринятаго имъ дѣла освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ»[1].

«Вотъ какія мысли бродятъ въ головѣ этихъ господъ»,—надписалъ императоръ Александръ на адресѣ Шидловскаго. Неудовольствіе государя возбуждено было совпаденіемъ адресовъ дворянскихъ депутатовъ съ запискою, представленною лицомъ, не принадлежавшимъ къ ихъ составу, камергеромъ Безобразовымъ, въ которой, послѣ пространныхъ разсужденій объ антагонизмѣ бюрократіи съ дворянствомъ, первая обвинялась въ тайномъ намѣреніи ввести въ Россіи конституцію по западному образцу, въ отвращеніе чего Безобразовъ предлагалъ созвать выборныхъ отъ губерній и, придавъ къ нимъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, составить совѣщательное собраніе для обсужденія общихъ государственныхъ вопросовъ и во главѣ ихъ—крестьянскаго. Государь испестрилъ

[1] Всѣ три адреса напечатаны у Н. П. Семенова: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», II, стр. 933—940.

поля записки Безобразова своими замѣчаніями и возраженіями. Противъ обвиненій «бюрократіи» въ искаженіи высочайшей воли, а также въ конституціонныхъ стремленіяхъ, онъ нѣсколько разъ написалъ слово: «вздоръ!» На предложеніе отдать на судъ выборныхъ рѣшеніе крестьянскаго дѣла, дабы, по выраженію автора, «обуздать министерство внутреннихъ дѣлъ и редакціонныя коммиссіи», императоръ замѣтилъ: «Надобно начать съ того, чтобы самого его обуздать». Признавая тонъ записки «непомѣрно наглымъ», государь находилъ, что предложеніе Безобразова созвать выборное собраніе «произведетъ еще бо́льшій хаосъ», а на утвержденіе его, что на этомъ пути нельзя будетъ проявляться партіямъ и интригамъ, возразилъ: «лучшимъ примѣромъ противнаго служатъ самые губернскіе комитеты». «Хороши софизмы!» начерталъ Александръ Николаевичъ противъ словъ: «собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія», а противъ утвержденія, что дворянство горячо сочувствуетъ государю и доказало готовность свою исполнять его волю: «хорошо доказало!» Общее заключеніе императора о запискѣ Безобразова: «Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе».

По высочайшему повелѣнію, какъ адресы дворянскихъ депутатовъ, такъ и записка камергера Безобразова разсматривались въ Главномъ Комитетѣ, постановившемъ: восемнадцати членамъ, подписавшимъ первый адресъ, сдѣлать замѣчаніе; прочимъ членамъ—внушеніе чрезъ губернаторовъ; Безобразова же удалить изъ Петербурга.

Всѣ эти инциденты раздражали государя. «Дай Богъ намъ терпѣнія»,—писалъ онъ, по поводу ихъ, Ростовцову. Но, строго осуждая поступки и побужденія зачинщиковъ и участниковъ демонстрацій, онъ не распространилъ своего гнѣва на совокупность дворянскаго сословія, что̀ ясно высказалъ въ рѣчи, обращенной 10-го ноября къ дворянамъ во Псковѣ, куда императоръ нарочно съѣздилъ, чтобы принять предложенный ему отъ дворянства балъ. На утреннемъ пріемѣ онъ говорилъ такъ: «Давно, господа, я желалъ посѣтить васъ и очень радъ, что мнѣ наконецъ удалось исполнить это желаніе. Дворянство всегда съ готовностью отвѣчало на царскій призывъ. И я обращался къ нему всегда съ полнымъ довѣріемъ. Съ тѣмъ же довѣріемъ я обратился къ вамъ, господа, и въ крестьянскомъ дѣлѣ и благодарю васъ, что, по примѣру другихъ, вы съ сочувствіемъ отозвались на этотъ призывъ мой. Теперь это дѣло, съ помощью Божіею, приходитъ къ концу, и я надѣюсь, что вы будете ожидать окончанія его съ тѣмъ же довѣріемъ ко мнѣ, съ какимъ я обратился къ вамъ, съ полною увѣренностію, что это дѣло будетъ окончено къ общей взаимной пользѣ обѣихъ сторонъ, чтобъ интересы дворянства были сколько возможно гарантированы, а вмѣстѣ съ тѣмъ бытъ крестьянъ былъ дѣйствительно улучшенъ. Я убѣжденъ, что вы оправдаете мое довѣріе». На другой день

государь, принимая дворянскую депутацію, явившуюся благодарить его за присутствіе на балѣ, выразился еще опредѣленнѣе, сказавъ: «Помните, господа, мои вчерашнія слова. Я увѣренъ въ вашемъ ко мнѣ довѣріи и имѣю одинаковое къ вамъ. Будьте увѣрены, что интересы ваши всегда близки моему сердцу. Я надѣюсь, что общими силами, съ помощью Божіею, мы достигнемъ желаемаго конца въ этомъ дѣлѣ, къ общей пользѣ. Прошу васъ не вѣрить никакимъ превратнымъ толкамъ, которыми только хотятъ васъ мутить, а вѣрьте мнѣ одному и моему слову».

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ происшествій было новое выраженіе государемъ полнаго довѣрія Ростовцову, который живо принималъ къ сердцу упреки, раздававшіеся въ обществѣ и при дворѣ противъ него и предсѣдательствуемыхъ имъ комиссій. Это отразилось на состояніи его здоровья и уже въ концѣ октября онъ подвергался припадкамъ болѣзни, которая должна была скоро свести его въ могилу. Въ отвѣтъ на оправдательное письмо его, государь написалъ ему собственноручно: «Крайне сожалѣю, любезный Іаковъ Ивановичъ, что вы, какъ кажется, не на шутку занемогли. Убѣдительнѣйше прошу васъ себя поберечь и отложить важныя ваши занятія, пока совсѣмъ не оправитесь. Обзоръ положенія святого нашего дѣла и различныя мнѣнія гг. членовъ отъ дворянскихъ комитетовъ совершенно согласны со всѣми свѣдѣніями, которыя до меня доходятъ съ разныхъ сторонъ. Между тѣмъ, кромѣ Шидловскаго я еще получилъ два адреса, отъ 18-ти и отъ 5-ти членовъ. Послѣдній въ особенности ни съ чѣмъ несообразенъ и дерзокъ до крайности. По выздоровленіи вашемъ желаю, чтобы они были обсужены въ Главномъ Комитетѣ, въ моемъ присутствіи. Если господа эти думаютъ своими попытками меня испугать, то они очень ошибаются. Я слишкомъ убѣжденъ въ правотѣ возбужденнаго нами святого дѣла, чтобы кто-либо могъ меня остановить въ довершеніи онаго. Но главный вопросъ состоитъ въ томъ, какъ его довершить? Въ этомъ, какъ и всегда, надѣюсь на Бога и на помощь тѣхъ, которые, подобно вамъ, добросовѣстно желаютъ этого, столь же искренно, какъ и я, и видятъ въ этомъ спасеніе и будущее благо Россіи. Не унывайте, какъ я не унываю, хотя часто приходится переносить много горя, и будемъ вмѣстѣ молить Бога, чтобы Онъ насъ наставилъ и укрѣпилъ. Обнимаю васъ отъ всей души. А.» [1].

Болѣзнь Ростовцова быстро развивалась. Онъ уже не могъ выходить изъ дому, но въ ревности къ предпринятому дѣлу продолжалъ предсѣдательствовать въ общемъ присутствіи редакціонныхъ комиссій, которое собиралъ у себя на квартирѣ. Государь три раза посѣтилъ его до конца 1859 года, а именно 26-го ноября, 12-го и 18-го декабря, каждый разъ оставаясь у него по часу и болѣе. Въ третье посѣщеніе онъ пожелалъ

[1] Государь Ростовцову, изъ Гатчины, 25-го октября 1859 г.

Графъ Сергѣй Степановичъ Ланской.

(Съ литографіи Смирнова.)

осмотрѣть залу 1-го кадетскаго корпуса, гдѣ обыкновенно происходили засѣданія комиссіи.

Въ первыхъ числахъ января 1860 года Іаковъ Ивановичъ слегъ въ постель. У него назрѣвалъ карбункулъ, и 5-го января врачи произвели ему первую операцію. Чувствуя приближеніе смерти, больной просилъ врачей, если положеніе его станетъ безнадежнымъ, предупредить его о томъ, дабы онъ, прежде чѣмъ потерять сознаніе, имѣлъ еще время переговорить съ государемъ. Александръ Николаевичъ участилъ свои посѣщенія. Навѣщая больного 10-го, 16-го, 21-го, 26-го и 29-го января, онъ приказалъ окружавшимъ его роднымъ и близкимъ друзьямъ тщательно устранить отъ него занятія. Но Ростовцовъ не хотѣлъ о томъ и слышать. Предсмертною его заботою было составленіе для государя записки, которая явилась бы его завѣщаніемъ по крестьянскому дѣлу. «Нашъ проектъ разбросанъ въ нѣсколькихъ томахъ»,—говорилъ онъ родственнику своему и ближайшему сотруднику П. П. Семенову,—«которые прочесть очень трудно. Во второмъ періодѣ онъ еще развился и измѣнился. Я желаю представить государю полное, ясное, но сжатое изложеніе всей сущности нашихъ трудовъ. Такое изложеніе будетъ служить добросовѣстнымъ отчетомъ нашей дѣятельности. Это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мое profession de foi, а можетъ быть, и мое послѣднее слово въ крестьянскомъ вопросѣ. Если бы государь соизволилъ разрѣшить напечатать эту записку, то ее прочли бы всѣ члены Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта. Можетъ быть, предъ истиною падутъ многія предубѣжденія и несправедливыя нападки. Если я умру теперь, то умру со спокойною совѣстью; мы честно исполнили долгъ свой предъ государемъ; дѣйствовали открыто, безъ всякихъ интригъ; разъяснили вопросъ, и можетъ быть, подвинули впередъ святое дѣло. Въ твердости государя я увѣренъ, а Богъ Россіи и святого дѣла не оставитъ». Въ другой разъ повторялъ онъ тому же довѣренному лицу: «Бога ради поторопитесь съ запиской; я долженъ ее просмотрѣть и исправить, пока въ силахъ. Можетъ быть, придетъ и такое время, когда я буду въ безпамятствѣ» [1].

Записка была составлена, но больной не былъ уже въ состояніи подвергнуть ее окончательному просмотру. Силы его быстро падали. 3-го февраля врачи объявили семьѣ, что на выздоровленіе нѣтъ болѣе надежды. На другой день Ростовцовъ причастился св. Таинъ, но находился уже въ бреду, когда пріѣхалъ государь, снова возвратившійся къ одру больного на третій день, 5-го февраля. Ростовцовъ указалъ ему на записку, лежавшую на стулѣ у изголовья постели, и императоръ поспѣшилъ успокоить умирающаго обѣщаніемъ прочесть ее, когда силы его возста-

[1] П. П. Семеновъ. «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», т. II, стр. 559.

новятся. Послѣ отъѣзда государя началась агонія. Извѣщенный о томъ, Александръ Николаевичъ вернулся къ Ростовцову въ четыре часа утра. По свидѣтельству очевидца, государь подошелъ къ постели, взялъ умирающаго за руку и почувствовалъ легкое его рукопожатіе. Священникъ читалъ отходную. Скрестивъ руки на груди, императоръ стоялъ около четверти часа у постели, внимательно прислушиваясь къ дыханію больного, который едва слышнымъ голосомъ произнесъ: «Государь! не бойтесь!» Императоръ придвинулъ стулъ и сѣлъ. Больной снова прошепталъ: «Я умираю! Господи, да будетъ воля Твоя!»—Дыханіе становилось рѣже и рѣже.—Государь всталъ, началъ молиться и заплакалъ. Въ 6 часовъ 41 минуту утра Ростовцова не стало [1].

Императоръ ежедневно присутствовалъ при панихидахъ, а въ день погребенія, 9-го февраля, самъ, съ великими князьями и родными, вынесъ гробъ до печальной колесницы и затѣмъ сопровождалъ его до послѣдняго жилища, въ Өеодоровской церкви Александро-Невской лавры. Похоронные расходы государь приказалъ отнести на свой счетъ.

На другой же день по кончинѣ Іакова Ивановича, Семеновъ, исполняя его послѣднюю волю, лично вручилъ государю предсмертную записку покойнаго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій. «Я съ нетерпѣніемъ ждалъ тебя»,—сказалъ ему императоръ. Внимательно прочитавъ записку, онъ воскликнулъ: «Бѣдный нашъ Іаковъ Ивановичъ! Изъ разговоровъ съ нимъ я знаю, что въ своей запискѣ онъ оставилъ намъ какъ бы завѣщаніе, которое намъ будетъ священно. Одно только меня тревожитъ и не даетъ мнѣ покоя—это именно вопросъ о преемникѣ Іакову Ивановичу. Нѣсколько разъ было у меня почти на языкѣ спросить его, ко о бы онъ назначилъ себѣ въ преемники, и, конечно, я свято исполнилъ бы его волю, но внутреннее чувство не позволило мнѣ высказаться. Я боялся огорчить больного, если напомнилъ бы ему объ опасности его положенія, о которой я зналъ отъ медиковъ». На вопросъ государя, не называлъ ли ему кого нибудь Ростовцовъ, какъ своего преемника, Семеновъ отвѣчалъ отрицательно. Отпуская Семенова, государь сказалъ: «Я внимательно прочту записку нашего покойнаго друга и подумаю о назначеніи предсѣдателя, а главное, поговорю заранѣе съ тѣмъ, на кого падетъ мой выборъ, поставлю ему условія его назначенія. Тебя же прошу успокоить своихъ товарищей. Я не отступлю ни отъ чего такого, что выражено въ запискѣ покойнаго нашего друга, такъ честно дѣйствовавшаго согласно съ моею волею, и не только не допущу никакого измѣненія въ составѣ комиссій, но и обезпечу вамъ составленіе проекта, согласно мнѣнію большинства, безъ всякаго препятствія со стороны предсѣдателя комиссій. Васъ, сотрудниковъ покойнаго Іакова Ивановича, прошу окончить

[1] Н. П. Семеновъ. «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», т. II, стр. 628.

ваше дѣло въ томъ самомъ духѣ, въ которомъ вы его вели доселѣ. Проектъ вашъ, конечно, еще можетъ измѣниться только въ какихъ-нибудь подробностяхъ, но то, что̀ выражено по этому дѣлу покойнымъ Іаковомъ Ивановичемъ, останется неприкосновеннымъ. Разрѣшаю тебѣ слова мои передать своимъ товарищамъ». Съ высочайшаго соизволенія, копіи съ предсмертной записки Ростовцова были доставлены великому князю Константину Николаевичу и великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ [1].

Вскорѣ послѣ того, 11-го февраля, состоялось назначеніе новаго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій. Выборъ государя палъ на министра юстиціи графа В. Н. Панина.

Вѣсть о томъ произвела большую тревогу въ средѣ членовъ этого учрежденія. Панина считали за убѣжденнаго противника направленія, восторжествовавшаго въ средѣ комиссій; ожидали, что подъ его руководствомъ занятія ихъ получатъ иной оборотъ. Но государь, назначая Панина преемникомъ Ростовцова, положительнѣйшимъ образомъ выразилъ ему свою волю, чтобы ничего не было измѣнено въ образѣ дѣйствій комиссій и чтобы предсмертная записка Іакова Ивановича служила имъ наставленіемъ. «Помните все, что вы мнѣ говорили»,—сказалъ онъ ему по этому поводу,—«на выраженныхъ условіяхъ только ввѣряю я вамъ это дѣло. Ведите все такъ, какъ было. Я всегда считалъ васъ честнымъ человѣкомъ, и мнѣ въ голову никогда не приходило, чтобы вы могли меня обмануть» [2]. Со своей стороны, Панинъ увѣрялъ великаго князя Константина Николаевича, что, каковы бы ни были его личныя убѣжденія, онъ считаетъ долгомъ вѣрноподданнаго прежде всего подчинять ихъ взгляду императора. «Если я»,—пояснялъ онъ,—«какими либо путями, прямо или косвенно удостовѣрюсь, что государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я, то я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ имъ и даже съ бо̀льшею энергіею, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями» [3].

Непреклонную рѣшимость свою довести предпринятое дѣло до конца въ томъ направленіи, которое было дано ему трудами редакціонныхъ комиссій, государь съ новою силою выразилъ въ рѣчи, произнесенной 21-го февраля при представленіи въ Зимнемъ дворцѣ депутатовъ отъ 24 губернскихъ комитетовъ второго призыва. Поблагодаривъ присутствовавшихъ представителей трехъ литовскихъ губерній за примѣръ, который они подали, «вызвавшись первые на общее дѣло», императоръ, обращаясь ко всѣмъ прочимъ членамъ, сказалъ: «Мнѣ остается повторить вамъ, господа, то, что губернскіе предводители, находящіеся между вами, уже

[1] Н. П. Семеновъ, Ibid. II, стр. 968.

[2] Н. П. Семеновъ, Ibid. II, стр. 691.

[3] Дневникъ Валуева, 16-го февраля 1859 г., «Русская Старина», 1891 г., т. LXXII, стр. 150.

отъ меня слышали. Вамъ извѣстно, какъ святое дѣло это близко моему сердцу. Увѣренъ, что и вы считаете его святымъ. У меня двѣ цѣли, или лучше сказать одна—благо государства. Я убѣжденъ, что въ томъ же самомъ заключается и ваша цѣль. Я хочу, чтобъ улучшеніе быта крестьянъ было не на словахъ, а на дѣлѣ, и чтобъ переворотъ совершился безъ потрясеній. Но для этого безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ вашей стороны обойтись невозможно. Я желаю, чтобъ эти пожертвованія были сколь возможно менѣе тягостны и обременительны для дворянъ. Для занятій вашихъ здѣсь составлена инструкція, которая опредѣляетъ, въ чемъ должна заключаться ваша прямая обязанность. Вы должны отвѣчать на вопросы, вамъ предложенные. Впрочемъ, если найдете нужнымъ добавить къ тому свои соображенія, можете ихъ выразить въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ, которыя будутъ разсмотрѣны и доведены до моего свѣдѣнія. Дѣйствуйте же единодушно къ общей пользѣ. Мнѣ извѣстно, что носились нелѣпые слухи; они, вѣроятно, могли дойти до васъ и здѣсь, будто я измѣнилъ свое довѣріе къ дворянству. Это ложь и клевета, не обращайте на это вниманія, а вѣрьте мнѣ. При самомъ началѣ обратился я къ дворянству съ полнымъ довѣріемъ. Обращаясь теперь съ тѣмъ же довѣріемъ къ вамъ, я надѣюсь, что вы на дѣлѣ оправдаете мои ожиданія. Министръ внутреннихъ дѣлъ и графъ Панинъ, котораго я назначилъ предсѣдателемъ редакціонной комиссіи, на мѣсто генералъ-адъютанта Ростовцова, знаютъ мысли мои и взглядъ мой по этому вопросу. Они могутъ подробно передать ихъ вамъ. Вы должны намъ помочь, господа. Съ Богомъ же, принимайтесь за дѣло». Обратясь къ графу Панину, государь добавилъ: «Рекомендую вамъ сотрудниковъ вашихъ. Я увѣренъ, что они будутъ добросовѣстно работать. Прошу вести это дѣло къ извѣстнымъ результатамъ обдуманно и осторожно, только отнюдь не затягивая и не откладывая его въ долгій ящикъ. Прощайте, господа, дай вамъ Богъ успѣха». Нѣсколько дней спустя, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій общаго присутствія, происходившихъ въ предсѣдательствѣ Панина, предсѣдатель объявилъ членамъ редакціонныхъ комиссій признательность государя «за ихъ дѣятельность и постоянно успѣшныя занятія, которыми они продолжаютъ двигать работы» [1].

Впрочемъ, графъ Панинъ нѣсколько разъ пытался видоизмѣнить, насколько зависѣло отъ него, направленіе, завѣщанное Ростовцовымъ своимъ сотрудникамъ. Такъ, при самомъ вступленіи въ должность, представляя государю составленную Семеновымъ записку о порядкѣ работъ, основаніяхъ сельскаго и уѣзднаго управленій и главныхъ заключеніяхъ, къ которымъ пришли редакціонныя комиссіи при разработкѣ крестьян-

[1] Н. П. Семеновъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», т. II, стр. 716.

скаго дѣла, онъ счелъ долгомъ представить и свои возраженія на послѣднія. Систему комиссіи по вопросу объ усадьбахъ крестьянъ Панинъ находилъ не вполнѣ «буквальнымъ» исполненіемъ высочайшихъ рескриптовъ, чѣмъ вызвалъ отмѣтку государя: «Она основана на личныхъ моихъ объясненіяхъ съ генералъ-адъютантомъ Ростовцовымъ и, по-мòему, вовсе не противорѣчитъ смыслу рескриптовъ». Панинъ находилъ, что полезною можно признать эту систему лишь въ примѣненіи къ добровольнымъ соглашеніямъ о выкупѣ (отмѣтка государя: «Непремѣнно!»); «но здѣсь»,—разсуждалъ онъ,—«какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ, слѣдуетъ остерегаться ограниченія онаго такими мѣрами, кои могли бы имѣть принудительный характеръ». Противъ этого мѣста императоръ надписалъ: «При будущемъ свиданіи я вамъ лично объясню мою мысль. Я ее считаю одною изъ главныхъ основъ всей работы»,—а наверху самой записки: «Я прочелъ все и прошу васъ обратить вниманіе на мои отмѣтки, о которыхъ мы переговоримъ при будущемъ докладѣ. Дайте мнѣ только знать, когда у васъ что̀ наберется» [1].

Въ другой разъ новый предсѣдатель представилъ на рѣшеніе императора разногласіе свое съ большинствомъ членовъ редакціонныхъ комиссій по одному изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ будущаго крестьянскаго положенія: о предоставленіи крестьянамъ ихъ надѣловъ изъ помѣщичьихъ земель въ безсрочное пользованіе. Панинъ полагалъ, что хотя въ рескриптахъ и постановлено, что крестьянамъ слѣдуетъ дать надѣлъ въ пользованіе, и кромѣ того, что земля не можетъ быть отнята отъ крестьянина (высочайшая отмѣтка: «Ни подъ какимъ видомъ») и что несправедливо было бы оставлять повинности безъ переоцѣнки, но что мысль эта, какъ не разсмотрѣнная еще въ Главномъ Комитетѣ, не можетъ быть признана окончательно утвержденною, а государь возразилъ: «Но я отъ нея не отойду». По этимъ соображеніямъ, Панинъ отвергалъ присовокупленіе комиссіей къ слову «пользованіе»—выраженій: «въ постоянное и безсрочное». Резолюція государя: «Вопросъ этотъ предоставляю себѣ рѣшить, когда онъ будетъ обсужденъ въ Главномъ Комитетѣ» [2].

Занятія редакціонныхъ комиссій пошли снова своимъ чередомъ, и съ половины іюля комиссіи приступили къ кодификаціи трудовъ своихъ. Государь настаивалъ на необходимости сколь можно скорѣе привести ихъ къ концу и окончательнымъ срокомъ изготовленія проектовъ положеній назначилъ 10-е октября. Въ этотъ день комиссіи были закрыты, членамъ ихъ «за неутомимые и усердные ихъ труды» объявлено высочайшее благоволеніе, а составленные ими проекты положеній и разныхъ дополнительныхъ правилъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной за-

[1] Записка Панина съ отмѣтками на ней государя. 21-го февраля 1860 г.

[2] Записка Панина, 19-го апрѣля 1860 г.

висимости —числомъ двадцать—внесены на разсмотрѣніе Главнаго Комитета.

Императоръ Александръ пожелалъ лично выразить царскую признательность труженикамъ великаго дѣла. 1-го ноября всѣ бывшіе члены редакціонныхъ комиссій были приглашены въ Зимній дворецъ. «Я желалъ васъ видѣть, господа»,—сказалъ государь.—«чтобъ поблагодарить васъ за ваши добросовѣстные труды, которые требовали большихъ усилій и большой дѣятельности. Работа ваша была огромная. Конечно, всякій человѣческій трудъ долженъ имѣть свои несовершенства. Вы сами это знаете; это очень хорошо знаю и я. Можетъ быть, придется многое измѣнить; но во всякомъ случаѣ вамъ принадлежитъ честь перваго труда, и Россія будетъ вамъ благодарна, а потому я желалъ отъ души поблагодарить васъ, господа. Я надѣюсь, что потомъ каждый изъ васъ, въ своемъ кругѣ, будетъ содѣйствовать общему намъ благу. Дѣло это слишкомъ близко моему сердцу. Я увѣренъ, что оно такъ же близко вамъ, какъ и мнѣ. Еще разъ благодарю васъ отъ души. Вотъ и графъ Панинъ, который заступилъ мѣсто Іакова Ивановича, не разъ говорилъ мнѣ о вашихъ добросовѣстныхъ занятіяхъ. (Къ графу Панину, пожавъ ему руку): Я и васъ благодарю, графъ. (Ко всѣмъ): Богъ поможетъ намъ кончить» [1].

За нѣсколько дней до закрытія комиссій тяжкая болѣзнь постигла князя Орлова, лишивъ его возможности предсѣдательствовать въ Главномъ Комитетѣ въ отсутствіе государя, отправившагося въ Варшаву для свиданія съ австрійскимъ императоромъ и принцемъ-регентомъ прусскимъ, вслѣдствіе чего императоръ назначилъ предсѣдательствующимъ въ Комитетѣ великаго князя Константина Николаевича.

Генералъ-адмиралъ болѣе года не принималъ участія въ трудахъ Комитета по крестьянскому дѣлу. Осенью 1858 года онъ оставилъ Петербургъ и провелъ десять мѣсяцевъ за границей, въ Германіи, Италіи, Франціи, послѣ чего предпринялъ продолжительную поѣздку на Востокъ, въ Грецію и Палестину. Какъ на причину его удаленія, неразлучный съ нимъ А. В. Головнинъ указываетъ, въ письмѣ къ князю А. И. Барятинскому, на придворныя интриги, пытавшіяся поколебать довѣріе къ нему государя. «Онъ крайне обезкураженъ и разбитъ»,—читаемъ въ одномъ изъ этихъ писемъ,—«всѣмъ тѣмъ, что здѣсь говорятъ противъ него, и не хочетъ болѣе заниматься общими государственными дѣлами... Онъ хочетъ ограничить свою дѣятельность морскою службою, быть морскимъ министромъ и ничего болѣе» [2]. Три мѣсяца спустя Головнинъ сообщалъ изъ Палермо въ Тифлисъ: «Я думалъ, что путешествіе генералъ-адмирала остановитъ ходъ различныхъ административныхъ улучшеній въ Петер-

[1] Н. П. Семеновъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», т. III, ч. 2-я, стр. 752 и 753.

[2] Головнинъ князю Барятинскому, 9-го октября 1858 г.

бургѣ. Въ этомъ я раздѣлялъ мнѣніе многихъ лицъ. Но оказывается, какъ мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что императоръ показалъ себя много разъ рѣшившимся твердо продолжать идти по пути прогресса. Его величество доказалъ, что онъ дѣйствовалъ по своимъ задушевнымъ убѣжденіямъ, что его твердость была непоколебима, что административное status quo стало болѣе невозможнымъ. Поняли, что великій князь не былъ подстрекателемъ въ прогрессивныхъ мѣрахъ; что онъ былъ не болѣе, какъ помощникъ и слуга своего брата, который, во время его отсутствія, не мѣняетъ системы, хотя въ общемъ онъ дѣйствуетъ медленнѣе, чѣмъ того желали бы многіе. Изъ этого слѣдуетъ, что препятствія для прогресса теперь не такъ легки и уже не смѣютъ осуждать монарха за тѣ же стремленія, за которыя дѣлали нападки на его брата» [1].

По возвращеніи въ Петербургъ, лѣтомъ 1859 года, великій князь Константинъ Николаевичъ былъ съ обычною ласкою и привѣтливостью принятъ государемъ и, вступивъ въ управленіе морскимъ вѣдомствомъ, занялъ прежнее мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, въ высшемъ финансовомъ комитетѣ, въ комитетѣ о раскольникахъ, наконецъ въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу. «Иное идетъ хорошо и легко»,—писалъ онъ намѣстнику кавказскому, поздравляя его со взятіемъ въ плѣнъ Шамиля,—«другое встрѣчаетъ бо̀льшія или меньшія препятствія. Но безъ борьбы ничего достигнуть нельзя, и я отъ нея не отказываюсь» [2].

Великій князь генералъ-адмиралъ горячо сочувствовалъ направленію, приданному крестьянскому вопросу Ростовцовымъ и редакціонными комиссіями. Сообща съ великою княгинею Еленою Павловною, всѣми силами поддерживалъ онъ Н. А. Милютина и противодѣйствовалъ проискамъ его многочисленныхъ и вліятельныхъ недоброжелателей [3]. О назначеніи Константина Николаевича предсѣдателемъ Главнаго Комитета извѣстила Милютина, какъ о побѣдѣ, по порученію Елены Павловны, фрейлина ея, баронесса Раденъ, присовокупивъ: «Не правда ли, что я была права, утверждая, что нужно вѣрить въ особое Провидѣніе для Россіи и для насъ всѣхъ» [4]. Великій князь обѣщалъ августѣйшей теткѣ пригласить къ себѣ Милютина и переговорить съ нимъ, какъ только ознакомится съ положеніями. Прочитавъ ихъ, онъ такъ отозвался о трудѣ редакціонныхъ комиссій: «Это памятникъ, который вѣчно послужитъ величайшею честью для комиссіи, каково бы ни было мнѣніе о немъ» (C'est un monument qui à jamais fera le plus grand honneur à la commission, de quelque opinion qu'on puisse être) [5].

1 Головнинъ князю Барятинскому, 8-го января 1859 г.

2 Великій князь Константинъ Николаевичъ князю Барятинскому, 22-го сентября 1859 г.

3 Дневникъ Валуева, 25-го іюня 1859 г., «Русская Старина» 1891 г., т. LXXII, стр. 557.

4 Баронесса Раденъ Н. А. Милютину, 8-го октября 1859 г.

5 Великая княгиня Елена Павловна Н. А. Милютину, 14-го октября 1859 г.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Въ Главномъ Комитетѣ далеко не всѣ члены раздѣляли взглядъ великаго князя на новыя положенія. Вполнѣ сочувствовали имъ и дѣятельно ихъ поддерживали одни только Ланской, графъ Блудовъ и Чевкинъ. Три члена, Муравьевъ, князь Долгоруковъ и Княжевичъ, желали внести въ нихъ существенныя измѣненія. Ихъ контръ-проектъ, составленный директоромъ департамента сельскаго хозяйства Валуевымъ, предлагалъ оставить за крестьянами на первое время существовавшіе надѣлы, а окончательное разрѣшеніе устройства поземельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками отсрочить до обмежеванія и кадастрированія всѣхъ владѣльческихъ дачъ. Князь Гагаринъ, поддерживаемый графомъ Адлербергомъ, настаивалъ на освобожденіи крестьянъ съ обязательнымъ надѣломъ не болѣе какъ по одной десятинѣ на душу и съ предоставленіемъ затѣмъ крестьянамъ найма остальныхъ земель по добровольнымъ съ помѣщиками соглашеніямъ. Наконецъ, самъ бывшій предсѣдатель редакціонныхъ комиссій, графъ Панинъ, выразилъ несогласіе съ ихъ проектами по четыремъ важнымъ статьямъ: о вотчинной полиціи помѣщиковъ; объ ограниченіи правъ собственности помѣщиковъ на предоставленныя крестьянамъ въ пользованіе земли; о безсрочномъ пользованіи крестьянъ этими землями; объ опредѣленіи размѣра высшихъ и низшихъ надѣловъ.

Разсмотрѣнію проектовъ положеній Главный Комитетъ посвятилъ болѣе сорока засѣданій, продолжавшихся каждое свыше шести и даже семи часовъ. Головнинъ такъ описываетъ ихъ въ письмѣ къ князю Барятинскому: «Пренія были очень горячія. Нужно отдать справедливость великому князю-предсѣдателю, что всѣ члены пользовались полною свободою выражать свои мнѣнія, и нужно прибавить, что по своей молодости, по своимъ физическимъ силамъ, уму и памяти, которыми природа такъ счастливо надѣлила великаго князя, и по прилежанію, онъ оказался лучше знающимъ дѣло, чѣмъ всѣ члены. Дѣло затянулось благодаря безконечнымъ преніямъ, большому разномыслію среди членовъ наиболѣе вліятельныхъ, а въ особенности, по моему мнѣнію, потому, что секретарь комитета, г. Бутковъ, до сихъ поръ не успѣлъ еще раскрыть, который изъ членовъ наиболѣе могуществeнъ, а слѣдовательно, не знаетъ, въ чью пользу привести въ движеніе всю силу канцеляріи, силу, которая имѣетъ дѣйствительную власть у насъ. Императоръ, возвратившійся, между тѣмъ, изъ Варшавы, остается безмолвнымъ и безстрастнымъ, и не позволяетъ догадываться, которому изъ различныхъ мнѣній его величество симпатизируетъ. Вообще нужно сказать, что веденіе императоромъ всего этого дѣла дѣлаетъ ему величайшую честь»[1].

Наконецъ, великому князю удалось убѣдить графа Панина пристать къ его мнѣнію, къ которому присоединился, уступая настояніямъ самого

[1] Головнинъ князю Барятинскому, 16-го января 1861 г.

государя, и графъ Адлербергъ. Такимъ образомъ составилось большинство въ пользу проектовъ редакціонныхъ комиссій, которые и были приняты Главнымъ Комитетомъ.

Послѣднее соединенное засѣданіе этого Комитета съ Совѣтомъ министровъ происходило 26-го января 1861 года, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя. Александръ Николаевичъ благодарилъ большинство членовъ, подавшихъ голосъ за проектъ положеній, и особенно великаго князя Константина Николаевича, котораго нѣсколько разъ обнялъ и поцѣловалъ. О редакціонныхъ комиссіяхъ онъ отозвался, что на нихъ сильно нападали, но бо́льшею частью совершенно несправедливо, главнымъ образомъ по незнанію дѣла; что трудъ ихъ исполненъ съ большимъ знаніемъ и большою добросовѣстностію. Затѣмъ, императоръ объявилъ, что, допустивъ при обсужденіи этого дѣла для всѣхъ и каждаго полную свободу выражать свое мнѣніе, онъ уже не допуститъ никакихъ отмѣнъ, отлагательствъ и проволочекъ и хочетъ, чтобы дѣло было кончено непремѣнно къ 15-му февраля. «Этого»,—сказалъ онъ,—«я желаю, требую, повелѣваю». Обращаясь преимущественно къ министрамъ, государь поставилъ имъ на видъ, что доселѣ они враждовали между собою, пререкаясь по крестьянскому дѣлу, а нѣкоторые даже противились его видамъ, и что онъ давалъ имъ въ этомъ отношеніи полную свободу, но что теперь, когда его воля будетъ окончательно выражена, онъ требуетъ отъ нихъ полнаго согласія другъ съ другомъ, совершеннаго забвенія личныхъ мнѣній и безусловнаго, добросовѣстнаго исполненія его повелѣнія и утвержденнаго имъ положенія, внушительно прибавивъ: «Вы должны помнить, что въ Россіи издаетъ законы самодержавная власть». Въ заключеніе императоръ объявилъ, что по окончаніи дѣла объ упраздненіи крѣпостного права сословіе крестьянъ не должно оставаться раздѣленнымъ на разныя вѣдомства, но образовать одно цѣлое, какимъ и было прежде, подчиненное однимъ законамъ и общимъ въ государствѣ властямъ [1].

28-го января принятые Главнымъ Комитетомъ проекты положеній внесены на обсужденіе общаго собранія Государственнаго Совѣта. Засѣданіе это императоръ Александръ открылъ слѣдующею знаменательною рѣчью:

«Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ;

[1] Журналъ засѣданія Главнаго Комитета. 16-го января 1861 г.

возлагаю это на прямую обязанность предсѣдательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ. Повторяю—и это моя непремѣнная воля,—чтобъ дѣло это теперь же было кончено.

«Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства. Я не могу не удивляться и не радоваться, и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя опасенія дворянства до нѣкоторой степени понятны, ибо они касаются самыхъ близкихъ и матеріальныхъ интересовъ каждаго, при всемъ томъ я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого дворянства, и я счастливъ, что мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ передъ потомствомъ. При личныхъ моихъ разговорахъ съ губернскими предводителями дворянства и во время путешествій моихъ по Россіи, при пріемѣ дворянъ, я не скрывалъ моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и говорилъ вездѣ, что это преобразованіе не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ ихъ стороны, и что все стараніе мое заключается въ томъ, чтобы пожертвованія эти были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для дворянства. Я надѣюсь, господа, что при разсмотрѣніи проектовъ, представленныхъ въ Государственный Совѣтъ, вы убѣдитесь, что все, что можно было сдѣлать для огражденія выгодъ помѣщиковъ, сдѣлано; если же вы найдете нужнымъ въ чемъ-либо измѣнить или добавить представляемую работу, то я готовъ принять ваши замѣчанія; но прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ.

«Прежде чѣмъ приступить къ подробному разсмотрѣнію самаго проекта, хочу изложить вкратцѣ историческій ходъ этого дѣла. Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостного права. Оно у насъ прежде не существовало; право это установлено самодержавною властью и только самодержавная власть можетъ его уничтожить, а на это есть моя прямая воля.

«Предшественники мои чувствовали все зло крѣпостного права и постоянно стремились если не къ прямому его уничтоженію, то къ постепенному ограниченію произвола помѣщичьей власти.

«Съ этою цѣлью при императорѣ Павлѣ былъ изданъ законъ о трехдневной барщинѣ, при императорѣ Александрѣ, въ 1803 году, законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, а при родителѣ моемъ, въ 1842 году, указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Оба послѣдніе закона были основаны на добровольныхъ соглашеніяхъ, но, къ сожалѣнію, не имѣли успѣха. Свободныхъ хлѣбопашцевъ всего немного болѣе 100,000, а обязанныхъ крестьянъ и того менѣе. Многіе изъ васъ, бывшіе членами Совѣта при раз-

смотрѣніи закона объ обязанныхъ поселянахъ, вѣроятно, припомнятъ тѣ сужденія, которыя происходили въ присутствіи самого государя. Мысль была благая, и если бы исполненіе закона не было обставлено, можетъ быть и съ умысломъ, такими формами, которыя останавливали его дѣйствіе, то введеніе въ исполненіе этого закона тогда же во многомъ облегчило бы настоящее преобразованіе. Покойный мой родитель постоянно былъ занятъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ. Я, вполнѣ ей сочувствуя, еще въ 1856 году, передъ коронаціею, бывши въ Москвѣ, обратилъ вниманіе предводителей дворянства Московской губерніи на необходимость заняться улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ, присовокупивъ къ тому, что крѣпостное право не можетъ вѣчно продолжаться, и что потому лучше, чтобы преобразованіе это совершилось сверху, чѣмъ снизу. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ 1857 года, я учредилъ, подъ личнымъ моимъ предсѣдательствомъ, особый комитетъ, которому поручилъ заняться принятіемъ мѣръ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Въ концѣ того же 1857 года поступило прошеніе отъ трехъ литовскихъ губерній, просившихъ дозволенія приступить прямо къ освобожденію крестьянъ. Я принялъ это прошеніе, разумѣется, съ радостью и отвѣчалъ рескриптомъ 20-го ноября 1857 года на имя генералъ-губернатора Назимова. Въ этомъ рескриптѣ указаны главныя начала, на коихъ должно совершиться преобразованіе; эти главныя начала должны и теперь служить основаніемъ вашихъ разсужденій. Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ какъ для помѣщика, такъ и для государства. Эта мысль служила основаніемъ работъ, представленныхъ теперь Государственному Совѣту Главнымъ Комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того, что̀ происходило за границею, гдѣ преобразованіе совершалось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому, весьма дурной, мы видѣли въ Австріи и именно въ Галиціи. Безземельное освобожденіе крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое и только теперь, послѣ 40 лѣтъ, намъ едва удалось улучшить ихъ бытъ, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. То же было и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ свобода была дана Наполеономъ безъ опредѣленія поземельныхъ отношеній, и гдѣ безземельное освобожденіе крестьянъ имѣло послѣдствіемъ, что власть помѣщиковъ сдѣлалась для крестьянъ тяжелѣе, чѣмъ прежнее крѣпостное право. Это вынудило покойнаго родителя моего издать въ 1846 году особыя правила для опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и въ Царствѣ Польскомъ.

«Вслѣдъ за рескриптомъ, даннымъ генералъ-губернатору Назимову, начали поступать просьбы отъ дворянства другихъ губерній, которымъ были даны отвѣты рескриптами на имя генералъ-губернаторовъ и губер-

наторовъ, подобнаго же содержанія съ первымъ. Въ этихъ рескриптахъ заключались тѣ же главныя начала и основанія и разрѣшалось приступить къ дѣлу на тѣхъ же указанныхъ мною началахъ. Вслѣдствіе того были учреждены губернскіе комитеты, которымъ для облегченія ихъ работъ была дана особая программа. Когда, послѣ даннаго на то срока, работы комитетовъ начали поступать сюда, я разрѣшилъ составить особыя редакціонныя комиссіи, которыя должны были разсмотрѣть проекты губернскихъ комитетовъ и сдѣлать общую работу въ систематическомъ порядкѣ. Предсѣдателемъ этихъ комиссій былъ сначала генералъ-адъютантъ Ростовцовъ, а по кончинѣ его—графъ Панинъ. Редакціонныя комиссіи трудились въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ и, несмотря на всѣ нареканія, можетъ быть, отчасти и справедливыя, которымъ комиссіи подвергались, онѣ окончили свою работу добросовѣстно и представили ее въ Главный Комитетъ. Главный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ моего брата, трудился съ неутомимою дѣятельностью и усердіемъ. Я считаю обязанностью благодарить всѣхъ членовъ Комитета, а брата моего въ особенности, за ихъ добросовѣстные труды въ этомъ дѣлѣ.

«Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія я выслушиваю охотно, но я въ правѣ требовать отъ васъ одного: чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь, но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества. Теперь, съ Божіею помощью, приступимъ къ самому дѣлу».

«Государственный Совѣтъ въ общемъ собраніи»,—гласитъ журналъ этого достопамятнаго засѣданія,—«выслушавъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ слова его императорскаго величества и принявъ къ точному исполненію высочайшую его волю, въ томъ же засѣданіи приступилъ къ подробному обсужденію первыхъ 20-ти статей проектовъ общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости» [1]. Но выраженія эти недостаточно передаютъ глубокое впечатлѣніе, произведенное царскою рѣчью на слушателей, о которомъ такъ отозвался Головнинъ въ письмѣ къ фельдмаршалу князю Барятинскому:

«Засѣданіе Государственнаго Совѣта 28-го января останется памятнымъ въ исторіи Россіи рѣчью, которою государь освѣтилъ разбирательство Совѣта по проекту освобожденія. Эта рѣчь доказала глубокое знаніе, которымъ обладаетъ императоръ по отношенію ко всему этому дѣлу, до-

[1] Журналъ засѣданія общаго собранія Государственнаго Совѣта, 28-го января 1861 г.

казала, насколько онъ имѣетъ о немъ ясное представленіе, и обнаружила тотъ раціональный планъ, которому онъ слѣдовалъ съ полною твердостью. Эта рѣчь поставила государя безконечно выше всѣхъ его министровъ и членовъ Совѣта. Онъ выросъ безмѣрно, а они опустились. Отнынѣ онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертіе. Надо замѣтить, что эта рѣчь не была разработана какою-либо канцеляріей Совѣта, не была написана и прочитана,—нѣтъ, то была совершенно свободная импровизація, естественное представленіе мысли, которая давно созрѣла въ головѣ» [1].

19-го февраля разсмотрѣнные и одобренные Государственнымъ Совѣтомъ положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, были поднесены на высочайшее утвержденіе. Въ эту шестую годовщину своего воцаренія, приложивъ къ нимъ свою подпись, императоръ Александръ возвѣстилъ о совершенномъ преобразованіи манифестомъ, который останется въ русской исторіи вѣчнымъ, незыблемымъ памятникомъ его царственной мудрости и попечительной заботливости о благѣ Богомъ ввѣреннаго ему народа [2].

«Божіимъ Провидѣніемъ»,—такъ начинается манифестъ,—«и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій всероссійскій престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію, мы положили въ сердцѣ своемъ обѣтъ: обнимать нашею царскою любовью и попеченіемъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, всякаго званія и положенія, отъ благородно-владѣющаго мечомъ на защиту отечества до скромно-работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ». Манифестъ напоминалъ о несостоятельности законоположеній о крестьянахъ, потомственно укрѣпленныхъ за помѣщиками, о неблагопріятныхъ для благосостоянія крестьянъ послѣдствіяхъ этого закрѣпощенія, о недостаточности мѣръ, принятыхъ въ три предшедшія царствованія для ихъ устраненія. «Такимъ образомъ»,—объявлялъ государь,—«мы убѣдились, что измѣненіе положенія крѣпостныхъ людей на лучшее есть для насъ завѣщаніе предшественниковъ нашихъ, и жребій, чрезъ теченіе событій поданный намъ рукою Провидѣнія». Манифестъ излагалъ ходъ развитія крестьянскаго дѣла, обращенія царя къ дворянству, труды губернскихъ комитетовъ, составленіе положеній, разсмотрѣніе и утвержденіе ихъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ—Главномъ Комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ. «Въ силу означенныхъ новыхъ положеній»,—говорилъ манифестъ,—«крѣ-

[1] Головнинъ князю Барятинскому, 15-го февраля 1861 г.

[2] Первоначальный проектъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ составленъ Ю. Ѳ. Самаринымъ при участіи Н. А. Милютина, но, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ передѣланъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ. Проектъ Самарина и Милютина напечатанъ у П. П. Семенова: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», т. III, ч. 2-я, стр. 811—825.

постные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей». Слѣдовало перечисленіе главныхъ основаній преобразованія: сохраненіе за помѣщиками права собственности на землю съ предоставленіемъ крестьянамъ въ постоянное пользованіе, за установленныя повинности, усадебной осѣдлости и полевого надѣла; переходное состояніе, въ продолженіе котораго крестьяне именуются временно-обязанными; право выкупа крестьянами усадебъ и полей; полное освобожденіе въ двухлѣтній срокъ дворовыхъ людей; вновь установленный порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія. Манифестъ перечислялъ и новыя учрежденія для приведенія въ исполненіе положеній: губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; мировые посредники; составленіе уставныхъ грамотъ, опредѣляющихъ взаимное отношеніе помѣщиковъ и крестьянъ. «Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія»,—продолжалъ манифестъ,—«мы первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи. Засимъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность благороднаго дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ насъ и отъ всего отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовью къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостного права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній, въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства, и что каждый владѣлецъ довершитъ, въ предѣлахъ своего имѣнія, великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію государственныхъ постановленій». Выразивъ надежду, что взаимными добросовѣстными соглашеніями разрѣшится бо̀льшая часть затрудненій, облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ, манифестъ обѣщалъ содѣйствіе правительства выкупу усадебныхъ и полевыхъ угодій крестьянъ посредствомъ выдачи ссудъ. Затѣмъ, обращаясь къ крестьянамъ, императоръ говорилъ: «Полагаемся и на здравый смыслъ нашего народа. Когда мысль правительства объ упраздненіи крѣпостного права распространилась между неприготовленными къ ней крестьянами, возникали было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался, въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію свободно пользующійся

благами общества взаимно должны служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей и, по закону христіанскому, всякая душа должна повиноваться властямъ предержащимъ (Рим. XIII, 1), воздавать всѣмъ должное и въ особенности, кому должно, урокъ, дань, страхъ, честь,—(7), что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки, что было бы противно всякой справедливости—пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

«И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностью примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное благороднымъ дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

«Они вразумятся, что, получая для себя болѣе твердое основаніе собственности и бо́льшую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными предъ обществомъ и предъ самими собою благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе, подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостью и вообще честною, въ страхѣ Божіемъ, жизнью.

«Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокойнымъ движеніемъ, съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ, пріобрѣтенной въ собственность.

Незабвенны заключительныя слова манифеста: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго»[1].

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ объявленъ Сенату 2-го марта и въ воскресенье, 5-го числа того же мѣсяца, обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе въ Петербургѣ, прочтеніемъ въ церквахъ послѣ обѣдни. На разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ государь самъ прочиталъ манифестъ,

[1] Высочайшій манифестъ, 19-го февраля 1861 г.

встрѣченнии громогласнымъ и долго несмолкавшимъ ура! Въ продолженіе марта состоялось обнародованіе манифеста повсемѣстно, во всѣхъ концахъ Россіи.

Въ самый день подписанія этого акта императоръ Александръ, въ рескриптѣ на имя великаго князя Константина Николаевича, изложилъ свой взглядъ на значеніе величайшаго изъ событій своего царствованія. Выразивъ признательность августѣйшему брату и его сотрудникамъ, членамъ Главнаго Комитета, государь писалъ: «Будущее извѣстно единому Богу и окончательный успѣхъ предпринятаго великаго дѣла зависитъ отъ Его святой, всегда благостной воли, но мы можемъ нынѣ же со спокойною совѣстью сказать себѣ, что нами употреблены для совершенія онаго всѣ бывшія во власти нашей средства, и со смиреніемъ уповать, что покровительствующее любезному нашему отечеству Провидѣніе благословитъ исполненіе нашихъ намѣреній, коихъ чистота ему извѣстна». Въ томъ же рескриптѣ государь объявилъ объ учрежденіи, подъ непосредственнымъ его вѣдѣніемъ и предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, Главнаго Комитета «для устройства сельскаго состоянія для всей Имперіи на общихъ и однообразныхъ началахъ» [1].

17-го апрѣля, въ день своего рожденія, императоръ Александръ пожелалъ ознаменовать совершенное преобразованіе установленіемъ для всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ трудахъ по освобожденію крестьянъ, медали на александровской лентѣ съ изображеніемъ царя и съ надписью: «Благодарю». Тогда же онъ повторилъ выраженіе высочайшей признательности всѣмъ сотрудникамъ великаго дѣла. Въ рескриптѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ, выразивъ радость о томъ, что новыя законоположенія приняты всѣми сословіями съ чувствомъ преданности и довѣрія къ престолу, всегда отличавшимъ любезный царскому сердцу народъ русскій, и принеся благодареніе небесному Промыслу за новый знакъ Его милости къ царю и Россіи, Александръ Николаевичъ снова воздалъ должную справедливость дѣятельному содѣйствію дворянства и поручилъ министру объявить особенное монаршее благоволеніе предсѣдателямъ и членамъ губернскихъ комитетовъ и общихъ комиссій: «да перейдутъ въ потомство имена вѣрныхъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ сподвижниковъ» [2]. Въ другомъ рескриптѣ, на имя бывшаго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій графа Панина, государь въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отозвался о дѣятельности этого учрежденія по составленію положеній: «Сей важный трудъ исполненъ комиссіями съ особеннымъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностію».

«Занимаясь постоянно и неутомимо въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ»,—продолжалъ рескриптъ,—«редакціонныя комиссіи успѣли въ это

---

[1] Государь великому князю Константину Николаевичу, 19-го февраля 1863 г.

[2] Государь Панину, 17-го апрѣля 1861 г.

Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ.

(Съ литографіи Бореля.)

время разсмотрѣть подробно проекты всѣхъ губернскихъ комитетовъ, составить общій сводъ ихъ предположеній, изложить въ строгой послѣдовательности и ясности свои соображенія по всѣмъ вообще вопросамъ, касающимся будущаго устройства крестьянъ и дворовыхъ людей, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, собрать множество статистическихъ данныхъ и, наконецъ, послѣ сей предварительной и многосложной работы, предначертать проекты законоположеній, обнимающіе дѣло объ улучшеніи состоянія помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей во всей Имперіи.

«Совершенная редакціонными комиссіями обширная работа облегчила окончательное разсмотрѣніе сего дѣла какъ въ Главномъ Комитетѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ.

«За столь ревностные и полезные труды мнѣ пріятно изъявить мое особое, вполнѣ заслуженное благоволеніе всѣмъ вообще лицамъ, кои были призваны въ составъ редакціонныхъ комиссій. Проникнутые однимъ желаніемъ быть полезными святому дѣлу, нынѣ съ благословенія Всевышняго приведенному къ окончанію, члены сихъ комиссій посвящали сему дѣлу все свое время, всѣ свои силы и способности, и конечно труды, ими подъятые, будутъ справедливо уважены и оцѣнены отечествомъ. Я не сомнѣваюсь, что каждый изъ нихъ, на службѣ и въ частной жизни, будетъ и впредь, какъ это мною имъ устно выражено, содѣйствовать по мѣрѣ возможности дальнѣйшему успѣху преобразованія, предпринятаго мною съ твердымъ упованіемъ на ревностное, единодушное стремленіе къ общественному благу всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ.

«При семъ случаѣ не могу не вспомнить и объ участіи, которое принималъ въ трудахъ редакціонныхъ комиссій покойный предсѣдатель ихъ, генералъ-адъютантъ Іаковъ Ивановичъ Ростовцовъ. Приступивъ къ исполненію даннаго ему, по особой моей къ нему довѣренности, порученія, онъ съ обыкновеннымъ своимъ пламеннымъ къ службѣ усердіемъ далъ первоначальное направленіе работамъ комиссій, и подъ его предсѣдательствомъ разсмотрѣны ими всѣ важнѣйшіе въ дѣлѣ вопросы. Къ искреннему прискорбію моему, смерть похитила его среди сихъ трудовъ въ то время, когда онъ съ новымъ напряженіемъ посвящалъ имъ дни и ночи. Заслуги покойнаго Іакова Ивановича Ростовцова въ столь важномъ для Россіи дѣлѣ навсегда будутъ памятны моему сердцу и, конечно, не будутъ забыты исторіею»[1].

Дополненіемъ къ рескрипту Панину служилъ рескриптъ вдовѣ Ростовцова, сообщавшій ей о возведеніи ея, съ нисходящимъ отъ Іакова Ивановича потомствомъ, въ графское Россійской имперіи достоинство. «Увѣдомляя васъ о томъ»,—писалъ государь графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ,—«я съ

[1] Государь графу Панину, 17-го апрѣля 1861 г.

симъ вмѣстѣ повелѣлъ препроводить къ вамъ медаль, установленную въ воспоминаніе великаго событія уничтоженія крѣпостной въ отечествѣ нашемъ зависимости. На ней вы увидите изображенное на самомъ видномъ мѣстѣ слово: «Благодарю». Сіе слово обращается и къ умершему супругу вашему, какъ бывшему однимъ изъ ревностнѣйшихъ и славнѣйшихъ въ семъ дѣлѣ исполнителей моей воли. Такая медаль будетъ положена на гробницу его, а та, которая посылается къ вамъ, да сохранится навсегда въ семействѣ его и потомствѣ». Къ обычному заключенію рескрипта: «пребываю благосклонный къ вамъ» императоръ собственноручно приписалъ: «и навсегда благодарный покойному мужу вашему, Александръ»[1].

Такъ завершилъ императоръ Александръ II изліяніе царскихъ милостей на сподвижниковъ своихъ въ великомъ дѣлѣ, имена которыхъ, по его пророческимъ словамъ, не забудетъ Россія. За царемъ же останется, съ именемъ Освободителя, безсмертіе въ исторіи и вѣчная, благоговѣйная и благодарная память въ потомствѣ, какъ объ одномъ изъ величайшихъ монарховъ-благодѣтелей человѣчества[2].

---

[1] Государь графинѣ Ростовцовой, 17-го апрѣля 1861 г.

[2] Акты и документы, относящіеся къ освобожденію крестьянъ — въ Архивахъ Государственнаго Совѣта, министра внутреннихъ дѣлъ и III отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи. Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ въ царствованіе Александра II вышелъ въ 1880 г. третьимъ изданіемъ въ 2-хъ томахъ. Матеріалы редакціонной комиссіи напечатаны въ 1859 и 1860 гг. въ 18 томахъ. Изъ многочисленныхъ историческихъ сочиненій и изслѣдованій, посвященныхъ освобожденію крестьянъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ: изданные въ Берлинѣ въ 1861—1862 гг. въ 3-хъ томахъ «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи»; Александра Скребицкаго «Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II» и капитальный трудъ Н. П. Семенова (3 тома), неодиократно приведенный въ настоящей главѣ. Свѣдѣнія о Н. А. Милютинѣ и его перепискѣ заимствованы изъ біографіи его, изданной Anatole Leroy-Beaulieu, подъ заглавіемъ «Un homme d'Etat russe».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Тысячелѣтіе Россіи.

1861—1862.

Обнародованіе положеній 19-го февраля. — Рѣчь государя къ крестьянамъ. — Введеніе положеній. — Печать. — Волненія въ университетахъ. — Назначеніе графа Путятина министромъ народнаго просвѣщенія и Валуева министромъ внутреннихъ дѣлъ. — Пріемъ государемъ крестьянской депутаціи въ Москвѣ. — Рѣчь государя въ Полтавѣ. — Безпорядки въ Петербургскомъ университетѣ. — Учрежденіе Совѣта министровъ. — Новые министры: Д. А. Милютинъ, Головнинъ, Зеленый и Рейтернъ. — Перечень предположенныхъ государственныхъ преобразованій. — Подпольная агитація. — Пожары въ Петербургѣ. — Слѣдственная комиссія для раскрытія государственныхъ преступленій. — Взглядъ Самарина на будущее Россіи. — Мнѣніе князя А. М. Горчакова. — Рѣшимость правительства продолжать реформы. — Празднованіе въ Новгородѣ тысячелѣтія Россіи. — Пріемъ въ Москвѣ дворянъ и представителей другихъ сословій. — Возвращеніе двора въ Петербургъ. — Бисмаркъ и его отношенія къ Россіи. — Пререканія съ вѣнскимъ дворомъ. — Разладъ съ Франціею. — Отозваніе Киселева изъ Парижа и замѣна его Будбергомъ въ званіи посла при тюльрійскомъ дворѣ. — Прощаніе Наполеона III и императрицы Евгеніи съ Киселевымъ. — Признаніе Россіею Итальянскаго королевства. — Дружественныя отношенія съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. — Разномысліе съ Англіею по Восточному вопросу. — Заступничество за Черногорію. — Договоръ съ Франціею о возстановленіи купола надъ Гробомъ Господнимъ въ Іерусалимѣ. — Возведеніе князя Горчакова въ достоинство вице-канцлера.

Высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, обнародованный въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ воскресенье 5-го марта, былъ объявленъ во всѣхъ губернскихъ городахъ нарочно командированными генералъ-майорами свиты государя и флигель-адъютантами, съ 7-го марта по 2-ое апрѣля 1861 года.

Впечатлѣніе, произведенное на народъ положеніями 19-го февраля, было самое благотворное. Крѣпостное населеніе встрѣтило вѣсть о своей свободѣ въ тишинѣ и спокойствіи, превзошедшихъ общія ожиданія. Вмѣсто шумныхъ изъявленій радости, крестьяне выражали ее тѣмъ, что служили благодарственные молебны; ставили свѣчи за державнаго Освобо-

дителя; составляли приговоры объ отправленіи въ день объявленія манифеста церковнаго служенія на вѣчныя времена; жертвовали на сооруженіе въ приходскихъ церквахъ иконъ или придѣловъ во имя св. Александра Невскаго, а также особаго храма того же имени въ Москвѣ; дѣлали сборы на облегченіе участи арестантовъ и учрежденіе сельскихъ школъ; христосовались между собою; писали всеподданнѣйшіе адресы. Другое утѣшительное явленіе, сопровождавшее манифестъ, была трезвость. Обнародованіе его не только не увеличило, но уменьшило пьянство, которому обыкновенно предается простонародье въ послѣдній день масляницы и въ первое—«прощеное» воскресенье Великаго поста, считающееся во многихъ мѣстахъ, по городамъ и селамъ, годовымъ ярмарочнымъ или базарнымъ днемъ. Воздержность эта замѣчена была въ обѣихъ столицахъ и такія же получены извѣстія изъ губерній Симбирской, Ярославской, Псковской, Калужской, Костромской, Тульской и Архангельской [1].

Проживавшіе въ Петербургѣ бывшіе крѣпостные крестьяне стремились лично выразить монарху чувства благоговѣйной и умилительной благодарности за дарованную волю. Въ слѣдующее воскресенье по обнародованіи манифеста въ столицѣ, въ часъ пополудни, когда государь, въ сопровожденіи наслѣдника, вышелъ изъ Зимняго дворца, чтобы ѣхать на разводъ въ Михайловскій манежъ, изъ несмѣтной толпы народа, наполнявшей Дворцовую площадь, отдѣлилась депутація отъ мастеровыхъ и фабричныхъ изъ-за Шлиссельбургской заставы и, низко кланяясь, поднесла ему хлѣбъ-соль. «Здравствуйте, дѣти»,—раздался голосъ императора. «Здравія желаемъ, ваше императорское величество»,—дружно откликнулись крестьяне. Въ отвѣтъ на простыя, но задушевныя и трогательныя выраженія признательности, государь сказалъ: «Благодарю васъ, дѣти, за сочувствіе ваше, которое мнѣ стоило не мало труда. Поняли ли, дѣти, что̀ для васъ сдѣлано въ пользу вашего общаго блага мною въ объявленномъ вамъ манифестѣ?»—«Мы чувствительно благодаримъ ваше императорское величество»,—отвѣтили депутаты,—«за ваши великія благодѣянія, которыми вы обновили жизнь нашу».—«Это дѣло было начато еще моимъ родителемъ»,—продолжалъ императоръ,—«но онъ не успѣлъ его кончить при своей жизни. Мнѣ пришлось, съ помощью Бога, совершить оное дѣло для блага вашего. Но вы, дѣти, должны теперь благодарить Бога и молиться о вѣчной памяти моего родителя и самимъ вамъ, всѣмъ вообще, быть полезными для блага отечества. Благодарю васъ, я доволенъ вами». Толпа громкими кликами радости и восторга долго сопровождала царскій экипажъ [2].

1 «Сѣверная Почта», 1-го января 1862 г., № 1.

2 «Journal de St.-Pétersbourg», 14-го марта, и «С.-Петербургскія Вѣдомости», 28-го апрѣля 1861 г.

Введеніе въ дѣйствіе новыхъ положеній производилось, за весьма немногими исключеніями, въ полномъ порядкѣ. Заблаговременно приняты были мѣры, чтобы тотчасъ по объявленіи манифеста образовались губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Лучшіе люди изъ дворянъ-помѣщиковъ шли на должность мировыхъ посредниковъ, въ кругъ обязанностей которыхъ входило составленіе уставныхъ грамотъ и вообще опредѣленіе взаимныхъ отношеній между землевладѣльцами и бывшими крѣпостными, водворенными на ихъ землѣ. Недоразумѣнія случались довольно рѣдко, еще рѣже—волненія между крестьянами или сопротивленіе ихъ распоряженіямъ властей. Явленія послѣдняго рода происходили преимущественно въ Западномъ краѣ, вслѣдствіе существовавшей между помѣщиками и крестьянами племенной и религіозной розни. Въ великорусскихъ губерніяхъ серьезные размѣры приняли безпорядки лишь въ двухъ мѣстностяхъ: въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи и въ Чембарскомъ—Пензенской губерніи, гдѣ для усмиренія возмущенныхъ крестьянъ пришлось прибѣгнуть къ оружію. Въ подавляющемъ большинствѣ, бывшіе крѣпостные, исполненные безпредѣльной преданности и признательности къ царю, мирно и спокойно вступили въ пользованіе высочайше дарованными имъ правами свободныхъ сельскихъ обывателей.

Къ сожалѣнію, совсѣмъ иное было настроеніе нѣкоторой части русскаго образованнаго общества и въ особенности учащейся молодежи. Въ повременной печати уже нѣсколько лѣтъ преобладало крайнее направленіе, заимствованное съ Запада, и проповѣдывались политическія и соціальныя ученія самаго разрушительнаго свойства. Провозвѣстниками этихъ ученій являлись петербургскіе ежемѣсячные журналы: «Современникъ», «Отечественныя Записки», «Русское Слово». Въ Москвѣ—органомъ умѣреннаго либерализма по западному образцу былъ издаваемый Катковымъ «Русскій Вѣстникъ»; славянофилы же проводили свои мысли и излагали свои взгляды въ журналѣ «Русская Бесѣда» и въ еженедѣльныхъ газетахъ: сначала въ «Молвѣ», потомъ въ «Парусѣ». Замѣчательно, что изданія послѣдняго направленія, отстаивавшія исконныя историческія начала русской государственной и народной жизни, болѣе всѣхъ прочихъ подвергались цензурнымъ строгостямъ. Подъ гнетомъ ихъ «Молва» просуществовала недолго, издаваемый же И. С. Аксаковымъ «Парусъ» запрещенъ по второму выпуску [1].

Императоръ Александръ не былъ противникомъ гласности, признавая пользу ея въ обнаруженіи злоупотребленій всякаго рода, и съ первыхъ дней своего царствованія дозволилъ обсужденіе въ органахъ печати

[1] О судьбѣ «Молвы» и «Паруса», см. Н. П. Барсукова, «Жизнь и труды Погодина», т. XV, стр. 276—285, и т. XVI, стр. 305—315.

вопросовъ государственныхъ и общественныхъ, и самыхъ правительственныхъ мѣропріятій, повелѣвъ пересмотрѣть въ особой комиссіи старый и составить новый цензурный уставъ. Но дѣло это замедлилось, а между тѣмъ въ литературѣ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и рѣзче сказывалось такъ называемое «обличительное направленіе», все болѣе и болѣе враждебное правительству. Въ концѣ 1858 года, по мысли министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова, учрежденъ Негласный Комитетъ, назначеніемъ котораго было «вліять на печать, направляя ее любовно, патріархально и разумно, входить въ непосредственныя сношенія съ журналистами и дѣйствовать на нихъ назиданіемъ и убѣжденіемъ, отнюдь не вступая въ цензурныя права». Членами этого Комитета назначены товарищъ министра народнаго просвѣщенія П. А. Мухановъ, начальникъ штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ Тимашевъ и, какъ ближайшее къ государю лицо, —его довѣреннѣйшій совѣтникъ и другъ, графъ А. В. Адлербергъ, и производителемъ дѣлъ—профессоръ петербургскаго университета Никитенко. Принимая послѣдняго, государь сказалъ ему, что желаетъ, чтобы Комитетъ вліялъ на литературу такъ, чтобы она дѣйствовала въ согласіи съ правительствомъ для блага общаго, а не въ противномъ смыслѣ. «Есть стремленія»,—продолжалъ императоръ,—«которыя несогласны съ видами правительства. Надо ихъ останавливать. Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ. Я очень желалъ бы, чтобы важные вопросы разсматривались и обсуждались научнымъ образомъ; наука у насъ еще слаба. Но легкія статьи должны быть умѣренны, особенно касающіяся политики... Не надо думать, что дѣло ваше легко. Я знаю, что Комитетъ не пользуется расположеніемъ и довѣріемъ публики... Опять повторяю, что мое желаніе не употреблять никакихъ стѣснительныхъ мѣръ, и если Комитетъ понимаетъ мои виды, то, несмотря на трудности, можетъ все-таки что-нибудь сдѣлать».

Записавъ въ свой дневникъ о царскомъ пріемѣ, Никитенко замѣчаетъ: «Трудно передать кротость, благородство и любезность, съ какими государь говорилъ. Меня особенно поразило во всемъ тонѣ его, въ улыбкѣ, которая почти не сходила съ его устъ, по временамъ только смѣняясь какою-то серьезною мыслью, во всемъ лицѣ, въ каждомъ словѣ—какая-то искренность и простота, безъ малѣйшаго усилія произвести эффектъ, показаться не тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ душѣ. Въ немъ ни малѣйшаго напускного царственнаго величія. Видно, что это человѣкъ любви и благости, и онъ невольно привлекаетъ къ себѣ сердца» [1].

Негласный Комитетъ не оправдалъ надеждъ государя и, просуществовавъ менѣе года, былъ упраздненъ. Явилась было мысль, выдѣливъ

[1] Дневникъ Никитенко, 11-го марта 1859 г., «Русская Старина» 1890 г., т. LXVIII, стр. 154—157.

цензуру изъ министерства народнаго просвѣщенія, образовать изъ нея самостоятельное вѣдомство, независимое отъ прочихъ, и во главѣ ея поставить, съ правомъ непосредственнаго доклада императору, статсъ-секретаря барона Корфа. Но и эта мысль вскорѣ была оставлена и въ концѣ 1862 года рѣшено передать цензуру въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, образовавъ въ средѣ его особое Главное управленіе по дѣламъ печати.

Всего гибельнѣе такъ называемое передовое, въ сущности прямо-таки анархическое, направленіе извѣстной части нашей печати отразилось на незрѣлыхъ умахъ русской учащейся молодежи, воспитанниковъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, легко подчинявшихся ея растлѣвающему вліянію. Безпорядки въ университетахъ начали обнаруживаться съ 1857 года, по разнымъ въ бо́льшей части случаевъ маловажнымъ поводамъ, сначала въ Кіевѣ, потомъ въ Москвѣ, а вскорѣ распространились и на другіе университеты. Вначалѣ правительство отнеслось къ нимъ снисходительно, и государь простилъ кіевскихъ студентовъ, а московскихъ повелѣлъ освободить отъ всякой отвѣтственности. Но съ теченіемъ времени волненія въ университетахъ сдѣлались явленіемъ хроническимъ и въ началѣ 1861 года выражались уже въ цѣломъ рядѣ безпрерывныхъ безпорядковъ, въ неповиновеніи начальству, нарушеніи установленныхъ правилъ, созваніи недозволенныхъ сходокъ и проявленіи при каждомъ случаѣ недовѣрія и дерзкой враждебности къ правительству. Широкое распространеніе среди юношей находили заграничныя революціонныя изданія русскихъ выходцевъ, въ особенности Герцена, основавшаго въ Лондонѣ ежегодникъ: «Полярная Звѣзда» и еженедѣльную газету «Колоколъ». Броженіе въ университетахъ поддерживалось увлеченіемъ многихъ профессоровъ тѣми же соціалистическими теоріями, которыя они, не стѣсняясь, развивали студентамъ съ каѳедры.

Вопросъ о такомъ печальномъ положеніи высшихъ разсадниковъ русскаго просвѣщенія обсуждался весною 1861 года въ Совѣтѣ министровъ въ связи съ движеніемъ въ Польшѣ, которому русскіе либералы выражали явное сочувствіе. Нѣкоторые изъ членовъ Совѣта требовали повсемѣстнаго закрытія университетовъ впредь до полнаго ихъ преобразованія. Государь не согласился на такую крайнюю мѣру, но, принявъ отставку министра народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго, рѣшилъ замѣнить его лицомъ, которое въ завѣдываніе этимъ вѣдомствомъ внесло бы строгій порядокъ и водворило бы надлежащую дисциплину какъ среди учащихъ, такъ и учащихся. Выборъ его остановился на адмиралѣ графѣ Путятинѣ.

Другая перемѣна состоялась во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Старикъ Ланской самъ просилъ объ увольненіи. Императоръ возвелъ его въ графское достоинство и въ званіе оберъ-камергера сво-

его двора, а преемникомъ ему назначилъ статсъ-секретаря П. А. Валуева.

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ не принималъ участія въ подготовительныхъ трудахъ по освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ. Въ то время, когда редакціонныя коммиссіи составляли проекты положеній, онъ занималъ мѣсто директора департамента въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и, по порученію генерала Муравьева, писалъ контръ-проектъ, который Муравьевъ противупоставилъ предположеніямъ коммиссій при обсужденіи ихъ въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу. Не будучи противникомъ самаго преобразованія, Валуевъ осуждалъ тенденціозность Николая Милютина и его товарищей, проявившуюся въ полномъ устраненіи дворянства отъ руководства самоуправленіемъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Двѣ главныя мысли лежали въ основѣ его критики проектовъ редакціонныхъ коммиссій. Онъ признавалъ желательнымъ не возстановлять одного сословія противъ другого, но стараться ихъ примирить, а также находилъ, что лучше ограничиться установленіемъ главныхъ началъ реформы и затѣмъ дать развиваться дѣлу самому собою, такъ сказать, органически, замѣчая по этому поводу, что «хлѣбъ не сажаютъ снопами, а сѣютъ зерномъ»[1]. Заявленныя Муравьевымъ, возраженія эти не прошли въ Главномъ Комитетѣ, который, какъ и Государственный Совѣтъ, принялъ положенія почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были составлены редакціонными коммиссіями. Вскорѣ послѣ того, къ новому 1861 году, Валуевъ получилъ важное назначеніе: управляющаго дѣлами Комитета министровъ, а менѣе четырехъ мѣсяцевъ спустя призванъ былъ занять постъ министра внутреннихъ дѣлъ, на прямой обязанности котораго лежало введеніе въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

При такихъ условіяхъ замѣна Ланского Валуевымъ получила опредѣленное политическое значеніе, какъ указаніе на желаніе государя въ дальнѣйшемъ направленіи крестьянскаго дѣла принять въ соображеніе законные интересы дворянъ, а также изгладить то раздражающее впечатлѣніе, что̀ произвело на большинство землевладѣльцевъ недовѣрчивое и даже отчасти пренебрежительное отношеніе къ помѣстному дворянству органовъ администраціи. Что таково именно было значеніе состоявшейся министерской перемѣны, подтверждалось и одновременнымъ удаленіемъ Николая Милютина съ должности товарища министра, хотя съ производствомъ въ сенаторы, но и съ увольненіемъ въ продолжительный заграничный отпускъ. Дѣятельнѣйшіе изъ сотрудниковъ Милютина въ средѣ редакціонныхъ коммиссій, Самаринъ и князь Черкасскій, тогда

[1] Дневникъ Валуева, 7-го ноября 1860 г.

же остались въ Петербургѣ и въ качествѣ мировыхъ посредниковъ занялись примѣненіемъ къ дѣлу на мѣстѣ выработанныхъ ими законоположеній. Изъ участниковъ ихъ тѣснаго кружка остался во главѣ Земскаго отдѣла одинъ Соловьевъ, но и тотъ ненадолго. Валуевъ приступилъ къ отправленію новыхъ своихъ обязанностей «мягко и уклончиво»,—говорили его политическіе противники; въ дѣйствительности же съ такою программою: строгое и точное введеніе въ дѣйствіе положеній 19-го февраля, но въ примирительномъ духѣ [1].

Программа эта вполнѣ отвѣчала желаніямъ и воззрѣніямъ императора Александра. Во второй половинѣ мая государь вмѣстѣ съ императрицею поѣхалъ въ Москву, гдѣ провелъ три недѣли. Тамъ онъ принялъ депутацію отъ водворенныхъ въ первопрестольной столицѣ фабричныхъ и ремесленниковъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, съ выраженіемъ благоговѣйной признательности за освобожденіе.

При этомъ случаѣ трогательное проявленіе народной любви и преданности къ царю приняло по-истинѣ величественные размѣры. 21-го мая, въ день св. Константина и Елены, викарій московскій преосвященный Леонидъ совершилъ литургію въ Чудовомъ монастырѣ, въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ воспріялъ крещеніе Александръ Николаевичъ, и, отслуживъ молебенъ Милостивому Спасу и св. Александру Невскому, освятилъ хлѣбъ-соль, предназначенную къ поднесенію государю крестьянами на серебряномъ блюдѣ, съ надписью: «Царю Освободителю Александру II фабричные и ремесленники Москвы и уѣзда, въ память 19-го февраля 1861 года». Затѣмъ началось торжественное шествіе отъ собора. Болѣе десяти тысячъ крестьянъ, всѣ съ обнаженными головами, двинулись изъ Кремля, направляясь къ Александрійскому дворцу, гдѣ имѣли пребываніе ихъ величества. Депутаты отъ разныхъ сельскихъ обществъ, числомъ около 400, шли впереди, отличаясь отъ слѣдовавшихъ за ними лишь тѣмъ, что всѣ опоясаны были кушаками. По прибытіи ко дворцу, они съ четырьмя выборными, несшими хлѣбъ-соль, были введены за ограду, а прочіе размѣстились позади ихъ, частью на дворцовомъ дворѣ, частью, по тѣснотѣ мѣста, вдоль Большой Калужской улицы. Къ нимъ вышелъ государь, которому четверо выборныхъ поднесли хлѣбъ-соль при слѣдующей «грамоткѣ»: «Всемилостивѣйшій государь отецъ Освободитель! Благодаримъ тебя, государь, за великія твои милости, за дарованную намъ тобою свободу. Денно и нощно молимъ мы за тебя, молятъ наши жены и дѣти и будутъ молить внуки и правнуки. Храни тебя милосердый Богъ и дай тебѣ силу и крѣпость все совершить съ любовію, чтобы всѣ твои вѣрноподданныя дѣти, тебѣ Богомъ данныя, во взаимной любви и согласіи, благословляли твое имя въ роды родовъ, какъ мы благословляемъ

[1] Н. А. Милютинъ князю Черкасскому, 4-го мая, и Самарину, 7-го мая 1861 г.

имя нашего отца Освободителя». Вручая государю «грамотку», староста депутаціи, семидесятилѣтній старикъ, дрожащимъ отъ слезъ и волненія голосомъ сказалъ: «Благодаримъ ваше императорское величество и весь вашъ августѣйшій домъ! Богъ на небеси, а вы на земли! Вмѣняемъ себѣ въ обязанность благодарить Бога за васъ!»

«Благодарю васъ за память»,—отвѣчалъ растроганный императоръ,—«благодарю, благодарю! Помните только, что теперь вашъ долгъ повиноваться закону и свято исполнять установленныя обязанности». Благоговѣйно выслушавъ царскія рѣчи, староста произнесъ слово благодарности помѣщикамъ, что̀ видимо порадовало государя. Потомъ онъ же поздравилъ императора съ дорогимъ именинникомъ, великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и просилъ дозволенія отправить къ нему поздравительную телеграмму, чѣмъ вызвалъ милостивое царское спасибо. Другой выборный просилъ государя не взыскать, что они по простотѣ не могутъ выразить на словахъ и малой доли того, что чувствуютъ сердцемъ при мысли о милосердіи къ нимъ царя. Къ общей радости крестьянъ, императоръ прошелъ между густыми ихъ рядами по всему пространству двора, до Калужской улицы. Толпа, разступаясь предъ монархомъ, падала на колѣни и оглашала воздухъ громкими кликами «ура!»—То же повторилось, когда, по просьбѣ крестьянъ, на балконѣ появилась императрица и ласково поклонилась народу. Послѣ удаленія ихъ величествъ депутаты чинно разошлись [1].

Ко времени обычнаго красносельскаго лагернаго сбора императоръ возвратился въ Царское Село и Петергофъ, но тотчасъ по выступленіи гвардіи изъ лагеря, 6-го августа, вмѣстѣ съ императрицею, отправился въ Крымъ, чтобы отдохнуть во вновь пріобрѣтенной на южномъ берегу дачѣ графини Потоцкой «Ливадія». Путь ихъ лежалъ на Москву, Тулу, Орелъ, Святогорскій монастырь, Харьковъ, Полтаву, Елисаветградъ, Николаевъ, Одессу и Севастополь. Государь производилъ смотры, ученья и маневры расположеннымъ по пути слѣдованія войскамъ, а въ Тулѣ и въ Полтавѣ произнесъ двѣ знаменательныя рѣчи, обращенныя въ первомъ изъ этихъ городовъ къ представлявшимся ему предводителямъ дворянства, во второмъ—къ собраннымъ изъ окрестныхъ губерній волостнымъ старшинамъ временно-обязанныхъ крестьянъ.

«Господа»,—сказалъ императоръ тульскимъ дворянамъ.—«я изъявилъ благодарность дворянамъ въ манифестѣ за то добровольное пожертвованіе, которое оно принесло и которымъ пособило мнѣ, съ Божіею помощью, совершить великое дѣло; теперь снова повторяю эту благодарность. Прежнія отношенія ваши къ вашимъ крестьянамъ прекращены, къ нимъ возвратиться болѣе нельзя; но то положеніе, которое мною уста-

[1] «С.-Петербургскія Вѣдомости», 27-го мая 1861 г.

новлено взамѣнъ стараго порядка, должно приводиться въ исполненіе добросовѣстно, къ упроченію быта владѣльцевъ и крестьянъ. Я надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ поможете; надѣюсь, что дворянство и въ этомъ дѣлѣ выкажетъ себя такимъ же, какимъ оно было всегда, то-есть точнымъ исполнителемъ воли государевой». Царское внушеніе волостнымъ старшинамъ вызвано было распространенными среди крестьянскаго населенія Россіи толками о земельномъ передѣлѣ. «Ко мнѣ доходятъ слухи»,— строго замѣтилъ государь,—«что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будетъ, какъ та, которую я вамъ далъ. Исполняйте, чего требуетъ законъ и положеніе! Трудитесь и работайте! Будьте послушны властямъ и помѣщикамъ».

Возвращеніе изъ Крыма въ столицу императоръ ускорилъ вслѣдствіе полученнаго извѣстія о серьезныхъ безпорядкахъ, произведенныхъ студентами Петербургскаго университета.

Поводомъ къ волненіямъ послужили новыя правила, изданныя министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ цѣлью введенія между студентами болѣе строгой дисциплины и усиленія за ними надзора. Правилами этими требовалось отъ нихъ внесеніе установленной платы за слушаніе лекцій, отмѣнялась форменная одежда, безусловно воспрещались всякія сходки, завѣдываніе студенческою благотворительною кассою и библіотекою поручалось не выборнымъ студентамъ, а назначеннымъ правленіемъ университета. Тотчасъ по открытіи Петербургскаго университета послѣ лѣтнихъ вакацій, студенты на сходкѣ 22-го сентября, въ одной изъ университетскихъ аудиторій, протестовали противъ новыхъ правилъ, а когда послѣдовало по распоряженію начальства прекращеніе лекцій и закрытіе университета, то собрались на университетскомъ дворѣ и оттуда толпою отправились съ Васильевскаго острова на Колокольную улицу, гдѣ жилъ попечитель округа генералъ Филипсонъ, для личнаго съ нимъ объясненія. Демонстрація эта повлекла за собою арестъ главныхъ зачинщиковъ, который вызвалъ 27-го сентября новую сходку студентовъ, требовавшихъ освобожденія арестованныхъ товарищей. Они разошлись лишь по прибытіи къ университету призванной петербургскимъ генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ роты л.-гв. Финляндскаго полка; но нѣсколько дней спустя, 2-го октября, снова собрались на сходку, причемъ арестовано 35 студентовъ. Университетское начальство объявило тогда, что студенты, желающіе продолжать образованіе, обязаны дать подписку въ подчиненіи установленнымъ правиламъ и получить матрикулу съ подробнымъ перечисленіемъ ихъ. Часть студентовъ подчинилась этому требованію, послѣ чего возобновились лекціи въ университетѣ, но большинство, отказавшееся принять матрикулы, 12-го октября собралось опять на площади передъ университетомъ и шумно протестовало противъ исключенія ихъ изъ состава слушателей. По отказѣ студентовъ разойтись, вторично вызваны

были войска, съ которыми у студентовъ произошла кровавая схватка. Лишь по прибытіи на мѣсто взвода л.-гв. Преображенскаго полка, городовымъ и жандармамъ удалось оцѣпить бунтующихъ студентовъ и въ числѣ около 300 человѣкъ отвести ихъ въ Петропавловскую крѣпость.

Въ тотъ же самый день въ Москвѣ студенты университета произвели такую же демонстрацію на Тверской площади передъ домомъ генералъ-губернатора. Толпа простолюдиновъ помогла жандармамъ и полиціи разсѣять скопище, причемъ задержано болѣе 300 студентовъ, изъ которыхъ, впрочемъ, оставлено подъ арестомъ лишь 39 человѣкъ, остальные же распущены по домамъ. Безпорядки, произведенные учащеюся молодежью въ Петербургѣ и Москвѣ, болѣе или менѣе отразились на всѣхъ другихъ университетахъ и прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскихъ и даже военныхъ.

По возвращеніи въ Петербургъ 18-го октября, государь остался крайне недоволенъ дѣйствіями столичныхъ властей и неумѣлыми распоряженіями, приведшими къ столкновенію студентовъ съ полиціей и войсками, къ массовому аресту ихъ и къ заключенію сначала въ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ въ казематахъ въ Кронштадтѣ. Уволивъ Игнатьева отъ должности петербургскаго генералъ-губернатора, императоръ замѣнилъ его въ этомъ званіи генералъ-адъютантомъ княземъ Суворовымъ, въ бытность свою во главѣ управленія Прибалтійскимъ краемъ снискавшимъ себѣ славу мягкаго и популярнаго администратора [1]. Императоръ хотя и утвердилъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ окончательномъ закрытіи Петербургскаго университета впредь до пересмотра общаго университетскаго устава, объ увольненіи всѣхъ его студентовъ и объ оставленіи за штатомъ профессоровъ и другихъ должностныхъ лицъ, но въ то же время, «во вниманіе къ тому, что нѣкоторые студенты С.-Петербургскаго университета нуждаются въ средствахъ къ жизни и были бы особенно затруднены въ случаѣ желанія переселиться въ другіе университетскіе города», приказалъ отпустить значительную сумму денегъ въ распоряженіе князя Суворова, для производства, по его усмотрѣнію, пособій нуждающимся студентамъ [2]. Впрочемъ, главные зачинщики безпорядковъ не избѣгли взысканія. Они были высланы изъ Петербурга и водворены на жительство въ отдаленныхъ губерніяхъ, подъ надзоромъ полиціи.

Озабочиваясь установленіемъ общей системы правительственной дѣятельности и единства въ дѣйствіяхъ разныхъ вѣдомствъ, государь, съ самаго воцаренія, нерѣдко собиралъ своихъ довѣренныхъ совѣтни-

[1] Изъ письма великой княгини Елены Павловны къ Н. А. Милютину, 14-го октября 1861 г.

[2] Высочайшее повелѣніе, 20-го декабря 1861 г.

ковъ, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, для совмѣстнаго обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Осенью 1861 года онъ призналъ нужнымъ включить Совѣтъ министровъ въ число высшихъ учрежденій Имперіи. Высочайшее повелѣніе точно опредѣлило составъ и кругъ дѣятельности этого собранія, вѣдѣнію котораго подлежали: 1) Виды и предположенія по устройству и усовершенствованію разныхъ частей ввѣренныхъ каждому министерству и главному управленію; 2) свѣдѣнія о ходѣ работъ по устройству и усовершенствованію разныхъ частей, завѣдываемыхъ министерствами и главными управленіями, и предположенія объ устраненіи тѣхъ затрудненій, кои при производствѣ сихъ работъ могутъ встрѣтиться; 3) первоначальныя предположенія, возникающія въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ о необходимости отмѣнить или замѣнить какой-либо изъ дѣйствующихъ законовъ, съ тѣмъ, чтобы проектъ закона, составленный вслѣдствіе такого предположенія, былъ министерствомъ или главнымъ управленіемъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта; 4) тѣ мѣры, требующія общаго содѣйствія разныхъ вѣдомствъ и управленій, кои по существу своему не подлежатъ разсмотрѣнію другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій; 5) свѣдѣнія о важнѣйшихъ распоряженіяхъ каждаго министерства и каждаго управленія по его вѣдомству, требующихъ общаго соображенія; свѣдѣнія сіи должны быть заявляемы въ Совѣтѣ министровъ съ тою цѣлью, чтобы каждому министру и главноуправляющему были извѣстны главнѣйшія дѣйствія и распоряженія другихъ министровъ и главныхъ управленій; 6) заключенія особыхъ коммиссій, учреждаемыхъ, по высочайшимъ его императорскаго величества повелѣніямъ, для разсмотрѣнія отчетовъ министерствъ и главныхъ управленій, и 7) тѣ дѣла, кои, по особымъ повелѣніямъ его величества, будутъ назначены для предварительнаго разсмотрѣнія и обсужденія въ Совѣтѣ министровъ [1].

Сообразно такому взгляду государя на сущность правительственной дѣятельности, видоизмѣненъ былъ и личный составъ правительства цѣлымъ рядомъ состоявшихся въ концѣ 1861 и въ началѣ 1862 годовъ назначеній новыхъ министровъ. Старика Сухозанета замѣнилъ во главѣ военнаго министерства молодой даровитый и дѣятельный генералъ, главный сподвижникъ князя Барятинскаго по покоренію Восточнаго Кавказа, Д. А. Милютинъ, а вмѣсто уволенныхъ графа Путятина, Муравьева и Княжевича назначены министрами: народнаго просвѣщенія Головнинъ, государственныхъ имуществъ Зеленый и финансовъ Рейтернъ. Графъ Блудовъ возведенъ въ званіе предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ и замѣненъ во главѣ II отдѣленія Соб-

[1] Высочайшій указъ, 12-го ноября 1861 г.

ственной его величества канцеляріи барономъ Корфомъ [1]. Большинство новыхъ совѣтниковъ императора принадлежало къ кружку государственныхъ дѣятелей, группировавшихся вокругъ великаго князя Константина Николаевича и извѣстныхъ за ревностныхъ и убѣжденныхъ сторонниковъ коренныхъ преобразованій по всѣмъ отраслямъ управленія. Замѣщеніе ими важнѣйшихъ министерскихъ постовъ указывало на твердую рѣшимость государя неуклонно продолжать предпринятое имъ дѣло государственнаго обновленія Россіи.

Въ новый 1862 годъ, съ которымъ государство русское вступило во второе тысячелѣтіе своего существованія, появилось въ первомъ выпускѣ «Сѣверной Почты», офиціальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ, основаннаго министромъ Валуевымъ, сообщеніе о слѣдующихъ работахъ, находившихся на разсмотрѣніи высшихъ государственныхъ установленій: 1) О главныхъ началахъ преобразованія всей вообще судебной части. Предположенія по сему важному предмету обнимаютъ: а) судоустройство, б) судопроизводство гражданское; в) судопроизводство по преступленіямъ и проступкамъ, и г) переходныя мѣры отъ порядка существующаго къ порядку новому. 2) О полномъ преобразованіи всей городской и земской полиціи вообще. 3) О порядкѣ составленія, разсмотрѣнія, утвержденія и исполненія государственнаго бюджета, а также частныхъ смѣтъ доходовъ и расходовъ всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій. 4) О преобразованіи всего вообще управленія государственныхъ имуществъ и о примѣненіи къ государственнымъ крестьянамъ тѣхъ положеній 19-го февраля 1861 года, кои касаются сельскаго общественнаго управленія. 5) О примѣненіи сихъ положеній къ крестьянамъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній. 6) Объ устройствѣ народныхъ школъ и вообще о системѣ народнаго образованія.

Русскіе люди въ подавляющемъ большинствѣ, сознавая необходимость преобразованій, сочувствовали благимъ начинаніямъ правительства, но нѣкоторая часть общества, та, что подчинялась вліянію такъ называемыхъ передовыхъ органовъ печати и даже воспринимала внушенія отъ заграничныхъ листковъ, издаваемыхъ русскими выходцами въ Лондонѣ, не только не удовлетворялась обѣщанными реформами, но старалась все болѣе и болѣе волновать умы, возбуждая, обсуждая и разрѣшая общественные вопросы въ самомъ радикальномъ смыслѣ. Такъ относилась она къ вопросамъ о народномъ образованіи, о положеніи женщины въ обществѣ. Такая чисто революціонная пропаганда наибо́льшія опустошенія производила въ средѣ учащейся молодежи и даже

[1] Высочайшій указъ 9-го ноября 1861 г., 15-го декабря 1861 г., 1-го января 1862 г., 25-го января 1862 г. и 6-го декабря 1861 г.

начала проникать въ войска, гдѣ нѣсколько офицеровъ дали увлечь себя крайними ученіями до забвенія долга чести и присяги. Съ осени 1861 года по Петербургу стали раскидывать подметные листки, заключавшіе прямое воззваніе къ бунту и программу переустройства государства на соціалистическихъ началахъ. Одно изъ такихъ изданій, подъ заглавіемъ «Молодая Россія», въ разглагольствіяхъ своихъ шло гораздо далѣе «Колокола», издатели котораго обзывались въ немъ ретроградами, открыто проповѣдывало насильственный всеобщій переворотъ, сопровождаемый всѣми ужасами политической и соціальной революціи: уничтоженіемъ семьи, собственности, кровавою рѣзнею, краснымъ пѣтухомъ и т. д.

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ угрозъ, весною 1862 года пожары вспыхнули въ разныхъ губерніяхъ Имперіи, и въ Петербургѣ въ теченіе одной недѣли достигли ужасающихъ размѣровъ. Въ первые дни горѣли преимущественно кварталы, населенные бѣднѣйшимъ классомъ, фабричнымъ людомъ и мелкими торговцами. Въ послѣдніе, 21-го мая, сгорѣло три улицы на Большой Охтѣ, гдѣ проживали мастеровые; 22-го и 23-го въ Каретной части, по обѣимъ сторонамъ Лиговки,—множество домовъ, обитаемыхъ рабочими и бѣдными чиновниками; 23-го мая на Малой Охтѣ—вся солдатская слободка. Въ тотъ же день и въ послѣдующіе было еще нѣсколько пожаровъ въ разныхъ частяхъ столицы. Наконецъ, 28-го мая запылали Щукинъ и Апраксинъ дворы. Сгорѣли до-тла оба рынка, вмѣщавшіе въ себѣ болѣе 2.000 лавокъ и ларей, нѣсколько сосѣднихъ домовъ, въ томъ числѣ домъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а по ту сторону Фонтанки—деревянные дворы. Пламенное море разлилось на обширномъ пространствѣ, угрожая дому министерства народнаго просвѣщенія, Пажескому корпусу, Публичной библіотекѣ, Гостиному двору [1].

Государь лично руководилъ тушеніемъ пожаровъ и его ободряющему дѣйствію на изнемогавшія отъ семидневной борьбы съ огнемъ пожарныя команды должно приписать тотъ успѣхъ, съ которымъ тѣ отстояли сосѣднія съ пожарищемъ зданія и кварталы. По высочайшему повелѣнію, погорѣльцы нашли убѣжища въ палаткахъ, расположенныхъ на Семеновскомъ плацу и на мѣстѣ сгорѣвшихъ Щукина и Апраксина дворовъ, и щедро надѣлены одеждою и пищей. Всѣ члены царской семьи, слѣдуя примѣру императора и императрицы, пожертвовали въ пользу ихъ значительныя суммы, а падшій духъ несчастныхъ возбужденъ былъ посѣщеніемъ ихъ величествами ихъ импровизованнаго лагеря.

6-го іюня государь и государыня посѣтили печальное пепелище. Встрѣченный на Царскосельскомъ вокзалѣ старостою погорѣвшихъ торговцевъ, поднесшихъ ему на колѣняхъ хлѣбъ-соль, «встань, старикъ»,—

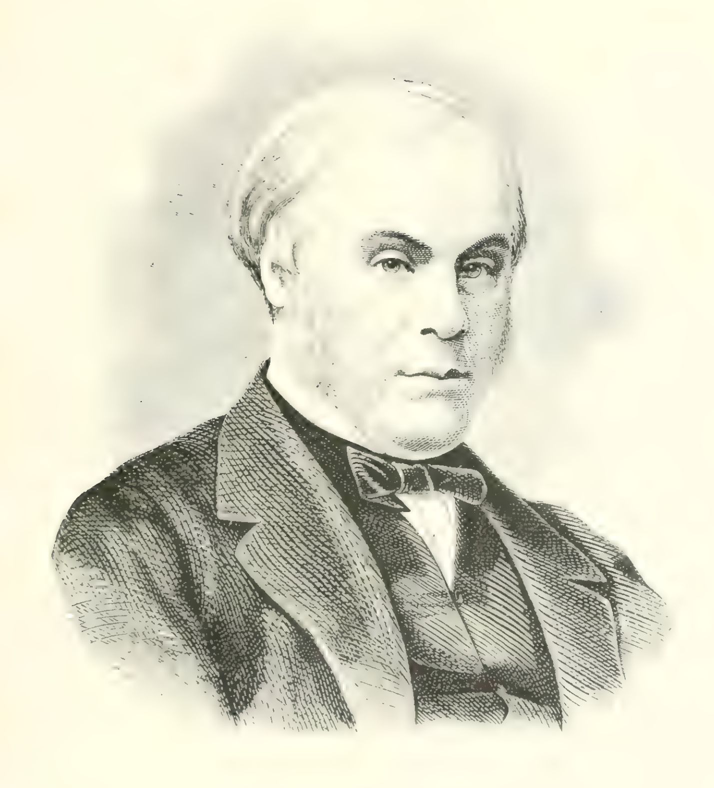
1 «Сѣверная Почта», 3-го іюня 1862 г.

ласково сказалъ ему императоръ и прибавилъ: «Благодарю васъ. Я радъ, что могъ хотя нѣсколько вамъ помочь, и надѣюсь впослѣдствіи сдѣлать и больше по возможности». Императрица объѣхала Семеновскій плацъ, тихо слѣдуя по рядамъ палатокъ, дорого платя торговцамъ за подносимыя ей вещи, раздавая неимущимъ щедрыя пособія, ободряя ихъ милостивыми словами. Оттуда она поѣхала въ казармы Стрѣлковаго баталіона, гдѣ помѣщены были тѣ изъ погорѣльцевъ съ ихъ семьями, которыхъ пожаръ лишилъ всего ихъ имущества. Государыня раздала имъ все купленное на Семеновскомъ плацу, утѣшая рыдающихъ женщинъ и дѣтей. Подъ помѣщеніе бездомныхъ погорѣльцевъ отведены также: 1-й сухопутный госпиталь, казармы л.-гв. Московскаго полка и старый арсеналъ [1].

Высочайше учрежденной слѣдственной коммиссіи не удалось открыть поджигателей, непосредственныхъ виновниковъ пожаровъ, но дознаніемъ обнаружено вредное направленіе ученія, преподаваемаго литераторами и студентами мастеровымъ и фабричнымъ въ воскресныхъ школахъ, въ большомъ числѣ открытыхъ за послѣдніе два года въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ Имперіи, по частному почину, безъ всякаго за ними правительственнаго надзора; выяснены также сношенія съ лондонскими эмигрантами многихъ сотрудниковъ нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ журналовъ, а потому высочайше повелѣно: всѣ воскресныя школы закрыть впредь до пересмотра положенія о нихъ, а изданіе журналовъ «Современникъ» и «Русское Слово» пріостановить на восемь мѣсяцевъ. Тогда же учреждена при III отдѣленіи Собственной его величества канцеляріи особая коммиссія для разысканія виновныхъ въ составленіи подметныхъ листковъ и другихъ революціонныхъ изданій. По распоряженію ея, арестовано нѣсколько лицъ,—въ числѣ ихъ и вліятельнѣйшій изъ писателей такъ называемаго передового направленія, Чернышевскій,—которые и преданы суду Правительствующаго Сената.

Лучшимъ русскимъ умамъ будущее представлялось въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Юрій Самаринъ такъ излагалъ въ письмѣ къ женѣ друга своего Николая Милютина опасенія за грядущія судьбы Россіи: «Прежняя вѣра въ себя, которая при всемъ неразуміи возмѣщала энергію, утрачена безвозвратно, но жизнь не создала ничего, чѣмъ можно было бы замѣнить ее. На вершинѣ—законодательный зудъ въ связи съ невѣроятнымъ и безпримѣрнымъ отсутствіемъ дарованій; со стороны общества—дряблость, хроническая лѣнь, отсутствіе всякой инниціативы, съ желаніемъ, день ото дня болѣе явнымъ, безнаказанно дразнить власть. Нынѣ, какъ и двѣсти лѣтъ тому назадъ, во всей русской землѣ существуютъ только двѣ силы: личная власть наверху и сельская община на противоположномъ концѣ; но эти двѣ силы, вмѣсто того, чтобы соеди-

[1] «Сѣверная Почта», 13-го іюня 1862 г.



Николай Алексѣевичъ Милютинъ.

(Съ литографіи Бореля.)

ниться, отдѣлены промежуточными слоями. Эта нелѣпая среда, лишенная всѣхъ корней въ народѣ и въ продолженіе вѣковъ хватавшаяся за вершину, начинаетъ храбриться и дерзко становится на дыбы противъ собственной единственной опоры (какъ-то: дворянскія собранія, университеты, печать и проч.). Ея крикливый голосъ только напрасно пугаетъ власть и раздражаетъ толпу. Власть отступаетъ, дѣлаетъ уступку за уступкой, безъ всякой пользы для общества, которое дразнитъ его изъ-за удовольствія дразнить. Но это не можетъ долго продолжаться, иначе нельзя будетъ избѣжать сближенія двухъ оконечностей—самодержавной власти и простонародья—сближенія, при которомъ все, что въ промежуткѣ, будетъ раздавлено и смято, а то, что въ промежуткѣ, обнимаетъ всю грамотную Россію, всю нашу гражданственность. Хорошо будущее, нечего сказать! Прибавьте къ этому совершенный застой, оскудѣніе въ полномъ смыслѣ слова нашего Юга, который за недостаткомъ путей сообщенія, за неимѣніемъ капиталовъ и предпріимчивости, благодаря, въ особенности, непосильной конкурренціи съ Венгріей и Дунайскими княжествами, бѣднѣетъ и истощается съ каждымъ днемъ. Прибавьте польскую пропаганду, которая проникла всюду и въ послѣднія пять лѣтъ сдѣлала огромные успѣхи, въ особенности въ Подоліи. Прибавьте, наконецъ, пропаганду безвѣрія и матеріализма, обуявшую всѣ наши учебныя заведенія — высшія, среднія и отчасти даже низшія — и картина будетъ полная»... [1].

Въ борьбѣ со всѣми этими трудностями, императоръ Александръ не унывалъ и бодрость свою сообщалъ своимъ сотрудникамъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ одному изъ русскихъ пословъ, выразившему опасеніе по поводу внутренняго состоянія Россіи: «Теплота высказаннаго вами чувства позволила мнѣ судить о размѣрахъ преувеличенныхъ толковъ, распространяемыхъ заграницею о положеніи нашей столицы и Россіи вообще. Это призракъ на дальнемъ разстояніи или же фантастическое зданіе, строители котораго далеко не благоволятъ къ Россіи. Положеніе наше трудное, какъ и всякаго государства, приступающаго къ органическимъ реформамъ. Пространство имперіи, разнообразіе племенъ, ее составляющихъ, увеличиваютъ затрудненія. Всеобщая болѣзнь, свирѣпствующая въ Европѣ и внѣ ея, не пощадила и насъ; но изъ всего этого разумный и безпристрастный наблюдатель, пребывающій на мѣстахъ, не заключитъ, что мы на краю пропасти и безсильны обуздать волненіе умовъ, а также преступные замыслы, съ нимъ связанные. Всѣ классы общества чувствуютъ себя не вполнѣ хорошо и существуетъ нѣкоторое колебаніе въ виду того, что представляется толпѣ великою неизвѣстностью. Дѣло въ томъ, что она выступила изъ своихъ привычекъ и

[1] Anatole Leroy-Beaulieu: «Un homme d'Etat russe», стр. 111.

стоитъ лицомъ къ лицу съ властью, которая, вступивъ на путь прогресса, не считаетъ матеріальнаго давленія необходимымъ условіемъ успѣха. Мы полагаемъ, что прогрессъ этотъ, чтобы быть вѣрно понятымъ и идти путемъ правильнымъ и прочнымъ, нуждается въ содѣйствіи общественнаго мнѣнія. Отсюда широкая свобода, дарованная выраженію мысли, даже писанной и порою переходящей въ своеволіе. Симптомы эти поразили иностранцевъ. Морская ширь (la plaine liquide), какъ выражается Расинъ, нигдѣ не бываетъ спокойно. Такъ и у насъ. Но равновѣсіе возстановляется. Когда волны вздымаются, какъ теперь повсюду, было бы наивностью утверждать, что море мигомъ утихнетъ. Главная задача—поставить плотины тамъ, гдѣ общественному спокойствію или интересу, а въ особенности существу власти угрожаетъ опасность. Объ этомъ и заботятся у насъ, не отступая отъ пути, который нашъ августѣйшій государь предначерталъ себѣ со дня вступленія на престолъ. Нашъ девизъ: ни слабости, ни реакціи. Его начинаютъ понимать въ Россіи. Нужно больше времени, чтобы акклиматизировать его въ Европѣ, но я надѣюсь, что очевидность убѣдитъ наконецъ самые предубѣжденные умы. Пожары въ Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Имперіи суть, конечно, несчастія, тѣмъ болѣе, что они коснулись въ особенности наименѣе достаточныхъ классовъ. Возможно, даже вѣроятно, что въ нихъ проявилось злоумышленіе, но слѣдствіе не собрало доселѣ достаточныхъ данныхъ для смертныхъ приговоровъ, которые, если бы существовали улики, были бы произнесены безъ малѣйшаго колебанія... Говорятъ, что огонь очищаетъ. Въ Петербургѣ эта народная поговорка нашла себѣ самое широкое примѣненіе. За исключеніемъ очень слабаго мятежнаго меньшинства, которое не смѣетъ нынѣ даже показаться на свѣтъ, всѣ заявили правительству одно только желаніе: чтобы оно дѣйствовало энергично во всей полнотѣ своей власти. Такое расположеніе умовъ представляло трудность, которую сумѣетъ избѣжать правительство. Все, что угрожаетъ безопасности частныхъ интересовъ или покушается на сущность власти, будетъ безпощадно подавлено. Но прогрессивный ходъ всякаго рода улучшеній, который императоръ признаетъ нужнымъ для блага Россіи, не только не будетъ задержанъ, но еще ускорится, насколько окажется возможнымъ безъ ущерба зрѣлости, необходимой для мѣръ, съ коими связаны судьбы Россіи. Я полагаю, что эти указанія представятъ вамъ двойной интересъ въ настоящую минуту. Я оставилъ въ сторонѣ узоры: это—вѣрный снимокъ съ того, что есть».

Правительство не унывало и продолжало выражать твердую рѣшимость не сходить съ пути предпринятыхъ имъ преобразованій по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Взглядъ этотъ проводилъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ рядѣ статей, появившихся въ официальномъ

его органѣ «Сѣверная Почта». Въ нихъ выражалось мнѣніе, что правительство, сознающее свои права, свои обязанности и свою силу, не можетъ ни подчинять своего направленія торопливымъ и одностороннимъ сужденіямъ, ни упускать изъ виду настоящую цѣль своихъ усилій, заключающуюся въ общей пользѣ и въ уравновѣшеніи, согласованіи и примиреніи разнородныхъ общественныхъ и частныхъ интересовъ, ни сомнѣваться въ окончательномъ достиженіи своей цѣли при достаточной настойчивости и послѣдовательности принимаемыхъ къ тому мѣръ. И, дѣйствительно, правительственныя комиссіи продолжали безостановочно разрабатывать проекты важныхъ преобразованій по всѣмъ отраслямъ управленія [1].

Въ 1862 году государь не счелъ возможнымъ ѣхать ни заграницу, ни въ Крымъ для лѣтняго отдыха, но въ продолженіе іюля совершилъ вмѣстѣ съ императрицей путешествіе по Прибалтійскому краю, посѣтилъ такъ называемую Ливонскую Швейцарію, Ригу и ея окрестности, Митаву, и двѣ недѣли провелъ въ Либавѣ, гдѣ пользовались морскими купаньями августѣйшія дѣти. Возвратясь въ столицу, онъ принялъ въ Петербургѣ второго сына королевы великобританской, принца Альфреда, герцога Эдинбургскаго, самъ посѣтилъ въ Кронштадтѣ англійскую эскадру, а въ Петербургѣ далъ аудіенцію первому прибывшему въ Россію японскому посольству. Съѣздивъ на нѣсколько дней въ Москву,—съ 16-го по 25-е августа,—императоръ Александръ, съ государынею и всѣми членами царственной семьи, отправился въ Новгородъ, гдѣ имѣло произойти торжественное празднованіе тысячелѣтія Россіи.

7-го сентября вечеромъ царственные путешественники приплыли на пароходѣ по Волхову. Народъ громкими кликами «ура!» привѣтствовалъ государя. Помолившись въ Софійскомъ соборѣ, ихъ величества удалились въ архіерейскій домъ, гдѣ для нихъ было приготовлено помѣщеніе.

На другой день, 8-го сентября, императоръ принималъ новгородскихъ дворянъ. «Государь!»—сказалъ ему губернскій предводитель дворянства князь Мышецкій,—«поднося вамъ хлѣбъ-соль русскую и съ благоговѣніемъ и сердечною радостью привѣтствуя пріѣздъ вашъ въ колыбель царства русскаго, новгородское дворянство осмѣливается выразить своему монарху тѣ неизмѣнныя чувства горячей любви и преданности, которыми оно всегда гордилось и гордиться будетъ». Императоръ отвѣчалъ: «Поздравляю васъ, господа, съ тысячелѣтіемъ Россіи: радъ, что мнѣ суждено было праздновать этотъ день съ вами, въ древнемъ нашемъ Новгородѣ, колыбели царства всероссійскаго. Да будетъ знаменательный день этотъ новымъ знакомъ неразрывной связи всѣхъ со-

[1] «Сѣверная Почта», 1862 г., №№ 144 и 145.

словіи земли русской съ правительствомъ, съ единой цѣлью—счастія и благоденствія дорогого нашего отечества. На васъ, господа дворяне, я привыкъ смотрѣть какъ на главную опору престола, защитниковъ цѣлости государства, сподвижниковъ его славы, и увѣренъ, что вы и потомки ваши, по примѣру предковъ вашихъ, будете продолжать, вмѣстѣ со мною и преемниками моими, служить Россіи вѣрою и правдою («Государь, будемъ!»—съ чувствомъ воскликнули дворяне). Благодарю васъ отъ всей души за радушный пріемъ. Я вѣрю чувствамъ вашей преданности («Вѣрьте, государь, вѣрьте!») и убѣжденъ, что оня никогда не измѣнятся».

Послѣ обѣдни, крестный ходъ двинулся изъ Софійскаго собора на площадь, посреди которой возвышался величественный памятникъ, воздвигнутый художникомъ Микѣшинымъ. Государь сопровождалъ церковную процессію на конѣ; императрица и всѣ члены императорской фамиліи шли за нею пѣшкомъ. Митрополитъ Исидоръ совершилъ благодарственное молебствіе и прочиталъ умилительную молитву о счастіи и благоденствіи Россіи, написанную къ этому дню первосвятителемъ московскимъ Филаретомъ. При возглашеніи ея государь и всѣ присутствующіе опустились на колѣни. При звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ завѣса спала съ памятника и митрополитъ окропилъ его святой водой. Въ эту торжественную минуту императоръ обнялъ стоявшаго возлѣ него цесаревича Николая Александровича, которому въ этотъ день минуло девятнадцать лѣтъ,—и, горячо прижавъ къ груди своей, поцѣловалъ его и благословилъ.

По удаленіи крестнаго хода въ соборъ, начался парадъ войскамъ, въ которомъ приняли участіе роты и эскадроны отъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, подъ начальствомъ командира гвардейскаго корпуса, великаго князя Николая Николаевича. Государь милостиво благодарилъ творца памятника Микѣшина, пожавъ ему руку, и пожаловалъ орденъ св. Владиміра 4-й степени и пожизненную пенсію въ 1.200 рублей. По окончаніи парада, войска угощены обѣдомъ на площади, находящейся по ту сторону крѣпостной стѣны. Императоръ и императрица обошли всѣ 360 столовъ и государь пилъ за здоровье войскъ. Въ шесть часовъ въ дворянскомъ собраніи данъ былъ обѣдъ, къ которому приглашены всѣ дворяне и должностныя лица. Первый тостъ провозгласилъ самъ державный хозяинъ: за благоденствіе Россіи. Губернскій предводитель поднялъ бокалъ за здоровье ихъ величествъ и наслѣдника. Императоръ отвѣтилъ тостомъ за благоденствіе всего русскаго дворянства и дворянства новгородскаго.

Вечеромъ государь и всѣ его спутники посѣтили древнее Рюриково городище, расположенное при выходѣ Волхова изъ озера Ильменя. «Народъ встрѣтилъ возлюбленнаго монарха»,—свидѣтельствуетъ оче-

внецъ — съ неимовѣрной радостью и восторгомъ. Мы были свидѣтелями, какъ многіе снимали съ себя одежду и бросали подъ ноги государю; какъ нѣкоторые становились на колѣни, смотрѣли на государя и крестились, называя его ангеломъ небеснымъ. Отъ криковъ «ура!» дрожалъ такъ сказать воздухъ». Возвратясь въ Новгородъ, императоръ съ цесаревичемъ въ открытой коляскѣ объѣхали ярко иллюминованныя улицы древняго города [1].

На третій день пребыванія въ Новгородѣ, государь принялъ хлѣбъ-соль отъ удѣльныхъ, государственныхъ и временно-обязанныхъ крестьянъ Новгородской губерніи. Обращаясь къ послѣднимъ, онъ громко и внятно сказалъ, чтобы они не вѣрили кривотолкамъ людей недоброжелательныхъ, исполняли положеніе 19-го февраля, не ожидали иной воли и всѣмъ объявили, что имъ это сказалъ самъ государь. «Понимаете ли меня?»—заключилъ онъ рѣчь свою. «Понимаемъ», единогласно отвѣчала толпа. Послѣ полудня государь и государыня посѣтили учебныя и благотворительныя заведенія. День завершился блестящимъ баломъ, даннымъ новгородскимъ дворянствомъ въ залахъ дворянскаго собранія. За ужиномъ, въ отвѣтъ на тостъ губернскаго предводителя за здоровье государя, императоръ снова провозгласилъ тостъ за новгородскихъ дворянъ.

10-го сентября, по посѣщеніи Юрьева монастыря, высочайшіе гости отбыли изъ Новгорода.

Два мѣсяца царственная чета провела въ Царскомъ Селѣ. Въ это время въ высшемъ государственномъ управленіи состоялись два новыя назначенія. Графъ Панинъ и генералъ Чевкинъ оставили—первый министерство юстиціи, второй—главное управленіе путей сообщенія. Преемниками имъ назначены Замятнинъ и Мельниковъ.

10-го ноября императоръ и императрица переѣхали въ Москву. Тамъ состоялся 28-го того же мѣсяца торжественный пріемъ дворянскихъ депутацій смежныхъ съ Московскою губерній и въ числѣ ихъ дворянства московскаго. Въ рядахъ послѣдняго собрались въ Кремлевскомъ дворцѣ маститые и заслуженные высшіе государственные сановники: шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Шуваловъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, московскій генералъ-губернаторъ Тучковъ, генералъ-адъютанты князь Меншиковъ и Шиповъ, генералъ-отъ-инфантеріи Офросимовъ, сенаторы: князь Лобановъ-Ростовскій, князь Трубецкой, князь Урусовъ и многіе другіе. Тутъ же были всѣ уѣздные предводители Московской губерніи, съ губернскимъ предводителемъ княземъ Гагаринымъ во главѣ, а также губернскіе предводители: нижегородскій, владимірскій, рязанскій, калужскій, полтавскій, тверской, тульскій, ярославскій, гродненскій и смоленскій, нѣкоторые изъ

[1] «Сѣверная Почта» 1862 г. № 200.

уѣздныхъ предводителей ближайшихъ губерній и множество мировыхъ посредниковъ.

Пріемъ дворянъ отличался необычайною торжественностью. Государь вышелъ къ нимъ въ тронную андреевскую залу подъ руку съ императрицей, въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты изъ министровъ и первыхъ чиновъ двора. «Мнѣ особенно пріятно, господа»,—сказалъ онъ,—«видѣть васъ собранными здѣсь въ нашей древней столицѣ, которая мнѣ вдвойнѣ дорога, какъ собственная моя колыбель. Я радъ, что могу повторить то, что новгородское дворянство отъ меня слышало въ день празднованія тысячелѣтія Россійскаго государства. Я привыкъ вѣрить чувствамъ преданности нашего дворянства, преданности неразрывно престолу и отечеству, которую оно столь часто на дѣлѣ доказывало, въ особенности въ годины тяжкихъ испытаній нашего отечества, какъ то было еще въ недавнее время. Я увѣренъ, господа, что дворянство наше будетъ и впредь лучшею опорою престола, какъ оно всегда было и должно быть. Вотъ почему я надѣюсь на васъ, господа, на ваше единодушіе помогать мнѣ во всемъ, что клонится ко благу и могуществу дорогого отечества нашего. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да будетъ благословеніе Его съ нами! А вы, господа московскіе дворяне, знаете, что я за особую честь считаю принадлежать, какъ помѣщикъ вашей губерніи, къ вашей средѣ. Благодарю васъ за вашъ радушный пріемъ, который я умѣю цѣнить». Раздалось громкое «ура!» Когда водворилась снова тишина, императоръ сказалъ еще нѣсколько милостивыхъ словъ, обращенныхъ къ дворянамъ, выражавшихъ его къ нимъ довѣріе, удовольствіе видѣть себя въ ихъ средѣ и постоянную заботливость монарха о благѣ всѣхъ вѣрноподданныхъ. Кликами «ура!» дворяне сопровождали каждое слово государя. Затѣмъ ихъ величества обошли ряды представлявшихся, ласково разговаривая съ каждымъ въ отдѣльности, разспрашивая предводителей и мировыхъ посредниковъ о ходѣ крестьянскаго дѣла въ ихъ мѣстностяхъ. Снова раздалось «ура!» когда государь и императрица, поклонясь собранію, удалились изъ залы.

Недѣлю спустя, 25-го ноября, ихъ величества приняли въ Кремлевскомъ дворцѣ городскихъ головъ уѣздныхъ городовъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ Московской губерніи. Пріемъ состоялся въ Георгіевской залѣ, въ присутствіи московскаго генералъ-губернатора, гражданскаго губернатора, членовъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства и мировыхъ посредниковъ Московской губерніи. Городскіе головы стояли первыми у входа въ залу. Волостные старшины и старосты были поставлены вокругъ залы, по уѣздамъ.

Ровно въ полдень государь и императрица вышли къ собравшимся и милостиво приняли отъ нихъ хлѣбъ-соль. Обойдя ихъ, императоръ обра-

тился къ мировымъ посредникамъ и сказалъ, что онъ надѣется на добросовѣстное и безпристрастное исполненіе лежащихъ на нихъ обязанностей. Затѣмъ, выйдя на средину залы, Александръ Николаевичъ подозвалъ къ себѣ крестьянъ и обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

«Здравствуйте, ребята! Я радъ васъ видѣть. Я далъ вамъ свободу, но, помните, свободу законную, а не своеволіе. Поэтому я требую отъ васъ прежде всего повиновенія властямъ, мною установленнымъ. («Будемъ слушаться, ваше императорское величество!»). Требую отъ васъ точнаго исполненія установленныхъ повинностей («Будемъ стараться, ваше императорское величество!»). Хочу, чтобы тамъ, гдѣ уставныя грамоты не составлены, онѣ были составлены скорѣе, къ назначенному мною сроку («Слушаемъ, ваше императорское величество!»). Затѣмъ, послѣ составленія ихъ, то есть послѣ 19-го февраля будущаго года, не ожидать никакой воли и никакихъ новыхъ льготъ. Слышите ли? («Слышимъ, ваше императорское величество!»). Не слушайте толковъ, которые между вами ходятъ, и не вѣрьте тѣмъ, которые васъ будутъ увѣрять въ другомъ, а вѣрьте однимъ моимъ словамъ. («Слушаемъ, ваше императорское величество, вѣримъ и благодаримъ!»). Теперь прощайте, Богъ съ вами!»

Въ шестинедѣльное пребываніе въ Москвѣ императорская чета выказала жителямъ первопрестольной столицы самое милостивое расположеніе. Рядъ великолѣпныхъ баловъ данъ былъ въ Кремлевскомъ дворцѣ; императоръ и императрица удостоивали своимъ посѣщеніемъ праздники, устраиваемые въ ихъ честь въ домахъ знатнѣйшихъ вельможъ; государь принялъ участіе въ предложенной ему московскимъ обществомъ охотѣ на медвѣдей и лосей; наконецъ, именины наслѣдника, 6-го декабря, были отпразднованы баломъ, даннымъ московскимъ дворянствомъ въ помѣщеніи дворянскаго собранія. Императоръ и семья его не ранѣе 20-го декабря возвратились въ Петербургъ.

1862 годъ близился къ концу. Слѣдующій 1863-й готовилъ государю и Россіи новыя тяжкія испытанія. Но, прежде чѣмъ говорить о дальнѣйшихъ событіяхъ внутри Имперіи, необходимо окинуть бѣглымъ взглядомъ важнѣйшія явленія, происшедшія въ области внѣшней политики въ промежутокъ между освобожденіемъ крестьянъ и польскимъ возстаніемъ.

Въ продолженіе 1861 и 1862 годовъ у Россіи не возникало существенныхъ несогласій съ иностранными правительствами. Отношенія русскаго двора ко всѣмъ великимъ державамъ были дружественными. По смерти короля Фридриха-Вильгельма IV личный другъ императора Александра II и любимый его дядя Вильгельмъ вступилъ на престолъ Пруссіи, а вскорѣ послѣ того во главѣ управленія поставленъ имъ бывшій прусскій посланникъ въ Петербургѣ Бисмаркъ-Шенгаузенъ. Тогда уже замыслилъ этотъ

государственный человѣкъ осуществить завѣтную мечту нѣмецкаго народа: объединеніе Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, и это великое дѣло представлялось ему возможнымъ не иначе, какъ съ согласія и при дѣятельной поддержкѣ Россіи. Другой общій интересъ связывалъ Пруссію съ русскимъ дворомъ: солидарность ея съ нами въ польскихъ дѣлахъ. Бисмаркъ находился еще въ Петербургѣ, когда Александръ Николаевичъ сталъ склоняться въ пользу примирительной программы маркиза Велепольскаго, и все свое вліяніе пустилъ онъ въ ходъ, чтобы помѣшать ея успѣху. Когда произошли въ Варшавѣ первые уличные безпорядки, а революціонное броженіе распространилось по всему Царству Польскому и начало проникать въ Западный край, прусскій посланникъ совѣтовалъ русскимъ друзьямъ своимъ, не входя въ сдѣлку съ мятежемъ, подавить его съ неумолимою строгостью. Тѣ же совѣты не переставалъ онъ пересылать въ Петербургъ изъ Берлина, ставъ министромъ-президентомъ, нимало не стѣсняясь противорѣчіемъ, въ которое становился самъ при этомъ съ постановленіемъ прусской палаты депутатовъ, приглашавшей королевское правительство «содѣйствовать приведенію въ дѣйствіе и исполненіе положительнымъ международнымъ правомъ гарантированныхъ територіальнаго единства польскаго государства 1772 года, а также принадлежавшихъ полякамъ, въ этихъ предѣлахъ, національныхъ политическихъ правъ, такъ чтобы права эти не были впослѣдствіи нарушаемы по произволу связанныхъ обязательствами державъ, коимъ, на основаніи вѣнскихъ договоровъ и подъ занесенными въ нихъ условіями, присуждены части Польши»[1].

Вѣнскій дворъ, не успѣвшій привлечь Россію на свою сторону на варшавскихъ совѣщаніяхъ 1860 года, не безъ нѣкотораго злорадства взиралъ на возникшія въ Польшѣ смуты, хотя, подобно двору берлинскому, опасался примиренія русскихъ съ поляками, какъ перваго шага къ всеславянскому единству. Отношенія его къ русскому двору были сдержаны и холодны и даже стали натянуты, когда, по поводу движенія въ сосѣднихъ съ Австріею турецкихъ областяхъ—Босніи и Герцеговинѣ, обнаружился преемственный антагонизмъ Россіи и Австріи въ Восточномъ вопросѣ. Осенью 1861 года австрійскія войска, вступивъ въ Суторину—турецкую область, сопредѣльную съ Далмаціей,—разрушили укрѣпленія, воздвигнутыя тамъ предводителемъ герцеговинскихъ инсургентовъ Лукою Вукаловичемъ. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ депешѣ къ посланнику въ Вѣнѣ громко протестовалъ противъ такого самовольнаго пренебреженія къ территоріальнымъ правамъ Турціи и напомнилъ австрійскому двору, что оно составляетъ нарушеніе парижскаго договора, которымъ всѣ великія державы обязались воздерживаться

[1] Изъ донесенія сэра А. Бухапана лорду Джону Русселю, 25-го марта 1863 г.

отъ всякаго одинокаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи [1].

По поводу событій въ Варшавѣ англійскіе министры хотя и выражали сочувствіе національнымъ стремленіямъ поляковъ, но откровенно предупреждали ихъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ парламентѣ, что имъ нечего разсчитывать на вооруженную помощь Великобританіи [2]. Еще категоричнѣе высказалось въ томъ же смыслѣ французское правительство.

Въ послѣдній день 1860 года по новому стилю графъ Киселевъ получилъ изъ Петербурга телеграмму съ выраженіемъ «неодобренія» и «упрековъ». Ему поручалось потребовать отъ тюильрійскаго кабинета объясненія по поводу того, что въ Парижѣ, подъ негласнымъ покровительствомъ принца Наполеона, образовалось цѣлое скопище польскихъ выходцевъ, которые, мечтая о возстановленіи Польши, высылаютъ въ наши польскія и литовскія губерніи зажигательныя воззванія и эмиссаровъ съ обѣщаніемъ денежной помощи, оружія и сочувственныхъ пожеланій искони дружественной Польшѣ единовѣрной Франціи [3].

Нашъ посолъ испросилъ аудіенцію у Наполеона и лично передалъ ему жалобы русскаго двора на тайные происки въ Польшѣ двоюроднаго брата императора французовъ. «До свѣдѣнія императорскаго петербургскаго кабинета»,—сказалъ онъ ему,—«дошли слухи, что въ Парижѣ существуетъ комитетъ по польскимъ дѣламъ, и что комитетъ этотъ состоитъ подъ покровительствомъ лица, имени котораго произнести я бы не рѣшился, если бы мой августѣйшій повелитель, полагаясь вполнѣ на искренность отношеній къ нему вашего величества, не повелѣлъ мнѣ говорить съ вами, государь, отъ имени его безъ обиняковъ. Онъ приказалъ доложить вамъ, что Пале-Роялю приписываютъ участіе въ польской агитаціи. Такое откровенное заявленіе можетъ служить доказательствомъ того, что мой августѣйшій государь желаетъ оставаться съ вашимъ величествомъ въ самомъ искреннемъ согласіи. Прямодушныя объясненія нерѣдко устраняютъ много поводовъ къ недоразумѣніямъ» [4].

Наполеонъ III съ величайшею предупредительностью удовлетворилъ всѣмъ нашимъ требованіямъ. По его приказанію, принцъ Наполеонъ явился самъ къ Киселеву для представленія оправдательныхъ объясненій. Мало того, три мѣсяца спустя, когда въ Парижѣ получено было извѣстіе о варшавскихъ демонстраціяхъ, начавшихся на улицахъ и площадяхъ и скоро перешедшихъ въ костелы, французское правительство рѣшилось, по собственному почину, гласно выразить строгое осужденіе этимъ безпорядкамъ и отнять у поляковъ всякую надежду на поддержку Франціи.

1 Князь Горчаковъ Балабину, 29-го ноября 1861 г.

2 Рѣчь Пальмерстона въ палатѣ общинъ, 25-го марта 1862 г.

3 Дневникъ графа Киселева, 19-го декабря 1860 г.

4 Тотъ же дневникъ, 22-го декабря 1860 г.

10-го апрѣля, рано поутру, въ русское посольство пріѣхалъ самъ министръ иностранныхъ дѣлъ и просилъ, чтобы его приняли тотчасъ же. Киселевъ вышелъ къ нему не вполнѣ одѣтымъ. Тувенель извинился, что потревожилъ посла въ столь неурочный часъ, заявивъ, что пріѣхалъ прямо отъ императора и по его приказанію, съ тѣмъ, чтобы прочитать графу изготовленное для «Монитёра» сообщеніе, и спросилъ, находитъ ли посолъ его удовлетворительнымъ? Затѣмъ онъ прочиталъ привезенную бумагу, выслушавъ которую, Киселевъ отвѣчалъ, что, принимая въ соображеніе ту среду, въ коей онъ находится, онъ признаетъ, что въ сообщеніи достаточно ясно выражено доброжелательство Наполеона къ русскому государю, въ той мѣрѣ, насколько это найдено его величествомъ удобнымъ, и что онъ надѣется, что въ томъ же смыслѣ оно будетъ понято и въ Россіи. Тувенель ссылался на невозможность болѣе рѣзкаго и строгаго осужденія поляковъ, во вниманіе къ вѣковымъ симпатіямъ Франціи къ Польшѣ и воспоминаніямъ братства по оружію [1].

Правительственное сообщеніе появилось въ «Монитёрѣ» на другой же день. Оно предостерегало общественное мнѣніе и повременную печать отъ увлеченій и предположеній, будто французское императорское правительство поддерживаетъ надежды поляковъ, осуществленіе которыхъ не въ его власти. «Великодушный образъ мыслей царя»,—заключало сообщеніе,—«служитъ вѣрнымъ ручательствомъ того, что онъ хочетъ провести на дѣлѣ преобразованія, возможныя въ настоящемъ положеніи Польши, и надо желать, чтобы этому не послужили помѣхою манифестаціи, которыя могутъ лишь раздражить его» [2].

Въ Петербургѣ однако не удовлетворились статьею «Монитёра» и продолжали выражать неудовольствіе на Наполеона III и его правительство. Посолъ въ Парижѣ, ревностный сторонникъ союза съ Франціей, приписывалъ, впрочемъ, это настроеніе не столько образу дѣйствій тюильрійскаго кабинета, сколько вліянію на русскій дворъ и общество слуховъ, распускаемыхъ разными русскими, болѣе или менѣе высокопоставленными, туристами о дворѣ Наполеона, о французскомъ обществѣ, о государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ Франціи. Онъ воспользовался пріѣздомъ въ Парижъ одного изъ высшихъ чиновниковъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ и довѣреннаго совѣтника князя Горчакова, барона Жомини, чтобы въ довѣрительной бесѣдѣ съ нимъ откровенно высказаться по этому предмету.

«Я говорилъ съ нимъ»,—пишетъ Киселевъ въ своемъ дневникѣ,—«между прочимъ, о неустойчивости нашей политики, а также о томъ, что въ Петербургѣ судятъ о дѣлахъ и людяхъ по впечатлѣніямъ, которыя

[1] Тотъ же дневникъ, 10-го апрѣля 1861 г.

[2] «Монитёръ», 11-го апрѣля 1861 г.

[illegible] событія эти, и по разсказамъ путешественниковъ, [illegible] послѣ краткаго пребыванія ихъ въ Парижѣ. На основаніи подобныхъ сплетенъ составляютъ себѣ въ высшихъ сферахъ Петербурга ложныя представленія, а какъ нерасположеніе къ выскочкѣ очевидно, то и позволяютъ себѣ пускать въ ходъ нескромныя рѣчи и злословіе, которыя легко дѣлаются извѣстными здѣсь и вліяютъ на охлажденіе отношеній между двумя дворами. Я дѣлаю видъ, будто не замѣчаю этого, но вмѣстѣ съ тѣмъ стараюсь какъ можно рѣже бывать въ Тюильри. Такъ, съ 7-го мая (разговоръ происходилъ 6-го октября 1861 года) я не видѣлся и не говорилъ съ императоромъ. Въ политикѣ не слѣдуетъ руководиться впечатлѣніями. Если въ интересахъ нашихъ союзъ съ Франціей оказывается непригоднымъ, то пусть ріищутъ другой. Но пока другого не нашли, союзъ съ Франціей представляется единственно возможнымъ, скажу болѣе: единственно намъ полезнымъ, какъ я позволяю себѣ думать,—должно стараться сохранить его, не провѣряя напрасною и по меньшей мѣрѣ безполезною болтовнею. Если наши ультра-консервативные принципы не согласуются съ принципами, исповѣдуемыми Франціею 1789 года, то слѣдуетъ принять согласное съ симъ рѣшеніе, т. е. отказаться отъ мнимаго союза съ Людовикомъ-Наполеономъ, который,—говорю это не обинуясь,—оказалъ намъ со времени заключенія мира 1856 года большія услуги. Такой союзъ подвергать опасности неосторожно»[1].

Передъ отъѣздомъ Жомини изъ Парижа Киселевъ еще разъ коснулся въ бесѣдѣ съ нимъ того же щекотливаго вопроса. «Мы разговорились о нашемъ союзѣ съ Франціей»,—занесено въ дневникъ графа, «и о толкахъ о немъ въ Петербургѣ. Онъ кажется мнѣ построеннымъ на такихъ шаткихъ основаніяхъ, что невольно приходишь къ заключенію, что вы (министерство иностранныхъ дѣлъ) имѣете на-готовѣ другой союзъ, болѣе прочный и выгодный. На отрицательный отвѣтъ Жомини, я сказалъ ему: «Въ такомъ случаѣ, вы добровольно сами создаете себѣ затрудненія и недочеты, которые отзовутся на отношеніяхъ нашихъ не съ одною только Франціей, но и съ прочими державами, коимъ хорошо извѣстны наши внутреннія неурядицы. Зная наши затрудненія внутри государства, и что мы лишились могущественнаго союзника, великія державы станутъ придавать менѣе вѣса нашему голосу въ дѣлахъ общеевропейскаго интереса. Установившееся мнѣніе о тѣсномъ союзѣ нашемъ съ Людовикомъ-Наполеономъ составляетъ нынѣ нашу силу. Уничтожьте этотъ союзъ, и вы увидите, какая произойдетъ перемѣна въ тонѣ рѣчей, основанныхъ на преувеличенной въ глазахъ нашихъ оцѣнкѣ степени нашей дѣйствительной и относительной мощи. Самообольщеніямъ нѣтъ больше мѣста. Туманныя представленія о нашей силѣ рушились послѣ Крымской войны,

[1] Дневникъ графа Киселева, 6-го октября 1861 г.

какъ это показываетъ вексельный курсъ на всѣхъ европейскихъ биржахъ. Нужно оцѣнивать обстоятельства соотвѣтственно ихъ дѣйствительности и, когда понадобится, изыскивать средства пособить имъ. Всякая другая политика непригодна и можетъ только поставить насъ въ безвыходное положеніе»[1].

Въ Петербургѣ давно уже были недовольны Киселевымъ и помышляли объ отозваніи его изъ Парижа, находя, что посолъ «проведенъ» Наполеономъ, и не полагаясь на его умственныя силы, начинавшія видимо слабѣть отъ старости. Еще осенью 1860 года государь предлагалъ Киселеву постъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, но старикъ, привязавшійся къ посольской дѣятельности и къ удобствамъ парижской жизни, отклонилъ это предложеніе. Въ половинѣ 1862 года ему сообщили о скоромъ прибытіи въ Парижъ, для облегченія ему бремени управленія посольствомъ, барона Будберга, бывшаго до того посланникомъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ. Киселевъ понялъ намекъ и подалъ въ отставку. Государь ее, однако, не принялъ и милостивымъ рескриптомъ лишь уволилъ графа отъ званія посла, оставивъ членомъ Государственнаго Совѣта и генералъ-адъютантомъ, въ каковомъ званіи онъ состоялъ со времени царствованія императора Александра I.

Отозваніе графа Киселева изъ Парижа имѣло важное политическое значеніе. Оно знаменовало окончательное измѣненіе русскимъ дворомъ политики, которой маститый посолъ служилъ ревностнымъ проводникомъ въ продолженіе шести лѣтъ. Преемникъ его баронъ Будбергъ былъ дипломатъ Нессельродовской школы, возросшій въ преданіяхъ «Священнаго Союза», душою преданный соглашенію съ Австріей и Пруссіей, не долюбливавшій французовъ. Все это было крайне непріятно Наполеону III, что̀ онъ и далъ почувствовать Киселеву, когда тотъ сообщилъ ему о предстоящей перемѣнѣ[2]. Впрочемъ, самого Будберга, при врученіи вѣрительныхъ грамотъ, императоръ французовъ привѣтствовалъ самымъ любезнымъ образомъ:—«Я могу лишь поздравить себя»,—сказалъ онъ ему,—«съ тѣми отношеніями, что̀ существуютъ между русскимъ императоромъ и мною. Они имѣютъ тѣмъ болѣе шансовъ на продолжительность, что зародились отъ взаимной симпатіи и отъ истинныхъ пользъ обѣихъ Имперій. Дѣйствительно, я имѣлъ случай оцѣнить возвышенный умъ и прямодушіе вашего государя, къ которому питаю искреннюю дружбу»[3]. Первая просьба новаго посла объ отозваніи изъ Варшавы французскаго генеральнаго консула Сегюра, заподозрѣннаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ мятежниками, была уважена, и Сегюръ немедленно былъ отозванъ.

[1] Тотъ же дневникъ, 20-го октября 1861 г.

[2] Дневникъ графа Киселева, 27-го мая 1862 г.

[3] Тотъ же дневникъ, 5-го іюня 1862 г.

Такая податливость императора французовъ тѣмъ болѣе свидѣтельствовала о живѣйшемъ желаніи его продолжать если не союзъ, то по крайней мѣрѣ согласіе и дружбу съ Россіей, въ то время, какъ вокругъ него всѣ вліянія соединились, дабы побудить его вступиться за поляковъ. Въ этомъ вопросѣ были согласны между собою императрица Евгенія и принцъ Наполеонъ, во всѣхъ прочихъ дѣлахъ постоянно противорѣчившіе другъ другу. Не было недостатка и въ подстрекательствахъ со стороны англичанъ, съ которыми, послѣ охлажденія къ нему Россіи, Наполеонъ III снова сталъ искать сближенія. Такъ, весною 1862 года лордъ Пальмерстонъ, въ одной изъ рѣчей своихъ, какъ бы на-зло императору французовъ, восхвалялъ поляковъ, прославляя ихъ «неодолимый, нескончаемый, неистощимый» патріотизмъ, и при этомъ случаѣ не преминулъ напомнить о разочарованіяхъ, причиненныхъ имъ первымъ Бонапартомъ. Все, что позволилъ себѣ Наполеонъ III, было намекнуть барону Будбергу, едва ли не на первой аудіенціи, что европейскій конгрессъ составляетъ, по его мнѣнію, самое дѣйствительное средство для мирнаго разрѣшенія многихъ запутанныхъ вопросовъ, въ томъ числѣ и польскаго.

Хотя новый русскій посолъ вступилъ въ отправленіе своей должности съ перваго дня пріѣзда въ Парижъ, въ половинѣ мая, но графъ Киселевъ лишь въ октябрѣ представилъ свои отзывныя грамоты. Прощаніе старца съ французскою императорскою четою было трогательно. Императоръ былъ сдержанъ и не касался политики, но въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ графа за шестилѣтнія усилія къ поддержанію дружбы между Россіей и Франціей. Императрица же Евгенія прямо спросила Киселева: каковъ нравъ его преемника?—«Мнѣ говорили»,—сказала она,—«что Будбергъ человѣкъ сухой и сдержанный; мнѣ это было бы досадно, потому что, вы знаете, мой характеръ совершенно противуположный». Затѣмъ, разговоръ коснулся Польши. Императрица пожелала узнать, утихаетъ ли тамъ волненіе, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, замѣтила: «Если бы спросили меня, то я посовѣтовала бы предоставить поляковъ самимъ себѣ, съ правомъ выбрать себѣ короля. Россія, при своемъ могуществѣ, всегда будетъ стоять выше, будетъ сильнѣе и дома, и въ отношеніи другихъ. Всякія иныя, придуманныя, мнимыя примиренія не установятъ прочнаго спокойствія, столь желаемаго Европой и котораго должна желать и Россія. Я говорю въ интересахъ Польши и въ то же время въ интересахъ Россіи и Европы». Графъ Киселевъ не оставилъ этихъ словъ безъ возраженія, и хотя былъ очень польщенъ и тронутъ лаской своей собесѣдницы, но съ твердостью отвѣтилъ, что распря русскихъ и поляковъ—дѣло семейное и что Россія ни подъ какимъ видомъ не можетъ отказаться отъ Польши [1].

[1] Дневникъ графа Киселева, 6-го октября 1862 г.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

При такомъ оборотѣ нашихъ отношеній къ Франціи отнюдь нельзя приписать вліянію тюильрійскаго кабинета состоявшагося довольно неожиданно признанія Россіей Итальянскаго королевства и Виктора-Эммануила II —королемъ Италіи. Дипломатическія сношенія съ туринскимъ дворомъ были прерваны со дня вторженія сардинскихъ войскъ, безъ объявленія войны, въ Церковную область и въ Неаполитанское королевство. Не далѣе, какъ въ концѣ 1861 года генералъ-адъютантъ князь Паскевичъ отвезъ въ Римъ знаки ордена св. Георія 4-й степени, пожалованные императоромъ Александромъ королю и королевѣ обѣихъ Сицилій за геройскую защиту Гаэты. Но съ тѣхъ поръ обострились отношенія Россіи къ Австріи, главной противницѣ объединенія Италіи подъ властью Савойскаго дома. Пародируя извѣстное изреченіе князя Феликса Шварценберга, сказавшаго незадолго до послѣдней войны, что Австрія удивитъ міръ своею неблагодарностью, «j'étonnerai le monde par ma reconnaissance», сказалъ князь А. М. Горчаковъ. Лѣтомъ 1862 года генералъ Жербе де Сонназъ прибылъ въ Петербургъ съ извѣстительною грамотою о принятіи Викторомъ-Эммануиломъ титула короля Италіи и на торжественной аудіенціи, 5-го августа, вручилъ ее императору Александру. На другой же день министръ иностранныхъ дѣлъ увѣдомилъ циркуляромъ наши посольства о возстановленіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Итальянскимъ королевствомъ.

Въ депешѣ этой князь Горчаковъ заявилъ, что, въ виду разстоянія, отдѣляющаго Россію отъ Италіи, событія на Апеннинскомъ полуостровѣ не затронули ни одного изъ русскихъ интересовъ, а потому императорскій кабинетъ взиралъ на нихъ лишь съ двойной точки зрѣнія: сочувствія къ этой странѣ и общихъ интересовъ порядка и мира Европы. Исходя изъ этого положенія, состояніе Италіи является нынѣ вовсе не тѣмъ, какимъ представлялось тому назадъ два года. «Въ настоящее время»,—писалъ министръ,—«рѣчь идетъ не о вопросахъ права, а о монархическомъ началѣ и объ общественномъ порядкѣ въ борьбѣ его съ революціонною анархіею. Сознавая опасность наплыва насильственныхъ дѣйствій крайнихъ партій, туринскій дворъ вынужденнымъ нашелся подумать о самозащитѣ. Рѣшеніе это онъ принялъ съ твердостью, и хотя ему пришлось въ этомъ направленіи идти наперекоръ страстнымъ вожделѣніямъ, влекущимъ Италію къ довершенію ея единства, онъ встрѣтилъ со стороны представителей народа энергичное содѣйствіе, свидѣтельствующее, что идеи порядка восторжествовали надъ революціоннымъ движеніемъ». Императорскій кабинетъ, заключалъ князь Горчаковъ, нуждался въ ручательствахъ по двумъ предметамъ: что туринскій дворъ твердо намѣренъ подавить всякую мятежную попытку нарушить всеобщій миръ, и что онъ располагаетъ достаточными къ тому средствами. И то, и другое исполнено правительствомъ короля Виктора-Эммануила, и потому Россія не въ правѣ отказать ему въ своей

нравственной поддержки, хотя она, признавая его государя королемъ Италіи, и не думаетъ возбуждать или разрѣшать отвлеченные правовые вопросы [1].

Завязывая новую дружбу съ объединенною Италіей, императорскій кабинетъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ, чтобы скрѣпить дружественную связь, издавна существовавшую между Россіею и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами.

При самомъ зарожденіи кровопролитной междоусобной войны между сѣверными и южными штатами князь Горчаковъ, въ депешѣ къ представителю нашему въ Вашингтонѣ, именемъ императора, въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ высказался въ пользу соблюденія единства великой заатлантической республики. «Она»,—писалъ онъ,—«не только является въ нашихъ глазахъ существеннымъ элементомъ всеобщаго политическаго равновѣсія, но составляетъ націю, къ которой нашъ августѣйшій государь и вся Россія питаютъ дружелюбнѣйшее участіе, потому что обѣ страны, находясь на противуположныхъ оконечностяхъ Стараго и Новаго Свѣта, въ поступательномъ періодѣ своего развитія, призваны, повидимому, къ естественной солидарности интересовъ и симпатій, неоднократно ими другъ другу выраженныхъ» [2]. Когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вашингтонское правительство рѣшило подвергнуть третейскому разбирательству несогласіе свое съ лондонскимъ дворомъ, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ поздравилъ кабинетъ президента Линкольна съ его рѣшеніемъ, о которомъ отозвался такъ: «Оставаясь вѣрнымъ политическимъ началамъ, которыя она всегда защищала, когда начала эти были обращены противъ нея и, воздержавшись отъ обращенія въ свою пользу ученій, которыя она постоянно отвергала, американская нація явила доказательство политической честности, которая даетъ ей несомнѣнное право на уваженіе и признательность всѣхъ правительствъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы соблюденъ былъ миръ на морѣ, а начала права восторжествовали надъ силой въ международныхъ сношеніяхъ, для спокойствія вселенной, прогресса цивилизаціи и блага человѣчества» [3].

Не таково было отношеніе къ сѣверо-американской республикѣ въ эпоху переживаемаго ею тяжелаго кризиса правительствъ англійскаго и французскаго. Въ самый разгаръ войны сѣверныхъ штатовъ съ южными тюильрійскій кабинетъ обратился къ дворамъ петербургскому и лондонскому съ предложеніемъ: выступить посредниками между воюющими сторонами и побудить ихъ заключить шестимѣсячное перемиріе на сушѣ и на морѣ, въ продолженіе котораго могло бы состояться и полное ихъ при-

---

[1] Циркуляръ князя А. М. Горчакова, 6-го августа 1862 г.

[2] Князь Горчаковъ Стеклю, 28-го іюня 1862 г.

[3] Князь Горчаковъ Стеклю, 9-го января 1862 г.

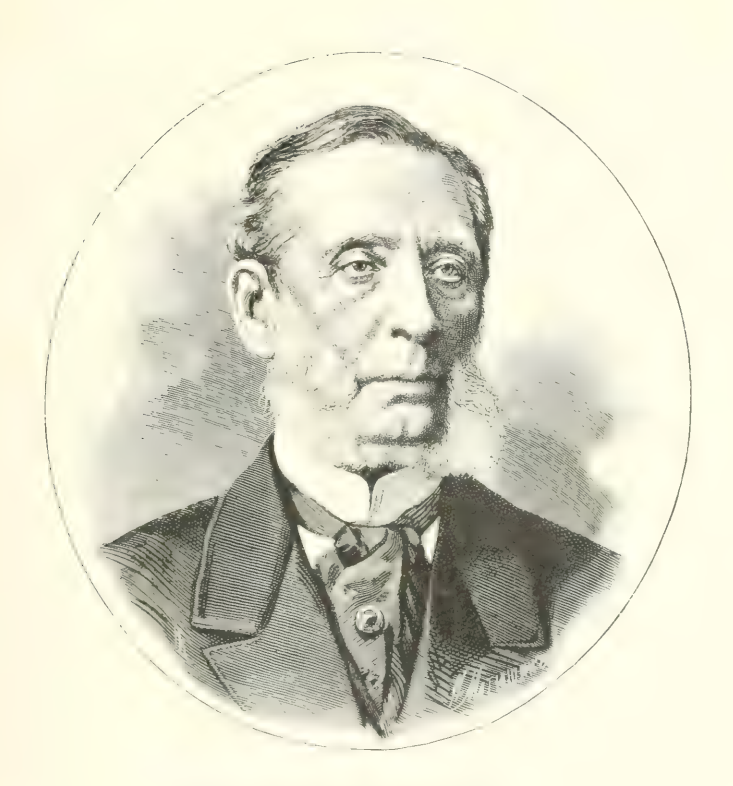
миреніе. Въ Англіи съ радостью приняли французское предложеніе, имѣвшее цѣлью, подъ личиною человѣколюбія, раздвоить навсегда традиціоннаго соперника Великобританіи въ міровой торговлѣ; но князь Горчаковъ категорически его отвергнулъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что «прежде всего слѣдуетъ избѣжать всякаго подобія давленія, которое можетъ лишь оскорбить общественное чувство въ Соединенныхъ Штатахъ и раздражить его, при одной мысли объ иностранномъ вмѣшательствѣ» [1]. Такая доброжелательная политика оцѣнена было по достоинству по ту сторону океана и надолго обезпечила Россіи признательность и дружбу заатлантической республики.

Главное вниманіе русскаго двора было попрежнему устремлено на Востокъ, гдѣ, по выраженію князя Горчакова, у Россіи могла быть лишь одна политика, состоявшая въ томъ, чтобы прежде всего соблюдать, на основаніи договоровъ, преимущества, добытыя въ пользу христіанъ, и обезпечить имъ возможно большую сумму благосостоянія и преуспѣянія. Соотвѣтственно этой программѣ, Россія изъявила согласіе на окончательное сліяніе Молдавіи и Валахіи въ одно Румынское княжество; въ Сербіи настояла на очищеніи отъ турецкихъ гарнизоновъ всѣхъ крѣпостей, за исключеніемъ Бѣлграда; въ Греціи, когда внезапно вспыхнувшая революція низвела съ престола короля Оттона, поспѣшила обязаться не допускать до избранія на королевскій престолъ родственнаго императорскому дому герцога Николая Лейхтенбергскаго, связавъ и Англію такимъ же обязательствомъ, въ разсужденіи второго сына королевы, принца Альфреда; наконецъ, въ Турціи, послѣ жестокаго подавленія возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ и вторженія турокъ въ Черногорію, потребовала отреченія Порты отъ навязанныхъ Омеромъ-пашою молодому князю черногорскому Николаю условій мира, однимъ изъ которыхъ постановлялось проведеніе чрезъ княжество военной дороги, охраняемой турецкими блокгаузами.

По этому послѣднему вопросу у князя Горчакова завязалась съ сентъ-джемскимъ дворомъ оживленная полемика, въ которой обѣ стороны имѣли случай изложить взглядъ свой на положеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ и на отношеніе Порты къ ея христіанскимъ подданнымъ.

Лордъ Джонъ Руссель ни подъ какимъ видомъ не допускалъ вмѣшательства великихъ державъ въ турецкія дѣла. Съ той минуты, доказывалъ онъ, какъ Турція включена въ составъ европейской системы, она должна пользоваться всѣми выгодами и нести всѣ обязанности, принадлежащія независимому государству; словомъ, она должна быть столь же независима, какъ Пруссія, Португалія, Швеція или Саксонія, а съ другой стороны она же должна быть связана, подобно этимъ государствамъ, обя-

[1] Горчаковъ Убри, 27-го октября 1862 г.



Графъ Петръ Александровичъ Валуевъ.

(Съ гравюры Матюшина.)

зательствами, истекающими изъ договоровъ и основанными на вѣжливости и доброжелательности международныхъ отношеній. Если такъ, то несправедливо въ дѣлахъ, о которыхъ умалчиваютъ трактаты, вмѣшиваться безъ надобности и повода въ возстаніе, вспыхнувшее въ Турціи и поддержанное государемъ сосѣдней стороны, что̀ и произошло въ Герцеговинѣ, возстаніе которой было возбуждено и поддержано Черногоріей. Условія мира, предписанныя князю Николаю, британскій министръ находилъ вполнѣ законными и клонящимися къ водворенію на Балканскомъ полуостровѣ всѣми желаемаго спокойствія. По этому поводу лордъ Джонъ Руссель вдавался въ пространныя разсужденія. «Если славяне и греки, подданные султана»,—писалъ онъ англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ,—«возстанутъ и возстаніе будетъ подавлено, то давленіе властей станетъ болѣе тяжелымъ, преимущества будутъ отняты и суммы, назначенныя на сооруженіе дорогъ и портовъ и на введеніе улучшеній, обратятся на уплату и содержаніе внушительной военной силы. Если же, напротивъ, химера, которою ублажаютъ себя въ нѣкоторыхъ странахъ, т. е. низверженіе оттоманской власти, когда-нибудь состоится, то греки и славяне вступятъ въ борьбу между собою; каждая область станетъ требовать для себя преобладанія; междоусобная война опустошитъ страну, въ которой низвержена будетъ власть султана, и придется воззвать къ великимъ державамъ Европы, чтобы положить конецъ анархіи распредѣленіемъ между ними турецкихъ областей. Но европейскія державы едва ли въ состояніи совершить это дѣло безъ новыхъ столкновеній и, вѣроятно, даже безъ всеобщей войны. Въ виду этого правительство ея величества, впрочемъ, искренно желая улучшить положеніе христіанскихъ подданныхъ Порты, отказываетъ въ своемъ содѣйствіи осуществленію плановъ, извѣстныхъ въ Греціи подъ именемъ «великой идеи», тѣхъ плановъ, что̀ у грековъ, такъ же, какъ и у славянъ, клонятся къ ослабленію узъ повиновенія въ Оттоманской имперіи и состоятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ преступными происками, дѣйствіе которыхъ Турція испытываетъ въ Сербіи и которыхъ конечная цѣль столько же низверженіе всякой монархіи въ Европѣ, сколько и разрушеніе цѣлости Оттоманской имперіи»[1].

Князь Горчаковъ не оставилъ безъ возраженій разсужденій руководителя внѣшнею политикою Великобританіи, заключавшихъ въ себѣ хотя и косвенный, но довольно ясный упрекъ по адресу Россіи. Онъ не отрицалъ права Порты предписывать Черногоріи условія мира по своему усмотрѣнію. «Но»,—заключалъ онъ,—«между воюющими сторонами воздвигается третій участникъ: великія державы, которыя не могутъ безучастно относиться къ событіямъ на Востокѣ, отражающимся на общей безопасности, которыя неоднократно выступали посредниками между

[1] Лордъ Джонъ Руссель Лумлею, 18-го сентября 1862 г.

турками и черногорцами и предъ которыми, наконецъ, Порта торжественно обязалась, еще до начала военныхъ дѣйствій, ничего не измѣнять въ территоріальномъ и административномъ устройствѣ Черной горы. По мнѣнію русскаго двора, условія Омера-паши нарушаютъ это обѣщаніе. Обязанность державъ разсмотрѣть, не увѣковѣчатъ ли они то положеніе, которое имѣютъ въ виду устранить, служа постояннымъ предлогомъ къ новымъ раздорамъ и столкновеніямъ.

Переходя къ оцѣнкѣ мнѣнія, выраженнаго лордомъ Джономъ Русселемъ объ отношеніяхъ къ султану его христіанскихъ подданныхъ, русскій министръ противупоставилъ ему слѣдующіе доводы. «Главный государственный секретарь ея британскаго величества»,—писалъ онъ русскому послу въ Лондонѣ,—«позволитъ намъ напомнить ему прежде всего, что преимущества, коими пользуются христіанскія области, подвластныя султану, покоятся на ручательствѣ великихъ европейскихъ державъ и что, слѣдовательно, они не могутъ быть уменьшены безъ нарушенія одного изъ торжественнѣйшихъ постановленій договора 18-го марта 1856 года. Но, сверхъ того, мы не можемъ допустить, что разрѣшенія задачи столь высокаго значенія для всеобщихъ безопасности, покоя и благосостоянія, для новѣйшихъ началъ цивилизаціи и прогресса, и для человѣколюбія великихъ державъ Европы, нельзя найти въ чемъ либо иномъ, кромѣ тѣхъ крайностей, въ коихъ полагаетъ ихъ исключительно главный государственный секретарь ея британскаго величества, не признавая за обѣими сторонами иной альтернативы, какъ взаимная разрушительная борьба, и иной роли для великихъ державъ, какъ раздоръ между тѣми изъ нихъ, которыя, сообразно своимъ частнымъ видамъ, станутъ поддерживать безпощадное усмиреніе Портою, и тѣми, что будутъ высказываться въ пользу страстныхъ вожделѣній христіанскаго населенія. По мнѣнію нашему, разрѣшенія этого слѣдуетъ лучше искать въ путяхъ примиренія, болѣе благопріятныхъ обоюднымъ интересамъ и потребностямъ нашего времени. Для насъ, какъ и для всѣхъ великихъ державъ, сохраненіе Оттоманской имперіи составляетъ единственное начало равновѣсія Европы. Но въ виду зачатковъ смуты и борьбы, завѣщанныхъ этимъ странамъ минувшими вѣками, подобный результатъ можетъ быть достигнутъ прочно и устойчиво лишь правительственною системою, которая стремилась бы къ привлеченію султану любви и благодарности его христіанскихъ подданныхъ, давая ихъ потребностямъ и желаніямъ законное удовлетвореніе и даруя имъ съ этою цѣлью условія существованія, необходимыя для счастливой и успѣшной общественной жизни».

Выразивъ удовольствіе по поводу заявленнаго лордомъ Джономъ Русселемъ желанія содѣйствовать улучшенію участи христіанскихъ подданныхъ султана, князь Горчаковъ продолжалъ: «Таковъ дѣйстви-

тельно путь, на который мы не переставали указывать, какъ на единственное средство къ упроченію и преуспѣянію Оттоманской имперіи, въ условіяхъ, согласныхъ съ существующими договорами, равно какъ и съ симпатіями, убѣжденіями и общими интересами Европы. Съ тою же цѣлью приглашали мы постоянно великія державы къ соглашенію, которое, устранивъ расчеты, основанные на ихъ политическомъ соперничествѣ, имѣло бы благотворное вліяніе, съ одной стороны, на христіанъ, внушивъ имъ довѣріе и надежду, съ другой—на турецкое правительство, утвердивъ его въ добрыхъ намѣреніяхъ, неоднократно выраженныхъ его величествомъ султаномъ. Мы убѣждены, что если бы слушались нашихъ совѣтовъ, то они предупредили бы оплакиваемыя нынѣ бѣдствія. Мы не хотимъ произнести слишкомъ строгаго суда надъ дѣйствіями оттоманскаго правительства. Мы знаемъ, что ему приходится бороться съ великими трудностями, и вполнѣ готовы вмѣнить ему въ заслугу малѣйшія усилія. Но мы должны также признать, что такіе факты, какъ война, нынѣ оконченная въ Герцеговинѣ и Черногоріи, или бомбардированіе беззащитнаго города (Бѣлграда), суть средства, которыя не поведутъ къ желанной цѣли. Такія насильственныя мѣры, возбуждая одновременно притязанія побѣдителей и злобу побѣжденныхъ, приводятъ къ положенію, при которомъ возможно только прибѣгнуть къ силѣ, и нѣтъ другого рѣшенія, какъ одна изъ двухъ крайностей, на которыя указалъ лордъ Руссель. Потому именно, что мы не считаемъ подобнаго результата отвѣчающимъ пользамъ ни христіанъ, ни турецкаго правительства, ни великихъ европейскихъ державъ, мы продолжаемъ совѣтовать первымъ—осторожность, второму—умѣренность, послѣднимъ—доброе согласіе, которое одно можетъ придать ихъ совѣтамъ необходимый авторитетъ. Въ тотъ день, когда правительство ея британскаго величества захочетъ вступить на этотъ примирительный путь, вы можете удостовѣрить его, что оно найдетъ насъ наряду съ собою подъ условіемъ, чтобы оно не исповѣдывало оптимизма, котораго мы не можетъ раздѣлять, и чтобы вмѣстѣ съ нами оно посвятило всѣ свои усилія къ возвращенію въ христіанахъ довѣрія посредствомъ сознанія практическаго улучшенія ихъ участи. Что касается до нерасположенія, высказаннаго лордомъ Русселемъ въ заключеніе его депеши, ко всякому содѣйствію преступнымъ проискамъ, клонящимся къ ослабленію узъ покорности подданныхъ своему государю и къ ниспроверженію всѣхъ монархій въ Европѣ, то мы принимаемъ къ свѣдѣнію (nous prenons acte) это заявленіе съ искреннимъ удовольствіемъ и мнѣ нечего присовокуплять, что оно всегда встрѣтитъ со стороны императорскаго кабинета полное признаніе» [1].

Русскому посланнику въ Царьградѣ князю А. Б. Лобанову-Ростов-

[1] Князь Горчаковъ барону Бруннову, 28-го сентября 1862 г.

скому удалось убѣдить Порту не настаивать на тяжкихъ условіяхъ мира, предписанныхъ ею Черногоріи, и не нарушать status quo ante въ этой странѣ. Онъ же, осенью 1862 года, подписалъ съ уполномоченными Франціи и Турціи протоколъ, коимъ три державы обязались раздѣлить между собою поровну издержки по перестройкѣ купола надъ храмомъ Гроба Господня въ Іерусалимѣ [1]. Актъ этотъ узаконилъ снова преимущественное значеніе Россіи и Франціи, какъ признанныхъ Портою покровительницъ двухъ главныхъ христіанскихъ исповѣданій въ Святыхъ Мѣстахъ.

Успѣхи нашей дипломатіи снискали князю Горчакову милостивое расположеніе и признательность императора Александра, который въ день своего рожденія, 17-го апрѣля 1862 года, возвелъ министра иностранныхъ дѣлъ въ достоинство вице-канцлера Имперіи [2].

[1] Договоръ 28-го августа 1862 г.

[2] Акты и документы по внутреннимъ дѣламъ въ Архивѣ Государственнаго Совѣта; по внѣшнимъ — въ С.-Петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Польская смута.

1861 — 1863.

Милости и льготы полякамъ. — Первыя манифестаціи въ Варшавѣ. — Февральскіе безпорядки 1861 г. — Программа преобразованій въ Царствѣ Польскомъ. Эпоха. — Маркизъ Велепольскій. — Рескриптъ князю М. Д. Горчакову. — Возобновленіе безпорядковъ. — Новыя учрежденія, дарованныя Царству Польскому. — Велепольскій директоръ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ. — Воззваніе намѣстника къ полякамъ. — Циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ. — Новыя манифестаціи въ Варшавѣ. — Кончина князя М. Д. Горчакова. — Прибытіе въ Варшаву военнаго министра Сухозанета. — Несогласіе его съ Велепольскимъ. — Назначеніе намѣстникомъ графа Ламберта. — Рескриптъ на его имя. — Первыя распоряженія Ламберта. — Военное положеніе въ Царствѣ Польскомъ. — Закрытіе костеловъ. — Самоубійство варшавскаго генералъ-губернатора Герштенцвейга и отъѣздъ Ламберта изъ Варшавы. — Вторичное прибытіе въ Варшаву Сухозанета. — Вызовъ Велепольскаго въ Петербургъ. — Распоряженія Сухозанета. — Назначеніе намѣстникомъ графа Лидерса. — Строгія мѣры его. — Назначеніе Фелинскаго архіепископомъ Варшавскимъ. — Велепольскій въ Петербургѣ. — Вызовъ туда же Н. А. Милютина. — Назначеніе великаго князя Константина Николаевича намѣстникомъ, а Велепольскаго начальникомъ гражданскаго управленія Царства Польскаго. — Покушеніе на жизнь Лидерса. — Прибытіе въ Варшаву великаго князя намѣстника и покушеніе на жизнь его. — Воззваніе его полякамъ. — Польскій адресъ на имя графа Замойскаго. — Переписка великаго князя-намѣстника съ государемъ. — Высылка Замойскаго за границу. — Введеніе административной автономіи въ Царствѣ Польскомъ. — Народное волненіе. — Адресы дворянъ Подольской и Минской губерній.

Милостивое расположеніе императора Александра II къ польскимъ его подданнымъ выразилось какъ въ амнистіи, дарованной эмигрантамъ-полякамъ тотчасъ по заключеніи мира, такъ и въ послѣдовавшемъ въ день коронаціи облегченіи участи политическихъ ссыльныхъ изъ уроженцевъ Царства Польскаго и западныхъ областей имперіи. Вожаки обѣихъ группъ, на которыя распадалась заграничная эмиграція, такъ называемыхъ «бѣлыхъ»—консерваторовъ и «красныхъ»—радикаловъ, хотя и протестовали противъ царскаго всепрощенія, но значительное число выходцевъ

воспользовалось имъ и спѣшило возвратиться. Еще большее число бывшихъ участниковъ возстанія 1830—1831 годовъ вернулось изъ Сибири и внутреннихъ губерній.

Преемникъ Паскевича по званію намѣстника въ Царствѣ Польскомъ князь М. Д. Горчаковъ отличался отъ своего предшественника крайнею мягкостью въ обращеніи съ поляками, выступая и въ Петербургѣ усерднымъ и постояннымъ ходатаемъ за нихъ. Его предстательству обязаны они въ самомъ началѣ царствованія Александра II многими существенными льготами и преимуществами: возстановленіемъ конкордата, заключеннаго съ папскимъ престоломъ еще въ 1847 году, но во все время царствованія императора Николая остававшагося безъ примѣненія; учрежденіемъ въ Варшавѣ медицинской академіи; разрѣшеніемъ основать земледѣльческое общество, въ составъ котораго вошли всѣ землевладѣльцы края, съ правомъ учреждать мѣстные отдѣлы въ провинціи и собираться на общія совѣщанія въ Варшавѣ. Но всѣ эти уступки не удовлетворяли желаній поляковъ, которые, по мѣрѣ ослабленія строгихъ мѣръ, коими сдерживались они въ предшедшее царствованіе, все болѣе и болѣе проникались стремленіемъ къ достиженію полной политической свободы и національной независимости. Настроеніе это ревностно утверждала среди населенія непримиримая эмиграція, одна часть которой, «бѣлые», поддерживала связь съ дворянами-землевладѣльцами и высшимъ духовенствомъ въ Царствѣ и Западномъ краѣ, другая же часть — «красные»—находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ксендзами, чиновниками, горожанами и учащеюся молодежью. И тѣ, и другіе выжидали лишь удобнаго случая, чтобы начать возстаніе, съ цѣлью отторженія Польши отъ Россіи и возстановленія Рѣчи Посполитой въ древнихъ ея предѣлахъ.

Первые признаки броженія, охватившаго польское общество, стали обнаруживаться съ лѣта 1860 года, когда начался въ Варшавѣ рядъ патріотическихъ манифестацій, устраиваемыхъ въ память дѣятелей или событій предшедшихъ мятежей. Въ процессіяхъ, выходившихъ изъ костеловъ, принимали участіе лица всякаго званія и въ большомъ числѣ воспитанники учебныхъ заведеній, женщины и дѣти. Они проходили по городу, неся польскіе національные значки и эмблемы, распѣвая полурелигіозные, полуполитическіе гимны, осыпая ругательствами и насмѣшками встрѣчавшіяся имъ по пути русскія полицію и войска. При этомъ народу раздавались возмутительные листки, портреты бойцовъ «за независимость»—Килинскаго, Костюшки. До самаго конца 1860 года власти терпѣли эти нарушенія порядка, не подвергая виновныхъ отвѣтственности и вовсе не принимая мѣръ къ ихъ предупрежденію. Дошло до того, что во время пребыванія въ Варшавѣ самого государя и августѣйшихъ гостей его —императора австрійскаго и принца-регента прусскаго,—въ день, назначенный для параднаго спектакля, императорская ложа въ Большомъ

театрѣ была облита купоросомъ, а уличные мальчишки отрѣзали шлейфы у дамъ, ѣхавшихъ на балъ къ намѣстнику. По пути царскаго слѣдованія на улицахъ и площадяхъ раздавались свистки.

Въ началѣ февраля 1861 года члены земледѣльческаго общества съѣхались на общее собраніе въ Варшаву для обсужденія дѣла, переданнаго на ихъ разсмотрѣніе правительствомъ: о способахъ наилучшаго разрѣшенія въ Царствѣ Польскомъ вопроса о поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Этимъ воспользовались тайные организаторы безпорядковъ, чтобы вовлечь въ нихъ оставшихся дотолѣ безучастными дворянъ-помѣщиковъ и такимъ образомъ объединить народное движеніе. 13-го февраля, въ годовщину Гроховской битвы, печатныя воззванія приглашали народъ собраться на площади Стараго Мѣста и оттуда шествовать мимо Зáмка, гдѣ имѣлъ мѣстопребываніе князь Горчаковъ, къ намѣстникову дворцу, въ залахъ котораго засѣдало земледѣльческое общество. Князь Михаилъ Дмитріевичъ рѣшился не допускать этой заранѣе возвѣщенной манифестаціи. По его распоряженію, оберъ-полиціймейстеръ полковникъ Треповъ, во главѣ полицейскихъ солдатъ и конныхъ жандармовъ, разогналъ толпу, вышедшую изъ монастыря Паулиновъ, съ факелами, хоругвями и пѣніемъ.

Порядокъ былъ возстановленъ, но не надолго. Два дня спустя, 15-го февраля, народныя скопища собрались въ различныхъ частяхъ города и устремились на Замковую площадь. Встрѣтившись съ войсками, расположенными вдоль Краковскаго предмѣстья и на площади, предъ Зàмкомъ, они забросали ихъ камнями. Тогда по командѣ генерала Заблоцкаго, одна рота дала залпъ изъ передняго взвода, которымъ въ толпѣ убито шесть человѣкъ и ранено столько же. Скопища немедленно разсѣялись.

Но иное было дѣйствіе залпа на членовъ земледѣльческаго общества, да и вообще на всѣхъ поляковъ, принадлежавшихъ къ партіи «бѣлыхъ». Глава ихъ и предсѣдатель общества, графъ Андрей Замойскій, созвалъ въ эту же ночь лицъ всѣхъ сословій для составленія и подписанія на имя государя адреса, который депутація, состоящая изъ архіепископа Фіалковскаго, графовъ Замойскаго и Малаховскаго и гражданъ Кронеберга и Шленкера, на другое утро отвезла къ намѣстнику въ Зàмокъ для дальнѣйшаго отправленія въ Петербургъ. Въ адресѣ этомъ, составленномъ отъ имени «всей страны», выражалось требованіе возвратить Польшѣ національныя церковь, законодательство, воспитаніе и всю общественную организацію, какъ необходимыя условія народнаго существованія.

Князь Горчаковъ совершенно растерялся. Онъ не только принялъ изъ рукъ депутатовъ адресъ, обѣщавъ доставить его по принадлежности, но и согласился на всѣ предъявленныя ему требованія. То былъ рядъ уступокъ, клонившихся къ полному упраздненію русской власти въ городѣ. Намѣстникъ далъ разрѣшеніе похоронить убитыхъ поляковъ со всѣми

почестями: дозволилъ учрежденіе временнаго управленія изъ выборныхъ делегатовъ отъ города, для наблюденія за порядкомъ въ Варшавѣ, подъ условіемъ полнаго устраненія полиціи; обѣщалъ, что въ день похоронъ ни полиція, ни войска не покажутся на улицахъ; отставилъ отъ должности оберъ-полиціймейстера Трепова; наконецъ приказалъ освободить всѣхъ арестованныхъ за участіе въ демонстраціяхъ послѣднихъ дней. Донося государю по телеграфу о случившемся, князь Михаилъ Дмитріевичъ не рѣшился довести до высочайшаго свѣдѣнія о всѣхъ принятыхъ имъ мѣрахъ. Въ первой телеграммѣ онъ ограничился замѣчаніемъ, что «напряженіе умовъ въ городѣ большое и можетъ быть сегодня послѣдуютъ опять безпорядки». Во второй телеграммѣ, извѣстивъ о совокупной подачѣ въ отставку всѣми предводителями дворянства, онъ утверждалъ, что волненіе въ городѣ особенно увеличилось послѣ выстрѣловъ роты, въ которую бросали каменьями. «Пальбу приказалъ Заблоцкій»,—оправдывался смущенный намѣстникъ,—«въ противность моихъ распоряженій, ибо я приказалъ войскамъ имѣть ружья незаряженными. Я нарядилъ по сему происшествію слѣдствіе». О Треповѣ онъ признавался, что велѣлъ ему сказаться больнымъ, по той причинѣ, что «ненависть, противъ него развившаяся, угрожаетъ убіеніемъ его на улицѣ». Сообщая, что въ городѣ все спокойно, князь испрашивалъ, однако, разрѣшенія «въ ожиданіи большихъ безпорядковъ и въ случаѣ крайности» объявить Варшаву въ осадномъ положеніи». Наконецъ, въ третьей телеграммѣ онъ извѣстилъ государя о подачѣ прошенія на высочайшее имя архіепископомъ Фіалковскимъ и пятью «почетными лицами», которыхъ не назвалъ, а также объ отправленіи этого прошенія въ Петербургъ съ нарочнымъ, несмотря на то, что, по собственному его признанію, «оно заключается въ общихъ выраженіяхъ, крайне либеральныхъ, направленныхъ къ дарованію Царству различныхъ правъ, но»,—тутъ же прибавилъ князь,—«податели объявили мнѣ, что представленіе сей просьбы на высочайшее воззрѣніе будетъ много способствовать къ успокоенію умовъ» [1].

Вѣсть о варшавскихъ событіяхъ, полученная императоромъ Александромъ за три дня до подписанія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, глубоко опечалила государя, но не смутила его. Твердая рѣшимость прежде всего возстановить порядокъ звучитъ въ трехъ его отвѣтахъ на телеграммы намѣстника: 1) «Съ нетерпѣніемъ жду, какъ пройдетъ сегодняшній день. Увѣренъ, что вы примете всѣ нужныя мѣры для возстановленія должнаго порядка. Есть ли раненые въ войскахъ и замѣтно ли оружіе въ народѣ? Смотря по обстоятельствамъ, доносите мнѣ утромъ и вечеромъ». 2) «Считаю отставку предводителей крайне неумѣстною и доказывающею ихъ малодушіе. Распоряженіе о Треповѣ не могу одобрить.

[1] Князь Д. М. Горчаковъ государю, 16-го февраля 1861 г.

Въ теперешнемъ обстоятельствѣ каждый долженъ быть на своемъ мѣстѣ. Объявленіе осаднаго положенія въ Варшавѣ предоставляю вашему усмотрѣнію». 3) «Если просьба Фіалковскаго дѣйствительно въ томъ смыслѣ, о которомъ вы упоминаете, то не слѣдовало ее принимать. Буду ожидать вашихъ объясненій. Во всякомъ случаѣ теперь не время на уступки, и я ихъ не допущу»[1].

На другой день, 17-го февраля, намѣстникъ ограничился донесеніемъ «что въ городѣ все спокойно»[2]. Государь не удовольствовался этимъ извѣстіемъ и въ телеграммѣ Горчакову, подтвердивъ все предписанное накапунѣ, требовалъ подробныхъ объясненій: «Желаю знать, что было предлогомъ къ уличнымъ безпорядкамъ 15-го числа и кто были главные дѣятели? Прошеніе остановите, если оно еще не отправлено. Прошу дѣйствовать съ должнымъ спокойствіемъ и твердостью. Уступокъ никакихъ я не намѣренъ допускать»[3]. По полученіи отвѣта Горчакова, что прошеніе на высочайшее имя имъ не представляется, а посылается съ него копія военному министру, а также что о явномъ предлогѣ скопищъ 15-го февраля и о главныхъ дѣятеляхъ онъ можетъ лишь сказать, «что это было дѣйствіемъ, вызваннымъ демократическою партіей»[4], императоръ телеграфировалъ ему: «Объявите по предоставленной вамъ власти, что прошеніе, поданное на мое имя, за неприличіемъ и неумѣстностью заключающихся въ немъ желаній, вами возвращается. Дайте знать по телеграфу имена пяти лицъ, представившихъ вамъ прошеніе съ Фіалковскимъ. Безпорядки въ Варшавѣ имѣютъ ли отголосокъ въ провинціи?»[5]. Горчаковъ отвѣчалъ, что хотя и не было въ провинціи безпорядковъ, но отголосокъ варшавскихъ событій весьма значителенъ, назвалъ имена пяти депутатовъ, но умолялъ государя разрѣшить ему пріостановиться предписанной публикаціей о непринятіи прошенія впредь до прибытія отправленнаго въ Петербургъ съ подробными донесеніями одного изъ высшихъ чиновниковъ варшавскаго сената, оберъ-прокурора Карницкаго[6].

Изъ царскихъ телеграммъ намѣстникъ не могъ не заключить, что дѣйствія его не вполнѣ отвѣчаютъ намѣреніямъ императора и, дабы хотя нѣсколько облегчить бремя лежащей на немъ отвѣтственности, онъ обратился къ военному министру съ просьбой, «въ виду важности положенія въ Царствѣ Польскомъ», прислать въ Варшаву, ему въ помощь, лицо, «пользующееся полнымъ довѣріемъ его величества»[7]. На эту просьбу

[1] Государь князю Д. М. Горчакову, 16-го февраля 1861 г.

[2] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 17-го февраля 1861 г.

[3] Государь князю М. Д. Горчакову, 17-го февраля 1861 г.

[4] Князь М. Д. Горчаковъ военному министру, 18-го февраля 1861 г.

[5] Государь князю М. Д. Горчакову, 18-го февраля 1861 г.

[6] Князь М. Д. Горчаковъ военному министру, 19-го февраля 1861 г.

[7] Князь М. Д. Горчаковъ военному министру, 18-го февраля 1861 г.

государь отвѣчалъ самъ, что питаетъ къ Горчакову полное довѣріе, а потому и не видитъ причины посылать кого-либо. Видимо желая, однако, успокоить старца-намѣстника, императоръ разрѣшилъ ему отложить предписанную публикацію впредь до прибытія въ Петербургъ Карницкаго, присовокупивъ, что если ему нуженъ помощникъ по гражданской части, то пусть назоветъ, кого желаетъ? Государь отъ себя предложилъ на эту должность генерала Хрулева [1]. Горчаковъ отозвался: «Помощникъ по гражданской части и Хрулевъ, кажется, не нужны, но полезно было бы имѣть здѣсь по выбору вашего величества лицо со свѣжимъ взглядомъ» [2]. Тогда государь предложилъ прислать въ Варшаву помощника статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго Платонова [3]. «Платоновъ крайне нуженъ въ Петербургѣ; о другихъ лицахъ позвольте подумать»,—отозвался Горчаковъ [4].

Между тѣмъ 21-го февраля прибылъ въ Петербургъ фельдъегерь съ первыми письменными донесеніями намѣстника о происшествіяхъ 15-го февраля. Изъ нихъ государь усмотрѣлъ всю важность совершенныхъ безпорядковъ и тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи въ Царство Польское подкрѣпленій войсками: гусарской бригады 1-й кавалерійской дивизіи и всей 2-й пѣхотной дивизіи, а также четырехъ казачьихъ полковъ съ Дона. Извѣстивъ о томъ намѣстника, онъ не скрылъ отъ него, что прошеніе варшавянъ находитъ «совершенно неумѣстнаго содержанія» и на случай возобновленія безпорядковъ приказалъ—«города Варшавы не оставлять ни подъ какимъ видомъ» и «въ случаѣ нужды бомбардировать изъ цитадели» [5].

Ни о чемъ подобномъ не помышлялъ князь Горчаковъ. Отправленный имъ 19-го февраля изъ Варшавы и 25-го прибывшій въ Петербургъ Карницкій привезъ предложенія совершенно другого рода.

Въ первые дни по столкновеніи мятежныхъ скопищъ съ войсками князь Горчаковъ болѣе чѣмъ когда-либо обнаружилъ свойственныя ему нерѣшительность и податливость на чужія внушенія. Окружавшіе его поляки ловко воспользовались его неудовольствіемъ на ближайшаго его совѣтника, завѣдывавшаго правительственною коммиссіею внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія П. А. Муханова, а также на военныхъ начальниковъ, высказывавшихся въ пользу строгихъ мѣръ для обузданія своеволія черни, чтобы развить предъ нимъ цѣлую программу преобразованій, долженствовавшихъ, по словамъ этихъ лицъ, успокоить волнующіеся умы. Обширный докладъ въ этомъ смыслѣ составилъ и представилъ

[1] Государь князю М. Д. Горчакову, 19-го февраля 1861 г.
[2] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 19-го февраля 1861 г.
[3] Государь князю М. Д. Горчакову, 20-го февраля 1861 г.
[4] Князь М. Д. Горчаковъ военному министру, 20-го февраля 1861 г.
[5] Государь князю М. Д. Горчакову, 21-го февраля 1861 г.

намѣстнику оберъ-прокуроръ общаго собранія варшавскихъ департаментовъ Сената Энохъ. Онъ совѣтовалъ для возстановленія порядка обратиться къ содѣйствію партіи «бѣлыхъ», утверждая, что на народныя массы русскому правительству разсчитывать нельзя, потому что послѣднія не удовлетворятся ничѣмъ, кромѣ полной независимости или, по меньшей мѣрѣ, личнаго соединенія Польши съ Россіей. Совершенно наоборотъ, утверждалъ онъ, имущественные классы, дворяне и чиновники, хотя въ сущности придерживаются тѣхъ же мнѣній, но опасаются торжества демократическихъ началъ, а потому ихъ не трудно удержать отъ участія въ движеніи «мудрыми и умѣренными преобразованіями». Подъ такими преобразованіями Энохъ разумѣлъ прежде всего предоставленіе Царству Польскому его прежнихъ гражданскихъ законовъ Наполеонова кодекса, изданнаго въ 1807 году, и упраздненіе кодификаціонной коммиссіи, трудившейся надъ объединеніемъ ихъ съ законами Имперіи; возвращеніе общему собранію варшавскихъ департаментовъ Сената прежняго названія Государственнаго Совѣта и назначеніе въ составъ его членовъ изъ мѣстныхъ дѣятелей; учрежденіе въ Царствѣ высшихъ учебныхъ заведеній и техническихъ училищъ, съ изъятіемъ ихъ изъ-подъ вѣдѣнія русскаго министерства народнаго просвѣщенія; образованіе особой правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и поставленіе во главѣ ея поляка-католика; вообще, привлеченіе населенія къ участію въ управленіи посредствомъ установленія выборныхъ городскихъ совѣтовъ, сначала въ Варшавѣ, а потомъ и въ прочихъ городахъ Царства; наконецъ, созданіе въ Царствѣ центральнаго выборнаго же учрежденія, на обязанности котораго лежало бы доводить до свѣдѣнія высшаго правительства о нуждахъ и желаніяхъ польскаго народа. Энохъ выражалъ мнѣніе, «что немедленнаго принятія всѣхъ этихъ мѣръ казалось бы достаточнымъ, чтобы успокоить броженіе, обезпечить правительству содѣйствіе всѣхъ здравомыслящихъ людей и обратить въ ничто всѣ безумныя и преступныя попытки». Разсужденія юриста-поляка произвели на намѣстника настолько сильное впечатлѣніе, что онъ не поколебался повергнуть ихъ на воззрѣніе государя, какъ единственное средство успокоить разнузданныя страсти и возстановить порядокъ и спокойствіе въ краѣ [1].

Уже по отъѣздѣ Карницкаго въ Петербургъ возбужденъ былъ вопросъ, кого изъ поляковъ назначить главнымъ директоромъ предположенной правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія? У Эноха былъ на-готовѣ свой кандидатъ на эту должность: маркизъ Велепольскій.

[1] Докладъ Эноха, во французскомъ подлинникѣ, напечатанъ въ книгѣ Лисицкаго, «Le Marquis Wielopolski, sa vie et son temps», т. II, стр. 151—155.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Одинъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ Царства Польскаго, графъ Александръ Велепольскій, маркизъ Гонзаго-Мышковскій, въ юности выступилъ на политическое поприще въ качествѣ уполномоченнаго польскаго революціоннаго правительства 1831 года въ Лондонѣ. По усмиреніи мятежа, онъ воспользовался амнистіей и въ 1833 году вернулся на родину, гдѣ занялся сельскимъ хозяйствомъ въ обширныхъ своихъ помѣстьяхъ. Но тайною его мечтой было возвращеніе къ политической дѣятельности, для чего имъ была выработана цѣлая программа, предоставлявшая Царству Польскому полную автономію, а затѣмъ и введеніе снова въ дѣйствіе конституціи 1815 года. Чтобы расположить русское правительство въ пользу своего плана и заручиться его довѣріемъ, Велепольскій, послѣ извѣстной Галиційской рѣзни 1846 года, обнародовалъ, подъ заглавіемъ: «Письма польскаго дворянина къ князю Меттерниху», памфлетъ, въ которомъ высказывался за примиреніе Польши съ Россіей во имя общеславянской идеи [1]. Это обстоятельство, а также крутой и надменный нравъ маркиза, разссорило его съ вожаками эмиграціи и въ особенности съ основателемъ земледѣльческаго общества графомъ Андреемъ Замойскимъ, не допускавшимъ никакого компромисса въ отношеніяхъ поляковъ къ русскому правительству. Все это было выставлено въ надлежащемъ свѣтѣ князю Горчакову, который не замедлилъ выразить согласіе на вызовъ Велепольскаго въ Варшаву для совѣщанія съ нимъ о средствахъ выйти изъ положенія, представлявшагося намѣстнику въ высшей степени затруднительнымъ и едва ли не безвыходнымъ.

Въ разговорахъ съ Горчаковымъ, Велепольскій, хотя и соглашался на принятіе должности директора правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, но подъ условіемъ немедленнаго введенія всѣхъ проектированныхъ Энохомъ преобразованій, съ придачею къ нимъ и нѣсколькихъ другихъ, а именно: обязательнаго очиншеванія крестьянъ въ Царствѣ по составленному самимъ маркизомъ проекту, подъ личнымъ его руководствомъ; возстановленія варшавскаго университета; учрежденія, независимо отъ Государственнаго Совѣта, высшаго кассаціоннаго суда; выдѣленія общественныхъ работъ въ Царствѣ въ вѣдомство, независимо отъ главнаго управленія путями сообщенія въ Петербургѣ; уничтоженія должностей предводителей дворянства; изъятія государственныхъ преступленій изъ вѣдѣнія военныхъ судовъ; веденія всей офиціальной переписки исключительно на польскомъ языкѣ, а сношеній съ русскими властями—на французскомъ; учрежденія Сената изъ пожизненныхъ членовъ, какъ высшаго законодательнаго собранія, провинціальныхъ выборныхъ совѣтовъ и городского совѣта въ Варшавѣ. Сверхъ того, предвидя въ графѣ Андреѣ Замойскомъ непримиримаго противника, Ве-

[1] «Lettres d'un gentilhomme Polonais au Prince de Metternich». У Лисицкаго «Le Marquis Wielpolski, sa vie et son temps», т. I, стр. 315—337.

лепольскій требовалъ непремѣннаго распущенія предсѣдательствуемаго имъ земледѣльческаго общества. Всѣ эти нововведенія были изложены въ пространной запискѣ, которую князь-намѣстникъ, въ дополненіе къ докладу Эноха, также препроводилъ къ государю [1].

Тотчасъ по прибытіи Карницкаго въ Петербургъ императоръ увѣдомилъ Горчакова, что на присылку офиціальной депутаціи онъ рѣшительно не согласенъ» [2]. Отвѣтъ свой на дальнѣйшія сообщенія намѣстника государь отправилъ черезъ два дня—25-го февраля. То былъ рескриптъ на имя князя Горчакова: «Я читалъ прошеніе ваше, ко мнѣ препровожденное. Оно могло бы быть оставлено мною вовсе безъ вниманія, какъ мнѣніе нѣсколькихъ лицъ, которыя, подъ предлогомъ возбужденныхъ на улицѣ безпорядковъ, присвоиваютъ себѣ право осуждать произвольно весь ходъ государственнаго управленія въ Царствѣ Польскомъ. Но я готовъ видѣть во всемъ этомъ лишь одно увлеченіе. Всѣ заботы мои посвящены дѣлу важныхъ преобразованій, вызываемыхъ въ моей Имперіи ходомъ времени и развитіемъ общественныхъ интересовъ. Тѣ же самыя попеченія распространяются безраздѣльно и на подданныхъ моихъ въ Царствѣ Польскомъ. Ко всему, что можетъ упрочить ихъ благоденствіе, я никогда не былъ и не буду равнодушнымъ. Я уже на дѣлѣ доказалъ имъ мое искреннее желаніе распространить и на нихъ благотворныя дѣйствія улучшеній истинно полезныхъ, существенныхъ и постепенныхъ. Неизмѣнны пребудутъ во мнѣ таковыя желанія и намѣренія. Я въ правѣ ожидать, что попеченія мои не будутъ затрудняемы, ни ослабляемы требованіями несвоевременными или преувеличенными, или несовмѣстными съ настоящими пользами моихъ подданныхъ. Я исполню всѣ мои обязанности, но ни въ какомъ случаѣ не потерплю нарушенія общественнаго порядка. На такомъ основаніи созидать что-либо невозможно. Всякое начало, порожденное подобными стремленіями, противорѣчитъ самому себѣ. Я не допущу до сего. Не допущу никакого вреднаго направленія, могущаго затруднить или замедлить постепенное правильное развитіе и преуспѣваніе благосостоянія сего края, которое будетъ всегда и постоянно цѣлью моихъ желаній и попечительности» [3].

Одновременно съ рескриптомъ, государь извѣстилъ намѣстника, что, по повелѣнію его, въ статсъ-секретаріатѣ по дѣламъ Царства Польскаго разрабатывается проектъ преобразованій, предположенныхъ для Царства и долженствующихъ внести значительныя улучшенія въ существующія учрежденія. Императоръ поручилъ Горчакову прочесть рескриптъ пяти лицамъ, вручившимъ прошеніе на высочайшее имя, предваривъ ихъ и о

1 О переговорахъ Велепольскаго съ княземъ М. Д. Горчаковымъ, см. то же сочиненіе, т. II, стр. 157—162.

2 Государь князю М. Д. Горчакову, 24-го февраля 1861 г.

3 Государь князю М. Д. Горчакову, 25-го февраля 1861 г.

готовящихся законодательныхъ мѣрахъ; самый же рескриптъ приказалъ обнародовать во всеобщее свѣдѣніе, такъ какъ прошеніе поляковъ давно уже появилось въ заграничныхъ газетахъ [1].

Повелѣніе государя намѣстникъ исполнилъ лишь на половину. Пригласивъ въ За́мокъ лицъ, подписавшихъ прошеніе, князь прочиталъ имъ рескриптъ, который, какъ доносилъ онъ,—«и принятъ ими безъ всякихъ измѣненій». «Но»,—присовокуплялъ намѣстникъ,—«въ неизвѣстности еще въ публикѣ конфиденціальныхъ внушеній о будущихъ улучшеніяхъ онъ могъ бы произвести на первыхъ порахъ невыгодное впечатлѣніе, которое потомъ было бы трудно изгладить» [2]. «Требую, чтобы рескриптъ былъ напечатанъ въ газетахъ немедля», настаивалъ императоръ [3], и получилъ въ отвѣтъ: «Рескриптъ сейчасъ печатается во всѣхъ газетахъ. Я вчера еще, послѣ моей депеши, рѣшился его публиковать сегодня» [4]. «Ces tergiversations sont déplorables!» (Колебанія эти жалости достойны),—надписалъ государь на послѣдней телеграммѣ князя Горчакова.

Впрочемъ, этимъ не ограничились слабость и нерѣшительность намѣстника, доводившія его до прямого ослушанія высочайшей волѣ. Государь требовалъ распущенія выборной городской делегаціи: Горчаковъ отстаивалъ ее, увѣряя, что полное дѣйствіе полиціи возстановлено уже восемь дней назадъ; что делегація города не имѣетъ никакой офиціальной власти; что патрулей отъ нея не выставляется, и что она только способствуетъ спокойствію города частными внушеніями гражданамъ и тому подобное [5]. Государь стоялъ на своемъ: «Упразднена ли городская делегація?»—спрашивалъ онъ снова. «Считаю мѣру эту необходимою, такъ же какъ и запрещеніе всякихъ клубовъ или другихъ подобныхъ сборищъ» [6]. Отвѣтъ Горчакова: «Делегацію я съ вчерашнимъ курьеромъ испрашивалъ разрѣшенія на время не упразднять, ибо въ настоящую минуту она поле́зна, не допуская демонстрацій. Дозвольте пріостановиться роспускомъ ея до полученія этого курьера. Большія сборища бывали въ варшавскомъ ресурсѣ (клубѣ). Со вчерашняго дня сдѣлано распоряженіе, чтобы туда пускали только членовъ-посѣтителей по билетамъ, по уставу. О другихъ сборищахъ приму мѣры» [7]. Но въ дѣйствительности никакихъ мѣръ въ Варшавѣ не принималось. Государь, хотя и неохотно, согласился на увольненіе Трепова отъ должности варшавскаго оберъ-полиціймейстра, предоставивъ выбору намѣстника назначеніе его преемника [8]. Горчаковъ до-

[1] Государь князю М. Д. Горчакову, 25-го февраля 1861 г.

[2] Князь М. Д. Горчаковъ военному министру, 1-го марта 1861 г.

[3] Государь князю М. Д. Горчакову, 2-го марта 1861 г.

[4] Князь М. Д. Горчаковъ военному министру, 2-го марта 1861 г.

[5] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 2-го марта 1861 г.

[6] Государь князю М. Д. Горчакову, 6-го марта 1861 г.

[7] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 7-го марта 1861 г.

[8] Государь князю М. Д. Горчакову, 6-го марта 1861 г.

носилъ, что хотѣлъ было назначить адъютанта своего Мезенцова, но, пояснилъ онъ, «во всѣ дни демонстрацій я его посылалъ во всѣ мѣста, гдѣ происходили безпорядки, и съ тѣхъ поръ его вездѣ ненавидятъ, называя палачомъ»[1]. Императоръ замѣтилъ, что вовсе не считаетъ это возраженіе препятствіемъ къ назначенію Мезенцова[2]. Тѣмъ не менѣе, завѣдываніе полиціей было ввѣрено поляку Кроненскому. Возвращаясь къ вопросу о делегаціи, государь признавалъ ея дальнѣйшее существованіе рѣшительно вреднымъ и, требуя немедленнаго ея упраздненія, спрашивалъ: «Правда ли, что собирается подписка для монумента надъ убитыми? Таковую не допускать и особаго монумента не дѣлать»[3]. На это третье подтвержденіе послѣдовалъ отвѣтъ: «Делегація завтра упраздняется. Пожертвованія для памятника дѣлаются нераздѣльно отъ пособія для семействъ убитыхъ и раненыхъ. Сооруженія памятника не допущу»[4]. Два дня спустя, Горчаковъ, хотя и доносилъ объ упраздненіи делегаціи, но прибавлялъ, что восемь лицъ изъ нея будутъ засѣдать «для пользы города» въ магистратѣ[5]. Такія отступленія отъ точнаго смысла высочайшихъ повелѣній намѣстникъ скрашивалъ увѣреніемъ, что царскій рескриптъ произвелъ хорошее впечатлѣніе на всѣхъ умѣренныхъ, которые «продолжаютъ дѣйствовать на умы, и можно надѣяться на успѣхъ»[6].

Спокойствіе въ Варшавѣ продолжалось, однако, недолго. По распоряженію организаторовъ мятежа, мужчины облеклись въ національные костюмы, женщины—въ глубокій трауръ по родинѣ. Революціонные гимны раздавались во всѣхъ костелахъ, по всему пространству Царства Польскаго. Скоро возобновились и уличныя демонстраціи въ Варшавѣ. Поводомъ къ первой изъ нихъ послужилъ отъѣздъ Муханова, отставленнаго отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, какъ первая искупительная жертва полякамъ. 11-го марта на вокзалѣ Вѣнской желѣзной дороги собралась густая толпа къ отходу вечерняго поѣзда. Не найдя въ немъ Муханова—первую станцію онъ проѣхалъ въ каретѣ—толпа волновалась, кричала и разбила нѣсколько стеколъ въ поѣздѣ. На третій день та же толпа собралась на площади противъ театра и вышибла стекла въ домѣ, занимаемомъ однимъ русскимъ генераломъ[7]. Снова государь телеграфировалъ намѣстнику: «Возобновленіе безпорядковъ, подобныхъ тому, что было въ субботу и въ понедѣльникъ, не должно быть допускаемо»[8]. Дѣй-

[1] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 7-го марта 1861 г.

[2] Государь князю М. Д. Горчакову, 8-го марта 1861 г.

[3] Государь князю М. Д. Горчакову, 9-го марта 1861 г.

[4] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 9-го марта 1861 г.

[5] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 11-го марта 1861 г.

[6] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 4-го марта 1861 г.

[7] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 13-го и 14-го марта 1861 г.

[8] Государь князю М. Д. Горчакову, 14-го марта 1861 г.

ствительнѣйшимъ къ тому средствомъ князь М. Д. Горчаковъ считалъ опубликованіе назначенія Велепольскаго директоромъ комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а также «сокращенной программы царскихъ милостей», которую сообщилъ ему по телеграфу двоюродный братъ его, министръ иностранныхъ дѣлъ, князь А. М. Горчаковъ [1].

Между тѣмъ, въ Петербургѣ, въ статсъ-секретаріатѣ по дѣламъ Царства Польскаго, торопливо составлялся проектъ новыхъ учрежденій, которыя рѣшено было даровать этому краю. Въ основаніе проекта приняты записки Эноха и Велепольскаго, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями. Проектъ обсуждался и разсматривался въ Совѣтѣ министровъ въ высочайшемъ присутствіи и 14-го марта государь приложилъ къ нему свою подпись.

Въ видахъ развитія и улучшенія установленій края, взамѣнъ общаго собранія варшавскихъ департаментовъ Сената, возстановлялся Государственный Совѣтъ Царства Польскаго изъ духовныхъ сановниковъ и лицъ, назначенныхъ высочайшею властью, подъ предсѣдательствомъ царскаго намѣстника. Независимо отъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію упраздненнаго общаго собранія Сената, Государственному Совѣту ввѣрялось разсмотрѣніе: годовой смѣты доходовъ и расходовъ Царства, отчетовъ главноначальствующихъ всѣми частями управленія, а также донесеній генеральнаго контролера и ревизіи денежныхъ отчетовъ, представленій вновь учреждаемыхъ выборныхъ губернскихъ совѣтовъ, наконецъ просьбъ и жалобъ на злоупотребленія служащихъ лицъ въ нарушеніи ими законовъ; основывалась отдѣльная правительственная комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; въ губерніяхъ и уѣздахъ учреждались выборные совѣты, періодически созываемые для совѣщаній о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, съ правомъ входить о нихъ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ Царства; такіе же совѣты учреждались въ Варшавѣ и значительнѣйшихъ городахъ для завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ [2]. Составъ и кругъ дѣятельности какъ Государственнаго Совѣта, такъ и выборныхъ совѣтовъ въ губерніяхъ и уѣздахъ и городахъ подробно опредѣленъ въ двухъ послѣдующихъ указахъ, изданныхъ шесть недѣль спустя [3].

Обнародованіе высочайше дарованныхъ милостей въ Варшавѣ сопровождалось слѣдующимъ воззваніемъ намѣстника: «Поляки, важныя обстоятельства настоящей минуты побуждаютъ меня обратиться къ вамъ еще разъ со словами порядка и разсудка. Учрежденія, всемилостивѣйше дарованныя государемъ императоромъ и царемъ Царству Польскому служатъ ручательствомъ интересовъ вашего края, самыхъ дорогихъ, интере-

[1] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 14-го марта 1861 г.

[2] Высочайшій указъ, 14-го марта 1861 г.

[3] Высочайшіе указы, 24-го мая 1861 г.

Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.

(Съ гравированнаго портрета, изд. Баумана.)

совъ для вашихъ сердецъ, религіи и народности. Государю императору угодно, чтобы эти учрежденія были введены въ дѣйствіе въ возможной скорости и со всею искренностью. Дабы осуществить это, явите единодушное желаніе сохранить порядокъ и спокойствіе и остерегайтесь безпорядковъ, которыхъ не потерпитъ правительство,—ибо каждое правительство обязано ихъ сдерживать»[1].

Одновременно съ обнародованіемъ преимуществъ, высочайше дарованныхъ Царству Польскому, министръ иностранныхъ дѣлъ довелъ о нихъ до свѣдѣнія европейскихъ дворовъ чрезъ посредство русскихъ при нихъ дипломатическихъ представителей. Въ окружномъ посланіи князь А. М. Горчаковъ писалъ по этому поводу:

«Изъ высочайшаго рескрипта, на имя намѣстника Царства Польскаго послѣдовавшаго, вы усмотрѣли сужденіе, произнесенное государемъ императоромъ о послѣднихъ событіяхъ въ Варшавѣ. Въ полномъ сознаніи своей силы и въ чувствахъ любви къ подданнымъ своимъ, его императорскому величеству благоугодно было приписать случившееся одному увлеченію, хотя, въ виду безпорядковъ на улицахъ, можно было бы произнесть приговоръ болѣе строгій. Только во вниманіе къ этому увлеченію и дабы дать время взволнованнымъ умамъ успокоиться, мѣстныя власти не приняли тѣхъ мѣръ къ укрощенію, которыя онѣ имѣли право и возможность употребить въ данномъ случаѣ. Но государю императору угодно было не ограничить этимъ своего великодушнаго снисхожденія. Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, состоявшійся 19-го февраля, свидѣтельствуетъ объ отеческой попечительности, коею его императорское величество объемлетъ народы, ввѣренные ему Божественнымъ Промысломъ. Россія и Европа могли убѣдиться, что его величество не только не устраняетъ и не отсрочиваетъ преобразованій, вызываемыхъ развитіемъ идей и общественныхъ интересовъ, но, рѣшительно приступивъ къ дѣлу, совершаетъ его съ неослабною послѣдовательностію. Тѣ же попеченія простираетъ всемилостивѣйшій государь нашъ и на подданныхъ своихъ Царства Польскаго, и потому его императорскому величеству не угодно было, чтобы случайное, хотя и прискорбное событіе пріостановило исполненіе его предначертаній. Прилагаемый при семъ экземпляръ высочайшаго указа объяснитъ вамъ новыя учрежденія, дарованныя Царству Польскому высочайшею его императорскаго величества волею». —Слѣдовало перечисленіе этихъ учрежденій, послѣ чего министръ продолжалъ: «Такими учрежденіями доставляется новое ручательство нравственнымъ и матеріальнымъ потребностямъ края; указано ему законное средство для предъявленія своихъ пользъ и нуждъ; наконецъ, упрочена возможность улучшеній, основанныхъ на опытѣ, указанія коего

[1] Воззваніе намѣстника къ полякамъ, 16-го марта 1861 г.

будутъ всегда принимаемы въ соображеніе, въ границахъ справедливости и возможности. Успѣхъ новыхъ учрежденій будетъ зависѣть въ равной степени отъ довѣрія Царства Польскаго къ благимъ намѣреніямъ государя императора и отъ той мѣры, въ какой оно оправдаетъ нынѣ оказываемое ему довѣріе. Воля государя императора, чтобы все имъ дарованное было цѣлою правдою (L'Empereur veut que ce qu'il accorde soit une vérité). Убѣжденіе его—что онъ добросовѣстно исполнилъ долгъ свой, открывая подданнымъ своимъ Царства Польскаго путь законнаго преуспѣянія; искреннее его желаніе, чтобы они неуклонно къ нему слѣдовали. Его величество твердо увѣренъ, что цѣль эта будетъ достигнута, если намѣренія его встрѣтятъ признаніе и содѣйствіе въ благоразуміи страны» [1].

Событія не оправдали радужныхъ надеждъ. Неутомимой дѣятельности и несомнѣнной энергіи Велепольскаго, въ рукахъ котораго со дня вступленія въ новую должность сосредоточились всѣ нити внутренняго управленія Царствомъ, не удалось сдержать революціоннаго движенія, поддерживаемаго извнѣ эмиграціею, руководимаго внутри вожаками мятежа, не отступавшими ни передъ какою крайностью. Среди своихъ соотечественниковъ-поляковъ маркизъ оставался одинокимъ, не встрѣчая ни содѣйствія, ни сочувствія. Что конечная цѣль его была та же, что и преслѣдуемая бунтовщиками: полное отдѣленіе Польши отъ Россіи и возстановленіе независимаго государства польскаго въ предѣлахъ, какія имѣло оно до перваго раздѣла, и что различествовалъ онъ съ ними только въ средствахъ къ достиженію цѣли,—этого Велепольскій не могъ провозгласить во всеуслышаніе, а по наружнымъ признакамъ онъ являлся полякамъ лишь честолюбцемъ, купившимъ власть цѣною отреченія отъ завѣтныхъ національныхъ вѣрованій. Съ первыхъ шаговъ своихъ въ качествѣ правительственнаго дѣятеля маркизъ возстановилъ противъ себя вліятельное католическое духовенство высокомѣрнымъ обращеніемъ съ его высшими представителями, помѣстное дворянство—закрытіемъ земледѣльческаго общества, успѣвшаго къ короткій періодъ существованія пустить глубокіе корни въ краѣ. Послѣдняя мѣра была избрана предлогомъ для возобновленія уличныхъ демонстрацій. 27-го марта намѣстникъ донесъ въ Петербургъ: «Вчера была большая манифестація въ честь упраздненнаго земледѣльческаго общества. Я вывелъ войска. Толпа долго стояла по улицамъ и разошлась. Дѣло обошлось безъ кровопролитія» [2]. Не то было на слѣдующій день, какъ явствуетъ изъ телеграммы князя Горчакова: «Вчера снова противъ Зàмка собралось скопище. Оно разогнано оружіемъ и бои нѣсколько разъ возобновлялся. Жителей убито

[1] Циркуляръ князя А. М. Горчакова, 14-го апрѣля 1861 г.

[2] Князь М. Д. Горчаковъ военному министру, 27-го марта 1861 г.

около десяти, раненыхъ столько же. Взято упорныхъ до 15 человѣкъ. Нашихъ убито пять человѣкъ»[1].

«Варшавскія безпорядки меня не удивляютъ»,—не безъ горечи отвѣчалъ государь,—«ибо мы ихъ ожидали. Надѣюсь, что порядокъ будетъ возстановленъ энергическими мѣрами безъ всякихъ уступокъ. Если они будутъ возобновляться, городъ объявить въ осадномъ положеніи. Въ числѣ убитыхъ есть ли офицеры и между арестованными кто нибудь изъ важныхъ зачинщиковъ? Ресурсъ необходимо закрыть»[2]. Отвѣтныя телеграммы намѣстника не вполнѣ удовлетворили императора: Горчаковъ доносилъ, что хотя спокойствіе и возстановилось въ городѣ, но что народъ очень раздраженъ и еще болѣе испуганъ; что имъ объявляется новое положеніе противъ скопищъ, но осадное положеніе не объявляется, ибо намѣстникъ «держитъ его послѣднею угрозой», тѣмъ болѣе, что оно на дѣлѣ существуетъ; что изъ офицеровъ никто не убитъ и между арестованными нѣтъ главныхъ зачинщиковъ, «но есть нахалы»; что ресурсъ «самъ закрылся и останется закрытымъ»[3].

По прибытіи курьера съ письменнымъ донесеніемъ, императоръ телеграфировалъ князю Горчакову: «Дай Богъ, чтобы урокъ, данный варшавскому населенію 27-го марта, отбилъ охоту отъ подобныхъ сборищъ. Требую, чтобы при первомъ возобновленіи оныхъ осадное положеніе было объявлено какъ въ Варшавѣ, такъ и въ провинціи. Присылайте подробныя свѣдѣнія о томъ, что̀ тамъ происходитъ»[4]. На столь точное приказаніе намѣстникъ опять далъ крайне неопредѣленный отзывъ: «Немедленно послѣ необходимости разсыпать новое сборище оружіемъ, городъ будетъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Но я сего здѣсь скоро не предвижу, ибо здѣсь замѣтно все ускромляется»[5].

Тѣмъ временемъ, революціонное движеніе не только усиливалось въ Варшавѣ съ каждымъ днемъ, но стало распространяться и на провинцію. Безпрестанная душевная тревога отразилась на здоровьѣ старца-намѣстника. Силы его видимо слабѣли. 14-го мая высочайше повелѣно исправляющему должность варшавскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанту Мерхелевичу, за болѣзнью князя Горчакова, вступить въ управленіе гражданской частью и предсѣдательствовать въ совѣтѣ управленія, впредь до пріѣзда военнаго министра Сухозанета, которому государь поручилъ временное исправленіе должности намѣстника[6].

Прибывшій 23-го мая въ Варшаву генералъ-адъютантъ Сухозанетъ

[1] Князь М. Д. Горчаковъ государю, 28-го марта 1861 г.

[2] Государь князю М. Д. Горчакову, 28-го марта 1861 г.

[3] Князь М. Д. Горчаковъ военному министру, 28-го марта 1861 г.

[4] Государь князю М. Д. Горчакову, 1-го апрѣля 1861 г.

[5] Князь М. Д. Горчаковъ военному министру, 2-го апрѣля 1861 г.

[6] Военный министръ Сухозанетъ генералу Мерхелевичу, 14-го мая 1861 г.

уже не засталъ въ живыхъ князя Горчакова, скончавшагося 18-го числа. Задача военнаго министра была поддержать порядокъ и спокойствіе въ краѣ до прибытія новаго намѣстника, на должность котораго государь назначилъ близкое къ себѣ и довѣренное лицо, къ тому же католика по вѣроисповѣданію, генералъ-адъютанта графа К. К. Ламберта.

Въ послѣдніе дни жизни Горчакова всеобщее возбужденіе въ Царствѣ Польскомъ постоянно возрастало. Стычки населенія съ полиціей повторялись чуть не ежедневно. Демонстраціи возвѣщались заранѣе и сопровождались пѣніемъ революціонныхъ гимновъ, въ церквахъ и на улицахъ при явномъ потворствѣ и даже соучастіи духовенства. На кладбищахъ служили панихиды по февральскимъ жертвамъ. Въ виду полной дезорганизаціи полиціи, временной намѣстникъ возложилъ на войска заботу о соблюденіи тишины и порядка какъ въ Варшавѣ, такъ и въ прочихъ городахъ Царства Польскаго. Не стѣсняясь распоряженіями своего предшественника, онъ, въ силу военнаго положенія, объявленнаго Паскевичемъ въ 1833 году и съ тѣхъ поръ формально не отмѣненнаго, сталъ однихъ изъ задержанныхъ участниковъ демонстрацій предавать полевому военному суду, другихъ—высылать изъ предѣловъ Царства во внутреннія губерніи Имперіи административнымъ порядкомъ. Такой энергичный образъ дѣйствій, одобренный государемъ, не замедлилъ принести плоды. Возвѣщенныя демонстраціи оставались безъ исполненія. Наружное спокойствіе въ Варшавѣ возстановилось мало-по-малу.

31-го іюля поляки намѣревались торжественною манифестаціею отпраздновать годовщину соединенія Литвы съ Польшею, но попытка эта предупреждена появленіемъ войскъ на улицахъ и площадяхъ, а также предварительными арестами. «Вчерашній день»,—доносилъ военный министръ государю,—«благодаря грозному присутствію войскъ, порядокъ въ городѣ нарушенъ не былъ, хотя волненіе было весьма значительное. Но дамы были въ цвѣтныхъ платьяхъ, лавки были заперты, вечеромъ была иллюминація внутри комнатъ. Словомъ, такого рода проявленія, кои не могутъ быть предупреждены и остановлены ни полиціею, ни силою оружія. Арестовано 30 человѣкъ»[1]. Извѣщая Сухозанета о скоромъ прибытіи въ Варшаву Ламберта, государь отвѣчалъ ему: «Въ системѣ дѣйствій не хочу никакой перемѣны и прошу васъ этимъ руководствоваться до его пріѣзда, не допуская ни подъ какимъ видомъ никакихъ демонстрацій и своеволій»[2]. Точно исполняя полученное повелѣніе, военный министръ телеграфировалъ нѣсколько дней спустя: «Вчера въ городѣ было отлично спокойно, ни малѣйшаго признака безпорядка: хотя демагогія удостовѣряетъ, что на это ею дано приказаніе, но я приписываю

[1] Сухозанетъ государю. 1-го августа 1861 г.

[2] Государь Сухозанету, 4-го августа 1861 г.

единственно грозной мѣрѣ 31-го іюля и произведеннымъ здѣсь до 14 лицъ арестованіямъ. Въ губернскихъ городахъ тою же мѣрою одновременно все удержано въ порядкѣ. Отправленіе ксендзовъ и неблагонадежныхъ людей въ Имперію и казематы крѣпостей до пріѣзда графа Ламберта, не стѣсняясь, по прежнему продолжать буду» [1]. «Энергичныя мѣры одобряю»,—отозвался государь [2].

Строгое преслѣдованіе нарушителей общественнаго порядка не препятствовало Сухозанету постепенно вводить въ дѣйствіе дарованныя Царству Польскому учрежденія. По назначеніи членовъ, пожизненныхъ и временныхъ, Государственнаго Совѣта изъ римско-католическихъ епископовъ и знатнѣйшихъ поляковъ, они были приведены къ присягѣ, и 4-го іюля собраніе это торжественно открыто временнымъ намѣстникомъ. Впрочемъ, выборы въ городской совѣтъ въ Варшавѣ отложены, по высочайшему повелѣнію, впредь до преобразованія варшавской полиціи.

Какъ образъ дѣйствій Сухозанета, такъ и достигнутые имъ результаты не могли, однако, не привести его къ столкновенію съ Велепольскимъ, проявившимъ, въ званіи члена совѣта управленія и главнаго директора правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, сначала скрытое противодѣйствіе, а потомъ и явное сопротивленіе распоряженіямъ временнаго намѣстника. При Горчаковѣ, маркизъ успѣлъ стать дѣйствительнымъ главою всего гражданскаго управленія въ Царствѣ, взявъ въ собственное завѣдываніе и комиссію юстиціи, а во главѣ всѣхъ прочихъ комиссій замѣнивъ русскихъ чиновниковъ поляками. Незадолго до кончины князя Михаила Дмитріевича, Велепольскій, въ запискѣ на имя государя, ходатайствовалъ о предоставленіи Царству Польскому новыхъ правъ и преимуществъ, которыя обезпечили бы послѣднему полную административную самостоятельность и ослабили бы послѣднія узы, связывавшія Царство съ Имперіей. Такъ настаивалъ онъ на скорѣйшемъ преобразованіи IX и X департаментовъ Сената въ верховный кассаціонный судъ; на объявленіи польскаго языка офиціальнымъ языкомъ въ Царствѣ; на дарованіи Государственному Совѣту Царства Польскаго національнаго герба, а всѣмъ чиновникамъ и даже членамъ выборныхъ совѣтовъ—такого же мундира [3].

Съ прибытіемъ генерала Сухозанета въ Варшаву, личное положеніе маркиза измѣнилось. Онъ пересталъ быть довѣреннымъ и вліятельнымъ совѣтникомъ намѣстника, опиравшагося преимущественно на русскую военную силу въ краѣ и вождей ея. Возникшія между ними несогласія по незначительнымъ поводамъ скоро перешли въ явный и рѣзкій антаго-

1 Сухозанетъ государю, 6-го августа 1861 г.

2 Государь Сухозанету, 6-го августа 1861 г.

3 Представленіе Велепольскаго государю, у Лисицкаго: «Le Marquis Wielopolski, sa vie et son temps», т. II, стр. 198—200.

низмъ. Обнародывая въ офиціальной газетѣ рѣчь, произнесенную Сухозанетомъ на обѣдѣ, данномъ въ день открытія засѣданій вновь образованнаго Государственнаго Совѣта, Велепольскій позволилъ себѣ передѣлать самыя его выраженія. Когда же состоялись распоряженія о преданіи бунтовщиковъ военному суду и о высылкѣ изъ Царства неблагонадежныхъ лицъ, то Велепольскій протестовалъ противъ этихъ мѣръ, подъ предлогомъ ихъ незаконности. Кончилось тѣмъ, что маркизъ подалъ въ отставку, «не признавая возможнымъ», какъ выразился онъ въ письмѣ къ Сухозанету, «при такихъ условіяхъ служить съ пользою императору и царю, какъ повелѣваютъ ему его лояльныя чувства и благо родины» [1]. Въ то же время, чрезъ посредство одного изъ петербургскихъ сановниковъ, съ которымъ связывала его тѣсная дружба, Велепольскій довелъ до высочайшаго свѣдѣнія о причинахъ своей размолвки съ Сухозанетомъ, обвиняя послѣдняго «въ замѣнѣ законнаго порядка военнымъ произволомъ».

Со своей стороны, военный министръ не скрылъ отъ государя всѣхъ этихъ пререканій съ польскимъ совѣтникомъ, присовокупивъ, что главная причина просьбы маркиза объ увольненіи—«рѣшенія мои противъ злоумышленниковъ внѣ правилъ мѣстнаго судебнаго порядка» [2]. Императоръ отвѣчалъ, что «весьма сожалѣетъ о намѣреніи Велепольскаго» и разрѣшилъ его сыну прибыть въ Петербургъ для личныхъ объясненій [3], которыя, повидимому, удовлетворили государя, такъ какъ вскорѣ послѣ того онъ протелеграфировалъ Сухозанету: «Желаю, чтобы маркизъ оставался при занимаемыхъ должностяхъ до пріѣзда графа Ламберта» [4].

Новый намѣстникъ прибылъ въ Варшаву 12-го августа и, вступивъ въ управленіе краемъ, обнародовалъ слѣдующій, на его имя, высочайшій рескриптъ: «Графъ Карлъ Карловичъ,—назначая васъ исправляющимъ должность намѣстника моего въ Царствѣ Польскомъ, я поручаю вамъ принять всѣ мѣры къ благоуспѣшному дѣйствію государственныхъ учрежденій, дарованныхъ Царству указомъ моимъ 14-го (26-го) марта сего года. Остаюсь при этомъ въ твердой увѣренности, что жители Царства Польскаго просвѣщеннымъ и здравымъ умомъ своимъ поймутъ, что только въ правильномъ развитіи этихъ учрежденій они могутъ обрѣсти залогъ дальнѣйшаго успѣха въ самобытности управленія и общественнаго благосостоянія, а не въ раздорѣ и народныхъ волненіяхъ, поставляющихъ преграды къ осуществленію лучшихъ моихъ намѣреній и предначертаній. Призовите къ содѣйствію въ трудахъ вашихъ людей способныхъ и благомыслящахъ, дабы дѣйствительныя нужды любезныхъ мнѣ подданныхъ восходили ко мнѣ, чрезъ посредство ваше, какъ законное выраженіе

[1] Велепольскій Сухозанету, 14-го іюля 1861 г.

[2] Сухозанетъ государю, 18-го іюля 1861 г.

[3] Государь Сухозанету, 27-го іюля 1861 г.

[4] Государь Сухозанету, 27-го іюля 1861 г.

общихъ желаній, зрѣло обдуманныхъ въ кругу просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ согражданъ, а не въ видѣ заявленій обманчивыхъ увлеченій, внушаемыхъ врагами всякаго порядка. Возстановите спокойствіе въ Царствѣ, а я, со своей стороны, съ радостью готовъ предать прошедшее забвенію, и на довѣріе ко мнѣ и любовь польскаго народа отвѣчать всегда тѣмъ же»[1].

Графъ Ламбертъ, не менѣе князя Горчакова, поддался вліянію Велепольскаго, убѣждавшаго его отступить отъ системы, принятой Сухозанетомъ, въ дѣйствіяхъ своихъ держаться строгой законности, ненарушимо соблюдать дарованную Царству Польскому административную автономію и всѣмъ своимъ распоряженіямъ и поступкамъ придавать національно-польскую окраску. По представленію намѣстника, Велепольскій не только утвержденъ въ должности директора коммиссіи юстиціи, но и назначенъ вице-предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта Царства. Въ донесеніяхъ государю Ламбертъ выражалъ надежду на успѣхъ принятыхъ имъ мѣръ въ отмѣну распоряженій своего предшественника, но императоръ, на извѣщеніе о вступленіи его въ должность отвѣтившій: «Дай Богъ, чтобы вступленіе твое въ управленіе было въ добрый часъ»[2], не раздѣлялъ этихъ ожиданій. Въ виду возобновившихся съ новою силою уличныхъ демонстрацій, онъ писалъ намѣстнику: «Послѣдующія телеграммы твои доказываютъ продолжающееся своеволіе. Оно долѣе терпимо быть не должно ни въ Варшавѣ, ни въ провинціяхъ, и потому требую, чтобы тѣ мѣстности, которыя ты сочтешь нужнымъ, были объявлены на военномъ положеніи»[3].

Не сдерживаемая болѣе желѣзной рукой Сухозанета, крамола снова вздымала дерзкую голову. Возобновились пѣніе гимновъ, шествія по улицамъ съ революціонными эмблемами и значками; женщины не покидали траура. Броженіе усилилось, когда въ Варшавѣ узнали о безпорядкахъ въ Вильнѣ, повлекшихъ за собою провозглашеніе военнаго положенія въ Литвѣ. Повторилось то, что въ самомъ началѣ смутъ уже происходило между государемъ и княземъ Горчаковымъ. Въ письмахъ и телеграммахъ къ Ламберту императоръ постоянно настаивалъ на строгихъ мѣрахъ къ обузданію своеволія, а намѣстникъ отговаривался подъ разными предлогали, внушаемыми ему Велепольскимъ. «Въ городѣ спокойно»,—доносилъ онъ по телеграфу въ концѣ августа.—«Объявлять военное положеніе теперь нѣтъ поводовъ, потому что положеніе не измѣнилось къ худшему, несмотря на то, что войска сняты. Къ тому же наружная полиція еще не устроена; тайной полиціи нѣтъ и мы сами мало

[1] Государь графу Ламберту, 6-го августа 1861 г.
[2] Государь графу Ламберту, 14-го августа 1861 г.
[3] Государь графу Ламберту, 20-го августа 1861 г.

ознакомлены съ дѣломъ. Немудрено, что будетъ волненіе въ день взятія Варшавы, но въ этомъ опасности не предвижу. Объявленіемъ же военнаго положенія волненій не предотвратить, а въ случаѣ необходимости войска у насъ всегда въ готовности. Не столько опасаюсь уличныхъ демонстрацій, сколько выборовъ» [1]. Но государь не сдавался на эти доводы. «Въ день взятія Варшавы»,—телеграфировалъ онъ,—«никакихъ демонстрацій не допускать, и если, несмотря на принятыя мѣры, таковыя состоятся, то Варшаву объявить непремѣнно на военномъ положеніи. Тѣмъ же руководствоваться и въ прочихъ мѣстностяхъ и приступить къ немедленному обезоруженію жителей» [2].

Годовщина взятія Варшавы, 26-е августа, прошла благополучно, но 30-го, въ именины государя, безпорядки повторились и революціонные гимны пѣлись въ католическомъ соборѣ во время торжественнаго богослуженія. Это подало поводъ императору замѣтить въ телеграммѣ къ Ламберту: «Изъ Литвы, со времени объявленія военнаго положенія, извѣстія удовлетворительны, что̀ меня еще болѣе подтверждаетъ въ необходимости принятія той же мѣры въ Царствѣ, въ случаѣ возобновленія подобныхъ безпорядковъ, какъ въ Варшавскомъ соборѣ, 30-го августа. Давно пора ихъ прекратить» [3]. Но намѣстникъ всячески уклонялся отъ этой рѣшительной мѣры, полагая, что наканунѣ выборовъ въ губернскіе и уѣздные совѣты она «испортитъ навсегда дѣло». «Не отвергаю необходимости»,—телеграфировалъ онъ,—«придти къ военному положенію, но предоставьте, государь, выбрать время. Ажитаторы рады вывести насъ изъ терпѣнія» [4]; на это императоръ возразилъ: «Радъ, что ты наконецъ самъ убѣдился въ необходимости военнаго положенія. Ажитаторы уже слишкомъ давно привыкли разсчитывать на наше терпѣніе, которое они приписываютъ нашей слабости и нерѣшительности. Еще разъ повторяю тебѣ: надо положить этому конецъ» [5].

Съ начала сентября манифестація въ костелахъ и на улицахъ и всякія безчинства происходили ежедневно, не взирая на начавшіеся выборы въ городскіе совѣты въ Варшавѣ и провинціи. Намѣстникъ увѣрялъ государя, что волненіе принимаетъ характеръ борьбы между крайнею и умѣренною партіями и заключалъ: «Объявить тотчасъ же военное положеніе не могу безъ вреда дѣлу. Выжидаю благопріятнаго момента, но его не пропущу» [6]. Однако, къ концу мѣсяца, собственное его мнѣніе измѣнилось. Довѣріе къ Велепольскому было сильно поколеблено событіями.

1 Графъ Ламбертъ государю, 23-го августа 1861 г.
2 Государь графу Ламберту, 24-го августа 1861 г.
3 Государь графу Ламберту, 3-го сентября 1861 г.
4 Графъ Ламбертъ государю, 5-го сентября 1861 г.
5 Государь графу Ламберту, 5-го сентября 1861 г.
6 Графъ Ламбертъ государю, 6-го сентября 1861 г.

Послѣдовавшая смерть архіепископа варшавскаго Фіалковскаго послужила поводомъ къ новымъ демонстраціямъ. Передъ печальною колесницею несли, въ числѣ прочихъ національныхъ эмблемъ, короны короля и королевы польскихъ и старый гербъ Рѣчи Посполитой: Бѣлаго орла съ гербами Литвы и Руси [1]. И когда государь, выразивъ неудовольствіе по этому поводу, опять потребовалъ немедленнаго объявленія военнаго положенія въ Царствѣ по окончаніи выборовъ [2], то графъ Ламбертъ уже болѣе не противился исполненію высочайшей воли [3].

30-го сентября происходило сборище въ мѣстечкѣ Городлѣ на Бугѣ, гдѣ, передъ фронтомъ высланныхъ туда для поддержанія порядка русскихъ войскъ, совершено было богослуженіе въ открытомъ полѣ въ память соединенія съ Польшею Литвы и Руси въ 1413 году. По этому поводу намѣстникъ телеграфировалъ государю: «Въ предупрежденіе новыхъ возмутительныхъ заявленій по случаю памяти о Костюшкѣ, долженствующей праздноваться завтра, 1-го октября, я призналъ необходимымъ безотложно объявить все Царство на военномъ положеніи. Въ городѣ войска занимаютъ свои мѣста нынѣшнею же ночью» [4]. Отвѣтъ государя былъ: «Дай Богъ, чтобъ объявленіе всего Царства на военномъ положеніи произвело тотъ результатъ, котораго я давно ожидаю» [5].

Въ воззваніи къ полякамъ намѣстникъ подробно перечислилъ причины, вынудившія его къ принятію этой строгой мѣры: оскорбленіе полиціи и войска; распространеніе возмутительныхъ листковъ; политическая окраска религіозныхъ торжествъ и манифестацій; обращеніе храмовъ въ мѣста противузаконныхъ сборищъ; соучастіе духовенства; пламенныя проповѣди ксендзовъ, возбуждающія ненависть и презрѣніе къ правительству; пѣніе революціонныхъ гимновъ; наконецъ, результатъ выборовъ, не оправдавшій ожиданій правительства, такъ какъ избранными оказались лица, подписавшія прошенія и адресы непозволительнаго содержанія. Всѣ эти дѣйствія, грозившія ниспроверженіемъ законной власти и ввергеніемъ края въ состояніе анархіи, не могутъ быть долѣе терпимы, объявлялъ намѣстникъ, и введеніе въ Царствѣ военнаго положенія является неизбѣжнымъ ихъ послѣдствіемъ. Графъ Ламбертъ приглашалъ благомыслящую часть населенія не отдаваться внушеніямъ зачинщиковъ смутъ, презирать ихъ угрозы и содѣйствовать правительству въ усиліяхъ его возстановить миръ и тишину въ краѣ. Главы семействъ приглашались наблюдать за членами семьи, въ особенности за малолѣтними дѣтьми, дабы охранить ихъ отъ опасности, сопряженной съ необходимостью под-

[1] Графъ Ламбертъ государю, 28-го сентября 1861 г.

[2] Государь графу Ламберту, 28-го сентября 1861 г.

[3] Графъ Ламбертъ государю, 1-го октября 1861 г.

[4] Графъ Ламбертъ государю, 30-го сентября 1861 г.

[5] Государь графу Ламберту, 2-го октября 1861 г.

держать порядокъ вооруженною силою. «Поляки»,—такъ заключалось воззваніе, исполненіемъ вашихъ обязанностей предъ государемъ, довѣріемъ вашимъ къ его примирительнымъ намѣреніямъ и покорностью установленнымъ отъ него властямъ вы приблизите время, когда мнѣ позволено будетъ ходатайствовать предъ его величествомъ о прекращеніи дѣйствія военныхъ законовъ и о возобновленіи трудовъ, долженствующихъ развить законнымъ путемъ всемилостивѣйше дарованныя Царству Польскому учрежденія» [1].

Первый день по объявленіи военнаго положенія прошелъ спокойно [2], но на другой день, 3-го октября, возвѣщенныя заранѣе панихиды по Костюшкѣ были отслужены въ трехъ варшавскихъ церквахъ, при обычномъ пѣніи революціонныхъ гимновъ. Войска оцѣпили храмы. Изъ одного изъ нихъ народъ вышелъ скрытымъ ходомъ; въ двухъ другихъ оставался всю ночь. На зарѣ приступлено къ задержанію всѣхъ мужчинъ. Войска вошли въ соборъ св. Яна и въ костелъ бернардиновъ и тамъ арестовали 1,600 человѣкъ посреди неописуемаго смятенія. Уличныя скопища разсѣевались патрулями и кавалерійскими разъѣздами. Происшествія эти послужили предлогомъ къ распоряженію временно завѣдывавшаго варшавскою римско-католическою епархіею, прелата Бялобржескаго, который, въ дерзкомъ письмѣ на имя намѣстника, протестовалъ противъ вторженія войскъ въ храмы, называя эту мѣру «возвращеніемъ къ временамъ Аттилы», и объявилъ о закрытіи всѣхъ костеловъ города Варшавы, съ воспрещеніемъ совершать въ нихъ богослуженіе. Городское духовенство поспѣшило повсемѣстно привести эту мѣру въ исполненіе. Однимъ изъ ея послѣдствій было самоубійство распоряжавшагося дѣйствіями войскъ варшавскаго генералъ-губернатора Герштенцвейга, послѣ бурнаго объясненія съ намѣстникомъ. Ламбертъ, самъ изнемогавшій подъ бременемъ тяжкаго тѣлеснаго недуга и сильныхъ душевныхъ волненій, донося государю о происшедшихъ событіяхъ, взывалъ: «Ради Бога пришлите кого-нибудь на наши мѣста» [3]. Отчаяніе намѣстника свидѣтельствовало о полномъ безначаліи, водворившемся въ мѣстномъ правительственномъ составѣ.

Находившійся въ Ливадіи императоръ Александръ тотчасъ вызвалъ туда изъ Одессы генералъ-адъютанта Лидерса и предложилъ ему должность намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, а впредь до прибытія его въ Варшаву вызвался замѣстить его тамъ возвращавшійся чрезъ этотъ городъ изъ заграничной поѣздки военный министръ Сухозанетъ. Выражая послѣднему благодарность свою за эту готовность, государь телеграфировалъ: «Прошу васъ дѣйствовать безъ всякаго послабленія и не допускать

[1] Воззваніе графа Ламберта къ полякамъ, 2-го октября 1861 г.

[2] Графъ Ламбертъ государю, 3-го октября 1861 г.

[3] Графъ Ламбертъ государю, 5-го октября 1861 г.

ни подъ какимъ видомъ своеволія. Виновныхъ судить по военному положенію и приговоры приводить въ исполненіе немедля»[1]. При первомъ извѣстіи о возвращеніи Сухозанета въ Царство, хотя и на время, Велепольскій подалъ въ отставку, но графъ Ламбертъ «нашелъ необходимымъ отъ имени государя его удержать». 10-го октября прибылъ въ Варшаву военный министръ, а Ламбертъ, сдавъ ему главное начальство надъ войсками и управленіе краемъ, на другой же день выѣхалъ за границу[2].

«Объявите Велепольскому»,—телеграфировалъ государь Сухозанету,—«что я желаю, чтобы онъ оставался на службѣ и что онъ этимъ докажетъ истинную свою преданность отечеству и мнѣ»[3]. Исполнивъ повелѣніе императора, военный министръ доносилъ: «Велепольскій отвѣтилъ уклончиво; хочетъ съ курьеромъ писать вашему величеству. Причина желанія удалиться есть убѣжденіе, что я съ усиленною строгостью буду исполнять военное положеніе, на которое онъ согласился въ надеждѣ смягченія графомъ Ламбертомъ, ибо объясненіе по сему имѣлъ съ нимъ Платоновъ. Мое убѣжденіе въ необходимости увольненія или по крайней мѣрѣ оставленія его при одной только юстиціи. Въ просвѣщеніи и въ особенности въ духовной комиссіи, онъ положительно вреденъ. Мнѣніе сіе раздѣляютъ графъ Ламбертъ и Платоновъ»[4]. Самъ Велепольскій упорно отказывался исполнить высочайшую волю. «Онъ сумасбродно продолжаетъ ослушаніе»,—телеграфировалъ Сухозанетъ,—«затрудняюсь въ рѣшительныхъ противъ него мѣрахъ, но терпѣть его поступки опасно»[5]. О дѣйствіяхъ маркиза военный министръ поручилъ отправленному въ Царское Село генералу Потапову лично доложить государю, а тѣмъ временемъ пріостановился сообщеніемъ Велепольскому высочайшаго повелѣнія: немедленно ѣхать въ Петербургъ, для представленія личныхъ объясненій императору. Принявъ и выслушавъ Потапова, Александръ Николаевичъ предписалъ Сухозанету по телеграфу: «Письмо ваше и его объясненія вполнѣ убѣдили меня, что Велепольскій не можетъ быть долѣе терпимъ въ Варшавѣ и потому объявите ему мое приказаніе о немедленномъ отправленіи сюда. Если онъ осмѣлится ослушаться, то арестовать въ цитадели и донести»[6].

Между тѣмъ Велепольскій все еще продолжалъ завѣдывать обѣими ввѣренными ему комиссіями и въ дѣйствіяхъ своихъ не отступалъ предъ явнымъ ослушаніемъ временному намѣстнику. Мало того: «онъ явно бравируетъ намѣстника», жаловался Сухозанетъ государю. «Я его ни

[1] Государь Сухозанету, 10-го октября 1861 г.
[2] Графъ Ламбертъ государю, 11-го октября 1861 г.
[3] Государь Сухозанету, 12-го октября 1861 г.
[4] Сухозанетъ государю, 13-го октября 1861 г.
[5] Сухозанетъ государю, 17-го октября 1861 г.
[6] Государь Сухозанету, 19-го октября 1861 г.

разу не видѣлъ: онъ вездѣ бываетъ, гдѣ меня не встрѣтитъ; все сіе для выиграція популярности въ оппозиціонной правительству партіи, въ чемъ отчасти и успѣлъ. Съ сохраненіемъ его, положеніе намѣстника и всего русскаго элемента невозможно»[1]. На объявленное ему высочайшее повелѣніе объ отправленіи въ Петербургъ строптивый сановникъ долго не давалъ отвѣта, а Сухозанетъ находилъ, что лучше допустить замедленіе, чѣмъ «эскландру», могущую увеличить популярность[2]. Наконецъ, маркизъ далъ знать, что выѣдетъ чрезъ три дня, и отсрочку эту Сухозанетъ призналъ справедливою, «ибо у него не было ни дорожнаго экипажа, ни шубы»[3]. Въ назначенный день, Велепольскій отправился въ Петербургъ, куда вскорѣ послѣдовалъ за нимъ и военный министръ, сдавшій 28-го октября должность намѣстника прибывшему за пять дней до того генералъ-адъютанту Лидерсу[4].

Въ кратковременное вторичное пребываніе военнаго министра въ Варшавѣ онъ принялъ цѣлый рядъ мѣръ для обузданія распущеннаго населенія, назначилъ новыхъ директоровъ въ комиссіи духовныхъ дѣлъ и юстиціи, вмѣсто отбывшаго Велепольскаго и русскимъ, Крузенштерномъ, замѣнилъ генерала Гечевича во главѣ комиссіи внутреннихъ дѣлъ; надъ задержанными участниками демонстрацій нарядилъ слѣдствіе, порученное особой слѣдственной комиссіи, а прелата Бялобржескаго, заключивъ въ цитадели, предалъ военному суду. Костелы оставались закрытыми, но это содѣйствовало лишь возстановленію порядка, такъ какъ съ прекращеніемъ богослуженія перестали пѣть и революціонные гимны. Къ пріѣзду Лидерса наружное спокойствіе въ городѣ было возстановлено.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла въ Царствѣ Польскомъ въ продолженіе всей зимы и весны слѣдующаго 1862 года. Подобно своему непосредственному предшественнику, генералъ Лидерсъ главную свою задачу полагалъ въ соблюденіи общественнаго порядка. Войска стояли лагеремъ на варшавскихъ улицахъ и площадяхъ; на зиму для офицеровъ выстроены теплые деревянные домики; патрули днемъ и ночью разъѣзжали по городу; приступлено къ обезоруженію обывателей, у которыхъ отобрано болѣе 7,000 ружей, кромѣ пистолетовъ, сабель, кинжаловъ и проч. Слѣдственная комиссія и военные суды продолжали дѣйствовать; ксендзовъ, виновныхъ въ участіи въ политическихъ демонстраціяхъ или въ произнесеніи возмутительныхъ проповѣдей, высылали на жительство внутрь Имперіи. Изъ прочихъ участниковъ манифестацій, наиболѣе виновныхъ присуждали къ каторжнымъ работамъ, къ отдачѣ въ рекруты или въ арестантскія роты, прочихъ—къ заключенію въ крѣпостяхъ или къ аресту

[1] Сухозанетъ государю, 19-го октября 1861 г.

[2] Сухозанетъ государю, 20-го октября 1861 г.

[3] Сухозанетъ государю, 23-го октября 1861 г.

[4] Лидерсъ государю, 24-го октября 1861 г.

на гауптвахтѣ. Уличенные въ соучастіи въ безпорядкахъ чиновники увольнялись отъ должностей, равно какъ и тѣ, жены и дѣти которыхъ носили трауръ и участвовали въ уличныхъ процессіяхъ. Прелатъ Бялобржескій, виновникъ закрытія богослуженія въ костелахъ, приговоренъ къ смертной казни, но помилованъ и заключенъ въ Бобруйскую крѣпость на одинъ годъ.

Но строгія мѣры намѣстника смягчались предписаніями изъ Петербурга. По сношенію съ папскимъ дворомъ, на мѣсто умершаго Фіалковскаго, архіепископомъ варшавскимъ назначенъ молодой прелатъ Фелинскій, бывшій преподавателемъ въ петербургской римско-католической духовной академіи. Тотчасъ по прибытіи въ Варшаву онъ совершилъ обрядъ «примиренія» (reconciliatio) освященіемъ костеловъ, якобы оскверненныхъ вторженіемъ въ нихъ русскихъ войскъ, послѣдствіемъ чего было открытіе ихъ и возобновленіе въ нихъ богослуженія. Въ первой произнесенной новымъ архіепископомъ проповѣди въ соборѣ онъ обратился къ своей паствѣ съ увѣщаніемъ не пѣть въ церквахъ возмутительныхъ гимновъ. «Я принесъ вамъ добрую вѣсть»,—сказалъ онъ.—«Я говорилъ съ государемъ, который объявилъ мнѣ, что не намѣренъ лишить васъ ни вѣры вашей, ни народности. Онъ сдержитъ свое обѣщаніе и даруетъ намъ все, чего мы законно желаемъ, подъ однимъ лишь условіемъ умиротворенія края». Но когда архіепископъ пригласилъ тѣхъ изъ присутствующихъ, которые вѣрятъ словамъ его, стать на колѣна, дабы принять его благословеніе, то храмъ мгновенно опустѣлъ. Это настолько подѣйствовало на впечатлительнаго прелата, что онъ отказался обнародовать пастырское посланіе въ томъ же смыслѣ, составленное имъ еще въ Петербургѣ и предварительно повергнутое на высочайшее воззрѣніе. Вслѣдъ затѣмъ запрещенные гимны стали опять распѣвать въ костелахъ по старому, женщины снова облеклись въ трауръ, возобновились даже уличныя процессіи съ революціонными значками, разныя манифестаціи въ національные памятные дни.

Въ годовщину восшествія на престолъ и въ день рожденія государя объявлено помилованіе большому числу политическихъ преступниковъ, участь прочихъ значительно смягчена. Многіе изъ нихъ возвращены въ Царство изъ ссылки, крѣпостей и арестантскихъ ротъ. Среди прощенныхъ немало находилось ксендзовъ и наиболѣе виновный изъ нихъ, прелатъ Бялобржескій. Возвращеніе его изъ Бобруйска въ Варшаву было тріумфальнымъ шествіемъ. Мужчины выпрягали лошадей изъ экипажа, женщины осыпали его цвѣтами. Густая толпа наполняла храмъ, въ которомъ онъ впервые отправлялъ богослуженіе, и привѣтствовала его восторженными кликами.

Незадолго до объявленія военнаго положенія произведены были выборы во всѣ губернскіе и уѣздные совѣты, созваніе которыхъ было, впро-

чемъ, отложено до возстановленія спокойствія въ краѣ. Но съ начала 1862 года признано возможнымъ открыть городскіе совѣты въ нѣкоторыхъ изъ наименѣе зараженныхъ революціонными происками городахъ, а 15-го мая произведены выборы въ городской совѣтъ въ самой Варшавѣ. Избранными оказались исключительно члены февральской делегаціи, въ томъ числѣ четыре лица, возвращенныя изъ ссылки или заключенія. Наконецъ, Государственный Совѣтъ Царства Польскаго продолжалъ свою дѣятельность, разсматривая внесенныя въ него Велепольскимъ проекты органическихъ законовъ, бюджетъ на 1862 годъ и отчеты управленій за 1860, тогда же упраздненъ, признанный излишнимъ, департаментъ по дѣламъ Царства въ Государственномъ Совѣтѣ Имперіи[1].

На такой благопріятный для поляковъ оборотъ, несомнѣнно, повліяло продолжительное пребываніе въ Петербургѣ маркиза Велепольскаго, которому оказанъ былъ тамъ благосклонный и даже милостивый пріемъ. Императоръ принялъ его въ частной аудіенціи въ Царскомъ Селѣ и, поблагодаривъ за службу, внимательно выслушалъ мнѣніе его о способахъ водворенія спокойствія въ Царствѣ Польскомъ. Маркизъ указывалъ на необходимость отдѣлить военное управленіе отъ гражданскаго, на что государь возразилъ, что объ этомъ не можетъ быть рѣчи при военномъ положеніи и что онъ, хотя и намѣренъ сохранить Царству дарованную ему автономію, но не потерпитъ ослабленія власти.

При дворѣ и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ Велепольскій нашелъ много друзей, сочувствовавшихъ его системѣ примиренія, въ числѣ которыхъ были три вліятельныхъ сановника: предсѣдатель Государственнаго Совѣта графъ Блудовъ и министры: иностранныхъ дѣлъ—князь Горчаковъ и внутреннихъ дѣлъ Валуевъ. Участливо относились къ нему и его мнѣніямъ два члена царской семьи: великій князь Константинъ Николаевичъ и великая княгиня Елена Павловна. Маркизъ усердно посѣщалъ кабинеты министровъ и петербургскія гостиныя, появлялся и на выходахъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ не безъ афектаціи занялъ мѣсто въ ряду членовъ дипломатическаго корпуса. По его настоянію, изготовленные имъ проекты законовъ по разнымъ вопросамъ государственнаго управленія вытребованы были изъ Варшавы и разсматривались въ особыхъ комитетахъ, а важнѣйшій изъ нихъ—положеніе объ очиншеваніи польскихъ крестьянъ—въ Главномъ Комитетѣ по устройству сельскаго состоянія. Къ Рождеству маркизъ хотя и былъ уволенъ отъ званія главнаго директора двухъ правительственныхъ комиссій, но съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта Царства Польскаго и при милостивой грамотѣ получилъ орденъ Бѣлаго орла, во вниманіе къ тому самоотверженію — какъ сказано въ грамотѣ, — какое онъ оказалъ, вступивъ въ

[1] Указъ Государственному Совѣту, 1-го января 1862 г.

составъ правленія Царства Польскаго при трудныхъ обстоятельствахъ, и полезныхъ трудовъ для общественной пользы». Въ слѣдующемъ мартѣ 1862 года, съ высочайшаго соизволенія, Велепольскій ѣздилъ на короткое время въ Варшаву для принятія участія въ посвященныхъ обсужденію его законопроектовъ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта Царства Польскаго [1].

Мысль маркиза объ отдѣленіи въ Польшѣ военной власти отъ гражданской, командованія войсками отъ управленія краемъ, скоро была усвоена въ высшихъ нашихъ правительственныхъ сферахъ; не отвергалъ ее и самъ императоръ, съ тѣмъ однако, чтобы должность начальника гражданскаго управленія поручить природному русскому. Выборъ государя остановился на Н. А. Милютинѣ, какъ на лицѣ, наиболѣе способномъ ввести въ Царствѣ Польскомъ всемилостивѣйше дарованныя ему учрежденія, и въ первыхъ числахъ апрѣля, по высочайшему повелѣнію, генералъ Милютинъ спѣшно вызвалъ брата изъ заграничнаго отпуска.

11-го мая, Николай Алексѣевичъ прибылъ въ Петербургъ прямо изъ Парижа и въ тотъ же день получилъ два знаменательныя письма. Въ первомъ великая княгиня Елена Павловна выражала желаніе, чтобы его «миновалъ опасный варшавскій постъ, который отнялъ бы его у Россіи, безъ всякаго шанса успѣха во враждебной странѣ, языкъ, законы и стремленія которой нужно еще изучить и которая долго еще будетъ обращать въ жертвы тѣхъ русскихъ, что будутъ посланы туда»; во второмъ письмѣ, другъ Милютина Головнинъ передавалъ ему мнѣніе великаго князя Константина Николаевича, совѣтовавшаго бывшему товарищу министра внутреннихъ дѣлъ категорически отказаться отъ должности въ Польшѣ, такъ какъ, по убѣжденію генералъ-адмирала, на должность эту «нуженъ не русскій, а полякъ» [2].

Истинный смыслъ обоихъ этихъ сообщеній младшій Милютинъ такъ разъяснялъ въ письмѣ изъ Петербурга къ женѣ своей: «Дѣло въ томъ, что промедленіе въ моемъ пріѣздѣ сюда не осталось безъ послѣдствій. Намѣреніе императора дошло до свѣдѣнія заинтересованныхъ лицъ. Велепольскій принялся за работу и, поддерживаемый княземъ Горчаковымъ и еще нѣсколькими особами, поколебалъ первоначальныя намѣренія государя. Придумали новую комбинацію: ввѣрить управленіе Царствомъ Велепольскому, а чтобъ успокоить тѣхъ, кто не вѣритъ въ его искренность, поставить надъ нимъ намѣстника, въ лицѣ самого великаго князя Константина. Къ величайшему удивленію всѣхъ, не исключая и императора, великій князь не только принялъ комбинацію, но и высказалъ необычайное рвеніе... Все это совершилось въ нѣсколько дней, можно почти ска-

[1] О пребываніи Велепольскаго въ Петербургѣ зимою 1861—1862 гг. см. у Лисицкаго: «Le Marquis Wielopolski, sa vie et son temps», т. II, стр. 247—301.

[2] Anatole Leroy-Beaulieu, «Un homme d'état russe», стр. 152, 153.

зать въ нѣсколько часовъ, и скромная моя личность, нечаянно выдвинутая было на первый планъ, очень скоро отодвинута на послѣдній, къ полному моему удовольствію» [1].

Государь ласково принялъ Н. А. Милютина, выражая сожалѣніе, что напрасно его потревожилъ, и, снисходя на его просьбу, продлилъ ему отпускъ до зимы, въ надеждѣ, какъ выразился императоръ, что, собравшись съ силами, онъ снова вернется на дѣйствительную службу.

Въ концѣ мая состоялся высочайшій указъ: «Его императорскому высочеству любезнѣйшему брату нашему, государю великому князю Константину Николаевичу повелѣваемъ быть намѣстникомъ нашимъ въ Царствѣ Польскомъ съ подчиненіемъ ему на правахъ главнокомандующаго всѣхъ войскъ, въ Царствѣ расположенныхъ». Другимъ указомъ отъ того же числа точно опредѣлены права и обязанности намѣстника, а также «предѣлы правъ гражданской власти въ Царствѣ». Признавая несовмѣстной съ настоящими обстоятельствами неограниченную власть, дарованную царскимъ намѣстникамъ въ царствованіе императора Александра I, государь облекалъ намѣстника, какъ своего представителя, полною властью, за исключеніемъ власти законодательной и случаевъ особой важности, подлежащихъ рѣшенію самого императора. Поддерживая въ Царствѣ порядокъ, безопасность и спокойствіе, намѣстникъ въ кругу своей административной и исполнительной власти дѣйствуетъ чрезъ посредство подчиненныхъ ему начальника гражданскаго управленія и командующаго войсками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ—главный начальникъ всѣхъ властей Царства и расположенныхъ тамъ войскъ. Онъ предсѣдательствуетъ въ Государственномъ Совѣтѣ Царства и въ Совѣтѣ управленія, но непосредственное завѣдываніе гражданскою частью въ Царствѣ принадлежитъ начальнику гражданскаго управленія. Замѣняя намѣстника въ Совѣтѣ управленія въ его отсутствіе, онъ имѣетъ рѣшительный голосъ въ случаѣ равенства голосовъ, будучи непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ правительственныхъ комиссій и прочихъ гражданскихъ властей того же разряда; онъ же по праву засѣдаетъ въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ занимаетъ первое мѣсто между членами Совѣта управленія. Разсмотрѣнію намѣстника подлежатъ протоколы засѣданій Совѣта управленія, съ правомъ пріостановить исполненіе всякой мѣры и повергнуть ее на верховное разрѣшеніе государя императора; постановленія Совѣта, включенныя въ собраніе законовъ, должны быть подписаны намѣстникомъ, но скрѣплены начальникомъ гражданскаго вѣдомства и главнымъ директоромъ подлежащей комиссіи. Намѣстникъ разсматриваетъ и рѣшаетъ всѣ дѣла высшаго управленія и военныя. Ему одному предо-

[1] Н. А. Милютинъ женѣ 16-го мая 1862 г., Anatole Leroy Beaulieu, «Un homme d'état russe», стр. 135

Графъ Өедоръ Өедоровичъ Бергъ.

Съ литографіи Тимма.

ставляется: обнародованіе высочайшихъ повелѣній и дневныхъ приказовъ касательно всѣхъ перемѣнъ въ управленіи; право помилованія и конфирмованія приговоровъ уголовныхъ судовъ, а также постановленій, разрѣшающихъ столкновенія властей, равно какъ и приговоровъ по политическимъ дѣламъ, впредь до обнародованія положительнаго закона по сему предмету; наконецъ, окончательное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ относительно военной силы, насколько она соприкасается съ гражданскимъ управленіемъ. Сверхъ того, намѣстникъ разсматриваетъ и представляетъ государю императору всѣ денежные отчеты и дѣла, подлежащія высочайшему рѣшенію. Всѣ прочія дѣла разрѣшаются начальникомъ гражданскаго вѣдомства и Совѣтомъ управленія [1].

Начальникомъ гражданскаго управленія тогда же назначенъ маркизъ Велепольскій. 27-го іюня онъ прибылъ уже въ Варшаву, куда, черезъ нѣсколько дней, долженъ былъ послѣдовать и августѣйшій намѣстникъ.

Сообщая Государственному Совѣту Царства Польскаго о назначеніи великаго князя Константина Николаевича, Лидерсъ выразилъ надежду, «что вся страна отвѣтитъ ожиданіямъ императора и царя, принимая искреннее участіе въ приведеніи въ исполненіе высокихъ и милостивыхъ его намѣреній, и что прибытіе августѣйшаго брата его императорскаго величества можетъ быть началомъ новой эпохи благоденствія для Царства. Отвѣтомъ подпольнаго комитета, руководившаго революціоннымъ движеніемъ въ Варшавѣ, было совершенное нѣсколько дней спустя покушеніе на жизнь бывшаго намѣстника. 15-го іюня, среди бѣлаго дня, въ Саксонскомъ саду, неизвѣстный выстрѣлилъ въ генерала Лидерса изъ пистолета и разбилъ ему челюсть. Убійца успѣлъ скрыться. Встревоженный Велепольскій тотчасъ обратился къ Константину Николаевичу съ убѣдительною просьбою ускорить прибытіемъ въ Варшаву. Великій князь, съ супругою, великою княгинею Александрою Іосифовною, пріѣхалъ туда 20-го іюня.

«Желанія ваши, любезный маркизъ»,—писалъ Велепольскому изъ Петербурга князь А. М. Горчаковъ,—«были тотчасъ же исполнены. Государь великій князь—посреди васъ и государыня великая княгиня, несмотря на свою беременность, пожелала сопровождать своего августѣйшаго супруга. Русская императорская семья не знаетъ робкой осмотрительности. Мы не смѣшиваемъ націи съ преступленіемъ, опозорившимъ Варшаву. Въ виду этого преступленія, прошу васъ выпрямиться во всю высоту вашей энергіи. Sic itur ad astra, любезный маркизъ. Въ нашъ злополучный вѣкъ вы обезпечиваете себѣ прекрасную страницу въ исторіи. Въ мои лѣта, я, по всей вѣроятности, долженъ завѣщать моимъ преемникамъ удовольствіе прочесть ее» [2]. Тогда же вице-канцлеръ, сообщая

[1] Высочайшіе указы, 27-го мая 1862 г.

[2] Письмо князя А. М. Горчакова маркизу Велепольскому, у Лисицкаго. «Le Marquis Wielopolski, sa vie et son temps», т. II, стр. 319.

объ этомъ событіи одному изъ русскихъ пословъ, пояснялъ: «Пріѣздъ въ Варшаву государя великаго князя Константина Николаевича, отправившагося туда тотчасъ по полученіи извѣстія о покушеніи, будетъ живымъ символомъ рѣшимости правительства не покидать системы примиренія и твердости. Онъ докажетъ, что одинокія преступленія не столкнутъ власть съ пути, почитаемаго ею соотвѣтствующимъ потребностямъ края».

Покушеніе на Лидерса недолго оставалось одинокимъ. На другой же день по пріѣздѣ, 21-го іюня, при выходѣ великаго князя изъ театра, сдѣланъ былъ и въ него выстрѣлъ изъ пистолета, въ упоръ. Пуля, пройдя чрезъ эполету, легко ранила его въ плечо. «Спалъ хорошо, лихорадки нѣтъ»,—телеграфировалъ Константинъ Николаевичъ государю;—«жена не испугана, осторожно ей сказали. Убійцу зовутъ Ярошинскій, портной подмастерье» [1]. Императоръ отвѣчалъ: «Слава Богу, что ты чувствуешь себя хорошо и что Санп (великая княгиня Александра Іосифовна) не была испугана. Общее участіе меня радуетъ и не удивляетъ. Могу то же сказать и здѣсь. Обнимаемъ васъ. Утромъ былъ у насъ благодарственный молебенъ» [2].

Такой же молебенъ отслуженъ и въ римско-католическомъ Варшавскомъ соборѣ архіепископомъ Фелинскимъ, произнесшимъ по этому случаю проповѣдь на текстъ: «Не убій». На пріемѣ въ За́мкѣ великій князь намѣстникъ сказалъ, обращаясь къ явившимся поздравить его съ чудеснымъ спасеніемъ чиновникамъ и почетнымъ лицамъ изъ поляковъ: «Вотъ уже второе преступленіе въ одну недѣлю. Провидѣніе охранило меня, и я считаю этотъ случай счастливымъ, потому что онъ указываетъ краю на то, какъ далеко зашла зараза. Я глубоко убѣжденъ, что благородная и великодушная польская нація отвергаетъ всякое соучастіе въ покушеніяхъ такого рода, но словъ недостаточно: нужно дѣло. Братъ мой желаетъ вашего счастья, вотъ почему онъ прислалъ меня сюда. Разсчитываю на вашу помощь, чтобы я могъ исполнить мою миссію. Дайте мнѣ возможность трудиться вамъ на благо и будьте увѣрены, что я совершу все, что̀ только въ моихъ силахъ». Обратясь къ графу Замойскому, великій князь спросилъ: «Вы, графъ, одобряете меня? Такъ дайте же руку» и, взявъ за руку Велепольскаго, прибавилъ: «Прошу, господа, вашего содѣйствія. Поддержите меня вашимъ нравственнымъ вліяніемъ, такъ какъ всякое правительство, лишенное поддержки націи, остается безсильнымъ».

Въ ближайшемъ засѣданіи Государственнаго Совѣта Царства маркизъ Велепольскій воскликнулъ: «Если удары убійцъ станутъ снова отыскивать жертвы, то пусть лучше обратятся они на мою грудь, чѣмъ мнѣ пережить добродѣтели отцовъ нашихъ и честь польскаго имени». На вызовъ

[1] Великій князь Константинъ Николаевичъ государю, 21-го іюня 1862 г.

[2] Государь великому князю Константину Николаевичу, 22-го іюня 1862 г.

этотъ отвѣтили два покушенія на жизнь маркиза, оба, впрочемъ, неудавшіяся. Всѣ три убійцы были судимы военнымъ судомъ и повѣшены на гласисѣ варшавской цитадели.

По совершеніи этихъ казней, великій князь-намѣстникъ обратился къ полякамъ съ воззваніемъ, предварительно представленнымъ на утвержденіе государя и удостоившимся высочайшаго одобренія. «Дай Богъ, чтобъ это воззваніе возымѣло благотворное дѣйствіе»,—надписалъ императоръ Александръ на проектѣ. Великій князь, увѣщевая поляковъ отречься отъ всякой солидарности съ виновниками совершенныхъ преступленій, зачинщиками безпорядковъ, сѣятелями смуты, терроризующими и позорящими страну,—обѣщалъ немедленное приведеніе въ исполненіе новыхъ законовъ объ организаціи Государственнаго Совѣта Царства, объ учрежденіи учебныхъ заведеній, о переводѣ крестьянъ съ барщины на оброкъ, о дарованіи правъ евреямъ, объ образованіи городскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ, наконецъ, объ административныхъ преобразованіяхъ, и убѣждалъ жителей Царства направить всѣ усилія, чтобы законы эти не были парализованы партіей преступленія, которая жертвуетъ благомъ страны осуществленію своихъ безсмысленныхъ началъ и помышляетъ лишь о разрушеніи, сама ничего не создавая. «Поляки»,—такъ заключалось воззваніе,—«ввѣрьтесь мнѣ, какъ я ввѣрился вамъ. Да одушевляетъ насъ единое чувство. Будемъ трудиться сообща и въ мирѣ для счастья Польши, моля Бога, чтобы Онъ благословилъ наши усилія, и новая эра благосостоянія и довольства откроется для отчизны, которую вы такъ любите».

Странный отвѣтъ послѣдовалъ на великокняжеское воззваніе. То былъ адресъ, подписанный польскими дворянами, въ числѣ болѣе 300 съѣхавшимися въ Варшаву, но на имя не намѣстника, а графа Андрея Замойскаго, какъ «представителя и истолкователя духа націи», съ просьбою довести о содержаніи адреса до свѣдѣнія великаго князя. Адресъ требовалъ возвращенія Польшѣ ея древнихъ правъ и вольностей. «Мы не отказываемъ», говорилось въ немъ, «въ нашемъ содѣйствіи образованію новыхъ учрежденій; мы хотимъ только заявить, что мѣры, принятыя доселѣ въ странѣ, довели возбужденіе умовъ до такой степени, что ни военная сила, ни чрезвычайные суды, ни тюрьма, ни ссылка, ни эшафотъ не въ состояніи ихъ обуздать, а только вызовутъ крайнее отчаяніе, которое толкнетъ націю на путь, одинаково вредный для управляющихъ и управляемыхъ. Какъ поляки, мы можемъ поддерживать правительство лишь тогда, когда оно станетъ правительствомъ польскимъ, и когда всѣ области, составляющія нашу родину, будутъ соединены во-едино и будутъ пользоваться конституціею и свободными учрежденіями. Въ своемъ воззваніи великій князь самъ уважилъ и понялъ нашу привязанность къ родинѣ; но эта привязанность не можетъ быть раздроблена, и если мы любимъ

нашу родину, то всю въ совокупности, въ предѣлахъ, начертанныхъ ей Богомъ и освященныхъ исторіей».

«Часть дворянства»,—доносилъ по телеграфу Константинъ Николаевичъ,—«составила адресъ Замойскому для передачи мнѣ, въ которомъ говорится про Литву и конституцію. Велепольскій полагаетъ, не дождаясь подачи, арестовать его и выслать за границу. Я полагаю арестовать его при подачѣ и отправить въ Петербургъ, дабы отвѣчать въ своихъ дѣйствіяхъ предъ своимъ государемъ. Ожидаю скораго отвѣта» [1]. Отвѣтъ послѣдовалъ строгій: «Адреса не принимать. Замойскаго арестовать немедля и прислать сюда съ надежнымъ жандармскимъ офицеромъ. Главныхъ зачинщиковъ также арестовать въ цитадели и Ново-Георгіевскѣ и произвести слѣдствіе» [2]. Впрочемъ изъ лицъ, подписавшихъ адресъ, никто арестованъ не былъ. Даже самого Замойскаго намѣстникъ не рѣшился подвергнуть аресту, но, отправляя его въ Петербургъ въ сопровожденіи своего адъютанта, просилъ государя, чтобы и тамъ Замойскій находился на свободѣ, не отвѣчая въ противномъ случаѣ за сохраненіе въ Варшавѣ спокойствія. Императоръ уважилъ просьбу брата. «Вчера Замойскій»,—извѣстилъ онъ его,—«повторилъ мнѣ все, что ты отъ него слышалъ самъ, и я объявилъ ему о высылкѣ его на пароходѣ за границу, чего онъ, кажется, никакъ не ожидалъ» [3]. Снисходя къ просьбѣ Замойскаго, государь дозволилъ ему, впрочемъ, выѣхать по желѣзной дорогѣ въ Кёнигсбергъ, подъ надзоромъ жандармскаго офицера до самой границы.

Не стѣсняемый болѣе присутствіемъ непримиримаго противника, Велепольскій энергично принялся за приведеніе въ дѣйствіе своей политической программы. По его настоянію, почтовая часть и пути сообщенія въ Царствѣ Польскомъ были изъяты изъ подчиненности подлежащимъ вѣдомствамъ Имперіи; должности главныхъ директоровъ правительственныхъ комиссій, губернаторовъ, уѣздныхъ начальниковъ и всѣ прочія, до самыхъ низшихъ въ администраціи края,—замѣщены природными поляками; польскій языкъ введенъ въ оффиціальную переписку всѣхъ властей, при чемъ даже на немъ велись процессы государственныхъ преступниковъ, преданныхъ русскому военному суду въ Варшавѣ; открыта Главная Школа—такъ назывался возстановленный Варшавскій университетъ—и политехническое училище въ Новой Александріи; созваны уѣздные совѣты въ губерніяхъ Радомской, Люблинской, Августовской, Плоцкой и Варшавской; постепенно снято военное положеніе въ тѣхъ же пяти губерніяхъ, за исключеніемъ губернскихъ городовъ. По мѣрѣ отмѣны военнаго положенія, раскрытіе и преслѣдованіе государственныхъ

---

[1] Великій князь Константинъ Николаевичъ государю, 1-го сентября 1862 г.

[2] Государь великому князю Константину Николаевичу, 4-го сентября 1862 г.

[3] Государь великому князю Константину Николаевичу, 19-го сентября 1862 г.

преступленій переходило отъ военныхъ къ гражданскимъ властямъ. Великій князь-намѣстникъ широко пользовался предоставленнымъ ему правомъ помилованія. Къ концу сентября, изъ общаго числа 499 осужденныхъ имъ прощены 289 человѣкъ. Въ день празднованія тысячелѣтія Россіи государь въ Новгородѣ подписалъ указъ, которымъ прекращались всѣ иски казны по имѣніямъ, конфискованнымъ за государственныя преступленія. Толпами возвращались въ Царство Польское поляки, сосланные въ Сибирь, водворенные въ Имперіи, выходцы, удалившіеся за границу.

Рѣчь свою при открытіи новой сессіи Государственнаго Совѣта Царства, 19-го сентября, Константинъ Николаевичъ началъ такъ: «Господа, въ первый разъ обращаясь къ вамъ въ этомъ собраніи, прежде всего желаю убѣдить васъ, что печальныя событія, воспрепятствовавшія мнѣ принять участіе въ послѣднихъ вашихъ засѣданіяхъ, не охладили во мнѣ благихъ намѣреній, которыми я одушевленъ, въ видахъ благоденствія края. Полный вѣры въ покровительство Провидѣнія, я полагаюсь на чувства вѣрноподданности добрыхъ гражданъ, которыя проявляетъ уже Государственный Совѣтъ. Выполняя обязанности, возложенныя на меня августѣйшимъ братомъ, всемилостивѣйшимъ нашимъ государемъ, я не перестану заботиться о благоденствіи Царства Польскаго. Правительство, во главѣ котораго стою я, не уклонится отъ пути законности и никому не дозволитъ безнаказанно съ него уклониться».

Но всѣ правительственныя мѣры оставались безъ вліянія на расположеніе умовъ въ краѣ. Броженіе во всѣхъ классахъ населенія нимало не успокоивалось. Революціонныя демонстраціи не прекращались. 31-го іюля Варшава, какъ и въ предшедшемъ году, праздновала годовщину Люблинской уніи снятіемъ траура, закрытіемъ лавокъ, торжественнымъ богослуженіемъ въ костелахъ. 2-го сентября, въ день Воздвиженія Креста по новому стилю, до пятидесяти тысячъ народу собралось въ бернардинскомъ Крестовомъ костелѣ на Лысой горѣ, Опатовскаго уѣзда, и въ національныхъ костюмахъ, подъ революціонными хоругвями, цѣлый день толпа пѣла возмутительные гимны, а ксендзы говорили пламенныя проповѣди, убѣждая народъ молить Бога объ изгнаніи враговъ изъ польской земли. Тамъ же собирались пожертвованія на революціонныя цѣли. Подпольный комитетъ, руководившій движеніемъ и присвоившій себѣ названіе «центральнаго», обнародовалъ воззваніе къ соотечественникамъ-полякамъ, выдавая себя за народное правительство, призванное вести безпощадную борьбу съ пришельцами, впредь до совершеннаго освобожденія отчизны.

Тотъ же комитетъ установилъ сборъ на «повстанье», а уѣздные и городскіе совѣты пригласилъ немедленно разойтись. Тѣ, хотя и не исполнили этого требованія, но проявили такой опозиціонный духъ, что нѣкоторые

изъ нихъ пришлось распустить. Подпольные листы: «Рухъ», «Стражница», «Коссиньеръ» возбуждали гражданъ къ сопротивленію властямъ, а въ разныхъ мѣстностяхъ Царства появились кинжальщики, убивавшіе лицъ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ народному дѣлу.

Броженіе изъ Царства распространилось на Сѣверо-Западный и Юго-Западный края. Безпорядки проявились въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи, въ Подоліи, на Волыни. Польскіе дворяне губерній Минской и Подольской простерли дерзость до того, что въ адресахъ на высочайшее имя требовали соединенія названныхъ губерній съ Польшею [1]. Всѣ эти признаки указывали на близость взрыва, издавна подготовленнаго польскою эмиграціею и ея эмиссарами.

Въ первыхъ числахъ января 1863 года въ Царствѣ Польскомъ вспыхнулъ вооруженный мятежъ [2].

[1] Адресы подольскихъ дворянъ, 10-го октября; минскихъ—29-го ноября 1862 г.

[2] Переписка государя съ намѣстникомъ Царства Польскаго за все время польской смуты 1861—1864 гг. хранится въ Военно-Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба. Часть ея напечатана въ «Русской Старинѣ» 1882 г. т. XXXVI и XXXVII. Акты и документы по гражданскому Управленію Царства Польскаго—въ Архивѣ Государственнаго Совѣта.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Мятежъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ.

1863 — 1864.

Начало мятежа. — Рѣчь государя на разводѣ л.-гв. Измайловскаго полка. — Мѣры къ усмиренію. — Манифестъ объ амнистіи. — Воззванія подпольнаго комитета. — Адресъ петербургскаго дворянства и отвѣтъ на него государя. — Слова государя представителямъ петербургскаго городского общества. — Московскіе адресы: отъ дворянства, городской думы, университета, крестьянъ и раскольниковъ. — Адресы со всѣхъ концовъ Россіи. — Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. — Пріемъ государемъ депутацій. — Адресы дворянъ прибалтійскихъ и закавказскихъ. — Статьи Каткова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». — Письмо Д. А. Милютина къ брату Николаю. — Мятежъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. — Назначеніе М. Н. Муравьева главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края и генерала Берга помощникомъ великаго князя Константина Николаевича по званію главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ. — Созваніе финляндскаго сейма. — Государь на Нижегородской ярмаркѣ. — Усмиреніе мятежа въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краяхъ. — Развитіе его въ Царствѣ Польскомъ. — Увольненіе Велепольскаго. — Отъѣздъ великаго князя Константина Николаевича изъ Варшавы. — Открытіе государемъ финляндскаго сейма въ Гельсингфорсѣ. — Увольненіе великаго князя Константина Николаевича отъ званія намѣстника и главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ и замѣна его въ этихъ должностяхъ графомъ Бергомъ. — Усмиреніе мятежа въ Царствѣ Польскомъ.

Пламень, долгіе годы таившійся подъ пепломъ, вспыхнулъ наконецъ и скоро разросся въ разрушительный пожаръ, охватившій обширное пространство отъ Вислы и Буга до Западной Двины и Днѣпра; то былъ вооруженный мятежъ поляковъ, быстро распространившійся изъ Царства Польскаго на всю западную окраину Россіи.

Предлогомъ къ возстанію послужилъ рекрутскій наборъ, произведенный въ Варшавѣ въ ночь со 2-го на 3-е января 1863 года. По распоряженію Совѣта управленія Царства Польскаго, имѣли поступить въ рекруты тѣ изъ подлежащихъ военной службѣ поляковъ, которые были извѣстны

какъ участники уличныхъ безпорядковъ и революціонныхъ демонстрацій. Но, предупрежденные своими сообщниками-чиновниками, состоявшими на государственной службѣ, молодые люди эти успѣли бѣжать изъ Варшавы и, собравшись въ окрестныхъ лѣсахъ, образовали первыя мятежническія шайки, вооруженныя косами, ножами, саблями, отчасти охотничьими ружьями и пистолетами. Въ продолженіе слѣдующихъ дней то же явленіе повторилось въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Царства Польскаго. Подпольный центральный комитетъ, руководившій движеніемъ, издалъ призывъ къ общему повстанью.

13-го января, по окончаніи развода отъ л.-гв. Измайловскаго полка, въ Михайловскомъ манежѣ, императоръ Александръ, собравъ вокругъ себя офицеровъ, самъ сообщилъ имъ о вспыхнувшемъ въ Польшѣ мятежѣ. «Такъ какъ многимъ изъ васъ, господа»,—сказалъ государь,—«вѣроятно, неизвѣстны послѣднія происшествія въ Царствѣ Польскомъ, то я хочу, чтобы вы узнали о нихъ отъ меня самого. Послѣ столь благополучно совершившагося набора, со 2-го на 3-е января, стали появляться мятежническія шайки на обоихъ берегахъ Вислы, для разсѣянія которыхъ были немедленно посланы отряды. Наконецъ, въ ночь съ 10-го на 11-е число по всему Царству, за исключеніемъ Варшавы, было сдѣлано внезапное нападеніе на войска наши, стоящія по квартирамъ, причемъ совершены неслыханныя злодѣйства. Такъ, напримѣръ, около Сѣдлеца атакованные солдаты оборонялись отчаянно въ одномъ домѣ, который мятежники подожгли, не видя средствъ имъ овладѣть. Несмотря на то, храбрыя войска наши отбили повсюду мятежниковъ. По первымъ свѣдѣніямъ, потеря наша заключается въ 30 человѣкахъ убитыми, въ томъ числѣ старый нашъ измайловскій товарищъ, командиръ Муромскаго пѣхотнаго полка Козляниновъ. Раненыхъ до 400 и между ними генералъ Каннабихъ. Подобная же попытка была сдѣлана около Бѣлостока, въ предѣлахъ даже Имперіи. Но и послѣ сихъ новыхъ злодѣйствъ я не хочу обвинять въ томъ весь народъ польскій, но вижу во всѣхъ этихъ грустныхъ событіяхъ работу революціонной партіи, стремящейся повсюду къ ниспроверженію законнаго порядка. Мнѣ извѣстно, что партія эта разсчитываетъ и на измѣнниковъ въ рядахъ вашихъ, но они не поколеблятъ мою вѣру въ преданность своему долгу вѣрной и славной моей арміи. Я убѣжденъ, что теперь болѣе, чѣмъ когда либо, каждый изъ васъ, чувствуя и понимая всю святость присяги, исполнитъ свой долгъ, какъ честь нашего знамени того требуетъ. Въ рядахъ вашихъ я самъ началъ свою службу, потомъ нѣсколько лѣтъ имѣлъ честь вами командовать, и потому чувства преданности вашей мнѣ хорошо были извѣстны, и я гордился ими за васъ передъ покойнымъ государемъ, родителемъ моимъ. Увѣренъ, что, если обстоятельства того потребуютъ, вы и теперь докажете на дѣлѣ, что я могу на васъ разсчитывать, оправдаете мое полное къ вамъ довѣріе».

Для подавленія мятежа въ зародышѣ приняты были соотвѣтственныя мѣры. По распоряженію великаго князя-намѣстника, вновь введено по всему пространству Царства Польскаго военное положеніе, отмѣненное во многихъ мѣстностяхъ частными распоряженіями предшедшаго года [1]; объявлено высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы мятежниковъ, взятыхъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, судить на мѣстѣ преступленія сокращеннымъ полевымъ военнымъ судомъ и приговоры немедленно приводить въ исполненіе, по конфирмаціи начальниковъ военныхъ отдѣловъ, соотвѣтствующихъ пяти губерніямъ Царства [2]; возстановлены военно-судныя коммиссіи [3]; изданы правила о наложеніи секвестра на имущества всѣхъ лицъ, причастныхъ къ возстанію. Еще въ 1862 году переведена была въ Варшаву 3-я гвардейская пѣхотная дивизія. Въ началѣ 1863-го двинуты туда же 2-я гренадерская дивизія и нѣсколько кавалерійскихъ и казачьихъ полковъ. Великій князь-намѣстникъ возведенъ въ званіе главнокомандующаго всѣми войсками, расположенными въ Царствѣ Польскомъ [4].

Войска тотчасъ же принялись за преслѣдованіе мятежническихъ шаекъ. Всюду русскіе летучіе отряды наносили повстанцамъ чувствительныя пораженія, всюду, гдѣ только настигали ихъ; но, разбитая и разсѣянная въ одномъ мѣстѣ, банда снова собиралась въ другомъ или искала убѣжища въ лѣсахъ. Попытки образовать большія скопища,—Мирославскаго въ сосѣдствѣ прусской границы, Лангевича—вдоль границы австрійской,—окончились полнымъ разгромомъ предводимыхъ ими шаекъ, но число послѣднихъ постоянно росло, распространяясь по всему Привислинскаму краю, проникая въ Бѣлоруссію и Литву съ одной стороны, съ другой—на Волынь и до самой Подоліи. Быстрота движеній русскихъ войскъ при преслѣдованіи мятежниковъ, неутомимое ихъ рвеніе и отличная храбрость вызвали царское спасибо, выраженное въ телеграммѣ къ намѣстнику: «Журналъ военныхъ дѣйствій прочелъ съ истиннымъ удовольствіемъ и поручаю тебѣ благодарить какъ всѣхъ начальниковъ, такъ и славное войско наше, за ихъ молодецкую службу. Я горжусь ими болѣе, чѣмъ когда либо» [5].

Не столько военныя дѣйствія повстанцевъ, сколько быстрое и широкое распространеніе мятежа за предѣлы собственной Польши, а также слухи о дипломатическомъ вмѣшательствѣ великихъ европейскихъ державъ сильнѣе прежняго возбудили надежды поляковъ и побудили нѣсколькихъ членовъ Государственнаго Совѣта Царства подать въ отставку.

[1] 11-го января 1863 г.

[2] 13-го января 1863 г.

[3] 1-го марта 1863 г.

[4] 19-го февраля 1863 г.

[5] Государь великому князю Константину Николаевичу, 17-го февраля 1863 г.

Въ числѣ этихъ послѣднихъ находился архіепископъ варшавскій Фелинскій. Уступая убѣжденіямъ великаго князя Константина Николаевича, онъ хотя и взялъ назадъ прошеніе объ отставкѣ, но настоялъ на представленіи государю письма, въ которомъ заявлялъ, что дарованныя Царству учрежденія недостаточны для благоденствія края; что Польша не удовлетворится административною автономіей; что ей нужна полная политическая и національная независимость, предоставленіе которой одно только можетъ, при сохраненіи соединенія Царства съ Имперіей въ лицѣ императора, остановить кровопролитіе и привести къ прочному умиротворенію края.

Не взирая на всѣ эти признаки дерзкой притязательности польскихъ своихъ подданныхъ, императоръ Александръ, въ неистощимомъ милосердіи, издалъ въ первый день Пасхи манифестъ, заключавшій послѣднее слово вразумленія заблудшимъ:

«При первомъ извѣстіи о вспыхнувшемъ въ Царствѣ Польскомъ мятежѣ, мы, по движенію нашего сердца, провозгласили, что не винимъ польскій народъ за волненія, для него самого наиболѣе пагубныя. Мы относили ихъ единственно къ возбужденіямъ, издавна подготовленнымъ внѣ Царства нѣсколькими лицами, въ которыхъ многолѣтняя скитальческая жизнь утвердила привычку къ безпорядкамъ, насилію, тайнымъ замысламъ и крамоламъ, погасила самыя возвышенныя чувства любви къ человѣчеству и возбудила даже рѣшимость запятнать народную честь преступленіемъ. Всѣ эти проявленія другого времени, надъ которымъ исторія уже давно произнесла свой приговоръ, не соотвѣтствуютъ болѣе духу нашей эпохи. Настоящее поколѣніе должно имѣть цѣлью не потоками крови, но путемъ мирнаго развитія доставить благоденствіе странѣ. Эту же цѣль и мы себѣ предначертали, когда, въ уповаліи на покровительство Божіе, дали обѣтъ предъ Всемогущимъ и предъ собственною совѣстью посвятить нашу жизнь благу нашихъ народовъ. Но къ полному и всестороннему осуществленію сего обѣта, для насъ всегда священнаго, намъ нужна помощь всѣхъ людей благомыслящихъ, искренно преданныхъ своей родинѣ и понимающихъ эту преданность не въ своекорыстныхъ преступныхъ порывахъ, а въ охраненіи общественнаго спокойствія, законами утвержденнаго. Въ нашихъ заботахъ о будущности края мы готовы всѣ происшедшія смуты покрыть забвеніемъ и вслѣдствіе того, въ горячемъ желаніи положить предѣлъ кровопролитію, столь же безцѣльному для однихъ, сколько тягостному для другихъ, даруемъ полное и совершенное прощеніе тѣмъ изъ числа вовлеченныхъ въ мятежъ подданныхъ нашихъ въ Царствѣ Польскомъ, которые, не подлежа отвѣтственности за какія либо иныя уголовныя или по службѣ въ рядахъ нашихъ войскъ преступленія, сложатъ оружіе и возвратятся къ долгу повиновенія до 1-го будущаго мая. На насъ лежитъ священная обязанность

охранять край отъ возобновленія волненій и безпорядковъ и открыть новую эру въ политической его жизни, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія. Мы и положили эту основу въ дарованныхъ нами царству установленіяхъ; но, къ искреннему нашему прискорбію, успѣхъ ихъ еще не могъ быть извѣданъ на опытѣ, вслѣдствіе превратныхъ внушеній, поставившихъ мечтательныя увлеченія на мѣсто того порядка, безъ котораго немыслимо никакое преобразованіе. Сохраняя и нынѣ эти установленія по всей ихъ силѣ, мы предоставляемъ себѣ, когда они будутъ испытаны на самомъ дѣлѣ, приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, соотвѣтственно нуждамъ времени и страны. Только довѣріемъ къ этимъ намѣреніямъ нашимъ можно будетъ Царству Польскому изгладить слѣды минувшихъ бѣдствій и надежно идти къ цѣли, предназначаемой нашею о немъ попечительностью. Мы же, съ нашей стороны, испрашиваемъ помощь отъ Бога на довершеніе всего, что постоянно считали нашимъ въ семъ дѣлѣ призваніемъ» [1]. Обнародованный въ тотъ же день указъ Сенату распространялъ дѣйствіе высочайше дарованной амнистіи и на весь Западный край.

Отвѣтомъ на царскій призывъ къ примиренію послужили два воззванія подпольнаго центральнаго комитета. Въ первомъ изъ нихъ отвергалось обѣщанное прощеніе тѣмъ изъ мятежниковъ, которые изъявятъ покорность, вторымъ—означенный комитетъ присвоилъ себѣ названіе «народнаго правительства» и конечною цѣлью возстанія провозгласилъ: полную независимость Польши, Литвы и Руси, какъ нераздѣльныхъ частей единаго государства Польскаго [2].

Чаша русскаго долготерпѣнія переполнилась. Дерзкія притязанія поляковъ, русская кровь, проливаемая мятежниками, но всего болѣе извѣстіе о замышленномъ нѣсколькими европейскими дворами вмѣшательствѣ въ наше внутреннее дѣло глубоко возмутили русское общество, преисполнивъ его пламеннымъ патріотическимъ негодованіемъ. Въ сознаніи государственной опасности, въ виду посягательства на драгоцѣннѣйшее достояніе Россіи, ея независимость и цѣлость, всѣ сословія, званія и состоянія русскаго народа тѣсно сплотились вокругъ престола, изъявляя державному вождю русской земли полное довѣріе и безпредѣльную любовь и преданность.

Первое выразило эти чувства предъ государемъ, во всеподданнѣйшемъ адресѣ, петербургское дворянство: «Вызванныя польскими смутами притязанія на достояніе Россіи возбуждаютъ въ насъ и скорбь и негодованіе. Завистники наши мнятъ, что время преобразованій, предпринятыхъ вами

[1] Высочайшій манифестъ 31-го марта 1863 г.

[2] 31-го марта 1863 г.

для пользы и преуспѣянія государства, благопріятствуетъ ихъ замысламъ на всецѣлость русской державы. Но тщетны были бы ихъ покушенія! Испытанное въ преданности и самоотверженіи, дворянство, не щадя силъ и жертвъ, въ тѣсномъ союзѣ со всѣми сословіями, станетъ на защиту предѣловъ Имперіи. Да узнаютъ враги Россіи, что живъ еще въ насъ тотъ могучій духъ предковъ, коимъ создано государственное единство любезнаго нашего отечества». Императоръ милостиво принялъ это выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ и въ слѣдующихъ словахъ изъявилъ свою признательность поднесшей ему адресъ дворянской депутаціи: «Благодарю васъ за адресъ. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ доставилъ мнѣ одну изъ самыхъ пріятныхъ, утѣшительныхъ минутъ. Я вполнѣ раздѣляю ваши чувства, какъ дворянинъ, и увѣренъ, что все русское дворянство ихъ раздѣляетъ съ вами. Надѣюсь, что вы и дѣтямъ вашимъ передадите такія же чувства, какими теперь меня порадовали. Понимаю любовь къ отечеству такъ, какъ вы ее выразили: она составляла, въ теченіе вѣковъ, силу Россіи; она же, переходя изъ рода въ родъ, останется вѣрнѣйшею охраною ея могущества. Еще разъ благодарю васъ и прошу передать искреннюю мою благодарность дворянству».

Нѣсколько дней спустя, принимая депутацію петербургскаго городского общества въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, представившаго всеподданнѣйшее письмо съ выраженіемъ тѣхъ же чувствъ, императоръ сказалъ городскому головѣ и старшинамъ сословій: «Истинно благодарю васъ, господа, за красное яичко, которое поднесъ мнѣ отъ васъ князь Суворовъ въ день Свѣтлаго праздника. Ничѣмъ лучшимъ не могли вы порадовать меня въ этотъ день. Вѣрю, что ваши патріотическія чувства искренни, что вы вполнѣ ихъ раздѣляете со всѣмъ русскимъ дворянствомъ и передадите вашимъ дѣтямъ и внукамъ. До тѣхъ поръ, пока эти чувства будутъ жить въ васъ, пока въ васъ будетъ та же вѣра и молитва къ Богу— она сохранитъ Россію. Еще разъ благодарю васъ».

Первопрестольная столица не отстала отъ Петербурга въ патріотическомъ одушевленіи. Московское дворянство, дума, незадолго до того преобразованная по образцу петербургской, съ допущеніемъ въ составъ ея гласныхъ отъ всѣхъ сословій, университетъ, старообрядцы Рогожскаго кладбища и безпоповцы Преображенскаго богадѣленнаго дома, наконецъ, водворенные въ Москвѣ временно-обязанные крестьяне изъ разныхъ губерній,—всѣ спѣшили наперерывъ повергнуть къ подножію престола выраженіе благоговѣйной любви къ царю, преданности, довѣрія, готовности жертвовать всѣмъ для защиты отечества.

Московскіе адресы отличались необычайною задушевностью, теплотою, подъемомъ духа. Дворяне писали: «Услышавъ голосъ вашего величества, обращенный къ мятежнымъ подданнымъ, дворянство Московской губерніи поспѣшило собраться необычнымъ порядкомъ. Оно хотѣло,

государь, чтобы русское дворянство немедленно отозвалось изъ самаго сердца Россіи, изъ первопрестольной Москвы, зиждительницы русскаго государства. Государь, мы всѣ передъ вами, какъ одинъ человѣкъ. Всѣ заботы смолкаютъ и падаютъ предъ всесильнымъ призывомъ отечества. Враги, возмутившіе Западный край вашихъ владѣній, ищутъ не блага Польши, а пагубы Россіи, призываемой вами къ новой исторической жизни. Государь, ваше право на Царство Польское есть крѣпкое право; оно куплено русскою кровью, много разъ пролитою въ оборонѣ отъ польскаго властолюбія и польской измѣны. Судъ Божій рѣшилъ нашу тяжбу и Польское Царство соединено неразрывно съ вашею державой. Вы произнесли, августѣйшій монархъ, слово милости и прощенія, чтобы исторгнуть оружіе у возмутившихся вашихъ подданныхъ; да будетъ же это слово услышано съ благодарностью и покорностью! Вы пребываете тверды въ благихъ начинаніяхъ вашихъ. Вы сохраняете всѣ льготы, дарованныя вами Царству Польскому. Вы не дѣлаете различія между поляками и русскими и открываете для нихъ одну и ту же будущность благосостоянія и успѣховъ, которая должна тѣснѣе сблизить и сроднить ихъ между собою. Ваше милосердіе, государь, есть твердыня и сила. Такъ понимаетъ его ваше вѣрное дворянство; такъ понимаетъ его весь народъ вашъ; такъ должны понимать его и недруги Россіи. Мы молимъ Всевышняго, да отвратитъ Онъ отъ нашего отечества бѣдствія войны. Но война не страшитъ насъ. Все устремится на зовъ отечества, все поднимется при малѣйшемъ покушеніи на всецѣлость вашей державы, при малѣйшемъ оскорбленіи нашей народной чести. Довѣрьтесь судьбамъ вашего народа, государь. Положитесь на испытанную преданность вашего дворянства. Какъ всегда, оно будетъ впереди, гдѣ грозитъ опасность. Во главѣ освобождаемой вами Россіи, вы могущественны, государь. Вы могущественнѣе вашихъ предшественниковъ. Дерзайте, уповая на Бога, на вашу правду и на любовь къ вамъ всей Россіи».

Въ томъ же духѣ пробудившагося государственнаго и народнаго самосознанія составлены были и адресы думы и университета московскихъ. Крестьяне выражали готовность поголовно идти въ огонь и въ воду за Русь и за царя-Освободителя, даровавшаго имъ новую жизнь. Раскольники восклицали: «Мы хранимъ свой обрядъ, но мы твои вѣрные подданные. Мы всегда повиновались властямъ предержащимъ, но тебѣ, царь-Освободитель, мы преданы сердцемъ нашимъ. Въ новизнахъ твоего царствованія намъ старина наша слышится. На тебѣ, государь, почіетъ духъ нашихъ царей добродѣтельныхъ. Не только тѣломъ, но и душою—мы русскіе люди. Россія намъ матерь родная, мы всегда готовы пострадать и умереть за нее. Наши предки были русскіе люди, работали на русскую землю и за нее умирали. Посрамимъ ли мы память отцовъ и дѣдовъ нашихъ и всѣхъ русскихъ христіанъ, отъ которыхъ кровь нашу пріяли?..

Престолъ твой и русская земля не чужое добро намъ, а наше кровное. Мы не опоздаемъ явиться на защиту ихъ и отдадимъ за нихъ все достояніе и жизнь нашу. Да не умалится держава твоя, да возвеличится, да не посрамятся въ насъ предки наши, да возрадуется о тебѣ старина наша русская!»

Примѣру Петербурга и Москвы послѣдовали всѣ прочіе города и области обширнаго царства русскаго. Со всѣхъ концовъ Россіи поступали всеподданнѣйшіе адресы отъ всѣхъ сословій, обществъ, учрежденій, бо̀льшая часть чрезъ нарочныхъ депутатовъ, спѣшившихъ въ столицу ко дню рожденія императора.

Въ этотъ день обнародовано законоположеніе, свидѣтельствующее о человѣколюбіи вѣнценосца и объ уваженіи его къ человѣческому достоинству: отмѣна тѣлесныхъ наказаній.

Вопросъ о томъ возбужденъ былъ генералъ-адъютантомъ княземъ Н. А. Орловымъ, вскорѣ по объявленіи манифеста 19-го февраля 1861 года подавшимъ государю записку, въ которой онъ доказывалъ, что тѣлесныя наказанія, отмѣненныя въ бо̀льшей части европейскихъ государствъ, противны христіанству, нравственности и общественности. По высочайшему повелѣнію, записка Орлова разсматривалась въ Комитетѣ, учрежденномъ при II отдѣленіи Собственной его величества канцеляріи для составленія проекта новаго воинскаго устава о наказаніяхъ. Комитетъ согласился съ основною мыслью Орлова о своевременности отмѣны тѣлесныхъ наказаній, какъ несоотвѣтствующихъ ни духу времени, ни достоинству человѣка и лишь ожесточающихъ нравы, не достигая главной своей цѣли—устрашенія преступниковъ. По собраніи отзывовъ разныхъ вѣдомствъ, причемъ какъ военный министръ Милютинъ, такъ и главный начальникъ морского вѣдомства великій князь Константинъ Николаевичъ высказались за отмѣну помянутыхъ наказаній въ войскахъ и въ флотѣ, проектъ закона въ этомъ смыслѣ поступилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, и 17-го апрѣля 1863 года изданъ указъ Сенату о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній, уголовныхъ и исправительныхъ.

Актомъ этимъ отмѣнялось тѣлесное наказаніе, сопряженное дотолѣ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, ссылкою въ каторжныя работы или на поселеніе, потерею всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, отдачею въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства и вообще со всякимъ другимъ наказаніемъ или взысканіемъ; отмѣнялось также наложеніе клейма и штемпельныхъ знаковъ; наказаніе розгами за проступки замѣнялось заключеніемъ въ тюрьмѣ или кратковременнымъ арестомъ; совершенно освобождались отъ тѣлесныхъ наказаній женщины, церковнослужители христіанскихъ исповѣданій и дѣти ихъ, духовныя лица не-христіанскихъ исповѣданій

и дѣти ихъ, учители народныхъ школъ, лица, окончившія курсъ въ уѣздныхъ или земледѣльческихъ училищахъ, а также въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и лица крестьянскаго сословія, занимающія общественныя должности по выборамъ. Одновременно высочайшимъ приказомъ по военному и морскому вѣдомствамъ, «въ видахъ возвышенія духа въ нижнихъ чинахъ», отмѣнены шпицрутены въ арміи, «кошки»—во флотѣ и вообще ослаблено употребленіе тѣлесныхъ наказаній.

Въ тотъ же день государь принялъ въ Бѣлой залѣ Зимняго дворца депутатовъ, привезшихъ изъ разныхъ мѣстностей Имперіи всеподданнѣйшіе адресы по польскому дѣлу. Участвовали въ пріемѣ губернскіе и уѣздные предводители дворянства Московской губерніи; московскій городской голова и сословные старшины; ректоръ и одинъ изъ декановъ Московскаго университета; губернскіе предводители дворянства: новгородскій, тверской, лифляндскій, эстляндскій и курляндскій; депутаціи отъ городскахъ обществъ: тверского, ярославскаго, владимірскаго, рязанскаго и отъ московскихъ старообрядцевъ.

Выйдя къ нимъ вмѣстѣ съ императрицею, государь произнесъ слѣдующую рѣчь: «Благодарю васъ, господа, за поздравленіе, а особенно за выраженіе вашихъ патріотическихъ чувствъ, вызванныхъ смутами какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Западныхъ губерніяхъ и посягательствомъ враговъ нашихъ на древнее русское достояніе. Адресы ваши и тѣ, которые я ежедневно получаю отъ всѣхъ сословій и изъ другихъ губерній, составляютъ для меня истинное утѣшеніе посреди всѣхъ моихъ заботъ. Я горжусь единствомъ этихъ чувствъ вмѣстѣ съ вами и за васъ. Они составляютъ нашу силу и, пока они будутъ сохраняться и мы будемъ призывать Бога на помощь, Онъ насъ не оставитъ и единство царства всероссійскаго—непоколебимо. Враги наши надѣялись найти насъ разъединенными, но они ошиблись. При одной мысли объ угрожающей намъ опасности, всѣ сословія земли русской соединились вокругъ престола и показали царю своему то довѣріе, которое для него всего дороже. Я еще не теряю надежды, что до общей войны не дойдетъ; но если она намъ суждена, то я увѣренъ, что съ Божіею помощью мы сумѣемъ отстоять предѣлы Имперіи и нераздѣльно соединенныхъ съ нею областей. Еще разъ благодарю васъ всѣхъ за чувства вашей преданности, которымъ я вѣрю; вѣрьте же и мнѣ, что моя жизнь имѣетъ единственную цѣль: благо дорогого нашего отечества и постепенное развитіе гражданской его жизни. Но на этомъ трудномъ поприщѣ всякая торопливость не только не принесетъ намъ пользы, но была бы вредна и даже преступна. Предоставьте мнѣ дальнѣйшее ихъ развитіе, когда я почту его возможнымъ и полезнымъ. Взаимное наше довѣріе есть залогъ будущаго благоденствія Россіи. Да будетъ благословеніе Божіе съ нами. Еще разъ благодарю васъ всѣхъ отъ души».

Ихъ величества долго и милостиво разговаривали съ депутатами, обходя ихъ ряды. Привѣтливо обошелся государь и съ раскольниками, сказавъ имъ: «Я радъ васъ видѣть и благодарю за сочувствіе общему дѣлу. Мнѣ хотѣли васъ очернить, но я этому не повѣрилъ и увѣренъ, что вы — такіе же вѣрноподданные, какъ и всѣ прочіе. Вы мои дѣти, а я—вашъ отецъ и молю Бога за васъ такъ же, какъ и за всѣхъ, которые такъ же, какъ и вы, близки моему сердцу».

По окончаніи пріема въ Бѣлой залѣ, государь принялъ хлѣбъ-соль отъ депутацій поселенныхъ въ Петербургѣ и Москвѣ временнообязанныхъ крестьянъ, которые были выстроены на площади предъ Зимнимъ дворцомъ и представлены петербургскимъ и московскимъ генералъ-губернаторами.

Долго еще продолжали поступать безчисленныя всеподданнѣйшія письма со всѣхъ концовъ Россіи, съ окраинъ ближнихъ и дальнихъ. Въ числѣ ихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія адресъ прибалтійскихъ дворянъ, заявившихъ, что, несмотря на различіе языка и учрежденій,—«остзейскія провинціи знаютъ только одинъ долгъ, одно знамя», что жителей ихъ соединяетъ единое чувство къ престолу и монарху, общее имъ съ коренными обитателями Россіи, и что, въ случаѣ войны, онѣ проявятъ непоколебимую вѣрность и достойное предковъ самоотверженіе. Въ томъ же смыслѣ высказались въ своихъ адресахъ представители Закавказскаго края, дворянство тифлисское и кутаисское, карабахскіе беки и дворяне, караногайцы и тифлисскіе молокане. «Адресы доставили мнѣ истинное удовольствіе»,—телеграфировалъ государь намѣстнику кавказскому,—«передай всѣмъ душевное мое спасибо за изъявленіе чувствъ преданности, которымъ я вполнѣ вѣрю» [1].

Общее одушевленіе, вызванное событіями въ Польшѣ, знаменуетъ переворотъ въ воззрѣніяхъ русскаго общества на существеннѣйшіе вопросы политики какъ внутренней, такъ и внѣшней. Пробудившееся въ немъ народное самосознаніе свело его съ пути увлеченій отвлеченными ученіями, навѣянными съ Запада, и возвратило къ правильной оцѣнкѣ и разумѣнію историческихъ началъ русской государственной и общественной жизни. Мощнымъ выразителемъ этого направленія, поборникомъ единенія всѣхъ русскихъ людей съ Верховною Властью въ общемъ дѣлѣ отстаиванія державныхъ правъ Россіи, ея чести и достоинства явился въ новопарожденной безцензурной русской повременной печати издатель Московскихъ Вѣдомостей М. Н. Катковъ. Пламенная рѣчь этого даровитаго и убѣжденнаго писателя поколебала и скоро совсѣмъ вытѣснила вліяніе либеральныхъ органовъ и заграничнымъ выходцевъ, которымъ извѣстная часть русскаго общества подчинялась дотолѣ, и въ значительной степени содѣйствовала установленію того единодушнаго взгляда

[1] Государь великому князю Михаилу Николаевичу, 24-го іюня 1863 г.

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ (Виленскій).

(Съ литографіи Мюнстера.)

русскихъ людей на польскую справу, что послужило правительству твердою и надежною опорой въ мѣрахъ, предпринятыхъ имъ для подавленія мятежа и водворенія порядка въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ областяхъ Имперіи. По этому поводу военный министръ Д. А. Милютинъ писалъ брату своему Николаю: «Общество вообще несравненно лучше настроено теперь, чѣмъ прежде. Одни только завзятые нигилисты долгомъ считаютъ проявлять свое безпристрастіе и даже сочувствіе къ Польшѣ; вся же масса благоразумныхъ людей выказываетъ неоспоримый порывъ патріотизма, опровергающій множество идей, распространенныхъ заграницею нашими революціонными выходцами и нелѣпыми туристами».

Не менѣе Привислинскаго края озабочивало императора Александра положеніе Бѣлоруссіи и Литвы. Въ подкрѣпленіе расположенныхъ тамъ войскъ отправлены сперва 2-я, а по отозваніи ея обратно въ Петербургъ и 1-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи; въ виду же того противодѣйствія, которое встрѣтили въ этихъ мѣстностяхъ причастные къ возстанію поляки-помѣщики отъ крестьянъ русскаго происхожденія, 1-го марта объявленъ указъ Сенату, которымъ въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и въ четырехъ уѣздахъ губерніи Витебской прекращены обязательныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ и приступлено къ немедленному выкупу ихъ угодій, при содѣйствіи правительства. Вскорѣ мѣра эта была распространена и на всѣ прочіе уѣзды Витебской губерніи, а также на губерніи Могилевскую, Кіевскую, Волынскую и Подольскую.

Тѣмъ не менѣе мятежъ разгорался въ Сѣверо-Западномъ краѣ; вооруженныя шайки нападали на транспорты съ оружіемъ, терроризуя сельское населеніе, вѣрное долгу. Главный начальникъ края, генералъ-адъютантъ Назимовъ, не могъ совладать съ движеніемъ, въ особенности по той причинѣ, что едва ли не вся администрація состояла изъ поляковъ, не только сочувствовавшихъ, но и потворствовавшихъ возстанію. Онъ самъ просилъ объ увольненіи, а на мѣсто его государь избралъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева.

Въ совѣщаніяхъ съ министрами и въ личныхъ докладахъ императору, Муравьевъ изложилъ свой планъ дѣйствій, заключавшійся въ томъ, чтобы, не ограничиваясь усмиреніемъ мятежа, возстановить въ искони русскомъ краѣ русскую народность и православіе. Государь благодарилъ его за самоотверженіе и прибавилъ, что вполнѣ раздѣляетъ его образъ мыслей и предложенную систему дѣйствій, отъ которой и самъ не отступитъ [1]. Тогда же помощникомъ великаго князя Константина Николаевича по званію главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Бергъ.

---

[1] Записки М. Н. Муравьева, «Русская Старина», т. XXXVI, стр. 396.

Оба эти назначенія указывали на рѣшимость императора Александра не отступать предъ мѣрами строгости для водворенія порядка въ западной окраинѣ. Но въ противоположность этимъ мѣрамъ, вынужденнымъ строптивостью поляковъ, государь явилъ высокое доказательство расположенія и довѣрія своимъ финскимъ подданнымъ, объявивъ манифестомъ отъ 6-го іюня о созваніи въ Гельсингфорсѣ въ началѣ будущаго сентября государственныхъ чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго. Въ концѣ іюля императоръ самъ отправился въ Финляндію, посѣтилъ Гельсингфорсъ, а въ Тавастгустѣ присутствовалъ на маневрахъ собранныхъ тамъ 10 финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Восторженно встрѣтили его финляндцы, осыпая цвѣтами путь его.

По возвращеніи изъ Финляндіи, государь проводилъ до Нижняго-Новгорода отправившуюся въ Крымъ императрицу Марію Александровну. Августѣйшіе путешественники въ подробности осмотрѣли Нижегородскую ярмарку, купечество которой представило императору привѣтственный адресъ. Принимая его, Александръ Николаевичъ выразилъ благодарность купцамъ, присовокупивъ, что вполнѣ вѣритъ имъ и надѣется на непоколебимость ихъ чувствъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, сообщилъ монархъ, положеніе политическихъ дѣлъ клонится къ мирному исходу. «Если же, несмотря на то»,—заключилъ онъ,—«дѣла приняли бы другой оборотъ, то мы постоимъ за себя твердо». Въ Нижнемъ же поднесли императору хлѣбъ-соль волостные старшины временнообязанныхъ крестьянъ и удѣльные головы. Государь сказалъ имъ: «Благодарю васъ за полную преданность и усердіе, которое вы выразили въ письмахъ ко мнѣ. Старайтесь оправдывать это на дѣлѣ. Неуклонно повинуйтесь поставленнымъ надъ вами начальникамъ. Честно платите слѣдующіе по уставнымъ грамотамъ оброки. Исполняйте точно все, что повелѣно вамъ данными мною положеніями. Вздорнымъ слухамъ не вѣрьте, а вѣрьте только тому, что̀, чрезъ поставленныя надъ вами власти, отъ меня повелѣвается. Скажите объ этомъ вашимъ односельцамъ».

Ко времени возвращенія государя въ столицу—11-го августа—успѣли выясниться благія послѣдствія цѣлаго ряда энергическихъ и цѣлесообразныхъ мѣръ, принятыхъ генераломъ Муравьевымъ для возстановленія порядка въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Вооруженное возстаніе подавлено съ неумолимою строгостью; мятежническія шайки истреблены или разсѣяны; участники ихъ и тайные или явные пособники обнаружены и подвергнуты заслуженной карѣ; край очищенъ отъ неблагонадежныхъ лицъ высылкою ихъ въ отдаленныя мѣстности Имперіи; обузданы римско-католическое духовенство и дворяне польскаго происхожденія; поднято значеніе и достоинство православія и русской народности; возстановлено обаяніе власти. Въ признаніе этихъ заслугъ, императоръ Александръ, въ день своихъ именинъ, пожаловалъ Муравьеву орденъ св. Андрея при милости-

вомъ рескриптѣ, въ которомъ выразилъ, между прочимъ, надежду, что приближается то время, когда, не обращаясь къ прискорбнымъ мѣрамъ строгости, можно будетъ приступить къ окончательному укрѣпленію въ краѣ общественнаго спокойствія и возстановленію въ полной силѣ общихъ началъ гражданскаго управленія»[1]. Той же награды удостоенъ и кіевскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Анненковъ за успѣшныя мѣры къ предупрежденію мятежа въ Юго-Западномъ краѣ.

Между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ возстаніе продолжало развиваться, не взирая на постоянныя пораженія, наносимыя мятежническимъ шайкамъ русскими войсками. Причиною тому было, съ одной стороны, нежеланіе великаго князя-намѣстника принимать безпощадныя мѣры строгости, къ коимъ прибѣгалъ въ Литвѣ генералъ Муравьевъ, съ другой—большее или меньшее соучастіе въ мятежѣ польскихъ властей какъ высшихъ, такъ и низшихъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось управленіе Привислинскимъ краемъ. Кровь лилась не въ однѣхъ схваткахъ русскихъ летучихъ отрядовъ съ повстанцами, но и вслѣдствіе многочисленныхъ убійствъ, совершенныхъ по распоряженію подпольнаго жонда, агентами его, такъ называемыми жандармами-вѣшателями и кинжальщиками, надъ мирными обывателями, не сочувствовавшими мятежу. Составъ тайнаго комитета, руководившаго возстаніемъ, оставался необнаруженнымъ, хотя отъ имени его едва ли не ежедневно издавались разныя воззванія и распоряженія, дѣлались поборы, устраивались манифестаціи. Къ тому же, между правительствомъ намѣстника и высшимъ духовенствомъ и дворянствомъ обозначился окончательный разладъ, приведшій къ удаленію изъ Варшавы архіепископа Фелинскаго и водворенію его на жительство въ Ярославль. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, попытку примиренія съ Польшей, на началахъ программы Велепольскаго, нельзя было не признать окончательно неудавшеюся.

Это сознавалъ и самъ маркизъ, въ половинѣ іюня обратившійся къ намѣстнику съ просьбой уволить его, по разстроенному здоровью, въ заграничный отпускъ на два мѣсяца, для пользованія морскими купаньями. «Когда здоровье мое позволитъ мнѣ обратиться къ серьезнымъ занятіямъ»,—писалъ онъ великому князю,—«я буду готовъ снова приняться за мой трудъ, если его величество признаетъ его полезнымъ для своей службы»[2]. Велепольскій получилъ испрошенный отпускъ и 4-го іюля оставилъ Варшаву, а въ концѣ августа—уволенъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. Тогда же выѣхалъ за границу и великій князь Константинъ Николаевичъ, сдавъ должность намѣстника и главное на-

1 Рескриптъ М. Н. Муравьеву [illegible] августа 1863 г.

2 Велепольскій великому князю Константину Николаевичу, 12-го [illegible]

чальство надъ войсками временному замѣстителю, помощнику своему графу Бергу.

31-го августа государь, въ сопровожденіи министра императорскаго двора графа Адлерберга и вице-канцлера князя Горчакова, отплылъ изъ Кронштадта и, чрезъ Транзундъ и Выборгъ, 2-го августа прибылъ въ Гельсингфорсъ. Въ первый день по пріѣздѣ онъ посѣтилъ финляндскій Сенатъ и Александровскій университетъ, къ профессорамъ котораго обратился со слѣдующими словами: «Съ удовольствіемъ вижу себя между вами, господа, въ мѣстѣ, напоминающемъ мнѣ то время, когда я былъ канцлеромъ университета. Я разсчитываю на ваше усердіе къ образованію юношества. Надѣюсь, что вы образуете молодыхъ людей трудолюбивыхъ, вѣрныхъ и преданныхъ отечеству, которые, служа своему краю, будутъ помнить, что они принадлежатъ къ великой семьѣ русскихъ императоровъ».

6-го сентября торжественно открытъ государемъ финляндскій сеймъ. «Представители Великаго Княжества Финляндскаго»,—такъ началъ онъ тронную рѣчь свою,—«видя васъ собранными вокругъ меня, я счастливъ, что могъ осуществить ваши желанія и надежды». Императоръ упомянулъ о подготовительныхъ трудахъ учрежденной имъ въ 1861 году особой комиссіи, перечислилъ представленные сейму финансовые законы и выразилъ рѣшимость не приступать безъ согласія государственныхъ чиновъ къ новымъ займамъ. Объ основныхъ законахъ страны онъ отозвался, что нѣкоторые изъ нихъ не отвѣчаютъ потребностямъ времени, другіе—страдаютъ неясностью и неопредѣленностью. Проектъ закона, видоизмѣняющій ихъ, будетъ представленъ сейму, который созовется черезъ три года. «Соблюдая монархическое конституціонное начало»,—продолжалъ императоръ,—«присущее нравамъ финскаго народа и запечатлѣнное во всѣхъ его законахъ и учрежденіяхъ, я хочу внести въ этотъ проектъ еще болѣе обширное право, чѣмъ то, что̀ принадлежитъ нынѣ государственнымъ чинамъ, относительно установленія налоговъ, а также права вчинанія, коимъ они пользовались прежде, предоставляя, впрочемъ, себѣ починъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся измѣненія основныхъ законовъ. Вамъ извѣстны мои чувства и желанія счастья и благоденствія народовъ, ввѣренныхъ моему попеченію. Ни одно изъ моихъ дѣйствій не нарушило согласія, которое должно существовать между государемъ и народомъ. Я хочу, чтобы согласіе это продолжало служить, какъ и прежде, залогомъ добрыхъ отношеній, соединяющихъ меня съ мужественнымъ и честнымъ финскимъ народомъ. Оно будетъ несомнѣнно способствовать благосостоянію страны, близкой моему сердцу, и доставитъ мнѣ случай созывать васъ въ опредѣленные сроки. Отъ васъ, представители Великаго Княжества, зависитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ вашихъ разсужденій, что въ рукахъ народа мудраго, располо-

женнаго трудиться сообща съ государемъ въ практическомъ духѣ надъ развитіемъ своего благоденствія, либеральныя учрежденія не только не составляютъ опасности, но являются гарантіей порядка и преуспѣянія».

Изъ Финляндіи, проведя въ Царскомъ Селѣ всего нѣсколько дней, посвященныхъ пріему избраннаго въ короли эллиновъ датскаго принца Георга, императоръ поѣхалъ въ Ливадію, гдѣ ожидала его императрица. Тамъ состоялось окончательное увольненіе великаго князя Константина Николаевича отъ званія намѣстника въ Царствѣ Польскомъ и главнокомандующаго войсками, въ немъ расположенными, и назначеніе на обѣ эти должности генералъ-адъютанта графа Берга.

«Призвавъ ваше императорское высочество»,—писалъ по этому поводу государь къ августѣйшему брату,— въ прошедшемъ году къ управленію Царствомъ Польскимъ въ качествѣ моего намѣстника, я желалъ выразить мою твердую волю дать постепенное развитіе новымъ учрежденіямъ, мною Царству дарованнымъ. Самое назначеніе любезнаго мнѣ брата было ручательствомъ моего искренняго желанія слѣдовать путемъ умиротворенія къ возстановленію нарушеннаго порядка въ Польшѣ и водворенію въ ней прочнаго управленія, на основаніяхъ, согласныхъ съ нуждами и пользою края. Вполнѣ постигнувъ мои благосклонныя къ народу польскому намѣренія, душевно имъ сочувствуя и воодушевленный высокою мыслью примиренія, ваше императорское высочество съ достойнымъ самоотверженіемъ пожертвовали всѣмъ положеніемъ вашимъ въ Имперіи, чтобы на новомъ поприщѣ, неограниченнымъ моимъ довѣріемъ вамъ указанномъ, усугубить ваше рвеніе на пользу службы и отечества. Я имѣлъ право ожидать отъ подданныхъ моихъ Царства Польскаго, что какъ намѣренія мои, такъ и готовность ваша къ приведенію въ исполненіе моихъ предначертаній будутъ постигнуты, что, минутно увлеченные насиліемъ противъ правительства, они поймутъ значеніе прибытія вашего въ Царство и, видя въ немъ залогъ попеченій моихъ о благѣ Польши и доказательство моего расположенія простить заблужденіе, они возвратятся на путь долга и къ чувствамъ преданности своему монарху. Къ крайнему моему прискорбію, надежды мои не осуществились. Встрѣченные на первомъ шагу вѣроломствомъ и покушеніемъ на драгоцѣнную для меня жизнь вашу, ваше императорское высочество кровію запечатлѣли преданность ко мнѣ и Россіи. Не взирая на всѣ усилія ваши, учрежденія, дарованныя мною Царству Польскому, доселѣ не дѣйствуютъ согласно ихъ назначенію, встрѣчая постоянныя препятствія не въ доброй волѣ и стараніяхъ правительства, а въ самой странѣ, находящейся подъ гнетомъ крамолы и пагубнымъ вліяніемъ иноземныхъ возмутителей. Съ прибытіемъ вашимъ въ Польшу должна была, внушеніемъ необходимаго уваженія и довѣряя къ закону, ознаменоваться новая эпоха для ея внутренняго развитія и благоденствія. Неусыпно и не щадя своего здоровья,

ваше императорское высочество твердою волею старались осуществить мои благія для Царства Польскаго намѣренія. Соглашая постоянно ваши дѣйствія съ цѣлью вашего назначенія, имѣя постоянно въ виду пользу службы Россіи и ввѣреннаго управленію вашему края, пренебрегая ежеминутно личною опасностью, вы не поколебались въ неусыпныхъ усиліяхъ вашихъ и тогда, когда открытый мятежъ противупоставилъ величайшія затрудненія дѣйствію закона. Но продолжающееся возмущеніе, тайные преступные замыслы и возраставшая со всѣхъ сторонъ измѣна убѣдили ваше императорское высочество въ несоотвѣтственности съ нынѣшнимъ состояніемъ края той мысли благосклоннаго и кроткаго умиротворенія, побудившей меня возложить на васъ исполненіе щедрыхъ льготъ, мною Царству Польскому дарованныхъ. Народъ польскій не хотѣлъ понять и оцѣнить мысль назначенія вашего императорскаго высочества моимъ намѣстникомъ и вѣроломнымъ возстаніемъ и преступными заговорами оказался недостойнымъ даннаго ему, въ лицѣ любезнаго мнѣ брата, залога благосклонныхъ намѣреній моихъ. Сознавая справедливость вашего воззрѣнія на невозможность, при настоящихъ обстоятельствахъ, слѣдовать для усмиренія края тѣмъ путемъ, который вызвалъ въ прошедшемъ году назначеніе ваше, я соизволяю на испрашиваемое вами увольненіе отъ обязанностей намѣстника моего и главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ. Когда же, съ помощію Божіею, возстаніе въ Польшѣ будетъ подавлено, когда, внявъ наконецъ гласу закона и долга, подданные мои въ Царствѣ отвергнутъ насиліе отъявленныхъ поборниковъ измѣны и обратятся къ моему милосердію, когда водворенный порядокъ дозволитъ приступить вновь къ начатому вами дѣлу, когда обстоятельства дозволятъ введеніе тѣхъ учрежденій, которыя мною были дарованы Царству и приведеніе въ дѣйствіе коихъ есть одно изъ моихъ живѣйшихъ и искреннѣйшихъ желаній,—тогда я буду надѣяться, что вамъ снова можно будетъ принять участіе въ исполненіи моихъ предначертаній и посвятить себя на пользу службѣ съ тою же ревностью и самоотверженіемъ, коихъ постоянныя и несомнѣнныя доказательства столь же были отрадны моему сердцу, сколь неограничены мои къ вамъ довѣріе и братскія дружба и любовь. Молю Бога, дабы испрашиваемый вами отдыхъ, необходимый вашему императорскому высочеству послѣ постоянныхъ и тяжкихъ трудовъ, понесенныхъ вами среди величайшихъ затрудненій и испытаній, глубоко поражавшихъ ваше сердце, столь горячо любящее дорогое отечество, сколь возможно скоро возстановилъ ваши силы. Да поможетъ намъ Богъ. Въ Его безпредѣльное милосердіе уповаю твердо и непоколебимо.— Искренно васъ любящій и благодарный братъ «Александръ» [1].

[1] Рескриптъ великому князю Константину Николаевичу, 19-го октября 1863 г.

Графъ Бергъ тотчасъ же принялся за усмиреніе мятежа и за возстановленіе порядка въ краѣ, прибѣгая противъ мятежниковъ къ строгимъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, уже испытаннымъ на опытѣ генераломъ Муравьевымъ въ Литвѣ. Со своей стороны, подпольный жондъ напрягъ всѣ свои силы, чтобы поддержать потухавшее пламя возстанія. Исполнители его велѣній — жандармы-вѣшатели и кинжальщики — совершали убійство за убійствомъ. Организованы были покушенія на жизнь новаго намѣстника. Къ счастью, попытки не удались. Преслѣдованіе мятежническихъ шаекъ продолжалось съ усиленною энергіею и возраставшимъ успѣхомъ. Одновременно, строгими распоряженіями графа Берга, возстановленъ наружный порядокъ въ Варшавѣ и въ губерніяхъ. Подъ страхомъ денежныхъ штрафовъ, женщины сняли трауръ и облеклись въ цвѣтные наряды. На городъ Варшаву и на землевладѣльцевъ всего края наложена чрезвычайная контрибуція. Слѣдственныя коммиссіи усердно трудились надъ раскрытіемъ тайной организаціи мятежа. Дѣйствія ихъ объединились учрежденіемъ центральнаго военно-полицейскаго управленія, подъ главнымъ начальствомъ генерала Трепова, возведеннаго въ званіе генералъ-полиціймейстера въ Царствѣ Польскомъ. По мѣрѣ обнаруженія революціонной организаціи, виновные подвергались законной карѣ. 29-го марта 1864 года открытъ пресловутый «Народовый жондъ» и задержаны его дѣятельнѣйшіе члены. Тѣ изъ нихъ, что̀ избѣгли ареста, скрылись за границу и съ этого времени подпольный комитетъ уже болѣе не возстановлялся.

Къ 1-му мая того же года край очищенъ отъ послѣднихъ вооруженныхъ шаекъ и войскамъ, усмирявшимъ мятежъ, объявлено окончаніе кампаніи [1].

[1] Приказъ по Варшавскому военному округу 5-го октября 1864 г. — Акты и документы по польскимъ дѣламъ въ Архивѣ Государственнаго Совѣта; по финляндскимъ въ Архивѣ Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго. Переписка о военныхъ дѣйствіяхъ по усмиренію возстанія — въ Военно-Ученомъ Архивѣ. См. также **Н. П. Павлищева**, «Седмицы Польскаго мятежа»; **Н. В. Берга**, «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ»; «Записки графа М. Н. Муравьева о мятежѣ въ Сѣверо-Западной Россіи въ 1863—65 гг.», напечатаны въ «Русской Старинѣ», 1886 и 1887 гг. т. XXXVI, XXXVII и XXXVIII.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Дипломатическій походъ на Россію.

1863.

Пруссія предлагаетъ Россіи помощь для усмиренія польскаго мятежа.—Двѣ рѣчи Бисмарка. — Русско-прусская конвенція. — Предложеніе французскаго двора англійскому протестовать противъ нея въ Берлинѣ. — Первое представленіе сентъ-джемскаго кабинета Россіи по польскимъ дѣламъ.— Отвѣтъ на него князя Горчакова.— Письмо Наполеона III къ государю и отвѣтъ его. — Переговоры между Франціею, Англіею и Австріею. — Дипломатическія представленія трехъ державъ императорскому кабинету. — Письменные отвѣты на нихъ вице-канцлера. — Обращеніе Франціи и Англіи за содѣйствіемъ ко всѣмъ европейскимъ державамъ. — Письмо папы государю и отвѣтъ на него. — Отповѣдь правительства Соединенныхъ Штатовъ. — Дальнѣйшіе переговоры между Парижемъ, Лондономъ и Вѣною. — Предложеніе Россіи шести пунктовъ Англіею, Франціею и Австріею. — Твердость императора Александра. — Отвѣтъ вице-канцлера тремъ дворамъ. — Его словесныя заявленія ихъ посламъ. — Отзывъ «Московскихъ Вѣдомостей». — Заключительныя сообщенія трехъ дворовъ. — Третій и послѣдній отвѣтъ на нихъ князя Горчакова. — Наполеонъ III приглашаетъ европейскихъ государей на конгрессъ въ Парижѣ. — Отвѣтное письмо императора Александра.

Въ самомъ началѣ польскаго возстанія главные европейскіе дворы относились къ нему довольно равнодушно. Одна только Пруссія, при первомъ извѣстіи о появленіи вооруженныхъ шаекъ повстанцевъ, поспѣшила предложить Россіи содѣйствіе къ подавленію мятежа.

Двѣ причины побудили къ тому прусскаго министра-президента Бисмарка. Про одну изъ нихъ онъ самъ такъ отозвался много лѣтъ спустя предъ германскимъ рейхстагомъ: «Я могъ наблюдать въ Петербургѣ за русскимъ дѣломъ въ Польшѣ изблизи, вслѣдствіе довѣрія, коимъ дарилъ меня покойный императоръ Александръ. Я пришелъ къ убѣжденію, что въ русскомъ кабинетѣ дѣйствуютъ два начала: одно—я могъ бы назвать его анти-нѣмецкимъ,—желавшее пріобрѣсть благоволеніе поляковъ и французовъ, главными представителями котораго служили: вице-канцлеръ князь Горчаковъ, а въ Варшавѣ—маркизъ Велепольскій;

другое, носителями котораго были преимущественно самъ императоръ и прочіе его слуги, основанное на потребности твердо придерживаться во всемъ дружественныхъ отношеній съ Пруссіею. Можно сказать, что въ средѣ русскаго кабинета вели борьбу за преобладаніе дружественно расположенная къ Пруссіи анти-польская политика съ политикою польскою, дружественно расположенною къ Франціи».

Другимъ поводомъ къ предложенію Россіи услуги послужило убѣжденіе Бисмарка, тогда же гласно высказанное имъ въ прусской палатѣ депутатовъ, что быстрое подавленіе мятежа требуется интересами Пруссіи. «Во всемъ этомъ дѣлѣ»,—говорилъ онъ,—«рѣчь идетъ вовсе не о русской политикѣ и не о нашихъ отношеніяхъ къ Россіи, а единственно объ отношеніяхъ Пруссіи къ польскому возстанію и о защитѣ прусскихъ подданныхъ отъ грозы, которая можетъ произойти для нихъ отъ этого возстанія. Что Россія ведетъ не прусскую политику, знаю я, знаетъ всякій. Она къ тому и не призвана. Напротивъ, долгъ ея—вести русскую политику. Но будетъ ли независимая Польша, въ случаѣ, если бы ей удалось утвердиться въ Варшавѣ на мѣстѣ Россіи, вести прусскую политику? Будетъ ли она страстною союзницею Пруссіи противъ иностранныхъ державъ? Озаботится ли о томъ, чтобы Познань и Данцигъ остались въ прусскихъ рукахъ? Все это я предоставляю вамъ взвѣшивать и соображать самимъ» [1]. Не безъ вліянія на рѣшеніе Бисмарка осталась и мелькнувшая въ головѣ его мысль, о которой онъ тогда же намекнулъ вице-президенту прусской палаты депутатовъ Беренду: «Польскій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только двумя способами: или надо быстро подавить возстаніе, въ согласіи съ Россіей и предупредить западныя державы совершившимся фактомъ, или же дать положенію развиться и ухудшиться, ждать, покуда русскіе будутъ выгнаны изъ Царства или вынуждены просить помощи, и тогда смѣло дѣйствовать и занять Царство за счетъ Пруссіи. Черезъ три года все тамъ было бы германизировано».—«Но вѣдь то, что вы мнѣ говорите, не болѣе, какъ бальный разговоръ»,—воскликнулъ озадаченный собесѣдникъ. «Нисколько»,—отвѣчалъ министръ,—«я говорю серьезно о серьезномъ дѣлѣ. Русскимъ Польша въ тягость, самъ императоръ Александръ признавался мнѣ въ этомъ въ Петербургѣ». Въ Берлинѣ, очевидно, помнили, что съ 1795 по 1807 годъ Варшава была прусскимъ городомъ, а Царство Польское—прусскою областью, носившею даже названіе Южной Пруссіи.

Прусское правительство приняло рядъ энергическихъ мѣръ, направленныхъ противъ польскихъ мятежниковъ. Вдоль нашей границы сосредоточены четыре полка, усиленные надлежащими резервами, съ приказаніемъ не допускать въ прусскіе предѣлы вооруженныхъ шаекъ по-

[1] Рѣчь Бисмарка въ прусской палатѣ депутатовъ, 6-го февраля 1863 г.

встанцевъ. Въ воззваніи, обращенномъ властями къ познанскому населенію, выражалась надежда, что польскіе подданные короля воздержатся отъ участія въ мятежѣ, а въ случаѣ ослушанія ихъ предупреждали, что виновныхъ постигнетъ кара, положенная за государственную измѣну. Наконецъ, генералъ-адъютантъ Вильгельма I Альвенслебенъ и флигель-адъютантъ Раухъ были посланы въ Варшаву и оттуда въ Петербургъ, для собранія свѣдѣній о ходѣ возстанія и для соглашенія съ русскимъ правительствомъ объ общихъ мѣрахъ къ его усмиренію.

Въ Варшавѣ великій князь-намѣстникъ и ближайшіе его совѣтники были крайне удивлены предупредительностью сосѣдняго двора, въ особенности, когда прусскіе посланцы предложили приступить къ заключенію конвенціи съ цѣлью дѣйствовать сообща противъ мятежниковъ. По этому поводу управляющій дипломатическою канцеляріею великаго князя Тенгоборскій писалъ русскому посланнику въ Берлинѣ: «Признавая вѣжливость (courtoisie) порученія, возложеннаго на этихъ господъ, мы не можемъ отдать себѣ яснаго отчета въ причинахъ, его вызвавшихъ. Для насъ не существуетъ смертельной опасности (periculum in mora) и мы не доведены еще до того, чтобы нуждаться въ содѣйствіи иностранныхъ войскъ... Прусское правительство рисуетъ чорта гораздо страшнѣе, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности»[1]. Но въ Петербургѣ на дѣло взирали иначе, и въ концѣ января генералъ Альвенслебенъ подписалъ съ княземъ Горчаковымъ конвенцію, которою Россія и Пруссія условились, что въ случаѣ требованія военнаго начальства одной изъ державъ, войска другой державы могутъ переступить границу, а если окажется нужнымъ, то и преслѣдовать инсургентовъ на территоріи сосѣдняго государства[2].

Оглашеніе Бисмаркомъ заключенной съ Россіей конвенціи, хотя и безъ обнародованія ея текста, возбудило тревогу и безпокойство прочихъ великихъ державъ. Наполеонъ III, видѣвшій угрозу для себя въ сближеніи русскаго двора съ прусскимъ, предложилъ Англіи и Австріи сообща протестовать въ Берлинѣ противъ международнаго акта, которымъ частный польскій вопросъ обращенъ въ общеевропейскій, подлежащій обсужденію всѣхъ державъ[3]. Но изъ Лондона ему замѣтили, что несправедливо предъявлять упрекъ къ Пруссіи, оставляя въ сторонѣ «главнаго виновника» (le grand coupable), то есть Россію; такой же уклончивый отвѣтъ полученъ былъ въ Парижѣ и изъ Вѣны.

Одновременно сентъ-джемскій кабинетъ предписалъ своему представителю въ Петербургѣ, во имя вѣнскихъ договоровъ 1815 года, коими Царство Польское присоединено къ Россійской имперіи и участницею кото-

1 Тенгоборскій Убри. 23-го января 1863 г.

2 Русско-прусская конвенція. 27-го января 1863 г.

3 Друэнъ де-Люи барону Гро. 5-го февраля 1863 г.

рыхъ была Великобританія, пригласить русскій дворъ даровать амнистію полякамъ и возвратить Польшѣ гражданскія и политическія права, дарованныя ей императоромъ Александромъ I, во исполненіе обязательствъ, яко бы принятыхъ имъ на Вѣнскомъ конгрессѣ предъ Европою [1]. Французскому правительству англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ предложилъ поддержать это представленіе, но получилъ въ отвѣтъ, что Франція уже сдѣлала, что могла, въ Петербургѣ отдѣльнымъ представленіемъ и не находитъ возможнымъ приступить къ коллективному давленію на русскій дворъ.

26-го февраля англійскій посолъ лордъ Непиръ вручилъ русскому вице-канцлеру депешу, заключавшую требованія его двора. Прочитавъ ее, князь Горчаковъ объявилъ, что, дѣйствуя въ духѣ примирительномъ, онъ не дастъ письменнаго отвѣта на замѣчанія великобританскаго правительства, но ограничится возраженіемъ на словахъ. Не оспаривая мнѣнія англійскаго министра о печальномъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ, вице-канцлеръ заявилъ, что оно раздѣляется императоромъ Александромъ и его правительствомъ; что государь глубоко скорбитъ о кровопролитіи, но что отвѣтственность за это падаетъ не на насъ. Рекрутскій наборъ былъ лишь предлогомъ, а не причиною возстанія, подготовленнаго издавна эмиграціей въ иностранныхъ столицахъ, не исключая и Лондона. То было демократическое и антисоціальное движеніе, стремящееся совершенно къ инымъ цѣлямъ, чѣмъ тѣ, на которыя указываютъ практическіе государственные люди Англіи. Цѣли эти: отдѣленіе Польши отъ Россіи, и полная ея національная независимость, въ предѣлахъ 1772 года. Въ мятежѣ участвуютъ лишь городское населеніе, сельское духовенство, мелкая шляхта. Крупные землевладѣльцы изъ дворянъ ищутъ убѣжища подъ защитою пушекъ варшавской цитадели; крестьяне всѣ на сторонѣ правительства. Переходя къ касающимся Польши постановленіямъ вѣнскихъ договоровъ, вице-канцлеръ замѣтилъ, что введеніе упомянутыхъ въ нихъ національныхъ учрежденій предоставлено усмотрѣнію русскаго правительства. Императоръ Александръ даровалъ Царству Польскому, по собственному почину, представительную конституцію, которая не была даже сообщена иностраннымъ державамъ, а потому императоръ Николай имѣлъ полное право отмѣнить ее, когда она оказалась не отвѣчающею потребностямъ ни Польши, ни Россіи. Александръ II примѣнилъ въ Царствѣ Польскомъ тѣ же правительственныя начала, что̀ проводятся имъ въ Россіи. Дарованныя имъ Царству учрежденія предоставятъ полякамъ полную административную автономію и выборное представительство. Конечно, они не тождественны съ конституціею Александра I-го, ни съ такими же учрежденіями въ Англіи, но они соображены съ положеніемъ

[1] Лордъ Джонъ Руссель лорду Непиру, 18-го февраля 1863 г.

Польши и отношеніями ея къ Россіи. Практическіе государственные люди Великобританіи не станутъ утверждать, что спасительны и полезны повсюду лишь тѣ учрежденія, что̀ привились въ Англіи. Провозгласивъ начало невмѣшательства правиломъ своей внѣшней политики, они не отступятъ отъ него и не станутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла дружественной державы. Что касается до права Англіи, истекающаго изъ вѣнскихъ договоровъ, то вопросъ этотъ исчерпанъ перепискою, происходившею между обоими правительствами по усмиреніи польскаго мятежа 1830—1831 годовъ. Относительно же совѣтуемой сентъ-джемскимъ дворомъ амнистіи, князь Горчаковъ, во вниманіе къ дружественному характеру англійскихъ замѣчаній, повѣдалъ послу, что государь расположенъ даровать ее, какъ только прекратится вооруженное сопротивленіе мятежниковъ. Не желая выходить изъ примирительнаго тона, вице-канцлеръ не коснулся довода, на который могъ бы опереться: права завоеванія, и заключилъ, что онъ даже могъ бы отказаться отъ всякихъ объясненій по поводу сообщенія посла. Но въ виду заявленія лондонскаго двора, что замѣчанія его внушены дружественнымъ расположеніемъ къ Россіи, онъ принялъ это заявленіе къ свѣдѣнію и отвѣчалъ на замѣчанія въ томъ же дружественномъ смыслѣ [1].

Между тѣмъ, императоръ французовъ изложилъ взглядъ свой на событія въ Польшѣ въ довѣрительномъ письмѣ на имя государя, въ которомъ, не касаясь вѣнскихъ договоровъ, ни истекающаго изъ нихъ права вмѣшательства для Франціи, убѣждалъ императора Александра по собственному почину даровать польскимъ своимъ подданнымъ такія учрежденія, которыя, удовлетворивъ ихъ, предупредили бы замышленныя Англіею коллективныя представленія. Въ отвѣтѣ своемъ государь вѣжливо, но твердо отказался отъ какихъ бы то ни было обѣщаній или обязательствъ передъ Франціею. «Передайте императору, вашему государю»,—сказалъ Наполеонъ III послу барону Будбергу,—«что если, не дай Богъ, я вынужденъ буду перейти въ противный ему лагерь, то почту себя крайне опечаленнымъ и несчастнымъ».

Слова эти означали существенный поворотъ въ политикѣ Франціи въ польскомъ вопросѣ. Ежечасно возраставшая холодность къ нему русскаго двора разочаровала Наполеона III въ мечтѣ сближенія и союза съ Россіей. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, съ силою высказавшагося въ палатахъ и въ печати въ пользу поляковъ, императоръ французовъ рѣшился круто перемѣнить фронтъ и, въ тѣсномъ согласіи съ Англіей и Австріей, выступить заступникомъ за Польшу, возстановителемъ ея правъ. Завязавшіеся между Парижемъ, Лондономъ и Вѣною оживленные дипломатическіе переговоры не замедлили, однако, выяснить разно-

[1] Лордъ Непиръ лорду Джону Русселю, 26-го февраля 1863 г.

мнѣніе трехъ державъ относительно исходной точки представленій, которыя онѣ намѣревались сообща предъявить Россіи по польскимъ дѣламъ. Англія настаивала на признаніи за таковую вѣнскихъ договоровъ 1815 года, на которыя не хотѣла опираться Австрія, участница трехъ раздѣловъ Польши, а и того менѣе бонапартовская Франція, ненавидѣвшая эти договоры, которые узаконяли низверженіе Наполеона I и провозглашали его династію лишенною всѣхъ правъ на наслѣдованіе французскимъ престоломъ. Не безъ труда пришли три державы къ соглашенію, сохранивъ, впрочемъ, каждая свой взглядъ на мотивы обращенія къ Россіи и условясь лишь въ томъ, чтобы сообщенія эти были переданы русскому двору въ одинъ и тотъ же день.

5-го апрѣля, представители въ Петербургѣ Англіи, Франціи и Австріи вручили князю Горчакову списки съ депешъ, полученныхъ ими отъ подлежащихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ.

Англійская депеша основывала право вмѣшательства въ польскія дѣла на 1-й статьѣ заключительнаго акта вѣнскаго конгресса, которою Царство Польское присоединено къ Россійской Имперіи на условіяхъ, перечисленныхъ въ той же статьѣ и которыя, по мнѣнію правительства ея британскаго величества, не были исполнены Россіей. Графъ Руссель находилъ, что даже послѣ возстанія 1830—1831 годовъ русское правительство не имѣло права обращаться съ Польшею какъ съ завоеванною страною, не нарушая обязательствъ, занесенныхъ въ договоръ, потому что самою Польшею оно владѣетъ въ силу трактата, заключеннаго съ восемью европейскими державами, въ томъ числѣ и съ Англіей. Но, независимо отъ помянутыхъ обязательствъ, на Россіи, какъ на членѣ европейской семьи, лежитъ и другая обязанность: не увѣковѣчивать въ Польшѣ положенія, служащаго источникомъ опасности не только для Россіи, но и для мира Европы. Польская смута возбуждаетъ общественное мнѣніе въ прочихъ государствахъ, вызываетъ тревогу въ правительствахъ и грозитъ серьезными усложненіями, а потому правительство королевы «ревностно надѣется» (fervently hopes), что русское правительство уладитъ это дѣло такъ, чтобы миръ, на прочномъ основаніи, былъ возвращенъ польскому народу [1].

Депеша тюильрійскаго двора не упоминала о вѣнскомъ трактатѣ и заступничество свое за поляковъ обусловливала исключительно тою тревогой, которую волненія въ Польшѣ вызываютъ въ сосѣднихъ странахъ, и воздѣйствіемъ ихъ на спокойствіе Европы. Они должны быть прекращены въ общемъ интересѣ европейскихъ державъ. Французское правительство надѣется, что русскій дворъ, одушевленный либеральными намѣреніями, столь часто доказанными имъ на дѣлѣ въ царствованіе императора Але-

[1] Лордъ Джонъ Руссель лорду Непиру, 21-го марта 1863 г.

ксандра II, признаетъ, въ мудрости своей, необходимость «поставить Польшу въ условія прочнаго мира» [1].

Наконецъ, въ депешѣ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ указывалось на возбужденіе умовъ въ Галиціи, какъ на послѣдствіе продолжительнаго вооруженнаго возстанія въ сосѣдней Польшѣ, и выражалась надежда, что С.-Петербургскій кабинетъ, сознавъ опасность этихъ столь часто повторяющихся потрясеній, «не замедлитъ положить имъ конецъ умиротвореніемъ края» [2].

Князь Горчаковъ не уклонился на этотъ разъ отъ письменнаго отвѣта на представленія трехъ державъ.

Въ депешѣ къ императорскому послу въ Лондонѣ онъ вступилъ въ пространное разсужденіе объ обязательствахъ, наложенныхъ на Россію по отношенію къ Царству Польскому статьями вѣнскаго договора 1815 года, и доказалъ, что постановленія ихъ не нарушены русскимъ правительствомъ, повторивъ всѣ доводы перваго своего словеснаго возраженія великобританскому послу. Переходя къ заключенію депеши графа Русселя, вице-канцлеръ снова заявилъ, что живѣйшее желаніе государя—придти къ практическому разрѣшенію польскаго вопроса. Но такимъ отнюдь нельзя считать введеніе въ Польшѣ конституціи, подобной той, что̀ дѣйствуетъ въ Англіи. Прежде чѣмъ достигнуть до политической зрѣлости этой страны, прочимъ государствамъ приходится перейти нѣсколько ступеней развитія, и обязанность монарха—соразмѣрить даруемыя имъ учрежденія съ истинными потребностями своихъ подданныхъ. Императоръ Александръ съ самаго своего воцаренія вступилъ на путь преобразованій и въ короткое время совершилъ общественный переворотъ, для котораго въ другихъ странахъ Европы потребовалось много времени и усилій. Система постепеннаго развитія приложена имъ ко всѣмъ отраслямъ управленія и къ существующимъ учрежденіямъ. Государь не уклонится съ этого пути, шествуя которымъ онъ пріобрѣлъ любовь и преданность своихъ подданныхъ и право на сочувствіе Европы. Тѣ же намѣренія одушевляютъ его и относительно поляковъ. Въ Европѣ не поняли и не оцѣнили по достоинству дарованныхъ Царству Польскому учрежденій, заключающихъ въ себѣ задатки, развить которые зависитъ отъ времени и опыта. Они приведутъ къ полной административной автономіи Польши на основѣ областныхъ и муниципальныхъ учрежденій, которыя были исходною точкой величія и благосостоянія самой Англіи. Но въ дѣлѣ этомъ императоръ встрѣтился съ препятствіями, возбужденными «партіей безпорядка». Она помѣшала введенію новыхъ учрежденій. Несмотря на это, въ манифестѣ объ амнистіи государь заявилъ, что не возьметъ обратно дарованныхъ

[1] Друэнъ де-Люи герцогу Монтебелло, 31-го марта 1863 г.

[2] Графъ Рехбергъ графу Туну, 31-го марта 1863 г.

[illegible] шее развитіе.

«Итакъ», разсуждалъ русскій министръ, «его величество можетъ сослаться на прошлое, въ прямодушіи своей совѣсти; что же касается до будущаго, то оно, естественно, зависитъ отъ довѣрія, съ коимъ отне- [illegible] государь увѣренъ, что поступаетъ какъ лучшій другъ Польши и одинъ только стремится къ ея благу практическимъ путемъ». Вице-канцлеръ не оставилъ безъ возраженія напоминанія графа Русселя объ обязанностяхъ Россіи относительно прочихъ европейскихъ государствъ. Обязанности эти она никогда не теряла изъ виду, но ей не всегда отвѣчали взаимностью. Въ доказательство князь Горчаковъ ссылался на то, что заговоръ, приведшій къ мятежу въ Польшѣ, составился внѣ ея. Съ одной стороны, воз- [illegible] бужденіе общественнаго мнѣнія въ Европѣ. Русскій императоръ искренно желаетъ возстановленія спокойствія и мира въ Царствѣ Польскомъ. Онъ допускаетъ, что державы, подписавшія актъ вѣнскаго конгресса, остаются небезучастными къ событіямъ, происходящимъ въ этой странѣ, и что дружественныя объясненія съ ними могутъ повести къ результату, отвѣчающему общимъ интересамъ. Онъ принимаетъ къ свѣдѣнію довѣріе, выраженное ему великобританскимъ правительствомъ, которое полагается на него въ дѣлѣ умиротворенія Царства Польскаго. Но на немъ лежитъ долгъ обратить вниманіе лондонскаго двора на пагубное дѣйствіе возбужденій Европы на поляковъ. Возбужденія эти исходятъ отъ партіи всесвѣтной революціи, всюду стремящейся къ ниспроверженію порядка, и [illegible] Европѣ. Если европейскія державы дѣйствительно желаютъ возстановле- [illegible] ствовать принятіемъ мѣръ противъ нравственнаго и матеріальнаго броженія, распространеннаго въ Европѣ, такъ, чтобы изсякнулъ этотъ постоянный источникъ смутъ. Россія надѣется, что, скрѣпивъ въ этомъ духѣ узы, связующія ихъ съ нею, онѣ дѣятельно послужатъ дѣлу мира и общей пользы [1].

Въ отвѣтъ тюильрійскому двору вице-канцлеръ ограничился повтореніемъ заключенія своей депеши къ русскому послу въ Лондонѣ и приглашалъ императора Наполеона оказать намъ нравственное содѣйствіе въ исполненіи задачи, возлагаемой на русскаго государя попеченіемъ о благѣ его польскихъ подданныхъ и сознаніемъ долга передъ Россіей и великими державами [2]. Въ тотъ же смыслѣ послѣдовалъ и отвѣтъ вѣн-

[1] [illegible]

[2] [illegible]

скому двору, съ прибавленіемъ, что отъ Австріи зависитъ помочь Россіи умиротворить Царство Польское, принятіемъ строгихъ мѣръ противъ мятежниковъ въ пограничныхъ съ нею областяхъ [1].

Между тѣмъ, кабинеты лондонскій и парижскій, не довольствуясь собственными представленіями въ пользу мятежныхъ поляковъ, обратились ко всѣмъ европейскимъ державамъ съ приглашеніемъ принять участіе въ давленіи на Россію, съ цѣлью вызвать ее на уступки [2]. «Дипломатическое вмѣшательство всѣхъ кабинетовъ»,—писалъ по этому поводу французскій министръ иностранныхъ дѣлъ,—«оправдывается само собою въ дѣлѣ общеевропейскаго интереса, и они не могутъ сомнѣваться въ спасительномъ во всѣхъ отношеніяхъ вліяніи единодушной манифестаціи Европы». Далеко не всѣ державы откликнулись на этотъ призывъ. Бельгія и Швейцарія уклонились отъ участія въ манифестаціи, ссылаясь на свою нейтральность. Глава берлинскаго кабинета прямо заявилъ англійскому посланнику, что согласіе на предложеніе его двора поставило бы его въ противорѣчіе съ самимъ собою. Нельзя же ему, въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ онъ въ продолженіе двухъ лѣтъ настаивалъ предъ русскимъ дворомъ на необходимости не отступать предъ строгими мѣрами для подавленія мятежа, вдругъ обратиться къ нему же съ совѣтомъ даровать полякамъ автономію [3]. Слѣдуя примѣру Пруссіи, воздержались отъ всякаго вмѣшательства и второстепенные германскіе дворы. Зато, съ болѣе или менѣе настойчивымъ ходатайствомъ за Польшу выступили въ Петербургѣ: Испанія, Швеція, Италія, Нидерланды, Данія, Португалія и даже—Турція. Князю Горчакову не много труда стоило отклонить всѣ эти представленія. Отвѣтъ его всѣмъ державамъ звучалъ одинаково: сперва нужно усмирить мятежъ, послѣ чего наступитъ пора и для проявленія милосердія.

Папа Пій IX, съ самаго начала возстанія въ Польшѣ проявившій сочувствіе къ полякамъ и оказавшій имъ всевозможныя поощренія, обратился съ личнымъ письмомъ къ государю, въ которомъ жаловался на положеніе римско-католической церкви въ краѣ, на терпимыя ею притѣсненія и требовалъ для себя права непосредственно сноситься, внѣ всякаго правительственнаго контроля, съ мѣстными епископами, а для духовенства—возстановленія его вліянія на народное образованіе (Che il clero recuperi la sua influenza nel insegnamento e direzione del popolo) [4]. Императоръ Александръ отвѣчалъ римскому первосвященнику письмомъ, въ которомъ упрекамъ его противупоставилъ обвиненіе духовныхъ лицъ въ соучастіи въ мятежѣ, въ вызванныхъ имъ безпорядкахъ и даже въ совершенныхъ

[1] Князь Горчаковъ Балабину, 2-го апрѣля 1863 г.

[2] Циркуляры дворовъ сентъ-джемскаго и тюильрійскаго, 5-го апрѣля 1863 г.

[3] Сэръ А. Бdevнанъ лорду Джону Русселю, 22-го марта 1863 г.

[4] Пій IX государю, 10-го апрѣля 1863 г.

преступниковъ. [illegible] съ виновниками безпорядковъ, угрожающихъ обществу—одно изъ возмутительнѣйшихъ явленій нашего времени. Ваше святѣйшество должны не менѣе меня желать его прекращенія», и заключилъ письмо такими словами: «Я увѣренъ, что прямое соглашеніе моего правительства съ правительствомъ вашего святѣйшества, на основаніи заключеннаго между нами конкордата, вызоветъ желаемый мною свѣтъ, при которомъ разсѣются недоразумѣнія, порожденныя ошибочными или злонамѣренными донесеніями и преуспѣетъ дѣло политическаго порядка и религіозныхъ интересовъ, нераздѣльныхъ въ такое время, когда и тому, и другимъ приходится обороняться отъ нападеній революціи. Всѣ дѣйствія моего царствованія и заботливость моя о духовныхъ нуждахъ моихъ подданныхъ всѣхъ исповѣданій служатъ залогомъ чувствъ, одушевляющихъ меня въ этомъ отношеніи» [1].

Въ числѣ прочихъ державъ, приглашеніе присоединиться къ дипломатическому походу на Россію получило и правительство Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Но, помня отказъ русскаго двора принять участіе въ подобной же демонстраціи противъ единства заатлантической республики во время послѣдней междоусобной войны, вашингтонскій кабинетъ рѣшительно отклонилъ англо-французское предложеніе, ссылаясь на непреложное правило правительства Соединенныхъ Штатовъ: ни подъ какимъ видомъ не вмѣшиваться въ политическія пререканія государствъ Стараго Свѣта [2]. Депеша о томъ статсъ-секретаря Сьюарда къ сѣверо-американскому посланнику въ Парижѣ была сообщена русскому двору, и нашъ вице-канцлеръ именемъ государя выразилъ правительству президента Джонсона, какъ высоко цѣнитъ его величество проявленную имъ твердость въ соблюденіи начала невмѣшательства, а равно и добросовѣстность (loyauté), съ которою оно отказалось нарушить во вредъ другому государству правило, нарушенія коего само не потерпѣло бы по отношенію къ своей странѣ. «Федеральное правительство»,—заявилъ по этому поводу князь Горчаковъ,—«дало тѣмъ примѣръ прямодушія и честности, отъ котораго можетъ только возрасти уваженіе, питаемое нашимъ августѣйшимъ государемъ къ американскому народу» [3].

Между тѣмъ, дворы лондонскій, парижскій и вѣнскій, получивъ русскій отвѣтъ на свои представленія, совѣщались объ общей программѣ дальнѣйшаго вмѣшательства въ пользу поляковъ. «Настала минута»,—наставлялъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ посла въ Лондонѣ,—«точно опредѣлить предложенія, о которыхъ предстоитъ условиться тремъ

[1] Государь Пію IX, 29-го апрѣля 1863 г.
[2] Сьюардъ Дэйтону, 29-го апрѣля 1863 г.
[3] [illegible]

дворамъ». Тюильрійскій кабинетъ желалъ, чтобы новое обращеніе ихъ къ русскому двору произошло въ формѣ тождественныхъ нотъ и чтобы въ немъ было выражено требованіе о передачѣ польскаго вопроса на обсужденіе всѣхъ европейскихъ державъ, но вынужденъ былъ уступить настояніямъ Англіи, допускавшей лишь одновременное предъявленіе трехъ сообщеній, а также передачу дѣла на судъ лишь восьми державъ, подписавшихъ заключительный актъ вѣнскаго конгресса [1].

Прочтеніе и врученіе трехъ депешъ послами союзныхъ дворовъ князю Горчакову состоялось въ одинъ и тотъ же день, въ половинѣ іюня. Вице-канцлеръ выслушалъ ихъ въ молчаніи, сказавъ лишь, что содержаніе депешъ доведетъ до свѣдѣнія государя и испроситъ высочайшія повелѣнія.

Депеши различествовали между собою по формѣ, но всѣ приходили къ общему заключенію. Онѣ предлагали русскому двору принять за основаніе переговоровъ по польскому вопросу слѣдующіе шесть пунктовъ: 1) полная и всеобщая амнистія; 2) народное представительство, съ правами, подобными тѣмъ, что утверждены хартіей 15-го ноября 1815 года; 3) назначеніе поляковъ на общественныя должности, съ тѣмъ, чтобы образовалась администрація непосредственная, національная и внушающая довѣріе странѣ; 4) полная и совершенная свобода совѣсти и отмѣна стѣсненій, наложенныхъ на католическое вѣроисповѣданіе; 5) исключительное употребленіе польскаго языка, какъ языка официальнаго въ администраціи, въ судѣ и въ народномъ образованіи и 6) установленіе правильной и законной системы рекрутскаго набора. Всѣ шесть статей были изложены въ трехъ депешахъ одинаково, но въ нихъ же проявились и существенные оттѣнки. Англія и Франція настаивали на созывѣ конференціи изъ восьми державъ, то-есть съ привлеченіемъ въ нее, кромѣ трехъ дворовъ и Россіи,—Пруссіи, Швеціи, Италіи и Португаліи, какъ державъ-участницъ вѣнскаго конгресса; Австрія объявляла только, что не встрѣтитъ препятствій къ созыву такой конференціи, если Россія признаетъ ея своевременность (opportunité). Далѣе Англія прямо требовала перемирія съ повстанцами; Франція довольствовалась временнымъ замиреніемъ (pacification provisoire), основаннымъ на соблюденіи военнаго status quo, а Австрія ограничивалась пожеланіемъ: «чтобы мудрости русскаго правительства удалось прекратить сожалѣнія достойное кровопролитіе» [2].

Точно опредѣленныя требованія трехъ державъ вызвали русскій дворъ на столь же точный и опредѣленный отвѣтъ. Принятіе ихъ предложеній равносильно было бы признанію за ними права вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла; отверженіе—могло повести къ дипломатическому раз-

[1] Друэнъ де Люи барону Гро, 17-го мая 1863 г.

[2] Депеши трехъ союзныхъ дворовъ представителямъ ихъ въ С.-Петербургѣ, 5-го іюля 1868 г.

миру и далѣе въ войнѣ, какъ предупреждали о томъ русскіе дипломаты въ своихъ донесеніяхъ. Взвѣсивъ обѣ случайности, императоръ Александръ не поколебался подчинить всѣ прочія соображенія сознанію державнаго достоинства Россіи. Прежде чѣмъ надписать «Быть по сему» на представленныхъ вице-канцлеромъ проектахъ отвѣтовъ на имя нашихъ представителей въ Лондонѣ, Парижѣ и Вѣнѣ, государь перекрестился и, передавая ихъ князю Горчакову, твердо и рѣшительно произнесъ: «Vogue la galère!» [1]

Русскія депеши, какъ и тѣ, на которыя онѣ отвѣчали, различествовали по размѣрамъ и содержанію, но общее заключеніе ихъ было одно и то же: Россія категорически отвергала притязаніе трехъ державъ выступить посредниками между нею и мятежными поляками—подданными русскаго царя.

Отвѣтъ великобританскому правительству вице-канцлеръ началъ выясненіемъ взаимнаго положенія Россіи и Англіи въ польскомъ вопросѣ. «Въ принципѣ»,—писалъ онъ,—«императорскій кабинетъ признаетъ право каждой изъ державъ, подписавшихъ трактатъ, толковать его смыслъ со своей точки зрѣнія, насколько толкованіе это держится въ предѣлахъ смысла, допускаемаго подлинными словами трактата. Въ силу этого принципа, императорскій кабинетъ не отрицаетъ этого права ни у одной изъ восьми державъ, участвовавшихъ въ составленіи главнаго акта вѣнскаго конгресса 1815 года. Опытъ доказалъ, однако же, что пользованіе этимъ правомъ не приводитъ къ практическому результату. Попытки, сдѣланныя еще въ 1831 году, успѣли лишь обнаружить разногласіе мнѣній. Тѣмъ не менѣе право это существуетъ. Оно ограничивается предѣлами, которые я только что указалъ, и могло бы получить бо́льшее расширеніе лишь съ прямого согласія той изъ договаривавшихся сторонъ, которая самымъ непосредственнымъ образомъ заинтересована въ дѣлѣ. Императорскій кабинетъ имѣлъ право примѣнить этотъ принципъ со всею точностью, въ виду сообщеній, сдѣланныхъ ему въ апрѣлѣ мѣсяцѣ относительно событій въ Царствѣ Польскомъ. Если, отвѣчая на нихъ, онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ, то единственно по своей доброй волѣ, въ видахъ миролюбія и чтобы отвѣчать вѣжливостью на заявленія, отличавшіяся тѣмъ же самымъ характеромъ. Въ объясненіе этого образа дѣйствій, прибавлено еще и то, что въ намѣреніяхъ, одушевляющихъ государя императора относительно польскихъ его подданныхъ, не было ничего такого, что́ могло бы побудить насъ къ устраненію свѣта отъ этого вопроса».

Возстановивъ, такимъ образомъ, истинный смыслъ выраженнаго русскимъ дворомъ согласія приступить къ обмѣну мыслей съ Англіею на основаніи и въ предѣлахъ договоровъ 1815 года, вице-канцлеръ занялся раз-

---

[1] Записано со словъ князя А. М. Горчакова.

боромъ сужденій, высказанныхъ первымъ государственнымъ секретаремъ ея британскаго величества. Соглашаясь съ мнѣніемъ его, что твердою почвою для каждаго правительства служитъ то довѣріе, которое оно внушаетъ управляемымъ, и что перевѣсъ закона надъ произволомъ долженъ быть основаніемъ прочнаго порядка, князь Горчаковъ замѣтилъ, что необходимымъ соотвѣтствіемъ этого правила служитъ и уваженіе къ власти; довѣріе же управляемыхъ къ правительству зависитъ не только отъ его благихъ намѣреній, но и отъ убѣжденія, что правительство въ состояніи ихъ осуществить. Если графъ Руссель утверждаетъ, что частныя возмущенія, тайные заговоры и вмѣшательство чужеземныхъ космополитовъ не въ силахъ поколебать правительство, опирающееся на довѣріе населенія и на уваженіе къ законамъ, то онъ не станетъ отрицать и того, «что невозможны стали бы ни довѣріе, ни законность, если бы это правительство допустило, чтобы какая-либо часть страны отыскивала себѣ, помимо законно установленной власти, посредствомъ вооруженнаго возстанія и съ помощью враждебныхъ ей иноземныхъ партій, такое благосостояніе или благоденствіе, для осуществленія которыхъ само это правительство, по собственному сознанію, нуждалось бы въ стороннихъ внушеніяхъ».

Переходя къ оцѣнкѣ шести пунктовъ, предложенныхъ Англіей и отъ которыхъ министръ ея ожидалъ, что принятіе ихъ русскимъ правительствамъ поведетъ къ полному и прочному умиротворенію Царства Польскаго, князь Горчаковъ возразилъ, что бо́льшая часть заключенныхъ въ нихъ мѣръ или введены уже въ дѣйствіе, или предположены по почину императора Александра. Но надежду на ихъ успѣхъ вице-канцлеръ раздѣлялъ лишь съ нѣкоторыми ограниченіями. «Съ нашей точки зрѣнія»,— заявлялъ онъ,—«какому бы то ни было преобразованію Царства Польскаго должно предшествовать возстановленіе порядка въ странѣ. Достиженіе этой цѣли зависитъ отъ условія, на которое мы призывали уже вниманіе правительства ея британскаго величества и которое не только не выполнено, но даже не упомянуто въ депешѣ лорда Русселя: мы говоримъ о матеріальномъ содѣйствіи и о нравственныхъ поощреніяхъ, которыя возстаніе почерпаетъ извнѣ». Князь Горчаковъ указалъ на совершенное отсутствіе безпристрастія въ распространяемыхъ въ Европѣ свѣдѣніяхъ о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, вводящихъ въ заблужденіе общественное мнѣніе; на клеветы и оскорбленія, расточаемыя русскимъ войскамъ, съ мужественнымъ самоотверженіемъ исполняющимъ тамъ свой тяжкій долгъ. Въ дѣйствительности, шайки мятежниковъ, составленныя изъ пришельцевъ, чуждыхъ краю, всюду терпятъ пораженіе; народныя массы— сельское населеніе—чуждаются ихъ и, даже высказываютъ имъ явную неприязнь. Возстаніе поддерживается лишь безпримѣрнымъ въ исторіи терроромъ. «Въ политическомъ отношеніи»,—говорится далѣе въ депешѣ,— «это не болѣе какъ театральное представленіе, разсчитанное на то, чтобы

дѣйствовать на Европу. Лозунгъ заграничныхъ распорядительныхъ комитетовъ—поддерживать во что бы ни стало движеніе, съ цѣлью питать разглагольствія печати, давать ложное направленіе общественному мнѣнію и производить давленіе на правительства, доставляя предлогъ и поводъ для дипломатическаго вмѣшательства, за которымъ послѣдовало бы вмѣшательство вооруженное». При такихъ условіяхъ, немыслимо принятіе совѣтуемыхъ Англіею мѣръ, которыя, если бы и были возможны, то все же бы не привели къ желаемому умиротворенію страны, потому что не удовлетворили бы стремленіямъ мятежниковъ, которые не требуютъ ни амнистіи, ни автономіи, ни болѣе или менѣе широкаго представительства, но и самую безусловную независимость Царства сочли бы лишь ступенью къ достиженію своей конечной цѣли: владычества надъ областями, въ которыхъ огромное большинство населенія—русское по происхожденію и по вѣрѣ, словомъ, распространенія предѣловъ Польши до двухъ морей, послѣ чего они потребовали бы себѣ и тѣхъ польскихъ провинцій, которыя принадлежатъ другимъ сосѣднимъ державамъ. Осуществленіе этихъ притязаній привело бы къ повсемѣстному замѣшательству, усложненному элементами безпорядка, распространенными повсюду и ищущими только удобнаго случая, чтобы потрясти Европу. Такой исходъ не можетъ быть одобренъ великобританскимъ правительствомъ, какъ несовмѣстный ни съ пользами Англіи, ни съ сохраненіемъ тѣхъ самыхъ договоровъ 1815 года, на которые она ссылается. Установивъ, что редакція той статьи помянутыхъ договоровъ, которая касается Польши и поляковъ, была дѣломъ личной иниціативы императора Александра I, а потому и не допускаетъ возможности такого толкованія, будто русскій государь владѣетъ Царствомъ Польскимъ не на одинаковыхъ правахъ съ прочими своими владѣніями, вице-канцлеръ безусловно отвергалъ предложенное сентъ-джемскимъ дворомъ перемиріе, замѣчая, что постановленія международнаго права непримѣнимы къ положенію дѣлъ, составляющему вопіющее его нарушеніе.

«Предъ своею вѣрною арміею»,—свидѣтельствовалъ князь Горчаковъ,—«борющеюся для возстановленія порядка, предъ мирнымъ большинствомъ поляковъ, страдающихъ отъ этихъ прискорбныхъ смутъ, передъ Россіей, на которую онѣ налагаютъ тяжелыя пожертвованія, государь императоръ обязанъ принять энергичныя мѣры, чтобы смуты эти прекратились. Какъ ни желательно немедленно остановить кровопролитіе, но цѣль эта можетъ быть достигнута въ томъ только случаѣ, если мятежники положатъ оружіе, довѣряясь милосердію государя. Всякая другая сдѣлка была бы несовмѣстна съ достоинствомъ нашего августѣйшаго монарха и съ чувствами русскаго народа».

Не менѣе рѣшительно отвергалъ князь Горчаковъ и предложеніе о созваніи конференціи восьми державъ: «Если мѣры, о которыхъ идетъ рѣчь,

достаточны для умиротворенія страны, то конференція не имѣла бы цѣли. Если же мѣры эти долженствовали бы сдѣлаться предметомъ дальнѣйшихъ сужденій, то это повело бы къ прямому вмѣшательству иностранныхъ державъ въ самыя, такъ сказать, домашнія подробности администраціи, ко вмѣшательству, котораго, конечно, Англія не потерпѣла бы въ своихъ собственныхъ дѣлахъ». Все, на что изъявлялъ согласіе русскій министръ, было частное соглашеніе съ двумя другими державами-участницами раздѣловъ Польши, то есть съ Австріею и Пруссіею, относительно внутренняго устройства принадлежащихъ имъ бывшихъ польскихъ областей, но и то не иначе, какъ по возстановленіи порядка въ Царствѣ Польскомъ. «Условіе это»,—заключалъ вице-канцлеръ,—«много зависитъ отъ рѣшимости великихъ державъ не потворствовать расчетамъ виновниковъ возстанія, находящихъ основаніе для себя или почерпающихъ свой кредитъ въ надеждѣ на дѣятельное вмѣшательство въ пользу ихъ преувеличенныхъ желаній. Ясное и категорическое заявленіе со стороны этихъ державъ способствовало бы къ разсѣянію заблужденій и къ паденію этихъ расчетовъ, которые длятъ безпорядокъ и поддерживаютъ волненіе умовъ. Державы ускорили бы тѣмъ самымъ минуту, которую мы призываемъ нашими желаніями,—минуту, когда успокоеніе страстей и возстановленіе внѣшняго порядка дозволятъ нашему августѣйшему монарху содѣйствовать нравственному замиренію страны осуществленіемъ мѣръ, зачатки коихъ уже положены и предвидимое дальнѣйшее развитіе которыхъ его величество оставляетъ въ силѣ» [1].

Депеша князя Горчакова къ русскому послу при тюильрійскомъ дворѣ была гораздо короче, но заключала въ себѣ прямой упрекъ Франціи въ потворствѣ и содѣйствіи мятежнымъ замысламъ поляковъ. «Одинъ изъ главнѣйшихъ центровъ агитаціи»,—говорилось въ ней,—«находится въ самомъ Парижѣ. Польскіе выходцы, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, организовали тамъ обширный заговоръ, поставившій себѣ задачею, съ одной стороны, вводить въ заблужденіе общественное мнѣніе Франціи системою безпримѣрныхъ поношеній и клеветъ, а съ другой—питать безпорядокъ въ Царствѣ Польскомъ то матеріальными пособіями, то терроромъ тайнаго комитета, то, главнымъ образомъ, распространяя убѣжденіе о дѣятельномъ вмѣшательствѣ въ пользу самыхъ безсмысленныхъ стремленій возстанія. Это вліяніе составляетъ нынѣ главный источникъ агитаціи, которая иначе исчезла бы предъ дѣйствіемъ закона, предъ равнодушіемъ или отвращеніемъ массъ. Въ этомъ надлежитъ, слѣдовательно, искать нравственную причину, содѣйствующую продолженію бѣдственнаго порядка вещей, скорое прекращеніе котораго французское правительство, подобно намъ, призываетъ своими желаніями, во имя чело-

[1] Князь Горчаковъ барону Бруннову, 1-го іюля 1863 г.

вѣколюбія и мира. Намъ противно думать, что оно не позволитъ злоупотреблять его именемъ въ интересахъ революціи въ Польшѣ и въ Европѣ». Заключеніе было то же, что и въ предыдущей депешѣ: категорическое отклоненіе какъ шести пунктовъ, такъ и предложеній о перемиріи и о созывѣ обще-европейской конференціи, съ выраженіемъ согласія на обсужденіе вопросовъ, касающихся внутренняго состоянія бывшихъ польскихъ областей въ частномъ совѣщаніи между Россіею, Австріей и Пруссіей [1]. На той же послѣдней мѣрѣ настаивала краткая и сухая депеша, которою русскій дворъ отклонилъ робкую попытку вмѣшательства вѣнскаго двора [2].

Русскія депеши были высочайше утверждены, подписаны и отправлены къ представителямъ нашимъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Вѣнѣ 1-го іюля, а нѣсколько дней спустя вице-канцлеръ, пригласивъ къ себѣ въ Царское Село пословъ Англіи и Франціи и австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, самъ прочиталъ отвѣты свои на сообщенія трехъ дворовъ. Твердая отповѣдь русскаго министра привела въ невыразимое смущеніе иностранныхъ дипломатовъ, не ожидавшихъ столь же искусно мотивированнаго, сколько и рѣшительно высказаннаго отказа. Герцогъ Монтебелло въ порывѣ досады замѣтилъ, что французское правительство не только не удовлетворится имъ, но почтетъ его за оскорбленіе, которое немедленно поведетъ къ разрыву, а холодный и сдержанный лордъ Непиръ, по собственному признанію, почувствовалъ, что и англійское правительство не въ состояніи будетъ примириться съ даннымъ его притязаніямъ отпоромъ (I could not but feel that the determination of the Russian cabinet would be highly unacceptable to Her Majesty's Government) [3]. Зато русское общественное мнѣніе съ патріотическою гордостью и восторгомъ привѣтствовало обнародованіе депешъ князя Горчакова.

Краснорѣчивымъ выразителемъ впечатлѣнія, произведеннаго ими на русскихъ людей, явился Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»: «Теперь конецъ всѣмъ ожиданіямъ, конецъ всѣмъ тревогамъ: отвѣты нашего правительства у всѣхъ передъ глазами и всякій, прочтя ихъ, вздохнетъ легко и свободно; у всякаго скажется на душѣ удовлетворенное чувство народной чести и вмѣстѣ чувство гражданской благодарности къ державной рукѣ, управляющей судьбами Россіи,—благодарности quod de republica non desperasset; за то, что не дрогнула она, за то, что не усумнилась въ своемъ народѣ, за то, что довѣрилась его великимъ судьбамъ. Толки, догадки и предсказанія, еще задолго ходившіе въ Европѣ относительно смысла и силы нашихъ отвѣтныхъ депешъ, слава Богу, ни въ чемъ не оправдались; зато оправдалось въ нихъ наше народное чувство,

1 Князь Горчаковъ [illegible] 1-го іюля 1863 г.
2 Князь Горчаковъ [illegible] 1-го іюля 1863 г.
3 Лордъ Н[illegible] 1863 г.

зато оправдались въ нихъ всѣ требованія нашего народнаго достоинства. Россія, со спокойною, но твердою рѣшимостью отклонила оскорбительныя притязанія трехъ державъ на вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла и не приняла конференціи. Расчетъ уловить ее въ сѣти, запугать и смутить ее обратился въ ничто. Изъ дипломатическаго испытанія она вышла съ торжествомъ. Три державы, если это угодно имъ, могутъ еще продолжать свою бесѣду съ Россіей; но отнынѣ должны онѣ убѣдиться въ тщетѣ своего замысла поставить ее въ положеніе подсудимаго. Отнынѣ имъ стало извѣстно, что этотъ обмѣнъ мыслей, на который онѣ вызвали Россію, не наложилъ и не наложитъ на нее никакихъ обязательствъ, не приведетъ фальшиво возбужденнаго вопроса ни къ какому практическому рѣшенію и что отвѣтственность за продолженіе этихъ безплодныхъ объясненій, поддерживающихъ безнадежное возстаніе и терзающихъ несчастный край, падетъ на нихъ всею своею тяжестью. Читая эти депеши, русскій человѣкъ на каждомъ словѣ долженъ воздавать честь и хвалу писавшему ихъ: такъ въ нихъ все зрѣло обдумано и зрѣло высказано, такъ все согласно въ нихъ съ великими интересами, которыхъ князь Горчаковъ былъ истолкователемъ. Рѣшимость отказа является въ нихъ столько же выраженіемъ чувства силы и достоинства, сколько и благоразумія. Въ этомъ отказѣ нѣтъ ничего похожаго на вспышку, нѣтъ ничего вызывающаго. Онъ не походитъ также и на упорное, тупое non possumus. Этотъ отказъ самъ собою вытекаетъ изъ сущности дѣла и его могла бы сдѣлать для насъ сама Европа» [1].

Еще ранѣе полученія русскаго отвѣта министръ иностранныхъ дѣлъ Наполеона III, Друэнъ де Люи, предвидя возможность либо отказа Россіи на требованія трехъ державъ, либо неудовлетворительнаго исхода задуманной конференціи, предложилъ дворамъ лондонскому и вѣнскому подписать протоколъ или конвенцію, коею они обязались бы дѣйствовать сообща въ польскомъ вопросѣ и условиться о рѣшеніяхъ, которыя имъ предстояло бы принять въ случаяхъ недостаточности «путей убѣжденія» (des voies de la persuasion) для того, чтобы понудить Россію подчиниться ихъ требованіямъ. Лондонскій кабинетъ отклонилъ это предложеніе, какъ не согласился и на приглашеніе тюильрійскаго двора тождественною нотою отвѣчать на русскія депеши. Все, чего удалось достигнуть французскому правительству, было общее заключеніе трехъ отвѣтныхъ депешъ изъ Лондона, Парижа и Вѣны, врученныхъ князю Горчакову во второй половинѣ августа.

Въ документахъ этихъ министры великобританскій, французскій и австрійскій вступили въ полемику съ русскимъ вице-канцлеромъ, оспаривали его мнѣнія, опровергали доводы, настаивали на своемъ правѣ вмѣшательства, основанномъ на постановленіяхъ вѣнскаго конгресса, отвер-

[1] «Московскія Вѣдомости» 9-го іюля 1863 г.

гали предложенное Россіей частное соглашеніе съ Австріей и Пруссіей. Наибольшее раздраженіе проявила французская депеша: «Мы убѣжены [illegible] русскій дворъ, онъ уклоняется въ равной степени и отъ совѣтовъ благоразумной политики, и отъ постановленій трактатовъ. Не отъ державъ зависѣло, чтобы разрѣшеніе польскаго вопроса, столь тѣсно связаннаго со спокойствіемъ Европы, было обсуждено нынѣ же съ необходимою разсудительностью и зрѣлостью. Будучи отрѣшены отъ всякихъ частныхъ корыстныхъ видовъ, не поддаваясь ни страсти, ни предвзятымъ мнѣніямъ, державы эти руководствовались единственно желаніемъ содѣйствовать усмиренію нынѣшнихъ смутъ [illegible] положенія въ Польшѣ, уничтожить причину постоянно возникающихъ усложненій. Мы должны были полагать, что русское правительство, одушевленное намѣреніями, согласными съ намѣреніями державъ, не откажется приступить къ ихъ взгляду. Подавъ имъ эту надежду, Россія предпочла отвергнуть ихъ заявленіе и оспаривать ихъ правоспособность (compétence). Отстаивая безусловную независимость своихъ рѣшеній и совершенное пользованіе своими державными правами, с.-петербургскій кабинетъ возвращаетъ и намъ полную свободу нашихъ сужденій и дѣйствій и мы, по меньшей мѣрѣ, должны принять это къ свѣдѣнію». Слѣдовало заключеніе, дословно повторенное въ англійской и австрійской депешахъ: «Намъ остается еще исполнить настоятельный долгъ, обративъ серьезное вниманіе его сіятельства князя Горчакова на важность положенія и на отвѣтственность, которую оно возлагаетъ на Россію. Франція, Австрія и Великобританія указали на крайнюю необходимость положить конецъ прискорбному порядку вещей, полному опасности для Европы. Онѣ указали въ то же время на средства, къ которымъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы прибѣгнуть, дабы придти къ этой цѣли, и предложили свое содѣйствіе къ достиженію ея съ бо̀льшею вѣрностью. Если Россія не сдѣлаетъ всего, что̀ отъ нея зависитъ, для осуществленія умѣренныхъ и примирительныхъ видовъ трехъ державъ; если она не вступитъ на путь, указанный ей дружественными совѣтами, то на нее падетъ отвѣтственность за важныя послѣдствія, которыя продолженіе смутъ можетъ повлечь за собою» [1].

Третій и окончательный отвѣтъ русскаго двора на сообщенія Англіи, Франціи и Австріи былъ сухъ и сжатъ, но ясенъ и точенъ. Не желая продолжать безплодныхъ пререканій, вице-канцлеръ принялъ къ свѣдѣнію выраженное тремя державами желаніе скораго возстановленія въ Царствѣ Польскомъ порядка, который возвратилъ бы спокойствіе этому краю и безопасность Европѣ, и обѣщалъ сдѣлать все зависящее отъ Россіи для

[1] [illegible] 1863 г.

достиженія этого, ею самою желаемаго, результата. «Нашъ августѣйшій государь»,—заключилъ онъ,—«попрежнему проникнутъ самыми благосклонными намѣреніями къ Польшѣ и самыми примирительными чувствами относительно всѣхъ иностранныхъ державъ. Забота о благосостояніи его подданныхъ всѣхъ племенъ и исповѣданій есть долгъ, который его императорское величество возложилъ на себя предъ лицомъ Всевышняго, своею совѣстью и своимъ народомъ. Государь императоръ посвящаетъ всѣ свои усилія исполненію этого долга. Что же касается до той отвѣтственности, которая могла бы пасть на его величество по международнымъ отношеніямъ, то эти отношенія опредѣляются международнымъ правомъ. Лишь нарушеніе основныхъ началъ этого права можетъ навлечь отвѣтственность. Нашъ августѣйшій государь постоянно соблюдалъ и уважалъ эти начала относительно иностранныхъ государствъ. Его величество въ правѣ ожидать и требовать того же уваженія и отъ другихъ державъ» [1].

Предъ столь же ясно, сколько и твердо выраженною волею русскаго царя склонились три державы-посредницы. Умолкли столь громко раздававшіеся въ пользу поляковъ голоса англійскихъ и австрійскихъ министровъ. Одинъ Наполеонъ III долго не могъ примириться съ неудачею постигшей замышленный и руководимый имъ дипломатическій походъ на Россію. Съ цѣлью сгладить понесенное пораженіе, онъ, въ концѣ октября, обратился ко всѣмъ государямъ, созывая ихъ на общій конгрессъ въ Парижъ, для совмѣстнаго обсужденія мѣръ, направленныхъ къ умиротворенію Европы, другими словами, для пересмотра постановленій вѣнскаго конгресса и согласованія ихъ съ перемѣнами, происшедшими во взаимномъ положеніи европейскихъ государствъ [2]. На такое приглашеніе послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ императора Александра:

«Государь, братъ мой. Указывая на глубоко тревожное положеніе Европы и пользу соглашенія между государями, которымъ ввѣрена судьба народовъ, ваше величество выражаете мысль, которая всегда была моею. Она составляла болѣе нежели предметъ моихъ желаній; я почерпнулъ въ ней правила для образа моихъ дѣйствій. Всѣ дѣла моего царствованія свидѣтельствуютъ о моемъ желаніи замѣнить отношеніями, исполненными взаимнаго довѣрія и согласія, состояніе вооруженнаго мира, столь сильно тяготѣющаго надъ народами. Я приступилъ, лишь только это стало возможнымъ, къ значительному уменьшенію моихъ военныхъ силъ; въ продолженіе шести лѣтъ я освобождалъ мою Имперію отъ рекрутской повинности и предпринялъ важныя преобразованія, составляющія залогъ

---

[1] Князь Горчаковъ барону Бруннову, барону Будбергу и Кнеррингу, 26-го августа 1863 г.

[2] Наполеонъ III государю, 25-го октября 1863 г.

внутренняго постепеннаго развитія и внѣшней миролюбивой политики. Только въ виду случайностей, которыя могли угрожать безопасности и даже цѣлости моихъ владѣній, я долженъ былъ уклониться отъ этого пути. [illegible] живѣйшее [illegible] возможность снова вступить на этотъ путь и избавить мои народы отъ жертвъ, которыя принимаетъ ихъ любовь къ отечеству, но отъ которыхъ страдаетъ ихъ благоденствіе. Ничто не могло бы болѣе приблизить это время, какъ повсемѣстное рѣшеніе вопросовъ, волнующихъ Европу. Опытъ свидѣтельствуетъ, что дѣйствительныя условія спокойствія міра не заключаются ни въ невозможной неподвижности, ни къ шаткости политическаго устройства, которое каждому поколѣнію предстояло бы разрушать и созидать по произволу страстей и выгодъ минуты, но скорѣе въ житейской мудрости, которая всякому внушаетъ уваженіе къ установленнымъ правамъ и совѣтуетъ всѣмъ соглашенія, необходимыя для примиренія исторіи, составляющей неотъемлемое наслѣдіе прошедшаго, съ преуспѣяніемъ, которое служитъ закономъ для настоящаго и будущаго. При этихъ условіяхъ прямодушное соглашеніе между государями всегда казалось мнѣ желательнымъ. Я былъ бы счастливъ, если бы предложеніе, выраженное вашимъ величествомъ, могло привести къ нему. Но для того, чтобы это предложеніе могло осуществиться на дѣлѣ, оно должно послѣдовать не иначе, какъ съ согласія прочихъ державъ; для достиженія же этой цѣли я полагаю необходимымъ, чтобы ваше величество благоволили точно указать вопросы, которые, по вашему мнѣнію, должны бы послужить предметомъ соглашенія и основаніемъ, на которомъ это соглашеніе могло бы установиться. Во всякомъ случаѣ, я могу удостовѣрить васъ, что цѣль, къ которой вы стремитесь—безъ потрясеній достигнуть умиротворенія Европы, встрѣтитъ во мнѣ живѣйшее сочувствіе» [1].

Конгрессъ государей въ Парижѣ, на созваніе котораго Россія выразила свое, хотя и условное, согласіе, не состоялся вслѣдствіе упорнаго отказа Англіи принять въ немъ участіе [2].

[1] Государь Наполеону III, 6-го ноября 1863 г.

[2] [illegible] по польскому вопросу въ С.-Петербургскомъ архивѣ [illegible] Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie [illegible] 1864 [illegible] Correspondence relating to the affairs of Poland [illegible] London [illegible] Documents diplomatiques sur les [illegible] de Pologne [illegible] Paris 186[illegible].

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Преобразованія въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ.

1864—1866.

Преобразованіе губернскаго и уѣзднаго управленій. — Временныя правила объ устройствѣ полиціи. — Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. — Преобразованія въ Царствѣ Польскомъ. — Привлеченіе къ этому дѣлу Николая Милютина, Самарина и князя Черкасскаго. — Указы 18-го февраля 1864 г. о надѣленіи землею польскихъ крестьянъ. — Пріемъ государемъ депутатовъ отъ нихъ. — Награды вице-канцлеру, военному министру и намѣстнику въ Царствѣ. — Приведеніе въ дѣйствіе крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ. — Обрусѣніе Сѣверо-Западнаго края. — Обсужденіе программы М. Н. Муравьева въ Комитетѣ Министровъ. — Празднованіе пятидесятилѣтія взятія Парижа и столѣтія Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. — Рескриптъ принцу П. Г. Ольденбургскому. — Поѣздка ихъ величествъ за границу. — Государь въ Вильнѣ. — Вторичная поѣздка государя за границу. — Пятидесятилѣтіе комитета о раненыхъ. — Преобразованіе учебной и воспитательной части въ Царствѣ Польскомъ. — Грамота Николаю Милютину. — Помолвка цесаревича Николая Александровича съ принцессою датскою Дагмарою. — Императорская чета въ Ниццѣ. —Упраздненіе римско-католическихъ монастырей въ Царствѣ Польскомъ. — Судебные уставы 1864 г. — Адресъ московскаго дворянства. — Рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ. — Законъ о печати. — Увольненіе М. Н. Муравьева. — Болѣзнь и кончина въ Ниццѣ цесаревича Николая Александровича. — Провозглашеніе наслѣдникомъ и цесаревичемъ великаго князя Александра Александровича. — Пріемъ государемъ депутацій, прибывшихъ на погребеніе цесаревича Николая. — Рѣчи его представителямъ польскаго дворянства. — Принесеніе присяги наслѣдникомъ. — Поѣздка государя съ наслѣдникомъ въ Москву. — Пріемъ единовѣрческихъ депутатовъ.—Письмо государя къ митрополиту московскому. — Пребываніе ихъ величествъ въ Ильинскомъ. — Бесѣда государя съ Голохвастовымъ. — Введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ и земскихъ учрежденій. — Преобразованіе общественнаго управленія крестьянъ государственныхъ, государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній. — Упраздненіе крѣпостного права въ Закавказьѣ. — Крестьянское дѣло въ Прибалтійскомъ краѣ. — Законъ о воспрещеніи полякамъ пріобрѣтать имѣнія въ Западномъ краѣ.— Преобразовательная дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ.— Дипломатическій разрывъ съ папою. — Болѣзнь Н. А. Милютина. — Упраздненіе конкордата.

Польская смута не остановила хода преобразовательной дѣятельности правительства. Въ концѣ 1862 года обнародованы основныя поло-

[illegible]
положеніе о земскихъ учрежденіяхъ.

Коренное преобразованіе губернскаго и уѣзднаго управленій рѣшено было императоромъ Александромъ одновременно съ первыми правительственными мѣрами къ упраздненію крѣпостного права. Основными началами этого преобразованія приняты тогда же: 1) назначеніе полицейскихъ чиновниковъ отъ правительства; 2) соединеніе городской полиціи съ уѣздной, и 3) отдѣленіе отъ полиціи частей слѣдственной, судебной и хозяйственной [1].

Весною 1859 года образована при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особая коммиссія объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, съ цѣлью, какъ сказано въ высочайшемъ повелѣніи, «предоставить хозяйственному управленію бо́льшее единство, бо́льшую самостоятельность, бо́льшое довѣріе, и опредѣлить степень участія каждаго сословія въ хозяйственномъ управленіи» [2]. Въ составъ коммиссіи вошли представители отъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ, финансовъ, военнаго, отъ главнаго управленія путями сообщенія, отъ II-го отдѣленія Собственной его величества канцеляріи, отъ государственной канцеляріи, а также петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, подъ предсѣдательствомъ исправлявшаго должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ, Н. А. Милютина. Сверхъ того, временно приглашались въ составъ коммиссіи для участія въ ея занятіяхъ нѣкоторые изъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ. Плодомъ трудовъ коммиссіи было нѣсколько проектовъ, вошедшихъ въ положеніе о крестьянахъ, между прочимъ, установленіе мировыхъ посредниковъ; ей же принадлежитъ проектъ о судебныхъ слѣдователяхъ, внесенный въ законодательство за четыре года до общей судебной реформы. Но главная ея задача: преобразованіе полиціи и начертаніе положенія о земскихъ учрежденіяхъ была выполнена лишь на половину ко времени удаленія Милютина отъ должности товарища министра и замѣны Ланского Валуевымъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Новому министру государь поручилъ привести къ окончанію работу, начатую его предшественниками. Статсъ-секретарь Валуевъ занялся сначала внесеніемъ наиболѣе настоятельныхъ улучшеній въ полицейскую часть.

Въ концѣ 1862 года обнародованы временныя правила объ устройствѣ полиціи въ 44-хъ губерніяхъ, управляемыхъ на общемъ основаніи. «Обозрѣвая разные предметы государственнаго управленія»,—такъ начинался высочайшій указъ Сенату,—«требующаго новаго, болѣе соотвѣтственнаго ихъ цѣли образованія, мы убѣдились, что одно изъ первыхъ

[1] Высочайшіе указы, 4-го іюля 1858 г. и 25-го марта 1859 г.

[2] Высочайшее повелѣніе, 27-го марта 1859 г.

мѣстъ въ ряду ихъ должна занимать полиція, и вслѣдствіе того указали министру внутреннихъ дѣлъ главныя начала, на коихъ впредь должна быть устроена эта часть». «Но такъ какъ»,—говорится далѣе въ указѣ,—«сіе важное дѣло можетъ воспріять окончательное свое совершеніе, когда изданы будутъ составленныя по повелѣнію нашему и имѣющія непосредственную съ нимъ связь уставы судоустройства и судопроизводства, и положеніе о земско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ, а между тѣмъ нужды государственныя теперь же настоятельно требуютъ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, временныхъ измѣненій и улучшеній въ устройствѣ полиціи, особенно же въ личномъ ея составѣ»,—то и введены временныя правила, въ силу которыхъ впредь до изданія общаго учрежденія полиціи, земская и городская полиція соединены въ одинъ составъ; земскіе исправники переименованы въ уѣздныхъ исправниковъ и не по выбору дворянства, какъ было до того, а по назначенію отъ правительства; городскіе же—упразднены. Впрочемъ, новыя правила не были распространены на столичныя полиціи въ Петербургѣ и Москвѣ, а также на полиціи нѣкоторыхъ городовъ, военныхъ портовъ и мѣстечекъ, не подвѣдомственныхъ мѣстному губернскому начальству, а состоящихъ въ завѣдываніи отдѣльныхъ управленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно увеличено содержаніе полицейскихъ чиновъ [1].

Въ продолженіе 1863 года, разработанный комиссіею подъ непосредственнымъ руководствомъ Валуева проектъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ обсуждался Совѣтомъ Министровъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя и, по разсмотрѣніи въ законодательномъ порядкѣ Государственнымъ Совѣтомъ, въ первый день новаго 1864 года удостоился высочайшаго утвержденія. Указомъ Сенату императоръ возвѣстилъ, что, «признавъ за благо призвать къ участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда ихъ населеніе, посредствомъ избираемыхъ отъ онаго лицъ, онъ находитъ составленные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на указанныхъ имъ началахъ, проекты постановленій объ устройствѣ особыхъ земскихъ, для завѣдыванія упомянутыми дѣлами, учрежденій соотвѣтствующими своимъ намѣреніямъ». Новыя учрежденія вводились въ 33-хъ губерніяхъ. Главныя основанія ихъ были слѣдующія:

Земскимъ учрежденіямъ ввѣряется, въ указанныхъ закономъ предѣлахъ, завѣдываніе дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, а именно: 1) завѣдываніе имуществомъ, капиталами и денежными сборами земства; 2) устройство и содержаніе принадлежащихъ земству зданій и другихъ сооруженій и путей сообщенія, содержимыхъ на счетъ земства; 3) мѣры

[1] Высочайшій указъ 25-го декабря 1862 г.

обезпеченія народнаго продовольствія; 4) благотворительныя заведенія и прочія мѣры призрѣнія, способы прекращенія нищенства, попеченіе о построеніи церквей; 5) взаимное земское страхованіе имуществъ; 6) попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности; 7) участіе въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и о тюрьмахъ, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи; 8) содѣйствіе къ предупрежденію падежей скота, а также по охраненію хлѣбныхъ посѣвовъ и другихъ растеній отъ вредныхъ насѣкомыхъ и животныхъ; 9) исполненіе возложенныхъ на земство потребностей воинскаго и гражданскаго управленій и участіе въ дѣлахъ почтовой повинности; 10) раскладка возложенныхъ на земство высочайшею властью или закономъ государственныхъ сборовъ; 11) назначеніе, раскладка, взиманіе и расходованіе, на основаніи устава о земскихъ повинностяхъ, мѣстныхъ сборовъ для удовлетворенія земскихъ потребностей губерніи или уѣзда; 12) представленіе чрезъ губернское начальство высшему правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ и ходатайствъ по симъ предметамъ, также чрезъ губернское начальство, и доставленіе по требованію высшаго правительства и начальниковъ губерній свѣдѣній, до земскаго хозяйства относящихся; 13) выборъ въ члены и другія должности по земскимъ учрежденіямъ и назначеніе суммъ на содержаніе этихъ учрежденій; 14) дѣла, которыя будутъ ввѣрены земскимъ учрежденіямъ на основаніи особыхъ уставовъ, положеній или постановленій.

Земскія учрежденія раздѣляются на губернскія и уѣздныя: въ каждомъ уѣздѣ учреждается уѣздное земское собраніе и уѣздная управа; въ каждой губерніи—губернское земское собраніе и губернская управа. Уѣздное земское собраніе составляется изъ гласныхъ, избираемыхъ: а) уѣздными землевладѣльцами, не принадлежащими къ сельскимъ обществамъ; б) городскими жителями всѣхъ сословій; в) собраніемъ волостныхъ старшинъ и старостъ всѣхъ сельскихъ сословій. Первые два разряда избирателей пользуются избирательнымъ правомъ по мѣрѣ пространства и цѣнности владѣемаго имущества; третій разрядъ избираетъ гласныхъ въ числѣ, опредѣленномъ количествомъ земли, состоящей въ пользованіи или владѣніи волостныхъ сельскихъ обществъ. Въ гласные могутъ быть избираемы только лица, имѣющія право быть избирателями. Уѣздная управа состоитъ изъ шести гласныхъ, избранныхъ уѣзднымъ собраніемъ; губернское собраніе изъ гласныхъ, избранныхъ тѣмъ же уѣзднымъ собраніемъ отъ двухъ до пяти отъ каждаго уѣзда, сообразно его населенію; губернская управа—изъ шести гласныхъ, избранныхъ губернскимъ собраніемъ. Предсѣдательствуетъ въ уѣздномъ собраніи—уѣздный предводитель дворянства, въ губернскомъ—лицо, назначенное высочайшею властью. Собранія засѣдаютъ по одному разу въ годъ, въ назначенные

сроки; засѣданія губернскихъ собраній продолжаются не болѣе двадцати, уѣздныхъ—не болѣе семи дней. Управы засѣдаютъ постоянно. Собраніямъ ввѣряется общая распорядительная власть и контроль по земскимъ дѣламъ; управамъ приведеніе въ дѣйствіе постановленіи собраній и вообще исполнительныя мѣры по земскимъ дѣламъ. Кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій ограничивается предѣлами губерніи или уѣзда и предметами, къ разряду земскихъ дѣлъ отнесенными. По дѣламъ своего вѣдомства они дѣйствуютъ самостоятельно; случаи, въ коихъ ихъ распоряженія подлежатъ утвержденію административныхъ властей, опредѣлены закономъ. Они не могутъ вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ властей, ни въ дѣла, другимъ мѣстнымъ земскимъ учрежденіямъ подвѣдомственныя [1].

Основы земскаго хозяйственнаго самоуправленія обсуждались въ Государственномъ Совѣтѣ въ высочайшемъ присутствіи лѣтомъ 1863 года, въ самый разгаръ польскаго мятежа. Когда, годъ спустя, приступлено было ко введенію ихъ въ дѣйствіе, мятежъ былъ уже подавленъ и внѣшній порядокъ возстановленъ повсюду. Тѣмъ не менѣе новыя учрежденія введены лишь въ 33-хъ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, управляемыхъ на общемъ основаніи. Между тѣмъ, въ Царствѣ Польскомъ готовился цѣлый рядъ важныхъ преобразованій, предпринятыхъ по мысли императора Александра и по личному его почину, съ цѣлью упрочить результаты, достигнутые строгимъ подавленіемъ возстанія, и навѣки закрѣпить за Россіею Привислинскій край.

Дѣло это императоръ возложилъ на Н. А. Милютина, лѣтомъ 1863 года вторично вызваннаго имъ изъ-за границы. Въ двухчасовой бесѣдѣ государь лично изложилъ Милютину взглядъ свой на положеніе дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ и перечислилъ причины, вынуждавшія его, не взирая на врожденное милосердіе, измѣнить примирительную систему, которой онъ слѣдовалъ въ Польшѣ съ самаго вступленія на престолъ. Печальный опытъ убѣдилъ Александра Николаевича въ полной невозможности примиренія русскихъ государственныхъ началъ съ притязаніями польскаго образованнаго общества, т. е. дворянства, крупнаго и мелкаго духовенства и горожанъ, которые, не довольствуясь никакими уступками, мечтали не только о совершенномъ отдѣленіи отъ Россіи своей родины, но и объ отторженіи отъ нея такъ называемаго «забраннаго края», то есть всѣхъ ея западныхъ окраинъ. Оставалось испытать другое средство и искать привлечь къ русскому престолу сердца польскихъ крестьянъ, составляющихъ подавляющее большинство населенія и которые, несмотря на личную свободу, находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи, со-

[1] Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, 1-го января 1864 г.

стоя въ полной зависимости отъ землевладѣльцевъ, на земляхъ коихъ были водворены.

Задача было не легкая, но, по убѣжденію императора Александра, никто не могъ разрѣшить ее лучше того изъ русскихъ государственныхъ людей, которому принадлежала столь значительная доля участія въ законодательныхъ трудахъ по упраздненію крѣпостного права въ Имперіи. Николай Милютинъ долго уклонялся отъ тяжкаго бремени, ссылаясь на совершенное незнакомство свое съ краемъ, съ польскою исторіею, законодательствомъ, языкомъ, наконецъ на разстроенное состояніе своего здоровья. Государь настоялъ, однако, на томъ, чтобы Милютинъ, зрѣло обдумавъ дѣло, представилъ ему свои соображенія относительно тѣхъ преобразованій въ Польшѣ, которыя являлись наиболѣе настоятельными и цѣлесообразными. Вторая аудіенція Николая Алексѣевича состоялась по возвращеніи государя изъ Финляндіи и наканунѣ отъѣзда въ Крымъ, въ половинѣ сентября 1863 года. Милютинъ повторилъ свой рѣшительный отказъ отъ назначенія на какую либо должность въ Царствѣ Польскомъ, но выразилъ готовность отправиться для произведенія на мѣстѣ разслѣдованія и составленія общаго плана будущихъ законодательныхъ мѣръ, на что̀ императоръ выразилъ согласіе. Отпуская Милютина, онъ изъявилъ ему милостивое довѣріе, сказавъ, что предоставляетъ ему полную свободу дѣйствій. На замѣчаніе Николая Алексѣевича, что онъ намѣренъ прежде всего заняться устройствомъ быта сельскаго населенія, какъ вопросомъ наиболѣе неотложнымъ, съ которымъ онъ и самъ ближе знакомъ, чѣмъ со всѣмъ прочимъ, государь отвѣчалъ: «Такъ я и думаю, но желалъ бы, чтобы ты не ограничился этимъ. Все управленіе въ Польшѣ въ плохомъ положеніи. Тамъ надо заняться всѣмъ». Въ заключеніе государь разрѣшилъ Милютину въ новомъ возложенномъ на него порученіи прибѣгнуть къ содѣйствію ближайшихъ его сотрудниковъ въ крестьянскомъ дѣлѣ: Самарина и князя Черкасскаго.

Оба друга не замедлили откликнуться на призывъ Николая Алексѣевича, и всѣ трое отправились въ Варшаву, а оттуда объѣхали пять Привислинскихъ губерній, тщательно изучая мѣстныя условія, знакомясь съ положеніемъ польскаго крестьянина, съ отношеніями его къ землевладѣльцу, съ особенностями сельскаго управленія и т. п. Плодомъ этой развѣдки, продолжавшейся шесть недѣль, былъ подробный докладъ, составленный Самаринымъ и представленный Милютинымъ государю, по возвращеніи его изъ Ливадіи, въ концѣ декабря. Императоръ Александръ ласково благодарилъ Милютина и обоихъ его сотрудниковъ, и согласился на назначеніе Самарина и князя Черкасскаго въ составъ особаго комитета, которому поручено было разсмотрѣть и обсудить предположенія тріумвирата. Кромѣ ихъ, членами комитета назначены:

шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, министры: Валуевъ, Зеленый, Рейтернъ, предсѣдатель департамента экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ Чевкинъ, статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго Платоновъ, вновь назначенный вице-предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта Царства Арцымовичъ и статсъ-секретарь Жуковскій, подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Гагарина, по смерти графа Блудова назначеннаго предсѣдательствующимъ въ Государственномъ Совѣтѣ Имперіи и въ Комитетѣ Министровъ. Два мѣсяца продолжалось обсужденіе проектовъ Милютина въ особомъ комитетѣ, а затѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Наконецъ, 19-го февраля 1864 года, въ девятую годовщину своего царствованія и ровно три года по дарованіи свободы русскимъ крестьянамъ, императоръ Александръ подписалъ указы, надѣлявшіе землею крестьянъ Царства Польскаго.

Первый указъ начинался перечисленіемъ законодательныхъ мѣръ къ улучшенію поземельныхъ отношеній польскихъ крестьянъ въ царствованіе императора Николая. «Кончина не дозволила императору Николаю I»,—заявлялъ государь,—«выполнить задуманное и предвѣщенное имъ для блага народа; но воля родителя, вполнѣ согласная съ всегдашнимъ желаніемъ нашимъ, осталась для насъ священнымъ завѣтомъ, неотложное исполненіе котораго при самомъ вступленіи нашемъ на престолъ встрѣтило неодолимыя препятствія въ продолжавшейся тогда войнѣ. Немедленно по заключеніи мира мы устремили наши заботы къ прочному устройству быта всѣхъ вообще поселянъ какъ въ Имперіи нашей, такъ и въ нераздѣльно съ ней соединенномъ Царствѣ Польскомъ. Законодательныя мѣры, принятыя нами въ Россіи, при благословеніи Всевышняго, увѣнчались быстрымъ успѣхомъ, благодаря дѣятельной помощи, оказанной намъ въ семъ дѣлѣ русскимъ помѣстнымъ дворянствомъ и жертвамъ, имъ принесеннымъ во имя общей пользы и истиннаго человѣколюбія».

«Но въ Царствѣ Польскомъ три указа и постановленія: отъ 16-го (28-го) декабря 1853 года о добровольномъ очиншеваніи крестьянъ, отъ 4-го (16-го) мая 1861 года о замѣнѣ барщины законнымъ окупомъ и, наконецъ, отъ 24-го мая (5-го іюня) 1862 года объ обязательномъ очиншеваніи, не встрѣтили, къ глубокому прискорбію нашему, со стороны помѣстнаго сословія того содѣйствія, безъ котораго успѣхъ предпринятыхъ мѣръ былъ, очевидно, невозможенъ. Поэтому, законы эти не принесли донынѣ и тѣхъ плодовъ, которыхъ мы въ правѣ были отъ нихъ ожидать. Наконецъ, возникшія въ послѣднее время смуты и волненія, доселѣ еще не вполнѣ прекратившіяся, послужили злонамѣреннымъ людямъ средствомъ не только отдалить исполненіе нашимъ родителемъ обѣщаннаго и нами предпринятаго окончательнаго устройства быта поселянъ, но и подвергать искушенію вѣрность ихъ закону и престолу и

посѣвать въ ихъ умахъ волненія и тревогу. Здравый смыслъ поселянъ восторжествовалъ однако же надъ льстивыми обольщеніями, а непоколебимая ихъ вѣрность, выдержавъ всякія угрозы и насилія, запечатлѣлась даже кровью многихъ невинныхъ жертвъ. Нынѣ совершилось ровно три года съ тѣхъ поръ, какъ, въ день 19-го февраля 1861 года, мы издали манифестъ и положенія объ устройствѣ крестьянъ въ Россіи. И въ Царствѣ Польскомъ настоящій день мы знаменуемъ исполненіемъ священнаго завѣта родителя нашего, нашихъ собственныхъ давнишнихъ желаній и упованій многочисленнаго, вѣрнаго намъ сословія поселянъ. Да останется сей день вѣчно памятенъ и крестьянамъ Царства, какъ день вновь возникающаго ихъ благосостоянія. Да будетъ сіе благосостояніе ихъ счастливымъ предвѣстникомъ того общаго преуспѣянія и благоденствія, водвореніе коего во всѣхъ слояхъ населенія Царства составляетъ предметъ нашего постояннаго желанія и непоколебимой надежды». Слѣдовало изложеніе основаній, на которыхъ состоящія въ пользованіи крестьянъ земли переходили въ полную ихъ собственность, въ общихъ чертахъ сходныя съ тѣмъ, что̀ занесены были въ положеніе объ устройствѣ быта крестьянъ въ Имперіи, но съ тѣмъ различіемъ, что выкупъ, при содѣйствіи правительства, полагался обязательный, съ немедленнымъ прекращеніемъ всякихъ непосредственныхъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ.

Второй указъ установлялъ сельскую гмину (волость) на началахъ самоуправленія. «Со дня вступленія нашего на прародительскій престолъ»,—говорилось во введеніи къ нему,—«мы предназначили себѣ цѣлью постепенное и прочное устройство правительственныхъ учрежденій Царства Польскаго въ духѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ новаго времени и новой гражданственности. Возникшія смуты и волненія остановили при самомъ приступѣ водвореніе новыхъ, дарованныхъ Царству учрежденій. Тѣмъ не менѣе мы и нынѣ постоянно хранимъ въ сердцѣ нашемъ намѣреніе образовать правительственныя въ Царствѣ установленія на прочныхъ и справедливыхъ основаніяхъ. Указомъ, сего числа нами подписаннымъ, окончательно утвержденъ бытъ многочисленнаго сословія поселянъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаются собственниками земли, донынѣ состоявшей въ ихъ пользованіи; владѣльцамъ же сей земли, за поступленіе оной въ собственность крестьянъ и упраздненіе вслѣдствіе того крестьянскихъ повинностей, постановлено выдать отъ казны Царства соотвѣтственное вознагражденіе. Послѣ сего не осталось никакой уважительной причины сохранять долѣе за владѣльцами земли такъ называемую патримоніальную юрисдикцію и сопряженную съ званіемъ гминныхъ войтовъ власть, тѣмъ болѣе, что уже и въ прежнее время учрежденіе сіе далеко не обезпечивало общественнаго порядка и строгой справедливости. Съ другой стороны, трех-

лѣтній опытъ въ Имперіи доказалъ пользу допущенія крестьянъ къ участію въ дѣлахъ сельскаго управленія. Мы не сомнѣваемся, что и польскіе крестьяне, въ нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствахъ обнаружившіе свой здравый смыслъ и свое уваженіе къ законной власти, оправдаютъ наше къ нимъ довѣріе». Сельская гмина въ Царствѣ Польскомъ получила устройство однородное съ русской волостью, безъ введенія, однако, въ нее начала общиннаго владѣнія землею. Наслѣдственные войты—помѣщики замѣнены войтами избираемыми, какъ и всѣ должностныя лица сельскаго управленія, крестьянами изъ своей среды. Введеніе въ дѣйствіе новаго гминнаго устройства возлагалось на вновь образованный въ Царствѣ Польскомъ учредительный комитетъ. Всѣ эти узаконенія дополнялись еще двумя указами: о ликвидаціонной комиссіи—для производства выкупа крестьянскихъ земель и выдачи вознагражденія владѣльцамъ, и о порядкѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ о крестьянахъ постановленій [1].

Съ высочайшими указами отправленъ въ Варшаву генералъ-адъютантъ графъ Барановъ. Торжественное обнародованіе ихъ въ этомъ городѣ и по деревнямъ, въ губерніяхъ, принято съ восторгомъ польскими крестьянами и съ глубокою признательностью къ державному Освободителю. Депутація отъ поселянъ прибыла въ Петербургъ, чтобы повергнуть эти чувства къ подножію царскаго престола. Государь принялъ ее въ Зимнемъ дворцѣ 7-го апрѣля. При появленіи его крестьяне пали на колѣни и поднесли ему хлѣбъ-соль. Императоръ прошелъ чрезъ ихъ ряды, обращаясь къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ милостивыми разспросами; потомъ, подозвавъ ихъ къ себѣ, велѣлъ статсъ-секретарю Платонову передать имъ по-польски, что благодаритъ ихъ за вѣрность, оказанную законному правительству; что, слѣдуя собственному желанію и исполняя завѣтъ незабвеннаго родителя своего, онъ даровалъ имъ нынѣ важныя права и вполнѣ надѣется, что они навсегда останутся вѣрными ему, будутъ повиноваться властямъ, отъ него установленнымъ, и въ точности исполнять свои обязанности по утвержденнымъ высочайшею властью постановленіямъ; что царь поручаетъ депутатамъ передать его слова крестьянамъ тѣхъ мѣстностей, по избранію которыхъ они прибыли. Крестьяне прерывали царскую рѣчь восклицаніями: «Будемъ вѣрны, не будемъ щадить ни жизни нашей, ни достоянія; будемъ послушны, будемъ въ точности исполнять наши обязанности, никогда не забудемъ великихъ благодѣяній государя императора и царя польскаго!» Одинъ изъ нихъ, обратясь къ государю, сказалъ: «Мы и дѣти наши, и все потомство наше навѣки останемся тебѣ вѣрными и благодарными, и если бы кто дерзнулъ клеветать на насъ въ измѣнѣ, не вѣрь тому». Нѣсколько

[1] Высочайшіе указы, 19-го февраля 1864 г.

дня спустя императоръ съ августѣйшими сыновьями и братьями почтилъ своимъ присутствіемъ обѣдъ, данный отъ высочайшаго двора въ залѣ городской думы польскимъ крестьянамъ-депутатамъ, за которымъ они сидѣли въ перемежку съ русскими волостными старшинами и сельскими старостами петербургской и смежныхъ съ нею губерній.

Въ первый день Пасхи императоръ Александръ пожаловалъ высокія награды тремъ изъ своихъ сподвижниковъ, дѣлившихъ съ нимъ труды и заботы во время минувшаго польскаго кризиса: вице-канцлеру, военному министру и намѣстнику въ Царствѣ Польскомъ. «Постоянно стремясь»,—писалъ онъ князю Горчакову, препровождая къ нему алмазами украшенный свой портретъ,—«по указаніямъ моимъ, къ упроченію на твердыхъ основаніяхъ дружественныхъ отношеній съ иностранными державами, вы не переставали вполнѣ оправдывать питаемое мною къ вамъ довѣріе, и важныя государственныя заслуги ваши неоднократно вызывали изъявленія искренней моей къ вамъ признательности. Нынѣ вы пріобрѣли новое право на оную, когда, въ истекшемъ году, политическія затрудненія, возбужденныя польскимъ возстаніемъ, грозя неприкосновенности правъ Россіи и нарушеніемъ общаго мира, могли замедлить развитіе предпринятыхъ для благосостоянія Имперіи преобразованій во внутреннемъ ея устройствѣ. Вниманіе мое обращено было главнѣйше на охраненіе достоинства Россіи и законныхъ правъ ея. Въ вашей опытности, въ пламенной любви вашей и преданности престолу и отечеству я нашелъ достойнаго исполнителя моихъ намѣреній и желаній. Отвративъ грозившія Россіи политическія столкновенія и незаконныя попытки вмѣшательства въ ея дѣла, цѣль ревностныхъ трудовъ, мною на васъ возложенныхъ и усердно вами понесенныхъ, была достигнута къ чести и славѣ Россіи, составляющихъ мою главную заботу» [1].

Генералъ-адъютанта Милютина государь горячо благодарилъ за нововведенія во ввѣренномъ ему министерствѣ и вообще въ военной администраціи: «Успѣшное приведеніе въ исполненіе первыхъ опытовъ таковыхъ преобразованій учрежденіемъ западныхъ военныхъ округовъ, совершенное въ трудное время усиленныхъ заботъ военнаго министерства, по распоряженіямъ, вызваннымъ политическими обстоятельствами, служитъ доказательствомъ какъ опытнаго взгляда вашего на настоящія потребности и полезное направленіе вновь вводимыхъ положеній, такъ и неусыпнаго рвенія вашего къ осуществленію предположеній, имѣющихъ цѣлью пользу службы и благоустройство войскъ нашихъ и управленія ими. Отдавая должную справедливость той ревности, съ которою вы оправдываете возложенное нами на васъ довѣріе, намъ особенно пріятно упомянуть и о неутомимыхъ трудахъ, понесенныхъ вами въ истекшемъ

[1] Рескриптъ князю А. М. Горчакову, 19-го апрѣля 1864 г.

году, по лежавшимъ на васъ обязанностямъ, къ приведенію арміи нашей въ военное положеніе и къ образованію новыхъ войскъ. Формированіе 56 пѣхотныхъ полковъ, составляющихъ 14 новыхъ дивизій, совершилось подъ руководствомъ вашимъ быстро и безъ затрудненій, благодаря благоразумнымъ и основательнымъ распоряженіямъ вашимъ и усердной дѣятельности подвѣдомственныхъ вамъ управленій» [1].

Рескриптомъ графу Бергу государь воздалъ хвалу его заслугамъ по званію намѣстника и главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ: «Въ самое короткое время вы оправдали вполнѣ мой выборъ. Шести мѣсяцевъ было достаточно для васъ, чтобы изыскать мѣры, необходимыя для умиротворенія края, чтобы привести ихъ въ исполненіе съ опасностью для собственной вашей жизни и достигнуть самыхъ рѣшительныхъ результатовъ. Вооруженный мятежъ прекращенъ, мирное населеніе края избавилось отъ насилій и жестокости крамольниковъ, всѣ отрасли государственной администраціи воспріяли свою законную силу и приступлено къ устройству быта всего сельскаго населенія, чѣмъ положено прочное основаніе для дальнѣйшаго водворенія въ Царствѣ того благоустройства, которое я сердечно желаю даровать краю, согласно съ его истинными нуждами и пользами» [2].

Приведеніе въ дѣйствіе положеній о надѣленіи землею польскихъ крестьянъ и объ устройствѣ ихъ самоуправленія ввѣрено было государемъ Николаю Милютину и его ближайшимъ сотрудникамъ. Князь Черкасскій назначенъ главнымъ директоромъ правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, съ производствомъ изъ коллежскихъ секретарей въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а Я. А. Соловьевъ членомъ учредительнаго комитета.

Учредительный комитетъ, образованный въ Варшавѣ для руководства мѣстною крестьянскою реформой, состоялъ изъ русскихъ членовъ. Изъ гвардейскихъ офицеровъ, православныхъ по вѣрѣ и русскихъ по происхожденію, набранъ едва ли не весь составъ коммиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, исполнявшихъ въ Польшѣ обязанности мировыхъ посредниковъ. Милютинъ самъ знакомилъ ихъ съ предстоявшею имъ дѣятельностью, наставляя и научая, какъ поступить для осуществленія видовъ правительства. Возведенный въ званіе статсъ-секретаря съ наименованіемъ главнымъ начальникомъ Собственной его величества канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго, онъ все свое время дѣлилъ между Варшавою и Петербургомъ, тамъ собирая матеріалы для ряда законопроектовъ, долженствовавшихъ преобразовать весь Привислинскій край, здѣсь обрабатывая ихъ и защищая въ комитетѣ по дѣламъ Царства

---

[1] Рескриптъ Д. А. Милютину, 19-го апрѣля 1864 г.

[2] Рескриптъ графу Бергу, 19-го апрѣля 1864 г.

Польскаго, въ коемъ онъ состоялъ непремѣннымъ членомъ, и который изъ временнаго преобразованъ въ постоянный, для соблюденія, — какъ сказано въ высочайшемъ повелѣніи,—«надлежащей послѣдовательности и единства направленія какъ въ законодательныхъ по преобразованіямъ въ Царствѣ Польскомъ работахъ, такъ и въ разрѣшеніи важнѣйшихъ административныхъ по Царству дѣлъ»[1].

Одновременно шла дѣятельная работа по обрусѣнію Сѣверо-Западнаго края подъ энергичнымъ руководствомъ генералъ-губернатора Муравьева. Въ концѣ апрѣля 1864 года онъ прибылъ въ Петербургъ и лично вручилъ государю записку съ изложеніемъ своихъ предположеній относительно тѣхъ мѣръ, которыя надлежало принять во ввѣренныхъ ему областяхъ, чтобы уничтожить въ нихъ корень мятежа и упрочить за Россіей спокойное обладаніе ея окраиною. Михаилъ Николаевичъ рѣшительно отвергалъ мысль о примиреніи съ польскою народностью и совѣтовалъ не довѣрять притворнымъ увѣреніямъ поляковъ въ покорности. «Правительство»,—разсуждалъ онъ,—«должно твердо усвоить мысль, что Западный край—исконно русскій, составляющій древнее достояніе Россіи, что русская народность численностью превосходитъ всѣ прочія племена, его населяющія, и что въ немъ не должно быть мѣста польскому вліянію, ни племенному, ни религіозному, что смирить и обуздать шляхту и духовенство можно только мѣрами строгой справедливости, отнюдь не снисходительностью или потворствомъ». Для прочнаго утвержденія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи русскаго владычества Муравьевъ полагалъ необходимымъ: 1) упрочить и возвысить русскую народность и православіе, такъ чтобы не было и малѣйшаго повода опасаться, что край можетъ когда либо сдѣлаться польскимъ: въ сихъ видахъ, въ особенности, заняться прочнымъ устройствомъ быта крестьянъ и распространеніемъ общественнаго образованія въ духѣ православія и русской народности; 2) поддержать православное духовенство, поставивъ его въ положеніе независимое отъ землевладѣльцевъ, дабы совокупно съ народомъ оно могло твердо противустоять польской пропагандѣ, которая, безъ сомнѣнія, еще нѣкоторое время будетъ пытаться пускать свои корни; римско-католическое же духовенство поставить въ такое положеніе, чтобы оно не могло болѣе вредить своимъ фанатическимъ возбужденіемъ обывателей къ противодѣйствію постановленіямъ правительства, и для сего учредить за нимъ повсюду строжайшее наблюденіе и взыскивать неукоснительно за всякое отступленіе отъ законнаго порядка и въ особенности за манифестаціи въ смыслѣ польской пропаганды; 3) въ отношеніи общей администраціи принять слѣдующія мѣры: устроить такимъ образомъ правительственные органы въ краѣ, чтобы высшія

[1] Высочайшее повелѣніе 27-го февраля 1864 г.

служебныя мѣста и мѣста отдѣльныхъ начальниковъ, а равно всѣ тѣ, которыя приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, были замѣщены чиновниками русскаго происхожденія; водворить русскій элементъ въ краѣ всѣми возможными средствами, какъ-то: поселеніемъ тамъ русскихъ крестьянъ, продажею русскимъ лицамъ всѣхъ сословій конфискованныхъ, секвестрованныхъ и просроченныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ имѣній, изгнаніемъ изъ края всѣхъ тѣхъ, которые участвовали въ мятежѣ и крамолахъ и недопущеніемъ ихъ возвращаться на родину, ибо своимъ присутствіемъ они, безъ всякаго сомнѣнія, значительно усугубили бы зло, чему бывали неоднократные примѣры. «Наконецъ»,—такъ заключался докладъ,—«само высшее правительство должно идти твердо и непоколебимо избраннымъ имъ путемъ, отнюдь не допуская въ край польскаго элемента, прекращая неукоснительно строгими мѣрами всякія, даже малѣйшія, попытки къ распространенію польской пропаганды, и имѣя въ виду, что, хотя въ настоящее время революціонная организація и жондъ уже обезсилены и уничтожены въ Сѣверо-Западномъ краѣ, но многіе изъ его агентовъ продолжаютъ дѣйствовать внѣ предѣловъ Западнаго края, въ столицахъ и внутри Имперіи [1].

Послѣднія слова заключали намекъ на покровительство и поддержку, которую поляки, какъ опасался Муравьевъ, снова обрѣли въ высшихъ русскихъ правительственныхъ кругахъ. Дѣйствительно, въ Комитетѣ Министровъ, въ который государь передалъ его записку съ приказаніемъ разсмотрѣть ее въ семидневный срокъ, противъ нея возражали нѣкоторые члены. Зато другіе, и въ ихъ числѣ Дмитрій Милютинъ, Зеленый и Чевкинъ, съ жаромъ высказались въ пользу предложеній генералъ-губернатора. Государь одобрилъ бо́льшую ихъ часть и только не согласился на безвозвратную высылку неблагонадежныхъ лицъ изъ Сѣверо-Западнаго края на житье въ отдаленныя области Имперіи, съ обязательствомъ продать оставшееся у нихъ въ томъ краѣ недвижимое имущество. Скоро вошли въ законную силу распоряженія о возвышеніи окладовъ русскаго духовенства, объ упраздненіи римско-католическихъ монастырей, замѣшанныхъ въ мятежѣ, объ ограниченіи правъ латинскаго духовенства на постройку костеловъ и на назначеніе къ духовнымъ должностямъ безъ разрѣшенія мѣстнаго начальства, объ упраздненіи польскаго языка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и повсемѣстномъ введеніи русскихъ школъ, объ увеличеніи содержанія русскимъ чиновникамъ, вызываемымъ въ край на службу, о рѣшительныхъ мѣрахъ противъ польской пропаганды, объ уничтоженіи всѣхъ внѣшнихъ признаковъ преобладанія польскаго элемента въ краѣ, о возможно бо́льшемъ ограниче-

[1] Всеподданнѣйшій докладъ М. Н. Муравьева, 14-го мая 1864 г.

ній въ назначеніи лицъ польскаго происхожденія на служебныя должности и т. п.[1]. Тѣ же мѣры введены и въ Юго-Западномъ краѣ преемникомъ Анненкова въ званіи кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютантомъ Безакомъ.

Весною 1864 года отпразднована въ С.-Петербургѣ память двухъ историческихъ событій: 18-го марта—пятидесятилѣтія взятія Парижа русскими войсками въ 1814 году—парадомъ и обѣдомъ въ Зимнемъ дворцѣ, къ которому приглашены были всѣ оставшіеся въ живыхъ участники славнаго боя, и 5-го мая—столѣтіе основанія императрицею Екатериною II императорскаго Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, пожалованіемъ этому высшему женскому учебному заведенію высочайшей грамоты съ прописаніемъ заслугъ, принесенныхъ имъ дѣлу женскаго образованія въ Россіи. По этому послѣднему случаю императоръ Александръ въ теплыхъ и задушевныхъ выраженіяхъ изъявилъ свою признательность главному начальнику вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому:

«Испытанная преданность престолу и отечеству, сердечное во всемъ участіе, истинно христіанское благодушіе и чувство строгой справедливости—вотъ тѣ высокія достоинства, которыя и въ новомъ званіи руководятъ васъ при рѣшеніи каждаго дѣла. Въ четыре послѣдніе года вы неусыпно трудились по устройству женскихъ гимназій, пересмотру штатовъ, введенію въ институтахъ новыхъ учебныхъ курсовъ, равно по многимъ другимъ частнымъ улучшеніямъ. Теперь вниманіе ваше обращено на важный вопросъ о коренномъ преобразованіи хозяйства и отчетности ввѣреннаго вамъ вѣдомства. Обширныя и многосложныя эти занятія, поглощающія бо́льшую часть вашего времени, не могли, однако, ослабить того святого чувства благоговѣнія къ памяти бабки нашей, императрицы Маріи Θеодоровны, во имя коего вы вполнѣ жертвуете всѣми вашими досугами на непосредственное управленіе больницею, носящею имя высокой своей основательницы. Всѣ сіи заслуги внушаютъ государынѣ императрицѣ и мнѣ чувства искренняго и душевнаго къ вамъ уваженія. Намъ особенно отрадно выразить вамъ это чувство при настоящемъ праздникѣ, такъ тѣсно связанномъ съ воспоминаніемъ о первой дѣятельности вашей на поприщѣ воспитанія юношества. Да будетъ признательность наша предъ лицомъ цѣлой Россіи наградою вашему высочеству за подъятые труды и да послужитъ оная для васъ порукою неизмѣннаго моего благоволенія»[2].

Съ 1857 года, то есть въ продолженіе семи лѣтъ, императоръ Александръ не выѣзжалъ изъ предѣловъ Россіи, если не считать трехднев-

[1] Записки Муравьева. Русская Старина, т. XXXVII, стр. 131 и слѣд.

[2] Рескриптъ принцу П. Г. Ольденбургскому, 5-го мая 1864 г.

ной поѣздки его изъ Варшавы въ Бреславль, осенью 1859 года, для свиданія съ принцемъ-регентомъ прусскимъ. Весною 1864 года состояніе здоровья императрицы Маріи Александровны потребовало отправленія ея на заграничныя воды. Государь сопровождалъ больную супругу. 26-го мая ихъ величества выѣхали изъ Царскаго Села по желѣзной дорогѣ и имѣли первый ночлегъ въ Динабургѣ. На другой день императоръ принималъ витебскаго губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства и депутаціи отъ сельскихъ обществъ губерній Витебской и Ковенской. Въ переднихъ рядахъ стояли крестьяне съ медалями на георгіевскихъ и анненскихъ лентахъ,—тѣ, что́ во время польскаго возстанія поголовно возстали на мятежниковъ и подавили мятежъ въ своей мѣстности. Многіе изъ нихъ были ранены въ схваткахъ съ повстанцами. Они поднесли императору хлѣбъ-соль и икону св. Александра Невскаго. Замѣтивъ одного безрукаго крестьянина, государь спросилъ, въ какомъ дѣлѣ онъ лишился руки, и прибавилъ: «Нѣтъ ли еще раненыхъ?» Такихъ оказалось нѣсколько. Императоръ съ милостивымъ участіемъ освѣдомился, хорошо ли залѣчены ихъ раны, благодарилъ крестьянъ за вѣрность и усердіе и выразилъ надежду, что они и на будущее время пребудутъ такими же, какими были до сихъ поръ. Въ Вильнѣ ихъ величества остановились всего на нѣсколько минутъ. Государь выразилъ полное удовольствіе главному начальнику края и обѣщалъ на возвратномъ пути провести день въ Вильнѣ и сдѣлать тамъ смотръ войскамъ; представившихся ему военныхъ и гражданскихъ чиновъ благодарилъ за службу и преданность престолу и отечеству; изъ рукъ городского головы принялъ хлѣбъ-соль. Въ Ковнѣ встрѣтилъ ихъ величества намѣстникъ Царства Польскаго, графъ Бергъ, который, вмѣстѣ съ генераломъ Муравьевымъ, проводилъ ихъ до самой границы.

29-го мая августѣйшіе путешественники прибыли въ Потсдамъ, гдѣ ждалъ ихъ король Вильгельмъ прусскій. Въ честь государя состоялся большой смотръ. 31-го мая императоръ и императрица достигли Дармштадта и, пробывъ тамъ два дня, отправились въ Киссингенъ, гдѣ государь и государыня оставались цѣлый мѣсяцъ, проходя курсъ лѣченія водами. Изъ Киссингена императоръ отвезъ императрицу въ Швальбахъ, а самъ, прогостивъ одинъ день въ замкѣ Вильгельмсталь, близъ Эйзенаха, у великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго и другой—у королевы прусской Августы въ Бабельсбергѣ, подъ Потсдамомъ,—8-го іюля вечеромъ пріѣхалъ въ Вильну и остановился въ генералъ-губернаторскомъ дворцѣ.

Несмотря на поздній часъ, Муравьевъ имѣлъ въ тотъ же вечеръ продолжительный словесный докладъ у государя. Онъ подробно изложилъ ему состояніе ввѣреннаго ему края, настаивая на необходимости настойчиво проводить мѣры, предпринятыя для его обрусѣнія, ни подъ какимъ

вилномъ не снимать военнаго положенія и вообще отказаться отъ какихъ-либо снисхожденій къ полякамъ или помилованій. Императоръ Александръ успокоилъ Муравьева, сказавъ, что вполнѣ раздѣляетъ его взглядъ на дѣло [1]. На другой день онъ посѣтилъ православный Свято-Духовъ монастырь, гдѣ встрѣченъ митрополитомъ Іосифомъ, и при выходѣ изъ монастыря удостоилъ пріемомъ губернаторовъ и прочихъ высшихъ чиновъ Сѣверо-Западнаго края, послѣ чего обратился съ милостивымъ словомъ къ многочисленнымъ депутаціямъ крестьянъ, объясняя имъ ихъ обязанности относительно правительства и закона. Польское дворянство и римско-католическое духовенство не были приняты государемъ. Смотръ войскамъ произведенъ на полѣ, за Зеленымъ мостомъ. По окончаніи смотра, императоръ отсалютовалъ сопровождавшему его на конѣ Муравьеву и поздравилъ его съ назначеніемъ шефомъ Пермскаго пѣхотнаго полка. Такой же смотръ состоялся на слѣдующій день въ Динабургѣ. 10-го іюля Александръ Николаевичъ возвратился въ Царское Село.

Цѣлый мѣсяцъ государь провелъ въ обычныхъ занятіяхъ въ Красносельскомъ лагерѣ, а въ половинѣ августа съѣздилъ на три дня въ Москву. Ко дню своихъ именинъ онъ спѣшилъ вернуться къ императрицѣ, ожидавшей его въ за́мкѣ Югенгеймъ, близъ Дармштадта. Туда же, къ этому дню, пріѣхалъ и король прусскій, чтобы провести его въ кругу русской державной семьи.

30-го августа государь подписалъ три указа: первымъ, по случаю исполнившагося полустолѣтія съ основанія комитета о раненыхъ, онъ назначилъ предсѣдателемъ этого комитета великаго князя Константина Николаевича, «кровію запечатлѣвшаго»,—какъ сказано въ высочайшемъ рескриптѣ,—«доблестное служеніе свое престолу и отечеству»; вторымъ распространилъ на Царство Польское узаконенную въ Имперіи отмѣну тѣлесныхъ наказаній; третьимъ повелѣлъ преобразовать на новыхъ началахъ учебную и воспитательную часть въ Царствѣ Польскомъ.

Послѣднее преобразованіе было вторымъ трудомъ Николая Милютина по переустройству Привислинскаго края. Оно обнимало: начальныя училища, женскія гимназіи, русскую гимназію въ Варшавѣ, съ состоящими при ней женскою прогимназіею и начальной школой, главное Варшавское нѣмецкое начальное училище и, сверхъ того, установляло въ Царствѣ Польскомъ десять учебныхъ дирекцій.

«Признавая необходимымъ»,—гласилъ рескриптъ на имя намѣстника графа Берга,—«по мѣрѣ возстановленія порядка въ Царствѣ Польскомъ, продолжать и развивать тѣ коренныя преобразованія, коимъ начало положено указомъ моимъ отъ 19-го февраля сего года, я желаю и твердо

[1] Записки Муравьева, «Русская Старина», т. XXXVII, стр. 141—142.

буду настаивать, чтобы преобразованія сіи совершались постоянно и неуклонно; ибо безъ полнаго обновленія гражданскаго быта въ Царствѣ невозможно обезпечить въ будущемъ правильное и прочное развитіе сего края. Въ сихъ видахъ, мои особенныя заботы устремлены, между прочимъ, на улучшеніе тамъ системы народнаго образованія. Никакая отрасль государственной дѣятельности не требуетъ для достиженія предположенной цѣли столь продолжительныхъ и настойчивыхъ усилій, какъ дѣло общественнаго воспитанія, въ коемъ добрыя сѣмена растутъ и зрѣютъ лишь вмѣстѣ съ новыми поколѣніями. Поэтому я нахожу нужнымъ воспользоваться первыми днями возрождающагося порядка и спокойствія, чтобы возобновить прерванныя смутами попеченія мои о лучшемъ и правильнѣйшемъ устройствѣ учебной части въ Царствѣ. Общій о семъ уставъ, утвержденный мною 8-го мая 1862 года, положилъ уже въ основаніе всѣхъ тамошнихъ учебныхъ заведеній нравственно-религіозное образованіе; для училищъ высшаго разряда принялъ преимущественно общее классическое обученіе, не исключающее, впрочемъ, развитія спеціальныхъ познаній; доступъ во всѣ вообще учебныя заведенія открылъ лицамъ всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій; наконецъ, значительно распространилъ число и составъ училищъ, особенно среднихъ и высшихъ, и обезпечилъ имъ бо́льшею частью достаточныя для существованія средства. Эти коренныя основанія устава 1862 года должны быть сохранены въ точности и на будущее время. Принимая ихъ за неизмѣнную исходную точку, я признаю за благо при дальнѣйшемъ ихъ развитіи поставить къ непремѣнному руководству слѣдующія главныя основанія: 1) Съ новымъ устройствомъ сельскаго быта въ Польшѣ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ административномъ отношеніи, возникаетъ настоятельная надобность распространить и упрочить элементарное обученіе между крестьянами. При такомъ лишь условіи они вполнѣ воспользуются благодѣяніями новаго закона и представятъ твердый оплотъ для охраненія общественнаго мира и порядка. Изъ представленныхъ свѣдѣній усмотрѣвъ съ истиннымъ удовольствіемъ, что сами крестьяне почти повсемѣстно начинаютъ ясно сознавать потребность въ образованіи, я съ довѣріемъ возлагаю на вновь созданныя сельскія общества ближайшее попеченіе о распространеніи сельскихъ школъ и снабженіи ихъ нужными средствами, правительственнымъ же мѣстамъ и лицамъ, до коихъ сіе касается, поручаю принять въ этомъ важномъ дѣлѣ самое дѣятельное участіе. Не сомнѣваюсь, что при вашемъ личномъ содѣйствіи возникнетъ и устроится въ самомъ непродолжительномъ времени надлежащее число сельскихъ школъ и такимъ образомъ восполнится одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ въ прежнихъ системахъ польскаго общественнаго воспитанія. 2) Обученіе женщинъ было также до сего времени предметомъ лишь нѣкоторыхъ, со стороны правительства, частныхъ мѣръ или

недоконченныхъ попытокъ. Необходимо принять общую въ дѣлѣ женскаго образованія систему, сообразно съ потребностями разныхъ сословій, такъ какъ умственное и нравственное образованіе женскаго населенія будетъ лучшимъ ручательствомъ правильнаго развитія грядущихъ поколѣній. Принимая въ этомъ отношеніи, какъ и по другимъ отраслямъ народнаго воспитанія, мѣры твердыя, но послѣдовательныя и осторожныя, я считаю полезнымъ нынѣ же приступить, на первый разъ, въ главнѣйшихъ городахъ Царства къ учрежденію открытыхъ женскихъ училищъ, столь успѣшно и благотворно уже дѣйствующихъ въ Имперіи и въ самой Варшавѣ. 3) При устройствѣ учебныхъ заведеній, особенно среднихъ и высшихъ, собственно въ отношеніи педагогическомъ, главною заботою правительства должно быть распространеніе въ юношествѣ здравыхъ познаній и развитіе въ немъ любви къ дѣльному труду и основательному научному образованію. Не дозволяя ни себѣ, ни кому бы то ни было превратить разсадники науки въ орудіе для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая систему общественнаго воспитанія и возвышая въ немъ уровень преподаванія. 4) Съ этою цѣлью, предоставляя польскому юношеству возможность обучаться на его природномъ языкѣ, надлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ принять во вниманіе, что населеніе Царства состоитъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ племенамъ и вѣроисповѣданіямъ. Каждое изъ нихъ должно быть ограждено отъ всякаго насильственнаго посягательства, и въ этихъ видахъ необходимо, между прочимъ, озаботиться объ образованіи отдѣльныхъ для каждой народности училищъ; а въ школахъ общихъ, особенно же низшихъ, ввести обученіе на природномъ языкѣ большинства населенія, то есть или на польскомъ, или на русскомъ, или на нѣмецкомъ, или же на литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей. Задача Россіи въ отношеніи къ Царству Польскому должна заключаться въ полномъ безпристрастіи къ составнымъ стихіямъ тамошняго населенія».

Приложенные къ рескрипту указы не исчерпывали, однако, всѣхъ преобразованій учебной и воспитательной части въ Царствѣ Польскомъ. Намѣстнику предоставлялось представить въ самомъ непродолжительномъ времени на высочайшее усмотрѣніе предположенія о «дальнѣйшемъ развитіи и лучшемъ устройствѣ» всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ краѣ. Имѣлось при этомъ въ виду: преобразовать земледѣльческія училища; устроить правильные курсы для приготовленія учителей начальныхъ школъ; спеціальныя уѣздныя училища обратить въ семиклассныя реальныя гимназіи, а общія уѣздныя училища въ прогимназіи: одни въ реальныя, другія—въ классическія; Люблинскій лицей преобразовать въ гимназію, и всѣмъ вообще гимназіямъ въ Царствѣ дать основательное классическое направленіе; преобразовать Глав-

ную школу въ Варшавскій университетъ, съ предоставленіемъ ему всѣхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ общимъ уставомъ русскихъ университетовъ заняться окончательнымъ устройствомъ Александро-Маріинскаго дѣвичьяго института въ Варшавѣ, а также институтовъ - земледѣльческаго и политехническаго. «Даруя всѣмъ жителямъ Царства», такъ заключалъ государь рескриптъ свой графу Бергу,—«безъ различія состояній, происхожденія и вѣроисповѣданій, средства къ основательному образованію молодого поколѣнія, я надѣюсь, что плодотворная научная дѣятельность предохранитъ впредь польское юношество отъ тѣхъ безразсудныхъ увлеченій, которыя, составивъ несчастіе столь многихъ людей, препятствовали доселѣ и преуспѣянію цѣлаго края» [1].

Жалуя Милютину орденъ Бѣлаго Орла, императоръ упомянулъ въ грамотѣ, что награда эта даруется въ ознаменованіе «особаго благоволенія и совершенной признательности за неутомимо ревностные и существенно полезные труды по составленію возложенныхъ на васъ нашимъ довѣріемъ и вполнѣ сообразныхъ съ указаніями нашими проектовъ разныхъ постановленій, относящихся къ упроченію благосостоянія Царства Польскаго» [2].

Изъ Югенгейма императоръ и государыня навѣстили въ Фридрихсгафенѣ наслѣдную принцессу Виртембергскую Ольгу Николаевну; затѣмъ государь ѣздилъ въ Швальбахъ, чтобы посѣтить пользовавшуюся тамъ водами императрицу французовъ, и 10-го сентября, въ сопровожденіи цесаревича Николая Александровича, прибылъ въ Потсдамъ, гдѣ въ продолженіе трехъ дней участвовалъ въ манёврахъ прусскаго гвардейскаго корпуса, происходившихъ въ присутствіи короля. Изъ Берлина наслѣдникъ уѣхалъ въ Копенгагенъ, а императоръ возвратился къ августѣйшей супругѣ въ Дармштадтъ, заѣхавъ по пути къ двоюродному брату великому герцогу Александру Веймарскому въ Вильгельмсталь. Изъ Дармштадта с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ получилъ слѣдующую телеграмму отъ государя: «Возвѣстите обывателямъ столицы 101 пушечнымъ выстрѣломъ о помолвкѣ наслѣдника съ принцессою датскою Дагмарою. Мы увѣрены, что всѣ наши вѣрноподданные раздѣлятъ нашу радость и вмѣстѣ съ нами призовутъ Божіе благословеніе на юную чету» [3].

Лѣченіе водами въ Киссингенѣ и Швальбахѣ хотя и улучшило состояніе здоровья императрицы, но врачи настойчиво совѣтовали ей провести зиму въ тепломъ климатѣ. 3-го октября посѣтилъ государя и государыню въ Дармштадтѣ король Вильгельмъ прусскій, а 6-го они

[1] Рескриптъ графу Бергу, 30-го августа 1864 г.

[2] Высочайшая грамота Н. А. Милютину, 30-го августа 1864 г.

[3] Государь князю Суворову, 19-го сентября 1864 г.

выѣхали [illegible] Марсель въ Ниццу, [illegible] 10-го. Императоръ [illegible] фран-цузскомъ городѣ оказать русской царственной четѣ самый предупредительный пріемъ; онъ предоставилъ въ распоряженіе государыни собственную яхту «L'Aigle», посланную въ Виллафранку, а 15-го октября самъ пріѣхалъ въ Ниццу, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе государю и императрицѣ. По отъѣздѣ Наполеона III императоръ Александръ выѣхалъ обратно въ Россію, остановясь лишь на два дня въ Потсдамѣ, по усиленной просьбѣ короля прусскаго. Вмѣстѣ съ нимъ возвратился въ Петербургъ, послѣ продолжительной отлучки за границей, и великій князь Константинъ Николаевичъ, снова вступившій въ управленіе морскимъ вѣдомствомъ, а къ новому году назначенный предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

Одобривъ произведенныя въ его отсутствіе новыя законодательныя работы Николая Милютина по преобразованію Царства Польскаго, государь, по возвращеніи, подписалъ указъ объ упраздненіи значительнаго числа римско-католическихъ монастырей въ этомъ краѣ. Правительственной мѣрѣ предпослано обширное изложеніе причинъ:

«Соблюдая завѣты августѣйшихъ нашихъ предшественниковъ»,—читаемъ во введеніи къ указу,—«и слѣдуя искреннѣйшимъ побужденіямъ нашего сердца, мы всегда охраняли законныя права и неприкосновенность религій, исповѣдуемыхъ нашими вѣрными подданными. Въ семъ случаѣ мы лишь руководствовались тѣми непреложными началами вѣротерпимости, которыя составляютъ одно изъ главныхъ основаній отечественнаго законодательства и неразрывно связуются съ коренными историческими преданіями православной церкви и русскаго народа. И въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ большинство жителей принадлежитъ къ церкви римско-католической, мы имѣли особливое попеченіе о благосостояніи сей церкви, сохраняя всѣ ея учрежденія въ томъ видѣ, какъ они сложились самостоятельно въ прежнее время. Въ 1861 и 1862 годахъ, даруя жителямъ Царства разныя льготы и преимущества, мы распространили оныя и на римско-католическое духовенство, ввѣривъ въ то же время заботы о его нуждахъ особому высшему управленію изъ лицъ, несомнѣнно преданныхъ римско-католической церкви. Съ тѣмъ бо́льшею скорбію усмотрѣли мы, что во время возникшихъ вслѣдъ затѣмъ въ Царствѣ волненій нѣкоторая часть духовенства римско-католическаго не оказалась вѣрною ни долгу пастырей, ни долгу подданныхъ. Даже монахи, забывъ заповѣди Евангелія и презрѣвъ добровольно принесенные предъ алтаремъ обѣты иноческаго званія, возбуждали кровопролитіе, подстрекали къ убійствамъ, оскверняли стѣны обителей, принимая изъ нихъ [illegible] кото-рые вступали сами въ ряды мятежниковъ и обагряли руки свои кровію

невинныхъ жертвъ. Сколь ни прискорбны для сердца нашего сіи горестныя явленія, потрясающія самыя основы религіознаго и нравственнаго быта ввѣреннаго намъ Всевышнимъ Промысломъ народа, они, тѣмъ не менѣе, не охлаждаютъ заботливости нашей о благоустроеніи римско-католической церкви и духовенства въ Царствѣ Польскомъ. Въ сихъ видахъ мы повелѣли учредительному комитету составить и представить намъ проекты штатовъ, которые обезпечили бы въ Польшѣ матеріальное положеніе приходскаго римско-католическаго духовенства, дабы не только уравнять, по возможности, выгоды, извлекаемыя членами онаго изъ бенефицій, но, въ особенности, улучшить бытъ тѣхъ изъ приходскихъ настоятелей, которые нынѣ, по крайней невѣрности или скудости дохода, наиболѣе стѣснены въ своихъ средствахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелый опытъ едва пройденныхъ дней вынуждаетъ насъ принять дѣйствительныя мѣры къ огражденію общества отъ повторенія явленій, подобныхъ тѣмъ, которыми монашествующее сословіе въ Царствѣ ознаменовало участіе свое въ послѣднемъ мятежѣ. Мы убѣдились въ невозможности оставить монастыри Царства въ томъ исключительномъ состояніи, которое предоставлялось имъ доселѣ по особенному снисхожденію правительства, тогда какъ въ бо́льшей части римско-католическихъ государствъ Европы давно уже приняты мѣры къ подчиненію иноковъ общему епархіальному начальству, къ упраздненію монастырей, не имѣющихъ опредѣленнаго каноническими правилами числа монаховъ, или обнаружившихъ вредное направленіе, и къ передачѣ въ казенное завѣдываніе монастырскихъ имѣній, управленіе коими увлекаетъ духовенство отъ его прямого призванія. Находя, что и въ Царствѣ Польскомъ подобныя мѣры необходимы для возстановленія въ римско-католическихъ монастыряхъ нарушеннаго благочинія, мы повелѣли учредить въ Варшавѣ общую о монастыряхъ комиссію изъ лицъ, частію нами самими, частію намѣстникомъ нашимъ назначенныхъ. Комиссія эта тщательно разсмотрѣла вопросъ о томъ, которыя именно изъ обителей подлежатъ упраздненію по малому въ нихъ числу иноковъ, а равно изслѣдовала участіе отдѣльныхъ монастырей въ дѣйствіяхъ послѣдняго мятежа».

Согласно докладу этой комиссіи постановлялось: упразднить тѣ изъ римско-католическихъ монастырей въ Царствѣ Польскомъ, мужскихъ и женскихъ, въ которыхъ нѣтъ опредѣленнаго каноническими правилами числа монашествующихъ, а именно тѣ, въ которыхъ менѣе восьми монаховъ или монахинь; равномѣрно закрыть всѣ тѣ монастыри, которые принимали явное и доказанное участіе въ мятежныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ; монашествующимъ лицамъ упраздненныхъ монастырей предоставить или продолжать монашескую жизнь по правиламъ своего ордена въ другихъ монастыряхъ, коимъ для сего назначается доба-

вочное отъ казны пособіе, или отпущенныя за границу безъ права возвращенія, съ полученіемъ пособія на путевые расходы и пожизненной пенсіи; въ церквахъ закрытыхъ монастырей богослуженія не прекращать, но передать ихъ въ завѣдываніе епархіальнаго начальства; сохранить и существовавшія при этихъ монастыряхъ начальныя училища, а также богадѣльни, больницы и богоугодныя заведенія, съ передачею первыхъ завѣдыванію правительственной коммиссіи народнаго просвѣщенія, остальныхъ—коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ; бывшія миссіонерскія семинаріи соединить съ семинаріями епархіальными; всѣ прочіе монастыри подчинить епархіальному начальству; монастырскія имущества отобрать въ казну, съ производствомъ изъ ихъ доходовъ содержанія штатнымъ монастырямъ, пенсій монахамъ и монахинямъ удаленнымъ за границу, содержанія богоугоднымъ заведеніямъ и пособій начальнымъ народнымъ школамъ.

Въ силу новаго закона, упраздненъ 71 мужской монастырь съ 304 монахами и 4 женскихъ съ 14 монахинями, какъ не достигающіе опредѣленнаго церковными канонами числа монашествующихъ въ нихъ; за соучастіе же въ мятежѣ закрыто 39 мужскихъ монастырей съ 674 монахами; сверхъ того, упразднены 4 уніатскія обители; затѣмъ осталось въ Царствѣ Польскомъ римско-католическихъ монастырей 45 мужскихъ съ 657 монахами и 38 женскихъ съ 535 монахинями [1].

1864-й годъ, начало котораго ознаменовано предоставленіемъ земству права самому вѣдать свои хозяйственныя нужды и пользы, завершился кореннымъ преобразованіемъ судебной части, совершенно видоизмѣнившимъ условія отправленія правосудія въ Россіи.

Судебная реформа, подобно крестьянской, была завѣщана императору Александру II предшедшимъ царствованіемъ. Сознавая крупные недостатки отечественнаго судоустройства и судопроизводства, императоръ Николай поручилъ, въ сороковыхъ годахъ, главноуправлявшему II отдѣленіемъ своей канцеляріи Д. Н. Блудову составить предположенія объ улучшеніи этой важной отрасли государственнаго управленія. Въ 1850 и 1852 годахъ при означенномъ отдѣленіи образованы были комитеты для составленія проектовъ уставовъ какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго судопроизводства, которые, вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра Николаевича, и были внесены Блудовымъ въ Государственный Совѣтъ. Въ эти проекты включены уже нѣкоторыя измѣненія, соображенныя,—какъ сказано во вступительной запискѣ,—«съ непреложными началами юридической науки». Такъ, проведены въ нихъ начала отдѣленія судебной части отъ административной, устности и гласности; въ гражданскомъ процессѣ отмѣнена канцелярская тайна,

¹ Вы[illegible] 27-[illegible]

допущено состязаніе сторонъ, предположено учрежденіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ; въ уголовномъ процессѣ полиція устранена отъ производства слѣдствія, обвиненію противупоставлена равноправная защита, ослаблена теорія формальныхъ доказательствъ и судейскому убѣжденію открыть широкій просторъ.

Но эти частныя нововведенія казались уже недостаточными, какъ не соотвѣтствующія духу и потребностямъ времени, и потому осенью 1861 г. по соглашенію государственнаго секретаря Буткова съ графомъ Блудовымъ, составленъ всеподданнѣйшій докладъ, который, оставляя за Блудовымъ высшее наблюденіе за общимъ ходомъ преобразованія, предлагалъ возложить на особую комиссію при государственной канцеляріи, «съ прикомандированными къ ней юристами», извлечь изъ прежнихъ проектовъ «главныя основныя начала судебной реформы». Государь утвердилъ эти предположенія, и новая комиссія усердно принялась за работу. Въ составъ ея, подъ предсѣдательствомъ В. П. Буткова, вошли, кромѣ чиновъ государственной канцеляріи, представители министерства юстиціи и II отдѣленія, а также юристы-эксперты изъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства. Программою комиссіи служило высочайшее повелѣніе, разрѣшавшее ея членамъ въ трудахъ своихъ руководствоваться данными, добытыми «наукою и опытомъ европейскихъ государствъ», сообразуясь съ которыми, въ нѣсколько мѣсяцевъ выработаны были основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи. По разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, они утверждены императоромъ и обнародованы во всеобщее свѣдѣніе 29-го сентября 1862 года.

Сущность основныхъ положеній заключалась въ слѣдующемъ: отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, административной и законодательной вообще, и въ частности: по гражданскому судопроизводству—отдѣленіе власти судебной отъ исполнительной, а по уголовному—отдѣленіе власти судебной отъ обвинительной; начало гласности въ гражданскомъ и уголовномъ процессахъ; несмѣняемость судей; образованіе самостоятельной мировой юстиціи для маловажныхъ дѣлъ, отдѣльно отъ общихъ судовъ; устройство особой обвинительной власти или прокурорскаго надзора; учрежденіе офиціальной адвокатуры или института присяжныхъ повѣренныхъ; введеніе присяжныхъ засѣдателей; отмѣна теоріи формальныхъ доказательствъ въ уголовномъ процессѣ; учрежденіе кассаціоннаго суда и введеніе нотаріата.

Составленіе судебныхъ уставовъ, на точномъ основаніи общихъ положеній, поручено особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Буткова, въ которую бóльшая часть экспертовъ-юристовъ вступила членами, равноправными съ представителями правительственныхъ вѣдомствъ. Составъ ея былъ слѣдующій: отъ государственной канцеляріи: Плавскій, Стояновскій, Зарудный, Шубинъ, Еси-

повичъ, Любимовъ, Вилинбаховъ и Желтухинъ; отъ II отдѣленія: Бревернъ, Бычковъ и Даневскій; отъ министерства юстиціи: баронъ Врангель, и юристы-эксперты: оберъ-прокуроръ общаго собранія московскихъ департаментовъ сената Буцковскій, оберъ-секретарь того же общаго собранія Побѣдоносцевъ и московскій губернскій прокуроръ Ровинскій. Порученный комиссіи трудъ она окончила въ одинъ годъ, и уже осенью 1863 года изготовленные сю проекты уставовъ поступили на заключеніе II отдѣленія и министерства юстиціи.

Государственный Совѣтъ обсудилъ ихъ въ рядѣ засѣданій въ продолженіе 1864 года, и 20-го ноября они получили силу закона, приложеніемъ къ нимъ высочайшей подписи.

«По вступленіи на прародительскій престолъ»,—возвѣщалъ императоръ Александръ въ указѣ Правительствующему Сенату,—«однимъ изъ первыхъ нашихъ желаній, всенародно возвѣщенныхъ въ манифестѣ 19-го марта 1856 года, было: «да правда и милость царствуетъ въ судахъ». Съ того времени, среди другихъ преобразованій, вызванныхъ потребностями народной жизни, мы не переставали заботиться о достиженіи упомянутой цѣли посредствомъ лучшаго устройства судебной части, и послѣ многостороннихъ предварительныхъ работъ во II отдѣленіи Собственной нашей канцеляріи 29-го сентября 1862 года утвердили и тогда же повелѣли обнародовать въ общее свѣдѣніе основныя положенія преобразованія этой части. Составленные въ развитіе сихъ основныхъ положеній особо учрежденною нами комиссіею проекты уставовъ нынѣ подробно обсужены и исправлены Государственнымъ Совѣтомъ. Разсмотрѣвъ сіи проекты, мы находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ нашихъ; возвысить судебную власть; дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго». Повелѣвъ Сенату обнародовать высочайше утвержденные четыре устава: учрежденія судебныхъ установленій, судопроизводствъ уголовнаго и гражданскаго и о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, императоръ Александръ слѣдующими словами заключилъ достопамятный указъ: «Призывая благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого великаго дѣла, мы радостно выражаемъ надежду, что намѣренія наши осуществятся, при ревностномъ содѣйствіи нашихъ вѣрноподданныхъ, какъ каждаго отдѣльно, въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ обществъ, сословій и земства, нынѣ, по волѣ нашей, на новыхъ началахъ образуемаго» [1].

[1] Высочайшій указъ, 20-го ноября 1864 г.

Приготовленія къ введенію въ дѣйствіе земскихъ учрежденій производились по всему пространству Россіи, всюду возбуждая живѣйшее сочувствіе и участіе. Выразителемъ этихъ чувствъ явилось московское дворянство въ адресѣ на высочайшее имя, принятомъ въ засѣданіи дворянскаго собранія 11-го января 1865 года большинствомъ 270 противъ 36 голосовъ, высказавшееся такъ: «Призванному вами, государь, къ новой жизни земству, при полномъ его развитіи, суждено навѣки упрочить славу и крѣпость Россіи». Но въ томъ же адресѣ заключалась и просьба «довершить государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской, для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству», а также «второго собранія изъ представителей одного дворянскаго сословія». Адресу московскаго дворянства не дано дальнѣйшаго движенія. Сенатъ призналъ неправильными постановленія собранія предводителей и депутатовъ относительно права участія нѣкоторыхъ дворянъ въ дѣлахъ губернскаго собранія, а постановленія послѣдняго лишенными законной силы. Но государь не пожелалъ оставить безъ отвѣта заявленія московскихъ дворянъ. «Мнѣ извѣстно»,—писалъ онъ въ обнародованномъ во всеобщее свѣдѣніе рескриптѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ,—«что во время своихъ совѣщаній московское губернское дворянское собраніе вошло въ обсужденіе предметовъ, прямому вѣдѣнію его не подлежащихъ, и коснулось вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій. Благополучно совершившіяся въ десятилѣтнее мое царствованіе и нынѣ по моимъ указаніямъ еще совершающіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о моей постоянной заботливости улучшать и совершенствовать, по мѣрѣ возможности и въ предопредѣленномъ мною порядкѣ, разныя отрасли государственнаго устройства. Право вчинанія по главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованія принадлежитъ исключительно мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ мнѣ ввѣренною. Прошедшее въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ должно быть залогомъ будущаго. Никому изъ нихъ не предоставлено предупреждать мои непрерывныя о благѣ Россіи попеченія и предрѣшать вопросы о существенныхъ основаніяхъ ея общихъ государственныхъ учрежденій. Ни одно сословіе не имѣетъ право говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя передо мною ходатайство объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствующими узаконеніями порядка могутъ только затруднять меня въ исполненіи моихъ предначертаній, ни въ какомъ случаѣ не способствуя достиженію той цѣли, къ которой они могутъ быть направлены. Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства, вѣковыя заслуги котораго предъ престоломъ и

отечествомъ мнѣ всегда памятны и къ которому мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ. Поручаю вамъ поставить о семъ въ извѣстность всѣхъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ тѣхъ губерній, гдѣ учреждены дворянскія собранія или имѣютъ быть учреждены собранія земскія».

Между тѣмъ преобразовательная дѣятельность правительства продолжала идти прежнимъ ускореннымъ ходомъ, и 6-го апрѣля изданъ новый законъ, отмѣнившій, въ видахъ «предоставленія отечественной печати возможныхъ облегченій», предварительную цензуру для книгъ и повременныхъ изданій, установившій для нихъ, независимо отъ судебнаго преслѣдованія за нарушеніе законовъ, систему административныхъ взысканій «въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго направленія», и завѣдываніе дѣлами цензуры и печати вообще сосредоточившій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ высшимъ наблюденіемъ министра, во вновь учрежденномъ Главномъ управленіи по дѣламъ печати [1].

Незадолго до того прибывшій въ Петербургъ виленскій генералъ-губернаторъ Муравьевъ обратился къ государю съ просьбою уволить его отъ должности главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, частью по разстроенному здоровью, частью по обострившимся отношеніямъ своимъ къ нѣкоторымъ изъ министровъ и въ особенности къ министру внутреннихъ дѣлъ. Императоръ Александръ принялъ отставку Муравьева, не скрывъ отъ него, что, по дошедшимъ до государя свѣдѣніямъ, не всѣ вызванные имъ въ Литву русскіе чиновники, не исключая и губернаторовъ, оказались на высотѣ своего призванія, а что въ числѣ мировыхъ посредниковъ не мало людей съ крайнимъ направленіемъ, вредно отражающимся на общественномъ порядкѣ [2]. Но въ то же время, высоко цѣня заслуги Михаила Николаевича по усмиренію мятежа и обрусѣнію сѣверо-западныхъ областей, государь возвелъ его въ графское достоинство и въ самыхъ признательныхъ выраженіяхъ отозвался въ рескриптѣ къ нему о плодотворной его дѣятельности: «Я призвалъ васъ къ управленію сѣверо-западными губерніями въ то трудное время, когда вѣроломный мятежъ, вспыхнувшій въ Царствѣ Польскомъ, распространялся въ сихъ губерніяхъ и уже успѣлъ поколебать въ нихъ основныя начала правительственнаго и гражданскаго порядка. Несмотря на разстройство вашего здоровья, вслѣдствіе котораго, незадолго предъ тѣмъ, я долженъ былъ снизойти на просьбу вашу объ увольненіи васъ отъ одновременнаго управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ, департаментомъ удѣловъ и межевымъ корпусомъ, вы съ примѣрнымъ самоотверженіемъ приняли на себя ввѣренныя мною вамъ

1 Высочайшій указъ 6-го апрѣля 1865 г.

2 Записки Муравьева. «Русская Старина», т. XXXVII, стр. 158.

новыя обязанности и при исполненіи ихъ оправдали въ полной мѣрѣ мои ожиданія. Мятежъ подавленъ; сила правительственной власти возстановлена; общественное спокойствіе водворено и обезпечено рядомъ мѣръ, принятыхъ со свойственною вамъ неутомимою дѣятельностью, распорядительностью, знаніемъ мѣстныхъ условій и непоколебимою твердостію. Вы обратили вниманіе на всѣ отрасли управленія во ввѣренномъ вамъ краѣ. Вы осуществили и упрочили предначертанное мною преобразованіе быта крестьянскаго населенія, въ огромномъ большинствѣ вѣрнаго своему долгу и нынѣ снова ознаменовавшаго глубокое сознаніе древняго неразрывнаго единства Западнаго края съ Россіей. Вы озаботились улучшеніемъ быта православнаго духовенства, возстановили въ народной памяти вѣковыя святыни православія, содѣйствовали устройству и украшенію православныхъ храмовъ и, вмѣстѣ съ умноженіемъ числа народныхъ училищъ, положили начало преобразованію ихъ въ духѣ православія и русской народности. Подвиги ваши вполнѣ мною оцѣнены и пріобрѣли вамъ то всеобщее сочувствіе, которое столько разъ и съ разныхъ сторонъ вамъ было засвидѣтельствовано»[1]. Преемникомъ Муравьева въ званіи виленскаго генералъ-губернатора назначенъ генералъ-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ.

Императоръ спѣшилъ окончить это дѣло передъ отъѣздомъ въ Ниццу, куда вызывали его тревожныя извѣстія о тяжкой болѣзни старшаго сына, цесаревича Николая Александровича, принявшей, въ первые дни апрѣля, безнадежный оборотъ. 4-го отправился въ Ниццу великій князь Александръ Александровичъ; 6-го вечеромъ выѣхалъ самъ государь, сопровождаемый великими князьями Владиміромъ и Алексѣемъ. Путь до Ниццы совершенъ съ неимовѣрною быстротою, въ 85 часовъ. Въ Берлинѣ ожидалъ государя на вокзалѣ король Вильгельмъ, въ Парижѣ— императоръ Наполеонъ. Въ Дижонѣ къ царскому поѣзду присоединился другой, везшій изъ Копенгагена принцессу-невѣсту цесаревича, съ августѣйшей матерью, королевою Луизою, и братомъ, наслѣднымъ принцемъ датскимъ. Августѣйшіе путешественники прибыли въ Ниццу 10-го апрѣля.

Въ виллѣ Бермонъ, вокругъ смертнаго одра юнаго страдальца, собралась вся царская семья: безутѣшные родители, принцесса Дагмара, братья и сестра. Въ ночь съ 11-го на 12-е апрѣля чистая душа цесаревича Николая отлетѣла въ горнюю обитель. Въ минуту кончины государь и императрица держали одну руку умирающаго, другую — принцесса-невѣста и любимый братъ, великій князь Александръ.

Глубокою скорбію и истинно христіанскимъ смиреніемъ и покорностью предъ горестнымъ испытаніемъ, ниспосланнымъ свыше, проникнутъ высочайшій манифестъ, извѣстившій Россію о кончинѣ царскаго первенца:

[1] Рескриптъ графу Муравьеву, 17-го апрѣля 1865 г.

Всевышнему угодно было поразить насъ страшнымъ ударомъ. Любезнѣйшій сынъ нашъ, государь наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Николай Александровичъ скончался въ городѣ Ниццѣ сего апрѣля въ 12-й день, послѣ тяжкихъ страданій. Болѣзнь, постигшая его императорское высочество еще въ началѣ прошедшей зимы, во время совершаемаго путешествія по Италіи, не представлявшая, повидимому, опасеній за столь драгоцѣнную намъ жизнь, хотя медленно, но, казалось, уступала дѣйствію предпринятаго лѣченія и вліянію южнаго климата, когда внезапно появившіеся признаки явной опасности побудили насъ поспѣшить отъѣздомъ изъ Россіи. Въ глубокой скорби нашей мы имѣли утѣшеніе свидѣться съ любезнѣйшимъ сыномъ нашимъ до его кончины, поразившей насъ и весь домъ нашъ ударомъ, тѣмъ болѣе чувствительнымъ и сильнымъ, что печальному событію сему суждено было совершиться на чужбинѣ, вдали отъ нашего отечества. Но, покоряясь безропотно Промыслу Божьему, мы молимъ Всемогущаго Творца вселенныя, да дастъ намъ твердость и силу къ перенесенію глубокой горести, Его волею намъ ниспосланной. Въ твердомъ убѣжденіи, что вѣрные наши подданные раздѣлятъ съ нами душевную скорбь нашу, мы въ немъ лишь находимъ утѣшеніе и призываемъ ихъ къ усерднымъ вмѣстѣ съ нами моленіямъ о упокоеніи души возлюбленнаго сына нашего, оставившаго міръ сей среди надеждъ, нами и всею Россіею на него возложенныхъ. Да вселитъ его десница Вышняя въ мірѣ лучшемъ, идѣже нѣсть болѣзни, ни печали! Лишившись перворождаго сына и прямого преемника нашего, нынѣ въ Бозѣ почившаго государя наслѣдника цесаревича и великаго князя Николая Александровича, мы, на точномъ основаніи закона о престолонаслѣдіи, провозглашаемъ второго сына нашего, его императорское высочество великаго князя Александра Александровича наслѣдникомъ нашимъ и цесаревичемъ» [1].

Смертные останки цесаревича Николая перенесены на фрегатъ «Александръ Невскій», отплывшій изъ Виллафранки въ Кронштадтъ. 17-го апрѣля, въ день рожденія государя, онъ и императрица Марія Александровна оставили Ниццу и отправились въ Дармштадтъ, въ окрестностяхъ котораго, въ замкѣ Югенгеймъ, они въ тѣсномъ семейномъ кругу, въ составъ котораго пожелала войти и принцесса Дагмара, провели нѣсколько дней, необходимыхъ для возстановленія силъ императрицы истощенныхъ долговременнымъ уходомъ за больнымъ сыномъ и потрясеніемъ безвременною его кончиною. 9-го мая выѣхали они оттуда и 12-го прибыли въ Царское Село.

25-го мая состоялось перенесеніе тѣла почившаго цесаревича съ фрегата «Александръ Невскій» въ усыпальницу императорскаго дома, крѣ-

[1] Высочайшій манифестъ 12-го апрѣля 1865 г.

постной Петропавловскій соборъ, а 28-го —преданіе его землѣ. На другой день государь принялъ въ Зимнемъ дворцѣ явившихся къ нему съ выраженіемъ соболѣзнованія своихъ монарховъ чрезвычайныхъ посланныхъ и уполномоченныхъ, представителей иностранныхъ дворовъ, а также многочисленныя депутаціи отъ всѣхъ сословій, прибывшія изъ разныхъ губерній для присутствованія при похоронахъ цесаревича Николая и для принесенія выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ глубокой скорби о постигшей царскую семью и всю Россію утратѣ. Къ депутаціямъ присоединились представители петербургскаго дворянства и городского общества. Императоръ вышелъ къ нимъ въ сопровожденіи цесаревича Александра Александровича. «Я желалъ васъ видѣть, господа»,—сказалъ онъ.—«чтобы лично изъявить вамъ отъ себя и отъ имени императрицы нашу сердечную благодарность за участіе всей семьи русской въ нашемъ семейномъ горѣ. Единодушіе, съ которымъ всѣ сословія выразили намъ свое сочувствіе, насъ глубоко тронуло и было единственною для насъ отрадою въ это скорбное время. Въ единодушіи этомъ наша сила, и пока оно будетъ существовать, намъ нечего бояться ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ враговъ. Покойному сыну суждено было, во время путешествія его по Россіи въ 1863 году, быть свидѣтелемъ подобнаго же единодушія, вызваннаго тогда посягательствомъ враговъ нашихъ на древнее достояніе русскихъ и на единство государства... Да сохранится единодушіе это навсегда! Прошу васъ, господа, перенести на теперешняго наслѣдника моего тѣ чувства, которыя вы питали къ покойному его брату. За его же чувства къ вамъ я ручаюсь. Онъ любитъ васъ такъ же горячо, какъ я васъ люблю и какъ любилъ васъ покойный. Молитесь Богу, чтобы онъ сохранилъ его намъ для будущаго благоденствія и славы Россіи! Еще разъ благодарю васъ, господа, отъ души».

Къ царскому пріему допущены были, впервые послѣ возстанія, явившіеся въ Петербургъ ко дню погребенія высшіе гражданскіе чины и члены нѣсколькихъ знатныхъ дворянскихъ родовъ Царства Польскаго. Государь въ присутствіи цесаревича Александра Александровича, удостоилъ послѣднихъ слѣдующаго отвѣта на ихъ вѣрноподданническія заявленія: «Я желалъ видѣть васъ, господа, чтобы поблагодарить за чувства, которыя вы выразили мнѣ при послѣднихъ тяжкихъ обстоятельствахъ. Хочу вѣрить, что они искренни, и желаю, чтобы были раздѣляемы большинствомъ вашихъ соотечественниковъ, подданныхъ моихъ въ Царствѣ Польскомъ. Чувства эти будутъ лучшимъ ручательствомъ въ томъ, что мы не подвергнемся уже тѣмъ испытаніямъ, чрезъ которыя прошли въ недавнее время. Я желаю, чтобы слова мои вы передали вашимъ заблужденнымъ соотечественникамъ. Надѣюсь, что вы будете содѣйствовать къ образумленію ихъ. При семъ случаѣ не могу не припомнить тѣ слова, поставляемыя мнѣ въ укоръ, какъ бы оскорбленіе для Польши, которыя

Я сказалъ въ 1856 году въ Варшавѣ, по прибытіи туда въ первый еще разъ императоромъ. Я былъ встрѣченъ тогда съ увлеченіемъ и въ Лазенковскомъ дворцѣ говорилъ вашимъ соотечественникамъ: «Оставьте мечтанія! (Point de rêveries!). Если бы они послѣдовали этому совѣту, то избавили бы ваше отечество отъ многихъ бѣдствій. Поэтому-то возвращаюсь къ тѣмъ же прежнимъ моимъ словамъ: Оставьте мечтанія! Я люблю одинаково всѣхъ моихъ вѣрныхъ подданныхъ: русскихъ, поляковъ, финляндцевъ, лифляндцевъ и другихъ; они мнѣ равно дороги; но никогда не допущу, чтобы дозволена была самая мысль о разъединеніи Царства Польскаго отъ Россіи и самостоятельное безъ нея существованіе его. Оно создано русскимъ императоромъ и всѣмъ обязано Россіи. Вотъ мой сынъ Александръ, мой наслѣдникъ. Онъ носитъ имя того императора, который нѣкогда основалъ Царство. Я надѣюсь, что онъ будетъ достойно править своимъ наслѣдіемъ и что онъ не потерпитъ того, чего я не терпѣлъ. Еще разъ благодарю васъ за чувства, которыя вы изъявили при послѣднемъ печальномъ событіи».

Два мѣсяца спустя, 20-го іюня, въ большой церкви и Георгіевскомъ залѣ Зимняго дворца совершилось торжество, о которомъ высочайшій манифестъ такъ объявилъ Россіи: «Когда Всемогущему Богу угодно было отозвать къ Себѣ первороднаго сына нашего, блаженныя памяти цесаревича и великаго князя Николая Александровича, мы, манифестомъ отъ 12-го апрѣля сего года, возвѣстивъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ о постигшей насъ скорби, на основаніи коренныхъ законовъ Имперіи, провозгласили вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдникомъ нашимъ и цесаревичемъ второго, нынѣ старшаго, сына нашего, великаго князя Александра Александровича, достигшаго уже, тѣми же основными законами установленнаго, совершеннолѣтія. Въ настоящій день его императорское высочество произнесъ торжественно, въ присутствіи нашемъ, присягу на служеніе намъ и государству. Неисповѣдимое въ судьбахъ своихъ Провидѣніе указало торжественному обряду, совершенному за шесть лѣтъ предъ симъ оплакиваемымъ нами и всею Россіею въ Бозѣ почившимъ любезнѣйшимъ сыномъ нашимъ повториться при жизни нашей въ лицѣ его брата и законнаго преемника въ наслѣдованіи намъ. Призывая на него благословеніе Божіе, мы съ непоколебимою вѣрою молимъ Всевышняго о его преуспѣяніи на стезѣ, Всемогущею волею ему нынѣ предначертанной: да ниспошлетъ ему мудрость и добродѣтель; да руководитъ его постоянно во всѣхъ дѣлахъ; да сохранитъ его намъ и любезному отечеству въ утѣшеніе и радость! Всегда, при всѣхъ событіяхъ, какъ радостныхъ, такъ и горестныхъ, раздѣляя съ любезными намъ вѣрноподданными исполняющія сердце наше чувства, мы съ душевнымъ умиленіемъ видѣли горячее участіе, принятое всею Россіею въ понесенной нами утратѣ первороднаго сына нашего, коему не суждено было, наслѣдуя намъ въ вели-

комъ нѣкогда правленія государствомъ, осуществить возлагавшіяся на него надежды. Скорбь наша была общая, семейная во всей Россіи. Да будутъ же и нынѣ надежды наши общія и нераздѣльныя: да присоединятся вновь въ сей торжественный день празднованія совершеннолѣтія нынѣшняго наслѣдника цесаревича всѣ вѣрноподданные къ молитвамъ нашимъ о ниспосланіи ему свыше благодати, силы и крѣпости на подъятіе бремени, въ будущемъ ему предлежащаго; да обратятся на него общія любовь и преданность, столь искренно всѣми выказанныя къ усопшему брату его! Твердо увѣренные въ сихъ чувствахъ, мы видимъ въ нихъ нераздѣльную связь между нами и любезными нашими вѣрноподданными, въ основаніе коей положена принесенная ими при восшествіи нашемъ на прародительскій престолъ присяга въ вѣрности намъ и законному наслѣднику нашему» [1].

Тотчасъ по погребеніи цесаревича Николая, государь назначилъ наслѣдника атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ и шефомъ л.-гв. атаманскаго казачьяго и 3-го уланскаго смоленскаго полковъ и поселеннаго № 9 выборгскаго финскаго стрѣлковаго баталіона, а также зачислилъ его л.-гв. въ гусарскій полкъ, л.-гв. въ кавказскіе казачьи эскадроны собственнаго его величества конвоя, л.-гв. въ казачій уральскій дивизіонъ и л.-гв. въ донскую казачью батарею. По принесеніи присяги цесаревичъ Александръ Александровичъ зачисленъ въ гвардейскій экипажъ и во всѣ полки и отдѣльныя части гвардіи, въ которыхъ самъ государь состоялъ шефомъ и въ которыхъ новый наслѣдникъ еще не числился. Тогда же возведенъ онъ въ званіе канцлера Александровскаго университета въ Финляндіи. Цесаревичу сохраненъ весь придворный штатъ усопшаго брата въ неизмѣненномъ составѣ и попечителемъ къ его особѣ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Перовскій.

Согласно издревле установленному обычаю, императоръ пожелалъ лично представить своего наслѣдника въ этомъ новомъ санѣ первопрестольной столицѣ. Оба прибыли въ Москву 14-го августа и провели тамъ цѣлую недѣлю. Никогда Москва не встрѣчала ихъ съ бо̀льшимъ одушевленіемъ. Но ни при традиціонномъ выходѣ изъ Кремлевскаго дворца въ Успенскій соборъ, ни при посѣщеніи Троицко-Сергіевской лавры ихъ не привѣтствовалъ уже краснорѣчивымъ словомъ митрополитъ Филаретъ, удержанный въ Геѳсиманіи тяжкою болѣзнью. «Посѣщая первопрестольную столицу мою»,—писалъ ему по этому поводу императоръ.—«я привыкъ постоянно слышать отъ васъ пастырское слово христіанской любви и принимать чрезъ васъ благословеніе нашей матери, церкви православной. И нынѣ, предъ вступленіемъ съ наслѣдникомъ моего престола въ священный Успенскій соборъ, я получилъ ваше пись-

[1] Высочайшій манифестъ, 20-го іюня 1865 г.

[illegible] меня Россіи. Сожалѣю, что состояніе вашего здоровья не дозволило вамъ сдѣлать мнѣ этотъ сочувственный привѣтъ лично, и молю Бога, дабы возстановилъ силы ваши и надолго продлились ваши дни на пользу русской православной церкви, которой въ продолженіе полувѣка вы служите опорой и украшеніемъ».

Въ числѣ прочихъ депутацій, являвшихся къ нему въ Москвѣ, государь принялъ и депутацію отъ московскихъ старообрядцевъ, ходатайствовавшихъ о дозволеніи основать въ Москвѣ единовѣрческій монастырь. Императоръ объявилъ депутатамъ, что проектъ этотъ ему извѣстенъ, что онъ одобряетъ ихъ мысль и велитъ о средствахъ исполненія представить соображеніе, въ надеждѣ, что дѣло это легко устроится. Затѣмъ, обратясь къ находившимся въ числѣ единовѣрческихъ депутатовъ вновь присоединеннымъ къ единовѣрію, бывшимъ сторонникамъ такъ называемой австрійской іерархіи, онъ сказалъ: «Радуюсь видѣть васъ между единовѣрцами. Я увѣренъ, что присоединеніе ваше было искреннее, по убѣжденію, а не по какимъ-либо расчетамъ, и надѣюсь, что оно не останется безплоднымъ. Конечно, вы убѣждены, точно такъ какъ я, въ правотѣ нашей православной церкви. Молю Бога, чтобы вашему доброму примѣру послѣдовали и другіе».

День своихъ именинъ, 30-го августа, государь провелъ въ Царскомъ Селѣ. Поздравительное письмо митрополита Филарета вызвало слѣдующій отвѣтъ, въ которомъ монархъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ великой семейной утраты, излилъ предъ архипастыремъ чувства, наполнявшія его царственную душу: «Сегодня, въ день моего ангела, дошло до меня изъ Геѳсиманской пустыни ваше поздравленіе, молитвы ваши обо мнѣ и моемъ семействѣ и, полныя глубокихъ назиданій, воспоминанія о русскомъ православномъ угодникѣ, имя коего я ношу, и соименномъ мнѣ императорѣ, освободившемъ Россію отъ иноплеменниковъ. Преданный православію, какъ святой великій князь, мой угодникъ, дорожа достояніемъ Россіи, какъ знаменитый императоръ, мой дядя, я прошу у Бога не ихъ славы, а счастія видѣть народъ мой счастливымъ, просвѣщеннымъ свѣтомъ христіанской истины и охраненнымъ въ своемъ развитіи твердымъ закономъ и ненарушимымъ правосудіемъ. Молите предъ престоломъ Всевышняго, дабы дано мнѣ было привести въ исполненіе эти всегда присущія сердцу моему желанія, на благо любезнаго моего отечества».

Потрясенное тяжкимъ испытаніемъ, здоровье императрицы Маріи Александровны вызывало нѣжную попечительность августѣйшаго супруга. Весь сентябрь они провели въ новопріобрѣтенномъ для государыни подмосковномъ имѣніи Ильинскомъ въ глубокомъ уединеніи, окруженные царственными дѣтьми и малочисленною свитою.

Въ числѣ немногихъ лицъ, принятыхъ государемъ въ Ильинскомъ, былъ мѣстный звенигородскій уѣздный предводитель дворянства Голохвастовъ, одинъ изъ запальчивѣйшихъ ораторовъ московскаго дворянскаго собранія, говорившихъ въ пользу адреса, представленнаго московскимъ дворянствомъ на высочайшее имя за годъ передъ тѣмъ. «Я вызвалъ тебя, какъ здѣшняго предводителя»,—сказалъ ему императоръ,—«хотя я долженъ былъ бы на тебя сердиться, но я не сержусь и хочу, чтобы ты самъ былъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Подумай и скажи, каково мнѣ было знать, что ты публично, при всей залѣ, позоришь именемъ «опричниковъ» тѣхъ людей, которыхъ я удостоилъ довѣрія...». Голохвастовъ просилъ позволенія объяснить употребленное имъ выраженіе. «Говори правду, я всегда охотно ее слышу»,—отвѣтилъ императоръ. Голохвастовъ увѣрялъ, что подъ словомъ «опричники» онъ разумѣлъ не дружину Іоанна Грознаго, а все, что по своимъ цѣлямъ, понятіямъ, стремленіямъ стоитъ опричь земщины, то есть внѣ или въ сторонѣ отъ народа. «Важно не слово, а дѣло»,—замѣтилъ государь.—«Что значила вся эта выходка... Чего вы хотѣли? Конституціоннаго образа правленія?» Выслушавъ утвердительный отвѣтъ Голохвастова, императоръ продолжалъ: «И теперь вы, конечно, увѣрены, что я изъ мелочного тщеславія не хочу поступиться своими правами! Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, я готовъ подписать какую угодно конституцію, если бы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что сдѣлай я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски. А вѣдь этого и вы не хотите. Еще въ прошломъ году вы сами и прежде всѣхъ мнѣ это сказали». Слова эти относились къ адресу московскаго дворянства по поводу польскаго возстанія. Отпуская Голохвастова, государь сказалъ ему: «Главное—не гоняйся за аплодисментами, за успѣхами краснорѣчія, вѣдь, право, не стоитъ того!..»—«Аплодисменты, государь, относились не ко мнѣ»,—возразилъ Голохвастовъ,—«ихъ могъ вызвать каждый въ залѣ, стоило васъ назвать — и стѣны дрожали отъ аплодисментовъ». Свѣтлая улыбка озарила лицо государя. «Да, я знаю»,—промолвилъ онъ —«ну, съ Богомъ, прощай!» [1].

Въ концѣ сентября императоръ и императрица возвратились въ Царское Село и 19-го октября изданъ высочайшій указъ Сенату, съ повелѣніемъ приступить ко введенію въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ въ полномъ ихъ объемѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ теченіе 1866 года ввести ихъ въ округахъ петербургской и московской судебныхъ палатъ, а въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему положенію, и въ Бессарабской

[1] Рукописныя записки Д. Д. Голохвастова.

области. Между тѣмъ всюду открывали свою дѣятельность и земскія учрежденія. Первымъ изъ губернскихъ земскихъ собраній открылось самарское; въ началѣ ноября губернское земское собраніе открыто въ Москвѣ, въ концѣ того же мѣсяца — въ Петербургѣ.

Важнѣйшею изъ законодательныхъ мѣръ, принятыхъ въ началѣ 1866 года, было преобразованіе общественнаго управленія государственныхъ крестьянъ и передача ихъ въ вѣдѣніе общихъ губернскихъ и уѣздныхъ, а также мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій [1]. Подобная же мѣра была уже за два съ половиною года передъ тѣмъ принята относительно крестьянъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній. Такимъ образомъ, исполнена высочайшая воля, выраженная въ самый день освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, чтобы во всей Имперіи сельское состояніе было устроено на общихъ однообразныхъ основаніяхъ.

Благотворное дѣйствіе положеній 19-го февраля распространено тогда же на нѣкоторыя изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ. Уже въ 1864 году положено начало этому дѣлу въ Закавказьѣ, упраздненіемъ крѣпостного права въ Тифлисской губерніи [2] продолжалось оно въ 1865 году въ губерніи Кутаисской [3] и завершилось въ 1866 году въ Мингреліи. 19-го февраля 1867 года великій князь-намѣстникъ кавказскій донесъ государю по телеграфу, что указъ о томъ объявленъ въ Зугдиди, бывшей столицѣ этого княжества. «Благодарю Бога»,—отвѣчалъ императоръ,—«что помогъ намъ довершить вчера освобожденіе крестьянъ во всей Имперіи. Да будетъ благословеніе Его на этомъ святомъ дѣлѣ» [4].

Въ одномъ только Прибалтійскомъ краѣ земельныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ остались прежнія. Но и тамъ введены возможныя улучшенія въ ихъ быту: въ 1865 году они освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, а въ 1866 году даровано имъ, «на самостоятельныхъ и независимыхъ отъ помѣщичьяго вліянія основаніяхъ», волостное общественное управленіе [5].

Въ Сѣверо-Западномъ краѣ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, а въ Юго-Западномъ—генералъ-адъютантъ Безакъ продолжали энергически слѣдовать системѣ Муравьева для прочнаго вкорененія въ этихъ областяхъ православія и русской народности. По соглашенію ихъ съ министромъ государственныхъ имуществъ, въ концѣ 1865 года, состоялось высочайшее повелѣніе о воспрещеніи лицамъ польскаго проис-

[1] Высочайшій указъ, 24-го ноября 1866 г.
[2] Высочайшій указъ, 13-го октября 1864 г.
[3] Высочайшій указъ, 13-го октября 1865 г.
[4] Государю великому князю Михаилу Николаевичу, 20-го февраля 1867 г.
[5] Высочайшій указъ, 19-го февраля 1866 г.

хожденія пріобрѣтать поземельную собственность въ девяти западныхъ губерніяхъ и объ обязательной продажѣ русскимъ, православнымъ или протестантамъ, въ двухгодичный срокъ, секвестрованныхъ имѣній, принадлежащихъ владѣльцамъ-полякамъ, высланнымъ изъ края за участіе въ мятежѣ или политическую неблагонадежность [1].

Въ Царствѣ Польскомъ шла усиленная работа по преобразованію края. Подъ высшимъ наблюденіемъ намѣстника, графа Берга, хотя и не всегда въ согласіи съ нимъ, князь Черкасскій, окруженный привлеченными имъ въ составъ учредительнаго комитета русскими дѣятелями, бывшими товарищами по редакціоннымъ комиссіямъ, Соловьевымъ, Кошелевымъ и другими, примѣнялъ на мѣстѣ законоположенія, вырабатываемыя Николаемъ Милютинымъ въ Петербургѣ, проводимыя и защищаемыя имъ въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго. Въ новый 1866 годъ Николай Алексѣевичъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и Главнаго Комитета по устройству сельскаго состоянія, а въ апрѣлѣ замѣнилъ Платонова въ должности министра статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго. Всю силу своихъ дарованій напрягалъ онъ къ тому, чтобы убѣдить сочленовъ по польскому комитету въ необходимости воспользоваться состоявшимся въ концѣ 1865 года разрывомъ дипломатическихъ сношеній русскаго двора съ римскою куріей, дабы объявить лишеннымъ обязательной силы конкордатъ, заключенный съ папой въ 1847 году, не примѣнявшійся во все время Николаевскаго царствованія и снова введенный въ дѣйствіе въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.

Послѣ происшедшаго весною 1863 года обмѣна писемъ съ императоромъ Александромъ, папа Пій IX пользовался каждымъ случаемъ, чтобы выражать сочувствіе и оказывать нравственную поддержку дѣлу польскаго возстанія [2]. Предложенную ему русскимъ дворомъ присылку въ Петербургъ постояннаго нунція онъ отклонилъ, признавъ ее для себя «затруднительною» (embarassant). Мятежъ уже потухалъ, когда папа приказалъ торжественно молиться въ церквахъ за Польшу, какъ за оплотъ католической вѣры противъ вторженія ереси, прося у Бога, чтобы она была освобождена отъ политическихъ бѣдствій и чтобы всегда оставалась вѣрною своему призванію. Самъ онъ произнесъ, весною 1864 года, въ Коллегіи Пропаганды страстную рѣчь, въ которой взводилъ лично на государя обвиненіе въ томъ, что католическая церковь подвергается преслѣдованію въ его владѣніяхъ, а католики—гоненіямъ за то только, «что остаются вѣрными до смерти религіи Іисуса Христа» [3]. Это побудило рус-

[1] Высочайшее повелѣніе, 10-го декабря 1865 г.

[2] Дневникъ Н. Д. Киселева, 8-го іюня 1863 г.

[3] Рѣчь папы въ Коллегіи Пропаганды, 12-го апрѣля 1864 г.

[illegible] Римѣ, [illegible] мѣсто лишь повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ сношеніяхъ своихъ съ петербургскимъ кабинетомъ курія не стѣсняясь прибѣгала къ устрашенію, грозя возвѣстить всему свѣту рядъ притѣсненій, которымъ якобы подвергается римско-католическая церковь въ Россіи [1], на что князь Горчаковъ отвѣчалъ: «Совѣсть нашего августѣйшаго государя снимаетъ съ него нареканіе, будто онъ намѣренъ притѣснять католическую вѣру. Мы съ полнымъ спокойствіемъ будемъ ждать исполненія угрозы, которою заключается меморандумъ кардинала Антонелли». Наконецъ, 15-го декабря 1865 года, на аудіенціи у папы, когда русскій повѣренный въ дѣлахъ баронъ Мейендорфъ на жалобы его святѣйшества отвѣтилъ, что въ Польшѣ католицизмъ самъ отождествилъ себя съ революціей, папа въ гнѣвѣ воскликнулъ: «Я уважаю и почитаю его величество императора, но не могу сказать того же о его повѣренномъ въ дѣлахъ, который, конечно, въ противность его волѣ, оскорбляетъ меня въ собственномъ моемъ кабинетѣ». Послѣдствіемъ этой сцены было приказаніе Мейендорфу объявить кардиналу-государственному секретарю, что, въ виду словъ, сказанныхъ ему папою, его политическая миссія окончена, такъ какъ государь императоръ не можетъ оставить при св. престолѣ представителя интересовъ Россіи, достоинство котораго не ограждено отъ враждебныхъ посягательствъ. Кардиналъ Антонелли отвѣчалъ: что со дня заявленія барона Мейендорфа и римскій дворъ не признаетъ болѣе существованія русской миссіи; что если папа не прислалъ ему еще паспорты для выѣзда, то потому только, что зналъ о намѣреніи его въ скоромъ времени оставить Римъ; что кардиналъ не настаивалъ на его удаленіи для того, чтобы дать ему возможность окончить передъ отъѣздомъ текущія дѣла миссіи; что папа не приметъ назначеннаго русскимъ дворомъ его преемника и не желаетъ возстановленія русской миссіи въ Римѣ; что же касается до русскихъ подданныхъ, то Мейендорфъ можетъ ввѣрить ихъ защиту представителю какой-либо другой державы. Заключительное заявленіе князя Горчакова было: «Въ виду того, что папа принялъ починъ разрыва, государь императоръ отклоняетъ отъ себя отвѣтственность за всѣ могущія произойти отъ того послѣдствія» [2].

Николай Милютинъ находилъ эту минуту какъ нельзя болѣе благопріятною для того, чтобы освободить русское правительство отъ стѣснительныхъ обязательствъ, наложенныхъ на него конкордатомъ. Въ концѣ 1866 года онъ съ жаромъ развивалъ эту мысль въ засѣданіи комитета по дѣламъ Царства Польскаго и успѣлъ склонить на свою сторону

---

1 Меморандумъ кардинала Антонелли, 30-го января 1865 г.

2 Меморандумъ, приложенный къ циркуляру князя Горчакова 7-го января 1867 г.

большинство его членовъ. Но въ тотъ же день его постигъ ударъ паралича, устранившій его отъ государственной дѣятельности до самой смерти, послѣдовавшей въ 1872 году.

Конкордатъ съ Римомъ упраздненъ высочайшимъ указомъ отъ 27-го ноября 1866 года [1].

[1] Акты и документы о государственныхъ преобразованіяхъ въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ въ Архивѣ Государственнаго Совѣта. Переписка съ римскою куріею — въ С.-Петербургскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.